

**ИЗ ИСТОРИИ
СЕРБИИ
И РУССКО-СЕРБСКИХ
СВЯЗЕЙ**

1812—1912—2012

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ РОССИИ И СЕРБИИ

ИЗ ИСТОРИИ
СЕРБИИ
И РУССКО-СЕРБСКИХ
СВЯЗЕЙ
1812—1912—2012

МОСКВА
2014

УДК 94(47)
ББК -6*63.3(2-4Юго)
ИЗ2

Редакционная коллегия:
д.и.н. *К.В. Никифоров* (ответственный редактор),
к.и.н. *А.А. Силкин*, д.и.н. *А.Л. Шемякин*

Рецензенты:
д.и.н. *В.И. Косик*,
к.и.н. *О.А. Дубовик*

ИЗ2 **Из истории** Сербии и русско-сербских связей. 1812—1912—
2012 / отв. ред. К.В. Никифоров. — М.: Институт славяноведения
РАН, 2014. — 512 с.

ISBN 978-5-7576-0313-1

В сборнике силами российских и сербских историков предпринята попытка рассмотреть важнейшие проблемы и события сербской истории и русско-сербских связей на большом хронологическом отрезке — от Первого сербского восстания до сегодняшнего дня. Впервые публикуется ряд документов о советско-югославских отношениях, которые дают возможность ощутить живое дыхание того уже достаточно отдаленного от нас времени.

Книга адресуется специалистам и всем, неравнодушным к сербской истории.

УДК 94(47)
ББК -6*63.3(2-4Юго)

ISBN 978-5-7576-0313-1

© Институт славяноведения РАН, 2014
© Коллектив авторов, текст, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник, который читатель держит в руках, имеет в своей основе доклады, прочитанные в Москве 7—8 июня 2012 г. на конференции «Россия и Сербия. 1812—1912—2012». Конференция проходила в рамках третьего заседания Комиссии историков России и Сербии, ведущей свое начало еще от Комиссии историков СССР и СФРЮ (действовавшей в 1974—1991 гг.). Комиссия историков России и Сербии возникла после пятнадцатилетней паузы, в 2006 г. и успела провести три заседания-конференции: в 2008 г. — в Москве, в 2010 г. — в Белграде и в 2010 г. — опять в Москве.

По итогам первых двух конференций увидели свет сборники «Россия и Сербия глазами историков двух стран»¹ и «Сербско-русские отношения. Начало XVIII — конец XX в.»². Первый сборник был посвящен вопросам историографии. С этого всегда полезно начинать после большого перерыва: понять, на каком уровне развития находится изучение нашей совместной истории, какие существуют лакуны, определить вектор дальнейших исследований. Второй сборник представлял собой широкую палитру работ по русско-сербским (советско-югославским, российско-сербским) отношениям за 300 последних лет. Причем рассматривалось не только политико-дипломати-

ческое или военное взаимодействие двух стран, но и сотрудничество в сфере культуры, церковных отношений и даже атомной энергетики.

Теперь свет увидел третий сборник. Уже из его названия видно, что хронологически он вновь относится к новой и новейшей истории Сербии, рассматриваемой сквозь призму международных отношений и прежде всего — на фоне того отношения, которое складывалось к сербским событиям в Петербурге и Москве. Достаточно условно сборник привязан к трем датам, своего рода вехам — 1812 г., 1912 г. и 2012 г. Первые две даты — наполеоновские и Балканские войны — важные рубежи в мировой истории, ознаменовавшие резкую смену международных отношений. После Венского конгресса 1815 г. возникла, как известно, система «европейского концерта наций», а через сто лет — система Версальских договоров 1919—1920 гг. Последняя дата в названии конференции — 2012-й год — условная, обозначающая лишь время проведения конференции, то есть наши дни. Впрочем, и в наши дни еще не закончилось формирование новой системы международных отношений, пришедшей на смену Ялтинско-Потсдамскому миру. Очертания новой системы становятся то яснее, то снова запутаннее.

Предложенный читателю сборник разделен на три части. В первой из них предпринята попытка на сравнительно больших временных отрезках проследить определенные закономерности сербской истории, часто имеющие в своей основе пережитки традиционного общества. Впрочем, перегруженной остатками традиционного общества была и многолетняя защитница Сербии — царская Россия. Вследствие этого, попытки догоняющей модернизации двух стран во многом совпадали: конец XIX — начало XX в. — имитирующая модернизация, т.е. европеизация или вестернизация (в Сербии она продолжалась до середины XX в., в России — до 1917 г.), затем — альтернативная модернизация и наконец, с 1990-х годов — вновь имитирующая.

Второй большой раздел сборника посвящен конкретным вопросам сербской истории и русско-сербских связей. Свое

отражение получили многие узловые проблемы сербской истории на большом хронологическом отрезке в двести с лишним лет — от Первого сербского восстания до наших дней. Силами российских и сербских историков рассматриваются вопросы, связанные с такими узловыми сюжетами сербской истории, как Бухарестский мир 1812 г. с его знаменитой XVIII статьей, активность славянских деятелей в период Крымской войны; дипломатическая борьба от Сан-Стефано до Берлинского конгресса; Майский переворот в Сербии в 1903 г.; аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г. и активность держав в связи с начавшимися Балканскими войнами. Две статьи посвящены исканиям левой сербской интеллигенции в межвоенный период и государственному перевороту в Югославии 27 марта 1941 г. В обеих их них, кстати, фигурирует неоднозначная личность белградского адвоката Драгиши Васича. Во всех упомянутых мировых и сербских событиях Россия активно участвовала или ее в таковом участии обвиняли другие (упомянем в связи с этим белградские перевороты в мае 1903 и марте 1941 гг.). Еще две статьи сборника посвящены очередным зигзагам в советско-югославских отношениях во второй половине 50-х — начале 60-х годов XX в. и еще две статьи — переговорам вокруг статуса Косово и его северной части в начале нынешнего XXI в., когда Россия попыталась вновь сыграть на Балканах присущую ей некогда немаловажную роль.

Сборник заканчивается разделом, представленным тремя публикациями, — документом из 1933 г., хорошо характеризующий югославский режим перед гибелью Александра Карагеоргиевича, и двумя документами о советско-югославских отношениях, речь в которых идет о беседах Н.С. Хрущева с югославскими журналистами в мае 1957 г. и с Й. Брозом-Тито в августе 1963 г. Публикации хорошо дополняют статьи по конкретно-историческим сюжетам из второго раздела сборника и дают возможность ощутить живое дыхание уже достаточно отдаленных от нас времен.

Сборники статей, как правило, отражают текущий научный процесс лучше и точнее, чем монографии или обобщающие

труды. Первые фиксируют момент, вторые — этапы. Таков и нынешний сборник. На наш взгляд, он в определенной мере фиксирует современный момент развития сербистики — как в самой Сербии, так и в России.

Константин Никифоров

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб., 2010.

² Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века. Београд, 2011.

РАЗДЕЛ I

В ПУТАХ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Р.Н. ИГНАТЬЕВ

«Последние времена»
и традиционное общество
в Сербии и России
(1812—1912—2012)

В своей работе мне хотелось бы привлечь внимание к хронологии, вынесенной на обсуждение конференции. Последняя дата — 2012 — весьма условна и обозначает скорее наше время, или актуальность, первые же содержат вполне устойчивое историческое значение. Разделенные столетием, эти даты не только указывают на совместную историю наших стран, но еще и отражают крутые повороты в общественно-политической жизни, вызывавшие «апокалиптические» настроения, или дискурс о «последних временах».

1812

Обращаясь к 1812 году в судьбе России, нельзя не вспомнить тему Наполеон = антихрист, прозвучавшую широко в объявлении Синода перед кампанией 1807 г. В нем утверждалось приготовление императора французов к провозглашению себя лжемессией при помощи богопротивного еврейского собора «сангедрина»: «Он дерзает против Бога и России: явите себя защитниками славы его и верными ее сынами. Отринув мысли о правосудии Божиим, он мечтает в буйстве своем, с помощью ненавистников имени христианского и способников его нечестия, иудеев, похитить (о чем каждому человеку и помыслить ужасно!) священное имя Мессии; покажите ему, что он тварь, совестью сожженная и достойная презрения. Благодать Божия отступила от него, ни что уже не соединит его с Богом, которому он сделался столь ужасно неверным...»¹.

Радикальная идея, впрочем дезавуированная тогда, как и пятью годами позже², имела тем не менее вполне подготовленную почву в народной среде: «вера, что Наполеон — антихрист, возникла и держалась преимущественно среди народа, а не между учеными богословами», — «живуча в народе вера в антихриста», особенно в сектантской среде³.

Эпизоды, противоречившие народному мировоззрению, легко разъяснялись его же логикой: встреча в июне 1807 г. двух императоров на плоту, а в глазах простолюдина православно-го царя с нехристом («страшный грех!»), могла пониматься, как наша хитроумная уловка — плот мол и сделан, чтобы «сперва окрестить Бонапартия в реке»⁴.

Гибкость народной мысли контрастирует со стилистической пестротой ростопчинских объявлений 1812 г. В первом из них натужное молодечество: «Тут жгутами девки так припопоят, что спина вздуется горой. Полно демоном-то наряжаться: молитву сотворим, так до петухов сгинешь! Сиди-тко лучше дома да играй в жмурки либо в гулючки»⁵; в послании № 17 печальная сводка событий: «Крестьяне, жители Московской губернии! Враг рода человеческого, наказание Божие за грехи наши, дьявольское наваждение, злой француз взошел в Москву: предал ее мечу, пламени; ограбил храмы Божии; осквернил алтари непотребствами, сосуды пьянством, посмешищем; надевал ризы вместо попон; посорвал оклады, венцы со святых икон; поставил лошадей в церкви православной веры нашей, разграбил дома, имущества; наругался над женами, дочерьми, детьми малолетними; осквернил кладбища и, до второго пришествия, тронул из земли кости покойников, предков наших родителей; заловил, кого мог, и заставил таскать, вместо лошадей, им краденое; морит наших с голоду»⁶.

В Сербии того времени мы не находим «апокалиптической» темы. Один митрополит Белградский Леонтий перед катастрофой 1813 г. распускает слухи о том, что рака «святого короля» из Студеницы поскрипывает, предупреждая о гибели Сербии, и что спасется только тот, у кого есть лодка, чтобы через Дунай сбежать к австрийцам⁷. «Хоће да се сели», — образно сообщает о поскрипывающей раке Й. Цвиич в своих рассуждениях о «мистической логике» «динарских людей»⁸. Отметим, что рака «святого короля» с весны 1806 г. уже находилась вне Студени-

цы, — в монастыре Врачевшница, а в 1813 г. ее перевезли в монастырь Фенек в Среме.

Еще известно о появлении пророков и колдунов в последние годы правления Карагеоргия, предсказывавших об оставлении «верховным вождем» страны и триумфе турок⁹. Вместе с тем, вторжение Наполеона в Россию могло восприниматься здесь, как направленное «против нашего Православия»¹⁰. Важнее, однако, оказывается эксплуатация образа старого врага: в июне 1813 г. в прокламации о «народной священной войне» Карагеоргий призывает народ на «святой бой против турок за спасение православной веры, отечества и свободы народной». Священники и монахи во всех церквях и монастырях устраивают бдения о победе сербского оружия над христианским неприятелем¹¹.

В изысканной форме и на широкой международной арене реализуются апокалиптические переживания Александра I. Трактат «Братского Христианского Союза», подписанный Россией, Австрией и Пруссией 26 сентября 1813 г., начинается с формулы: «Во имя Пресвятой и нераздельной Троицы»¹².

Основная мысль выражена в преамбуле: «предлежащий державам образ взаимных отношений подчинить высоким истинам, внушаемым вечным Законом Бога Спасителя». Во внутренних и внешних делах «руководствоваться не иными какими-либо, как Заповедями сей Святой Веры, Заповедями любви, правды и мира, которые *отнодь не ограничиваясь приложением их единственно к частной жизни, должны действовать напротив того непосредственно управлять волею Царей и водительствовать всеми их деяниями*, яко единое средство, утверждающее человеческие постановления и вознаграждающее их несовершенство»¹³.

Согласно первой статье трактата, «соответственно словам Священных Писаний, повелевающих всем людям быть братьями», монархи, *«почитая себя как бы единосемцами»*, «станут подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь», «в отношении же к подданным и войскам своим, они, *как отцы семейств, будут управлять ими в том же духе братства, которым они одушевлены*, для охранения веры, мира и правды»¹⁴.

Как сказано во второй статье, власти и их подданные обязуются *«почитать всех себя как бы членами единого народа христианского»*¹⁵. «Самодержец народа Христианского, ко-

его они (союзные государи — Р.И.) и их подданные составляют часть» — Иисус Христос, — «в нем едином обретаются сокровища любви, ведения и премудрости бесконечной, то есть, Бог, наш Божественный Спаситель Иисус Христос, Глагол Всевышнего, Слово жизни». Поэтому государи «с нежнейшим попечением» убеждают подданных «утвердиться в правилах и деятельном исполнении обязанностей, в которых наставил человек Божественный Спаситель, аки единственное средство наслаждаться *миром, который истекает от доброй совести и который един прочен*»¹⁶.

Трактат подпишут «во благо судеб человеческих» многие страны, за исключением папы и турецкого султана. В манифесте о заключении Священного союза, обнародованном и прочитанном в церквях, Александр I провозглашает основной целью государств = монархов = подданных «жить, аки братьям, не во вражде и злобе, но в мире и любви»¹⁷. По мнению В. Надлера, именно Священный союз «послужил нравственной основой той крепкой политической системы, на которой покоились в течение целых трех десятилетий мир и согласие в среде европейских государств», и «христианский идеал братского Священного союза... не утратил и не утратит никогда своего высоконравственного значения». «Идея вечного мира остается пока благочестивым желанием, но несомненно, что эта идея завоюет мир, что ей принадлежит будущее»¹⁸.

С точки зрения Г. Флоровского, «Отечественная война многими была пережита и осмыслена именно как Апокалиптическая борьба, — “суд Божий на ледяных полях”. И низложение Наполеона было истолковано как победа над Зверем»¹⁹. «В таком настроении был задуман и заключен Священный Союз. Этот замысел предполагал такую же веру во всемогущество благородного Законодателя, изобретающего или учреждающего вселенский мир и всеобщее блаженство, что и политические теории Просветительного века. Этой идеи не нужно было подсказывать Александру. Он сам ее подслушал в хитросплетении событий... Священный Союз был задуман как некое предварение Тысячелетнего царства»²⁰.

Итак, «священная война» сербов и «священный союз» русских предстают двумя сторонами одной медали: действие к достижению «вечного мира» и сам «вечный мир». При этом породилось две тенденции, и обе они были направлены против

статус-кво: революционная и охранительная. Обе они приближали конец учрежденного «всеобщего блаженства».

Перед нами — пример того, как ценности индивидуума оказываются приложены в сфере международного права, «нежнейшее попечение» силой оружия охватывает христианскую ойкумену и предупреждает революционные дерзости. С другой стороны, «священному» нужно соответствовать. Карагеоргий издает прокламацию о «народной священной войне» и одновременно интересуется у российских представителей деталями своей эвакуации в Россию²¹. Остается только догадываться, сделал ли все-таки Александр I выбор в пользу индивидуального спасения.

1912

Вторая из обсуждаемых нами дат — 1912 год, открывающий Балканские войны. К этому времени трансформирующееся сербское общество исторгло из себя «креманско пророчанство». Очевидно, что этот феномен не был локальным. Так, В. Чайканович приводит свидетельство участника Первой мировой войны, сербского ученого Светолика Стевановича. В том же 1915 г. в с. Пажиичи около Даниловграда он слышит от одного старика пророчество, сходное с креманским, но выглядевшее самостоятельным. Согласно пророчеству, Сербию освободит человек, прибывший с востока на белом коне и имеющий увечь. С ним наступит золотой век²². Чайканович делает важный вывод: в подобных случаях не следует говорить о каком-либо видении или личном переживании индивидуума. Источник мессианских пророчеств он усматривает в «апокалиптических представлениях, устремлениях, традициях народа в целом»²³.

Воюющую страну захватывает мистика. Так, Й. Цвиич в 1915 г. слышит от крестьян из высокогорных сел Копаоника, идущих в Студеницу молиться о спасении Сербии студеницким святым, о том, что по дороге они увидели девочку, сидевшую на камне. Узнав, куда они держат путь, девочка сказала: «Идите в монастырь, раз решили, но святых там не сыскать — все они отправились спасать сербскую армию»²⁴.

Спонтанно поднимается движение «богомольцев»²⁵. Сходный феномен под названием «побожни» («набожные») люди,

«богомольцы», «евангелисты», был известен в Карловацкой митрополии с середины XIX века. Обыкновенно они собирались на дому или в общественном месте по воскресеньям и праздникам, читали Евангелие, молитвы и пели церковные песни. «Побожни» посещали церковь, исповедовались, причащались, посещали монастыри²⁶.

На Салоникском фронте «богомольцами» стали солдаты, молившиеся несколько раз в день о том, чтобы остаться в живых. Грамотные из них приобретали в Салониках Новый Завет, и начиналось чтение вслух. Во время отдыха от ратных трудов «богомольцы» посещали местные сельские церкви²⁷. Возникали опасения, не назарены ли они, которые отвергают военную службу. Но солдаты лишь ревностно соблюдали христианские правила²⁸.

Сходный процесс шел в Сербии: здесь молились за благополучное возвращение родных и посещали церковь. После окончания войны многие из благодарности продолжали молиться²⁹. Со стороны властей было осуществлено некоторое организационное устройство движения, в частности, оно получило название «Народный христианский союз».

В банатском селе Бока «богомольцы» обращались друг к другу «брат» и «сестра», посещали все службы и, когда читалось Евангелие, становились на колени. Зимой по воскресеньям и праздникам вечерами собирались у кого-нибудь дома, летом по воскресеньям и праздникам во второй половине дня шли «на водицу», целебный источник³⁰. Во время этих собраний читали Священное Писание. На собрания приходили «побожни» из других сел. В 1938 году братство в Боке насчитывало 38 человек³¹.

Среда «богомольцев» была неоднородной. Некоторые члены Народного христианского союза переходили затем к назаренам.

Выделялись и «богомольцы спиритического направления», или «духовняки», занимавшиеся спиритизмом на своих собраниях, но посещавшие церковь. Они, правда, не были связаны с церковным богомольческим движением³².

Защитником и лидером «богомольцев» стал известный деятель сербской православной церкви Николай Велимирович (1880—1956), обратившийся в 1921 г. к священству с призывом в отношении «побожных»: «Не отвергайте их»³³. Действитель-

но, многие священники и иерархи смотрели на них настороженно, ведь опыта работы с подобным движением «снизу» у церкви не имелось. В Белградском университете функционировал созданный по английскому образцу Христианский студенческий союз, издававший религиозно-моральную литературу³⁴. Но ни он, ни другая аватара англосаксонского благочестия — Христианский союз молодых людей, — ни попытки создать Женское христианское движение явного успеха не имели³⁵.

Николай имел к тому времени славу патриота и родолюбца. Признавалась его и М. Пупина роль в знакомстве англоязычного мира с сербами и сербской церковью в тяжелые военные годы³⁶. Благодаря ораторскому искусству и артистичности он был восторженно принимаем в Англии и США. Из-под его пера выходили вполне экуменистские тексты, публикуемые, в частности, английским Христианским студенческим союзом³⁷, или англофильские суждения³⁸. Развивалась им и мысль о сотрудничестве между католической и православной церквями южных славян при строительстве нового общего государства³⁹. Иногда без особенной аргументации упоминается о масонстве Николая⁴⁰. Б. Карапанджич возражает на это, ссылаясь, в частности, на письмо владыки от 25 февраля 1956 г., в котором тот приводит суждение Русской и Греческой церковей о масонстве как о «нехристианской организации, которая подрывает Церковь Христову»⁴¹.

В. Еротич характеризует его в то время как автора текстов, в которых, помимо англиканства, прослеживается влияние «масонов, теософов и антропософов». Переворот Николая случается при встрече с богомольцами Сербии и Македонии⁴².

Жизнь «богомольца» была пронизана мистикой. На экземпляре «Охридского пролога» епископа Николая (1928 г.) из села Бока имеется запись, сделанная местной жительницей, о чуде в монастыре Джюнис около Крушеваца, где в конце XIX века уже состоялось явление Богородицы девочке Милойке. Автор записи описывает явление ей Пресвятой Девы во время службы⁴³.

Николай оставил нам немало описаний чудесных мистических случаев⁴⁴. Но не в последнюю очередь переворот его обязан влиянию русской эмиграции и событиям русской революции. Каким оно было глубоким, можно судить по тому факту, что совсем недавно в церкви св. Спаса в монастыре Жича

была обнаружена единственная в Сербии фреска с ликом императора Николая II. По благословению епископа Николая церковь расписывал в 1937 г. барон Н. Мейендорф⁴⁵.

Велимировича занимает будущее: «Ясно же то, что ни славянская, ни мировая миссия России состоит не в том, что сейчас происходит в России, а в том, что будет происходить, когда революция окончится»⁴⁶. В 1932 г. в одной из его публикаций, адресованной студентам-богословам, была представлена глава «Признаки конца света», в которой владыка подчеркивает роль миссионеров и в конце мира — ничто не помешает им действовать⁴⁷.

Тем временем, часть русской эмиграции живет чувствами «последних времен». В феврале 1925 г. митрополит Вениамин (Федченков), находясь в боснийской Билече, в письмах своему корреспонденту в Париже излагает свою точку зрения на распространившиеся «хилиастические чаяния». Федченков привлекает наблюдение С. Н. Дурьлина: в эпоху строительства российского государства подобных ожиданий не имелось. Раскол внес лепту, но «еще более наших предков поразило падение православия на верхах и влияние “безбожного” Запада. В этом последнем была, несомненно, главная причина ожиданий антихриста»⁴⁸. Все потому, что «душа человеческая по всему миру почувствовала собственное умирание. Тело “обожествилось”, — “бог чрево” (говорил ап. Павел); а душа — в загоне, или же и совсем отрицается. “Культура” — только материальная; на дух — гонение. Это поняли европейцы. И наши предки почувствовали, — да еще и раньше их, ибо были более здоровы духом»⁴⁹. «Особенно “бодрствовать” придется потому, что будет “разделение” — повсюду: в семьях, в друзьях, в светском, в церковном мире! О! как это ни больно, но как трудно разбираться будет... “Мы — православные”. “Нет — мы”... “И не вы, и не те, а мы — третьи”. Скорбей разделений нужно ждать и в Церкви. В России это уже совершается (живая церковь, Украинская самосвятская и т. д.). Кажется, должно произойти и за границей... Помогите нам, Господи! Это и больно, и страшно, и потребуются мужество...»⁵⁰ «А нынешние люди от спиритизма бросаются... в Апокалипсис...»⁵¹.

28 августа 1932 г. вышло Окружное послание Собора архиепископов Русской Православной Церкви за границей относительно масонства, осуждающее его. В послании сделан акцент на

«присущее евреям» богоборство и связь с масонством иудаизма. Священный Собор осуждает за «сродство» с масонством УМСА, Христианский Союз молодых людей⁵². УМСА и сочувствовавшие ему русские эмигранты критиковались и прежде⁵³, в том числе с антисемитских позиций⁵⁴.

Не избегает «еврейско-масонской» тематики и Велимирович. В одном из писем миссионерского характера Николая обращается к «русской трагедии»: «Насколько мне известно, с Россией приключилась беда не за грехи русского народа, но за грехи одной только части русской “интеллигенции”, а именно из-за иудаизированной русской интеллигенции»⁵⁵.

Одни подвергаются жесткой критике антисемитские высказывания Николая⁵⁶, другие не менее жестко возражают⁵⁷. Сам владыка не стеснялся выражать свою точку зрения публично, как, например, в июле 1936 г. на собрании священства епархии Жичкой с участием председателя правительства М. Стоядиновича⁵⁸. С началом Второй мировой войны он поднимает голос в защиту евреев⁵⁹.

Однако раздел XLII сочинения «Через тюремное окошко», написанного Николаем в концлагере Дахау, содержит отсылку к «Протоколам сионских мудрецов»⁶⁰. В русском переводе, опубликованном в 2010 г., он звучит так: «Какое современное название можно было бы дать Ветхому Завету? Это судебный протокол процесса между Богом и народом — народом, в ту пору избранным... В наше время опубликованы тайные протоколы так называемых Сионских мудрецов; это еврейская программа, направленная на покорение всего мира. В этих протоколах нет ни Бога, ни пророческого слова, ни завета, ни небесной святости; словом — нет небесной печати. И потому выходит, что это пустой журналистский документ. Эти современные иудейские протоколы насчитывают около сотни страниц. А протоколы суда между Богом и еврейским народом составляют порядка тысячи страниц»⁶¹.

В разделе LXXVII текст приобретает обвинительную антисемитскую окраску⁶², потому, вероятно, оказывается пропущенным в русском переводе⁶³.

С точки зрения В. Еротича, перед Николаем стоял выбор между патриотизмом, национализмом и шовинизмом. Накануне Второй мировой войны тот склонился к национализму: «Христианский патриот Николай стал христианским наци-

оналистом Николаем». Сербь в его понимании — новый избранный народ, что доказывают их страдания⁶⁴. Для Николая, выходяца из патриархальной среды, был фактически исключен путь индивидуального спасения, приемлемо было только «коллективное спасение»⁶⁵. «Малая Сербия», «малый сербский народ» почти не имели опыта христианской мистики⁶⁶. Николай «национализировал» себя, превратившись из православного патриота в «национального сербского православного»⁶⁷. Но его любимое детище, «сербский народ», стремительно вестернизировался благодаря интеллигенции и, подобно другим, также мог «отпасть»⁶⁸. И здесь самым важным для Николая, по мнению Еротича, остается быть с Христом, несмотря на гибель современных христианских государств и народов⁶⁹.

В определенном смысле последний тезис подкрепляется своеобразным гимном «нашей древней балканской цивилизации»: «Я считаю византийско-славянскую цивилизацию здесь на юге единственной цивилизацией, которая была в истории нашего народа, которую он воспринял не шаблонно и не подражал, но творчески участвовал в ее создании, выступая помощником выдающихся греков, учась у них»⁷⁰. «Она нашла чудесное воплощение как в Святой Софии и других храмах на Балканах, так и во множестве простых и примитивных сельских и городских построек; как в роскошном одеянии Палеологов и Душана, так и в гениально скроенной одежде дебарских крестьян и крестьянок; как в резьбе по дереву, так и в иконографии; как в нигде более не встречающемся прекрасном и беспорочном танце на народных саборах, так и в тихой одинокой пастушеской песне в горах; как в английской сдержанности в речи, так и в изощренном и изысканном этикете при всякой встрече человека с человеком; как в беспримерном терпении в жизни, так и в совершенной безропотности и тишине перед лицом смерти»⁷¹.

Эта цивилизация в глазах Николая, несомненно, христианская. *При этом она, по природе не исключительно сербская, выводит, и вероятно, выводила всегда, членов патриархального общества на перекрестки культурного обмена.* В то же время отметим, как владыка в одном из текстов соединяет между собой два факта: 1) в 1812 г., когда Наполеон напал на Россию, Карагеоргий распоряжается через митрополита Леонтия во всех церквях проводить молебны о победе «над неприятелем».

лем рода славянского», и 2) свою прокламацию 1813 г. Карагеоргий завершает молитвой к Богу: «Боже, помилуй и охрабри народ сербский и сердца сынов сербских. Аминь. Боже всемогущий, разори и победи силу турецкую, которая надумала разрушить благочестие твое. Аминь»⁷².

Можно любить «избранный народ», но всегда существует риск остаться в пронзительном меньшинстве, как владыка Николай перед гробом Д. Лютича, «христианского государственника», в апреле 1945 г.⁷³

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIX (1806—1807). СПб., 1830. С. 928—930.

² *Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию 1812 г. // Сочинения в двенадцати томах. Т. 7. М., 1959. С. 644—645.

³ *Беляев А.* О безбожии и антихристе. Т. 1. Сергиев Посад, 1898. С. 965—967.

⁴ *Вяземский П. А.* Старая записная книжка // Полное собрание сочинений. Т. VIII. СПб., 1883. С. 255.

⁵ Афиши 1812 года, или дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее. 1 июля.

⁶ Афиши 1812 года, или дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее. 20 сентября.

⁷ Сербіе плачевно пакипорабощеніє лѣта 1813. Въ Млѣткахъ, л. 1815. С. 86—87. Репринт: Србије жалосно поновно поробљење 1813. године. Београд, 2009.

⁸ *Цвијић Ј.* Балканско полуострво. 2 изд. Београд, 1991. С. 347.

⁹ *Милићевић М.* Поменик знаменитих људи у српског народа новијега доба. Београд, 1888. С. 548.

¹⁰ Сербіе плачевно пакипорабощеніє лѣта 1813. Въ Млѣткахъ, л. 1815. С. 67—68.

¹¹ Цит. по: *Ненадовић К.* Живот и дела великог Ђорђа Петровић Кара-Ђорђа. Књ. I. Београд, 1903. С. 302.

¹² Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. XXXIII. СПб., 1833. С. 279—280.

¹³ Там же. С. 279.

¹⁴ Там же. С. 279.

¹⁵ Там же. С. 279.

¹⁶ Там же. С. 279—280.

- ¹⁷ Там же. С. 417.
- ¹⁸ *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного союза. Т. В. Рига, 1892. С. 642—643.
- ¹⁹ *Флоровский Г.* Пути русского богословия. М., 2009. С. 171.
- ²⁰ Там же. С. 173.
- ²¹ *Гавриловић М.* Милош Обреновић. Књ. 1 (1813—1820). Београд, 1908. С. 32—34.
- ²² *Чајкановић В.* О врховном богу у старој српској религији. Београд, 1994. С. 136—137.
- ²³ Там же. С. 137.
- ²⁴ *Цвијић Ј.* Балканско полуострво. 2 изд. Београд, 1991. С. 347.
- ²⁵ О веках движения и организационном аспекте см.: Хризостом, епископ. Тихи глас. Беседе и чланци. Београд, 1991. Р. 229—253.
- ²⁶ *Слијепчевић Ђ.* Историја српске православне цркве. Књ. 2. Београд, 1991. С. 145—146.
- ²⁷ *Марјановић Ч.* Наша религиозност и питање о уређењу свештеничког стања. Београд, 1928. С. 5—6.
- ²⁸ *Слијепчевић Ђ.* Историја српске православне цркве. Књ. 2. Београд, 1991. С. 386.
- ²⁹ *Марјановић Ч.* Наша религиозност и питање о уређењу свештеничког стања. Београд, 1928. С. 6.
- ³⁰ В межвоенный период «богомольцы» выстроили значительное количество капелл у источников: *Ђекић М.* Водице у Војводини. Београд, 2001. С. 13.
- ³¹ *Вечански Л.* Бока у Банату. Панчево, 2003. С. 224.
- ³² *Милин Л.* Научно оправдање религије. Апологетика. Књ. 6. Бања Лука, 2001. С. 138.
- ³³ Владика Николај. Изабрана дела. Књ. 15. Ваљево, 1997. С. 11—14.
- ³⁴ *Грујић Р.* Православна српска црква. Београд, 1921. С. 160.
- ³⁵ *Марјановић Ч.* Наша религиозност и питање о уређењу свештеничког стања. Београд, 1928. С. 5.
- ³⁶ *Грујић Р.* Православна српска црква. Београд, 1921. С. 175.
- ³⁷ Например, *Velimirovic N.* The Agony of the Church. London, 1917.
- ³⁸ *Velimirovic N.* Serbia in Light and Darkness. London, 1916. Р. 3—23; *Velimirovic N.* The Soul of Serbia. London, 1916. Р. 75—96.
- ³⁹ *Velimirovich N.* Two Churches in one Nation. New York, s.a.
- ⁴⁰ См. анонимное эссе (Br.:J) «Kako sam postao Slobodni Zidar» на сайте <http://aurora.rgls.org>.
- ⁴¹ *Карананчић Б.* Владика Николај није био масон // Ревизија Колубара. Фебруар 2005. Бр. 130 (<http://revija.kolubara.info>).
- ⁴² *Јеротић В.* Вера и нација. Београд, 2007. С. 239.
- ⁴³ *Вечански Л.* Бока у Банату. Панчево, 2003. С. 225.

⁴⁴ См. на русском языке: Святитель Николай Сербский (Велимирович). Творения: С нами Бог. М., 2010; Святитель Николай Сербский (Велимирович). Чудеса Божии. Минск, 2013.

⁴⁵ Vesti online. 04.03.2012 (<http://www.vesti-online.com>).

⁴⁶ Владика Николај. Мисионарска писма. Зрењанин, 2004. Цит. Интернет-издание: <http://www.svetosavlje.org>.

⁴⁷ Святитель Николай (Велимирович). Символы и сигналы. М., 2003. С. 88—89.

⁴⁸ Митрополит Вениамин (Федченков). О конце мира // Альфа и Омега. 1997. № 1 (12). Цит. по: Архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Избранное. М., 2012. С. 589.

⁴⁹ Там же. С. 591.

⁵⁰ Там же. С. 600.

⁵¹ Там же. С. 609.

⁵² Русская Православная Церковь за границей: 1918—1968 / Под ред. А. А. Соллогуба. Нью-Йорк, 1968. Т. 1.

⁵³ См. подробнее: Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994 [1947]; За рубежом: Белград — Париж — Оксфорд: Хроника семи Зерновых (1921—1972). Париж, 1973.

⁵⁴ Например, *Бостунич Г.* Масонство и русская революция. Правда мистическая и правда реальная. Новый Сад, 1922. С. 123.

⁵⁵ Владика Николај. Мисионарска писма. Зрењанин, 2004. Цит. Интернет-издание: <http://www.svetosavlje.org>.

⁵⁶ *Byford J.* Potiskivanje i poricanje antisemitizma. Sećanje na vladiku Nikolaja Velimirovića u savremenoj srpskoj pravoslavnoj kulturi. Beograd, 2005.

⁵⁷ *Димитријевић В.* Оклеветани светац. Владика Николај и србофобија. Горњи Милановац, 2007.

⁵⁸ *Koljanin M.* Srpska pravoslavna crkva i jevrejsko pitanje // Istorija 20. veka. 2010. Vol. 28. Br. 1. S. 30.

⁵⁹ Там же. С. 33—38.

⁶⁰ Свети Владика Николај Жички. Изабрана дела. Књ. 7. Део 2. Ваљево, 1997. Цит. интернет-издание: <http://www.svetosavlje.org.y>

⁶¹ Святитель Николай Сербский (Велимирович). Творения: С нами Бог. М., 2010. С. 268—269.

⁶² Свети Владика Николај Жички. Изабрана дела. Књ. 7. Део 2. Ваљево, 1997. Цит. интернет-издание: <http://www.svetosavlje.org.y>

⁶³ Святитель Николай Сербский (Велимирович). Творения: С нами Бог. М., 2010. С. 391.

⁶⁴ *Јеротић В.* Вера и нација. Београд, 2007. С. 241.

⁶⁵ Там же. С. 248—250.

⁶⁶ Там же. С. 248—250.

⁶⁷ Там же. С. 251.

⁶⁸ Там же. С. 255—257.

⁶⁹ Там же. С. 261—263.

⁷⁰ *Велимировић Н.* Старине или старудије. Пред рушењем целе једне цивилизације // Политика. 7825. 15 фебруар 1930. С. 2.

⁷¹ Там же.

⁷² Св. епископ Николај (Велимировић). Православни витез: неколико одлика Вожда Карађорђа // Косово и Видовдан. Шабац, 1988. Цит. интернет-издание: <http://www.rastko.rs>.

⁷³ *Каранџић Б.* Грађански рат у Србији 1941—1945. Ваљево, 2010. С. 380—381.

Р.П. ГРИШИНА, А.Л. ШЕМЯКИН

Трудный путь к европейской
цивилизации: Сербия и Болгария
в конце XIX — начале XX в.
Приоритеты развития*

«Мое имя Балканы, ее — Европа»

(Милорад Павич¹)

Военные и геополитические итоги Балканских войн 1912—1913 гг., завершивших во многом переломную эпоху в развитии всего региона, изучены достаточно полно². Чего нельзя сказать о *предыстории* произошедшего тогда поворота в судьбе балканских народов (одного из самых «крутых»!). Глубокое же его осмысление вряд ли будет плодотворным без обращения к *внутренним* реалиям балканских государств — традиционной социальной структуре, особенностям менталитета и уровню политической культуры населения и элит, взаимоотношениям власти и общества, как и их реакции на вызовы предвоенного и военного времени^{**}. Подходы к

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории».

** С начала 2000-х гг. авторы занимались разработкой этих вопросов в рамках проекта «Балканские народы в процессе модернизации (вторая половина XIX—XX в.)», поддержанном последовательно Российским гуманитарным научным фондом и секцией истории Отделения историко-филологических наук РАН. Предстояло изучить, в чем заключались особенности процесса модернизации в аграрных странах с неполной социальной структурой, зависимых внешнеполитически и приступивших к строительству собственной государственности в то время, когда на Западе расцветала идеология либерализма (идея нации-государства). Основные результаты данных исследований нашли отражение в серии проблемно-тематических изданий под общим именем «Человек на Балканах»: «Синдром отягощенной наследственности» (СПб, 2004), «Государство и его институты: гримасы политической модернизации» (СПб, 2006), «Социокультурные изме-

этой материи и попытались осуществить авторы настоящей статьи.

В Новое время государственная жизнь большинства балканских стран началась в 1878 г., когда Берлинский конгресс на высоком международном уровне признал право на суверенное существование Сербии и Черногории, а также Княжества Болгария (последнего, правда, с сохранением вассальной зависимости от Турции). И предельно важно, что берлинские статьи (при ссылке на более ранние положения Парижского трактата 1856 г.) ориентировали вновь образуемые на Балканах государства на устройство в них жизни по новой модели, а именно — «в смысле европейского строя»³. Это не совсем внятное в русском переводе выражение влекло за собой трудный для балканцев переход от *традиционных* образа жизни и типа правления (осуществлявшихся на основе повседневной общинной практики и обычного права) к *рациональному*, — когда властные отношения строятся на договоре, опираясь на закон. Не имея под собой достаточной базы, «спущенный сверху» проект политической модернизации «обернулся» на Балканах простым заимствованием западной модели управления — были приняты номинально демократические конституции, введена многопартийность, сформированы представительные органы и другие, необходимые для функционирования «буржуазного» государства институты. Сущностью такого *вестернизированного* государственно-политического строительства стала его «фанерность», т.е. имитация, а не создание нового здания. На практике сие означало, что правильно функционировать эта система не могла, вызывая постоянные сбои из-за несоответствия фундамента и надстройки. В том числе, в виде государственных переворотов, политических убийств, отсутствия стабильности. Судьба молодых государств на Балканах, «включившихся» в систему

рения модернизации на Балканах» (СПб, 2007). Позднее рамки проекта были расширены — за счет изучения взаимоотношений власти и общества на Балканах, восприятия русскими и балканцами друг друга, Балканских войн 1912—1913 гг. и др. Всего в 2002—2012 гг. опубликовано семь сборников. В настоящее время идет работа над коллективной монографией — «Особенности „новой“ южнославянской государственности (Болгария, Сербия, Черногория): „национальный идеал“ или гражданское общество? 1878—1921 гг.».

западных ценностей, стала определяться мерками пути «догоняющего развития». Однако, его эффективность и не могла быть высокой, поскольку преследуемая цель сама находилась в непрерывном развитии и все дальше и дальше удалялась от «преследователей»...

Ответа, в конечном итоге, требует вопрос: с каким же *цивилизационным* «багажом» (степень экономического развития, качество (зрелость) государственно-политических институтов; характер целей и идеалов, тревог и озабоченностей общественного сознания) народы Балкан подошли к кануну Новейшего времени? И как их национальные лидеры относились к проблеме современных им *вызовов* и выбора средств для ответа на оные в начавшемся XX в.?

Все эти «нюансы» историография «почему-то» обходит стороной, хотя, как нам думается, они весьма ощутимо повлияли на поведение Человека на Балканах в начале XX в.

* * *

Принято считать, что, несмотря на разрушения и людские потери, войны способствуют научно-техническому прогрессу — путем создания новых видов вооружений, совершенствования средств связи, повышения уровня моторизации. Но ко всем ли войнам это относится? Мировые — дают «мировые» результаты, на них работают ученые, инженеры, писатели-фантасты. А региональные?

Балканские страны в начале XX в. сами (в промышленных объемах) оружия не производили, закупая его во Франции, Германии, Италии. Всего менее — в России, поставлявшей, в основном, обмундирование и винтовки. Оттого в полях Македонии и велись орудийные дуэли «сербских» Шнейдер-Крезос с «турецкими» Круппами. Конечно, овладение европейским вооружением и современной тактикой солдатами балканских армий уже являлось прогрессом, однако и он не всегда очевиден. Так, при осаде Адрианополя и Скутари для бомбежки и разведки впервые более или менее успешно применялись аэропланы; в историю вошли осваивавшие авиацию болгарин Христо Топракчиев и серб Михайло Петрович. К сожалению, они же и открыли мировой мартиролог летных военных потерь⁴. С другой стороны, гарнизон осажденного Скутари

(тоже балканские жители), лицезрев в небе неведомые аппараты, впал в сильнейшую истерику. По словам бывшего коменданта города Эссада-паши, напуганные люди посчитали, что это — какие-то внеземные существа, назвав их «хвостатыми дьяволами»⁵.

Другой характерный пример — обучавшаяся русскими офицерами армия Черногории начала свое участие в Балканской войне как регулярное войско, а не ополчение (впервые в истории страны), но вскоре вновь привычно разбилась на «племена и кланы» — вести *современную* войну патриархальная Черногория оказалась не в состоянии^{6*}. Что лишь подтверждает один из главных выводов наших прежних исследований: «За фасадом европейских новаций (в виде конституций и парламентаризма, многопартийности, современных систем образования и воинской службы) скрывались устойчивые структуры и стереотипы традиционного общества, определявшие поведение не только простого „селяка“, но и большей части балканских элит»⁷. Универсальность такого «смещения понятий» для Балкан (где-то сознательного, где-то спонтанного) в свое время, в виде чеканной формулы, выразил *очевидец* — видный сербский интеллектуал и политик Коста Стоянович: «Демократия, парламентаризм, гражданские свободы, прогресс, культура и ряд других категорий, что составляют основу политического словаря нынешних балканцев, — суть слова и выражения, никак не укорененные в их мироощущении, однако, будучи „общепринятыми“, они

* Л.Д. Троцкий, обзоревавший события Балканских войн в качестве военного корреспондента, записал (эта запись не была им опубликована, оставшись в черновике): «В этой войне для черногорцев главная задача — грабеж. За черногорским войском — шествие жен, завозвали — грабеж. Солдаты все уносят из лавок и домов, жены — уносят домой. И сербские войска грабят, но у черногорцев это система, и это делается как само собой разумеющееся, не скрывается, на глазах у всех. Когда сербские и черногорские войска взяли Плевлю, черногорцы начали сейчас — еще на глазах офицеров — грабить. Начальник сербской бригады Анджелкович (полковник Миливое Анджелкович — командир Ибарской бригады. — Авт.) убил на площади двух черногорцев собственной рукой. Этот инцидент еще более обострил отношения — черногорцы остервенели, что их естественное право грабежа столь грубо было поправлено» (Российский Государственный Архив социально-политической истории. Ф. 325. Оп. 1. Д. 181. Л. 174).

призваны прикрыть жесткие подсознательные стереотипы, которые на самом деле только и мотивируют все их действия и поступки»^{8*}...

Меж тем, и балканским «традиционалистам» было что предложить миру — отлаженное движение четников (собранных в мелкие группы, активно работающие в тылу противника) стало прообразом войскового спецназа. Он вырос из практики антиосманской *хайдучии* в Сербии, *хайдутства* в Болгарии и так называемого *андартства* в Греции и Албании^{**}. Таким образом, своеобразный социальный феномен и национальная традиция со временем трансформировались в элемент военной тактики, оказавшийся востребованным и за пределами Балкан⁹. Но это, пожалуй, исключение. Вспомним здесь и «стрельбу по-македонски» — одновременно с двух рук.

Итак, если Балканские войны и сыграли определенную роль в развитии военного дела, то к вопросам индустриализации и иных «подсистем» модернизации, так недостающей на полуострове, это вряд ли относится. Чтобы служить базой для взрыва научной мысли и технического прогресса, здесь не было элементарных условий, и войны 1912—1913 гг. мало чем могли помочь. Соответственно, тезис о проблематичности связи между войной и модернизацией в «запоздалых странах» (как Л.Д. Троцкий называл балканские государства¹⁰) напрашивается сам собой.

* * *

Однако, соотношение «война — модернизация», кроме чисто «технологического», интересует нас и в ином аспекте. Речь

* Данный тезис разделяют и некоторые сербские исследователи. Димитрие Джорджевич, например, с полным правом констатирует: «Балканские страны в XIX в. попытались включиться в Европу, заведя у себя европейские институты. Но то балканское “обезьянничанье” было пронизано сильнейшим традиционализмом» (*Ђорђевић Д.* Огледи из новије балканске историје. Београд, 1989. С. 55)... Однако, в национальной историографии имеется и немало сторонников будто бы «аутентично-европейской» схемы развития Сербии. Новейший пример их научного творчества мы приведем ниже.

** От южнославянского *хайдук* (гайдук) — человек, боровшийся против турок; от греческого андарт — повстанец, партизан.

идет о проблеме *выбора* каждой страны в судьбоносном для Балкан 1912-ом году, из самой постановки которой и проистекает дилемма: «модернизация или война?». Ведь, несмотря на во многом схожий культурно-политический архетип *Ното Балканисус*, данная проблема в разных балканских государствах приобретала свой облик. Поясним нашу мысль.

Развитие «новой» государственности у балканских народов было серьезно деформировано нерешенностью задачи «освобождения и объединения», — т.е. нереализованностью «национального идеала», основанного на этно-исторических мифах. И если средством его осуществления большинство элит предполагало, в конечном счете, одно — войну, то отношение к ней в разных странах имело свою специфику. И это вполне объяснимо. Возьмем, к примеру, сербов и черногорцев: многовековые сербско- и черногорско-турецкие конфликты привели к формированию у них «конфронтационного сознания», что во многом определило их дальнейшую историческую судьбу, явившись прямым следствием *пограничного* положения с Турцией. Поэтому жизнь в Сербии и Черногории и строилась по принципу: «передышка между войнами». Здесь либо воевали, либо готовились к войне, которая становилась привычным делом, а нередко, в волнах «конфронтационного сознания», даже желательным и единственным средством решения насущных проблем. «Война — мать родна», это отсюда!

Такой тип сознания во многом определял и специфику внутригосударственной жизни в указанных странах. В традиционном обществе он органично экстраполировался и на отношение к *другому* в среде соотечественников, выбивавшемуся из традиционной же системы ценностей и предпочтений*. И следовательно, «внешние турки» могли плавно переходить

* Когда общественная дисциплина, да и весь *политический процесс*, базируются на личностных (в рамках патриархальной местечковой лояльности), а не формальных (порождаемых индустриализацией и ускорением внутренних миграций) принципах, то чувство долга к своему ближайшему кругу — родственников, земляков и друзей, — как того требовал древний *обычай*, проявляется у его участников значительно сильнее, чем общегражданская ответственность, закрепленная *законом*. Соответственно, «другой» в их глазах представлял не как член *своего* сообщества, думающий по-иному, но как *чужак*, отношение к которому было негативным.

в категорию «турок внутренних». А потому «мир» для сербов и черногорцев был почти всегда окрашен в черно-белые тона: мы — они, свои — чужие, враги — друзья. При этом, и в фокусе *внутреннего* противостояния находилась выраженная *внешне-*окрашенная претензия на «эксклюзивный» патриотизм, отчего в диалоге политических сил и звучали так часто упреки в «измене родине». Премьер Сербии в 1897—1900 гг. Владан Джорджевич писал в мемуарах: «Тяжела была судьба ответственных политиков в семидесятые, восьмидесятые и девяностые годы XIX в. Страна раздиралась тогда борьбой вошедших в кровавый клинч нескольких партий; причем каждая из них полагала, что она и есть хранительница сербского патриотизма»¹¹. После Майского переворота 1903 г. число «хранителей» возросло — с претензией на патриотическую монополию выступили офицеры-заговорщики, основавшие в 1911 г. организацию «Объединение или смерть» (более известную как «Черная рука»).

Все это объясняет природу анархичной, основанной на насилии (а не компромиссе) политической культуры в Сербии и Черногории. По словам известного венгерского политика и публициста Оскара Яси, сербскую историю вполне можно было бы назвать: «От покушения к покушению»^{12*}.

Таким образом, сербы Княжества (с 1882 г. — Королевства) и черногорцы практически и не жили, постоянно воюя или готовясь к войне, находясь в никогда не спадавшем психологическом напряжении. В таких условиях, как писал известный сербский этно-психолог Владимир Дворникович, «в нашем народе создался какой-то специфический ритм и темп жизни, слабо приспособленный к современным методам труда и созидания»¹³. Понятное дело: вместо естественного поступательного развития всплески отчаянного напряжения и относительно мирные паузы, заполненные не «органической работой», а очередным ожиданием «национальной сатисфак-

* С таким нашим заключением органично (и практически дословно) перекликается вывод сербского историка Владимира Йовановича: «Насилие в различных формах являлось особенностью сербской политической культуры на протяжении всего XX века» (*Йовановић В. Тајна полиција Књежевине Србије (политичко насиље и управљачке стратегије у Србији 19. века)*. Београд, 2012. С. 159).

ции» и внутренними «разборками» элит*. Да и сам «балканский мир» — по определению многолетнего министра финансов Сербии Лазара Пачу — есть не что иное, как «постоянная частичная изнурительная война...»¹⁴.

Соответственно, воспроизводимое исторической традицией и мифологией состояние внутренней мобилизованности народа, постоянная готовность к реализации «национального идеала» (добиться чего без военных мер, считалось, было невозможно) вступали в противоречие с задачей формирования «гражданского общества» в Сербии и Черногории. А это, в свою очередь, не могло не сказаться на ходе и характере процесса их модернизации. Синтетически данную парадигму, в виде жесткого алгоритма (*уже после смерти Тито!*), выразил классик сербской литературы Добрица Чосич: «Сербы учились гражданским свободам и правам, они их принимали, осознавая их ценность, но, тем не менее, национальная свобода всегда оставалась для них ближе гражданской»¹⁵.

Такая парадигма носила «сквозной» характер. Сербский митрополит Михаил в 1875 г. писал И.С. Аксакову: «Правда, что наш народ молод и, собственно говоря, не начал жить новой государственной жизнью, ибо до тех пор, пока он совершенно не освободится от чуждого ига и не соединится в одно, не может быть и серьезного слова о какой-нибудь более прогрессивной и плодоносной жизни его, или же об осуществлении каких-нибудь высших государственных или народных идей»¹⁶. Еще более откровенен лидер Радикальной партии Никола Пашич четверть века спустя: «Национальная свобода всего сербского народа всегда была для меня высшим идеалом, чем гражданская свобода сербов Королевства»¹⁷.

Именно в этом взгляде «на сторону» — важнейшая причина консервации *традиционного* состояния сербского обще-

* Объезжая летом 1901 г. Юго-Восточную Сербию и входя в контакт с населением, российский посланник Н.В. Чарыков вынес следующее впечатление о «теперешнем политическом идеале сербов Королевства»: «Извне – желание спастись от „швабов“ и объединить всех сербов. Внутри – „едан децениум мира“, т.е. желание приостановить хоть на десять лет партийную борьбу и правительственные и административные кризисы...» (Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Д. 492. Ч. 2. Л. 65 об. (Н.В. Чарыков – графу В.Н. Ламздорфу. Белград, 6 июня 1901 г.)).

ства, как и «один из главных тормозов движения Сербии по пути европеизации и модернизации внутригосударственной жизни»¹⁸, что, в свою очередь, и обеспечивало/*важет* устойчивость в ней архаичной политической культуры. К тому же, в условиях незавершенности процесса национального освобождения защита патриархальной модели «народ — сообщество равных» становилась средством и формой внутренней консолидации жителей Сербии и Черногории, поскольку малая расщепленность интересов внутри социумов позволяла сохранять единство народного духа — важнейшую внутреннюю предпосылку будущего освобождения. Социальное равенство отождествлялось в глазах большинства элит (сторонники гражданской опции были крайне немногочисленны) с национальным единством. Причем такое отождествление почти всегда «санкционировалось» *снизу*, следствием чего (и одновременно обуславливаясь) было то, что героическое начало закладывалось в сознание сербов и черногорцев с младых ногтей.

И действительно, мотив грядущей войны и необходимости подготовки к ней с самого «нежного» возраста тиражировался на всех уровнях. Так, знаменитый оратор, член ЦК Радикальной партии, священник из города Ужице Милан Джурич с парламентской трибуны требовал от учителей так воспитывать детей, «чтобы они знали заветную мысль (об освобождении сербства. — *Авт.*), знали о косовских героях, и в будущем, став гражданами, отомстили бы за Косово и создали Великую Сербию». Или другой его пассаж: «Мать пасет овец или жнет ячмень и пшеницу, но при этом поет сыну песню, готовя его к отмщению Косова»¹⁹. А автор знаменитых «Десяти дней, которые потрясли мир» Джон Рид отписывал о сербах — «Каждый солдат из крестьян знает, за что он сражается. Еще когда он был маленьким ребенком, мать приветствовала его: „Здравствуй, маленький мститель за Косово“»²⁰. Отметим этот *эсхатологический* мотив — мать заранее готова к возможной гибели ребенка! Что оставляло сильное впечатление на европейцев. Швейцарская медсестра Катарина Штурценегер зафиксировала в дневнике: «Как это просто, естественно, но и глубоко... С патриотизмом сербских дам мир должен считаться! Вместо того, чтобы советовать своим супругам, отцам, братьям и друзьям

уклониться от вооруженной защиты нации, или страстной рекой слез задерживать расставание, они, напротив, его ускоряют: долг в отношении нации у них на первом месте — в сравнении с собственным сердцем»²¹.

Известный сербский писатель Велько Петрович накануне Первой балканской войны заметил: «Сербия возжелала войну, ибо ее не было больше трех десятков лет. За это время выросли новые поколения, не помнившие войны, но только слышавшие о ней от стариков. А в рассказах тех звучали и упреки молодым за недостаток патриотизма и слабость к западной культуре с ее комфортной жизнью без жертвоприношений»²². Но ошибались старики: на их упреки «новые поколения» (в согласии с мыслью В.О. Ключевского, что «цементирующая сила — это традиция и цель»²³) ответили осенью 1912 и летом 1913 гг. Да так, что даже выдавшие виды русские дивились: «Запасные стекались на призывные участки как на свадьбу!»²⁴. И далее: «Здесь узловой пункт. Нет шума, нет пьяных, нет плачущих женщин. Вообще ничего похожего на наши родные картины при отправке на войну запасных». И в глазах провожающей сына матери «ни единой слезинки». В них только одно — «Напред, сине, с Богом...»²⁵.

Подводя промежуточный итог, отметим, что в этих своих заключениях авторы не одиноки. В параллельных исследованиях наш коллега Р.Р. Субаев идет схожим путем. Опираясь на недавно вышедшую работу о Балканских войнах американского автора греческого происхождения Андре Геролиматоса²⁶, он также проводит мысль о «конфликтности» балканских сознания и политики, как некоей константы, и о войне на Балканах, как способе существования в веках. При таком подходе нуждается в корректировке классическая формула Карла Клаузевица о «войне как продолжении политики», — здесь на Балканах (особенно западных) война сама формировала политику²⁷.

Причем Субаев полагает, что нет смысла ограничиваться одними лишь западными Балканами (а Геролиматос в центр своего внимания ставит Сербию и Грецию), распространяя феномен «конфликтности сознания» и на болгарские земли²⁸. Однако нам представляется, что там дело обстояло несколько иначе — в силу *объективных* причин. Как же и каких именно?

* * *

В отличие от *пограничных* и уже свободных Греции (с конца 1820-х гг.), Сербии (*de facto* с начала 1830-х), Черногории (исторически), Болгария находилась в *анклавном* положении внутри Османской империи. При этом, болгарская элита «под крышей» турок не была инкорпорирована в политическую и военную надстройку государства. Ей оставались ниши «бизнеса» и культуры: заметим, — теснейше переплетенные! К тому же, — в ходе складывания единого османского рынка, развивалась хозяйственная специализация регионов, в рамках которой нашлось место и для простых болгар («болгарский экономический ренессанс»). И, в частности, они были знаменитыми на всю Европу огородниками. «Героические» сербы презрительно называли их «баштованами». В связи с чем, по свидетельству бельгийского путешественника Эмиля де Лавелэ, даже те «овощи, которые потребляются в Белграде, возделываются болгарами на другом берегу Савы и каждое утро привозятся из Землина»²⁹. Различие в иерархии ценностей налицо — отложенное «геройство» и ежедневный труд, что подтверждает теперь уже русский очевидец (историк-славист К.Ф. Радченко) в своем сравнении болгар с их соседями: «Они далеко не так способны, но зато работают, как волю»³⁰.

«Соседи» же, понятно, не любили себя особо утруждать (о черногорцах и не говорим, ибо у них вообще трудились одни женщины). «Работать только для того, чтобы выжить — становилось главным принципом серба, как следствие его постоянной неуверенности, войн и переселений», — резюмирует сербская исследовательница Радмила Радич³¹. И действительно, «как только семья обеспечена годовым запасом хлеба, преимущественно кукурузой, а налоги уплачены деньгами, вырученными за продажу рогатого скота и свиней, хозяин уже не думает о дальнейшем накоплении богатства, а вместе с сыновьями проводит время в деревенской кофейне», — писал офицер русского Генштаба, объезжая Сербию³². Иными словами, «пока хватает того, чем закусить, зачем беспокоиться»³³. Очевидно, что смысл хозяйственной деятельности сербского крестьянина можно свести к единственному понятию — *довольствоваться*, что значит «поддерживать уровень существования, определенный социокультурно»³⁴. Эта характеристика органично вплетается в ткань фундаментального противоре-

чия традиционного сознания (особенно при наличии базового «героического начала») и веберовского *духа капитализма*, с присущим последнему «трудом постоянным, неутомимым, квалифицированным»³⁵ Прав коллега Слободан Маркович, утверждая, что «одним из главных препятствий на пути развития капитализма в Сербии был недостаток аскезы и этики труда, характерной для протестантизма...»³⁶. Но вернемся к болгарской элите и поразмышляем теперь о ее *культурной* функции, прочно связанной с «экономическим ренессансом».

Усилиями уже первого поколения болгарской интеллигенции возникло бурное культурно-просветительское движение, направленное, прежде всего, в сферу образования и просвещения. Начавшееся еще в XVIII в. пробуждение болгарского национального самосознания открыло эпоху «Болгарского национального возрождения». В 1830-е гг. стали открываться национальные школы (в противовес греческим), называвшиеся народными. Десятилетие спустя появились классные школы — более высокого уровня. Появились и первые болгарские ученики и студенты в европейских школах и университетах.

Одна из ярких возрожденческих практик — инициатива местных органов общинного самоуправления, которые сами и на собственные средства открывали общедоступные школы, в том числе светские, работавшие методом взаимообучения (так называемый ланкастерский), снабжали их учебниками и литературой, занимались разного рода просветительной деятельностью. Это движение поддерживалось еще и благодаря личным пожертвованиям, но контролировалось оно лишь выборными общинными структурами. Как его важное качество коллега И.Ф. Макарова отмечает: школы, а затем и училища для подготовки учительских кадров «возникали спонтанно и децентрализованно, были общедоступны и бесплатны, никогда не знали сословного принципа. Что имело большое воспитательное значение и оказало серьезное влияние на формирование национальной болгарской ментальности»³⁷. Пробуждение внутренней потребности в просвещении важно отметить как особое качество, присущее болгарскому народу. Зародившееся до Освобождения, оно развивалось неравномерно: *более интенсивно в местах, успешных в хозяйственном отношении, — именно там открывалось большее количество школ*³⁸. В последние десятилетия до Освобождения обладателей высшего

образования в Болгарии насчитывалось всего лишь 6,3% от общего числа так называемых интеллигентов, основную массу которых составляло учительство. Среди остальных преобладали медики³⁹. К 1878 г. узкий слой интеллигенции насчитывал, по некоторым оценкам, около 10 тысяч человек, женщин среди них было 5—6%⁴⁰.

Но положение быстро менялось. Если в Учредительном собрании 1879 г. депутатов с образованием выше среднего было чуть больше 20%, то на рубеже веков — 30% с небольшим хвостиком, а в 1908 г. — уже 43%. В конце XIX в. Болгария приближалась к среднему европейскому уровню по числу посещающих начальную школу. Она имела лучшие показатели среди балканских стран⁴¹. Что опять-таки совсем не случайно!

Как мы уже кратко отмечали, болгарские крестьяне спонтанно формировали такую общественную ценность, как постоянный труд, *настроенный на мир*⁴², для чего — отметим сей факт особо — было необходимо *подлинное*, а не *номинальное* (как нередко в Сербии и Черногории) знание. Поэтому так и отличались в Болгарии и Сербии характер, уровень и качество грамотности, а равно — содержание школьных программ и учебников... Проиллюстрируем данный тезис.

В Сербии государство приспособило всю образовательную систему своим собственным надобностям (в основном, для рекрутирования чиновников), поставив содержательный акцент на *национальных ценностях*, — в ущерб, подчеркивает бельгийский историк Майкл Паларе, «привитию практических навыков»⁴³. Британский путешественник Герберт Вивиан зафиксировал свои впечатления от посещения сербской провинциальной школы в начале XX в.: «Совсем маленькие мальчики читали патриотические стихи с воодушевлением и гордостью. Когда же учитель вывел ученика к карте балканских стран, то я пожелал услышать, что он знает о Боснии, и тут же получил ответ — Боснию населяют сербы, но, к несчастью, в настоящий момент она томится под властью австрийцев. Кроме православных сербов, в ней живут и сербы-мусульмане, которые большие патриоты из-за своего сербского происхождения»⁴⁴.

В Болгарии было иначе. Иерархия предпочтений в болгарской школе отличалась от таковой же в сербской. По замечанию Наума Кайчева, «военные ценности не доминируют в учебниках. В них вы редко встретите стихи, величающие в глазах ма-

леньких читателей смерть за Родину. Гораздо чаще описываются добродетели просвещения, культуры, грамотности (Кирилл, Мефодий, Климент Охридский), как и красоты родной земли»⁴⁵. Плюс — присутствует ясно выраженный курс на «привитие практических навыков». Что наглядно подтверждает отрывок из послания генерала Э.И. Тотлебена (весьма удивленного увиденным во время путешествия по Болгарии и Восточной Румелии весной 1879 г.) императору Александру II: «Особого внимания заслуживают устройство и распространение народных школ. Не только в городах, *но и в каждой деревне* (здесь и далее курсив наш. — Авт.) выходили ко мне мальчики и девушки с их учителями и учительницами». И далее — *«Преподавание весьма простое и практичное, а обучение детей обязательно для всех. В крае, какой столько лет находился под гнетом мусульман, подобное явление невольно возбуждает удивление»*⁴⁶.

В сербских школах, как уже говорилось, «практическим навыкам» уделялось слишком мало внимания, — что впервые заметили еще русские современники⁴⁷, и следствием чего был характерный для всякого традиционного общества феномен «вторичной неграмотности»⁴⁸. М. Паларе подтверждает данный факт: «Власти открывали школы все больше и чаще, но при этом мало прислушивались к тому, что действительно надо крестьянам. И многие из них (хотя формально и образованные) оставались функционально неграмотными*, а те, кто имел пользу от образования, считали его лишь средством бегства из деревни. Школа выглядела негативно в глазах крестьянина, который полагал, что получившие образование дети будут потеряны для хозяйства»⁴⁹. Причем негативно настолько, что в 1905 г. депутаты Народной скупщины без сожаления ввели налог на торговлю учебниками, однако не решились на ту же меру в отношении выгонки домашней ракии⁵⁰. А в Мачве — самом плодородном и богатом крае Сербии — накануне Мировой войны было 32 школьных здания, из которых лишь 5—7 соответствовали назначению. Об остальных очевидец писал: «В Мачве и еще некоторых краях крестьяне начинают массово строить вполне современные конюшни для правиль-

* Тот же термин — «функциональная неграмотность» — употребляет и немецкий исследователь Хольм Зюндхаузен (Зундхаузен Х. История Сербии од 19. до 21. века. Београд, 2009. С. 190).

ного выращивания лошадей и другого скота, а детей оставляют во влажных, мрачных, тесных и во всяком смысле убогих хибарах, которые зовутся начальными школами»⁵¹. Иерархия предпочтений сербского селяка, таким образом, налицо.

И как итог вышесказанного: процент грамотных, число учеников, объем госзложений в образование на душу населения, были в Болгарии много выше, чем в Сербии⁵², — ведь еще в середине 1880-х, после принятия амбициозного закона о всеобщем начальном образовании, сербское правительство в расчете на одного жителя вкладывало в школьное дело всего 0,63 динара*, тогда как Хорватия и Славония, к примеру, — 1,35; а Восточная Румелия (находясь под османским суверенитетом!) — вообще 2,48 динара⁵³.

Потому-то к началу XX в. в числе грамотных сельских обывателей, болгар и сербов, и «зиял» такой разрыв: 28,4** и 12%⁵⁴; к тому же грамотность, подчеркнем, в болгарском варианте была, в основном, «активной»⁵⁵. Так что, Болгария, как нам думется, имела все шансы эволюционировать путем естественной модернизации, т.е. *снизу*, — ментальные предпосылки для этого в народе складывались. Недаром, отличный знаток Балкан, генерал Н.Р. Овсяный указывал: «Что касается настойчивости в достижении целей, трудолюбия и бережливости, серб много уступает своему соседу, болгарину»⁵⁶. Да и некоторые сербы отдавали себе в том отчет. «Народ трудолюбив, повсюду видны обработанные и полные плодов нивы, на которых в разгар страды старательно копошатся селяки», — записал в дневник (по пути из Белграда в Константинополь) сербский журналист Пера Тодорович. Причем, «даже работая в поле, они хорошо одеты; приятно видеть их белые, будто снег, рубашки»⁵⁷. Одним словом, как заметил в ходе болгарского Освобождения, в письме супруге, едва оглядевшийся русский воин, «деревни благоденствуют, жатва снимается...»⁵⁸.

* Выступая в 1912 г. в скупщине, литературный критик и общественный деятель Йован Скерлич констатировал: «Мы платим нашим учителям такое же жалование, какое имеет и кельнер в Белграде» (Цит. по: *Велмар-Јанковић С.* Капија Балкана. Београд, 2011. С. 562).

** В селах Тырновского округа, жители которого специализировались в садоводстве и огородничестве для продажи, грамотных было 43,3 % (*Паларе М.* Балканске привреде око 1800—1914. Еволуција без развоја. Београд, 2010. С. 372).

Развивая далее тему болгарского образования, мы должны указать на его особенности, наложившие отпечаток на весь ход болгарской истории после Освобождения, сформировавшие гуманитарное лицо страны. Т.е. продемонстрировать и «обратную» сторону медали.

В то время, как в сербской школе (а еще более вне ее — в семье, соседском сообществе, сельском локусе⁵⁹) воспитывались люди, четко знавшие, зачем они живут, в чем их призвание, и с детства ощущавшие свою будущую солдатскую надобность, в болгарской школе воспитание детей велось в романтично-мечтательных образах и не имело конкретной цели вырастить гражданина, патриота. Исходили из общей большой идеи: восполнить недостаток знаний и умений, и таким образом сделать страну «цивилизованной», полноправным членом мирового сообщества. При этом, как пишет болгарский историк Илия Тодев, «у нас мало достижений культуры под знаком национальной идеи»⁶⁰. На такой базе было воспитано несколько поколений болгарской молодежи. Тщательно изучавший проблему Наум Кайчев отмечает: «Руководители болгарского просвещения долгое время не уделяли специального внимания воспитанию чувства патриотизма, культивированию ощущения своей национальности». В болгарских учебниках, в отличие от сербских, не воспевалось величие смерти за родину, ограничивались пунктом об обязанности защищать отечество, если нападет враг⁶¹. Сведения об Ильинденском восстании 1903 г., например, появились в учебнике истории только в начале 1920-х гг.

Эта лакуна дала о себе знать после Мировой войны, когда в болгарском обществе заговорили о потере пути, о «недооформлении» болгарской нации, национальном нигилизме и бесприютности существования на балканском перекрестье дорог между Западом и Востоком.

Другая особенность болгарского образования — придание ему чрезвычайного значения. Своеобразный гимн образованию являлся константой всего общественного развития страны. Когда же здесь в рамках заимствованной на Западе многопартийной системы образовались местные политические партии, среди них не оказалось ни одной, в программе которой не говорилось бы о значении просвещения и развитии школ. Предполагали даже особую культурную миссию Болга-

рии на Балканском полуострове (точнее, мечтали о ней!)⁶². С другой стороны, от повышения образовательного уровня народа ожидали подъема его экономического благосостояния. Такая «повернутость» на образовании, своего рода идея фикс, имела и свою отрицательную сторону. Будучи преимущественно гуманитарным, оно в недостаточно развитом обществе приводило к перепроизводству «образованных», которые не находили себе применения в жизни. Что выхолащивало их знания, не помогало продвигаться к новому уровню; достигнутое же часто переходило в область абстрактного размышления и словесного критиканства. Гуманитарное образование, которое по определению не готовит кадры для прагматичной политической и государственной деятельности (чего так не хватало стране), как бы замыкало важную проблему на самом себе. Все попытки организовать профессионально-технические училища в Болгарии в начале XX в., пишет болгарский историк Александр Костов, принесли очень небольшие результаты. Завещанное в 1897 г. известным меценатом строительство Высшего технического училища, на что он отпустил 6 млн левов, было открыто лишь в 1942 г.⁶³

Хотя стартовые позиции в виде образовательного ценза в Болгарии были облегченными, интеллигенция до Мировой войны составляла здесь не более 1—2% от занятого населения. Преобладали лица с основным (7-классным) и неоконченным средним образованием, правящая элита обучалась на ходу, «в процессе»⁶⁴. Так, накануне Балканских войн в руководстве министерства иностранных дел 2/3 начальников обладали только средним образованием. Из 12 окружных управителей пятеро имели высшее образование, трое других удовлетворились неполным средним. Чем ниже уровень государственной структуры, тем реже там можно было обнаружить прилично образованного чиновника — 75% околийских начальников не прошли полного среднего курса, с высшим в их среде не оказалось ни одного⁶⁵.

Так почему же прекрасные болгарские идеи имели столь мало шансов на реализацию? Казалось бы, внешне контуры свободного рыночного государства имели достойные европейские

очертания: в Княжестве были либеральная конституция, парламент, политические партии, череда сменяющих друг друга правительств, наконец, истинный европеец во главе — болгарский князь Фердинанд. И почему так грустно звучит сентенция болгарской исследовательницы Р. Прешленовой: «К сожалению, реализация этих мечтаний и ожидаемого от них эффекта, ускорение экономического развития и культурного взлета нации по ряду причин откладывались на десятилетия»⁶⁶.

В поисках ответа, хотя бы частичного, на вопрос, почему происходило именно так, обратимся вновь к 1878 г. В результате Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., сыгравшей роль революции в этой части полуострова, социальный «кокон» под крышей османской администрации в виде «возрожденческого царства болгарского духа»*, не обремененного содержанием чиновничества и войска, был разрушен. И довольно жестко. Как каждая революция сопровождается разрушением прежнего строя, так и выход Болгарии из османской системы разорвал ее связи с внутренним османским рынком. От этого более всего пострадало болгарское ремесленное производство, а именно в нем М. Паларе видит главный источник динамичности развития. И потому жестко заключает: «Экономический прогресс закончился в Болгарии в 1878 г.»⁶⁷.

В болгарской литературе встречаются не менее болезненные оценки произошедшего: разрыв органичных экономических связей с Османской империей, пишет современный болгарский философ Васил Проданов, имел катастрофические последствия для хозяйства в болгарских землях, и потребовались два десятилетия для восстановления потерь⁶⁸. Процесс разорения ремесленников и возвращение их к сельскому труду, т.е. превращение вновь в крестьян, известный болгарский деятель культуры Владимир Свинтила квалифицирует как инволюционный. По его мнению, приметами времени после Освобождения стало умирание возрожденческих городов, появление «вторичного» крестьянства и др.⁶⁹. Нельзя пройти мимо квалификации этого революционного переворота Л.Д. Троцким в 1912 г. Несмотря на то, что тогда со времени Ос-

* В генетической памяти народа Возрождение осталось чистым и святым идеалом, «самым болгарским временем», «нашим всё!», до сих пор вызывающим в стране преклонение перед тогдашним могуществом болгар.

вобождения Болгарии прошло уже не менее 30 лет, вездусущий и пронизательный военный корреспондент, с интересом изучавший Болгарию и ее народ, тонко почувствовал катастрофический характер отдаленных событий: «Болгарская интеллигенция, — писал он, — катастрофически призванная (интересный акцент! — *Авт.*), после свержения турецкого ига, к управлению судьбами страны, получила возможность увенчать примитивно-бытовую основу политической надстройки демократии»⁷⁰.

Действительно, сдвиги в перераспределении населения с точки зрения его этничности и социализации, перемешивание человеческих судеб стали почти тектоническими. Покидала пределы Княжества Болгария часть турок. С уходом их гарнизонов и администрации многие города заметно пустели, их новое заселение не могло быть быстрым⁷¹. Спускались с гор крестьяне, которым предстояло приспособиться к новым условиям жизнедеятельности. Нечто невероятное произошло с учительством — будучи преобладающей частью возрожденческой интеллигенции и как прослойка наиболее грамотных людей, учителя становились главным человеческим материалом для строительства болгарского государства, для создания и наполнения новых управленческих и партийно-политических структур. Им предстояла трудная внутренняя перестройка: вышедшие из недр народа, они оставались верны его традициям, но должны были стать «движителем» модернизации. «Возрожденческий интеллигент, — восклицает известный болгарский историк Николай Генчев, — будучи традиционалистом, должен был стать модернизатором»⁷². Как пишет Р. Прешленова, «всё и перевернулось с ног на голову». Она соглашается с мнением, что в 1878 г. «саморазвитие было прервано», но считает, что в стране имелись «необходимые ферменты для свободного развития»⁷³. Весьма проникновенно и, кажется, психологически обоснованно оценивает обстановку «переворота» И. Пелева: «Болгарский человек, оказавшись вдруг (а с определенной точки зрения и насильственно) в совершенно новой, тотально другой ситуации, пережил болезненный культурный шок от случившегося»⁷⁴.

Однако (к вопросу о «ферментах»!), *привычным* упорным трудом в следующие два десятка лет после Освобождения болгарские крестьяне, ставшие свободными частными собс-

твенниками земли, сумели достичь того, что вновь вызывало у иностранцев впечатление болгарского чуда. Так, британец Генри Блейсфорд утверждал, отталкиваясь от сравнения с сербами, что у последних «отсутствует способность к постоянной работе, потому-то они и достигли за восемьдесят лет меньшего морального и материального прогресса, чем болгары всего за двадцать пять...»⁷⁵.

Труднее обстояло дело со строительством основ болгарского государства. На практике большая часть анемичной, по мнению Н. Генчева, возрожденческой интеллигенции перешла на положение чиновников. Не все они были готовы к новому поприщу. А те, кто был готов или считал себя таковым, не имели ни управленческого опыта, ни чувства государственности (возрожденческие общины являлись самоуправлявшимися). Можно понять, отчего управленческие кадры в Княжестве Болгария оказались столь слабыми. Политика и государственное управление поглотили, указывает Р. Прешленова, почти 50 тыс. человек⁷⁶. Недосток же специалистов во всех областях государственной, политической и общественной жизни, требующих профессиональной подготовки, отмечался, по крайней мере, до Первой мировой войны.

Особенно пострадала система политических партий. Многочисленные и постоянно дробившиеся партии, следуя своему имитационному характеру, оставались слабыми, неполноценными. Неопытные и предоставленные самим себе (в Тырновской конституции такая форма политической организации, как партия, вообще не упоминалась), межпартийную борьбу за приход к власти они мотивировали, главным образом, возможностью для победителя и его сторонников беспрепятственно обогащаться. Из таких партий никак не складывалась авторитетная политическая сила, которая могла бы выработать перспективную программу внутри- и внешнеполитического развития страны. Политическая жизнь была временами бурной и шумной, но плохо регулируемой, недисциплинированной. Интеллектуальная элита оказывалась неспособной к внутреннему напряжению для выработки перспективных программ в области внешней или внутренней политики. Да никто и не рвался к этому.

Вопрос о власти в каждый текущий момент был главным, и он стал, замечает болгарский исследователь Ст. Влахов-Ми-

цов, вымещать проблему национального суверенитета⁷⁷. Современные болгарские ученые признают, что к моменту Освобождения концепции собственных национальных интересов у болгар не было, и что «преднациональный», так называемый возрожденческий идеал, не имел конкретного оформления⁷⁸. Его «общая форма» скорее может быть отнесена к благонамеренным мечтаниям о свободных «родных и окрестных землях».

При этом в болгарской историографии устойчиво держится миф о том, будто после того, как на Берлинском конгрессе Сан-Стефанские просторы Болгарии были урезаны, все кипело в Княжестве в страсти по объединению с Македонией. Но это не так. В действительности, вслед за демонстрацией болгарскими вооруженными отрядами недовольства Берлинскими постановлениями острота политического неприятия сложившейся ситуации снижается. Македония отходит на задний план в сравнении с реальной возможностью добиться объединения Княжества с Восточной Румелией. На это обстоятельство обратили внимание итальянские ученые Франческо Гуида и Рита Толомео, отмечающие, что движение Соединения являлось гораздо более сильным, чем движение за объединение с Македонией⁷⁹. Это их наблюдение базируется на действительном интересе Италии, которая, как пишет Р. Толомео, все время боится объединения Болгарии и Македонии⁸⁰.

Тактика же болгарских правительств 1880-х — середины 1890-х гг. состояла в том, чтобы не провоцировать соседей и великие державы четническими выступлениями в Македонии. Любопытны рапорты бельгийского представительства в Софии. Исследовавшая их В. Костова отмечает, что в 1879—1885 гг. тема Македонии в них вообще отсутствовала, и что болгарские власти твердо держались негативной позиции в отношении организации чет и отправки их в Македонию. И даже предпринимали конкретные меры против самоорганизующихся чет⁸¹. Линия на сдерживание четнической деятельности продолжалась и в последующие годы. Конкретно она выражалось, например, в правительственном предписании окружным управителям запрещать населению сбор благотворительной помощи «в пользу македонского дела», а уже собранную возвращать обратно, в запрещении чиновникам присутствовать на съездах Внутренней македоно-одринской

революционной организации (ВМОРО) и увольнении ослушавшихся, конфискациях винтовок и патронов и т.п. Об этих мерах говорится в письме полковника запаса Яшкова от 19 января 1903 г. в редакцию газеты «Мир»⁸².

Достигнув успеха Соединением Восточной Румелии и Княжества в 1885 г. и в войне с Сербией, болгарские власти не предпринимали затем военных, дипломатических или каких-либо иных мобилизационных мер для реализации национального идеала в образе Сан-Стефанской Болгарии. Недаром об атмосфере того времени в Болгарии говорили как о «пропитанной политическим идеализмом». И ни одна из партий, замечает болгарский историк Д. Саздов, не подумала об участии в подготовке национальной революции в Македонии и Одринской Фракии, которую предполагали македонские комитеты⁸³. В свою очередь Диана Мишкова отмечает, что и народ оставался пассивным в отношении внешней политики, «невозможно вызвать его энтузиазм»⁸⁴.

Дискуссии по национальному вопросу оживились в Княжестве лишь с обострением Восточного вопроса в конце XIX в. О желательности объединения болгарского народа в границах единого государства стало говорить и писаться много, но единой государственной доктрины выработано не было. Задачи ее разработки не брала на себя ни верховная власть в Болгарии, ни «патриотические» политические партии, ни отдельные их представители⁸⁵. Один из лидеров Народной партии — Иван Евстратиев Гешов, считал, что партия вообще не должна обязывать себя «конкретными программными задачами по национальному вопросу»⁸⁶.

Инициатива пришла извне. «Братья из Македонии», поднявшиеся на борьбу против османского гнета и терпя в ней неудачи, стали действовать и изнутри Болгарии. Этому способствовала массовая эмиграция македонских беженцев, поселявшихся в Княжестве (к началу Балканских войн их численность доходила до 120 тыс. человек), которые уже одним своим присутствием (а немало их занимали места и в органах управления разного уровня), оказывали воздействие на атмосферу в государстве. Кстати, обучение в болгарских школах на македонской территории, особенно в случаях, когда оно оказывалось в руках революционно настроенных учителей, сторонников и членов ВМОРО, сильно отличалось от того, как

оно велось в Княжестве. «Революционеры» были ориентированы на привитие у учащихся «духа гражданственности и патриотизма», в их классах особое внимание обращалось на такие предметы, как болгарская история и география, которые турецкая цензура часто запрещала⁸⁷. Не только в знаменитой Салоникской мужской гимназии, но повсеместно в школах организовывались тайные революционные кружки, их руководителями часто выступали учителя и директора учебных заведений. Учащиеся, находившиеся в самом лабильном возрасте, легко и с радостью откликались на революционные замыслы, на борьбу, приключения, романтику⁸⁸. Многие из них потом оказывались в Княжестве. Действовавшие в Болгарии македонские комитеты, стремились настроить общественное мнение и политические круги Княжества на революционный лад, на поддержку вооруженной борьбы в турецких провинциях...

1903 год — стал особым в истории Болгарии — тогда македонский вопрос был поставлен перед болгарским правительством ребром: штаб повстанческой армии Ильинденского восстания обратился к софийскому правительству с требованием объявить войну Турции. Демарш сопровождался массовыми митингами, организованными македонскими эмигрантскими землячествами по всей Болгарии, к ним присоединялись болгарские военные, политики, простые граждане. Лозунгом было — «Война любой ценой!». Правительству с трудом удалось удержать ситуацию⁸⁹.

Возникшее противостояние между македонским руководством и болгарским правительством до некоторой степени разъясняет уже упоминавшийся Илия Тодев. Он обратил внимание на так называемый первоначальный македонизм, заявленный, как он пишет, еще в 1860-е гг., который Ил. Тодев считает претензией — «отчасти обоснованной, отчасти нет» — отдельных македонских литераторов (книжевников) на то, что они, дескать, являются «более настоящими» и более полноценными болгарам, чем все остальные. Основания для таких претензий Тодев видит в лучше сохранившейся в Македонии культурной традиции, а также в чрезвычайно сильном, «доходившим до пароксизма», национальном чувстве. Вдобавок к тому — и раненое македонское самолюбие из-за очерчивавшегося отставания в сравнении с Восточной Болгарией⁹⁰. И как результат — диалектический «перевертыш»: превраще-

ние македонского архиболгаризма в македонский антиболгаризм, пренебрежение интересами собственно Болгарии. Что выразилось, например, в прагматичном стремлении ВМОРО использовать Болгарию как инструмент, таран в развязывании войны против Турции.

* * *

Итак, слово «война» было произнесено. И это стало началом раскола болгарского общества. Недовольство антивоенной позицией правительства проявляли не только отдельные лица. Заявление, что для достижения национального идеала следует ориентироваться на военный путь, сделало в 1903 г. руководство Демократической партии, признавшее: исчезают иллюзии, что освобождения Македонии можно добиться путем внутренних восстаний, мало надежд оставалось и на реальные реформы в ней со стороны Турции.

Но тут же происходит движение в другую сторону — именно в 1903 г. группа молодых демократов, выйдя из Демократической партии и образовав собственную Радикально-демократическую партию, занимает противоположную позицию: в документах РДП 1902, 1906, 1911 гг., фиксирует Д. Саздов, отражен «страх перед возможностью вовлечения Болгарии в военный конфликт». Молодые радикалы заявляют, что они против милитаризации страны, и что мир является первым условием прогресса и благоденствия народа. Их идеал — достижение конфедерации балканских народов, но только мирными средствами. В следующем — 1904 г. покидают Либеральную партию младолибералы, и им тоже не присуща боевая активность: они довольствуются гуманитарной помощью македонскому и фракийскому населению⁹¹. Элегантно сформулировал в 1903 г. свою позицию лидер Народной партии И.Е. Гешов: «Болгария не должна допускать безнадежные движения или пускаться в безвыходные авантюры», но должна быть постоянно готова помочь «зарильским сонародникам» добиться введения реформ, регламентированных Берлинским договором. Средствами для чего являются легальные формы борьбы и мирные требования тамошнего населения, а не «постоянные вооруженные и несвоевременные попытки осуществления великих, но не созревших еще идей»⁹².

Лишь после Аннексионного кризиса 1908 г., сочетавшегося с провозглашением Княжества Болгария Царством и его главы «царем (всех) болгар», когда активизировались великодержавные программы балканских стран, оживились и сторонники идеи «Великой Болгарии». Однако и тогда сплочения общества вокруг национальной идеи не произошло. Болгарская элита, в отличие от сербской и греческой, так и не составила *мобилизующего* письменного документа-программы объединения болгарского народа, хотя на войну были настроены Союзы офицеров и унтер-офицеров запаса, македонские и другие землячества, ряд политиков и их группировки.

Признаки раскола общества со временем становились все более явными. Тырновский акт 1908 г. понимался в Болгарии сложно: приобретение статуса независимой страны признавалось несомненным успехом, но каким способом он достигнут? Один из лидеров БЗНС Александр Стамболийский открыто заявляет: провозглашение Фердинандом независимости Болгарии в стоворе с Австро-Венгрией является государственным переворотом и угрожает интересам болгарского народа — международной изоляцией и экономическими потерями. Тогда же парламентская фракция БЗНС декларирует в Народном собрании, что считает Тырновский акт нарушением ряда статей конституции, и что это «преступление кладет начало будущим войнам»⁹³. Выступают и представители Радикальной партии. По их мнению, тырновские события — это «особый государственный переворот», продиктованный интересами монарха, а не страны. «Радикалы» отказываются величать Фердинанда царем⁹⁴. По-своему фрондируют социал-демократы. Руководство партии широких социалистов, выражая сочувствие борьбе македонских болгар, обращаются за ее поддержкой к международной социал-демократии. В 1907 г. проблема обсуждается на Штутгартском конгрессе II Интернационала, который принимает специальную резолюцию. Однако в самой партии есть и сторонники решения национального вопроса военным путем, хотя общая партийная позиция — против войны⁹⁵. Что же касается тесняков, то как интернационалисты они национальным вопросом в принципе не интересуются, но уверены, что будущая социалистическая революция разрешит все вопросы, в том числе и национальный.

В 1911 г. эти партии, представлявшие нижние слои общества, выступили еще более резко, когда в парламент было внесено предложение об изменении статьи 17-й конституции, принятие которого позволяло царю самостоятельно, без обращения к законодательному органу, руководить внешней политикой Болгарии. В ответ «земледельцы» развернули антивоенную кампанию по всей стране, выступая против наделения царя бесконтрольными прерогативами и против курса на милитаризацию страны. Мелкобуржуазная Радикальная партия выступила с важными документами — специальной «Конституционной платформой» и «Платформой» по выборам депутатов в XV обыкновенное народное собрание (август 1911 г.), в которых отстаивала неприкосновенность конституции.

Эти примеры позволяют говорить о том, что 30-летний опыт функционирования болгарских буржуазно-демократических структур — заимствованных, неполноценных, искривленных — в обществе, где люди являются хозяевами своей частной собственности, оказался все же достаточным для того, чтобы граждане сумели организованно проявить несогласие с политикой власть имущих, сопротивляться ей. Или хотя бы не бояться и попытаться предъявить свои требования. Ведь даже в простом противостоянии сторон они лучше понимают, чего хотят, лучше осознают самих себя, лучше формулируют. Как бы то ни было, очевидно, именно в борьбе против случаев нарушения конституции и против курса на милитаризацию складывались в Болгарии элементы гражданского общества (как пишет профессор Великотырновского университета М. Палангурски, за годы с 1879-го по 1911-ый болгарские граждане ходили на выборы 19 раз⁹⁶; должны же они были чему-нибудь научиться). Да, попытки сознательного общественного сопротивления были слабы, ожидаемого результата не принесли, но они по праву вошли в историю страны.

Сторонники идеи «Великой Болгарии» тем временем усиливали пропаганду. В 1910 г. известный политик Александр Малинов, тогда премьер, выступил с требованием Великой Болгарии. И не только в рамках, обусловленных Сан-Стефанским мирным договором, но и сверх того. Любопытную запись об этом оставил в мемуарах секретарь русской дипломатической миссии в Софии В.Н. Штрандтман — в конце 1909 г., покидая свой пост, он нанес прощальный визит Малинову, в ходе кото-

рого премьер «заговорил о Сан-Стефанской Болгарии, как о недостаточном минимуме, охарактеризовав максимум словами: «Болгария должна лечь крестом на Балканском полуострове с выходом на четыре моря, а именно — на Черное, Мраморное, Эгейское и Адриатическое»⁹⁷.

Однако массового объединения вокруг планов премьер-министра не происходило. «Специалисты» и любители разного уровня выступали со своими трактатами, где обосновывали необходимость войны для объединения всех болгар в одном государстве, но были вынуждены констатировать, что общество расколото по этому вопросу. Неназванный автор одного из таких документов, помеченного как «совершенно секретный» и датированного 25 марта 1910 г., на 30-ти с лишним страницах машинописного текста рассматривает положение Турции и остальных балканских стран. И приходит к выводу: последствия «нашей консервативной политики» для Болгарии — самые печальные, «только огонь и железо могут их преодолеть и укрепить наше существование». И в этих условиях, констатирует с возмущением аноним, «часть болгарского общества считает, что Царство должно закрыться в своей скорлупе и предаться мирному культурному и экономическому развитию»⁹⁸.

И даже осенью 1911 г., когда болгарские и сербские дипломаты уже разрабатывали документы Балканского союза, в том числе секретные военные, «политическое единение, необходимое для страны, намеревающейся вступить в войну, в Болгарии отсутствовало...»⁹⁹. Решать задачу сплочения общества, создания в массах воинственного настроения сторонникам войны пришлось позже, причем во многом «искусственным путем». Летом 1912 г. деятели македонской революционной организации устроили теракт на территории Турции, которая ответила кровавой расправой с местным болгарским населением, погибли десятки человек. Провокация была использована для развертывания по всей Болгарии истеричной антитурецкой митингово-журналистской кампании, размах которой должен был показать — Болгария хочет воевать, народ требует мести. И на этой волне на объявление Первой балканской войны (октябрь 1912 г.) народ откликнулся не без энтузиазма. И в ходе войны проявил себя героически и самоотверженно.

Здесь нет противоречия с отмеченным выше вялым отношением большей части болгарского населения к войне, как

таковой. Нельзя не учитывать широко распространенное мнение, что болгарин пробуждается только тогда, когда затронут его интересы (как это было в 1885 г. при нападении Сербии на болгарское Княжество), а македонская провокация 1912 г. и ее цель — пробудить у болгар мстительный инстинкт — оказалась успешной. Нельзя не отметить также засвидетельствованное в личных дневниках болгарских участников войны отношение к ней как к тяжелому труду, который надо выполнить профессионально. «Эта глубоко укорененная в душе болгарина потребность трудиться..., — утверждает болгарский исследователь Св. Елдаров, — заставляет солдата смотреть и на самую войну как на некую форму труда — поистине жестокого, смертельно опасного и нечеловеческого — но все же форму труда»¹⁰⁰. И потерпела Болгария поражение главным образом из-за непрофессионализма власти, низкого качества политического руководства страны, не умевшего добиться согласованных действий с военным начальством, из-за плохой дипломатической подготовки и непродуманных решений. К горькому заключению приходит болгарский историк-академик Георгий Марков, тщательно изучивший материю Балканских войн: «Непростим проигрыш войны еще до ее начала»¹⁰¹.

Несчастный конец эпопеи Балканских войн для Болгарии означал уже тогда крах, неисполнимость ее национального идеала. А наиболее зримым следствием ее военного поражения, да и всего комплекса взаимоотношений союзников во время обеих Балканских войн, стало образование вокруг Болгарии кольца враждебных соседних государств, которые так и не выпустили ее из состояния изоляции ни в 1920-е, ни в 1930-е годы...

Балканские союзники, самостоятельно решившие начать войну, удивили и Европу, и Россию быстрым разгромом Турции в первые же несколько недель. А дальше пошло, как и предполагали русские ученые-слависты почти за полвека до событий 1912—1913 гг. Так, например, П.А. Ровинский писал А.Н. Пышину в 1868 г.: «Материальных сил и храбрости в южных славянах много; отчаяние, с которым они должны восстать, придаст им еще больше сил; и, как бы ни были неблагоприятны обстоятельства, при которых они восстанут, они победят турок, но побьются между собой»¹⁰². Впрочем, и сами союзники заранее предполагали междоусобицу.

Чем все закончилось, известно! Единственное, что объединяло сербскую, болгарскую и греческую патриотические элиты — запросы. Решение национального вопроса в его «интегральном» виде принимало в их сознании *фантастические* формы и было связано либо с желанием восстановить границы средневековых царств, либо с реализацией обретенных позднее «национальных идеалов» (держава Стефана Душана для Сербии и Черногории, Сан-Стефанская Болгария, — а то и больше! — для болгар, Византийская империя для греков). Таким образом, бал правили модели «великих государств». Македонские земли, на которые «по-соседски» претендовали Болгария, Сербия и Греция, стали настоящим яблоком раздора. «Македонии для удовлетворения претензий всех трех государств, — заметил Св. Елдаров, — должно было быть в три раза больше. Она, однако, была одна!»¹⁰³. Уже это обстоятельство определяло обоюдно жестокий характер схватки, а изначальный расчет каждой страны на расширение своей территории строился не только за счет земель, отвоеванных у турок, но и за счет отъема их у ближайшего соседа. Как таковой, он содержал в себе массу мин замедленного действия для отношений уже между ними («союзниками») «Мы все немного мегаломаны», — признавал сербский академик Йован Жуйович¹⁰⁴, последствием чего стал развал Балканского союза 1912 г. и Вторая балканская (Межсоюзническая) война 1913 г. Прав В.И. Косик, заметивший: «Славян испортил квартирный вопрос...»¹⁰⁵.

Ну, а что победители в Балканских войнах, у которых теперь были развязаны руки для интенсивного внутреннего строительства? Привел ли триумф на фронтах и присоединение вождельных турецких территорий к ускорению темпов модернизации в Сербии и Греции — ведь именно неопределенность сроков решения задач расширения внешних границ (т.е. реализации национального идеала), как мы уяснили, и являлась одним из тормозов их движения по пути совершенствования внутрисоюзной жизни?.. Так вот, — ничуть не бывало! Завершение Балканских войн вызвало тяжелый внутренний кризис не только в потерпевшей поражение Бол-

гарию, но и, сколь ни парадоксально, в странах-победительницах. Серьезным вопросом для них (а каждая примерно удвоила территорию и численность населения) стало «переваривание добычи». И происходило это далеким от цивилизованного способом.

В Сербском королевстве вхождение Вардарской Македонии и части Старой Сербии (что было закреплено в Бухарестском мирном договоре от 10 августа 1913 г.) сопровождалось двойным кризисом. С одной стороны, усиление политического веса «людей в погонах», в ком «две победоносные Балканские войны взрастили крайнее самомнение»¹⁰⁶, привело к ожесточенной борьбе за *modus* правления на новых землях между гражданской и военной властями. «Спор о приоритете», в котором активно участвовала офицерская организация «Черная рука», и твердая позиция, занятая радикальным правительством Николы Пашича, привели даже к попытке переворота — «чернорукцы» чуть было не двинули войска из Скопье на Белград!

А с другой, — в то же самое время политические противники Пашича из цивильных (младорадикалы*), в своих личных амбициях и эгоистическом угаре — *любой ценой* свалить его, пошли на тайный сговор с «Черной рукой», компрометируя и ставя под удар всю гражданскую систему власти. «Сербский парламентаризм, — емко сформулировал политический „диагноз“ Воислав Вучкович, — оказался перед опасностью разрешения его латентного кризиса насильственным путем»¹⁰⁷. Все точно! Один из радикальных «первоборцев» Пайя Михайлович зафиксировал в дневнике показательный «крик души» одного из вождей младорадикалов Яши Продановича: «Пусть лучше рухнет страна, чем ежели старорадикалы останутся у власти!»¹⁰⁸. Чем не знаменитое ленинское: «Чем хуже, тем лучше»? Никола Пашич, будучи сам далеко небезгрешен, четко охарактеризовал поведение оппозиции в одной из своих речей: «Это, братья, — политика упрямства (в оригинале: „ината“. — *Авт.*). Слепленные ненавистью к своим политическим противникам они забыли об интересах страны»¹⁰⁹.

* В 1901 г. из Радикальной партии вышла группа «младорадикалов», образовавших Независимую радикальную партию. Ее членов именовали «самостальцами» (т.е. «независимцами»). Сторонников же Н. Пашича традиционно называли «старорадикалами».

Глубинный смысл внутрисербского конфликта вскрыл племянник лидера «Черной руки» полковника Д. Димитриевиича-Аписа Милан Живанович: «Радикалы хотели власти долгой и неделимой. И поэтому готовили не только общественное мнение к своему долгому владычеству, но и рассматривали новые территории, Старую Сербию и Македонию, в качестве будущей радикальной колонии. Апис и заговорщики хотели власти в армии — такой же долгой и неделимой. Они пытались превратить армию в свою будущую колонию. Оба фактора присваивали себе все заслуги за военные успехи и сцепились в жестокой драке, явно мешая друг другу. Радикальные лидеры побаивались „преторианцев“, казавшихся им препятствием для создания *радикального царства* (выделено нами. — *Авт.*)... В столкновении заговорщиков с радикалами оппозиция стояла на стороне армии, но совсем не потому, что желала защитить правое дело, а дабы иметь поддержку мощной силы в борьбе с радикалами. Было необходимо свалить Пашича любой ценой, и момент ей представился подходящим»¹¹⁰. До модернизационных ли забот тут было?

Перед нами — привычный набор представлений сербской элиты, основу коего составляли стремление каждой из ее фракций к монополии на патриотизм и *мессианская* претензия на политическое господство. «Другие» же объявлялись врагами — в борьбе с ними все средства были хороши.

Кульминацией «Спора о приоритете» явились роспуск скупщины и объявление новых выборов. Пашич подал в отставку, но король в мае 1914 г. возвратил ему мандат на власть — для их организации. А 11 июня обнародовал указ о перенесении монарших прерогатив на престолонаследника Александра, «в связи с болезнью». Что фактически явилось его скрытым отречением. Решающую роль в таком разрешении кризиса сыграл российский посланник Н.Г. Гартвиг. Именно он рекомендовал Петру I оставить Пашича у власти. Тот подчинился, не желая противостоять России, и дипломатично удалился в политическую тень, не сумев выполнить данного военным обещания. Итак, в борьбе с «Черной рукой» (этим мощным *антиконституционным* участником сербской политики) «парламентский» режим формально устоял, но при

поддержке другой *нелигитимной* силы — российской императорской Миссии¹¹¹ *...

Ну, «а завтра была война». Первая мировая! Она перетасовала все фишки и разложила их по-своему — на карте появилось Королевство сербов, хорватов и словенцев, со всеми старыми и новыми национальными проблемами, многие из которых, увы, «решаются» до сих пор.

В 1913—1914 же годах гражданские, закрепив за собой управление новыми областями (первую скрипку здесь теперь играла не армия, а полиция), совсем не собирались инкорпорировать их в правовое поле Сербии. Был установлен «автократический провизориум»¹¹², в рамках которого, по словам современника событий, русского ученого А.Л. Погодина, совершались «многочисленные насилия, отсутствовали конституция и гражданские права»¹¹³. Спрашивается, — доколе сей порядок предполагалось применять? Ответ был прост: «До тех пор, пока люди не начнут ощущать себя сербскими гражданами», ибо «настоящих сербов *там нет и четверти* (выделено нами. — Авт.)»¹¹⁴. Прав академик Сима Чиркович — автор самого удачного, на наш взгляд, «синтетического» очерка истории сербов (переведенного и на русский язык): «В ходе Балканских войн были серьезно поколеблены два основополагающих принципа прежней политики Сербии — этничности и парламентской демократии. Завоевания в Албании и Македонии показали, что она выходит за рамки отстаиваемой десятилетиями стратегии освобождения сербского народа...»¹¹⁵.

В Греции все случилось еще «хлеще». Для «мегалистов» во главе с премьером Элифтериосом Венизелосом Балканские войны стали трамплином для дальнейшей борьбы за расшире-

* Несмотря на приведенные очевидные факты, современный сербский историк Душан Батакович в своей новейшей статье по-прежнему называет политическую ситуацию в Сербии в 1903—1914 гг. эпохой «аутентичной (!? — Авт.) парламентской демократии», полагая, что эта «парламентская демократия» являлась тогда «функциональной и полностью отвечала требованиям демократического правления» (См.: *Батаковић Д.* О парламентарној демократији у Србији 1903—1914. Странке, изборе, политичке слободe // Глас САНУ. CDXX. Одељење историјских наука. Књ. 16. Београд, 2012. С. 391, 407)... Как видим, миф о «золотом веке сербской демократии и парламентаризма» (1903—1914) в национальной историографии все еще в ходу.

ние территории «эллинского королевства» в границах бывшей Византийской империи¹¹⁶. Не прошло и двух лет после подписания Бухарестского договора, как в результате крутого поворота от политики нейтралитета — к объявлению войны Центральным державам, страна *фактически раскололась*: в ней оформились «два соперничающих лагеря, для которых имена Венизелоса и короля Константина стали своеобразными знаменами»¹¹⁷. Более того, дело дошло до «национальной схизмы»: открытой гражданской войны между «государством Афин», ориентированным на сохранение нейтралитета, и «государством Салоник» — членом Антанты. Новая и Старая Греции вошли в клинч! И снова, одним лишь содействием «внешнего фактора» (а Антанта приложила все силы для свержения Константина), политический кризис в стране был на время урегулирован¹¹⁸.

В результате, приходим к выводу — опыт Балканских войн говорит скорее об опасности и вредных последствиях региональных, «соседских» вооруженных конфликтов для целей модернизации, к которой каждая из балканских стран по-своему стремилась, чем о пользе для нее. Достигнутый в первом десятилетии XX в. на Балканах «цивилизационный уровень» — заимствование (или прямая «пересадка») европейских политических образцов — носил в странах региона «имитационный» характер. В действительности же, повторим, за фасадом европейских новаций скрывались устойчивые структуры и стереотипы традиционного мышления, что мешало местной элите видеть главную задачу и способ развития страны в последующей внутренней *само модернизации* и осознавать *подлинные* национальные интересы государства...

Эта дорого доставшаяся Болгарии истина хорошо просматривается на ее же опыте. Модернизационный «разбег», взятый страной в первое десятилетие XX в., был столь внушителен в экономическом плане, что инспекция Торгово-промышленных палат в сентябре 1913 г. засвидетельствовала: на основе наличных данных, после демобилизации в стране имеется свыше 1 миллиона тонн провианта урожаям 1912 и 1913 гг.; «крестьянское население в своих мелких хозяйствах помогало и будет помогать пережить войну без напряжения и ликвидировать ее последствия без экономических потрясений...

Нет чувствительной приостановки и в остальных отраслях экономики. Мукомольная, текстильная, кожевенная, спиртовая отрасли работали безостановочно и гораздо интенсивнее, (чем прежде. — *Авт.*)»¹¹⁹. В документе указывалось, что накануне войны страна находилась «на настоящем экономическом подъеме».

Однако после тяжелого поражения 1913 г. вопрос о том, могла ли быть использована сохранившаяся благоприятная экономическая конъюнктура в целях «большой модернизации», не ставился. Выше приведенные данные собирались по запросу нового правительства В. Радославова, настроенного на реванш. И, очевидно, были посчитаны удовлетворительными для вступления Болгарии в новую войну — Мировую. Но и она для Болгарии окончилась разгромом — 2-й национальной катастрофой, из которой страна вышла в 1918 г. едва живой, с имиджем коварного агрессора, вышла, находясь в глубоком внутреннем кризисе.

Как ни странно, но для глав старых буржуазных партий все эти несчастья свалились как будто нежданно-негаданно, настолько они не привыкли думать об ответственности за свои действия. И словно однажды проснувшись и протерев глаза, они увидели, что на троне — новый царь (1918), а во главе правительства — новый «крестьянский» премьер (1919). Затем им пришлось прочитать условия унижительного мирного договора, ультимативно предъявленного в Версале их стране (1919), от чего они пришли в неподдельный ужас и негодование. Подписать такой договор никто из них не рискнул. В довершение всего пришлось осознавать, что Болгария находится в кольце изоляции, созданного вокруг нее соседними балканскими государствами.

Только теперь некоторые представители болгарской элиты стали понимать, что старая власть *проиграла судьбу страны*, которая могла быть совершенно иной. Вот он — итог выбора между модернизацией и войной. Болгария была отброшена на несколько десятилетий назад. Приходилось начинать все сначала.

В начале 1920-х гг. Андрей Ляпчев, один из опытных болгарских политиков, вынужден был признать: «Из-за войн и по другим причинам мы упустили дело создания нашей и пере-

водной литературы для обоснования принципиальных позиций по вопросам общественной солидарности, национализма, экономического развития общества и, в частности, нашей страны с точки зрения личной инициативы, собственности и кооперативного дела. Здесь у нас большая пустота, социалисты — тесняки и широкие — сделали в этом отношении гораздо больше»¹²⁰. Ему вторил богатый банкир и известный политик Атанас Буров, непосредственный участник событий 1912—1915 гг. В 1921 г. выступая в клубе Объединенной народно-прогрессивной партии, он заявил: «Я пришел, господа, к глубокому убеждению, а повседневный опыт все больше укрепляет меня в том, что несчастья, пережитые Болгарией..., являются результатом политического бессилия болгарских политических партий — результатом отсутствия большой демократической, прогрессивной силы, которая не только умеет правильно думать, но и быть сильной для реализации своей правильной мысли, своих правильных начинаний»¹²¹.

Не о такой ли разбалансированности политической жизни и отсутствии у партийных лидеров понимания, что является в ней главным, размышлял швейцарский обществовед У. Альтерматт, систематизируя материал по странам Центральной и Восточной Европы: «Политические элиты, — писал он, — занимались главным образом национальным вопросом, который они считали гораздо более важным, чем буржуазные права и свободы граждан»¹²².

Лишь с середины 1930-х гг. после декрета о роспуске политических партий в Болгарии, означавшем развал партийной системы, и запрещения, наконец, деятельности ВМРО на территории страны, произошло укрепление центральной власти, и появились сравнительно благоприятные условия для серьезной буржуазной модернизации¹²³.

В заключение посмотрим на события 1912—1913 гг. из дня сегодняшнего. Применительно к геополитическим сдвигам на Балканах рубежа XX — XXI вв. наблюдается любопытнейшее явление, которое принес с собой отмечаемый 100-летний юбилей Балканских войн. Предельно обобщая его суть, можно сказать, что они «закончились ничем». Мы видим все ту же,

необъединенную, Сербию*); практически «довоенную» (т.е. не получившую ни Македонию, ни выхода к Эгейскому морю) Болгарию; Македонию, хотя формально и независимую, но по-прежнему аморфную и с неопределенным славяно-албанским будущим.

Лишь Греция, казалось бы, удержалась в границах Бухарестского мирного договора 1913 г. и Флорентийской конвенции 1914 г. об Эгейских островах... Однако и здесь нас ожидает удивительная метаморфоза — недавние сообщения информационных агентств принесли ошеломляющие вести: права операторов Пирея и Салоник будут переданы турецким инвесторам на 35 лет! На очереди стоит и вопрос о распродаже греческих островов. Хотим мы того, или нет, но концессионеры-турки возвращаются победителями в Европу, опять становясь «дежурными» по Балканам, а несостоятельные должники-греки вынуждены откупаться от вчерашних побежденных.

В чем причина того? Нам думается, что, как это ни парадоксально, потерпевшая поражение в Первой балканской и Мировой войнах Турция оказалась чуть ли не единственной страной в регионе, четко осознавшей свои национальные (подчеркиваем — *национальные*) интересы. Лишившись империи и почти всех «иноязычных» территорий, а также изгнав малоазийских греков в результате навязанной Афинами войны 1919—1922 гг., секулярный кемалистский режим не стал мечтать о реванше, но, консолидировав турецкое национальное ядро и символически перенеся столицу из Стамбула в Анкару, вступил в процесс *самомодернизации*. В чем ему затем помогли неучастие во Второй мировой войне и послевоенные события, связанные с членством в НАТО, предоставлением западной помощи, и т.д.

Результаты той *качественной* «смены вех», как говорится, налицо...

* Показательно, что Л.Д. Троцкий еще в *августе 1913 г.* спрогнозировал возможность такой ситуации: «Сербия включает теперь в свои пределы около полумиллиона македонцев, как она уже включила около полумиллиона албанцев. Головокружительный успех! На самом же деле этот враждебный миллион может оказаться *роковым* (выделено нами. — Авт.) для исторического существования Сербии» (*Троцкий Л.Д. Бухарестский мир // Он же. Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 269*).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Павич М. Веджвудский чайный сервиз // *Он же. М. Железный занавес. Рассказы.* СПб., 2002. С. 13.

² См., например: *Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны.* М., 1985; *Искендеров П.А. Балканские войны 1912—1913 гг.* // В «пороховом погребце» Европы. 1878—1914. М., 2003. С. 476—507, и др.

³ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952. С. 181.

⁴ *Милићевић М.* Рат за море. Београд, 2011. С. 245—246.

⁵ Исто. С. 247.

⁶ См.: *Хлебникова В.Б.* Скутари 1913 г.: проверка российско-черногорского союза на прочность // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912—1913). М., 2012. С. 163—177; *Она же.* Патриархальный воин в индустриальную эпоху (П.А. Ровинский и Н.П. Потапов о боевых качествах черногорцев) // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 632—652.

⁷ *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.). СПб., 2004. С. 29—30.

⁸ *Стојановић К.* Слом и васкрс Србије. Приредило С. Турлаков. Београд, 2012. С. 87.

⁹ См.: *Тимофеев А.Ю.* Сербские четники накануне и в ходе Балканских войн: социальный феномен, национальная традиция и военная тактика // Модернизация vs. война... С. 102—122.

¹⁰ *Троцкий Л.Д.* В запоздалой стране // *Он же.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 35—38... Подробнее о пребывании Л.Д. Троцкого в Сербии во время Балканских войн см.: *Шемякин А.Л.* Л.Д. Троцкий о Сербии и сербах (военные впечатления 1912—1913 гг.) // Историки-слависты МГУ. Кн. 9. Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М., 2013. С. 51—76.

¹¹ Рукописно одељење Матице Српске (Нови Сад). Бр. М.14.045. *Ђорђевић В.* Успомене: културне скице из XIX века. Књ. 3. «У војсци». С. XI.

¹² *Айранетов А.Г.* Балканы начала XX века: взгляд венгерского современника // Австро-Венгрия. Центральная Европа и Балканы (XI — XX вв.). СПб., 2011. С. 343.

¹³ *Дворниковић В.* Херојски тип и његове негативности // *Исти.* Борба идеја. Београд, 1995. С. 111.

¹⁴ Цит. по: *Троцкий Л.Д.* Лаза Пачу // *Он же.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. С. 61.

¹⁵ Цит. по: *Perović L.* Dobrica Ćosić o Josipu Brozu Titu. Skica za istraživanje političkog i intelektualnog odnosa // *Tito — viđenja i tumačenja (zbornik radova).* Beograd, 2011. S. 169.

¹⁶ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. I. М., 1961. С. 226.

¹⁷ *Пашић Н.* Моја политичка исповест // *Србија и коментари.* Београд, 1989. С. 129.

¹⁸ *Кузьмичева Л.В.* Сербия между Западом и Востоком (поиски пути государственного строительства в XIX веке) // *Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX вв.* М., 2003. С. 76.

¹⁹ Цит. по: *Поповић-Обрадовић О.* Војна елита и цивилина власт у Србији 1903—1914. године // *Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века.* Књ. 3. Улога елита. Београд, 2003. С. 204.

²⁰ *Рид Д.* Вдоль фронта. М. — Л., 1928. С. 66.

²¹ Цит. по: *Мишиковић Н.* Базари и булеварии. Свет живота у Београду 19. века. Београд, 2010. С. 269—270. См. также: *Бекић Т.* Катарина Штурценегер и њен доживљај Србије и Срба за време Првог светског рата // *Штурценегер К.* Србија у Европском рату 1914—1915. Београд, 2009. С. 150.

²² Цит. по: *Глигоријевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић. Т. I. У ратовима за национално ослобођење. Београд, 2002. С. 76.

²³ *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 67.

²⁴ Родина. 7 октября 1912 г. № 41. С. 1. Приведено по: *Гусев Н.С.* Тема славянского единства в русской периодической печати во время Балканских войн 1912—1913 гг. // *Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности.* М., 2011. С. 464—465.

²⁵ *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 23, 28.

²⁶ См.: *Geroŷymatos A.* The Balkan Wars: Conquest, Revolution and Retribution from the Ottoman Era to the Twentieth Century and Beyond. N.Y., 2002.

²⁷ *Субаев Р.Р.* Имперская политическая традиция в Юго-Восточной Европе как идеологическая предпосылка Балканских войн 1912—1913 гг. // *Модернизация vs. война... С. 16—17.*

²⁸ Там же. С. 25—27.

²⁹ *Лавелз де Э.* Балканский полуостров. Ч. 2. М., 1889. С. 12.

³⁰ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 818. Д. 275. Л. 11 (К.Ф. Радченко — Т.Д. Флоринскому. Солунь, 9/21 июня 1899 г.).

³¹ *Радић Р.* Верска елита и модернизација — тешкоће проналажења одговора // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века. Књ. 3. Улога елита. С. 157.

³² *Бобриков Г.И.* В Србији. Из воспоминаний о войне 1877—1878 гг. // Русские о Србии и сербах. Т. I. СПб., 2006. С. 259.

³³ *Дарам М.* Кроз српске земље. Београд, 1997. С. 151.

³⁴ *Козлова Н.Н.* Социально-историческая антропология. М., 1999. С. 86.

³⁵ Цит по: *Гришина Р.П.* Предисловие // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002. С. 9.

³⁶ *Марковић С.* Граф Чедомиљ Мијатовић — протестански дух међу Србима // Либерална мисао у Србији. Прилози историји либерализма од краја 18. до средине 20. века. Београд, 2001. С. 280.

³⁷ *Макарова И.Ф.* Болгары и Танзимат. М., 2010. С. 105.

³⁸ *Даскалов Р.* Българското общество. 1878—1939. Т. I. София, 2005. С. 367.

³⁹ *Прешленова Р.* Училище за промяна // И настъпи време за промяна. Образование и възпитание в България. XIX — XX в. София, 2008. С. 18.

⁴⁰ *Даскалова К.* Женската идентичност: норми, представи, образи в българската култура от XIX — началото на XX в. // Балкански идентичности в българската култура от модерната епоха. Ч. 2. София, 2002.

⁴¹ *Прешленова Р.* Училище за промяна... С. 18.

⁴² *Паларе М.* Балканске привреде око 1800—1914. Еволуција без развоја. Београд, 2010. С. 203, 370—372.

⁴³ Там же. См. также: *Рајић С.* Александар Обреновић. Владар на прелазу векова — сукобљени светови. Београд, 2011. С. 251.

⁴⁴ *Вивијан Х.* Србија — рај сиромашних. Белград, 2010. С. 208.

⁴⁵ *Кайчев Н.* Македонијо, възжелана. Армијата, училището и градежът на нация в Сърбия и България (1878—1912). София, 2006. С. 92.

⁴⁶ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3-х тт. Т. III. М. 1967. С. 498—499.

⁴⁷ См., например: *Водовозова Е.Н.* Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы // Русские о Србии и сербах. Т. I. С. 371.

⁴⁸ Православная жизнь русских крестьян XIX — XX веков. М., 2001. С. 330—331; *Шемякин А.Л.* Система народного образования в независимой Србии: принуждение или потребность // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). СПб., 2007. С. 90—102.

⁴⁹ *Паларе М.* Балканске привреде око 1800—1914. Еволуција без развоја. С. 371.

⁵⁰ Самоуправа (Београд). 28. новембра 1905. г. Приведено по: *Паларе М.* Балканске привреде око 1800—1914. Еволуција без развоја. С. 372.

⁵¹ Цит. по: *Исић М.* Писменост у Србији у 19. веку // *Образовање код Срба кроз векове.* Београд, 2003. С. 66—67.

⁵² *Кайчев Н.* Македонијо, възжелана. Армијата, училището и градежът на нация в Сърбия и България (1878—1912). С. 50, 59, 71—72.

⁵³ *Зундхаузен Х.* Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2009. С. 187.

⁵⁴ *Паларе М.* Балканске привреде око 1800—1914. Еволуција без развоја. С. 372.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Овсянный НР.* Сербия и сербы // *Русские о Сербии и сербах.* Т. I. С. 392.

⁵⁷ *Тодоровић П.* Дневник. Приредила Л. Перовић. Београд, 1990. С. 189—190.

⁵⁸ Рукописное отделение Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). Ф. 253. Д. 719. Л. 52 (М.Н. Раевский — М.Г. Раевской. Черноводы, 2 августа 1877 г.).

⁵⁹ *Шемякин АЛ.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // *Модернизация vs. война...* С. 146—151.

⁶⁰ *Тодев Ил.* Бележки към проблема за генезиса и ролята на националната идея в българското възраждане // *Епохи. Историческо списание.* В.-Търново, 1994. С. 39.

⁶¹ *Кайчев Н.* Македонијо, възжелана. Армијата, училището и градежът на нация в Сърбия и България (1878—1912). С. 64, 92.

⁶² *Гришина РЛ.* Болгария: опыт социализированной модернизации (конец XIX — первая половина XX в. // *Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности...* С. 90—91.

⁶³ *Костов А.* Техническото и търговското образование в България до Първата световна война — дискусии, идеи, реализация // *И настъпи време за промяна...* С. 51.

⁶⁴ Там же. С. 23.

⁶⁵ *Илчев И.* Българче да те наричам първа радост е за мене // *Ирония на историка.* Професор Милчо Лалков. София, 2004. С. 100.

⁶⁶ *Прешленова Р.* Училище за промяна... С. 21.

⁶⁷ *Паларе М.* Балканске привреде око 1800—1914. Еволуција без развоја. С. 209.

⁶⁸ *Проданов В.* Теория за българския преход. София, 2012. С. 103.

⁶⁹ *Свинтила Вл.* Етюди по народопсихология на българите. София, 2007. С. 50.

⁷⁰ *Троцкий Л. и Кабакчиев Х.* Очерки политической Болгарии. М.-Пг., 1923. С. 27.

⁷¹ *Иванова Е.* Балканите: съжителство на вековете. Изследване върху (не) състояването на балканската модерност. София, 2005. С. 165.

⁷² *Генчев Н.* Очерци социално-психологически типове в българската история. София, 1987. С. 150.

⁷³ *Прешленова Р.* Училище за промяна... С. 21—22.

⁷⁴ *Пелева И.* Идеологът на нацията. Думи за Вазов. Пловдив, 1994. С. 8.

⁷⁵ Цит. по: *Растовић А.* Велика Британија и Македонско питање. 1903—1908. године. Београд, 2011. С. 44.

⁷⁶ *Прешленова Р.* Училище за промяна... С. 22.

⁷⁷ *Влахов-Мицов Ст.* Владетели в примка. Книга за княз Батенберг, царь Фердинанд и царь Борис III. София, 1992. С. 62.

⁷⁸ Там же. С. 11—12. См. также: *Илчев Ив.* Митът за Сан-Стефанска България като «свещена крава» на българския патриотизъм // История. София, 1995. № 6; *Петков П.* Съдбата на българския възрожденски идеал (бележки върху развитието на идеите за държавно устройство и политическото управление и реализацията им през XIX и XX век) // Двадесетият век. Опит за равностетка. Сборник с доклади от българо-германска конференция, проведена на 3—4 март 2000. София, 2003, и др.

⁷⁹ *Толомео Р.* Италианската политика спрямо Княжество България от Освобождението до признаването на Фердинанд за български княз (1878—1896) // Италия, България и Балканите. 1870—1919. София, 2012. С. 64.

⁸⁰ Там же. С. 72—73.

⁸¹ *Костова В.* Македония и македонският въпрос в белгийски дипломатически документи. 1885—1908. // Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби на българите. София, 2005. С. 343.

⁸² Научен архив на БАН. Ф. 44 к. Оп. 1. А. е. 107. Л. 1—2 (рукопись).

⁸³ *Саздов Д.* «Войната» като пъг за разрешаване на българския национален въпрос в програмите и програмните документи на буржоазните партии от началото на XX век // 90 години на организирани военноисторически изследвания в България. София, 2004. С. 348.

⁸⁴ *Мишкова Д.* Европейски идеи и институции в политическата система на България. 1878—1914 // Модерният историк. Въображение, информирование, поколения. София, 1999. С. 20.

⁸⁵ *Саздов Д.* «Войната» като пъг за разрешаване на българския национален въпрос в програмите и програмните документи на буржоазните партии от началото на XX век... С. 348.

⁸⁶ Там же. С. 341.

⁸⁷ *Божинев В.* Българската просвета в Македония и Одринска Тракия. 1878—1913 г. София, 1982. С. 136.

⁸⁸ *Гришина Р.П.* Между България и Македонией: идеи и практика Тодора Александрова (миф о легендарном болгарском патриоте) // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 128—129.

⁸⁹ *Елдџров Св.* «Голямото разочарование»: България и въстанието // Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби на българите. С. 175.

⁹⁰ *Тодев И.* Бележки към проблема за генезиса и ролята на националната идея в българското възраждане // Епохи. Историческо списание. С. 39.

⁹¹ *Саздов Д.* «Войната» като път за разрешаване на българския национален въпрос в програмите и програмните документи на буржоазните партии от началото на ХХ век... С. 336, 339.

⁹² Там же. С. 342.

⁹³ *Гешков Т.И.* Земеделският съюз против войната. Как сдружените земеделци се бориха против безумия на партиите. София, 1921. С. 4.

⁹⁴ *Стоянов Хр.* Българската радикална партия. 1906—1949. София, 1984. С. 74.

⁹⁵ *Янчев В.* Апология на Българската социалдемократия. 1891—1944 г. // Изследвания по история на социализма в България. 1891—1944. София, 2008. С. 73.

⁹⁶ *Палангурски М.* Избирателната система в България. 1879—1911. В.-Търново, 2007. С. 267.

⁹⁷ *Штрандман В.* Балканске успомене. Београд, 2009. С. 45.

⁹⁸ Централен държавен архив (София). Ф. 1889 к. Оп. 1. А.е. 33. «Репорт-анализ положения на Балканах». 1910 г.

⁹⁹ См. подробнес: *Гришина Р.П.* България на пути к войне и Българский земледельческий народный союз // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов ХХ века. СПб., 2011. С. 22.

¹⁰⁰ *Елдџров Св.* Голямата сила на малкия свят. Народопсихологическите корени на бойния дух // Българи, България, български съдби. София, 2010. С. 253.

¹⁰¹ *Марков Г.* Поуки от Балканските войни 1912—1913 г. // Военно-исторически сборник. София, 2003. С. 27.

¹⁰² Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 395. Оп. 1. Д. 341. Л. 4. (П.А. Ровинский — А.Н. Пыпину. Белград, 20 апреля 1868 г.).

¹⁰³ *Елдџров Св.* Балканската война от «сега или никога» до «всичко или нищо» // Военно-исторически сборник. София, 2006. № 4. С. 4.

¹⁰⁴ *Жујовић Ј.* Дневник. Приредио Д. Тодоровић. Т. II. Београд, 1986. С. 57.

¹⁰⁵ *Косиќ В.И.* Крыло бабочки // Модернизација vs. војна... С. 60.

¹⁰⁶ *Искендеров П.А.* Србија, Черногория и албанскиј вопрос в начале XX века. М., 2013. С. 396.

¹⁰⁷ *Вучковић В.* Унутрашње кризе Србије и Први светски рат // Историјски часопис. Књ. XIV-XV. Београд, 1965. С. 188.

¹⁰⁸ *Михајловић П.* Дневници. Приредила Ј. Милановић. Београд, 2010. С. 396.

¹⁰⁹ Сто говора Николе Пашића. Вештина говорништва државника. Приредио Ђ. Станковић. Књ. 1. Београд, 2007. С. 326.

¹¹⁰ Архив Српске Академије наука и уметности. Заоставштина Милана Живановића. Бр. 14434/719 («Конфликт 1914. године»). С. 2.

¹¹¹ *Шемякин А.Л.* Србија в начале XX в. // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 36—37; *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012. С. 349—378.

¹¹² *Жујовић Ј.* Дневник. Т. II. С. 15.

¹¹³ *Погодин А.Л.* Славянскиј мир. Политическое и економическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915. С. 366.

¹¹⁴ *Жујовић Ј.* Дневник. Т. II. С. 14—15.

¹¹⁵ *Чиркович С.* История сербов. М., 2009. С. 312.

¹¹⁶ *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. М., 1990. С. 48.

¹¹⁷ *Семенов К.Н.* Элефтериос Венизелос — в погоне за «Великой Грецией» // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. С. 174.

¹¹⁸ Там же. С. 174—176.

¹¹⁹ Съкратени протоколи на Софийската камара XXIV и XXV редовна сесия. София, 1921. С. 20—21

¹²⁰ Научен архив на Българската академия на науките. Сб. IV. А. е. 194. Ч. 1. С. 71. По воспоминаниям М. Янчулева, секретаря А. Ляпчава.

¹²¹ *Цветков Ж.* Атанас Буров. Живот за България. София, 1992. Док. № 14. С. 259.

¹²² *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 81.

¹²³ *Гришина Р.П.* Особенности развития системы образования, науки и культуры в 20-х — начале 40-х гг. // Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 407—424.

К.В. НИКИФОРОВ

От поли- к моноэтничности на Балканах (1912—2012 гг.)

Говоря об особенностях этнических изменений на Балканах за последние сто лет, нужно отметить два момента.

Во-первых, следует напомнить известный факт, что существуют два взгляда на нацию. Первый — политическая гражданская нация, когда это понятие связывается прежде всего с государством и второй — этническая нация, где на первый план выходит этнокультурная близость. И этот второй подход, в отличие от Западной Европы, доминирует в ментальности восточноевропейцев. Не случайно на востоке Европы провалились все попытки сформировать гражданские нации. Безрезультатно окончилось конструирование «сложных этносов», создание югославо́в, чехословако́в, «новой исторической общности — советского народа». Наоборот, на Балканах в XX в. выделились новые этносы — македонцы, черногорцы, боснийцы. Этничность пронизывает самосознание восточноевропейцев и в наши дни. Отмена в середине 1990-х годов упоминания национальности в паспорте гражданина Российской Федерации сопровождалась ожесточенной дискуссией, продолжающейся до наших дней.

Во-вторых, в XIX в. для многих балканских народов изгнание со своей территории инородцев (этнические чистки, как сказали бы мы сегодня) являлось одним из важных механизмов обретения независимости. Так, до Первого сербского восстания на территории Белградского пашалыка проживало 40—50 тыс. турок и потурченцев, а православных сербов — около 400 тыс. Накануне Второго сербского восстания мусульманское население сократилось вдвое и составляло уже около 24 тыс.¹ В дальнейшем борьба сербского народа за независимость была также неразрывно связана с изгнанием из страны

турецкого населения и прежде всего ликвидацией турецких крепостей с гарнизонами в сербских городах (1862 и 1867 гг.). Принцип был один: «чем меньше турок, тем свободнее Сербия». Уместно вспомнить и другую часть сербского народа — черногорцев, которые под девизом «Очистим Черногорию от турецкого духа» в ночь под Рождество 1709 г. истребили несколько тысяч потурченцев. Изгнание черногорцев-мусульман продолжалось весь XVIII в.

В балканской истории изгнание чужаков отнюдь не было исключением. Этническая чересполосица, вызванная многочисленными вторжениями и завоеваниями, провоцировала насильственные перемещения больших групп населения при воссоздании национальных государств и их расширении до трактуемых часто весьма расширительно этнически обусловленных границ. Этот процесс национального разграничения, в отличие от Западной Европы, на Балканах не был никогда полностью завершен. Решающую роль в этом, в воспроизводстве межэтнической напряженности сыграло непрекращавшееся вмешательство на Балканы великих держав. Во многом именно из-за этого в регионе остается огромное количество территориальных споров.

Все это не могло не сказаться на многочисленных этнических изменениях на Балканах за выбранные нами сто лет — с 1912 по 2012 гг. В начале этого рубежа этнические перемещения были связаны главным образом с двумя Балканскими войнами. Первая война в 1912—1913 гг. оказалась своего рода финальной «реконкистой», выдавливанием Турции и турецкого населения обратно в Азию, вторая в 1913 г. — межсоюзнической, дележом трофеев. Считается, что эти войны привели к насильственному перемещению более полумиллиона человек. Затем были балканские фронты Первой мировой войны, распад Османской и Австро-Венгерской империй, образование на их месте новых национальных государств как реализация модного тогда лозунга о праве наций на самоопределение. В ряде случаев, в частности, для проведения границ в южной Каринтии между Словенией (вошедшей в Королевство сербов, хорватов и словенцев) и Австрией были организованы опросы местного населения путем плебисцита.

В то же время Версальская система договоров, основанная на этом праве, не привела к ликвидации множества нацио-

нальных противоречий. Новые границы снимали ряд старых противоречий, но порождали новые. При этом все балканские страны оставались многонациональными.

Для смягчения национальных противоречий был, как известно, проведен обмен населением в приграничных районах. Образцом стал турецко-болгарский договор 1913 г. Были подписаны два двусторонних договора — греко-болгарская (Нейи, 1919 г.) и греко-турецкая (Лозанна, 1923 г.) конвенции². Во втором случае обмен населением произошел в связи с греко-турецкой войной 1919—1922 гг. и поражением в ней Греции. Обмен населением затронул тогда почти 2 млн. человек (1,5 млн. греков и 400 тыс. мусульман). Переселение греков, проживавших в Малой Азии и Восточной Фракии, вошло в греческую историографию под названием «Малоазиатской катастрофы».

Следует отметить, что задействованные после Первой мировой войны инструменты этнического разграничения (плебисциты, обмен населением и т.п.) сыграли свою роль, но оказались в дальнейшем, в 1990-е годы, незаслуженно забыты. Это неизбежно сужало поиск компромиссов и вело к дополнительным кровопролитиям.

Накануне и во время Второй мировой войны политику принудительного переселения на Балканах проводили главным образом союзники Германии. Так, в 1940 г. после включения в состав Болгарии Добруджи, Македонии и Западной Фракии (ранее входивших в состав Румынии, Югославии и Греции), болгарские власти выселили около 100 тыс. румын, 300 тыс. сербов и 100 тыс. греков, переселив на их место 125 тыс. болгар. В 1943—1944 гг. новые договоры об обменах населением заключили между собой Румыния, Венгрия и Болгария: суммарное число затронутых этими переселениями людей составило более полумиллиона человек³.

На территории так называемого Независимого государства Хорватии было убито 500 тыс. сербов, 80 тыс. цыган, более 20 тыс. евреев и несколько тысяч людей других национальностей⁴. Именно после этой резни в некоторых районах Хорватии и в Боснии и Герцеговины сербское население из большинства превратилось в меньшинство. Около 10 тыс. сербов было истреблено албанцами в Косово и Метохии, 100 тыс. албанцев переселилось туда из Албании и примерно такое же количество сербов бежало из этого края в собственно Сербию⁵.

Трагедия европейского еврейства существенно изменила этническую картину всего европейского континента, но особенно его восточной части, включая Балканы. В Восточной Европе доля еврейского населения сократилась после войны до 0,9%. В Венгрии осталось всего 1,5% евреев, в Болгарии — 10%. Относительно благоприятнее сложилась судьба евреев в Румынии, где уцелело 57% еврейского населения⁶. Но потом и из Румынии начался отток евреев. И если до войны в этой стране было 750 тысяч евреев, то в начале XXI в. их осталось менее десяти тысяч⁷.

Не стала исключением и Россия. Как известно, к концу XIX в. в Российской империи существовала самая большая еврейская община мира. Сегодня же в России осталось немногим более 200 тыс. евреев. Фактически это означает конец того многогранного явления русско-еврейского симбиоза, которое А.И. Солженицын назвал «Двести лет вместе».

Самые крупные этнические чистки предстояло испытать по завершении войны немцам, проживавшим на территории стран Центральной и Юго-Восточной Европы⁸. Немецкое население сначала бежало с отступающей армией, а затем в течение нескольких лет было насильственно выселено из своих домов в Польше, Чехословакии и других стран. Из депортированных немцев, преимущественно женщин, стариков и детей, далеко не все сумели добраться до Германии живыми. В Восточной Европе фактически исчезла более чем 10-миллионная довоенная немецкая диаспора. В силу массовости и большого влияния на этническую картину послевоенной Восточной Европы процесс бегства и депортации немецкого населения получил название «немецкого исхода».

Этот процесс «немецкого исхода» затронул и Балканы, в частности Югославию. Еще в ноябре 1944 г. новая коммунистическая власть постановила лишить гражданства все немецкое население. Это решение затронуло сотни тысяч человек. Из полумиллионной немецкой диаспоры довоенной Югославии по переписи 1948 г. в стране осталось не более 55 тыс. человек⁹.

В Воеводине (Сербия) до Второй мировой войны было около 500 тыс. немцев. По переписи же 2002 г. в этом крае оставалось около 3 тыс. немцев, а во всей Сербии их было менее 4 тыс. Одновременно в ту же Воеводину в рамках так называе-

мой аграрной реформы и колонизации на опустевшие и конфискованные земли было переселено более 40 тыс. семей из Боснии, Черногории, Македонии, Хорватии, других республик¹⁰. Еще около 28 тыс. немцев проживало до войны в Словении. Они также практически полностью были высланы. Из Хорватии, в основном из Славонии, было изгнано около 90 тыс. немцев. В Славонию в рамках программы колонизации также переселялись жители из других регионов Югославии¹¹.

Исключение в первые послевоенные годы составила Румыния, где осталось три четверти немецкого населения¹². Немцы стали покидать эту страну позже, уже во время правления Н. Чаушеску.

Пострадали и союзники немцев. В 1944—1948 гг. около 170 тыс. венгров были переселены в Венгрию из Словакии, Югославии и Закарпатской Украины. Происходили встречные перемещения венгерского и румынского населения. С обеих сторон было перемещено 425 тыс. человек. Тогда же около 140 тыс. итальянцев были высланы из Хорватии в Италию, а около 120 тыс. болгар — из Македонии и Греции в Болгарию. (До 1951 г. происходил встречный процесс отъезда турок из Болгарии в Турцию, который затронул более 180 тыс. человек)¹³.

Фактически везде в Восточной Европе происходили попытки создания монолитных в этническом отношении государств. Отношение к национальным меньшинствам было подспудно подорвано гитлеровской Германией, которая в предыдущий период активно разыгрывала карту своего меньшинства в ряде сопредельных стран. К тому же в сложившихся после войны условиях «в международном сообществе стало преобладать мнение о целесообразности защиты не коллективных, а индивидуальных прав представителей национальных меньшинств. Считалось, что соблюдение всеобщих прав человека повсюду гарантирует одинаковую правовую защиту для всех, в том числе и малых этнических групп... Так или иначе ... в регионе многие, отделенные от основной части своей нации этнические общности долгое время были лишены коллективных прав»¹⁴.

Процессы усиления этнического однообразия продолжались в Греции. «Многоэтничность Юго-Восточной Европы еще недавно была чем-то очевидным: недаром ее обозначали расхожим итальянским выражением *macedonia di frutta*, “фруктовая смесь”, пишет немецкий историк Ш. Трёмст. Пре-

красным примером этого, по его мнению, служит греческий город Салоники. Однако некогда «светская секуляризованная многоязычная столица европейской Турции за несколько десятилетий превратилась в моноязычный и моноконфессиональный промышленный город, населенный вчерашними крестьянами, практически лишенный пригородов и к тому же расположенный на северной окраине маленького национального греческого государства»¹⁵. В данном случае Греция, конечно, часть Балкан и понимаемой широко Восточной Европы, а не западной части континента, хотя она и оказалась в западном блоке биполярного мира.

Аналогичная картина наблюдалась в болгарском Пловдиве. Ее талантливо описал уроженец этого города старейший болгарский писатель А. Вагенштайн. В его романе «Вдали от Толедо» древний торговый Пловдив, населенный, помимо болгар, евреями-сефардами, турками, цыганами, армянами, греками, после Второй мировой войны постепенно превращается в чисто болгарский город, где место коренных пловдивцев занимают деревенские пришельцы¹⁶.

Кстати, сходную судьбу пережила и Одесса — главный порт Российской империи. Некогда это был один из самых этнически пестрых русских городов (одних евреев было около 40%). Однако сегодня уже более 90% его жителей составляют украинцы и русские¹⁷.

Пример целенаправленного изменения этнического состава страны дает живковская Болгария, когда в конце 1984 — начале 1985 г. более 850 тыс. болгарских граждан в результате административного давления были вынуждены сменить свои мусульманские имена на болгарские¹⁸. Такое искусственно превращение турок и потурченцев в болгар привело к тому, что в 1989 г. около 300 тыс. болгарских турок покинуло страну и перебралось в Турцию. Их было бы еще больше, если бы Турция не закрыла границу¹⁹.

Характерно, что в своих мемуарах коммунистический лидер Болгарии Т. Живков не только оправдывал проводимый им курс, но и критиковал своих предшественников Г. Димитрова и В. Червенкова. Получив, по его словам, в наследство проблемы, связанные с турками, болгарскими мусульманами и цыганами, они не только не нашли решения этих проблем, но их усугубили. Они осуществляли «абсурдную политику» формирования

многонациональной Болгарии, что углубляло разделение ее народа и по религиозным признакам, и по образу жизни»²⁰.

С середины XIX и до середины XX вв. решение балканских межэтнических проблем часто виделось в создании более крупных многонациональных государств, поглощавших внутри себя не только разные народы, но и их территориальные споры. Самый яркий пример дает Югославия, нереализованными остались многочисленные планы Балканской или Дунайской федераций. Однако в конце XX в. тенденция оказалась диаметрально противоположной. Для решения национальных противоречий многонациональных государств их начали делить.

Напомним, что распад и развал Югославии сопровождался чередой межэтнических гражданских войн, в результате которых этническая карта бывшей Югославии была полностью изменена. Сказались, конечно, многотысячные человеческие жертвы, ведь в одной только боснийской войне погибло около 100 тыс. человек²¹. Однако к полному «переформатированию» этнического пространства бывшей Югославии привели больше всего этнические чистки.

В этнических чистках обвинялись преимущественно сербы, но в итоге именно они, как проигравшая сторона, пострадали от них больше других. Как это всегда и бывает, проигравшие войну платили за общие грехи.

Этнические перемещения, которые произошли на территории бывшей Югославии во время югославского кризиса, в целом достаточно хорошо известны. Вместе с тем до сих пор существуют большие расхождения в цифрах беженцев и вынужденных переселенцев.

В Словении, ставшей фактически моноэтнической еще после Второй мировой войны, после высылки немцев и итальянцев, особых этнических проблем не было. Разве что, можно вспомнить, что после получения этой югославской республикой независимости права проживать в ней лишились около 25 тыс. человек, главным образом сербы²².

В Хорватии ко времени распада Югославии было примерно 11,5% сербов. Во время хорватской войны (1991—1995 гг.) хорваты изгонялись из тех мест, которые контролировались хорватскими (краинскими) сербами, а сербы — из остальной части Хорватии. По некоторым данным, всего в Хорватии было

330 тыс. хорватов, изгнанных из сербского государственного образования — Республики Сербская Краина. Из них только из Вуковара — 23 тыс. В 1991—1992 гг. было также зарегистрировано 350 хорватов, изгнанных из Воеводины, то есть из собственно Сербии. В то же время по переписи 2001 г. по сравнению с переписью 1991 г. в Хорватии не стало 380 тыс. сербов²³. Масштабы этнических чисток оказались сопоставимы, только хорваты смогли вернуться в свои дома, а проигравшие войну сербы — нет.

Война в Хорватии закончилась в результате двух военных операций хорватских войск весной и летом 1995 г., когда была уничтожена Республика Сербская Краина. Вначале удар был нанесен по Западной Славонии, когда, как считается, около 20 тыс. сербов бежало через мост на пограничной Саве в сербскую часть Боснии и Герцеговины. Два месяца спустя началось решающее наступление на Сербскую Краину. Отступление ее войск по всему фронту сопровождалось бегством гражданского сербского населения (до 200 тыс. человек) в Боснию и Югославию²⁴. Республика Сербская Краина перестала существовать. А Хорватия превратилась по существу в моноэтническое государство, в котором осталось не более 4% жителей, принадлежавших к национальным меньшинствам²⁵. Впервые за 300 и более лет в Хорватии не осталось территорий с компактным проживанием сербов. В дальнейшем кое-кто из сербов вернулся, но этот процесс нельзя назвать массовым.

Еще большие последствия для этнических перемен имела война, разразившаяся в Боснии и Герцеговине (1992—1995 гг.), где сербы составляли примерно 32% населения, хорваты — 17% и боснийские мусульмане (боснийцы, бошняки) — 44%. В ходе войны из 4,5 млн. жителей этой довоенной югославской республики более 2 млн. покинули свои дома. Из восточной части Боснии было изгнано около 800 тыс. боснийских мусульман, из ее западной и центральной части — около 600 тыс. сербов и из той же центральной части — около 300 тыс. хорватов.

Примерно половина беженцев покинула Боснию. Другая половина — переселилась на территории, контролируемые соотечественниками. К сербским жителям Республики Сербской добавилось еще и около 100 тыс. сербов из Хорватии. Фактически в сегодняшней Боснии и Герцеговине и Рес-

публика Сербская, и обе части боснийско-хорватской федерации — Федерации БиГ стали национально однородными. Сразу после войны в Республике Сербской представителей несербской национальности оставалось не более 10%. Бошняки на контролируемых ими землях составляли 80—85% населения. И, наконец, в хорватской части Федерации проживало около 98% хорватов²⁶.

И такое соотношение между тремя боснийскими этническими общинами в целом сохранилось. Так Центр по демографическим и общественным исследованиям в Зворнике полагает, что в Федерации Боснии и Герцеговине осталось менее 4% сербского населения. К такому выводу он пришел, анализируя результаты местных выборов в этом государстве в 2008 г.²⁷ Причем многократные опросы, проходившие уже в дейтонской Боснии, подтверждали нежелание большинства сербов жить в единой Боснии и Герцеговине. Аналогичным было и желание (или нежелание) хорватов. И даже бошняки, позиционируя себя как «титовская нация», выступают лишь за целостность территории Боснии и Герцеговины, но совсем не озабочены сохранением на этой территории сербского или хорватского населения.

Наконец война в Косово (1998—1999 гг.) и натовские бомбардировки сербско-черногорской Югославии (1999 г.) привели к новым волнам беженцев. Сначала, еще до нападения НАТО, мятежный край покинуло около 170 тыс. косовских албанцев, главным образом женщин и детей. Затем уже во время бомбежек еще 790 тыс. албанцев, а также 100 тыс. сербов и других проживавших в крае меньшинств. Большая часть албанцев уходила в Македонию и Албанию. Но часть из них нашли убежище в Сербии и Черногории.

В целом война НАТО против Югославии вызвала перемещение внутри Сербии и частично Черногории более 1 млн. человек. В отличие от беженцев из Хорватии и Боснии, это уже были так называемые вынужденные переселенцы, поскольку они перемещались в границах одной страны. После того, как Косово полностью перешло в руки НАТО и косовских албанцев край покинуло около 250 тысяч сербов²⁸. Косово и Метохия, где и так было около 90% албанцев, стало еще более моноэтническим образованием. Впрочем, и здесь трудно сказать что-то более точно, поскольку также долгое время не было

переписи. К тому же сербские авторы к жертвам этнических чисток относят и всех тех сербов, которые, опасаясь за свою жизнь, десятилетиями покидали Косово еще до распада Югославии.

В целом считается, что за годы югославского кризиса со своих мест было прямо или косвенно изгнано около 4 млн. человек²⁹. Как упоминалось, больше всех пострадали сербы. Сербия оказалась даже на первом месте в Европе по количеству беженцев и вынужденных переселенцев. По данным сербского Комиссариата по делам беженцев, после окончания всех войн Сербия приютила 830 тыс. людей, изгнанных из родных мест³⁰. Для 8-миллионного населения Сербии это была огромная цифра — каждый десятый.

Сегодня ситуация уже заметно изменилась. Но и через 17 лет после окончания войн в Хорватии и Боснии, и через 13 лет после натовских бомбардировок в Сербии зарегистрировано более 300 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев — 97 тыс. беженцев из Хорватии и Боснии и 236 тыс. вынужденных переселенцев из Косово. Раньше беженцев из Хорватии и Боснии было около полумиллиона миллиона, но за последние годы более 200 тыс. беженцев получили гражданство Сербии, другие — возвратились в родные места. Причем количество вернувшихся в Боснию намного превосходит тех, кто вернулся в Хорватию. А в самом незавидном положении оказались около 20 тыс. человек, которые были изгнаны из своих домов в Косово, но переселились не в Центральную Сербию или Воеводину, а в другие сербские анклавов этого ставшего фактически независимым албанского края³¹.

Существующее на сегодняшний день положение вряд ли изменится в обозримом будущем. Согласно проведенным опросам, только 5% из беженцев или вынужденных переселенцев хотели бы вернуться в места прежнего проживания.

Важно подчеркнуть, что везде на постюгославском пространстве во время череды войн и их урегулирования четко прослеживалась одна тенденция — тенденция к моноэтничности, сколько бы ни говорили об обратном, о мультиэтничности и мультикультурности многочисленные западные посредники.

Похожая ситуация наблюдается и в других странах Юго-Восточной Европы. Так, в Болгарии болгары составляют сегодня

85,3% населения, в Румынии румын — 89,5%, в Греции греков — 93%, а в Албании албанцев — 95%. То же самое можно сказать и про центральноевропейские страны: в Словакии — 85,7% словаков, в Чехии — 94,4% чехов, в Польше — 97% поляков, в Венгрии — 98% венгров. Во всем Центральном и Юго-Восточном регионе иная картина наблюдается только в Македонии, где 67% относят себя к македонцам, 29,9% — к албанцам³².

Подчеркнем, что эта тенденция к моноэтничности доминировала на Балканах и даже везде на востоке Европы весь XX век. Распались многонациональные империи, затем многонациональные государства. Фактически исчезли два общих для стран этого региона национальных меньшинства — евреи и немцы. Сильно ослаблено и третье региональное национальное меньшинство — цыгане. Отъезд в последнее время многочисленных болгарских, румынских и других цыган с востока на запад, показывает, что отмеченная нами тенденция для Восточной Европы продолжает существовать. Восток Европы становится еще более этнически однородным.

Такая тенденция существенно отличает восточноевропейский регион от Западной Европы, в которой особенно в послевоенный период заметно увеличилась мультиэтничность. Она даже породила идеологическое обоснование этого процесса в виде концепции мультикультурализма. Мультикультурализм — принципиально иная политика в отношении различных этносов внутри того или иного государства. Это — не интеграция в социокультурную среду доминирующего этноса (крайнее проявление подобного развития — американский «плавильный котел»), а параллельное сосуществование разных, а часто и противоположных культур и культурных традиций.

«Плавильный котел» ассимиляции барахлит и чадит — и не способен «переварить» все возрастающий масштабный миграционный поток, — отмечал В. Путин. — Отражением этого в политике стал «мультикультурализм», отрицающий интеграцию через ассимиляцию. Он возводит в абсолют «право меньшинства на отличие» и при этом недостаточно уравнивает это право — гражданскими, поведенческими и культурными обязанностями по отношению к коренному населению и обществу в целом.

Во многих странах складываются замкнутые национально-религиозные общины, которые не только ассимилироваться,

но даже и адаптироваться отказываются... Ответная реакция на такую модель поведения — рост ксенофобии среди местного коренного населения... Люди шокированы агрессивным давлением на свои традиции, привычный жизненный уклад и всерьез опасаются угрозы утратить национально-государственную идентичность»³³.

Характерно, что в мультикультурности стали разочаровываться и в Западной Европе. Лидеры сразу трех ведущих западноевропейских стран — канцлер Германии А. Меркель, президент Франции Н. Саркози и премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон в 2011 г. заявили о крахе политики мультикультурализма в своих странах. Попутно заметим, что Россия в какой-то степени вписывается в оба отмеченных нами процесса — на востоке и западе Европы. В процентном отношении русских в России больше, чем в Советском Союзе — почти 81% вместо немногим более 50%. И таким образом, Россия повторяет путь всей Восточной Европы. В то же время дает о себе знать имперское прошлое, хотя Советский Союз и был государственным образованием особого рода. Приезд в бывшую метрополию выходцев из бывших национальных окраин на глазах увеличивает мультиэтничность России. И в этом плане Россия идет по стопам Великобритании, Франции, Нидерландов и других стран Западной Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Лушић Р.* Српска револуција // *Лушић Р.* Србија 19. века. Београд, 1994. С. 17.

² *Яжборовская И.С.* Глава 1. «Регион множества народов и национальностей» в поисках единых принципов национальной политики и защиты прав меньшинств // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948. М., 2004. С. 17—18.

³ *Полян П.* Принудительные миграции: предыстория и классификация // www.memo.ru/history/deport/polyan0.htm.

⁴ *Vesti* В 92 за 22.04.2011.

⁵ *Гуськова Е.Ю.* Глава 10. Особенности национальной политики в Югославии // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948. С. 456.

⁶ *Марыина В.В., Яжборовская И.С.* Глава 12. Гулкое эхо прошлого. Послесловие // Там же. С.502—503.

⁷ См.: Lenta.ru. Новости. 05.11.2010 // <http://lenta.ru/news/2010/11/05/grave/>.

⁸ Первыми с депортациями столкнулось немецкое население Советского Союза. После начала войны около 500 тыс. немцев были высланы из Автономии немцев Поволжья, а всего места проживания в европейской части России и Закавказье были вынуждены покинуть около 800 тыс. немцев. См.: *Ваннер Я.* Глава 2. Массовые депортации в СССР // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. С. 84.

⁹ *Goldstein I.* Op. cit. S. 383.

¹⁰ *Гуськова Е.Ю.* Глава 10. Особенности национальной политики в Югославии. С. 461—464.

¹¹ *Goldstein I.* Op. cit. S. 383.

¹² *Марьина В.В., Яжборовская И.С.* Указ. соч. С. 501.

¹³ Там же. С. 499.

¹⁴ Там же. С. 503.

¹⁵ *Трёбст Ш.* Заветный город // Отечественные записки. № 3 (48). 2012. См.: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/3/t32.html>.

¹⁶ См.: *Вагеништайн А.* Вдали от Толедо (жизнь Авраама Гуляки) [перевод Н. Нанкиновой] // *Вагеништайн А.* Двадцатый век. Изгнанники. М., 2013.

¹⁷ См., например: <http://www.odecca.net/page/page15.html>.

¹⁸ Подробнее об этой акции см. документы №№ 2—17, опубликованные в сб.: *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. I. Начало 1970-х — первая половина 1980-х годов.* СПб., 2012. С. 25—70.

¹⁹ См.: *Зудинов Ю.Ф.* «Реальный социализм» в болгарском варианте: от «сталинизма» к «живковизму» (социально-политические аспекты) // *Болгария в XX веке. Очерки политической истории.* М., 2003. С. 400.

²⁰ *Он же.* Глава 11. Некоторые проблемы межэтнических отношений в Болгарии в 1944—1947 гг. // *Национальная политика в странах формирующегося советского блока.* С. 487.

²¹ Раньше считалось, что на этой войне погибло чуть ли не 200 тыс. человек. Однако по последним данным Исследовательского документального центра в Сараево, погибло 97207 человек (39684 — гражданских лиц и 57523 — военных), из них: 64036 бошняков (мусульман), 24905 сербов, 7788 хорватов и 478 лиц других национальностей. См.: *Vesti B 92 za 21.06.2007.*

²² *Vesti B 92 za 28.01.2009.*

²³ *Vesti B 92 za 20.11.2008.*

²⁴ Н. Барич приводит следующие цифры сербского исхода: по данным хорватских властей — 154 тыс. и по данным Хорватского хельсинского комитета по правам человека — 180 тыс. (*Barić N.* Srpska

porbuna u Hrvatskoj 1990—1995 // *Radelić Z., Marijan D., Barić N., Bing A., Živić D.* Stvaranje hrvatske države i Domovinski rat. Zagreb., 2006. S. 285).

²⁵ См., например: *Боич О., Сабов Д.* Мир в обмен на демократию // Итоги. 1996. 10 сентября.

²⁶ *Боич О., Сабов Д.* Указ. соч.

²⁷ Vesti B92 za 28.10.2008.

²⁸ См., например: *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса. С. 679.

²⁹ Напомним, что население Социалистической Федеративной Республики Югославии составляло около 22 млн. человек.

³⁰ Vesti B92 za 18.12.2008.

³¹ Vesti B92 za 05.11.2008, 16.06.2009, 19.06.2009, 20.06.2009.

³² *Марьина В.В., Яжборовская И.С.* Указ. соч. С. 510.

³³ *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012.

РАЗДЕЛ II

ЗИГЗАГИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

М.В. БЕЛОВ

Статья VIII Бухарестского мира и проект «адриатической экспедиции» 1812 г. (историографические заметки о постсоветской историографии)

На рубеже 1980—90-х гг. в СССР, а затем и в постсоветской России происходил решительный пересмотр методологических (и в особенности, идеологических) оснований исторического знания. Отчасти он коснулся и столь привилегированной области как история международных отношений и внешней политики России (СССР). В частности, выступая на международной научной конференции «Россия и славяне XVIII в. — 1918 г.» 25—27 июня 1991 г., известный советский балканист И.С. Достян утверждала: «Наша историческая наука долгое время обслуживала партию и государство, была политизирована. Выражать оригинальные взгляды, выбиваться из круга утвердившихся представлений было крайне затруднительно. Нет сомнения, что революционные перемены в стране создадут более благоприятные условия для исторических исследований, в том числе по рассматриваемой проблематике»¹. Далее Достян указала на некоторые перспективы в изучении истории Восточного вопроса и взаимоотношений России с балканскими народами. В целом они предполагали разрушение замкнутости в изложении «дипломатической истории» и помещение ее в более широкие социальные, интеллектуальные и культурные контексты. Этим предположениям суждено было реализоваться лишь отчасти.

Другим важным способом работы в области истории международных отношений в постсоветской историографии стала реконструкция дипломатической интриги как выражения межгосударственной борьбы за власть и влияние на региональной и мировой арене. Этот сценарий дополнялся порой

увлечением геополитикой², а также гальванизацией позитивистских практик исторического письма.

Не исключением является и рассмотрение истории заключения Бухарестского мира (1812), в частности обсуждение «сербского вопроса» и статьи VIII, ему посвященной. В некоторых обобщающих работах он оказался предельно маргинализирован³, в других — в основном воспроизводились результаты и выводы более ранних исследований, представленные в несколько смазанном, «импрессионистском» духе⁴.

На этом фоне своей основательностью, безусловно, выделяются работы В.П. Грачева. В середине 1990-х он подготовил объемную (около 3 листов) статью об обсуждении сербского вопроса на русско-турецких мирных переговорах в 1811—1812 г. Очевидно, статья готовилась для сборника, который планировала издать САНУ по итогам научной конференции «Последние годы Первого сербского восстания (1812—1813)», состоявшейся 17—18 ноября 1993 г. в Белграде. На восьми-страничном машинописном реферате этой статьи, адресованном директору Исторического института в Белграде доктору Славенко Терзичу, от руки проставлена дата 6—7 июня 1995 г. По каким-то причинам этим издательским планам не суждено было сбыться. В 2001 г. значительно сокращенный и частично переработанный вариант статьи был опубликован в журнале «Славяноведение», а более ранний и пространный текст вышел в свет, будучи извлеченным из архива ученого, уже после его смерти⁵. Эти обстоятельства позволяют проследить некоторую эволюцию во взглядах (или же ситуативном подходе) историка.

Оба варианта статьи имеют в своей вводной части мотивирующей исследовательскую часть обзор историографии. Однако содержательно они несколько разнятся. В первоначальном (пространном) варианте статьи прежде всего указывается на документальный пробел в исследовательской работе: «...в комплексе неплохо освещенных вопросов, относящихся к истории заключения Бухарестского мира 1812 г., хуже других обеспечен источниками и изучен сербский вопрос, который входил в состав четырех наиболее спорных статей, составивших основу Бухарестского трактата»⁶. С этими обстоятельствами, а также с общей неудовлетворенностью результатами переговоров — царя, султана, правительств европейских держав

и особенно сербских повстанцев, которые надеялись на достижение независимости, — Грачев связывал негативные стереотипы или некорректные оценки относительно работы русской дипломатии, просто ошибки в изложении обстоятельств заключения и вступления в силу Бухарестского договора в историографии. При этом сербский вопрос оставался маргинальным для русских историков, сосредоточенных на военных действиях и других вопросах мирного урегулирования, связанных с изменениями в территориальном составе Российской империи. А сербские историки имели ограниченный доступ к русской дипломатической переписке и сосредотачивались на формально-правовом анализе статьи VIII Бухарестского трактата, изолируя ее содержание от контекста переговорного процесса. Поэтому автор «... поставил перед собой задачу выявить факты из опубликованных и доступных ему архивных источников и, не вдаваясь в полемику, систематизировано изложить их, стараясь таким образом воспроизвести общую атмосферу, в которой велись эти переговоры, и показать последовательность изменений в решениях при обсуждении сербского вопроса на всех 19 конференциях (заседаниях) в Джурджу и Бухаресте в 1811—1812 гг.»⁷.

В самой постановке этой исследовательской задачи можно усмотреть декларацию позитивистского следования за дипломатическими источниками — излюбленным материалом историков XIX века, — своего рода возврат к традиции документального объективизма, свободного от идеологических спекуляций вроде партийно-классового подхода советского времени. Это не означает, как мы увидим ниже, полный отказ от полемических замечаний. Они, однако, сводятся к осторожной корректировке оценок, смещающих «вину» за неудобный компромисс многих положений Бухарестского трактата (в том числе и статьи VIII о сербах) на общеполитические и военные обстоятельства. Другой существенной корректировкой является указание на дипломатическую незрелость руководителей сербского восстания в оценке ситуации летом и осенью 1812 г. и, пускай ограниченных, возможностей, которые предоставляли положения этой статьи.

Историографический обзор, данный В.П. Грачевым в публикации 2001 г. где-то сокращен, где-то более пространен и нюансирован. Если в первом варианте статьи среди запад-

ноевропейских авторов указан один только Л. фон Ранке, то здесь представлен довольно широкий круг исследователей и публицистов, находивших в Бухарестском мире «доказательства непоследовательности, вероломства и агрессивности балканской политики России во второй половине XVIII—XIX в.»⁸. Не вдаваясь в объяснение причин русофобских стереотипов подобного рода⁹, Грачев увидел их повторение в зарождавшейся во второй половине XIX в. сербской историографии, в частности, у Л. Арсениевича-Баталаки. Такое сходство не обязательно предполагает (этого не утверждал и Грачев) исключительную вторичность и несамостоятельность выводов сербских авторов, чьи оценки могли восходить к оригинальным источникам вроде рассказов и суждений участников движения, с которыми общался Арсениевич-Баталака, или же известного памфлета 1815 г.¹⁰

В рассмотрении работ сербских историков начала XX в., чьи труды на долгие годы определили подходы национальной историографии, Грачев обнаружил гораздо большую неоднозначность выводов и оценок (прежде всего, речь идет о Ст. Новаковиче), связав ее с тем, что какая-то часть русских архивных материалов о дипломатической борьбе вокруг заключения Бухарестского мира, наконец, стала тогда доступной для изучения.

И в том, и в другом случае разделение результатов работы историка на две неравные части, в одной из которых (меньшей) излагаются предполагаемые заблуждения, стереотипы, ошибки предшественников, а в другой воссоздаются детали того, «как это действительно было», не устраняет полемической направленности его сочинения, но скрадывает ее предметные поля. Скажем, не всегда понятно, оспаривает ли Грачев все без исключения тезисы, изложенные в историографическом обзоре, или признает для некоторых из них частичную справедливость при помещении в более широкий исторический контекст.

Разобраться в этом отчасти помогают ход рассуждений и выводы, сделанные автором. Позиция Александра I по сербскому вопросу еще в начале 1810 г., когда давались инструкции для ведения переговоров с турками вновь назначенному главнокомандующим Молдавской армией Н.М. Каменскому 2-му, была весьма радикальной: «...хотя нельзя сказать, что поведение уп-

равляющих в Сербии властей в отношении России заслуживало бы во всех случаях наше одобрение¹¹, но е. и. в-во, особливо уважая сербскую нацию вообще, желает потому на прочном основании утвердить ее благоденствие. Вследствие сего постановление, наиболее е. и. в-ву угодное было бы то, чтобы Сербия осталась совсем от Порты независимую и основала бы политическое свое существование и образ внутреннего у себя управления единственно под покровительством России»¹². Нижней границей требований Петербурга по сербскому вопросу канцлер обозначал модель «полной внутренней автономии», которой сербы добивались еще до начала русско-турецкой войны.

Между тем, турецкие представители на переговорах методично отказывались вообще включить какую-либо статью о сербах в предполагаемый мирный договор, рассматривая поставленные под контроль повстанцев территории как часть суверенного имперского пространства. Сопrotивление вызвали и многие другие предложения русской стороны, а особые трудности, как подчеркивает Грачев, вызвали четыре вопроса (включая сербский), которые в инструкции Румянцева М.И. Кутузову, вступившему в должность главнокомандующего в апреле 1811 г., ко времени подготовки переговоров о мире в конце сентября того же года названы «главными». Речь здесь шла о том, чтобы «обеспечить жителей Сербии сколь можно согласно с желанием сербской нации»¹³.

Вместе с тем бросается в глаза, что в дальнейшем, очевидно, из-за жесткого сопротивления турок, предполагаемого изначально, толкование возможного решения сербского вопроса становятся порой довольно туманными. Так уже в самом начале в предложениях Кутузова верховному визирю предполагалось лишь «урегулирование сербского вопроса путем обеспечения безопасности и спокойствия сербов»¹⁴. Затем Кутузов признал нецелесообразность требования военного контроля сербов над Белградом в случае отказа России от территориальных притязаний на Валахию; из тактических соображений он решил и вовсе не затрагивать пока статью о сербах на переговорах. В свою очередь Румянцев в комментариях на эти замечания Кутузова, допуская передачу Белграда турецкому гарнизона, вновь подчеркнул важность удовлетворительного для самих сербов решения их судьбы, хотя и поставил этот вопрос

(вместе со «жребием» Валахии) следующим по значимости после достижения границы по р. Серет¹⁵. Требования России, в частности, по сербскому вопросу были конкретизированы на 14-й переговальной конференции 31 декабря 1811 г. (12 января 1812 г.) после царской критики на действия Кутузова. Но ужесточение позиции России по ряду вопросов вызвало очередной срыв диалога и возобновление военных действий¹⁶.

Важным обстоятельством, которое отмечается Грачевым, было и то, что параллельно усилиям по мирному урегулированию отношений с Турцией (желательно, с позиции силы) осуществлялась подготовка к реализации «адриатической экспедиции». Более того, «есть основания полагать, что в Петербурге с сербскими депутатами (Я. Ненадовичем, С. Марковичем и М. Груйовичем весной 1812 г. — *М.Б.*) довольно обстоятельно обсуждался вопрос и об участии сербов...», поскольку в этом проекте им отводилась «весьма заметная роль»¹⁷. Судя по этим и другим замечаниям Грачева, проект «адриатической экспедиции» признается планируемым всерьез диверсионным предприятием для удара в тыл наполеоновской Империи. Однако в другом месте полномочия Кутузова на заключение оборонительного и наступательного союза с Турцией данные в пакете с секретнейшим разрешением царя на территориальную уступку (граница по р. Прут), рассматриваются «как один из моментов дипломатической игры, связанной с планом так наз[ываемой] Адриатической экспедиции»¹⁸. В таком случае и сам проект можно было бы признать фикцией, призванной, скорее, оказать давление на противников из числа формируемой Наполеоном антирусской коалиции (прежде всего, на Австрию) в условиях готовящегося военного столкновения с нею. Опасность «игровой» интерпретации проекта заключена в том, что, если считать ее справедливой, то сербские повстанцы окажутся всего лишь объектами дипломатическими манипулирования России, обреченными на жертву в этой «большой игре». С такой интерпретацией, со всей очевидностью, Грачев не мог согласиться.

Тем не менее, он специально не проясняет собственное отношение к «адриатическому проекту» и его месту в военно-политическом планировании накануне разрыва тильзитского компромисса¹⁹. Склоняясь, как уже было сказано, к первой позиции, автор с опорой на источники указывает, что практи-

ческая реализация проекта была сопряжена с разрешением многих дополнительных обстоятельств (прежде всего, с поддержкой освободительного движения народов Юго-Восточной и Центральной Европы на морских коммуникациях британским флотом).

Если в пространным варианте статьи этому сюжету уделено довольно много места, то в краткой версии 2001 г. он практически полностью элиминирован: автор ограничился простым упоминанием о плане «адриатической экспедиции» со ссылкой на статью Н.И. Казакова²⁰. Между тем, рассмотрение формулы мирного урегулирования с Турцией вне контекста изменчивых ожиданий весны—лета 1812 г. было бы, разумеется, неполным и неадекватным. Игнорирование вариативности планов на ведение войны (ее стратегию, параметры и конфигурацию сил) ведет и к некоторым неточностям в оценке усилий России по разрешению сербского вопроса и поведения самих сербских повстанцев.

Как известно, согласно инструкциям, данным новому главнокомандующему Молдавской армией П.В. Чичагову Александром I 9 (21) апреля 1812 г. (ему и предписывалась практическая реализация «адриатической экспедиции»), он должен был ласками и угрозами принудить Османскую империю не только к миру, но и обновленному военному союзу с Россией. В результате победы над австрийцами и французами Петербург сулил Порте возвращение Дубровника (Рагузы) и Ионических островов. Новая военно-политическая ситуация на Балканах с очевидностью предполагала перемены и в способе решения сербского вопроса (параметрах русско-турецкого урегулирования и внутритурецкого имперского переустройства), поскольку именно повстанческая территория рассматривалась как оперативная база развертывания «адриатической экспедиции».

В случае же неудачи в привлечении Порты к войне против Франции и ее союзника Австрии, Чичагову предписывалось сделать ставку на сепаратистов: «...греков возбуждать к сложению тягостного для них магометанского ига; с Али-пашою войти в переговоры, подавая ему обнадеживания на независимость и на признание его королем епирским; из албанцев стараться через приглашения и особливо посредством достаточной платы составить особое войско; буде же Али-пашу сим

образом склонить на свою сторону было бы невозможно, то тогда употребить силу и все способы для ниспровержения его власти и постановления иной, более нам благоприятствующей»²¹. Этот путь вел к срыву мирных договоренностей (в инструкции допускалось, что они еще не достигнуты) и новой военной конфронтации с Турцией. Еще в начале июля 1812 г., то есть в условиях начавшегося похода наполеоновской армии в Россию, Чичагов планировал организовать наступление на Константинополь, с тем чтобы вовсе изгнать турок из Европы, и даже получил некоторую поддержку этим намерениям со стороны канцлера Румянцева, но не русского императора²². При таком развитии событий, тем более, следовало ожидать коренного преобразования территориального пространства Османской империи.

В этой связи представляются справедливыми предположения Грачева о том, почему Чичагов не сообщил о торжественном подписании статей Бухарестского трактата в письме вождю повстанцев Карагеоргию, составленном в тот же самый день 16 (28) мая 1812 г. и переданном с сербскими депутатами, возвращавшимися из Петербурга (через Бухарест) в Белград²³. «С нашей точки зрения, это сознательное умолчание Чичагова было обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, настоятельным требованием турецких уполномоченных не разглашать условия статей договора до их ратификации султаном и царем. Во-вторых, нежеланием нового главнокомандующего заранее отпугнуть сербов от участия в Адриатической экспедиции, в которой им отводилась важная роль. В-третьих, Чичагов был не согласен с условиями заключенного Кутузовым мира и надеялся коренным образом изменить его условия в ходе дальнейших переговоров с Портой о заключении союзного договора и в процессе реализации плана Адриатической экспедиции, успешный исход которой, по замыслу Чичагова, должен был привести к созданию на Балканах ряда независимых государств и, в первую очередь, сербского»²⁴.

В момент наибольшей неопределенности и схождения разных сценариев военных действий — весной и летом 1812 г. — балканская политика России обрела параболический вид, сочетая в себе разнонаправленные вектора. Неопределенность развития событий и противоречивость сигналов к возможным действиям усиливали нарастающий дефицит времени и рассо-

гласование позиций на региональном уровне, поскольку скорость прохождения информации (при ее принципиальной неполноте) по тогдашним каналам связи стала резко неадекватной молниеносным переменам и динамике силовых балансов в европейском масштабе.

В том, что руководство сербских повстанцев, ожидавшее начала «адриатической экспедиции», оказалось полностью дезориентированным, после получения текста статьи VIII Бухарестского трактата²⁵ и решения об эвакуации русского отряда из Сербии²⁶ (это означало: на планах новой наступательной войны поставлен крест), нет ничего удивительно. В таких переменчивых обстоятельствах было бы странным упрекать предводителей недолговечного квазигосударственного образования с минимальным информационным ресурсом (в отличие от «великих держав» повстанческая Сербия, конечно, не имела своих постоянных представителей за рубежом) в отсутствии дипломатического чутья и прозорливости.

Однако по-своему прав и В.П. Грачев: «... верховный вождь Карагеоргий и его советники по получению условий ст. VIII Бухарестского договора располагали достаточным временем для всесторонней оценки как собственных возможностей для защиты достигнутых в ходе восстания завоеваний и расстановки сил великих держав в Европе вообще и особенно на Балканах, так и для прогнозирования последствий, которые могут возникнуть в случае отказа сербов заключить мир с Портой на условиях ст. VIII Бухарестского трактата»²⁷.

Саботируя, по сути, переговоры с турками в Константинополе при посредничестве изумленного таким поведением русского посланника А.Я. Италинского, сербская депутация и давшее ей инструкции белградское руководство осенью 1812 г., очевидно, ожидало очередной молниеносной перемены на международной арене²⁸. Эта тактика основывалась на свежих уроках большой политики, а не только на эмоциях, как считал Грачев. И действительно, к концу 1812 г. остатки наполеоновской Великой армии покинули России. Близился ее триумф.

Однако обольщаться не стоило. В момент начала заграничных походов русской армии, Белграду уже следовало оценить периферийность балканского направления в текущей внешней политике Петербурга. Вот тогда уже точно: «Карагеоргий, образно выражаясь, в погоне за «журавлем в небе» добровольно

выпустил из рук «синицу», которую ему вручило правительство России»²⁹. Поразительно, что даже и летом 1813 г. Карагеоргий все еще отказывался признать, действительно, болезненный пункт о вступлении турецких гарнизонов в крепости, блокируя тем переговоры с властями Империи. К этому времени он обсудил с русским уполномоченным в Белграде Ф.И. Недобой план переселения в Россию и уповал только на Бога³⁰.

Первое сербское восстание закончилось разгромом, однако, как признают все историки, статья VIII Бухарестского мира стала основанием для борьбы за юридическое признание Сербского княжества после 1815 г. Для этого, правда, потребовалось еще немало дипломатических усилий и новая русско-турецкая война. Автономный статус, достигнутый согласно хати-шерифу 1830 г., предусматривал все же присутствие турецких гарнизонов в крепостях на территории Сербии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Достян И.С.* Российская политика в Восточном вопросе: итоги и некоторые перспективы изучения // Балканские исследования. Вып. 15. Россия и славяне: политика и дипломатия. Материалы международной научной конференции «Россия и славяне XVIII в. — 1918 г.» (Москва, 25—27 июня 1991 г.). М., 1992. С. 14.

² См., например: Геополитические факторы во внешней политике России: Вторая половина XVI — начало XX века. М., 2007.

³ История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995. С. 90—91.

⁴ Балканские исследования. Вып. 18. Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 221—223.

⁵ *Грачев В.П.* Сербский вопрос на переговорах 1812 года между Россией и Турцией о заключении Бухарестского мира // Славяноведение. 2001. № 1. С. 3—17. *Он же.* Бухарестский мир 1812 г. и сербский вопрос // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 437—488. Благодарю семью покойного В.П. Грачева за возможность ознакомиться с материалами его архива. В машинописных и рукописных версиях, собранных в специально отведенной папке, статья имеет иные варианты названия; более ранний вариант, довольно громоздкий, и тем, по-видимому, не удовлетворивший автора: «К истории решения сербского вопроса на переговорах в Джурджу и Бухаресте в 1811—1812 гг. о заключении мирного договора между Россией и Турцией».

⁶ *Грачев В.П.* Бухарестский мир... С. 438.

⁷ Там же. С. 444.

⁸ Он же. Сербский вопрос... С. 3.

⁹ См., однако: *Волков В.К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения, М., 1969. С. 25—69. Из более свежих работ: *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.

¹⁰ Сербие плачевно пакипорабощение лета 1813. Млетки, 1815. См. подробнее: *Белов М.В.* У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII — середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007. С. 247—290.

¹¹ Чуть позднее русская дипломатия получила подтверждения попыткам сербского руководства найти новых покровителей в лице Австрии и Франции, что, несомненно, усилило недоверие к ним. См.: *Белов М.В.* Историография восстания 1804—1813 гг.: проблемы изучения сербского национально-освободительного движения // Россия и Сербия глазами историков двух стран / Отв. ред. К.В. Никифоров. СПб., 2010. С. 42—43. Прим. 2.

¹² Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского архива Министерства иностранных дел / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. (Далее — ВПР). Сер. 1. Т. V. М., 1967. С. 361—367. Н.П. Румянцев — Н. М. Каменскому, 7 (19) февраля 1810 г. *Грачев В.П.* Бухарестский мир... С. 444—445.

¹³ ВПР. Т. VI. М., 1962. С. 181—182. Н.П. Румянцев — М.И. Кутузову, 30 сентября (12 октября) 1811 г. *Грачев В.П.* Бухарестский мир... С. 449.

¹⁴ Там же. С. 450. Уже в ноябре и канцлер Румянцев формулировал возможное решение сербского вопроса крайне расплывчато: «... спокойное и безмятежное существование сей нации». ВПР. Т. VI. С. 242—243. Н.П. Румянцев — М.И. Кутузову, 22 ноября (4 декабря) 1811 г. Ср.: *Грачев В.П.* Бухарестский мир... С. 455.

¹⁵ Там же. С. 452—453.

¹⁶ См.: Там же. С. 455—457.

¹⁷ Там же. С. 459, 468.

¹⁸ Там же. 464.

¹⁹ Позицию автора этих строк см. подробнее: *Белов М.В.* Балканская парабола: проект «адриатической экспедиции» в контексте «наполеоновских войн» (1812) // Русский сборник. Т. XIII. М., 2012. С. 7—26. Режим доступа: <http://iagex.ru/Книги/book98.pdf>.

²⁰ *Грачев В.П.* Сербский вопрос... С. 11. *Казаков Н.И.* Проект адриатической экспедиции П.В. Чичагова // Югословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804—1813. Београд, 1983. С. 341—353.

²¹ ВПР. Т. VI. С. 363—365 (цит.: с. 364). *Грачев В.П.* Бухарестский мир... С. 467.

²² *Попов А.Н.* Славянская заря в 1812 г. // Русская старина. 1892. № 12. С. 617—642. 1893. № 1. С. 87—120. Перепечатано: *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. Т. II. Нашествие Наполеона на Россию / Сост., предисл., подг. текста, ук. имен, подбор илл. С.А. Никитина. М., 2009. См. особ.: С. 185—220. Переписка Чичагова с Александром I за 1812 г. опубликована: Сборник русского исторического общества. Т. VI. СПб, 1871. С. 1—66. Русская старина. 1901. № 1. С.218—222. Военно-исторический сборник. 1912. № 2. С. 151—169. № 3. С. 187—214.

²³ Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. Кн. 2. М., 1983. С. 253—254.

²⁴ *Грачев В.П.* Бухарестский мир... С. 476—477.

²⁵ ВПР. Т. VI. С. 468—471. П.В. Чичагов — Ф.И. Недобе, 3 (15) июля 1812 г.

²⁶ Первое сербское восстание... С. 264—265. П.В. Чичагов — Карагеоргию, 15 (27) июля 1812 г.

²⁷ *Грачев В.П.* Сербский вопрос... С. 15.

²⁸ Первое сербское восстание... С. 276. Прим. 2. С. 286. Прим. 2. С. 292. Прим. 2. Безусловной ошибкой, если сербы собирались только тянуть время, был категоричный отказ повстанческой делегации принять турецкие гарнизоны, зафиксированный в протоколе переговоров, которые вел с ними в Нише в ноябре 1812 г. Челеби-эфенди. Документ использовался затем турецкой стороной как свидетельство недоговороспособности сербов. См.: *Ульяницкий В.А.* Материалы по истории Восточного вопроса 1808—1813 гг. // Чтения Общества истории и древностей российских. 1901. Т. IV. С. 140.

²⁹ *Грачев В.П.* Сербский вопрос... С. 15.

³⁰ *Ульяницкий В.А.* Материалы по истории... С. 162, 171—173. Первое сербское восстание... С. 313—315. Ф.И. Недоба — Н.П. Румянцеву, 17 мая 1813 г.

И.В. ЧУРКИНА

Русские славянофилы и афера Матии Бана

В середине XIX в. накануне и в начале Крымской войны оформились первые русские панславистские теории. Причин этого было несколько. Во-первых, разочарование русского общества и правительственных кругов в позиции европейских держав, особенно членов Союза трех императоров, по отношению к России. Все они во время переговоров России с Турцией заняли антироссийскую позицию — или откровенно враждебную или враждебно нейтральную. Во-вторых, на российское общество и правительственные круги оказали влияние взгляды национальных деятелей славянских народов, с которыми ознакомились русские ученые и чиновники, побывавшие в славянских землях. Особенно эти взгляды пропагандировал М.П. Погодин, который в 1838—1842 гг. несколько раз побывал в славянских землях Австрии. Он написал письма наследнику Александру Николаевичу и министру народного просвещения С.С. Уварову, в которых рассказывал о своих встречах со славянскими деятелями¹. В письме к министру просвещения С.С. Уварову в 1839 г. Погодин прямо указывал, что славяне «мечтают о славянском федеративном государстве с Россией во главе»². Несомненно, такие настроения славян были известны части русского общества. И, наконец, третьей причиной возникновения панславистских идей в России явилось распространение в Европе накануне и во время революции 1848—1849 гг. программ, требующих объединения отдельных народов в единые государства — программы Объединенной Германии, Объединенной Италии, Объединенной Польши и т. д.

Все это оказало влияние на возникновение первых русских панславистских программ. Их авторами стали профессор русской истории в Московском университете Михаил Петрович Погодин и один из главных деятелей славянофильского движения Константин Сергеевич Аксаков.

Программа Погодина достаточно известна — уже во второй половине XIX в. его труды по этому вопросу были изданы. Программа К. Аксакова практически неизвестна. Она была открыта профессором Сергеем Александровичем Никитиным и использована им в его докторской диссертации, но так и не увидела свет в открытой печати. Аксаковская программа была изложена в его Записке. Аксаков начинал изложение с противопоставления России и Европы. Западным народам присуще чувство презрения ко всем остальным народам, особенно к славянам, которым присущ дух кротости, мира и самопожертвования. Война (имеется в виду Крымская война. — *И.Ч.*) — это попытка Запада нанести окончательный удар славяно-православному миру в лице его главного представителя — России и тем самым покорить всех славян. Аксаков полагал, что даже хорошо, что Россия будет одна против всей Европы, ибо таким образом «конфликт приобретает более чистый характер, характер борьбы двух миров».

К. Аксаков надеялся, что война окончится удачно для славян. Турецкая власть в Европе исчезнет. Славянские народы будут освобождены, они создадут свои государства. И между этими государствами и освободившей их Россией установится тесная связь, «прочный союз всех славян под верховным покровительством русского государя». После поражения Турции Константинополь должен перейти к России. Поскольку Австрия выступает против России, Россия должна нанести ей удар. И здесь Россия должна исполнить свое призвание — освободить единоплеменные и частично православные народы. При этом непосредственно присоединить к себе она может только «свое древнее достояние — Галицию»³. Будет создана славянская федерация во главе с Россией. В ней славяне должны были получить возможность развиваться в духе славянофильских теорий — в опоре на крестьян и крестьянскую общину, возглавляемые царем и Земским собором. После образования союза славянских народов Россия не должна вмешиваться «в домашний распорядок покровительствуемых народов».

Свои взгляды К. Аксаков не скрывал, а распространял их среди единомышленников. Об этом свидетельствует редакционное примечание в славянофильском издании «Русская беседа», в котором говорилось: «Знаменем России должен быть, по нашему мнению, не панславизм, в смысле политическом, не централизация, но признание прав каждой народности на самобытное, своеобразное существование, иначе: свободный союз независимых, отдельных славянских племен, которого защита и охранение естественно принадлежали бы России»⁴.

В своих письмах К. Аксаков уточнял, какими же средствами можно добиться желаемой цели. Он полагал поднять болгар и сербов и вместе с ними идти на Константинополь⁵.

Таким образом, существенным моментом в осуществлении плана К. Аксакова являлось выступление подвластных Турции народов при поддержке их Россией.

Положение изменилось, когда к середине 1855 г. стало ясно, что Россия неминуемо потерпит поражение. Осенью 1855 г. К. Аксаков отправил Александру II, только что вступившему на престол после смерти Николая I, Записку, в которой изложил свое понимание задач нового правительства (или правителя). Понимая, что поражение России во многом было обусловлено внутренним состоянием страны, он остановился прежде всего на нем. «Не подлежит спору, — писал К. Аксаков, — что правительство существует для народа, а не народ для правительства ... Поняв это добросовестно, правительство никогда не посягнет на самостоятельность народной жизни и народного духа». «Современное состояние России, — продолжал К. Аксаков, — представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестною ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отделилось от народа и стало ему чужим. И народ и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах ... Народ не имеет доверенности к правительству; правительство не имеет доверенности к народу ... Взятничество и чиновный организованный грабеж — страшны ... Все зло происходит главнейшим образом от угнетательной системы нашего правительства ... Та же угнетательная правительственная система из государя делает идола, которому приносятся в жертву все нравственные убеждения и силы». К. Аксаков призывал, чтобы правительство вновь поняло свои древние отношения государства и земли и

восстановило их. «Стоит лишь уничтожить гнет, наложенный государством на землю, и тогда легко можно стать в истинно русские отношения к народу»⁶.

Записка К. Аксакова показывает его глубокое понимание положения в России и вместе с тем его личное мужество. Она отражала взгляды его сподвижников: А.С. Хомякова, И.В. и П.В. Кириевских, А.И. Кошелева, Ю.Ф. Самарина и др. Исследователь мировоззрения братьев Аксаковых А.С. Курилов совершенно справедливо считает, что «славянофилы входили в единую со всеми передовыми и прогрессивными силами России того времени оппозицию царскому правительству»⁷. Приведенное выше смелое письмо К. Аксакова написано было им в надежде, что новый царь после поражения в Крымской войне прислушается к трезвому голосу общественности.

Поражение России в Крымской войне не перечеркнуло панславистские идеи К. Аксакова и славянофилов. Они только были отодвинуты на будущее и претерпели некоторые изменения.

С этими планам был, несомненно, знаком и сочувствовал им брат Константина — Иван Сергеевич Аксаков. В 1860 г. он посетил славянские земли. Официальной целью его поездки являлось ознакомление со славянскими движениями и их деятелями, подыскание среди них корреспондентов для будущего славянофильского издания, которое он предполагал начать через год. Но и идея освобождения славян путем их восстания против турок не покидала его. И ознакомление с возможностью этого также была одной из целей его поездки.

Первым пунктом пребывания И.С. Аксакова стала Вена. Здесь он познакомился лично с русским посланником в Австрии В.В. Балабиным. В письмах к матери И.С. Аксаков отзывался о нем с большой симпатией, «Нынче был я у обедни и в воскресенье был также в русской церкви ... — отмечал он 15 мая 1860 г. — Посланник наш Балабин всегда бывает. Я познакомился с ним, обедал у него, — он мне очень нравится; человек живой и восприимчивый, но, разумеется, связанный по рукам и ногам нашей политикой»⁸.

И.С. Аксакова удивили хорваты. «Слушая выражения их симпатии к России, — писал он 26 июня 1860 г. матери из Загреба, — их прекрасных верований и надежд и мечтаний, что

они ждут и ждут — вот, вот начнется война России с Австрией или Турцией, появится флаг русский и соединятся все славяне и проч., слушая все это, я вспоминал пустоту и дрянность нашего общества ... Все молодое католическое священство готово хоть сейчас перейти в православие ... Все они горячие славяне, постоянно посещают читальницу, все хорошие, радужные, гостеприимные и веселые люди и все желают своей духовной эмансипации, но, разумеется, общественной и все-народной».

Не менее отрадное впечатление произвело на И. С. Аксакова княжество Сербия. «Впечатление, произведенное на меня Сербиею, впечатление молодости, свежести весны ... — сообщал И.С. Аксаков матери 29 июля из Белграда. — Все еще только начинает жить и радуется первым признакам своей жизни. Нет никакого заматерелого зла. Сербия до сих пор празднует свое освобождение ... Впрочем и то сказать — в Сербии нет сословий, как у нас. Есть народ, один народ, из которого одни пашут, другие торгуют, третьи занимаются науками, четвертые служат»⁹.

Как можно видеть, встречи И.С. Аксакова с русофильски настроенными хорватскими и сербскими деятелями способствовали возникновению у него весьма идеализированных, односторонних представлений как о Хорватии, так и о Сербии. Это и сказалось скорее всего на его отношении к Центральному комитету М. Бана.

Сербия, на княжеский престол которой после свержения Александра Карагеоргиевича в 1858 г. вступили Обреновичи — сначала Милош, а затем в 1860 г. Михаил, привлекала особое внимание И.С. Аксакова. При новых князьях Сербия вернулась к ориентации на Россию. У князя Михаила и у его ближайшего сподвижника Илии Гарашанина была цель объединить вокруг княжества все сербские земли, прежде всего находившиеся под властью Турции. Об этом Гарашанин мечтал еще со времен создания «Начертания» (1844). Уже с конца 40-х гг. он развернул деятельность по организации опорных пунктов сербского влияния в Боснии и Герцеговине. Ему помогала в этом группа лиц, в том числе сербский литератор и публицист Матия Бан.

Во время Крымской войны эта деятельность заглохла, а Бан написал оду турецкому султану с пожеланием победы. В пись-

ме неизвестного из Земуна (рус. — Землин) графине А.Д. Блудовой, рассказывается, что Бан по случаю прочтения фирмана султана о войне, преподнес оду султану, в которой тот прославлялся как просветитель Востока и покровитель христиан. За нее Бан получил от Этем-паши, турецкого начальника в Белграде, 50 червонцев, а от европейских консулов благодарность. Бан решил дать эту оду студентам лицея публично, демонстрируя, якобы «изъявление народных чувств». В тот же вечер, сообщил автор письма, 260 учеников лицея прошли по всем улицам Белграда с пением церковной православной песни: «Спаси, господи, люди твоя и благослови достояние твое. Победу императору Николаю Павловичу ... даруй». Иностранные консулы обиделись, троих учеников арестовали¹⁰.

Вот этот самый Бан в 1859 г. обратился за помощью к российским кругам, сочувствовавшим славянам. Бан связался с русским посланником в Вене В.П. Балабиным. В бумагах графини А.Д. Блудовой сохранился пересказ его записок в МИД о поддержке славянских движений в Турции и Австрии. В этом пересказе, в частности, говорилось, что в Белграде составился тайный комитет без участия правительства, который подготавливает восстание в Боснии и Герцеговине. Цель комитета «избавить эти области от ига турок и воссоединить их с Сербским княжеством». Сначала достаточно будет установить в них вассальную зависимость от султана. Комитет должен дать повстанцам военную организацию, ввести в освобожденных областях зачатки гражданского управления. Последнее нужно для того, чтобы «обезоружить туземных славян-мусульман, которых общество надеется примирить с новым положением дел». Комитет одновременно направит через границу несколько вооруженных отрядов, которые займутся военной организацией туземцев. Одновременно сербские и черногорские добровольцы займут Митровицкое ущелье — единственный путь из Румелии в Боснию. Мирдиты, то есть албанцы-католики, возбуждают против турок славян в Македонии. В записке указывалось, что комитет уже завязал сношения с национальными деятелями Славонии, Кроации (Хорватии) и Далмации, с албанскими мирдитами. Он привлек эмигрантов из Боснии и других славянских земель Турции, многие сербские офицеры и чиновники сочувствуют ему. Комитет полагал выполнить свой план будущей весной, при этом сербское правительство официально

должно оставаться нейтральным. Комитет рассчитывал собрать 70 тыс. воинов. У него имеется 55 тыс. ружей, но надо приобрести еще 15 тыс. На их покупку и прочие расходы комитет просил у России заем в 100000 червонцев, надеясь получить на первый раз хотя бы половину. Сведения, приведенные в записке Балабина, подтверждались русским генеральным консулом в Белграде А.Е. Влангали¹¹.

Помимо пересказа записки Балабина в бумагах графини А.Д. Блудовой, камерфрейлины императрицы, дочери графа Д.Н. Блудова, возглавлявшего Второе отделение собственной Его Императорского величества канцелярии, сохранился перевод на русский язык письма Бана. Это не было случайным, так как графиня в то время являлась центральной фигурой в Петербургском славянском комитет помощи славянам.

Автор письма указывал, что боснийцам не хватает оружия, что многие в Сербии хотят помочь им. «Мы имеем намерение, — продолжал Бан, — с некоторыми патриотами образовать общество частное, но под непосредственным ведением самого князя, хотя он не будет открыто [его] членом. Мы хотим, чтобы непременно знать, разумеется частным образом, что русское правительство одобряет его, ибо дело идет не об нашем маленьком княжестве, но обо всех христианах Турецкой империи. Из православных славянских христиан никто не хочет действовать отдельно от России, если сама Россия не откажется от нас в решительную минуту». Если это произойдет, славяне могут от отчаянья предаться Западу, который делает им самые выгодные предложения. Бан просил не оказывать открытого официального содействия, но передать свое одобрение и денежную помощь для Боснии через частное лицо. Народ в Боснии доведен до отчаяния, он ждет мая, чтобы восстать. Но у него нет оружия, нет средств, следовательно будет бесполезное кровопролитие. Сербские патриоты в княжестве предполагают удержать босняков от восстания, а пока готовиться к нему, дожидаясь начала войны в Европе. Для всего этого нужны деньги от русского правительства, которые будут употреблены на вооружение и другие нужды. Бан предлагал осуществить следующий план восстания. Из Сербии двинутся отряды в Боснию, в Боснии же одновременно должно произойти восстание. В это же время в Герцеговину вторгнутся черногорцы, которые поднимут восстание герцеговинцев.

Турки не смогут бросить на подавление большое войско. На первых порах можно присоединить Боснию и Герцеговину к княжеству Сербия под верховной властью султана. Бан полагал, что Герцеговину можно отдать и Черногории. Восстание в Боснии и Герцеговине Бан рассматривал только как начало всеобщего восстания турецких подданных. Члены комитета должны были действовать в Греции, Черногории, Валахии, Молдавии, Болгарии, Македонии, Герцеговине, Боснии и Австрии. «Но мы не хотим без одобрения России действовать». Бан выражал пожелание, чтобы в России имелись и открытые члены указанного комитета, однако денежная и политическая поддержка русского правительства должна быть секретной. Раньше было нельзя доверять сербскому правительству, потому сербы и бездействовали. «Ныне правительство наше с нами, и старый князь Милош и молодой Михаил наши настоящие начальники. Мы хотим знать, имеем ли одобрение и содействие нашего православного царя, можем ли тайно через посольство или особо назначенных агентов, вести свое дело сообща к цели передавать свои планы и получать направление и помощь? В случае вспышки, будет ли моральная политическая поддержка и признание права христиан, угнетенных 4 столетия, наконец, дышать и молиться на воле, как позволили Молдо-Валахии и Сербии после их восстания с помощью и трактатами России?» Бан сообщал, что с некоторыми болгарскими областями уже установлены сношения. И далее он добавлял, что в княжестве становится опасно, и требуется отдушина, куда можно отправлять предприимчивых и горячих людей, не имеющих дела, за пределы княжества. Свое письмо Бан заканчивал тремя вопросами: «1. Можно ли надеяться вскоре получить нужные деньги на закупки ружей и пороха и на платеж таким властям, которые подкупны? 2. Можно ли надеяться на направление и на искреннюю поддержку в Константинополе и Европе? 3. Ход дел в Европе позволяет ли энергически начать действовать, или подготавливать и ждать? А ждать до какого времени?»¹²

Как можно видеть, Бан представил достаточно обширный план создания и действия своего комитета, указывая на его планы близкие и дальние. И уже в 1859 г. он добился поддержки своему предприятию со стороны князя Михаила и Гарашанина.

В 1860 г. Матия Бан при поддержке князя Михаила и И. Гарашанина создал в Белграде Центральный комитет, который должен был установить в Боснии сеть тайных обществ, целью которых являлась организация там восстания против турок и затем присоединение ее к Сербии. Сочувствовал Центральному комитету и сербский митрополит Михаил. В позднейшей переписке Бана с И. Аксаковым он рассказывал ему о планах создания южнославянской федерации из сербов, хорватов и болгар. Каждый народ должен был иметь свою национальную территорию и представлять равное количество своих представителей в общее правительство. Православные и католики равноправны, но католиков постепенно путем убеждения переводят в православие. Южнославянская конфедерация в дальнейшем должна стать частью общеславянской конфедерации¹³.

Эти планы скорее всего Бан представлял И. Аксакову и раньше и они вполне соответствовали плану Константина Аксакова. Именно поэтому Аксаков стал так горячо помогать Бану и его Центральному комитету. Он дал Бану 3000 рублей из средств Московского славянского комитета. Однако, понимая, что дело нельзя продолжить на частные средства, И. Аксаков обратился к русскому посланнику в Вене В.П. Балабину, русскому генеральному консулу в Белграде А.Е. Влангали и протоиерею русской посольской церкви в Вене М. Ф. Раевскому, через которого Московский славянский комитет вел все дела с австрийскими славянами, с просьбой добиться для комитета Бана средств у русского правительства.

Весной 1861 г. Бан снова обратился через Влангали к Московскому славянскому комитету с просьбой прислать ему денег. Тот через Раевского попросил об этом И.С. Аксакова. 5 мая 1861 г. И.С. Аксаков ответил венскому священнику, что денег у комитета нет и взять их неоткуда. «Так и пишете Влангали и Бану, — писал И.С. Аксаков. — Я никогда денег им сверх 3000 р. не обещал и всегда говорил и писал, что частными средствами дело идти не может. Частные средства могли только пустить дело в ход, дать ему толчок настолько, чтобы “увлечь правительство сербское и русское на путь положительного содействия”. Это и исполнено нами, русское правительство дало доказательство своей готовности и вся вина лежит на сербском правительстве»¹⁴.

Говоря о готовности русского правительства помочь комитету Бана, Аксаков опирался на факты. Балабину удалось добиться, что Александр II предоставил князю Михаилу беспроцентный заем в 900 тыс. рублей. Однако неожиданно для русского правительства и славянофилов Михаил от него отказался.

Уже 14 апреля 1861 г. М.Ф. Раевский сообщал А.Д. Блудовой о странном поведении сербского князя, которого он в письме именовал «барин». «Мы, естественно, предполагали, что получивши заем, сейчас примет на себя и издержки, — писал Раевский. — Случилось напротив, наш барин заартачился. Имеет ли свои какие планы или недоволен лицами для него старающимися ... Бедный Влангали метался туда и сюда, просил барина, урезонивал, но тот все молчит. Подозревает ли что, трусит ли, не знаю. В крайности как благородный человек, когда ему предоставлено было, что до конца апреля поддержание дела будет стоить 1800 # червонцев, он, чтобы не сказать, что мы отказываемся от всего, обещал им эти деньги»¹⁵.

Но это были только догадки Раевского, да и князь Михаил, очевидно, еще не принял окончательного решения. К маю вопрос прояснился. И.С. Аксаков 5 мая 1861 г. писал с возмущением Раевскому: «Славяне и меня приводят в отчаяние, но пуще всего Сербия, т. е. княжество. Поступок Михаила с Россией — просто глупый и грубый! Мы достигли блистательнейших результатов, каких не могли надеяться! Наше дело в Сербии было признано нашим правительством, и, несмотря на страшное безденежье, на угрожающее банкротство, Государь назначил сербскому князю выдать в заем без срока и процентов 300 т[ысяч] дукатов, т. е. 900 т[ысяч] р[ублей] сер[ебром]. Чего же больше! ... Несколько месяцев ни письма, ни гонца от Михаила, ни выражения благодарности. И вдруг посредством телеграфической депеши отказ под разными ничтожными предложениями». И.С. Аксаков перечислял доводы Михаила: теперь не время закупать оружие, трудно объяснить скупщине эти закупки. Аксаков считал эти отговорки несущественными. Он полагал, что во всем виновата швабская партия, которую составляют сербы из Австрии и которая ищет опоры во Франции. «Эти люди, без сомнения, гораздо умнее, зреее, образованнее людей партии народной, но ими можно пользоваться как напр. и Баном»¹⁶.

Как можно видеть, Аксаков относился к Бану с недоверием, но он и не предполагал, что Бан сам использовал его и русских дипломатов в своих целях! Митрополит Михаил в письме к графине Блудовой от 28 сентября 1861 г. писал по этому поводу: «Наше общее дело думали сначала поднять живо и энергически, и комитет было расширил свои действия и своих агентов, от которых получал известия ... Но правящие были очень робки и застенчивы, или, как обыкновенно говорят, благодарны, верно по совету иногородних. И вот это главное дело не удалось отсюда, и поэтому комитет должен замолчать и уступить в ожидании обстоятельств лучших ... Александр Егорович человек добрый и преданный делу, советует нам потерпеть, чтобы видеть правящих, как поведут дела, ежели уже взялись за это». Спустя некоторое время надежды митрополита Михаила на «правлящих» угасли.

Одновременно он понял и нечистую игру Бана. И 21 декабря 1861 г. он с грустью сообщал своей корреспондентке: «Жаль, очень жаль, что все как-то неудача и вместо укрепления духовных уз братства и единства с окружающими нас родными, теряем доверенности и влияния глупыми поступками или же совершенно бездействуем ... По действиям Ивана Сергеевича дело было начато хорошо и мы вели его без участия правящих успешно до некоего времени, а потом поворот был сделан неверным лицом комитета г. Б[аном], который не заслуживал этой доверенности»¹⁷.

В письмах Аксаков с сожалением отмечал, что в провале подготовляемой акции в Боснии и Герцеговине виновато сербское правительство. Но уже через некоторое время он понял, что деятельность Бана была ловкой аферой, и деньги, представляемые ему, шли на его личные нужды. Понять это ему помогли русские дипломаты. 17/29 апреля 1861 г. русский дипломат А.А. Ольхин предупреждал Раевского, тоже активно помогавшего Бану: «Нет ни одного человека, который бы, не говоря, хвалил, но громко и при всех ругал его. Затем он пользуется репутацией шпиона всех держав поочередно»¹⁸. Сам М.Ф. Раевский уже в июне 1861 г. четко осознал провал акции Бана. 23 июня 1861 г. он писал А.Д. Блудовой, что дело, начатое Аксаковым, закончено, «мы продолжать и поддерживать его не можем, а кто может — не хочет». И далее Раевский добав-

лял: «По крайней мере результат этого дела был нам настолько полезен, что показал и доказал славянам нашу готовность служить делу»¹⁹. В декабре 1861 г. также и Влангали сообщил Раевскому: «С Б[аном] почти совсем расстался. Плутни его почти явны, бессовестности еще более, чем можно было ожидать. Погрел он руки порядком»²⁰.

Сербский ученый В. Вучкович, исследовавший деятельность Бана, пришел к выводу, что сообщения, которые он передавал русским дипломатам и князю Михаилу, являлись вымыслом. Мало того, Вучковичу удалось найти документы о том, что в то же время, когда Бан вел переговоры с Аксаковым о подготовке восстания в Боснии, он встречался с австрийским консулом в Белграде, рассказывал ему о посещении его «русским эмиссаром Аксаковым» и предлагал свое содействие в присоединении Боснии к Австрии. Правда, австрийский консул отказался от предложения Бана²¹. Князь Михаил раньше, чем русские дипломаты, понял игру Бана, поэтому и отказался от русского займа. В 1861 г. он распустил комитет Бана.

Попытку подготовить восстание в Боснии с помощью комитета Бана С.А. Никитин считал одним из самых крупных актов политической деятельности Московского славянского комитета в 60-е гг.²².

Инициатором оказания помощи Центральному комитету Бана выступил И.С. Аксаков, который видел в его акции возможность реального воплощения панславистского плана своего брата.

Неудача с комитетом Бана повлекла за собою ряд крупных неприятностей для тех русских дипломатов, которые его поддерживали. Балабин тяжело заболел и вынужден был оставить свой пост посланника в Вене. Отставка Балабина вызвала неудовольствие сербских русофилов. Один из них с грустью писал графине А.Д. Блудовой 24 декабря 1860 г., сообщая ей слухи об отзыве из Вены Балабина и о назначении туда посланником немца барона Будберга, протестанта по исповеданию. «После стольких ожиданий, — сокрушался неизвестный корреспондент, — надежд на Россию славяне, наконец, нашли в русском посланнике себе друга, понимающего их и подающего им ясное понятие о высоком сочувствии царя русского; они развернулись перед ним душою, они обратились к нему

с полной откровенностью не только в Вене, но и отсюда, и из турецких провинций». Русские консульства стали приобретать доверие даже у иноверцев, но с приходом Будберга у славян подрывается вера в Горчакова и русского царя. Автор письма откровенно указывал, что с потерей этой веры, славяне могут прислушаться к Кошуту, Гарибальди, Чарторижскому. Поэтому, подчеркивал он, посланником в Вене должен оставаться Балабин²³. Однако после тяжелой болезни Балабин вскоре скончался.

Влангали был переведен в Китай. Неприятности были и у Раевского, который решил прекратить все связи с Азиатским департаментом, от чего его отговорил А.Ф. Гильфердинг.

Что же касается Ивана Сергеевича Аксакова, то уверенность в возможности освободить славян путем их восстания против угнетателей и поддержке его со стороны России, у него не уменьшилась. И когда в 1875 г. в Боснии и Герцеговине началось восстание сербов, он активно включился в оказание им помощи. В сношениях с боснийскими сербами ему все это время активно помогал М.Ф. Раевский.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853—1856. М., 1874. С. 2, 24.

² Там же. С. 24.

³ *Никитин С. А.* Крымская война // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения. М., 2013. С. 172.

⁴ Русская беседа. Т. 6 (13). М., 1859. С. 64.

⁵ Никитин С. А. Крымская война... С. 172.

⁶ Цит. по кн.: *Курилов А. С.* Константин и Иван Аксаковы // *К. С. Аксаков, И. С. Аксаков.* Литературная критика. М. 1981. С. 5.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. IV. СПб., 1896. С. 52, 53.

⁹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. III. СПб., 1892. С. 453, 454.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1274. Д. 2798. Л. 719 с об.

¹¹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 945. Лл. 1—7 об.

¹² РГАДА. Ф. 1274. Д. 924. Лл. 13—15.

¹³ *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960. С. 151.

- ¹⁴ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. IV. С. 52, 53.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2424. Л. 13.
- ¹⁶ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. IV. С. 51, 52.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2179. Лл. 14 с об. , 17.
- ¹⁸ Зарубежные славяне и Россия. М. , 1975. С. 331.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 1278. Д. 2424. Л. 10.
- ²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 25.
- ²¹ *Фрейдзон В. И.* О белградском комитета М. Бана (1860—1861) // Славянский архив. М. . 1963. С. 104.
- ²² *Никитин С. А.* Славянские комитеты. С. 154.
- ²³ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2798. Лл. 1 с об. , 2, 3.

МИЛОШ КОВИЧ

От Сан-Стефано к Берлину: сербский вопрос в переговорах между Россией, Австро-Венгрией и Великобританией

I

О Великом восточном кризисе (1875—78 гг.) существует обширная историография. Несмотря на то, что основные факты хорошо известны, понимание сути тех событий, как будто, ускользает от нас. Любопытно, что до сегодняшнего дня не написан обобщающий очерк, который бы осветил все наиболее важные аспекты и всю сложность Великого восточного кризиса (ВВК). Кроме того, надо признать, что нынешняя эпоха с присущими ей переменами требует постановки новых вопросов и поиска новых ответов. Это относится даже к темам, которые, как казалось, изучены вдоль и поперек. Современный балканский кризис, по признанию англосаксонских историков, после десятилетий перекося в сторону общественной истории вернул интерес к изучению истории международных отношений¹. Итак, если и можно сказать, что известны основные факты о ВВК, окончательная и безоговорочная их интерпретация, разумеется, невозможна. Само собой, национальные историографии стран, участвовавших в ВВК (включая Россию и Сербию), никогда не утратят к нему интереса.

В рамках данной работы мы ставим перед собой задачу изучить, какую роль Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина (БиГ) и Старая Сербия сыграли на завершающем, наиболее интригующем этапе Великого восточного кризиса как объект, предмет переговоров великих держав. Имеются в виду три месяца, отделявшие подписание Сан-Стефанского мирного договора от начала Берлинского конгресса. С середины февраля,

когда британский флот бросил якорь у Принцевых островов поблизости от Константинополя (15 февраля), а русская армия заняла Сан-Стефано на берегу Мраморного моря, вплоть до апреля 1878 г., когда начались тайные российско-британские переговоры, мир замер в страхе от того, что столкновение вооруженных сил России и Британии, к которой могли присоединиться Австро-Венгрия и Османская империя, приведет к развязыванию общеевропейской войны.

Историография давно установила, что внимание великих держав во время кризиса переключилось с восстания в БиГ и сербско-черногорско-турецкой войны на Болгарию и проливы². Или, говоря языком балканских историков, болгарский вопрос вытеснил вопрос сербский. Однако в данной статье мы покажем, что противоречия между великими державами по проблемам сербских земель, все-таки, сыграли ключевую роль в том, какой была окончательная развязка Великого восточного кризиса. Кроме того, мы продемонстрируем, что вопреки утверждениям сербской историографии, будто Россия в интересующее нас время отвернулась от сербов в пользу реализации болгарских интересов, именно неготовность России отказаться от собственного влияния на сербские территории (Черногорию, Старую Сербию и, собственно, саму Сербию) повлияла на исход кризиса.

II

Побудительные мотивы внешнеполитического курса любой великой державы это сложный феномен, обусловленный рядом факторов. Говоря о Великобритании, следует учитывать интересы и цели, преследуемые различными группами, близкими к правящей элите, а также традиционную политику Лондона в Восточном вопросе. В эпоху, наступившую после Адрианопольского мира и Ункяр-Искелесийского договора, основателем данной традиции следует считать лорда Пальмерстона, полагавшего, что четкая агрессивная политика и демонстрация вооруженной силы — это лучшее средство «отвратить» Россию от преследования ее целей на Балканах. Такой подход практиковался и в отношении православного, особенно, славянского населения региона, которое, по мнению

Уайт-холла, было, по определению, союзником России и противником Великобритании. Вышеописанная позиция подразумевала, как продемонстрировала Крымская кампания, и развязывание войны. Но не без союзников. Защищая свои позиции в Индии, а также в Туркестане и Афганистане, Британия была один на один с Россией. На Балканах она рассчитывала на помощь Габсбургской и Османской империй.

Важно упомянуть, что во время ВВК пост британского премьера занимал один из продолжателей данной традиции — Бенджамин Дизраэли. Главным его оппонентом и вождем оппозиции был Вильям Гладстон. Сочувствовавший борьбе балканских народов за освобождение, более терпимый к интересам России на Балканах он придерживался линии Джорджа Канинга и лорда Абердина.

В критические месяцы, отделявшие подписание Сан-Стефанского мирного договора от открытия Берлинского конгресса, Дизраэли, которому королева Виктория присвоила титул лорда Биконсфильда, удалось заполучить диктаторские полномочия, позволившие ему абсолютно самовольно определять внешнюю политику Британии. Дизраэли обеспечил себе твердое большинство в парламенте и изгнал из правительства непослушных министров — лорда Карнарвона и лорда Дерби. Кроме того, своей лестью премьер совершенно очаровал королеву. Общественное мнение, первоначально симпатизировавшее Гладстону, склонилось на сторону его противника после новостей о продвижении русских войск к Стамбулу.

В соответствии с традицией британской политики Дизраэли был абсолютно равнодушен к тому, что не все сербские земли имели выход к морю. Во время Великого восточного кризиса он обвинял сотрудничавших с Россией сербов и Сербию во всех бедах, свалившихся на балканские страны — от волнений в Герцеговине и резни в Болгарии до русско-турецкой войны. Все упреки, которые он не смел высказать России как великой державе, он в своих публичных выступлениях переадресовывал Сербии. В то же время Черногорию премьер пытался, как он сам говорил, «купить» ценой мелких уступок и отдалить от Сербии и России³.

Во время русско-турецкой войны политика Дизраэли в отношении России сводилась к угрозам развязывания войны,

в случае если русские войска захватят Босфор и Дарданеллы. При этом он знал, что британский флот не сможет помешать русским занять Стамбул, поэтому он приказал адмиралу Хорнби действовать, только если те войдут в Галлиполи и отрежут британцам выход в Средиземноморье. Правда, европейская общественность об этом не была информирована. Блефовал ли Дизраэли, или действительно был готов ввязаться в войну, этого не знали даже его ближайшие соратники.

На пост министра иностранных дел после отставки лорда Дерби, супруга которого, как полагали осведомленные люди, слишком далеко зашла в общении с хитрым русским послом графом Шуваловым, Дизраэли назначил воинственного лорда Солсбери, которому уступил обязанность вести дипломатическую переписку. А сам он, как в молодые годы, предался посещению лондонских салонов и общественных мероприятий. Начиная с 13 марта 1878 г., он дважды посылал в Петербург требования начать обсуждение всех пунктов Сан-Стефанского договора. После победоносной войны с Османской империей российское правительство, не отказывавшееся в принципе от переговоров, расценила это как оскорбление. Одновременно Дизраэли обеспечил одобрение военных кредитов парламентом и приступил к переброске колониальных индийских войск на Мальту.

Судя по письму Дизраэли леди Бредфорд — одной из пожилых дам, с которой он в поздние годы регулярно переписывался, — с 24 марта 1878 г. он в обстановке кипящих страстей хладнокровно следил за событиями и, как отмечает Хвостов, четко представлял, что следует делать⁴. Глава британского правительства предполагал, что Россия отвергнет его требования: «Думаю, наши предложения, то есть условия, не будут приняты. Но мы не отступим ни на дюйм. Люди возбуждены и считают, что нам предстоит война. Я в это не верю и не переживаю по этому поводу. Вероятней всего, Россия, когда поймет, что Англия полна решимости и готова воевать, в конце концов, предложит нам сепаратные переговоры. Это будет настоящий триумф — после их болтовни о нашей изолированности и о том, что нас все оставили»⁵. В тот же день премьер и королеве Виктории написал, что ожидает российского предложения прямых переговоров⁶.

III

Ключевое значение имела позиция Австро-Венгрии. Без нее и только при поддержке турок Дизраэли едва ли вел бы себя так рискованно в отношениях с Россией. В нескольких прежних европейских войнах австро-венгерская армия играла роль сухопутных сил Великобритании. Поэтому Дизраэли на протяжении всего кризиса, начиная с 1875 г., слал в Вену предложения сотрудничества. Однако министр иностранных дел граф Дьюла Андраши был связан с Петербургом и Берлином обязательствами, предусмотренными Союзом трех императоров. Сферы интересов России и Австро-Венгрии были поделены в результате подписания тайного Рейхштадтского соглашения и Будапештской конвенции. И, все-таки, это разделение не было таким четким, как того хотелось бы подлинному архитектору Союза трех императоров — германскому канцлеру Отто фон Бисмарку. По его замыслу, чтобы избежать конфликтов, западные Балканы, включая БиГ, Старую Сербию, Сербию и Черногорию, следовало уступить австро-венгерской сфере интересов. А Румыния и болгарские земли отошли бы России.

В сотрудничестве с Россией Андраши не сомневался вплоть до декабря 1877 г., то есть до 31 января 1878 г., когда состоялось подписание Адрианопольского перемирия. На всякий случай — для оказания давления на Петербург — австро-венгерский министр поддерживал формальные и неформальные контакты с Дизраэли, но всегда ускользал от него, за что разгневанный британский премьер, не понимавший смысла игры, которую вел Андраши, называл его в переписке «угрем»⁷. Создание Великой Болгарии глава австро-венгерского МИДа воспринял как подтверждение ощущения, что Россия не держит слово и нарушает вышеупомянутые соглашения. Осознавая, что его авторитет пошатнулся, Андраши перешел на сторону воинственно настроенных армейских кругов Вены, настаивавших на прорыве через западные Балканы. И в Лондон полетели сигналы готовности к достижению серьезных договоренностей. Вместе с Дизраэли австро-венгерский министр призвал великие державы созвать международный конгресс в Берлине. Ну а Бисмарка связывали с Андраши старые

дружеские и союзнические отношения. Поддержка, оказываемая Германией Австро-Венгрии, и переход последней на сторону Британии могли стать для России источником серьезной опасности⁸.

IV

Если британский внешнеполитический курс был результатом твердой воли Дизраэли, то российская политика определялась соперничеством нескольких окол властных группировок. В ситуации нездоровья князя Александра Михайловича Горчакова за влияние боролись посол в Константинополе граф Николай Павлович Игнатьев и лондонский посол граф Петр Андреевич Шувалов. Но старый канцлер еще не был готов поделиться своими полномочиями с этими «молодыми львами». Чиновники МИДа Николай Карлович Гирс, Александр Генрихович Жомини и др., в принципе, выполняли решения Горчакова, ну и, конечно, царя Александра II, на позицию которого оказывали влияние все противоборствовавшие течения. Славянофилы действовали через сына-престолонаследника и супругу-императрицу. Великий князь Николай Николаевич, главнокомандующий балканской армии, не был готов все время следовать указаниям брата. Парадокс, но в парламентской британской монархии вся власть оказалась в руках одного человека, а в абсолютистской России преобладала разногласия.

Подписывая Сан-Стефанский договор, граф Игнатьев планировал обсуждать с британцами отдельные его пункты, прежде всего, касающиеся проливов и Константинополя. Однако в Лондоне требовали, чтобы предметом дискуссии стали все положения документа, что Россия отвергла, так как хотела сохранить за собой право выбора, что обсуждать на конгрессе, а что нет⁹. Решительная позиция Россия имела и свою тактическую подоплеку. Горчаков, скрепя сердце согласившийся на созыв конгресса, вместе с Шуваловым надеялся, что в случае, если Британия откажется участвовать в нем, виноватой в его провале станет она, а не Россия¹⁰.

Кроме того, Горчаков в тот момент надеялся на хорошие новости из Вены. Предпринимались попытки преодолеть «разногласия» с Австро-Венгрией и изолировать Великобри-

танию. Как раз в тот день (24 марта 1878 г.), когда Дизраэли писал самоуверенные письма леди Бредфорд и королеве Виктории, граф Игнатъев отправился из Петербурга в Вену, чтобы обсудить с Андраши все спорные вопросы. Инициатором данной миссии выступал Александр II. Он и Горчаков ожидали, что Бисмарк, имея ввиду союзничество с Россией и помня о ее благожелательном отношении к Пруссии и ее войнам за объединение Германии, повлияет на Андраши, чтобы тот был посговорчивей. Этому, однако, не суждено было сбыться. Бисмарк, по его словам в Рейхстаге, хотел остаться «честным маклером», что, по сути, означало, что он встал на сторону Австро-Венгрии.

Игнатъева, холодно принятого в Вене, с самого начала кризиса разделяла с Андраши личная неприязнь. Оказалось, что тот из союзника России превратился в ее ожесточенного противника. Последовали новые требования, озвученные в ходе жарких споров с Игнатъевым, периодически перераставших в ругань. Благодаря Андраши, не болгарская тема, — наиболее чувствительная и имевшая отношение к судьбе проливов, — а сербские земли и, в целом, западные Балканы оказались в фокусе переговоров. По сути, кроме проблемы западных и юго-восточных границ Болгарии, Австро-Венгрия, не имела серьезных возражений по поводу создания большого болгарского государства. Однако если Россия хотела, чтобы Вена смирилась с его созданием, следовало согласиться на то, что под ее полный контроль перейдет западная часть Балкан. Наряду с БиГ, Андраши предъявлял претензии и на Новопазарский санджак (вплоть до Митровицы), а также требовал отделения Македонии от Сан-Стефанской Болгарии и превращения ее в отдельную область под контролем Австро-Венгрии. Не скрывалось, что следующей целью монархии Габсбургов виделись Салоники, которые, согласно Андраши, следовало связать с Австро-Венгрией железной дорогой, проходящей через Санджак и Македонию. Россия должна была признать и доминирование Австро-Венгрии над Сербией и Черногорией. Сербию следовало переориентировать с Новопазарского санджака на юго-восток и передать ей Пирот и Вранье, которые Россия хотела отдать Болгарии. Торговые, железнодорожные и таможенные конвенции привязали бы Сербию крепче к Австро-Венгрии. Планировалось также уменьшить приращения Черногории за

счет Герцеговины и помешать ей получить выход к Адриатике. Порт Бар и прилегающая береговая линия со Спичем вплоть до реки Бойаны достались бы Австро-Венгрии или будущей Албании, а не Черногории, как это предусматривал Сан-Стефанский договор. Андраши допускал, что и вся долина р. Вардар может отойти албанскому государству, которое находилось бы под протекторатом Австро-Венгрии. С ней все эти земли объединял бы таможенный союз¹¹.

Подготавливая Сан-Стефанский договор, Игнатьев ориентировал Сербию и Черногорию в направлении Новопазарского санджака, а также автономной БиГ. Теперь, как он отмечал, притязания Андраши на доминирование над Биг, Санджаком, Сербией и Черногорией означали бы полное закабаление сербов: «Вся сербская раса оказалась бы в исключительной власти мадьяр. В вассальном подчинении короне Св. Стефана, как Хорватия»¹².

В Петербурге были застигнуты врасплох требованиями, выдвинутыми Андраши. Горчаков предписал Игнатьеву покинуть Вену до завершения миссии¹³. Последовала новая попытка переговоров, которую предпринял российский посол в Вене Новиков. Однако Андраши стоял на своем. Оказалось, что черногорское приморье и Новопазарский санджак — самые чувствительные вопросы. Последняя попытка состоялась 2 мая 1878 г., когда Россия предложила аннексию БиГ вместо оккупации, а также установление более тесных торговых, железнодорожных и таможенных связей Австро-Венгрии с Сербией и Черногорией. Взамен Санджак достался бы Сербии и Черногории, а Болгария, как было предложено на Стамбульской конференции (конец 1876 г. — начало 1877 г.), поделилась бы с севера на юг, но без отсоединения Македонии. Андраши отверг и эти предложения, назвав их планом отсечения Австро-Венгрии от Балкан¹⁴.

Таким образом, Рейхштадтское соглашение и Будапештская конвенция остались на бумаге. Более того, к удовольствию Дизраэли, под угрозой оказался и Союз трех императоров. Окончательно развеялись надежды Петербурга на достижение согласия с Веной. Россия осталась одна перед лицом опасности конфликта с Британией, Османской империей и Австро-Венгрией, за спиной которой все отчетливее просматривалась Германия. В результате, единственной возможностью избежать

войны с этой коалицией оставались прямые переговоры с главным противником — Великобританией.

Ключевым моментом в урегулировании Великого восточного кризиса стала миссия Игнатьева в Вене, продолжавшаяся со вторника 26 марта по воскресенье 31 марта 1878 г. После этого Россия пошла на уступки.

В то же время главный вопрос состоит в том, почему Россия не пошла на соглашение по вопросу западных Балкан — сербских земель — и, одновременно уступила там, где, если верить имеющейся литературе, находились ее основные интересы — в Болгарии, Бессарабии, Армении? Ведь ожидалось, что, в отличие от Австро-Венгрии, которая была озабочена исключительно западными Балканами, Великобритания станет оспаривать те статьи Сан-Стефанского договора, которые касались именно восточной части полуострова и Армении. Во время пребывания Игнатьева в Вене в Петербурге еще не знали, что конкретно потребует Британия. Ожидалось, что ее условия будут намного более жесткими и затронут не только Болгарию, Бессарабию и Армению. Однако оставим на время этот вопрос, чтобы узнать, в чем состояли британские требования, и на что во процессе переговоров согласилась Россия.

V

Британцы не стали тянуть с обнародованием своей позиции. Как только Солсбери занял министерское кресло, занимаемое до него Дерби, он, при поддержке Дизраэли, составил предназначенный для всех великих держав Циркуляр Солсбери¹⁵, в котором ясно изложил требования Великобритании по Восточному вопросу. Тот факт, что в указанном документе, наряду с повторением требования вынести на обсуждение конгресса Сан-Стефанский договор целиком, были перечислены главные претензии Британии к его содержанию (размеры и администрация Болгарии, российские приращения в Армении и Бессарабии, размер контрибуции) свидетельствовал о готовности Биконсфильда и Солсбери приступить к предметным переговорам с Петербургом¹⁶. Одновременно Дизраэли и Солсбери безуспешно пытались заключить соглашение с Андраши, который подозревал их обоих в намерении подтолкнуть его к вой-

не с Россией. Кроме того, подтвердилось, что Австро-Венгрию, по сути, не интересовали восточные Балканы и, тем более Армения, а Дизраэли и Солсбери не желали заниматься судьбой черногорского побережья и Новопазарского санджака. Они были готовы признать за Андраши право на Боснию, но он не соглашался с разделом Болгарии вдоль Балканского хребта, так как все еще ждал ответа на требования, предъявленные Игнатьеву¹⁷.

Свои притязания на Санджак Андраши в переговорах с Солсбери оправдывал необходимостью помешать сербо-черногорскому объединению. Что касается черногорского приморья, он объяснял, что нельзя дать превратить Бар в русский опорный пункт. Что касается албанцев, то их, по его словам, надо было спасти от славянского ярма. Андраши утверждал, что славянофилы превратили Ульцинь в военный склад¹⁸, и требовал не предоставлять Болгарии долину Вардара. Ее новая западная граница пошла бы от впадения Струмы в Эгейское море, через область между этой рекой и Вардаром, затем западнее Кюстендила и севернее Вранья вышла бы к Мораве. Кроме того, Андраши поддерживал ограничение пребывания российских войск в Болгарии, а также перенос южной болгарской границы к северу, но без конкретных предложений¹⁹. В результате Дизраэли и Солсбери быстро поняли, что с Андраши договориться не получится и окончательно переключились на переговоры с Россией²⁰.

В Петербурге опасались переговоров между Великобританией и Австро-Венгрией. Было известно, что началась переброска войск на Мальту, где к концу мая должно было оказаться около 7 тысяч индийских солдат. Когда российский посол Евгений Петрович Новиков попытался убедить Андраши отказаться от территориальных претензий в отношении черногорского приморья и Новопазарского санджака, о которых ничего не говорилось в Рейхштадтском соглашении и Будапештской конвенции, тот ответил ему угрозой вступить в военный союз с Британией²¹.

В эти дни Александр II и Горчаков решили пойти на уступки. 29 апреля 1878 г. в разговоре с Солсбери Шувалов потребовал от него прояснить позицию по поводу спорных положений Сан-Стефанского договора. Перед этим русские довели до сведения британского кабинета, какие статьи они обсуждать не

хотят. Вся Бессарабия, Карс и Батум должны были достаться России, а Бар — Черногории²².

Начались прямые российско-британские переговоры, как того и хотел Дизраэли. Уже 1 мая 1878 г. он и Солсбери передали Шувалову свои условия: раздел Болгарии вдоль Балкан при сохранении греческой нации к югу от этого горного массива; уменьшение аннексируемых территорий в Армении; более определенный договор о контрибуции. При условии согласия России с этими требованиями Британия была готова участвовать в конгрессе. При этом Дизраэли отверг требование Шувалова приостановить переброску индусов на Мальгу²³.

От ноты Солсбери, до настоящего заявления, то есть с 1 апреля до 1 мая британцы умили свои требования. Бессарабия больше не упоминалась. Александр II и Горчаков ожидали от Дизраэли более тяжелых условий. Существование Болгарии, пусть и разделенной, больше не ставилось под сомнение. Ее южная часть могла рассчитывать на самоуправление²⁴. 6 мая Шувалов осторожно подтвердил Солсбери, что Россия готова на уменьшение Болгарии, в случае если ее автономия будет достаточной. Тогда же Шувалов отправился в Петербург согласовать с царем и Горчаковым детали соглашения. Однако тот в разгар дипломатической дуэли с Дизраэли тяжело заболел, так что Шувалову пришлось поторопиться, чтобы опередить Игнатьева в борьбе за место Горчакова. Время с 7 по 22 мая Шувалов провел в дороге. С нетерпением дожидаясь его возвращения²⁵, Дизраэли и Солсбери озаботились достижением соглашения с Османской империей. Поддержка, оказываемая ими султану, будет стоить тому Кипра.

Пока Дизраэли и Солсбери готовились прибрать остров к рукам и ждали ответа от русских, прибыло новое послание из Вены. 2 мая Андраши, как мы видели, получил от России контрпредложения, которые, по сути, означали, что его требования отвергнуты. Узнав о российско-британских переговорах, Андраши, несмотря на поддержку Бисмарка, испугался, что останется в изоляции. Он известил британское правительство, что согласен на раздел Болгарии вдоль Балканского хребта. За это он требовал от Лондона поддержки по проблеме черногорского побережья и Новопазарского санджака. Однако Солсбери собирался дожидаться возвращения Шувалова, поэтому Андраши он ответил, что не собирается воевать из-за Бара и чер-

ногорского побережья. Британский министр знал, как много значит этот порт для России. Андраши опоздал. Двадцать дней назад его предложения стоили бы много больше²⁶. Тем не менее, переговоры Лондона и Вены не прерывались²⁷.

Для нашего исследования важно, что в то же самое время (14 мая 1878 г.) из Петербурга пришло послание Шувалова, в котором говорилось, что Россия была бы более склонной прийти к соглашению с Британией, если бы та поддержала положения Сан-Стефанского договора, касавшиеся Сербии и Черногории. Правительство Ее Величества после заседания, состоявшегося 15 мая 1878 г., сообщило, что не имеет возражений по этим пунктам, что в Петербурге было воспринято с нескрываемой радостью²⁸. То, что Сербия и Черногория опять оказались в центре внимания, свидетельствовало о желании Петербурга удостовериться, заключил ли Лондон какую-нибудь договоренность с Веней. Не менее важно, что Россия не желала отказываться от своего влияния в сербских землях.

Шувалов вернулся в Лондон 22 мая 1878 г. В Петербурге ему удалось заручиться поддержкой выздоравливавшего Горчакова, что предопределило его победу в противостоянии с Игнатьевым, звезда которого после шума вокруг Сан-Стефанского договора и провала миссии в Вене стала стремительно закатываться. Шувалов сообщил Солсбери, что Россия согласна на раздел Болгарии, но требует, чтобы в ее южной половине не было турецких войск. Русские согласились сократить по времени свое военное присутствие в Болгарии, а также выразили готовность отказаться от Баязета в Армении. Определелись и условия выплаты контрибуции. Шувалов даже упомянул, что Россия не станет возражать против новой базы Британии, но не в Мраморном море²⁹. Дизраэли и Солсбери предъявили дополнительное требование относительно западной болгарской границы, которая должна была протянуться так, чтобы соответствовать предложению Андраши, но без выхода Болгарии к Эгейскому морю. Русские не стали этому возражать³⁰.

Дизраэли на основании донесений Солсбери докладывал королеве Виктории, что ответ русских «весьма удовлетворительный»³¹. Согласно его объяснениям венценосному адресату, Британию можно было считать готовой к участию в конгрессе после подписания договоров с Россией и Турцией³². Британское правительство на заседании 24 мая 1878 г. принципиально

приняло российские предложения за исключением одного, касавшегося вывода турецких войск с территорий южнее Балканского хребта. Дизраэли даже предлагал полностью отказать России в получении репараций от Турции, однако министры его не поддержали. Затем было принято решение, что посол Генри Лаярд передаст туркам проект Кипрской конвенции. Солсбери поручил ему добиться согласия за два дня. В случае необходимости следовало прибегнуть к угрозам³³. К 26 мая Лаярд убедил султана Абдул-Хамида II расстаться с Кипром³⁴. Тем временем 25 мая британский кабинет решил согласиться со всеми предложениями российской стороны, но, по требованию Дизраэли, вопрос турецкого военного присутствия южнее Балкан решил вынести на суд конгресса. Воинственной королеве ее премьер-министр объяснял, что британская общественность не одобрит войну с Россией из-за разногласий по вопросу управления этой территорией³⁵. Тогда же Австро-Венгрия была уведомлена, что Британия поддержит ее во всем, кроме вопроса проблемы принадлежности Бара³⁶. «Не верю, что из такого вопроса они устроят *casus belli*», — писал Дизраэли королеве³⁷.

Через два дня (27 мая) Солсбери послал в Вену проект приглашения. В силу обязательств перед Россией он избегал вопроса границ Сербии и Черногории. Тем не менее, британский министр обещал Австро-Венгрии поддержку относительно «Боснии» и западной болгарской границы, как ее видел Андраши. Болгарию следовало разделить вдоль Балканского хребта, а русскую оккупацию сократить с двух лет, предусмотренных Сан-Стефанским договором, до шести месяцев. Численность русских войск в Болгарии составила бы не больше 20.000³⁸.

Безуспешными остались усилия Андраши присоединить в тексте договора к слову «Босния» слово «Герцеговина», а также добиться британской поддержки по вопросу черногорского побережья. Дизраэли и Солсбери опасались сорвать переговоры с Россией, которые для них в тот момент значили много больше, чем побочный торг с Австро-Венгрией³⁹. Тем не менее, британские государственные мужи собирались на конгрессе поддержать требования Андраши, касавшиеся границ Сербии и Черногории, о чем его и уведомили⁴⁰. Это был знак, что Британия готова согласиться с переходом Сербии в зону интересов империи Габсбургов⁴¹.

28 мая Солсбери и Шувалов пришли к согласию по всем вопросам. И, так как российский посол располагал всеми необходимыми полномочиями, тайный российско-британский протокол был подписан 30 мая 1878 г. Россия согласилась с разделом Болгарии, северная часть которой получила бы политическую, а южная административную автономию. Было определено, что западная болгарская граница «не должна была бы, в принципе, заходить за линию, соединяющую Нови Пазар и Коджа-Балкан». Таким образом, Британия, вопреки стремлению Андраши, все-таки, допускала возможность выхода болгар к реке Вардар. Присутствие турецких войск в южной Болгарии, где они в 1876 г. совершили массовые преступления в отношении гражданского населения, не предусматривалось. Тем не менее, окончательное решение данного вопроса оставалось за конгрессом. Было согласовано, что великие державы станут располагать консультативными правами при определении будущего статуса Эпира, Фессалии и «прочих христианских провинций, оставшихся под властью Порты». При этом Британия подчеркнула свою особенную озабоченность положением и правами греков. Наконец, Британия высказала свое сожаление, но не несогласие, с присоединением всей Бессарабии к России, а также согласилась на аннексию территорий в Армении с условием отказа Петербурга от Баязета⁴².

Солсбери объяснял послу Лаярду, что Британия уступила по вопросу Армении и Бессарабии, так как не могла рассчитывать на дипломатическую и военную поддержку Австро-Венгрии, которой в свою очередь не приходилось рассчитывать на то, что Британия вступит в войну с Россией из-за границ Сербии и Черногории⁴³. В российско-британском тайном протоколе Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина не упоминались напрямую. И Британии, и России это представляло определенную свободу для будущего торга с Австро-Венгрией. Для обеих сторон подписанный документ был соглашением об общих принципах урегулирования, которое оставляло возможность добиться более выгодных условий на конгрессе⁴⁴.

После непродолжительных сомнений со стороны султана Турция и Британия 4 июня 1878 г. в обстановке строгой секретности подписали Кипрскую конвенцию⁴⁵. Два дня спустя подписана и британско-австро-венгерская конвенция, в основу

которой легло предложение Солсбери от 27 мая⁴⁶. Вскоре Дизраэли напишет своему другу Лайонелу Ротшильду, что Австро-Венгрия и Турция у него «в кармане»⁴⁷.

VI

Итак, все было готово к началу Берлинского конгресса. История переговоров в Берлине хорошо известна, и нет необходимости ее подробно пересказывать. Отметим только, что британско-австрийское сотрудничество на конгрессе было неожиданным для российских представителей. Благодаря поддержке Дизраэли и Бисмарка Андраши осуществил почти все свои требования, озвученные в переговорах с Игнатьевым.

В заключение вернемся к главному тезису нашей статьи. В ходе переговоров с Австро-Венгрией в марте и апреле 1878 г. Россия отказалась пойти на уступки на западе Балкан, то есть в сербских землях. Одновременно во время переговоров с Британией Петербург уступил по вопросу восточных Балкан (болгарских земель) и Армении. Требования Андраши, озвученные в марте 1878 г., были подкреплены позицией Бисмарка, полагавшего, что следует разделить Балканский полуостров на четкие сферы интересов. Это предоставило бы царизму большую свободу действий в восточной его части. Весьма вероятно, что Россия, согласившись с условиями Андраши, вернула бы себе поддержку Бисмарка и консолидировала бы Союз трех императоров. Однако ход событий позволил Дизраэли уподобиться древнеримскому триумфатору и торжественно сообщить королеве Виктории с Берлинского конгресса, что Союз мертв⁴⁸.

Отдельный вопрос, почему Россия выбрала такой путь. Мы не претендуем на то, чтобы дать окончательный ответ. Имело место сочетание различных факторов: от разногласий в правящих верхах и борьбы за должности и влияние, в рамках которой Шувалов склонял Петербург к переговорам с Лондоном, до элементарного непонимания того, что Британии придется уступить больше, чем Австро-Венгрии. Принимая во внимание ситуацию с доступностью источников, предположим, что российская историография скорее ответит на данный вопрос.

Нам достаточно констатировать и подчеркнуть неготовность России уступить сербские земли Австро-Венгрии. Этот

вывод противоречит доминирующей в сербской историографии точке зрения, согласно которой в период от Сан-Стефано до Берлина Россия сербские интересы принесла в жертву интересам Болгарии и своим собственным. При этом в качестве аргументов часто приводятся слова Гирса и Жомини, сказанные в марте 1878 г. сербскому посланнику в Петербурге Милосаву Протичу, из которых следовало, что интересы Сербии для России на втором месте после болгарских⁴⁹.

Не приходится сомневаться, что Россия была готова уступить Австро-Венгрии Боснию и Герцеговину. Однако взгляд на ближайшее будущее, на историю переговоров России, Австро-Венгрии и Германии об обновлении Союза трех императоров (от обсуждения правящей российской верхушкой в Ливадии в сентябре 1879 г. до подписания договора в июне 1881 г.) подтверждает, что речь шла о решимости России не уступать Сербии и Черногорию в сферу интересов Австро-Венгрии. И тогда Бисмарк безуспешно предлагал четкое разделение, согласно которому Сербия оказалась бы в австро-венгерской зоне влияния. Влияние России на Черногорию не оспаривалось. Однако Россия и уступки в Сербии (торговые и железнодорожные конвенции с Веной) считала вынужденным и временным злом. В январе 1880 г. Гирс открыто сказал об этом Милосаву Протичу: «И вам, и нам нужно быть осторожными и терпеливыми. Будьте уверены, наше общее дело возьмет верх. В конце концов будет так, как хотим мы, а не кто-то другой»⁵⁰. В апреле того же года Гирс, по словам Протича, был еще откровенней: «Дайте нам 4—5 лет, чтобы оправиться и совладать с нашими внутренними проблемами и невзгодами, из-за которых мы перед целым светом позоримся. Увидите, какие зубы мы покажем Европе»⁵¹.

Перевод с сербского АА. Силкина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Pallares-Burke M.L.G.* The New History: Confessions and Conversations. Cambridge and Oxford, 2002. P. 39.

² Из работ обобщающего характера см: *Rupp G.H.* A Wavering Friendship: Russia and Austria 1876—1878. Harvard, London, Oxford, 1941; *Stojanović M.D.* The Great Powers and the Balkans 1875—1878. Cambridge, 1939; *Sumner B.H.* Russia and the Balkans 1870—1880. London, 1962; *Чернов СЛ.* Россия на завершающем этапе восточно-

го кризиса 1875—1878 г. Москва, 1984; *Seton-Watson R.W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. A Study in Diplomacy and Party Politics. London, 1971; *Millman R.* Britain and the Eastern Question 1875—1878. Oxford, 1979; *Екмечич М.* Устанак у Босни 1875—1878. Београд, 1996; *Чубриловић В.* Босански устанак 1875—1878. Београд, 1930.

³ *Ković M.* Disraeli and the Eastern Question. Oxford, 2011. P. 117—127, 151—155.

⁴ *Хвостов М.* История дипломатии. II. 1871—1914. С. 127—128

⁵ Disraeli Project, Disraeli's Correspondence 1859—1881. Queen's University, Kingston, Ontario (Далее — DP). Лорд Биконсфильд — Леди Бредфорд. Лондон, 24. март 1878; *Монупенну W.F., Buckle G.E.* The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield II. New York, 1929 (Далее — M&B II), 1132.

⁶ Disraeli Papers (Hughenden Papers). Bodleian Library. Oxford, (Далее — HP), В/ХІХ/С/508—9, Лорд Биконсфильд — Королева Виктория. Лондон, 24. март 1878; M&B II, 1132.

⁷ DP. Лорд Биконсфильд — Королева Виктория. Хетфилд, 24. апреля 1878.

⁸ *Ković M.* Op. cit. P. 248—251.

⁹ HP, В/ХІХ/С/509—10, Лорд Биконсфильд — Королева Виктория, Лондон, 26. март 1878; M&B II, 1134; *Millman R.* Op. cit. 411.

¹⁰ *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 373—374.

¹¹ *Rupp G.H.* Op. cit. P. 487—492; *Чернов С.Л.* Указ. соч. С. 77—81; *Stojanović M.D.* Op. cit. S. 238—242; *Sumner B.H.* Op. cit. P. 444—460.

¹² *Rupp G.H.* Op. cit. P. 494; *Игнатиев Н.П.* Записки (1875—1878). София, 1986. С. 661—678.

¹³ *Rupp G.H.* Op. cit. P. 492—496.

¹⁴ *Sumner B.H.* Op. cit. P. 460—462.

¹⁵ *Cecil G.* Life of Robert Marquis of Salisbury II 1868—1880. London, 1921. P. 226; HP, В/ХІХ/С/520, Лорд Биконсфильд — Королева Виктория, Лондон, 2. апреля 1878; M&B II, 1154.

¹⁶ *Cecil G.* Op. cit. P. 227—232; *Millman R.* Op. cit. 416—419; *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 379—382.

¹⁷ *Millman R.* Op. cit. P. 422—424, 426.

¹⁸ The National Archives, Kew Gardens, London (Далее — NA), Foreign Office (Далее — FO), 881, vol. 3594, Граф Андраши — Граф Байст, Вена, 29. апреля 1878 (прослежено лорду Солсбери ју 3. мая 1878).

¹⁹ *Ibid.* 1. мая 1878.

²⁰ *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 410—411.

²¹ *Rupp G.H.* Op. cit. 497—499.

²² Лорд Солсбери — Королева Виктория, Лондон, 29. апреля 1878. *Cecil G.* Op. cit. P. 254; *Rupp G.H.* Op. cit. P. 508; *Millman R.* Op. cit. P. 426—427; *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 396—397, 410—411.

²³ DP, Лорд Биконсфильд — Королева Виктория, Лондон, 7. мая 1878; *Ibid.* 9. мая 1878.

²⁴ *Чернов С.Л.* Указ. соч. С. 92—93.

²⁵ *Millman R.* Op. cit.427—428; *Rupp G.H.* Op. cit. 508—514; *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 412.

²⁶ *Millman R.* Op. cit.434—435; *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 415; *Rupp G.H.* Op. cit. 516—517, 525—526.

²⁷ DP, Лорд Биконсфильд — Хенри Елиот, Лондон, 17. мая 1878.

²⁸ *Ibid.* Лорд Биконсфильд — Лорд Солсбери, Лондон, 15. мая 1878; *Millman R.* Op. cit.434; *Rupp G.H.* Op. cit. 515.

²⁹ *Millman R.* Op. cit.436—437; *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 416—417.

³⁰ *Чернов С.Л.* Указ. соч. С. 94.

³¹ НР, В/ХІХ/С/547, Лорд Биконсфильд — Королева Виктория, Лондон, 23. мая 1878; М&В II, 1165—1166.

³² НР, В/ХІХ/С/547, Лорд Биконсфильд — Королева Виктория, Лондон, 23. мая 1878.

³³ *Millman R.* Op. cit.437—438, 440—441; *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 426—429.

³⁴ *Cecil G.* Op. cit. P. 263—273; *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 426—429; *Rupp G.H.* Op. cit. 505—508, 525.

³⁵ НР, В/ХІХ/С/548—9, Лорд Биконсфильд — Королева Виктория, Лондон, 26. мая 1878; М&В II, 1166—1167.

³⁶ НР, В/ХІХ/С/548—9, Лорд Биконсфильд — Королева Виктория, Лондон, 26. мая 1878.

³⁷ *Ibid.* .

³⁸ *Millman R.* Op. cit.440.

³⁹ *Rupp G.H.* Op. cit. 526—527.

⁴⁰ Лорд Солсбери — Генри Елиот, Лондон, 3. јун 1878; *Cecil G.* Op. cit. P. 260—261.

⁴¹ *Живојиновић Д.* Политика Британије према Србији 1878. Године // Зборник радова са научног скупа Србија у завршној фази Велике Источне кризе (1877—1878). Београд, 1980. С. 83—85; *Он же.* Велика Британија и Србија на Берлинском конгресу 1878. Године // Живот и рад Јована Ристића. Поводом 150-годишњице рођења. Београд 1985. С. 85—86.

⁴² Текст договора см.: Србија 1878. Документи. Београд, 1978. С. 209; *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 418—419.

⁴³ *Ibid.* P. 419. Незаинтересованность Британии в сербских делах показал Д. Живоинович: *Живојиновић Д.* Политика Британије... С. 71—98; *Он же.* Велика Британија и Србија на Берлинском конгресу 1878. Године. С. 82—85.

⁴⁴ *Cecil G.* Op. cit. P. 259.

⁴⁵ DP, Лорд Биконсфильд — Королева Виктория, Лондон, 29. мая 1878; *Millman R.* Op. cit. 445—447; *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 423, 429—430.

⁴⁶ *Millman R.* Op. cit. P. 447—8. О двух соглашениях см: M&B II, 1167—1175.

⁴⁷ DP, Лорд Биконсфильд — Лайонел Ротшильд, Берлин, без датума [јун 1878]. Аналогичное заявление дал и Норткоту: *Ibid.* Биконсфильд — Стаффорд Генри Норткот, Берлин, 20. јун 1878.

⁴⁸ DP, Бенджамин Дизраели — Королева Виктория, Хјунден, 7. јун 1876.

⁴⁹ Србија 1878... С. 94, 110.

⁵⁰ Архив Србије. Министарство иностраних дела (МИД). Политичко одељење (ПО). 1880, Ф-И, Д-Х, Пов. бр. 18, Милосав Протић — Јовану Ристићу, Петроград, 8. јануар 1880.

⁵¹ *Ibid.* Пов. бр. 190, 23. априла 1880.

СЛАВЕНКО ТЕРЗИЧ

Русский консул И.С. Ястребов о Старой Сербии

Иван Степанович Ястребов (1839—1894) многолетний российский консул в Скадаре, Призрене, Янине и Салониках принадлежит к числу тех выдающихся и одаренных дипломатов и писателей, которые несправедливо забыты и сербской, и российской исторической наукой. А ведь он являет собой не только живой пример искренних и плодотворных отношений сербов и русских, но и свидетельство того, что очень одаренный и любознательный человек может сделать помимо выполнения своих регулярных дипломатических обязанностей. В случае Ястребова речь идет о важной собирательской деятельности, а также о публикации в течение 30 лет пребывания на Балканах ряда объемных и значительных исследовательских работ из области истории и географии, этнографии и истории литературы. Венцом его усилий, предпринятых во время пребывания в Скадаре и Призрене (с краткими перерывами) в 1867—1886 гг., стали три работы: «Сведения по истории Сербской церкви» («Податци за историју Српске цркве»). Белград, 1879 г.; «Обычаи и пьсни турецкихъ Сербовъ». Санкт-Петербург, 1886 г., второе издание — 1889 г.; «Стара Сербія и Албанія. Путевыя записки» (незаконченная рукопись, опубликованная в Белграде в 1904 г. в издании «Споменик Српске краљевске академије»).

Иван Степанович Ястребов оказался на Балканах в момент, ставший во многом поворотным как для решения сербского вопроса, так и для русской политики на полуострове. Он прибыл в местность, в географическом отношении небольшую, но вызывающую огромный интерес у каждого исследователя. В этом котле смешались различные расы, языки, националь-

ности и религии (славяне, греки, турки, цинцары, арумыны, восточное и западное христианство, всевозможные направления ислама, иудаизм и даже протестантизм). Регион, о котором идет речь, был и остается чрезвычайно сложным с политической точки зрения. С 1863 г. в Константинополе действовал американский Роберт Колледж, в котором получали образование многие молодые люди из балканских стран и Ближнего Востока. В 1871 г. заработал и женский Американский колледж.

После Крымской войны Россия открыла на Балканах новые консульства. К представительствам в Салониках, Адрианополе, Белграде и городах Валахии, Молдавии и Болгарии добавились консулаты в Скадаре, Скопье, Призрене, Битоле, Янине, Цетинье, Сараево, Дубровнике, Мостаре, Риеке, Косовска-Митровице и Нише (недавно в Нише опубликован сборник стихотворений многолетнего (1895—1915) русского консула в Нише Степана Ивановича Чахотина). Новый министр иностранных дел Горчаков полагал, что тяжелое поражение в Крымской войне возможно компенсировать терпеливой и тихой дипломатической работой, просветительско-культурной и церковно-духовной деятельностью, осуществляемой на просторах Юго-Восточной Европы.

В отличие от более ранних эпох — XVIII — первой половины XIX в. — вторая половина XIX столетия стала периодом мощной политической, экономической и культурной экспансии западных держав — Австрии (Австро-Венгрии) и Великобритании — в том направлении, которое Россия считала приоритетным для своей внешней политики. Царская Россия пестовала дипломатические кадры, посылая за границу людей образованных, умелых и отважных. Последнее качество особенно пригождалось тем, кто отправлялся в постоянно мятежные провинции европейской Турции — Старую Сербию, Македонию и Албанию. Важный вклад в согласованность действий развитой консульской сети внес многолетний посол в Константинополе Николай Павлович Игнатьев.

Иван Степанович Ястребов принадлежал широкому кругу способных дипломатов, в центре которого на Балканах был генерал Игнатьев, на фоне которого (и прочих своих коллег) наш герой с самого начала выделялся исследовательским любопытством и необычайной способностью наблюдать за личностями и оценивать их, а также анализировать глубокие исторические

процессы и явления. Этот дар в полной мере проявился во время службы Ястребова в Северной Албании и Старой Сербии. Нечасто в истории дипломатии, в том числе и русской, можно было встретить человека, столь профессионально подготовленного к дипломатической и исследовательской работе.

И.С. Ястребов родился в 1839 г. в селе Громушка, Козловского уезда Тамбовской губернии, в семье военного священника. Будучи попovichем, будущий дипломат сначала получил духовное образование — в Астраханской семинарии и Казанской духовной академии. Поэтому наряду с современными европейскими языками он знал и классические (латынь, древнегреческий и старославянский), что пригодилось ему в ходе полевой исследовательской работы на Балканах. Ястребов отказался от церковно-богословской стези и встал на путь дипломатической карьеры. В 1864 г. он поступил в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, а именно в Отделение восточных языков, где помимо традиционных дипломатических навыков он приобрел прекрасные знания турецкого, арабского и персидского языков. Владение ими (особенно турецким) облегчило Ястребову успешное выполнение его дипломатической миссии на Балканах. Позднее, во время пребывания в Скадаре он выучил и албанский¹.

Не углубляясь в анализ его деятельности на дипломатическом поприще, перечислим лишь основные ее этапы: 1 января 1866 г., оставив службу в Отделении восточных языков, отправился в российское посольство в Константинополе — тогдашнем центре европейской и мировой политики. В это время Горчаков и российские представители в столице Оттоманской империи предпринимали меры к налаживанию отношений между балканскими народами с целью создания Балканского союза. Сербия в глазах российской дипломатии выглядела авангардом борьбы за освобождение полуострова от османской власти. Спустя год, — в начале января 1867 г., — Ястребов отправился в Скадар, где вступил в должность секретаря и драгомана российского консульства, которое он позднее и возглавил. В мае 1866 г. аналогичное представительство открылось и в «сербском Царыграде» — Призрене, — куда Ястребов прибыл 1 апреля 1870 г. До него вице-консулом там был Евгений Тимаев. В Призрене Ястребов оставался до 1874 г. (с небольшими перерывами, вызванными необходимостью возглавить

скадарский консулат), когда его сменил вице-консул Лисевич. В Призрен наш герой вернулся в июле 1879 г. (непродолжительное время служил в консульстве в Янине) и остался в нем до 1886 г. С 1886 г. и до смерти в 1894 г. Ястребов стоял во главе генерального консульства в Салониках. Похоронили его там же — на греческом православном кладбище, — ведь, как он верил, человек должен покоиться там, где окончил свой земной путь. Семья — супруга Нина (дочь сенатора Александра Ф. Тюрина), сын Ростислав и дочь Людмила — передали движимое имущество покойного (мебель, библиотеку) сербской школе в Салониках. Современник описывал Ястребова как человека «атлетического сложения», неизменно «спокойного и решительного». «Саркастическая улыбка не сходила с его уст».

Первая важная книга Ястребова — «Данные по истории сербской церкви» — представляет собой сборник по большей части уже опубликованных работ, напечатанных в Вестнике Сербского ученого общества (Гласник Српског ученог друштва)². Помимо ценных, преимущественно турецких источников по истории сербской церкви и сербского народа, относящихся к XVIII — первой половине XIX в., Ястребов собирал сведения о не столь отдаленном прошлом. Исключительное значение имеет перевод с османско-турецкого языка ферманов и бератов, регулировавших положение сербской церкви, а именно Рашско-Призренской митрополии. Из семнадцати переведенных или пересказанных актов российский дипломат и исследователь большую часть обнаружил в Дечанской лавре, Печской патриархии и в других местах. Полностью переведен ферман 1766 г.³, которым упразднилась Печская патриархия. Помимо прочего, Ястребов передал содержание фермана, проливавшего свет на жизнь и деятельность Рашско-Призренского митрополита, серба Яничичи (умер в Призрене в 1818 г.).

Введенные в научный оборот материалы бесценны для изучения истории монастыря Дечаны на протяжении нескольких последних столетий. Эту обитель Ястребов называл центром Старой Сербии, «который указывал направление моральной и всей церковно-исторической жизни ее». Монастырские протоколы свидетельствуют, пишет автор, что в 1846 г. и в 1847 г. «злодеи Арнауцы насильно забрали у монастыря наличными 1576 грошей, а с 1850 г. по 1866 г. — 18.798 грошей и 30 пар». Албанцы постоянно нападали на монастырь, грабили его, уго-

няли скот, часто поджигали монастырские строения. В 1865 г. они помешали постройке стены вокруг Дечан, а кади из г. Джаковица постановил, что начатую стену надлежит разобрать⁴.

Изыскания Ивана Степановича Ястребова, опубликованные в вышеупомянутой и двух других книгах, представляют собой сокровищницу сведений по истории сербского народа в Старой Сербии и Македонии. В книге приведено множество надписей и записей, одна из которых — о монастыре Грачаница. Яшар-паша из Приштины, «дабы покрыть мечеть в Приштине, содрал всю медную кровлю с Грачаницы»⁵. Имеются и записи из церковных книг из других мест, надписи, сделанные на колоколах, на каменных плитах и т.д. Особенное внимание уделено Призрену, известному монастырю Богородица Левишская, который в XVIII в. превратили в «Джума-джами» (Пятничная мечеть). Рядом с ней сохранились стены бывшей Рашско-Призренской митрополии («эти стены ныне принадлежат турецкой авлии», крыша еще цела, «на куполе, под которым располагался, по-видимому, покой для молитвы или митрополичья церковь», турки из досок построили башню с часами⁶).

В первой и двух последующих книгах И.С. Ястребов, опираясь на документы, а также на результаты полевых историографических и этнографических исследований, проливает свет на исламизацию православных сербов и их дальнейшую албанизацию. Этот важный процесс, отражающий всю глубину этнической и духовной драмы сербского народа, не изучен в должной мере. Справедливости ради, отметим посвященные данной теме работы Йована Цвийича, некоторых других сербских авторов, а также иностранца Гастона Гравье. Но ведь Ястребов стал первым, кто на основании многочисленных источников и почерпнутых «в поле» сведений обратил внимание на этот долговременный исторический процесс. На примере сел Ополье и Гора, находящихся в окрестностях Призрена, Ястребов показывает, как сербы исламизировались, а в случае с Ополем и албанизировались. Тамошние жители сохранили остатки собственной прежней духовной и культурной идентичности. Они почитали св. Георгия и св. Димитрия, отмечая праздники не по латинскому, а по православному календарю⁷. В Призрене мусульмане громко и со стрельбой отмечали день св. Георгия («в тот день не работали и не сидели в лавках»). В начале XIX в. в Ополье старшее поколение говорило еще

только по-сербски, и лишь немногие — по-албански. Вместе со стариками ушел и сербский язык. В качестве примера Ястребов упоминает Люму — район, расположенный на пути из Призрена к центральной Албании. Еще в 1820 г. в Люме многие пользовались сербским языком: «Мы и сегодня знакомы с Люмлянами, рассказывавшими, что их отцы — то есть лет 50 назад — говорили по-сербски»⁸. О сербском происхождении населения Люмы и Ополья свидетельствовали, по словам Ястребова, и сербские названия сел.

И.С. Ястребов исламизированных и албанизированных сербов называет «арнауташами», отделяя их от настоящих «албанцев-пришельцев». Проследившая этнические процессы, автор анализирует особенности психологии и менталитета местного социума. «Арнауташ» представляют собой источник проблем, в отличие от подлинных арнаутов: «Арнауташ почти не знает, что такое честь: он лжив, не держит слово. Настоящий арнаут ведет себя по-другому: он верен своему слову, никого не предаст, знает, что такое честность. “Арнауташ” ко всякому подлизывается, его намерения и поведение по отношению к власти подлы, лицемерны, полны притворства. Арнаут держит себя в таких случаях благородно, с достоинством»⁹. «Арнауташу» более свойственен фанатизм, чем «арнауту-пришельцу». Более поздние исследователи этого феномена — Йован Цвийич и Владимир Дворникович — подчеркивали, что корень радикализма — в необходимости подтвердить собственную новую идентичность.

Еще любопытней размышления Ястребова о мимикрии тех, кто каждый день подвергался насилию, перераставшему в исламизацию, а затем и албанизацию. Христиане, живущие рядом с албанцами, — пишет Ястребов, — по возможности сохраняют свой язык, пока не перейдут в ислам. А с этого момента «местный серб начинает стыдиться говорить на родном языке. Ведь его могут обозвать потуреченцем. Теперь он ненавидит сербский язык»¹⁰. Еще больший интерес представляют православные сербы, говорящие по-албански. «В Дебарской области, в жупе Река, восточнее Кораба, в предгорьях Шар-планины, — пишет исследователь, — имеется около 30 сел, в которых живут православные», которые до сих пор носят сербские имена. Все они говорят на арнаутском языке, «кроме жителей деревни Скурдина, говорящих по-славяно-сербски. Имеются и магометане».

Работа Ястребова «Обычаи и пѣсни турецкихъ Сербовъ», опубликованная в Петербурге в 1886 г., вызвала живой интерес, особенно в славистических кругах¹¹. По предложению профессора Ватрослава Ягича, высказанному в рецензии на книгу, опубликованной в «Архиве славянской филологии», второе издание работы Ястребова, увидевшее свет тоже в Петербурге в 1889 г., было дополнено «письмами турецких сербов». В предисловии ко второму изданию Ястребов дал ответ на критические замечания, сделанные болгарскими, в первую очередь, Мирином Дриновым. Российский дипломат описывает реальную этническую обстановку в Македонии, а также указывает, какие обстоятельства побудили графа Игнатьева выступить с проектом Сан-стефанской Болгарии. Не остались без внимания некоторые русские авторы, в адрес которых Ястребов высказал собственное критическое мнение.

Работа, о которой идет речь, действительно насыщена сведениями об этнической картине и народной жизни сербов в Старой Сербии. Прежде всего, детально описывался «светско-духовный, воистину прекрасный обычай» празднования сербской славы или крестного имени. Подробно излагалось, как происходило празднование в Призренской области, Косовском Поморавье и Дебарской области. В Призрене была распространена слава на св. Николу и св. Георгия, в Гнилане — на св. Архангела и св. Николу, а в дебарской области — на св. Димитрия. В последней славский колач называли «святым хлебом». Приводились и песни, которые пели во время празднования славы. А в 1871 г. в Гнилане автор переписал из одной рукописной книги заметку о славе. Кроме того Ястребов описывал обычай «преславы», указывая при этом, что сербы-потурченцы села Брод-у-Гори в качестве преславы отмечали день св. Пантелеймона, а теперь в этот день справляют «все свадьбы, даже если их будет и сотня»¹².

Иван Степанович Ястребов описывал обычай «коледа» и особенно подробно — празднование Рождества Христова. В Дебарской области, в районе Мяка сочельник называли «бодник», а на Рождество все местные жители собирались в определенном месте, танцевали и пели песни. В этой книге Ястребов опубликовал много эпических народных песен, описав местные диалектические особенности исполнения и произношения. Не обойдены вниманием Новый год и «Василица» (Богоявление),

а также все прочие сербские праздники, отмечаемые в течение года. Пасху в Старой Сербии и Македонии называли «Велики дан» или «Велик дан». Самым важным среди сербов-православных и сербов-мусульман считался день св. Георгия¹³.

Описывая свадебные песни и обычаи в Призрене, Ястребов подчеркивал, что во всей Старой Сербии и, особенно, в Приштине, Джаковице, Печи и Призрене у местного населения нет никаких общих объединяющих интересов или общественной жизни. Христиане и мусульмане ведут «жизнь затворников», особенно женщины. Образ жизни сербок-христианок не многим отличался от образа жизни мусульманки. Помимо свадеб, внимание Ястребова привлекли и другие обычаи, в частности, погребальные. В последнем разделе книги автор представил ценные с языковой точки зрения материалы, озаглавленные «Письма турецких сербов»¹⁴. В начале приведены отрывки из посланий сербских королей XIII — XIV вв., дающие читателю представление о том, насколько те документы идентичны по языку, орфографии и конструкции слов. Памятники письменности XIX в. (по большей части, с 1840 г.) происходят из Скадара, Призрена, Джаковицы, Тетово, Печи, Дебара, Скопье, Кривой Паланки, Велеса, Куманово, а также из остальных пределов тогдашнего турецкого государства: Салоник, Кукуша, Сереза, Самоково, Охрида, Неготино на Вардаре, Гевгелии, Прилепа, Битоля, Белого Поля, Дойрана, Кавалы, Штипа и т.д.

Книга «Стара Сербія и Албанија», опубликованная в 1904 г. в издании «Споменик Српске краљевске академије», представляет собой обобщение всех исследований Ястребова, предпринятых в этой части Балканского полуострова¹⁵. Под Старой Сербией он подразумевает Джаковский, Призренский, Дебарский и Скадарский округа, а также Тетово и Гостивар. Большая часть монографии посвящена Албании и охватывает Дукаджин, Дони Пилот, Малесию, Люмски округ, Дебарскую Малесию, область Мат и Крою с Тираной и Драчем. Сообщает автор и о Скендербеге и христианстве в Албании. Продолав недюжинную полевую работу, Ястребов пишет о судьбах церквей, уничтоженных на территории Старой Сербии. Так, например, в селе Джоной мечеть построили из камня разрушенной церкви св. Иоанна. В большей степени, чем в предыдущих работах, Ястребов уделяет внимание этнической и демографической обстановке в Старой Сербии, процессу исламизации и заселения края албан-

цами из Албании. Из большого массива данных приведем, примера ради, участь села Кабаш под Призреном (ранее называлось Свети-Петар — в честь Преподобного Петра Коришского). После Великого переселения сербов (1737—1739 гг.) оно было заселено прибывшими из Албании, с горы Кабаш¹⁶.

В жупе Ополье настоящих албанцев, прибывших из областей Мат и Дукаджин, было немного. Большинство — албанизированные сербы. Лет тридцать назад, — пишет Ястребов, — в Ополье практиковался сербский обычай разжигания ритуального костра в рождественский сочельник. В селе Брод-у-Гори раньше было три церкви, и старики вспоминали, как в детстве ходили в церковь св. Николы, а родители зажигали свечи над могилами предков и преломляли хлеб, поминая усопших.

На основании изысканий Ястребова можно составить статистику разрушенных церквей в отдельных селах Метохии, которую уже тогда стали заполнять албанцы. В средние века рядом с прекрасной Богородицей Левишской (во времена Ястребова — пятничная мечеть) жила сербская знать. Летний дворец короля Душана находился рядом с Призреном, в с. Рибник, на левом берегу р. Дрим. В селе Любижда под Призреном когда-то было пять церквей. В с. Кориша — столько же. В Средачкой жупе (Средска) — девять. После Великого восточного кризиса в Средской построили четыре мечети — в Речанах, Мушниково, Небрегоштах и Планинах.

Интересно Ястребов описывает социальную и этническую мимирию православных христиан в Старой Сербии. У некоторых было два имени — христианское и мусульманское. Дабы обезопасить себя от насилия, некоторые христиане «записывали» себя в албанские племена, или братались с арнаутами и «арнауташами». Все это постепенно приводило к албанизации и исламизации христиан. Ястребов приводит в изобилии примеры этих процессов. Представлена и статистика ускоренного уменьшения численности православных сербов, прежде всего, в Метохии. Так, например, в селах поблизости от монастыря Дечаны за двадцать лет количество домов, в которых жили православные, уменьшилось с 165 до 50. Как и в предыдущих двух книгах, в последней Ястребов особое внимание уделил трагической судьбе Дечан: «Только чудом уцелел храм, который так и не переделали в мечеть». Были времена, когда монастырь пустовал. В 1788 г. албанцы убили архимандрита Моисея

Петровича. В 1858 г. Дечанский архимандрит Кирилл побывал в России, а в 1860-е гг. в монастырь привезли из России пять колоколов¹⁷.

Весь опыт И.С. Ястребова, приобретенный им в Старой Сербии, и все его знания об этой сербской земле заключены в одной фразе, произнесенной им на горе Громовник в 1873 г. Глядя на косовскую равнину, он сказал: «На Косово сербы утратили царство, на Косово произойдет сражение, в котором решится судьба Балканского полуострова и определится будущее сербского народа». Время покажет, произошла ли эта битва, или она еще впереди.

Перевод с сербского АА. Силкина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О И.С. Ястребове см: *Иванић М.* Иван Степанович Јастребов. предговор И.С.Јастребов. Стараја Србија и Албанија, Путевија записки // Споменик СКА ХЛ. Други разред. Београд, 1904; *Бован В.* Јастребов у Призрену. Београд, 1983; Иван Степанович Јастребов. Зборник радова. Призрен, 1997 (Первый сборник статей из планировавшейся к изданию серии сборников по итогам конференций «Призренский симпозиум»)

² *Јастребов И.С.* Податци за историју Српске цркве, из путничког записника. Београд, 1879.

³ Там же. С. 2—18.

⁴ Там же. С. 56—57.

⁵ Там же. С. 58—64.

⁶ Там же. С. 71—72.

⁷ Там же. С. 127—128.

⁸ Там же. С. 128—129.

⁹ Там же. С. 232.

¹⁰ Там же. С. 133.

¹¹ *Јастребов И.С.* Обычаи и пѣсни турецкихъ Сербовъ, Второе издание, дополненное ихъ прозою. СПб., 1889. С. 626.

¹² Там же. С. 25.

¹³ Там же. С. 150.

¹⁴ Там же. С. 486—582.

¹⁵ *Јастребов И.С.* Стараја Србија и Албанија. Путевија записки. // Споменик СКА ХЛ. Други разред. Београд, 1904. С. 267.

¹⁶ Там же. С. 62—63.

¹⁷ Там же. С. 20—36.

Я.В. ВИШНЯКОВ

Внутриполитическое положение Сербии после переворота 1903 года глазами российских представителей

29 мая 1903 г. в Белграде офицерами сербской армии был осуществлен кровавый переворот — убийство правящей четы Обреновичей, короля Александра и его жены Драги. Сами по себе события той весенней ночи стали логическим разрешением глубокого системного кризиса всех политических и государственных структур молодого Сербского королевства конца XIX — начала XX в. Именно поэтому избрание на сербский престол Петра Карагеоргиевича многими либерально настроенными современниками оценивалось как важный шаг в превращении Сербии в новое правовое конституционное и подлинно европейское государство.

Так, например, генерал Н. Аранджелович в своих воспоминаниях пафосно подчеркнул, что после прихода к власти Петра Карагеоргиевича «поменялось отношение к нашей власти. Его правление показало, что на престоле находится человек демократических убеждений <...>. Каждый серб в Сербии мог свободно сказать: “Люблю свою страну за то, что живу в республике, где президент Петр I Карагеоргиевич, или в монархии, где король — гражданин, республиканец, подобный американскому демократу Д. Вашингтону”»¹. В свою очередь, российское издание «Новое время», спустя два дня после переворота, писало: «Все газеты высказывают надежду, что начинающаяся сегодня эпоха принесет стране благо. “Odjek” думает, что Сербия будет в будущем действительно правовым государством и станет с достоинством равноправно в ряды семьи цивилизованных европейских государств»².

Этот же факт признавали многие известные политики, в том числе и российские. По словам С.Ю. Витте, «со времен вступления Петра Карагеоргиевича на престол конституционного государства, к каким принадлежит Сербия, он себя держит в высокой степени корректно-конституционно, так что представляет собою короля, против которого нельзя сделать никакого упрека»³. Российский военный агент И.Н. Сысоев, характеризуя настроения белградского общества непосредственно после событий 29 мая, отмечал, что офицеров-заговорщиков приветствовали как спасителей отечества, «городские общества устраивали им банкеты, на которых их чествовали как героев дня». Таким образом, замечает он, «политическая роль, принятая на себя армией, была, как бы санкционирована всей страной»⁴. Однако он же заметил: «медовый месяц короля Петра скоро прошел; после торжеств и веселия, которыми сопровождалось возвращение Его Величества в отечество, начались полные тревог будни»⁵.

И на первый взгляд перемена династии действительно может рассматриваться как глобальная перемена всех институциональных основ сербского государства. Переворот 1903 г. был одним из редких случаев, когда вместо установления военной диктатуры власть была передана демократически избранным государственным структурам⁶.

В новое временное правительство страны во главе с либералом Йованом Авакумовичем, вошли известные сербские политики: Стоян Протич, ставший министром внутренних дел, Любомир Калиевич — министром иностранных дел, Георгий Генчич — министром торговли, Любомир Живкович — министром юстиции, Йован Атанацкович — военным министром. В состав кабинета также вошли Воислав Велькович, ставший министром финансов, и Любомир Стоянович, получивший пост министра просвещения. Причем Скупщина, созванная сразу же после переворота, на заседании которой произошло утверждение нового монарха, квалифицировала переворот как революцию, провозгласив заговорщиков «настоящими революционерами, истинными апостолами народной свободы»⁷. После Авакумовича новое правительство сформировал С. Груич, а лидер радикалов Н. Пашич вошел в состав обновленного кабинета в январе 1904 г., получив там пост министра иностранных дел. В ноябре 1904 г. он вновь стал сербским премьер-министром.

В значительной части сербской и отчасти в российской историографии второй половины XX века, период 1903—1914 годов был назван «золотой эпохой», а сама страна представляется как «самое демократическое государство в мире»⁸. Так, например, авторитетная сербская исследовательница О. Попович-Обрадович особо подчеркивает тот факт, что, несмотря на военный переворот, новый король Петр Карагеоргиевич вступил на престол вполне легитимным путем, будучи выбранным скупщиной, которая, по ее мнению, и стала определять государственный облик страны. «И одно и другое — выборы монарха и насильственная смена династии — свидетельствуют лишь об одном — отсутствии в обществе какой бы то ни было идеи о божественном или историческом праве как источнике легитимности монархической власти в Сербии», — пишет историк⁹. В этом смысле, замечает она далее, «вся политическая история Сербии 1903—1914 гг. может рассматриваться как история овладения основными политическими предпосылками конституционности»¹⁰.

Однако, как заметил английский исследователь Ш. Эйзенштадт, «в самом общем плане постреволюционные общества различаются, прежде всего, масштабностью изменений в основополагающих нормах социального взаимодействия, а также в структурных и организационных производных этих основополагающих норм»¹¹. В свою очередь, германский исследователь Х. Зундхаузен в обобщающем труде «История Сербии XIX–XXI века», оценивая глубинные последствия майского переворота 1903 г., особо подчеркнул, что в «золотую эпоху» модернизации Сербию повели именно радикалы, которые изначально в своей программе выступали за некапиталистический путь развития страны, явившись в конце XIX — начале XX в. непримиримыми противниками австрофильского курса Милана Обреновича, в свою очередь задуманного сербским князем как важный этап вхождения страны в европейское пространство¹². Причем свидетель происходившего в Сербии в начале XX века российский дипломат В.В. Муравьев-Апостол-Коробин подметил, что «быть может все эти принципы Ж.Ж. Руссо, внесенные было сюда из Женевы, прекрасны сами по себе, но они оказались неприемлемы в стране, едва вышедшей из рабства и потрясенной национальной драмой, оставивший глубокий след во всех слоях общества»¹³.

Показательны при этом итоги выборов в новый законодательный орган страны. Избранная вскоре после переворота новая Народная Скупщина состояла из 160 депутатов, из которых 74 мандата получила Радикальная партия, Независимая радикальная партия получила 61 место, 19 мест взяли либералы и, особо подметим, только 1 место получили напредняки, призванные во власть еще в 1880 году и пытавшиеся, оглядываясь на опыт Двуетидной монархии, построить в Сербии новый «европейский» политический режим, основанный, в том числе на власти закона и сильном государственном аппарате — как непосредственном проводнике реформ¹⁴. Но именно в неприятии широкими политическими силами Сербии «нового курса» Милана Обреновича, что наложилось на дискредитировавшую династию женитьбу Александра Обреновича на фрейлине королевы Натальи Драге, следует искать истоки кровавых событий 29 мая 1903 г. В этой связи уместно поставить вопрос о том, какие именно глубинные изменения «основополагающих норм» принесла эта «сербская революция» обществу и государству и как они отразились на характере политической жизни страны. Эти аспекты, опираясь на свидетельства российских официальных представителей, наблюдавших происходящее как бы со стороны и с определенной долей беспристрастности, мы и постараемся осветить в данной статье.

Прежде всего заметим, что это жестокое преступление не вызвало всеобщего ликования в патриархальной массе сербского населения. В отчете российского МИД за 1903 г. говорилось: «Весть об убийстве королевской четы принята была в стране очень сдержано; население не высказало своих чувств и не пыталось оказать влияния на дальнейший ход событий. Некоторые признаки заставляют, однако, думать, что народная совесть была тяжело потрясена кровавым преступлением»¹⁵. Сдержанность к событиям в Белграде была проявлена и в военной столице Сербии Нише, где немедленно было введено военное положение, а вся полнота верховной военной и гражданской власти перешла в руки командующего Б. Янковича. Русский консул Чахотин писал, что «в самом городе печальная весть распространилась лишь около 10 часов утра и вызвала у всех уныние и крайнюю сдержанность»¹⁶.

Подобное противоречивое отношение к убитой королевской чете характерно и для прессы. Нови Садская сербская га-

зета «Застава» по поводу убийства короля Александра замечала, что следует жалеть не о перемене династии, а о том, что переворот был совершен столь варварским способом. «Вместо революции, которая принесла бы честь сербскому народу, совершено кровавое убийство, и кровь жертв падет на всю Сербию. В особенности достойно сожаления убийство королевы. Она был легкомысленна, но не заслужила такой казни. Ее смерть ничем нельзя оправдать. Что касается преемника новому королю, то ни Карагеоргиевичи, ни Негуши не любимы в Сербии. Наилучшим исходом была бы республика»¹⁷.

Республиканские тенденции стали проявляться и среди некоторой части офицерского корпуса, что также не ускользнуло от внимательного взгляда российского посланника Н.В. Чарыкова, который отметил, что «среди офицеров, наряду с приверженцами Карагеоргиевича, есть сторонники республики»¹⁸. Генеральный консул Сербии в Будапеште Барловац доносил в МИД, что 1 (14) июня 1903 г. перед дипломатическим представительством страны прошла демонстрация, в которой приняли участие 20—30 молодых людей. Собравшиеся выкрикивали лозунги: «Не хотим короля, не хотим династии!» и «Да здравствует республика!». Завидев, однако, приближение полиции, протестующие поспешили разойтись, причем никто из них не был арестован, что не позволило сербскому дипломату узнать, кем были демонстранты¹⁹.

Эти тенденции, однако, были достаточно быстро локализованы, в том числе не без участия представителей российской балканской агентуры департамента полиции. Ее глава В.В. Тржецяк доносил по этому поводу: «С убийством короля в городе Белграде тот час же в лице вновь избранного министра юстиции Любомира Живковича стали проявляться республиканские тенденции, которые имели немало сторонников среди белградской учащейся молодежи; в том же направлении стали усиленно работать и по указаниям из Вены и многочисленные австрийские агенты, наводнившие последнее время Белград. <...> было передано новому министерству, что русское правительство находит необходимым, чтобы республиканская агитация была немедленно парализована во избежание возникновения осложнений и без того серьезного политического положения Сербии. Вследствие этого указания посланника Чарыкова полковник Александр Машин явился на собрание

белградских студентов, обсуждавших необходимость и своевременность введения республики, и заявил, что они все будут расстреляны войсками, если немедленно не разойдутся. Желание полковника Машина немедленно было исполнено, так как население Белграда совершенно терроризировано местными войсками»²⁰.

Против установления республики высказались и главные политические лидеры страны, в том числе и лидер влиятельной Радикальной партии Н. Пашич. «Относительно провозглашения республики Пашич прямо заявил, что она в Сербии немыслима. Народ и армия ее не желали и не желают»²¹. Не случайно белградская газета «Дневни лист», вынужденная под этим давлением прекратить республиканскую агитацию, стала летом 1903 г. «с симпатией» отзываться «о правлении покойного короля»²².

С другой стороны, события 1903 г. не принесли стране политического умиротворения. Так, например, не только продолжилась, но и усилилась, характерная для Сербии эпохи Обреновичей, «министерская чехарда». С 1903 по 1914 г. в Сербии сменилось 18 кабинетов министров, т.е. в среднем каждый из них работал всего по 7,3 месяца. Только за первые три года после переворота 1903 г. в стране сменилось шесть правительств, которые работали в среднем всего по 165 дней²³. Российский дипломат Евреинов отмечал: «Партийная борьба делается все непримиримее и несдержаннее, переходя все границы такта и приличия. Она охватывает все слои общества, прежде к ней непричастные, и возрастающие под ее пагубным влиянием поколения неизбежно будут все более и более усиливать и обострять ее до тех пор, пока не настанет тот, могущий оказаться спасительным кризис»²⁴. Российский военный агент в Белграде Сысоев дополнял своего коллегу: «Сербия — классическая страна министерских кризисов, но так тяжело давно в ней не было»²⁵.

Эта частая смена кабинетов министров ярко иллюстрирует главную черту государственного развития страны 1903—1914 годов: взаимовлияние и типологическое наложение друг на друга трех основных векторов политического развития страны: трон — парламент — армия. В этом смысле события мая 1903 г. следует рассматривать как классический пример «верхушечного» переворота, не затронувшего глубинных основ

сербского общества и государства, не приведших к кардинальным изменениям всей его структуры, а сведения российских дипломатов весьма показательно характеризуют «свободный и легитимный выбор» нового монарха. Так, например, тот же Н.В. Чарыков писал, что «главной причиной избрания князя Петра Карагеоргиевича явилось решение офицеров, располагающих еще белградским гарнизоном, что они не допустят иного выбора»²⁶, а в донесении от 31 мая 1903 г., особо подчеркивал, что «скупщина по внешности свободная в своем выборе, принуждена волею этих офицеров избрать князя Петра»²⁷. Заметим также, что возвращенная после переворота «самая демократическая» сербская конституция осталась по сути все той же политической декларацией, нежели стала вдруг реально отражать потребности патриархального традиционного общества, поскольку верхушечный переворот сам по себе просто не мог в одночасье изменить состояние основ сербской государственности, фундаментом которой по-прежнему были патриархальные традиции сербской семейной «задруги».

Причем первым нового монарха Сербии провозгласил подполковник П. Мишич уже в четыре часа утра после совершения убийства, прямо во дворе королевского дворца. Тотчас же после расправы, он, как писал, наблюдавший за ходом переворота из окна российской дипломатической миссии, российский посланник в Белграде Н.В. Чарыков, «вышел к войскам. Офицеры стали срывать вензелевые кокарды со своих фуражек и посыпался возглас: “Объявлено”. Вскоре по примеру подполковника Мишича и полковника Машина, который хоть и состоял в запасе, но надел активную форму и принял командование над всем отрядом, занявшим дворец, офицеры и солдаты стали кричать: “Да здравствует король Петр Карагеоргиевич!”»²⁸

В тоже время в Сербии, как среди широких общественных кругов, так и среди значительной части офицерского корпуса, сдержанную и даже враждебную оценку получил не только сам переворот и метод его осуществления, но и сам способ избрания нового короля. Н.В. Чарыков подчеркивая, что «в народе не заметно сожаления о короле и королеве», тем не менее отмечал что решение об избрании нового короля «встречено в Сербии холодно, скорее как необходимость, чем радость. Приверженцы короля намереваются достигнуть удаления офицеров, участвовавших в заговоре; эти, напротив, сознавая свою силу,

ожидают блестящей карьеры». Радикальная и Младорадикальная партии Сербии²⁹ сразу же сформировали оппозицию заговорщикам, одновременно начав политическое соперничество. Так, Пашич и Вуич, назначенные в июне 1903 г. членами Государственного совета, вынуждены были тут же подать в отставку из-за позиции, занятой в правительстве лидерами младорадикалов Живковичем, Вельковичем и Стояновичем, которые заявили о неуместности этого назначения, намекнув, что «деятельность этих двух новых членов Государственного совета в прошлое царствование не была особенно достойна»³⁰.

Примечательно, что первый министерский кризис во временном правительстве страны случился уже в августе 1903 г. Как заметил российский дипломатический представитель, его причиной, «несомненно, послужили раздоры между сторонниками партии заговорщиками и их противниками, причем за последнее время разномыслие это замечалось и между членами самого кабинета 29 мая». Живкович, Стоянович, «которые давно поняли, что оставаясь далее министрами, они потеряют свою популярность и рискуют даже проиграть выборы», ушли в отставку³¹. К ним примкнули Велькович и генерал Атанацкович. Причем отставка военного министра, как сообщал В.В. Муравьев-Апостол-Коробьин, была вызвана «отказом ему со стороны некоторых министров в испрашиваемом дополнительном кредите 800000 франков. Согласие на этот кредит министры обусловили отрешением от должности 8 офицеров старого режима, на что не согласился Атанацкович»³². Новым главой военного ведомства стал полковник Соларович, также принимавший активное участие в свержении Обреновичей.

Заметим в этом смысле, что сам переворот никак не изменил патриархальных представлений сербского общества о сложившихся в стране традиционных принципах доступа к властным структурам, а, следовательно, и получения соответствующих должности привилегий. Приход к власти новой династии вызвал лишь партикулярное опасение у белградской политической «элиты» замены старых чиновников родственниками нового короля. Н.В. Чарыков доносил в Петербург в июле 1903 г.: «В Сербии оказывается до 300 бедных родственников короля Петра со стороны Ненадовичей. Многие из них приехали теперь в Белград и ожидают, что король начнет завтра же массовое увольнение теперешних чиновников и даст

им места последних»³³. Российский консул в Нише Чахотин, донося в МИД о прошедших в городе 29 июня (11 июля) 1903 г. торжествах по поводу дня рождения Петра Карагеоргиевича, особо подчеркнул: «Дело ограничилось официальным торжеством, к которому население города и офицеры остались довольно равнодушными. Причиной того является близость недавнего государственного переворота, лишившего многих жителей города выгодных должностей и поставившего во главе государства несимпатичных населению деятелей»³⁴. Летом 1903 г. газетная кампания развернулась и против нового военного министра генерала Атанацковича, которого, как заметил российский военный агент И.Н. Сысоев, «упрекают в том, что он протезирует своим родственникам, что он несколько не лучше покойного генерала Павловича»³⁵. Да и сам новый король, по словам русского посланника, перед своим приездом через специального курьера специально напомнил «своим сторонникам, что имущество его отца было конфисковано по случаю убийства Михаила Обреновича, что он без средств, с большой семьей и просит его хорошо обеспечить при избрании»³⁶.

Первые назначения нового монарха подтвердили подобные опасения. Н.В. Чарыков писал: «Король начал назначения и заместил должность начальника своей канцелярии делившим с ним изгнание родственником Яковом Ненадовичем. Здесь склонны усматривать в этом назначении шаг фаворитизма в отношении родни»³⁷. Эти первые шаги Петра Карагеоргиевича на посту главы государства вызывали даже некоторые опасения у политиков, напрямую причастных к перевороту и его воцарению. Н.В. Чарыков, установивший после переворота тесные контакты с видным радикалом Д. Симичем, писал, что «Симич, первая жена которого была сестрой князя Петра Карагеоргиевича»³⁸, не скрыл от меня, что многочисленная и разнообразная семья князя может явиться помехой успешности его правления, как семья Луневицей для последних Обреновичей»³⁹.

В этом смысле весьма показательна данная Н.В. Чарыковым характеристика настроений значительной части сербского общества непосредственно после убийства королевской четы: «Между тем с самых первых часов междуцарствия среди сербов обозначилось стремление воспользоваться последним, чтобы положить конец тем затруднениям, которые потерпела Сербия от присутствия на ее престоле национальных динас-

тий. "Нам нужен король", — говорили сторонники этой мысли, — который был бы выше нас всех, который бы не состоял бы в родстве или семейной вражде с тем или другим из своих поданных. Обреновичей погубили Луневицы, Карагеоргиевичей погубят Ненадовичи. Нам нужно, наконец, спасти Сербию от этих начал и гибельных терзаний, призвав на сербский престол иностранного принца»⁴⁰.

Подобные опасения открыто высказывали и австро-венгерские дипломатический и военный представители. Так, например, в разговорах с Чарыковым австро-венгерский посланник К. Думба, заявлял, что «правление Карагеоргиевича не прочно и не продолжительно. Предложенный устав слишком ограничивает королевскую власть. Голодные родственники обзлят местных сербов, а с офицерством, удерживающим в своих руках власть, король будет не в силах справиться»⁴¹. Эту же новую опасность для новой королевской династии видели и политические лидеры Сербии. Тот же Н.В. Чарыков в донесении от 8 (21) июня 1903 г., пересказывая разговор с новым министром иностранных дел Калиевичем, отмечал, что последний «намерен советовать королю, предоставив внутреннюю политику ее обычному течению, заняться армией. При опыте и личных свойствах короля он сумеет приобрести среди нее обаяние и преданность и восстановит в ней нравственные основы, без которых для него самого не будет безопасности»⁴².

Заметим, что более близок к истине, в этом смысле, оказался российский военный агент. И.Н. Сысоев прозорливо отмечал в донесении от 2 июля 1903 года, что такое положение опасно лишь для самой армии, «так как постепенно расшатывает ее организацию и ее боевую силу». Но, как подчеркивал российский военный представитель, в этом положении «пока нет ничего угрожающего в ближайшем будущем какими-либо новыми политическими потрясениями, как склонны думать некоторые из местных дипломатов»⁴³. При этом он указывал, что у «австрийцев прямо возведено в систему, строго обдуманную и хорошо оплачиваемую, сеять в Сербии смуту; у них принцип: «чем в Сербии хуже, тем для Австрии лучше», а потому притворная озабоченность майора Помянковского, ожидающего со дня на день грозных событий, не заслуживает доверия»⁴⁴.

Характерно и то обстоятельство, что после восшествия на престол зависимость нового монарха от своего нового воен-

ного и политического окружения была практически абсолютной. В первые месяцы правления нового короля большое влияние на него, помимо Якова Ненадовича, оказывали Живоин Балугджич⁴⁵ и Дамиан Попович, ставший его адъютантом. Другие активные участники переворота также получили выгодные должности: Атанацкович стал почетным адъютантом нового монарха, ординарцами короля стали Г. Ристич, Л. Костич⁴⁶, А. Антич и Борислав Груич — старший сын известного сербского генерала, в ночь переворота командовавший отрядом, блокировавшим снаружи королевский дворец. Муравьев-Апостол-Коробьин писал по этому поводу: «Заменяв всех старых слуг предыдущего режима новыми, Его Величество случайно или не случайно окружил себя громкими именами, создавших себе памятники в груди тел и потоках крови 29 мая»⁴⁷. И в этом смысле можно согласиться с мнением известного отечественного исследователя Ю.А. Писарева: «Засилье военщины явилось признаком слабости сербской монархии»⁴⁸.

С другой стороны, в первые дни после событий 29 мая, значительное число офицеров было отправлено либо в отставку, либо перемещено из Белграда в провинцию на малозначительные должности, причем по сообщению Сысова, «в числе смещенных с должности есть войсковые начальники, выказавшие нерешительность в присоединении к движению против короля, вовсе исключившиеся от участия в перевороте»⁴⁹. И если, по сообщениям белградской прессы, в ходе переворота погибло 10 офицеров, из них 3 генерала и 2 подполковника, то за первые полтора года после свержения Обреновичей было уволено в отставку 4 генерала, 15 полковников, 8 подполковников, 5 капитанов и 20 молодых офицеров. 1 генерал, 1 полковник и 20 офицеров были зачислены в резерв. 3 подпоручика подали в отставку сами, а 2 отставлены от службы против собственного желания. Так, например, в марте 1904 г. на пенсию был оправлен известный генерал Живоин Мишич. Кроме того, к суду было привлечено 260 офицеров разных чинов⁵⁰.

И именно в личных отношениях нового монарха с возведшим его на престол офицерским корпусом, кроется ответ на вопрос о характере этой военной революции. Несмотря на то, что офицеры — участники заговора, чувствовали себя в тот момент хозяевами положения, однако, при подготовке и проведении переворота, не имея ни собственного харизма-

тичного лидера, ни политической платформы или какой-либо программы, просто не могли установить режим военной диктатуры, а получив после переворота влиятельные посты в армии, стали преторианцами уже нового режима. Таким образом, в первые месяцы правления вопрос о личных отношениях Петра Карагеоргиевича с офицерами — участниками заговора, чувствовавшими себя в тот момент хозяевами положения, имел если не решающее, то ключевое значение. Именно поэтому непосредственно после переворота офицеры-заговорщики, прежде всего Д. Попович, А. Машин, Л. Лазаревич и П. Мишич, ставшие особенно близкими к сербскому престолу, не стремились играть ключевую роль в общей политике государства, воздействуя на нового монарха только лишь в части удовлетворения их требований, касавшихся военных назначений и получения прочих привилегий⁵¹.

Этот факт не ускользнул от внимания будущего известного большевистского лидера Л.Д. Троцкого, который, будучи на Балканах в 1912 г. как корреспондент газеты «Киевская мысль», вполне справедливо указал на место офицерского корпуса страны в политических реалиях «возрожденной Сербии»: «Революционное офицерство, явившееся инструментом государственного переворота, оказалось, разумеется, совершенно неприспособленным к роли руководящей политической силы. Оно вынуждено было посторониться перед штатскими людьми, которые воспользовались плодами военного заговора, чтобы немедленно провозгласить принцип: "Армия должна стоять вне политики"»⁵². В то же время в истории независимой Сербии это был первый крупный политический акт, в котором офицерство показало не только свою реальную силу, но и то, как и какими методами, оно может влиять на политику страны. Не случайно многие депутаты скупщины, печать, да и сами военные, требовали скорейшего удаления из армии организаторов этого жестокого убийства, ставя им в вину в том числе и попрание всех моральных норм.

Приведем в этой связи один показательный пример. В начале апреля 1904 г. король решил совершить поездку по стране. Муравьев-Апостол-Коробьин писал в МИД 6 апреля 1904 г. по этому поводу: «Король пригласил с собой не только заговорщиков, но и некоторых других участников переворота, не входящих в состав свиты, Генчича и Хаджи Тома, и лишь после

угрозы кабинета выйти в отставку согласился отказаться от общества этих последних»⁵³. Н. Пашич, комментируя эту поездку в сербской прессе, также выразился весьма категорично: «Не все Карагеоргиевичи были умны, но зато все они упрямы, и король Петр, по-видимому, также упрям»⁵⁴.

А что же харизма и авторитет правителя, которые должны были соответствовать патриархальным представлениям сербского крестьянства о власти и ее характере? Если свергнутые Обреновичи их растеряли, то у нового монарха первоначально они просто отсутствовали. Конечно, можно согласиться с мнением историка С. Фея, равно как и других исследователей: «Петр I пользовался популярностью, отличался преданностью интересам своей страны и был по-солдатски честен и прост. Тот факт, что он сражался за сербское дело во время восстания в Герцеговине делало его “своим королем” для сербов за Дунаем и Дриной»⁵⁵.

Однако сообщение Ю.П. Бахметьева из Софии 14 июля 1903 г. дает более детальную характеристику нового сербского монарха в контексте восприятия обществом страны его личности непосредственно после восшествия на престол: «Сам король, по-видимому, еще не освоился со своим новым положением и еще не может избавиться от своих “буржуазных” женевских привычек. Он любит ходить на базар и разговаривать с торговками, покупая у них фрукты, но его популярность от этого вовсе не возрастает, а, напротив, уважение к нему уменьшается. Здешний народ любит простоту, но простоту, связанную с величием и с некоторой пышностью, а добродушный король на базаре вызывает только усмешки; кроме того, оказывается, что, страшно скучая в своем одиночестве, в первые же дни Его Величество спросил, где находится самая лучшая кофейня, где можно наблюдать за шахматной игрой? Впрочем, когда к нему нагрянут все 300 родственников, о которых пишет Чарыков, то ему уже нельзя будет жаловаться на однообразие»⁵⁶.

Дополнял своего коллегу временный поверенный в Белграде В.В. Муравьев-Апостол-Коробьин: «Его строгая конституционность и уважение права и свободы, зачастую объясняются чрезмерным недостатком инициативы; корректность в сношениях с окружающими его приближенными и общественными деятелями, склонны рассматривать как результат опасения за

свое личное положение. Выдержанность и старание понемногу сближать и мирить враждующие военные партии — объясняется боязнью проявить энергию в обстоятельствах, не только щекотливого для него свойства, но даже подозрительного для многих лиц. Сама старость и строгий домашний образ жизни короля, редко ставятся ему в упрек, и выражается иногда удивление, что с такими не королевскими привычками и в эти годы, он мог добиваться короны, и столь радостно поспешил принять оную из окровавленных рук офицеров сербской армии»⁵⁷.

Однако в политическом смысле 1903-й год принес новые черты. Приход к власти новой династии способствовал тому, что наряду с «сильными персонами» антиобреновической оппозиции, окончательно формируются подлинно социальные лидеры, а главную роль в политике окончательно взял на себя Н. Пашич и руководимая им Радикальная партия с концепцией создания народного славянского государства, в котором главную роль должна была играть «"народная партия", олицетворяющая социальные и национальные интересы народа»⁵⁸. Внутриполитические кризисы, межпартийная борьба, а главное — столкновение руководителей сербской старорадикальной партии и сербских военных — непосредственных организаторов переворота, занявших после 1903 г. влиятельные посты в армии, явились значительным внеконституционным вектором политического развития страны в 1903—1914 годах. Одновременно ярко очерчивается и конфликт внутри собственно офицерского корпуса, а бурные обсуждения политической жизни на страницах сербской прессы вовлекали в политику широкие слои сербского общества.

Л.Д. Троцкий в этом смысле достаточно показательно охарактеризовал, сложившееся к 1912 г. бурлящее состояние умов сербской интеллигенции, которое не могло не вырваться наружу, особенно на фоне нового обострения общебалканского кризиса. Он отметил, что «прессой руководит молодое поколение, которое не проделало революционной борьбы с Обреновичами, но успело разочароваться в ее результатах. Радикальный режим придал конституционную форму политической власти и установил свободу собраний и печати, но экономическое развитие Сербии, в тисках ее международного положения, шло по-прежнему медленным темпом; а во внешней

политике, которая стоит здесь неизменно в центре общего внимания, одно разочарование следовало за другим. Создался целый слой городской интеллигенции, которая мало чему училась, не имела за собой никаких идейных заслуг, но проникнута уверенностью, что будущее Сербии принадлежит ей»⁵⁹.

Заметим, что к 1912 г. в Белграде, где проживало всего около 80 тысяч человек, издавалось при этом четырнадцать ежедневных газет, при том, что более 80% трехмиллионного населения страны продолжало, несмотря на все усилия властей по строительству новых школ, оставаться неграмотным⁶⁰. Причем сама, в большинстве своем неграмотная крестьянская масса страны, тонко и интуитивно понимала все эти реалии «новой» политики «обновленной» Сербии. Русский публицист А.В. Амфитеатов приводит следующее, услышанное им в Белграде в 1909 г. крестьянское мнение о работе Скупщины и функционировании государственных структур сербского королевства. «Надоели нам все партии, опротивели смены министров. Кажется доведут нас до того, что мы их по шеям прогоним. А найдем семь хороших адвокатов, напишем им подробные доверенности, чего мы хотим, и пусть они защищают наши интересы перед Скупщиной. Плохи окажутся — доверенности отберем и других найдем»⁶¹.

Перманентный внутрисербский конфликт, таким образом, перешел в новую стадию, материализовавшись в вполне конкретных событиях. Уже в августе 1903 г., во время пребывания Петра Карагеоргиевича в Нише стало известно о существовании «антидинастического» движения в военной столице Сербии, что привело к раскрытию «нишского заговора». Причем, судя по донесениям российского консула Чахотина, причиной его появления стали первые военные назначения нового короля, которые коснулись исключительно офицеров-заговорщиков нишского гарнизона, многие из которых были переведены в Белград, заняв там выгодные должности. «Указанное обстоятельство вызвало большое недовольство других офицеров и способствовало образованию среди военных Ниша двух партий: консерваторов — «легальных» приверженцев прежнего режима, и либералов — участников переворота 29 мая. Раскол носит столь острый характер, что лишь совершенно отказавшись от новых назначений правительство будет в состоянии положить ему конец», — резюмировал российский дипломат⁶².

Среди участников «нишского заговора» были Б. Симич и В. Вемич⁶³ — будущие активные участники, возникшей в 1911 г., офицерской организации «Черная рука». Оппозиционное движение возглавил капитан Милан Новакович — кавалер ордена Почетного легиона, закончивший курсы военной подготовки во Франции и в российской Николаевской академии Генерального штаба. В конце июля 1903 г. он составил воззвание к сербскому офицерскому корпусу подписанное 700 офицерами, в котором были названы имена 68 офицеров — участников убийства четы Обреновичей и содержалось требование к ним покинуть ряды сербской армии. «Если бы эти офицеры стояли на точке зрения идеальной святости солдатской присяги и чести военного мундира, то они должны были уже при заговоре и до исполнения низкого преступления сложить с себя все знаки королевского достоинства. Если они тогда забыли это сделать, то им непременно следовало в интересах блага и чести страны и из уважения к новому королю, к армии и офицерскому корпусу поступить таким образом тотчас после переворота. Названные офицеры не последовали этому святому долгу, но, напротив, проявили в своем дерзком поведении самым явственным образом все признаки наглого эгоизма и жадности <...>. Только тогда, когда наша цель будет достигнута, на нашу долю выпадет счастье устранить те преграды, которыми оградилась от нас все офицерские корпуса всего цивилизованного мира. Только тогда будет восстановлена поколебленная честь Сербии, короны и законных правителей и будет уничтожен опасный прецедент военного пронунциаменто. Во имя отечества, во имя нашей чести и нашей любви к свободе и независимости Сербии мы заклинаем Вас: соединимся без различия чинов и положения и потребуем согласно, твердо и непоколебимо: “Прочь мундир! Вы или мы!”»⁶⁴.

Заметим, однако, что офицеры нишского гарнизона не преследовали никаких антидинастических целей, тем более свержения с престола новоизбранного короля, а по замечанию российского временного поверенного в делах, их «преданность королю несомненна»⁶⁵. Речь шла только об отстранении от власти преторианской группы офицеров. Расследование привело на скамью подсудимых 27 офицеров⁶⁶. Сам Милан Новакович, произнесший в суде блестящую речь о необходимости скорейшего увольнения из рядов армии всех офицеров,

причастных к заговору и длившуюся целое заседание, тем не менее, получил два года тюрьмы.

Само же моральное состояние сербской армии непосредственно после переворота лучше всего иллюстрируется донесением российского дипломата А.Н. Щеглова от 11 (24) июня 1903 г., в котором дается пересказ его разговора с бывшим военным министром М. Васичем, занимавшим во время белградских событий пост сербского посланника в Черногории. Полковник подчеркивал, что «он не видит, как может восстановить свое доброе имя сербская армия, поправшая все законы, божеские и человеческие». «Начальники ее», по словам Васича, «дошли до такого озверения, что бахваются убийствами и надругательствами над трупами, рассчитывая не только на безнаказанность, но даже на награду». Далее бывший военный министр с горечью резюмировал: «Мы, сербы, не достойны самостоятельного существования как государство. Пусть Европа возьмет нас под свою опеку, хотя бы при помощи военной оккупации, а затем накажет злодеев и научит нас жить по-человечески. Как далек был я от мысли о чем-либо подобном, когда работал на пользу, казалось мне, армии и моего Отечества. Зверства моих клятвопреступных товарищей разнесли по ветру все мои иллюзии, и мне совестно носить сербский мундир, мне больно жить»⁶⁷.

Привлечение к суду офицеров нишского гарнизона, однако, не могло уничтожить контрзаговорщического движения, тем более что основные участники событий 29 мая продолжали сохранять влиятельные посты в армии, а удаленные в конце 1903 г., по требованию Держав, из свиты короля офицеры получили не менее значимые военные должности. Так, например, А. Машин был назначен начальником Главного генерального штаба, Д. Попович стал во главе Дунайской дивизии, дислоцированной в Белграде, а Л. Саларович получил пост начальника белградского военного училища и высших офицерских курсов⁶⁸. В этой связи недовольство охватило часть офицеров Шумадийской и Дринской дивизий.

Утихшие было страсти возобновились с новой силой осенью 1904 г. в связи с учреждением в честь столетней годовщины Первого сербского восстания, новой высшей награды страны — «Звезда Карагеоргия». Первыми кавалерами ордена первой степени, оказались сыновья Петра Георгий и

Александр⁶⁹, а также брат короля Арсений и его сын Павел. Кавалерами второй степени стали основные участники переворота — Й. Атанацкович, Д. Попович и А. Машин. Этой же степенью были награждены Й. Авакумович и Г. Генчич. Третья степень была вручена младшим офицерам — участникам заговора 29 мая. В июне 1904 г. этот орден был вручен и черногорскому князю.

Его раздача, в том числе и молодым офицерам-заговорщикам, вызвала бурное обсуждение в сербской печати, дав очередную повод к расколу, как в среде офицерского корпуса, так и в обществе в целом. «Раздражение против заговорщиков начинало, по крайней мере наружно, утихать. В газетах преследовались только четверо из них: бывшие министры Владан Георгиевич, Генчич и полковники Машин и Д. Попович. Теперь имена всех «одликованных» (отличенных) красуются в газетах, которые справедливо спрашивают, за какие заслуги государству награждены ничтожные капитаны и поручики сразу высшим орденом», — отмечал, сменивший Чарыкова на посту посланника в Сербии, К.А. Губастов. Он же подчеркнул, что, по распространившемуся в Сербии мнению, «Звезда Карагеоргия» как бы учреждена была для королевского семейства, для многочисленных и отдаленных родственников короля и награждений сербских преторианцев, способствовавших возвращению на престол династии Карагеоргиевичей»⁷⁰.

Не случайно 29 июля 1904 г. в Крагуевце прошли демонстрации, направленные, как писал сербский историк В. Казимирович, «прежде всего против заговорщиков и против армии в целом». Демонстранты собрались перед офицерским домом, в котором офицеры Крагуевского гарнизона праздновали именины и день рождения короля Петра, выкрикивая лозунги: «Долой офицеров и унтер-офицеров, и их пособников и бездельников!» В городе началась стрельба. Лишь после прихода к офицерскому дому роты солдат порядок удалось восстановить⁷¹. Известный деятель «военной партии», член организации «Черная рука» Божин Симич (Марко) в одной из своих статей в журнале «Новая Европа» за 1927 г. привел еще один весьма показательный пример отношения офицерского корпуса к новоучрежденной награде: «В некролог одного старого пехотного капитана, который к тому времени уже давно был на пенсии и умер уже после событий 29 мая в Крушевце,

семья покойного нашла уместным вставить слова о том, что он не был заговорщиком и поэтому не был награжден “Звездой Карагеоргия”»⁷².

В связи с учреждением нового ордена офицеры, проходившие службу в провинциальных сербских гарнизонах, стали с новой силой открыто выражать свое недовольство существующими в стране порядками в армии. К.А. Губастов в донесении от 16 ноября 1904 г. описал случай в Неготинском гарнизоне: «Артиллерийский капитан Милан Николич, находясь однажды в кругу своих товарищей, весьма энергично осудил как способ, так и последствия убийства Обреновичей и высказался за невозможность дальнейшего самостоятельного существования Сербии. Правительство решило не придавать значения этой выходке, и объясняет вольность речи капитана нетрезвым состоянием, в котором находился Николич, за что он и будет подвергнут наказанию»⁷³. Тем не менее, Николич получил значительный тюремный срок, что вызвало, как заметил Сысоев, «сильное озлобление» в среде офицерского корпуса страны⁷⁴.

Дела, однако, принимали более серьезный оборот, нежели пьяные выходки отдельных офицеров. Отношения внутри офицерского корпуса страны создавали вполне реальную опасность нового военного переворота. Губастов в январе 1905 г. в своем донесении пересказал разговор, состоявшийся у него с «неким доверительным лицом» по поводу физического устранения того же М. Васича, ставшего в открытую оппозицию новому режиму. Российский дипломат отмечал: «Глухая, беспощадная борьба между заговорщиками их жертвами не прекращается. На днях полковник Васич, бывший в “свадебном” кабинете военным министром⁷⁵, человек умный, энергичный, и не без влияния, которого заговорщики побаиваются более других, принужден был скрыться из Белграда. Ему удалось вовремя узнать, что шла серьезная речь о необходимости его “исчезновения”. Все это вместе взятое составляет грустную картину “возрожденной Сербии”, как теперь принято ее называть, и я не вижу никаких задатков на более утешительное будущее, — так закончил свое доверительное сообщение мой собеседник»⁷⁶.

Российский военный агент Сысоев, в свою очередь, с горечью резюмировал: «Несомненно, что с 29 мая 1903 г. сербская армия морально больна. Для ее оздоровления нужно прежде

всего удалить человек 5—10 главных заговорщиков, затем следует возвратить на службу офицеров выгнанных ими, отрешившись раз и навсегда от покровительства “заговорщикам” в ущерб прочим офицерам»⁷⁷. При этом Сысоев упомянул фамилии полковника Машина, начальника Дунайской дивизии полковника Д. Поповича, начальника военной академии Саларовича и командира 7-го пехотного полка подполковника П. Мишича как наиболее одиозных фигур в сербском офицерском корпусе, удаление которых от службы могло бы успокоить общественное мнение страны.

В течение 1904—1907 годов Крагуевац и Ниш продолжали оставаться главными центрами борьбы против «заговорщиков», что связано с освобождением в сентябре 1905 г. из пожаревацкой тюрьмы капитана Милана Новаковича. В октябре 1905 г. он основал общество «по законному решению заговорщического вопроса», насчитывавшее, по данным историка В. Казимировича, до 700 членов, а главным «теоретиком» «контрагов» стал профессор Белградского университета Живоин Перич⁷⁸.

В апреле 1906 г. стало известно о существовании заговора молодых офицеров Шумадийской дивизии в Крагуевце, которой в то время командовал известный сербский генерал, впоследствии проявивший себя на полях сражений Балканских и Первой мировой войн, С. Степанович. Они планировали захватить почту, железнодорожную станцию, все местные государственные учреждения, арестовать всех офицеров — приверженцев нового режима вместе командиром дивизии. После этого офицеры предполагали двинуться на Белград. Под суд военного трибунала, председателем которого был все тот же Д. Попович, было отдано 35 унтер-офицеров и офицеров, получивших значительные сроки тюремного заключения — от 6 до 20 лет⁷⁹.

Антизаговорщическая агитация все больше усиливалась. В мае 1906 г. Губастов сообщал, что в пехотном полку в Валево, шефом которого продолжал считаться Милан Обренович, в день Славы полка «несколько офицеров изъявили желание, чтобы портрет Милана красовался в полковой столовой. За это они были преданы суду. 45 офицеров подвергнуты временному отстранению от действительной службы»⁸⁰. В то же время Сысоев доносил в мае 1906 г., что «в одной газете был помещен список фельдфебелей и унтер-офицеров нишского гарнизона,

которых следует остерегаться, так как они шпионы ”заговорщиков”»⁸¹.

Одновременно группа младших офицеров (именно их российский военный агент В.А. Артамонов, информируя в 1911 г. Генеральный штаб о создании офицерской организации «Черная рука», назовет «молодыми заговорщиками»), среди которых выделялись Драгомир Стоянович и Миливой Анжелкович стремились к усилению собственного значения в вооруженных силах путем удаления на пенсию «старых» командиров. Эта идея была высказана на конспиративной встрече, состоявшейся в мае 1906 г. в тире «Смутековац», но, как заметил исследователь Б. Глигориевич, «сложившиеся обстоятельства требовали примирить полковника Дамиана Поповича и молодых офицеров, которыми руководил капитан Анжелкович»⁸².

Внутриполитический кризис в Сербии нарастал. В августе 1905 г. к власти в стране пришло правительство младорадикалов во главе со Стояновичем. Пост военного министра в новом кабинете занял полковник Антониц, по мнению Сысоева, человек «очень недалекий и не отличающийся твердостью характера»⁸³. Российский военный агент при этом замечал: «Каждый день проходят заседания кабинета министров с окружением короля. Министерство решило подать в отставку, если король откажется подписать указы об удалении ”заговорщиков”; король колеблется и просит дать ему время подумать; ”заговорщики” уходить не хотят, а их орган ”Нови покрет” пускает в ход даже угрозы»⁸⁴.

Уже в марте следующего года правительство Стояновича подало в отставку, а новый кабинет, сформированный под председательством престарелого С. Груича, также не решался решить вопрос о пребывании в армии офицеров — заговорщиков. Российский военный агент писал по этому поводу: «Генерал Сава Груич, как отец двух офицеров-заговорщиков и дочери, находящейся в замужестве с офицером-заговорщиком, вероятно, сделал все от него зависящее, чтобы не давать хода этому уже давно назревшему вопросу, а потому он является министром, вполне угодным для двора и дворцовой партии»⁸⁵.

Отметим, что Сысоев объяснял происходящие в марте-апреле 1906 г. события следующим образом: «Нежелание короля Петра расставаться с ”заговорщиками” здесь давно уже объясняют тем, что он, будто бы еще будучи претендентом, выдал им

какой-то компрометирующий его документ и опасается его огласки <...>. Быть может, тогда он просто более хитер, чем думают и, надеясь, что “заговорщиков” все равно рано или поздно выгонят, рассчитывает остаться верным и данному слову и избавиться от них»⁸⁶.

Печатным органом «контрагов» стала газета «За Отечество», а М. Новакович стал ее редактором. С большимими трудностями, преследуемая полицией, газета выходила до августа 1906 г., имея большую популярность, причем не только в офицерской среде. В 1906 г. в одном из своих донесений Сысоев писал: «Накануне нового года несколько молодых офицеров (все подпоручики) в г. Нише, сидя в кафе и будучи сильно навеселе, заставили хор цыган петь патриотическую песню, прославляющую Сербию времен Обреновичей, а затем послали поздравительную телеграмму с новым годом директору оппозиционной газеты “За Отечество”; эта газета является злейшим врагом нынешнего режима и очень сильно читается»⁸⁷. Ответные репрессии не заставили себя ждать. Всего, по сведениям Сысоева, в мае 1906 г. в г. Нише было арестовано, «по одним данным, 17, а по другим, более 30 унтер-офицеров, подозреваемых в каком-то заговоре или агитации»⁸⁸. Российский военный агент упомянул при этом имя капитана Максимовича, который «по всем отзывам очень талантливый и интеллигентный офицер, прекрасно окончивший недавно нашу Николаевскую академию Генерального штаба; в чем заключается его вина до сих пор остается неизвестным»⁸⁹.

В марте 1907 г. Новаковичу удалось возобновить издание газеты, но в августе он был арестован, а уже в сентябре того же года был убит в тюрьме вместе со своим сокамерником и однофамильцем Максимом Новаковичем — отставным жандармским поручиком, находившимся под следствием за попытку убийства собственной жены. После смерти Новаковича движение пошло на спад.

Однако борьба с офицерами-заговорщиками, в которой активное участие принимали старорадикалы — сторонники Н. Пашича, все-таки увенчалась некоторым успехом. Во главе кабинета министров вновь встал Н. Пашич. В апреле 1906 г. в Сербии был назначен новый военный министр, которым вновь стал Радомир Путник, которому несколько позже, в 1908 г., новый военный агент России в Сербии полков-

ник В.П. Агапеев дал следующую характеристику: «Генерал Радомир Путник, около 62 лет, болезненный, страдает астмой, участвовал в сербо-турецкой и сербо-болгарской войнах; образованный, составил здесь славу способного для службы Генерального штаба. В силу болезни, вероятно, заключается в нем недостаток энергии и инициативы. Во время трехлетнего, в общем, управления армия не стала лучше. Ставленник старорадикальной партии. В 1894 г. принужден был выйти на некоторое время в запас вследствие своей антипатии к Милану. Ко мне относится с расположением»⁹⁰. Вместе с тем К.А. Губастов прокомментировал это назначение следующим образом: «Высшие военные, которым Пашич поочередно предлагал самый щекотливый портфель военного министра, имели достаточно гражданского мужества отказаться от недостойной роли быть в негласной зависимости от закулисных советников короля. Генерал Путник дал возможность старым радикалам вернуться к власти»⁹¹.

16 мая 1906 г. Петр Карагеоргиевич подписал долгожданный указ об удалении из армии пяти наиболее одиозных офицеров — участников майского переворота, сбив тем самым на некоторое время накал политических страстей. В отставку были отправлены командир Дунайской дивизии полковник Д. Попович, начальник Главного генерального штаба полковник А. Машин, подполковник П. Мишич, командующий белградским гарнизоном подполковник Л. Лазаревич и командир гвардии короля майор Л. Костиц. Сербская печать оценила этот факт как важную победу радикального кабинета Н. Пашича, в том числе в его борьбе с «младорадикалами», сделавшими вопрос об удалении заговорщиков основой своей политической программы. «То, что они хотели сделать, сделало нынешнее правительство. Выборные шансы старых радикалов выросли», — отмечала газета «Политика»⁹². Это же событие послужило поводом восстановлению дипломатических отношений между Белградом и Лондоном прерванных по инициативе британской стороны после совершения кровавого переворота, что было особенно важно в условиях вновь обострившихся сербо-австрийских противоречий.

В свою очередь, Сысоев, оценивая все эти события, с тревогой отмечал в своем донесении в мае 1906 г.: «Переворот 29 мая 1903 г., свергший армию в политику, настолько ее взвол-

новал и расшатал ее устои, что для поднятия морали войска и упокоения умов в корпусе офицеров теперь потребуются годы. С другой стороны все командные должности остаются еще в руках “заговорщиков” или их сторонников, а потому представляется вопросом, не будут ли ушедшие главари оказывать свое влияние, не имея официального положения»⁹³.

В.А. Артамонов уже в 1914 г., резюмируя отношения офицерского корпуса страны с правящей Радикальной партией Н. Пашича в тот период, отмечал: «Радикалы, опасаясь возобновления в том или ином виде личного режима, преторианства, все время вели тайную борьбу с влиятельными заговорщиками, стараясь скомпрометировать в общественном мнении или удалить с видного поста то одного, то другого. Но кроме борьбы против “заговорщиков” радикалы по тем же причинам борются специально против армии, вернее против приобретения старшими ее чинами видного влиятельного положения; радикалы стараются держать армию в черном теле, в подчиненном положении, причем не брезгают заведением в армии партизанства, разделения и т.п. Дурная сторона парламентарного режима заключается в трудности уберечь армию от политического партизанства; знакомство и связи с видными политическими деятелями иногда обеспечивали (при кабинетном министре) офицерам назначения, видные посты и т.д. Не угодившие министрам или влиятельным депутатам военные преследовались, как, например, генерал Ж. Мишич»⁹⁴.

Резюмируя вышесказанное, заметим, что во многом именно реалии политической обстановки в Сербии, сложившиеся после событий 29 мая 1903 г., создали благоприятную почву для оформления в 1911 г. новой офицерской группы «Объединение или смерть» («Черная рука»). Ее руководящее ядро составила именно та часть «заговорщиков», которая, по словам В.А. Артамонова, вошла в «заговор из идеальных побуждений (свергнуть тирана) и после 29 мая остались в стороне, не извлекая никакой личной пользы из совершенного ими переворота»⁹⁵.

Аннексионный кризис 1908—1909 гг., отодвинув внутрисербские разногласия на второй план, тем не менее, способствовал общей радикализации настроений этой части сербского офицерского корпуса, желавших взять на себя инициативу не только в разрешении глобальной государственной зада-

чи — объединения всех сербов в одном государстве, но и получить в этой же связи прямой доступ к властным институтам государства, а сама «Черная рука» довольно быстро сумела стать важнейшим фактором политики страны, к тому же проникнутой серьезной националистической доктриной. Балканские войны 1912—1913 гг. только укрепили подобные иллюзии этой части офицерской среды, что не ускользнуло от внимательного взгляда Л.Д. Троцкого, отмечавшего, что «главные усилия осторожной старорадикальной партии направлялись на преодоление великосербского карбонарства, центром которого было молодое офицерство, совершенно утратившее представление о возможном и невозможном после побед над турками и особенно над болгарами»⁹⁶. Наступало время решающих схваток...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ АС. НА 55. Л. 4 (об).
- ² Новое время. 1903. 31 мая (13 июня).
- ³ *Vitke С.Ю.* Избранные воспоминания. М., 1991. С. 429.
- ⁴ РГВИА. Ф. 400, оп. 4., д. 313, л. 60—61.
- ⁵ Там же. Л. 83 (об).
- ⁶ *Никифоров К.В.* Парламентаризм в Сербии в XX веке // Славяноведение. 2004. №3. С. 7—20. *Он же.* Сербия на Балканах. XX век. М., 2012. С. 30—31.
- ⁷ *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризм у Србији. С. 122—123. См. также: *Теплов В.А.* Сербская неурядица. СПб. 1903. С. 40.
- ⁸ *Стојановић Д.* Србија и демократија. Београд, 2003. С. 7—8.
- ⁹ *Роповић-Обрадовић О.* Ideja i praksa u Srbiji 1869—1914: između Liberalne i narodne države // Rusija, Srbija, Crna Gora. Београд, 2000. С. 51.
- ¹⁰ Ibid. С. 53—54.
- ¹¹ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 263.
- ¹² *Зундхаузен Х.* Историја Србије од 19 до 21 века. Београд, 2008. С. 229—230.
- ¹³ АВПРИ. Ф. 166. Миссия в Белграде, оп. 508/1, д. 52, л. 570.
- ¹⁴ См. подробнее: *Шемякин А.Л.* Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы) // Славянские народы: общность истории и культуры М., 2000. С. 23.
- ¹⁵ АВПРИ. Отчеты МИД за 1903 г. Л. 8.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2868, л. 14.
- ¹⁷ Там же. Л.101.

¹⁸ Там же. Л. 23.

¹⁹ Документи о спољној политици краљевине Србије 1903—1914. Књ I, Свеска 1. 29 мај / 11 јун. 1903—14/27 фебруар 1904. Београд, 1991. С. 100—101.

²⁰ ГАРФ. Ф. 102, оп. 316, ед. хр. 1., ч. 14., Ла., т II., л. 113—113 (об). См. такође: ГАРФ. Ф. 505, д. 76, л. 38, 39. Сам же Чарыков доносио в МИД, што на собрание студентова јавиося, не А. Машин, а подполковник П. Мишич, который «объявил им, что он всех перестреляет, ежели они не откажутся от своего замысла. Сходка не состоялась». См.: АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2868, л. 68 (об).

²¹ Новое время. 1903. 5(18) июня.

²² АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2868, л. 145.

²³ Стојановић Д. Србија и демократија. Београд, 2003. С. 37.

²⁴ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2869, л. 167 (об).

²⁵ РГВИА. Ф. 2000, д. 817, л. 41 (об).

²⁶ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2868, л. 50.

²⁷ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2868, л. 36.

²⁸ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 498, л. 339 (об).

²⁹ В мае 1901 года часть радикалов образовала года свою партию — Сербскую независимую радикальную партию («самосталцы», или «младорадикалы»), которую возглавил профессор Л. Стоянович.

³⁰ АВПРИ. Ф. «Политахив», д. 499, л. 17—17 (об).

³¹ Поводом к этому первому министерскому кризису послужил указ Петра Карагеоргиевича о назначении Маршалом Двора военного агента в Константинополе полковника Лешанина, чему немало способствовал министр финансов Велькович. Но «самосталцы» и заговорщики не захотели видеть в Белграде ненавистного им сторонника Обреновичей. Король, как отметил Муравьев-Апостол-Коробьин, «оказался между огнем и полымнем, предоставив новому Маршалу продолжать отправлять свою должность в Константинополе, что и вызвало отставку министра финансов». См.: АВПРИ. Ф. «Политахив», д. 499, л. 113.

³² Там же. Л. 113—113 (об).

³³ АВПРИ. Ф. «Политархив», оп. 482, д. 2868, л. 120.

³⁴ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2868, л. 194.

³⁵ РГВИА. Ф. 400, оп. 4. д. 313., л. 72—72 (об).

³⁶ Там же. Л. 36—36 (об).

³⁷ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2868, л. 59.

³⁸ Первой женой Д. Симича была Елена Карагеоргиевич, к тому времени скончавшаяся.

³⁹ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2868, л. 36

⁴⁰ Там же. Л. 69—69 (об).

⁴¹ Там же. Л. 72.

⁴² АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2868, л. 107.

⁴³ РГВИА. Ф. 400., оп.4, д. 313., л. 72 (об).

⁴⁴ РГВИА. Ф. 400., оп. 4., д. 313., л. 78.

⁴⁵ Живоин Балугджич (1868—1941) — журналист и дипломат. В 1895 году он эмигрировал из Сербии и жил в Женеве и Мюнхене, откуда вел агитацию против Обреновичей. После переворота 1903 года он вернулся в страну, исполнял обязанности секретаря Петра Карагеоргиевича, затем выполнял дипломатические миссии в Салониках, Афинах, Риме и Берлине

⁴⁶ Капитан Люба Костиц стал совмещать должности королевского ординарца и командира королевской гвардии. И.Н. Сысоев, характеризуя Л. Костица и отмечая его активную роль, как он пишет, в «кровавой бане», не преминул заметить: «Вид у этого господина совершенно разбойничий: это мужчина колоссального роста, невероятной силы и звероподобной внешности» // РГВИА. Ф. 400., оп. 4., д. 313., л. 69—69 (об).

⁴⁷ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2868, л. 212.

⁴⁸ *Писарев ЮА.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. С. 90.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 400, оп.4, д. 313., л. 21.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2869, л. 124. По данным Н.В. Сысоева только за первых пять дней после переворота было сделано до 40 новых назначений. «В общем, — резюмирует российский военный агент, — генерал Атанацкович и временное правительство довольно успешно воспользовались своей властью». РГВИА. Ф. 400, оп. 4., д. 313, л. 20—21. Он подчеркивал, что непосредственно после переворота были отправлены в отставку четыре из шести начальников дивизий, почти все начальники частей войск белградского гарнизона, несколько начальников войск расквартированных в провинции и «все лица, занимающие наиболее влиятельные должности в центральных учреждениях военного ведомства. Меры эти распространились и на некоторых младших офицеров» // Там же. Л. 75 (об).

⁵¹ В первую очередь, эти офицеры руководствовались исключительно корыстными мотивами. На их содержание король тратил значительные средства. Причем Д. Попович стал строить элитный по белградским меркам дом, стоивший, по некоторым оценкам, до 75.000 франков. См.: *Казимирович В.* Црна Рука. С. 153.

⁵² *Троцкий ЛД.* Политические партии // Русские о Сербии и сербах. СПб. 2006. С. 527.

⁵³ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2869, л. 84.

⁵⁴ Там же. Л. 84.

⁵⁵ *Фей С.* Происхождение мировой войны. Т. 1. М.,-Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 253. С.Ю. Витте в своих воспоминаниях упоминает о встрече

с будущим монархом, посещавшим С.-Петербург незадолго до переворота, который, по мнению российского министра финансов, никак не соответствовал образу королевской особы. «Он имел такой несчастный вид, что вот уж я никак не думал, что через несколько месяцев он станет королем. У него было имение в Румынии, и вопрос заключался в том, чтобы ему выдать ссуду под это имение». Что ж, Витте, ненавидя дочерей черногорского короля Николы, опрометчиво считал, что к нему явился очередной проситель денег с Балкан: «Я помню, что когда пришел ко мне Петр Карагеоргиевич, я как раз случайно сию минуту принять его не мог и заставил ждать четверть часа». См.: *Витте С.Ю. Избранные воспоминания*. С. 428.

⁵⁶ АВПРИ. Ф. «Политархив», оп. 482, д. 2868, л. 205 (об). Со временем отношение сербского крестьянства к Петру Карагеоргиевичу продолжало оставаться весьма своеобразным. Известный американский журналист, будущий автор знаменитой книги «Десять дней, которые потрясли мир», Д. Рид, посетивший Сербию в ходе Первой мировой войны, отмечал в написанной на основе впечатлений от этой поездки книге «Вдоль фронта», что их возница, утверждая, что его лошади самые лучшие в Сербии, сказал, что жеребца он назвал воевода Мичич [Ж. Мишич] — в знак уважения к генералу, одержавшему решительные победы над австрийцами в 1914 году, а *кобылу* (курсив мой. — Я.В.) — король Петр // *Рид Д. Вдоль фронта*. М.:Л, 1928. С. 104.

⁵⁷ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 499. Л. 241—241 (об). В октябре 1903 года тот же Муравьев-Апостол-Коробьин сообщал о приезде в Белград А.Н. Долгорукова, якобы представляющего официальный Петербург. Он публично предложил заменить Петра Карагеоргиевича Великим князем Андреем Владимировичем, «при этом он прибавил, что накануне его выезда из Петербурга, за обедом у графини Шуваловой он предложил эту комбинацию, показавшуюся симпатичною всем присутствующим, в числе коих был и князь Голицын, шталмейстер Двора Е. И. В. Великого князя Владимира Александровича». Газета «Народни лист» не только напечатал этот слух, но и «в оправдание политики покойного Александра, названная газета напечатала в передовой статье, что самым серьезным и желательным кандидатом в наследовании сербского престола в глазах короля Александра также являлся, будто бы великий князь Андрей Владимирович» // Там же. Л. 237.

⁵⁸ *Шемякин А.Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868—1891)*. М., 1998. С. 433—434.

⁵⁹ *Троцкий Л.Д. Сербская пресса // Русские о Сербии и сербах*. С. 523—524.

⁶⁰ Там же. С. 523.

⁶¹ Русские о Сербии и сербах. С. 467.

⁶² АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2868, л. 210.

⁶³ Российский военный агент В.А. Артамонов писал о Вемиче: «Майор Вемич принадлежал к числу «заговорщиков», причем если он не принял активного участия в убийстве короля Александра и королевы Драги [здесь российский военный агент явно заблуждается], то, по мнению одних, отличился, а по мнению порядочных и беспартийных людей, запятнал себя надругательством над трупом королевы Драги. Удержавшись, несмотря на это, в армии, г. Вемич пользуется покровительством остальных заговорщиков». См.: МОЭИ, серия III, т. V. Ленинград, 1934. С. 440.

⁶⁴ ГАРФ. Ф.505, д. 76, л. 46.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2868, л. 216 (об).

⁶⁶ *Vasić D. Devetsto treća (Majski prevrat)* Beograd, 1925 (reprint izd. 2000) С. 176—177. Характерно, что король Петр в беседе с австрийским посланником Думбой выразил «удивление, что суд был так милостив к арестованным офицерам». При этом, как заметил В.В. Муравьев-Апостол-Коробьин, «Думба говорил об этом всем своим коллегам с заметным злорадством, а через день в газете «Народни лист», агитирующей почти цинично в пользу старого режима и антизаговорщиков, фраза его об этой части аудиенции была воспроизведена почти дословно, хотя, конечно, под скрытыми именами» // АВПРИ. Ф. 166, оп. 508/1, л. 52. л. 604.

⁶⁷ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2868, л. 117—117(об).

⁶⁸ РГВИА. Ф. 2000, д. 817, л. 28.

⁶⁹ Заметим, что королевичи Георгий и Александр, не имевшие к тому времени никаких военных заслуг, торжественно были приняты в штат сербской армии приказом военного министра лишь 4 декабря 1903 года. Причем, по воспоминаниям генерала П. Драшкича, Александр Карагеоргиевич подарил этот орден некой французенке, с которой якобы имел роман, будучи в Париже. «Подумайте, какой я был осел!», — восклицал позже будущий наследник сербского престола. Этот факт, если он имел место, также весьма показательно характеризует отношение к учреждению этого ордена даже среди членов нового правящего дома. См.: *Драшкић П. Моји мемоари*. Београд, 1990. С. 74.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2869, л. 111—111 (об).

⁷¹ *Казимировић В. Црна Рука. Личности и догађаји у Србији од преврата 1903 г. до Солунског процеса 1917 године*. Крагујевац, 1997. С. 159.

⁷² РГВА. Ф. 579, д. 71, л. 416.

⁷³ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2869, л. 117—117 (об).

⁷⁴ РГВИА. Ф.400, оп.4., д., 313, л.121—121 (об)

⁷⁵ Имеется в виду министерство А. Йовановича, пришедшее во власть в 1900 году в связи с женитьбой Александра Обреновича.

- ⁷⁶ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2869, л.121 (об).
- ⁷⁷ РГВИА. Ф.2000, д. 824, л. 21 (об) — 22.
- ⁷⁸ *Казимировић В.* Црна Рука. С. 211.
- ⁷⁹ Ibid. С. 214.
- ⁸⁰ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2869, л. 156.
- ⁸¹ РГВИА. Ф. 2000, д. 824, л. 29.
- ⁸² *Глигоријевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић у ратовима за национално ослобођење. Београд, 2010. С. 39.
- ⁸³ РГВИА. Ф. 2000, д. 822, л. 37.
- ⁸⁴ РГВИА. Ф. 2000, д. 824, л. 25.
- ⁸⁵ РГВИА. Ф. 2000, д. 822, л. 39.
- ⁸⁶ РГВИА. Ф.2000, д. 824, л.25—25 (об).
- ⁸⁷ Там же. Л. 27—27 (об).
- ⁸⁸ Там же. Л. 28 (об).
- ⁸⁹ Там же. Л. 33(об).
- ⁹⁰ Донесение В.П. Агапеева в ОГЕНКВАР от 21 октября 1908 г. См.: РГВИА Ф.2000, д. 822, л. 46—46 (об).
- ⁹¹ АВПРИ. Ф. «Политархив», д. 2869, л. 154.
- ⁹² Политика. 1906. 17 мая.
- ⁹³ РГВИА. Ф. 2000, д. 824. л. 31.
- ⁹⁴ Артамонов в ОГЕНКВАР 4 (17) июня 1914 года // РГВИА. Ф. 2000, д. 3168, л. 17. См. также: МОЭИ, серия III, т. V. Ленинград, 1934. С. 454.
- ⁹⁵ РГВИА. Ф.2000, д. 7371, л. 37 (об) — 38.
- ⁹⁶ *Троцкий ЛД.* Европа в войне. Сочинения. т. IX. М.-Л., 1927. С. 16

МИХАЙЛО ВОЙВОДИЧ

Миссия Николы Пашича в Петербурге в 1908 г.

Принятое в октябре 1908 г. решение Австро-Венгрии провозгласить аннексию Боснии и Герцеговины (БиГ) стало самым значительным вызовом миру в Европе после Берлинского конгресса. Последовавший международный кризис сделал актуальным вопрос, будет ли позволено одной из великих держав нарушить в собственных интересах решения, совместно принятые на конгрессе. Речь шла о ревизии решений конгресса, которая, как оказалось, не вызвала большого возмущения в европейских столицах, так как не затрагивала напрямую территорий, связанных с их жизненными интересами. Иначе было в отдельных балканских государствах, нервно отреагировавших на произошедшее. Было очевидно, теперь и другим балканским областям угрожает прямая опасность, так как всем было ясно, что захват БиГ — это только этап продвижения Австро-Венгрии и Германии на юго-восток.

Сербии предстояло стать следующей жертвой. Неудивительно, что там реакция была наиболее бурной. Недовольство народных масс в Сербии было вызвано тем, что были разрушены надежды на освобождение в обозримом будущем сербского населения, составлявшего большинство в землях по ту сторону Дрины. Сформированное Народной радикальной партией правительство Петра Велимировича, в котором главную роль играл министр иностранных дел Милован Милованович, не пошло на поводу у воинственных настроений, охвативших страну, а сразу направило ноту протеста великим державам, в которой потребовало возвращения прежнего положения в БиГ. В противном случае Белград требовал предоставления

территориальной компенсации — выхода к морю через БиГ и Новопазарский санджак. Скупщина, утвердившая содержание ноты, сделала это вопреки мнению отдельных лиц, среди которых были и влиятельные радикалы, считавшие содержание не соответствующим ситуации.

Сразу по объявлении аннексии в европейской печати появилась информация о возможности созыва конференции великих держав, чего добивалась Россия. Желая повлиять на ее возможные результаты, сербское правительство в октябре командировало в европейские столицы группу наиболее высокопоставленных государственных деятелей, которым следовало изложить сербский подход к мирному урегулированию кризиса. Это были министр Милован Милованович, бывший председатель правительства и лидер напредняков Стоян Новакович и выдающийся политик, вождь радикалов Никола Пашич.

Милованович планировал посетить Берлин, Лондон, Париж и Рим. Во время поездки он собирался встретиться и с российским министром иностранных дел Извольским, который объезжал правительства великих держав, безуспешно пытаясь получить согласие на свободный проход российских кораблей через проливы, что соответствовало его соглашению с австро-венгерским министром Эренталем от сентября 1908 г. Речь шла о том, чтобы установить прямую взаимозависимость между провозглашением аннексии БиГ и разрешением прохода российского флота через проливы. Однако вопреки договоренности Австро-Венгрия объявила об аннексии, не дожидаясь получения согласия великих держав на проход кораблей. Стоян Новакович отправился в Стамбул, чтобы убедить Порту не признавать утрату собственных прав на БиГ в результате аннексии, а согласиться лишь на реорганизацию управления этими областями. Кроме того Новакович должен был обеспечить облегчение транспортного режима для Сербии на турецкой территории. Перед Николой Пашичем, отправившимся в Петербург, стояла задача добиться поддержки сербских требований со стороны Антанты.

В Сербии наибольшие надежды возлагались на миссию Пашича, который пользовался большим авторитетом в российских официальных и общественных кругах. Было известно, что он, встав во главе новооснованной Радикальной партии, еще в начале 1880-х гг. — именно тогда, когда режим в Сербии ори-

ентировался на Австро-Венгрию, — проявил свое русофильство. Впоследствии оно подтвердилось как в годы беженства Пашича в России, так и, в еще большей степени, в период пребывания его во главе правительства (1891—1892 гг.) и непродолжительного выполнения обязанностей дипломатического представителя Сербии в Петербурге в 1893—1894 гг. В последние годы правления династии Обреновичей Пашич и радикалы были самыми решительными противниками Австро-Венгрии, что, с одной стороны, сделало их объектом жесткого давления, но, с другой, обусловило их признание в России. В 1903 г. после Майского переворота, в результате которого на престол взошла династия Карагеоргиевичей, радикалы стали наиболее мощной политической силой, располагавшей большинством в парламенте и формировавшей правительство. Переориентировавшаяся на Россию Сербия вступила в противостояние с агрессивно настроенной Австро-Венгрией, что привело к развязыванию в 1906 г. так называемой таможенной войны. Пашич в эти годы пользовался большим авторитетом в российских и сербских политических и общественных кругах, поэтому его отъезд в Петербург в октябре 1908 г. был полностью оправдан.

До его приезда в Петербург российская официальная печать обсуждала проблему международной конференции, которую следовало созвать с целью смягчения негативных последствий одностороннего объявления аннексии. Пока глава МИДа Извольский совершал поездку по европейским столицам, его заместитель Чарыков неоднократно обещал сербскому представителю Димитрию Поповичу, что российское правительство сделает все, чтобы удовлетворить сербские требования. А они, как следовало из ноты сербского правительства, касались территорий на северной границе Новопазарского санджака, а также надежного выхода к морю. Одновременно Чарыков советовал сербам не давать повода Австро-Венгрии реализовать свои военные угрозы и не предпринимать ничего такого, что могло бы уменьшить симпатии великих держав¹. Первые переговоры, прошедшие в Петербурге, показали, что нет ни условий для предоставления территориальной компенсации, ни ясности относительно возможного созыва конференции.

Аналогичные настроения в Петербурге застал и Пашич, прибывший в российскую столицу 28 октября вместе с при-

нцем Георгием². В полученных в Белграде наставлениях для ведения переговоров значилось, что аннексия БиГ нарушила права сербского народа, что Сербия, для которой свершившееся представляет угрозу, в своем стремлении остаться «непорабощенной» и остановить экспансию Австро-Венгрии на Балканах готова потребовать выполнения следующих условий: создания сербско-черногорской зоны между австро-венгерскими и турецкими территориями, предоставления Сербии выхода к Адриатическому морю, защиты национальной идентичности и свободы народа Боснии и Герцеговины. Достижение поставленной цели требовало выполнения определенных условий: перехода отдельных районов БиГ к Сербии и Черногории для установления общей границы между ними; организации в БиГ администрации на основе «широкой автономии и демократической конституционности». Пашич был уполномочен заявить, что в случае невыполнения требований неминуемо случится кризис, который найдет выражение как во внутривнутриполитических потрясениях в самой Сербии, так и в ее «отчаянных политических шагах на международной арене»³.

29 октября состоялись первые официальные переговоры Пашича с вернувшимся из путешествия по европейским столицам Извольским. Тот сразу заявил, что надежда на предоставление Сербии территориальной компенсации невелика. Австро-Венгрия и поддерживающая ее Германия не согласятся на проведение конференции, если на ней аннексия не будет рассматриваться как дело решенное, не подлежащее пересмотру. Речь, по словам Извольского, могла идти только о других формах возмещения: в первую очередь, об адриатической железной дороге, об отказе Австро-Венгрии от претензий на Новопазарский санджак. Но и это лишь с условием, что Сербия будет сохранять спокойствие. Пашич, однако, повел себя как решительный переговорщик и настаивал на том, чтобы Россия не соглашалась на проведение конференции, на которой не будет одобрена территориальная компенсация. Без нее Сербия утратит веру в помощь России. Пашич выступал за то, чтобы Россия заявила протест великим державам в связи с отказом предоставления территориальной компенсации Сербии. Если таковой не последует, Россия должна была отменить свое участие в конференции и оставить вопрос нерешенным. От России также требовалось добиваться солидарности балкан-

ских государств, которым надлежало объединиться и вместе ожидать решения проблемы. На все это Извольский ничего не ответил⁴.

Пашичу во время переговоров помогала ориентироваться переписка с Миловановичем, который известил его о собственных беседах с Извольским, а также о встречах с западными государственными деятелями. Относительно последних, Миловановичу стало ясно, что ни одно из правительств, с которым он контактировал, не проявило готовности выступить за возвращение прежнего положения. Это было бы рискованным и грозило обострением международных отношений, что привело бы к неизвестному исходу. Международная конференция, предложенная Россией, может, и привела бы к какому-нибудь компромиссу, но только при условии, что на нее согласилась бы Австро-Венгрия. А она стала бы в ней участвовать, только если бы аннексия рассматривалась как свершившийся факт. Возможные уступки со стороны Вены стали бы минимальными. Милованович также уверился, что добиться территориального возмещения Сербии будет тяжело⁵. Извольскому он сообщил, что Белград помимо территориальных предъявит и иные требования, содержание которых до конференции останется в секрете. Эти требования касались автономии БиГ, оставления Новопазарского санджака за Турцией и проч. Милованович полагал, что следует самым энергичным образом добиваться территориальных уступок. Логика была в том, что чем меньше шансов их получения, тем больше станут прислушиваться к остальным требованиям Сербии. Узнав от Пашича о содержании его первого разговора с Извольским, Милованович в своем письме из Лондона написал, что он и дальше считает, что русские должны по-прежнему придерживаться требования территориальной компенсации, или не признавать аннексию. Но при этом еще не следовало поднимать вопрос об автономии БиГ, которым Австро-Венгрии полагалось ошарашить «на конференции, чтобы она не знала как отвергнуть предложенное решение»⁶.

Одновременно Пашич следил и за попытками находившегося в Стамбуле Новаковича прийти к соглашению с Турцией по вопросу о БиГ. Напрашивался вывод, что турки озабочены, прежде всего, болгарским вопросом. Ведь София одновременно с аннексией объявила о собственной независимости.

Поэтому Порта демонстрировала готовность договориться с Сербией о совместной позиции по болгарской проблеме. Новакович сообщал Пашичу и о проекте оборонительной и наступательной конвенции, которую Турция готова была подписать с Сербией и Черногорией⁷. Учитывая слухи, будто не за горами достижение соглашения между Турцией и Австро-Венгрией по БиГ, Пашич соглашался с мнением сербского правительства, что этому надо помешать и самим заключить союз со Стамбулом. Однако при этом надлежало детально определить, какой фактор мог бы стать причиной войны, то есть совместной обороны. Пашич выступал и за то, чтобы отдельный пункт будущего договора гарантировал строительство Адриатической железной дороги через территорию Турции. Соглашение также должно было бы предусматривать нахождение в Новопазарском санджаке турецких, сербских и черногорских гарнизонов на границе с БиГ⁸.

Из дипломатических источников, в первую очередь, австрийских, сербское правительство получало ошеломляющие известия о том, что в Вене и Будапеште имеются влиятельные круги, выступающие за войну с Сербией. Английский, российский и французский посланники в Белграде сообщали Велимировичу, что в Будапеште известные политические группы обсуждают возможный захват Белграда, а затем и всей Сербии. Российский посланник Сергеев рекомендовал прекратить сборы и обучение «добровольцев на Топчидере, так как ружье может выстрелить и случайно, и вот вам повод Австрии для нападения»⁹. Поэтому сербское правительство поручило Пашичу заверить официальные российские круги, что Сербия будет вести себя по отношению к Австро-Венгрии самым корректным образом, предпримет любые меры, дабы предотвратить какое-либо проявление враждебности в ее отношении и будет ожидать конференции и «справедливых решений», которые великие державы примут на ней¹⁰.

Однако в Петербурге старались умиротворяюще воздействовать на Сербию, от которой требовалось абсолютно невозмутимое поведение. Белграду дали понять, что Россия будет ему благоволить тем больше, чем меньше он будет предоставлять поводов для разжигания конфликта. Как заявил Чарыков, судьба Сербии в ее собственных руках¹¹. Неясным только оставалось поведение России в случае нападения на Сербию. Пря-

мого ответа не последовало. Чарыков неопределенно заявил, что Россия будет больше симпатизировать Сербии, если та не будет давать поводов для конфликта¹². Однако в послании, пришедшем в Петербург из Вены, выражалась благодарность правительству России и прочим великим державам за умиротворяющее воздействие на Сербию. По мнению Чарыкова, это был обнадеживающий сигнал, демонстрировавший, что Сербия не в изоляции, что достигнуто известное посредничество между ней и Австро-Венгрией¹³. В связи с этим российскому посланнику в Белграде было поручено передать сербскому правительству, что оно своим корректным поведением снискало симпатии великих держав.

2 ноября Пашич передал в Белград секретное сообщение, что Россия за два прошедших дня серьезно изменила свою позицию по вопросу о проведении международной конференции. Информация была неофициальная, и Пашичу ее сообщили Извольский и Чарыков. Как стало известно сербскому эмиссару, Россия примет участие в конференции, только если будет уверена в том, что Сербия и Черногория получают территориальное возмещение, а народу БиГ будут гарантированы известные права в области администрации. В противном случае Россия не станет участвовать в конференции и не признает аннексию. С учетом того, что такая позиция может вызвать опасное недовольство в Вене, российское правительство призвало Сербию демонстрировать миролюбие¹⁴. Всего несколько дней спустя Пашич узнал, что российское правительство смягчило свою позицию и вернулось к идее переговоров с Австро-Венгрией по вопросу о созыве конференции. Чарыков ознакомил его с девятью пунктами программы конференции, второй из которых касался боснийско-герцеговинского вопроса. В очередной раз прозвучало заявление, что Сербия должна вести себя спокойно, так как «Россия не может и не хочет воевать из-за Боснии». Пашич не понимал причин подобного дипломатического отступления. Казалось, Петербург испугался возможных осложнений. Поутихла и воинственность российского общественного мнения, склонявшегося к достижению компромисса.

6 ноября во время очередной встречи с Извольским тот отрицал, что обещал не признавать аннексию, о которой не желал более говорить до тех пор, «пока не соберется конфе-

рениция». По мнению Пашича, Сербия вступила на путь в неизвестность¹⁵. «Мой совет сербскому правительству и Народной скупшине — как можно быстрее подготовить армию к любому развитию событий»¹⁶, — так Пашич призывал свое правительство занять решительную позицию, не допускающую уступок.

Особое впечатление на Пашича произвела состоявшаяся 11 ноября аудиенция у Николая II, о чем свидетельствуют многочисленные отчеты и заметки. В ходе беседы, посвященной, по большей части боснийскому вопросу, российский император выражал искренние симпатии в отношении Сербии. Пашичу представился удобный случай высказаться о том, как он видит решение проблемы БиГ. При этом его концепция несколько отличалась от миловановичевской. По мнению Пашича, для сербства и славянства было бы лучше всего, если бы БиГ оказалась «под суверенитетом Порты, но под покровительством России и Австро-Венгрии». Если бы это оказалось невыполнимым, тогда следовало бы добиться образования общей границы Сербии и Черногории, что открыло бы для Сербии выход к морю. «До тех пор, пока не придет время, когда сербы освободятся от ярма австро-венгерского». Это предложение царь напрямую не прокомментировал, но из его ответа можно было понять, что проблему БиГ «нельзя решить без войны». Россия к ней не готова, но, как сказал Николай, наступит и для нее свое время. Поэтому Сербия не должна провоцировать войну, но готовиться к ней необходимо. Пашич отметил следующие слова монарха: «Россия не одобрит аннексии. Будьте уверены»¹⁷.

Прощальный визит Извольскому состоялся 19 ноября — за несколько дней до окончания миссии Пашича. Для него эта беседа стала возможностью в последний раз обсудить с российской стороной ситуацию на Балканах. Находясь под впечатлением грозных австро-венгерских предостережений относительно поведения Сербии, Извольский потребовал от нее все свои жалобы и просьбы передавать великим державам, а самой ничего не предпринимать. Вместо того, чтобы оправдываться, Пашич резко ответил, что Сербия в случае подлого на нее нападения окажет сопротивление силами двухсот тысяч солдат. Поэтому австро-венгерской армии не удастся легко овладеть сербскими городами. Любопытной была реакция Извольского на слова Николая II о том, что «Россия не признает аннексию». Извольский не разделял такой точки зрения и за-

явил, что это конференции решать¹⁸. «Из этого следует, что по проблеме аннексии есть разногласия», — писал Пашич сербскому правительству.

Тогда же Пашич обсудил с Извольским и актуальный вопрос сербско-турецких отношений, а также позицию России в связи с ним. Эту тему российский министр затронул еще раньше (6 ноября), поинтересовавшись, каковы отношения Сербии и Болгарии после объявления болгарской независимости, совпавшего с аннексией и холодно встреченного сербским обществом. Извольский посоветовал поддерживать корректные отношения с Болгарией, которую хорошо было бы отдалить от Австро-Венгрии и приблизить Сербии и Турции¹⁹. Однако в тот момент ничего определенного Пашич ответить на это не мог, так как многое зависело от переговоров, которые Новакович вел в Стамбуле, и от возможного заключения сербско-турецкого союза. Учитывая, что односторонним решением Болгарии больше всех была недовольна Турция, существовала вероятность конфликта между Болгарией, с одной стороны, и Сербии и Турции, с другой. В Петербурге категорически возражали против такого развития событий, что сказалось и на содержании прощальной беседы, о которой идет речь. Извольский в ответ на просьбу Пашича поспособствовать сербско-турецкому сближению заявил, что единственным приемлемым решением видит достижение обоими государствами соглашения с Болгарией, которую также следует убеждать в его необходимости²⁰.

Завершившуюся миссию Пашича следует признать неудачной. В Петербурге он решительно убеждал российские официальные круги не относиться к аннексии, как к свершившемуся факту. Однако для его собеседников важнее всего было то, чтобы Сербия вела себя спокойно и не давала поводов Австро-Венгрии для развязывания войны. Различные точки зрения и очевидные колебания российского внешнеполитического курса убедили Пашича в том, что не надо возлагать больших надежд на российскую поддержку. В связи с этим уместно привести характеристику внешней политики Петербурга, данную Стояном Новаковичем. Сербский эмиссар, находившийся в Стамбуле, и сам испытал разочарование от встреч с турецкими официальными лицами и послами великих держав, в первую очередь, — с послом России Зиновьевым: «Царь — одно,

Извольский — другое, Зиновьев — третье»²¹. Разочаровало Пашича и российское общественное мнение. Печать и депутаты Думы быстро утрачивали воинственный настрой, как только осознавали, что не в состоянии повлиять на изменение политики правительства. После всего увиденного напрашивался вывод: «Общественное мнение и царь на нашей стороне, но Извольский хочет, чтобы все закончилось мирно. При этом не важно, что Сербия ничего не получит»²².

Доклад о своей миссии в Петербурге Пашич представил в 29 декабря на одном из тайных заседаний Народной скупщины, на котором обсуждалась внешняя политика правительства. В качестве докладчиков выступали и Милованович, и Новакович, а в дебатах приняли участие многие депутаты. В своем экспозе Пашич описал все дилеммы, перед которыми стояли российские официальные круги. С уверенностью можно было говорить, что в России склоняются к тому, чтобы отложить решение спорных вопросов на Балканах или урегулировать их мирным способом. Сербии же рекомендовалось негласно вести военную подготовку и ждать «удобного момента». В своем выступлении Пашич подверг критике и политику Сербии в период аннексионного кризиса. По его мнению, следовало ввести войска в Новопазарский санджак, после чего и Австро-Венгрия, и Болгария, и Сербия должны были бы предстать перед международным судом в связи с нарушением Берлинского договора. Кроме того, Пашич сказал, что следовало сразу потребовать предоставления «автономии Боснии и Герцеговины под сюзеренитетом Султана и под гарантии великих держав, с правом для БиГ самостоятельно заключать торговые соглашения»²³.

Это была как раз та идея, которую Пашич ранее отстаивал в Петербурге перед царем. Более того, и 3 января 1909 г. на открытом заседании Народной скупщины Пашич представил письменное предложение соответствующего содержания, которое он просил принять единогласно с тем, чтобы правительство после этого ходатайствовало перед великими державами, дабы те при ревизии Берлинского договора «обеспечили политическую и экономическую самостоятельность Сербии и Черногории»²⁴. Документ гласил, что Народная скупщина уверена, что это возможно, только если «Босния и Герцеговина получают международный статус вассального княжества под

скипетром Его Величества Султана, гарантируемый великими державами». Предложение Пашича было принято только с одним голосом против.

Перевод с сербского АА. Силкина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив Србије (Далее — АС). Министарство иностраних дела (Далее — МИД). Политичко одељење (Далее — ПО). 1908. Фасц. I. Дос. II. Пов. бр. 1824, Д. Поповић — МИД, Петроград 25. септ. 1908; Там же. Фасц. I. Дос. III, Д. Поповић — МИД, Петроград 27. септ. 1908; Там же. Фасц. I. Дос. V. Пов. бр. 2004; Д. Поповић — МИД, Петроград 7. окт. 1908; Там же. Фасц. I. Дос. VI. Пов. бр. 2024, Д. Поповић — МИД, Петроград 9. окт. 1908.

² Все даты в основном тексте — по новому стилю. В сносках, даты создания документов указаны по старому стилю.

³ АС. МИД. ПО. 1908. Фасц. IV. Дос. I. Пов. бр. 3504. „Упутства Г. Николи Пашићу“, Београд 2. окт. 1908.

⁴ Там же. Фасц. II. Дос. II. Пов. бр. 2443. Н. Пашић — МИД-у, Београд 16. окт. 1908; Там же. Пов. бр. 2444, Пашић — МИД-у, Петроград 17. окт. 1908.

⁵ Там же. Фасц. I. Дос. IV. Пов. бр. 1893. Посланство Кр. Србије у В. Британији — МИД-у, Лондон 30. септ. 1908; Там же. Фасц. II. Дос. I, М. Миловановић — МИД-у, Берлин 11. окт. 1908; Там же. Фасц. III. Дос. VI, Посланство Кр. Србије у Немачкој — Посланству у Русији, Берлин 13. окт. 1908.

⁶ АС. Хартије Н. Пашића. Фас. III. М. Миловановић — Н. Пашићу, Петроград 16. окт. 1908; АС. МИД. ПО. 1908. Фас. I. Дос. II. Пов. бр. 2458, М. Миловановић — МИД, Лондон 18. окт. 1908.

⁷ АС. МИД. ПО. 1908. Фас. III. Дос. VII. Пов. бр. 3569. МИД — Посланству у Петрограду (за Пашића), Београд 17. окт. 1908.

⁸ Там же. Фасц. III. Дос. VII. Пов. бр. 3597, Н. Пашић — МИД, Петроград 21. окт. 1908.

⁹ Там же. Фасц. II. Дос. III. Реферат Председнику Министарског савета П. Велимировићу, Београд 19. окт. 1908.

¹⁰ Там же. Пов. бр. 2477. МИД — Посланству у Петрограду (за Пашића), Београд 20. окт. 1908.

¹¹ Там же. Фасц. II. Дос. III. Пов. бр. 2481. Посланство Краљевине Србије у Русији — МИД-у, Петроград 21. окт. 1908.

¹² Там же. Пов. бр. 2507. Посланство Краљевине Србије у Русији — МИД, Петроград 21. окт. 1908.

¹³ Там же. Фасц. II. Дос. IV. Пов. бр. 2550, Посланство у Русији — МИД, Петроград 28. окт. 1908.

¹⁴ Там же. Фасц. II. Дос. III. Пов. бр. 2478, Н. Пашић — МИД-у, Петроград 20. окт. 1908; Там же. Пов. бр. 2480, Н. Пашић — МИД-у, Петроград 21. окт. 1908.

¹⁵ Там же. Фасц. II. Дос. IV. Пов. бр. 2538, Н. Пашић — МИД, Петроград 24. окт. 1908.

¹⁶ Там же. Фасц. II. Дос. IV. Пов. бр. 2539, Н. Пашић — МИД, Петроград 24. окт. 1908.

¹⁷ Там же. Фасц. II. Дос. IV. Извештај Николе Пашића о пријему код Цара, Петроград 29. окт. 1908; Там же. Пов. бр. 2568, Н. Пашић — МИД, Петроград 30. окт. 1908.

¹⁸ Там же. Фасц. II. Дос. III. Пов. бр. 2480, Концепт Пашићевог извештаја Министру председнику П. Велимировићу, Петроград 6. нов. 1908; Там же. Фасц. II. Дос. VI. Пов. бр. 2856, Н. Пашић — МИД, Петроград 6. нов. 1908.

¹⁹ Там же. Фасц. II. Дос. IV. Пов. бр. 2538, Н. Пашић — МИД, Петроград 24. окт. 1908; Там же. Пашић — МИД, Петроград 25. окт. 1908.

²⁰ Там же. Фасц. III. Дос. II, Пов. бр. 2856, Пашић — МИД, Петроград 6. нов. 1908; Там же. Дос. V, Н. Пашић — МИД-у, Петроград 6. нов. 1908.

²¹ АС. Фонд Стојана Новаковића. Бр. 502, Забелешка Стојана Нованковића, Цариград 30. нов. 1908.

²² АС. МИД. ПО. 1908. Фасц. II. Дос. III, Концепт извештаја Н. Пашића Министру председнику П. Велимировић, Петроград 6. нов. 1908.

²³ Документи из доба анексије 1908. године — Г. Никола Пашић о својој мисији у Петрограду. Експозе у тајној седници Народне Скупштине, Време, бр. 1474, 26. јануара 1926.

²⁴ Босна и Херцеговина у Народној Скупштини Краљевине Србије на састанцима 29 септембра, 20 и 21 децембра 1908. Год. Београд, 1909. С. 75—76.

АЛЕКСАНДАР РАСТОВИЧ

Сербский вопрос в политике
Великобритании и России.
1912—1913 гг.

Первая балканская война стала поворотным событием в судьбе балканских народов и государств, которым после многовековой национально-освободительной борьбы удалось окончательно освободиться из под власти турок. Всего несколько недель потребовалось войскам стран Балканского союза, чтобы нанести поражение армии Османской империи и заставить ее покинуть свои европейские владения. Однако за впечатляющими успехами на поле боя последовал более сложный этап, во время которого балканским союзникам пришлось отстаивать свои военные достижения на зеленом сукне — на мирной конференции в Лондоне.

Что касается Сербии, то она, как справедливо отмечает академик Михайло Войводич, вступила в Первую балканскую войну с целью окончательного освобождения из под многовекового турецкого ига собственного населения и территорий, а также обретения выхода на Адриатическое море, что должно было обеспечить достижение ее политической и экономической независимости¹. Несмотря на недостаточную военную оснащенность, сербы за короткое время добились впечатляющих военных результатов. В ходе своеобразного «блицкрига» они освободили территорию Старой Сербии (Вардарскую Македонию, область Рашка, Косово и Метохию), вышли на адриатическое побережье и заняли города Леш и Дуррес². Освобождение Старой Сербии и Вардарской Македонии представляло собой результат длительного исторического процесса. Его завершение потребовало от Сербии многолетних военных, политических и экономических приготовлений. В то же

время следует подчеркнуть, что окончательный успех зависел не только от потенциала и готовности самой Сербии и ее балканских союзников, но и от общей международной ситуации, сложившейся в тот момент³.

В течение Первой балканской войны острота сербского вопроса проявлялась в двух нерешенных проблемах. Первая касалась выхода на Адриатическое море и получения Сербией порта на албанском побережье. Суть второй заключалась в определении будущих восточных границ новосозданного албанского государства, которые, по представлениям сербского правительства, глубоко вгрызались в этнические и исторические сербские территории.

Великие державы, с первых дней войны пристально следившие за успехами сербского оружия, оказали решающее влияние на решение сербского вопроса в 1912—13 гг. Сербские территориальные запросы на Лондонской мирной конференции были удовлетворены, но не в той мере, как это хотелось Белграду.

В данном исследовании нам предстоит прояснить отношение России к сербскому вопросу и сербским территориальным требованиям, выдвинутым в ходе Первой балканской войны. При этом на политику царизма мы намерены взглянуть через призму активности находившегося в Петербурге британского дипломатического представителя Джорджа Бьюкена. Данный подход оправдан тем, что применительно к сербскому вопросу для британского правительства и шефа Форин оффиса Эдварда Грея позиция России была особенно значимой. В британском внешнеполитическом ведомстве отдавали себе отчет в том, что Австро-Венгрия, чтобы помешать удовлетворению сербских территориальных требований, не остановится ни перед войной, в которую могли бы быть вовлечены державы Тройственного союза и Тройственного соглашения. Поэтому в Лондоне с особым вниманием следили за тем, что в эти месяцы происходит по линии Петербург-Белград. Через русского министра иностранных дел Сергея Сазонова Эдвард Грей пытался воздействовать на Николу Пашича и сербское правительство, дабы оно уменьшило собственные территориальные аппетиты до разумных, реалистичных пределов.

В первые недели войны Сербия непреклонно настаивала на территориальном решении, согласно которому ей бы предо-

ставлялся выход на Адриатическое море и порт на севере албанского побережья. Любопытно, что поначалу и Э. Грей в принципе признавал справедливость подобных требований. Однако по мере того, как становилось ясно, что Вена не согласится с подобным исходом, Грей начал оказывать прямое и опосредованное давление на сербский кабинет, дабы тот отказался от своего намерения и согласился на какое-нибудь другое решение, приемлемое для Австрии. Непосредственное воздействие на сербское правительство осуществляли британский посланник в Белграде Ральф Педжет и сам Э. Грей — через секретаря сербского посольства в Лондоне Славко Груича. Что касается непрямого давления, то его оказывал посол Бьюкенен, контактировавший с Сергеем Сазоновым. Грей полагал, что Сербия с большей готовностью согласится с его предложениями, если они будут озвучены через российского министра иностранных дел.

Донесения британских дипломатов из Санкт-Петербурга ясно демонстрируют, что Сазонов в связи с сербским вопросом в те месяцы находился между молотом и наковальней. С одной стороны, он должен был принимать во внимание безмерную поддержку российским общественным мнением Сербии и ее территориальных притязаний. С другой, Сазонов осознавал, что их реализации Австро-Венгрия будет препятствовать даже ценой войны, к которой Россия, не оправившаяся от поражения от Японии, еще была не готова. При этом любопытно, что Бьюкенен в это время постоянно указывает на то, что публичным высказываниям российского министра по сербскому вопросу была присуща попеременно то воинственная, то примирительная тональность.

В своих донесениях в Лондон Бьюкенен сообщал, что Сазонов решительно поддерживал Белград на начальном этапе войны, когда были озвучены сербские требования относительно выхода к морю. Но столкнувшись с непримиримой позицией Австро-Венгрии, он, по словам Бьюкенена, стал склоняться к компромиссному решению, суть которого сводилась к удовлетворению сербских экономических интересов — предоставлению ей железнодорожного пути, который находился бы под международным контролем, и по которому Сербия доставляла бы свои товары до нейтрального порта на Адриатике.

О получении Сербии выхода к морю Джордж Бьюкенен провел серию переговоров с министром Сазоновым в конце

октября — начале ноября 1912 г. Впервые тема была затронута 24 октября, когда британскому послу было сообщено, что, согласно имеющейся информации, Сербия решительно намерена потребовать выход на Адриатику в виде узкой полосы албанской территории, на которой следовало бы построить железную дорогу до порта Сан-Джованни-Ди-Медуа⁴. Тогда же Сазонов высказал уверенность в том, что можно рассчитывать на получение согласия Австро-Венгрии на удовлетворение данных требований. Однако, удостоверившись, что Австрия не собирается легко отказываться от своей первоначальной позиции, глава российского МИДа несколько дней спустя попросил британского посла о посредничестве с целью смягчения позиции Вены в отношении сербских территориальных запросов. Точнее говоря, в Петербурге полагали, что Великобритании следует озаботиться тем, как повлиять на Вену, чтобы та пошла на уступки и согласилась на предоставление Сербии части албанского побережья Адриатического моря⁵.

Одновременно Сазонов провел переговоры с послом Германии Фридрихом Пурталесом, дабы убедить его в том, что сербский порт на Адриатике ни в коем случае не станет угрожать интересам Австро-Венгрии, а также в том, что Сербия никогда не станет морской державой. Тем самым посылался завуалированный примирительный сигнал Австрии⁶. Скепсис немцев в отношении подобных заверений усилился после слов секретаря сербского посольства в Берлине Милоша Богичевича о том, что Сербия претендует на всю Албанию. Германский секретарь иностранных дел, в разговоре с которым прозвучало данное заявление, расценил позицию собеседника как проявление «безумия». Следует отметить, что Богичевич в своих откровениях пошел еще дальше и заявил, что Россия осведомлена о намерениях Сербии и полностью их поддерживает.

Позднее германский госсекретарь провел переговоры и с британским послом Эдвардом Гошеном, которому высказал мнение, что речь все-таки идет о личной точке зрения российского посланника в Белграде Николая Гартвига, а не об официальной позиции России. Немецкий дипломат назвал требования Сербии дурными, но еще сильнее его возмутило заявление российского посла в Париже Александра Извольского о том, что Россия снова будет унижена, если Сербия вследствие сопротивления Вены не сможет получить выход к Адриатике⁷.

Надежды Сазонова на благосклонность Австрии в отношении территориальных компенсаций балканским государствам, в целом, и выхода Сербии к морю, в частности, развеялись после слов австро-венгерского посла в Петербурге графа фон Турна, заявившего 7 ноября 1912 г., что Вена исключает возможность предоставления территориальных компенсаций членам Балканского союза.

Однако на тот момент Сазонов продолжал поддерживать сербское требование выхода к Адриатическому морю, что подтверждают его слова: «Необходимо считаться с серьезными сербскими запросами. И это в интересах Австрии, которая не должна противиться их реализации». Турн заявил Сазонову, что австрийская общественность выступает против предоставления Сербии выхода к морю, и что австрийские интересы должны быть обеспечены чем-то более весомым, чем торговое соглашение. Однако Сазонов со своей стороны как раз полагал, что для гарантий австрийских интересов нет ничего лучше, чем торговый договор⁸.

Вывод о том, что достижение консенсуса с Австрией будет затруднительным, Эдвард Грей сделал на основании многочисленных депеш, получаемых из Вены. Об этом свидетельствует письмо, отправленное им послу Бьюкенену 7 ноября 1912 г. Он ясно предостерегает, что вопрос порта на Адриатике, жизненно важный для Сербии, станет источником осложнений во взаимоотношениях с Австрией. Впрочем, одновременно он полагал, что возможен компромисс между австрийскими интересами и «естественным требованием» предоставления самостоятельного экономического выхода к морю. Его достижение означало, что Сербии следовало пойти на уступки ради мирного решения противоречий, о чем и был уведомлен Сазонов⁹.

И сам Бьюкенен отметил некоторое смягчение позиции Сазонова, заявившего в ходе состоявшихся 8—9 ноября бесед, что некорректно отрицать право Сербии на выход к морю, ибо Сербия представляет собой фактор, с которым необходимо считаться. Однако Бьюкенен напомнил собеседнику, что следование этнографическому принципу не дает Сербии прав на часть Албании. Гарантией ее экономических интересов стала бы реанимация старой идеи постройки трансбалканской железной дороги, ведущей к терминалу в одном из портов на

Адриатике. Джордж Бьюкенен подчеркивает, что Сазонов согласился с идеей предоставления Сербии торгового выхода к морю, но при этом отметил, что Белград едва ли согласится с подобным предложением¹⁰.

На следующий день состоялся новый разговор Бьюкенена и Сазонова, в позиции которого произошли изменения. Как отмечал Бьюкенен, российский министр иностранных дел по сравнению с предыдущими раундами переговоров высказывался примирительно и демонстрировал большую готовность к сотрудничеству. Сазонов придерживался мнения, что следует сделать все, чтобы вопрос об адриатическом порте учитывался при принятии общего решения на будущей мирной конференции. При этом он подчеркнул, что никогда не подстрекал Сербию к тому, чтобы она претендовала на всю Албанию. А в разговоре с Пашичем заявил, что по вопросу о статусе Драча сербское правительство не может рассчитывать на помощь России. Тем не менее, Сазонов опять подтвердил, что Петербург поддерживает требование Сербии о предоставлении ей одного порта. Одновременно он заверил, что российская сторона позитивно смотрит на развитие австрийско-сербских торговых отношений, то есть на подписание нового договора, но возражает против создания таможенного союза.

Бьюкенен откровенно ответил, что, если Россия будет любой ценой поддерживать сербские притязания, то она рискует спровоцировать войну с Австрией. Кроме того, британский дипломат заявил, что не может представить, чтобы русский царь позволил себе ввязаться в войну только ради того, чтобы Сербия получила часть албанской территории, тогда как ее экономические интересы могут быть удовлетворены строительством железной дороги и соответствующими гарантиями. Соглашаясь с собеседником, Сазонов сказал, что был бы удовлетворен, если бы Сербии предоставили торговый выход к Адриатике, аналогичный австрийскому выходу к Эгейскому морю. И все-таки он высказал сомнение в реалистичности предложенного, так как не верил в согласие сербов, которые, «как он опасался, потеряли рассудок». Такую языковую конструкцию приводит Бьюкенен. В конце Сазонов несколько раз повторил, что, если бы Австрия напала на Сербию, дабы принудить ее отказаться от притязаний на выход к морю, ничто не смогло бы удержать Россию от вступления в войну¹¹.

В целом примирительная тональность риторики Сазонова, озвученной 9 ноября, характеризовала и сказанное им в разговоре с Бьюкеном несколько дней спустя. Сазонов в очередной раз заявил, что при решении балканской проблемы надо считаться с российским общественным мнением, которое все более недовольно австрийским противодействием Сербии, стремящейся овладеть портом на Адриатике. Бьюкеном напоминает, что Сазонов с самого начала кризиса придерживается той позиции, что сербские требования законны и должны быть удовлетворены. Это, по словам британского представителя, напрямую воодушевляет сербское правительство, настраивая его на отстаивание собственных притязаний. В ходе разговора Бьюкеном предостерег Сазонова, заявив, что его безапелляционная поддержка сербских требований может привести к войне со странами Тройственного союза, исходом которой могло бы стать новое унижение России. Посол снова повторил, что для Сербии, по сравнению с узким коридором через албанскую территорию, намного выгодней было бы защитить собственные интересы посредством железной дороги. Сазонов, соглашаясь с этим, повторил, что Сербия не примет озвученное предложение, так как полагает, что Албания это территория Турции, и что она, то есть Сербия, имеет право занять порт на албанском побережье как участница военного конфликта. Бьюкеном подытоживает, что во взглядах Сазонова присутствуют примирительные мотивы, и что он готов сделать все, чтобы предотвратить международные осложнения¹².

О готовности Сазонова уступить и принять предложение предоставить Сербии экономические компенсации вместо выхода к Адриатике Бьюкеном писал 14 ноября в письме Артуру Николсону — постоянному заместителю секретаря иностранных дел. Бьюкеном напоминает, что Сазонов согласен с тем, что Сербия должна быть довольна договором, гарантирующим ее экономические интересы, но не верит, что она с этим смирится. Миролобивый настрой Сазонова по сербскому вопросу и его уступчивость в отношении Вены Бьюкеном объяснял тем, что российский министр осознал солидарность государств Тройственного союза, не желавших допустить Сербию к морю. Любопытно, что изменение позиции Сазонова по сербской проблеме заметил и один русский журналист, с которым Бьюкеном имел беседу¹³.

Убедить Сербию отказаться от порта на Адриатике, как того хотели в Лондоне, стало тяжелей после сказанного Сергеем Сазоновым Бьюкенену 16 ноября 1912 г. Смысл слов заключался в том, что Сербия после всех своих побед имеет право на территориальные компенсации, что Россия поддержит ее требования, включая предоставление порта Сан-Джованни-Ди-Медуа с коридором до города Призрен, но без права содержания военных кораблей и строительства прибрежных укреплений. И это, дескать, «было бы разумное решение, которое Грей поддержит». Тем не менее, Сазонов согласился, что было бы безумием воевать из-за одного порта¹⁴. Ту же позицию Бьюкенену озвучил и председатель правительства Владимир Кокковцов, образно заявивший, что «Сербия не может жить без адриатического порта, как легкие не могут дышать без воздуха»¹⁵.

Новое ужесточение позиции Сазонова и Кокковцова привело в замешательство Бьюкенена, который не мог понять, в чем причина изменения отношения к требованиям сербов. Мнение Бьюкенена о переменчивом поведении главы российского МИДа отражено в его отчете от 28 ноября 1912 г., в котором он жалуется Артуру Николсону на постоянные изменения взглядов Сазонова: «Тяжело уследить за постоянным чередованием фаз пессимизма и оптимизма... Этот человек не способен держиваться одного и того же мнения два дня подряд»¹⁶.

Очередной поворот произошел 19 ноября, когда Сазонов сообщил Бьюкенену, что ему лично Леопольд фон Берхтольд сказал, что нельзя согласиться с предоставлением Сербии порта Сан-Джованни-Ди-Медуа. Британский дипломат ответил, что порт представляет собой минимум сербских требований и максимум того, на что готова пойти Австрия, которую надо убедить уступить по этому вопросу в обмен на заявление Англии, что она не поддержит другие сербские притязания на албанскую территорию. Сазонов сказал, что готов сообщить об этом Сербии, а также убедить ее отказаться от остальных требований. Любопытно, что Артур Николсон на обратной стороне данного донесения, подписанного Бьюкененом, написал в качестве подсказки Грею, что он сомневается в том, что Сербия получит порт в свое распоряжение. В этой ситуации Великобритании следовало бы вести себя сдержанно и ничего не предпринимать во данному вопросу¹⁷. Одновременно Бьюкенен записывает, что Сазонов склоняется к тому, чтобы при-

нять предложение французского премьера Раймона Пуанкаре, согласно которому Сербия бы получила выход на Адриатику в виде нейтрального порта между Черногорией и территорией, которую передадут Албании¹⁸.

25 ноября 1912 г. британскому министру иностранных дел позицию Австрии разъяснил посол Альберт Менсдорф, подчеркнувший, что получение сербами порта и коридора к нему мало реалистично, так как после этого они стали бы требовать еще больше¹⁹. В результате вопрос порта Сан-Джованни-Ди-Медуа был снят с повестки дня.

После этого недвусмысленного заявления, что Австрия не позволит Сербии выйти к морю, Грей выдвинул идею экономических компенсаций. Принимая во внимание, что прямое давление не приносило результатов, даже с учетом многочисленных обещаний, данных Пашичем посланнику Ральфу Педжету, Эдвард Грей использовал тактику, опробованную еще во время аннексионного кризиса и состоявшую в том, чтобы при посредничестве России добиться согласия Сербии на решение, которое ей будет предложено. Сазонов действительно использовал свое влияние на сербское правительство, убедив его смягчить свою позицию. Бьюкенен оповестил Грея о том, что Белград выразил готовность вынести решение вопроса собственного экономического доступа к морю на суд великих держав²⁰.

Следуя русским рекомендациям, Никола Пашич 16 декабря 1912 г. проинструктировал сербских делегатов на конференции, как им действовать, если они уверятся, что Сербии будет проблематично добиться выхода к морю. В случае, если даже Турция будет согласна с сербским требованием, но Австрия воспротивится, следует добиваться, чтобы албанское приморье осталось за Турцией, которая за это должна признать за Сербией более выгодную границу. Так Сербия избежала бы спора с Австрией и «перевела бы стрелки» на Турцию. Пашич также советовал не включать в повестку дня вопрос строительства железной дороги через Албанию без предварительной консультации с английским правительством²¹. Груич проинформировал Грея, что сербские делегаты получили инструкцию предоставить великим державам решать вопрос выхода к морю. Британский министр посчитал это проявлением мудрости, выразив надежду на то, что великие державы придумают какой-нибудь вариант торгового доступа к морю через свобод-

ный порт²². На этом закончилось своеобразное соперничество в лукавстве между британской и сербской дипломатией.

Усилия Великобритании формально решили проблему сербского выхода к морю в результате принятия компромиссного и практически нереализуемого варианта. Сербии полагался торговый выход к морю по железной дороге, ведущей к свободному и нейтральному порту. Принятие этого решения состоялось 17 декабря 1912 г. на пленарном заседании конференции послов великих держав, на которой было провозглашено формирование автономного албанского государства, граничившего с Черногорией на севере и с Грецией на юге²³. Так разбились иллюзорные надежды сербов на обретение выхода к Адриатическому морю.

Следовательно, усилиями Грея и при поддержке Сазонова вопрос решился, но из всех вышеописанных перипетий победителем вышла Австрия, помешавшая Сербии получить выход к морю. Этот результат подтолкнул Вену к дальнейшему выдвижению собственных требований. Ведь Грей, как стало ясно, был готов удовлетворить любое из них, дабы положить конец Балканской войне и предотвратить развязывание войны мировой.

Второй аспект сербской проблемы, находившийся в центре внимания российской и британской дипломатии, касался определения восточных границ Албании, а также принадлежности нескольких городов (Призрен, Печ, Джаковица, Дебар, Скадар), в которых сербы были особенно заинтересованы. И снова, поддавшись давлению Австрии, Грей пошел на уступки и потребовал от Сербии отказаться от требования нескольких городов на восточной границе с Албанией. Что касается сербского правительства, то после поражения в битве за выход к морю, оно все свои силы бросило на достижение максимально выгодной границы с Албанией. Инструкции соответствующего содержания Пашич послал Новаковичу 19 ноября²⁴.

Британская дипломатия пристально следила за заявлениями сербских официальных лиц по проблеме границ будущего албанского государства. В донесениях из Белграда освещалась и реакция сербского общества, полагавшего, что Сербию несправедливо лишают плодов ее военных достижений. Не осталось без внимания и мнение российских официальных кругов. Посол в Лондоне граф Александр Бенкендорф 14 января 1913 г. известил Грея о позиции Сазонова, заявившего, что

Россия не уступит в вопросе принадлежности Скадара, если предложение Сербии, касающееся восточных границ Албании, будет отвергнуто. На это Эдвард Грей ответил, что Австрия, наверное, уступит по вопросу принадлежности городов Печ, Призрен и, вероятно, Дебар. Что касается Джаковицы, то ее населяют преимущественно албанцы, и поэтому нельзя согласиться с логикой Белграда, готового ввязаться в войну из-за нескольких километров спорных территорий²⁵.

Интересно, что Грей, несколько раз повторявший, что является другом Сербии²⁶, в конце января 1913 г. был готов пойти на компромисс, то есть склонялся к тому, чтобы обеспечить ей территориальную компенсацию на восточной границе с Албанией. При этом британский министр всячески стремился избежать войны²⁷, которая, по его мнению, могла бы уничтожить и само сербское государство. В результате камнем преткновения стали города Дебар и Джаковица, по вопросу принадлежности которых Сербия заняла бескомпромиссную позицию.

После того, как Сербия четко озвучила претензии на Дебар и Джаковицу, Грей обратился к России с требованием определиться, на какие уступки она готова пойти. Ответ Сазонова предполагал исключение из состава будущей Албании горы Тарабош, долины реки Люма, Джаковицы и Дебара, но одновременно впервые допускалось, что Скадар будет албанским²⁸. Таким образом, Россия делала шаг навстречу Австрии. В случае уступок Вены по вопросу Джаковицы и Дебара, Петербург был готов прекратить настаивать на сербской принадлежности Тарабоша и люмской долины. Ответ Австрии на российское предложение 20 февраля озвучил Альберт Менсдорф, обративший внимание Грея на то, что спорными являются пять населенных пунктов: Скадар, Дебар, Джаковица, Призрен и Печ. Что касается двух последних, то Австрия, по словам Менсдорфа, была готова пойти на уступки. Тогда как Россия предполагала уступить только Скадар. Австрийский представитель отметил, что в случае лишения Албании Джаковицы и Дебара она бы осталась вообще без городов. Тем не менее, он намекнул на возможность того, чтобы Австрия пошла на компромисс по Дебару, что стало бы ее последней уступкой. Далее можно было бы говорить лишь о преждевременном прекращении работы конференции²⁹. После данного уточнения спорным остался только статус Джаковицы. Грей был осведомлен об аргументации

российской стороны, отстаивавшей интересы Сербии. Россия поставила все на религиозные соображения, согласно которым город должен был бы достаться сербам. Речь шла о монастыре Высокие Дечаны, имевшем для сербов особое значение.

С другой стороны Грей осознавал, что хотя в Джаковице проживает всего шесть тысяч жителей, от судьбы этого города зависит, будет ли война. Ему лично было совершенно непонятно, почему такой вопрос может спровоцировать конфликт между великими державами³⁰. Однако нельзя было по-прежнему оказывать давление на Россию, ранее пошедшую на значительные уступки. В конце концов, Грей пришел к твердому убеждению, что проблему решит только передача Джаковицы Сербии. С этой целью он прибегнул к своей хорошо известной и уже опробованной эквилибристике. Предполагалось, что, после того как Австрия отступит по вопросу Джаковицы и Дебара, Россия перестала бы настаивать на том, чтобы Скадар перешел Черногории. Ведь Скадар для Албании важнее Джаковицы, поэтому уступка со стороны России была бы намного значительней, чем австрийская³¹. В результате такая комбинация означала бы решение проблемы и помогла бы избежать войны. Австрия полностью согласилась с планом Эдварда Грея, который сразу отправил Бьюкенену поручение узнать, что скажет Сазонов³².

Российский министр 12 мая послал Бьюкенену российское предложение урегулирования вопроса албанской границы, в котором подчеркивалось, что, если Австрия не станет настаивать на принадлежности Джаковицы Албании, Россия самым энергичным образом потребует от Белграда и Цетинья снять осаду Скадара. Одновременно Сазонов предполагал, что Джаковица должна достаться Сербии. Согласно предложенному компромиссу, Австрия бы заявила, что дает на это принципиальное согласие, сформировалась бы международная комиссия, которая детально бы изучила вопрос разграничения, а Россия удовлетворилась бы ее вербальным заключением³³. Сербия, демонстрируя готовность к уступкам, сообщила австрийскому правительству, что отведет войска от Скадара, если великие державы объявят о переходе города к Албании. После этого последовало новое дипломатическое «перетягивание каната» и длительная переписка. В конце концов 21 марта посол Менсдорф передал министру Грею, что Австрия отступит по вопросу Джаковицы, если будет гарантирована эффектив-

ная защита албанского меньшинства и католиков на землях, доставшихся Сербии, и если Белград отведет войска с территории, предназначенной Албании. С этим предложением согласился и Сазонов. В результате после нескольких месяцев неопределенности Сербия реализовала свои требования и получила, помимо Печи и Призрена, Дебар и Джаковицу.

Перевод с сербского АА. Силкина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Војводић М.* Србија и македонско питање. // Историјски гласник. 1990. (1990—1992). № 1—2. Београд, 1992. С. 46.

² *Он же.* Прилике на Косову и Метохији. С. 189—190.

³ *Терзић С.* Стара Србија (XIX-XX век). Драма једне цивилизације. Нови Сад-Београд, 2012. С. 177.

⁴ British Documents on the Origins of the War 1898—1914, ed. by G.P. Gooch and H. Temperley. (Далее — B.D.) Vol. IX. The Balkan Wars, part II The League and Turkey. London, 1934. № 78. G. Buchanan to E. Grey. October 30, 1912. P. 65.

⁵ B.D. Vol. IX. Part II. № 85. G. Buchanan to E. Grey. November 1, 1912. P. 71.

⁶ B.D. Vol. IX. Part II. № 99. G. Buchanan to E. Grey. November 5, 1912. P. 99.

⁷ B.D. Vol. IX. Part II. № 151. E. Goshen to E. Grey. November 7, 1912. P. 114.

⁸ B.D. Vol. IX. Part II. № 155. E. Grey to G. Buchanan. November 7, 1912. P. 116.

⁹ B.D. Vol. IX. Part II. № 145. E. Grey to G. Buchanan. November 7, 1912. P. 110; B.D. Vol. IX. Part II. № 171. G. Buchanan to E. Grey. November 9, 1912. P. 127.

¹⁰ B.D. Vol. IX. Part II. № 161. G. Buchanan to E. Grey. November 8, 1912. P. 119.

¹¹ B.D. Vol. IX. Part II. № 171. G. Buchanan to E. Grey. November 9, 1912. P. 127—128.

¹² B.D. Vol. IX. Part II. № 195. G. Buchanan to E. Grey. November 13, 1912. P. 148—150.

¹³ B.D. Vol. IX. Part II. № 205. G. Buchanan to A. Nicolson, November 14, 1912. P. 156—158.

¹⁴ B.D. Vol. IX. Part II. № 216. G. Buchanan to E. Grey. November 17, 1912. P. 162—163.

¹⁵ B.D. Vol. IX. Part II. № 218. G. Buchanan to E. Grey. November 17, 1912. P. 164—165.

¹⁶ B.D. Vol. IX. Part II. № 303. G. Buchanan to A. Nicolson. November 28, 1912. P. 227.

¹⁷ B.D. Vol. IX. Part II. № 235. G. Buchanan to E. Grey. November 19, 1912. P. 177.

¹⁸ B.D. Vol. IX. Part II. № 254. G. Buchanan to E. Grey. November 22, 1912. P. 189—190.

¹⁹ B.D. Vol. IX. Part II. № 275. G. Buchanan to F. Cartwright. November 25, 1912. P. 203—204.

²⁰ B.D. Vol. IX. Part II. № 371. G. Buchanan to E. Grey. December 11, 1912. P. 275—276.

²¹ Архив Србије (Далее — АС). МИДС. ПО. 1912. Р. Ф-Анекс. Д-Лондонска конференција 1912—1913. Пов. бр. 17. Председник Министарског савета и министар иностраних дела Краљевине Србије Никола Пашић-Посланству Краљевине Србије у Великој Британији. 3/16.XII 1912.

²² B.D. Vol. IX. Part II. № 392. E. Grey to R. Paget. December 18, 1912. P. 293—294; АС. МИДС. ПО. 1912. Ф-Анекс, Д-Лондонска конференција 1912—1913. Пов. бр. 20. Први делегат Краљевине Србије на Конференцији мира у Лондону Стојан Новаковић-Председнику Министарског савета и министру иностраних дела Краљевине Србије Никола Пашићу. 5/18. XII 1912.

²³ B.D. Vol. IX. Part II. № 391. E. Grey to F. Cartwright, December 17, 1912. P. 292—293.

²⁴ АС. МИДС. ПО. 1912. Р. Ф-Анекс. Д-Лондонска конференција 1912—1913. Пов. бр. 26. Н. Пашић-посланству Србије у Великој Британији. 6. /19. XII 1912.

²⁵ B.D. Vol. IX. Part II. № 507. E. Grey to G. Buchanan. January 14, 1913. P. 406—407.

²⁶ B.D. Vol. IX. Part II. № 610, E. Grey to C. Barclay. February 12, 1913. P. 493.

²⁷ B.D. Vol. IX. Part II. № 548. E. Grey to G. Buchanan. January 23, 1913. P. 440—441; *Храбак Б.* Британска дипломатија о разграничењу северне Албаније // Историјски записи. XXXIX. 4. Титоград, 1986. С. 38.

²⁸ *Храбак Б.* Указ. соч. С. 44.

²⁹ B.D. Vol. IX. Part II. № 642. E. Grey to F. Cartwright. February 20, 1913. P. 518—519.

³⁰ B.D. Vol. IX. Part II. № 650. E. Grey to E. Goschen. February 23, 1913. P. 528—529.

³¹ B.D. Vol. IX. Part II. № 664, E. Grey to E. Goschen, February 28, 1913. P. 543; B.D. Vol. IX. Part II. № 665. E. Grey to G. Buchanan. February 28, 1913. P. 544—545.

³² B.D. Vol. IX. Part II. № 688. E. Grey to G. Buchanan. March 8, 1913. P. 561.

³³ B.D. Vol. IX. Part II. № 705. G. Buchanan to E. Grey. March 12, 1913. P. 575—576.

МИРА РАДОЕВИЧ

Сербские левые и Советская Россия. «Туманы» Драгиши Васича

За последние десятилетия сербская и югославская историография обогатилась большим количеством работ по истории революционного рабочего движения и его авангарда — Коммунистической партии Югославии (КПЮ). Много сказано о влиянии Октябрьской революции, связях с Коминтерном, восприятии советской модели общественного и государственного устройства, беспрекословном повиновении поступавшим из Москвы указаниям, а также об остальных многочисленных вопросах, существование которых подтверждало неразрывную связь югославских коммунистов с главным штабом мировой революции.

Распад югославского государства в 90-е гг. XX в. и крушение социалистического общества предопределили рост числа исторических исследований, в которых вышеперечисленные исторические проблемы получали новую, принципиально иную трактовку, что демонстрировало масштабность ревизии отечественной историографии. Однако ни в последние годы, ни ранее историки не указывали на важность отношения так называемой «гражданской левицы» к Советской России и произошедшим в ней в межвоенное время общественным изменениям.

Предпринимая попытку обратить внимание историков на необходимость обращения к данной теме, подчеркнем, что не до конца определено само понятие «гражданская левица», под которым чаще всего подразумевают весьма неоднородные группы общественно и политически ангажированных, вовлеченных интеллектуалов. Чаще всего они принадлежали

буржуазным политическим партиям, декларировавшим и пробовавшим реализовать прогрессивные идеи своего времени, в первую очередь, демократические. При этом демократия в их представлении не сводилась лишь к политическим и гражданским свободам. Их обязательным дополнением должна была стать социальная справедливость. Эти идеи разделяли и беспартийные интеллектуалы, которые, будучи уверенными в личной ответственности каждого за мир вокруг себя, стремились внести свой вклад в борьбу за более гуманное общественное устройство.

Подобные левые воззрения сближали их с социал-демократами и социалистами, а также с коммунистическими группировками и партиями. С другой стороны, схожесть политических воззрений нельзя было считать проявлением гомогенности их носителей, многие из которых не разделяли революционных методов борьбы. Напротив, именно свобода интеллектуально-политической мысли служила фактором пестроты точек зрения.

Идейная разнонаправленность проявлялась и в том, как воспринималось огромное российское государство. Например, до Первой мировой войны молодые сербские интеллектуалы, в противоположность русофильству старшего поколения политиков, по большей части негативно оценивали русское самодержавие и абсолютистский режим Николая II. Образцом для подражания в политическом отношении считались западноевропейские демократии, к которым Королевство Сербия должно было приблизиться в результате своего развития. В то же время вышеупомянутые интеллектуалы высоко ценили русскую культуру и искусство, уважали общие православные традиции, возлагали надежды на неизменность российских интересов на Балканах, считая их мощным препятствием на пути германской и австро-венгерской экспансии. Русская революция многих привела в замешательство. Одни с отвращением восприняли революционный радикализм, другие относились к нему с пониманием, будучи уверенными, что он — трагическое порождение многовекового бесправия и социальной несправедливости.

Эти различия становились все глубже в послевоенные годы, что объяснялось несколькими причинами: тяжкими социально-экономическими проблемами, обременявшими новосо-

зданное югославское государство; разочарованием бывших солдат, столкнувшихся с произволом тех, кто обогащался и карабкался по социальной лестнице, не обращая внимания на страдания собственного народа; первыми национально-политическими столкновениями по вопросу государственного устройства; нарушением демократических принципов; началом краха югославянской иллюзии. На недовольство, вызванное причинами, столь разнообразными, накладывались и противоречия по проблемам установления дипломатических отношений с Советской Россией и отношение к переменам в ней происходящим. Наряду с крайне негативной позицией правящего режима во главе с королем Александром высказывались и абсолютно противоположные мнения, которые разделяли отнюдь не только члены КПЮ и сочувствовавшие коммунистическому движению. С течением времени росло число интеллектуалов и политиков, интересовавшихся событиями в Советской России, протестовавших как против иностранной интервенции, так и против антисоветской кампании в Югославии и упрямства правящих кругов.

В начале 1930-х гг. рост недовольства обусловила агрессивность фашизма, сделавшая актуальной задачу консолидации демократических сил. В ситуации, в которой КПЮ находилась на нелегальном положении, «гражданская левица» была главной силой, артикулировавшей стремление к изменению отношений с Советским Союзом. Выражая подобные настроения, левые одновременно не давали угаснуть сербской традиции критического мышления и готовности бороться с недемократическими режимами.

Даже кратко описанное отношение «левицы» к Советской России демонстрирует сложность проблемы, требующей изучения. Учитывая, что она выходит далеко за рамки жанра нашего исследования, попытаемся рассмотреть ее через призму судьбы Драгиши Васича (1885—1945) — адвоката, сербского писателя и политика, жизненный путь которого был насколько трагичен, настолько и типичен для немалого числа интеллектуалов, ставших жертвами вызовов и искушений того времени.

Наш герой воспитывался в патриархальной семье, культивировавшей традиционные ценности. Уже в ранней молодости Драгиша Васич демонстрировал «патриотическую го-

товность» бороться за освобождение, которое в начале XX в. воспринималось сербской молодежью как важнейшая национальная задача. По словам одного из его биографов, «в нем глубоко сидело понимание тех обязательств, которые на него накладывало время». В их числе была и готовность к самопожертвованию ради национального освобождения сербов, проживавших в Османской и Габсбургской империях¹. В войнах — сначала Балканских, а затем и Первой мировой — Васич участвовал как «вдохновенный националист»².

Однако шестилетнее участие в боевых действиях, отступление через Албанию, ранения, опыт службы под командованием негодных военачальников, наблюдения за бессовестными политиками и престолом, жестоко каравшим самых преданных офицеров, вызвали в нем глубокие душевные перемены. Он остался патриотом, не сомневающимся в высоких моральных качествах сербской нации, но его вера в политическое и военное устройство страны, в верность курса правящей элиты поколебалась. На стремление к более справедливому и гуманному устройству послевоенного мира наложились восприятие революционных событий в России. Развязка Первой мировой войны, внутренняя неустроенность Югославии, раздражение от злоупотреблений, — все это сделало его одним из тех вернувшихся с фронта солдат, которые не могли не чувствовать себя обманутыми и преданными. Стремясь дать выход впечатлениям и чувствам, его обуревавшим, Васич взялся за перо, из под которого вышла сначала книга «Характер и менталитет одного поколения» (1919 г.), а затем и острые политические статьи, которые он печатал в основанной им самим ежедневной газете «Прогресс» (1920 г.) и в которых он безжалостно критиковал несправедливость, коррупцию, стремление к наживе, протекционизм, отказ от идеалов.

Очень скоро патриот и герой войн за освобождение попал в список врагов государства, а затем был отправлен на двухмесячные «военные учения», во время которых подавлялся албанский бунт. Подвергшись столь драматичным испытаниям, Васич написал много статей о сербско-албанских отношениях, вошедших потом в книгу «Два месяца в югославской Сибири» (1921 г.). В Белград он вернулся писателем, которому потребуется всего несколько лет, чтобы поразить самых строгих литературных критиков оригинальностью и силой своего слова.

Неудивительно, ведь в его основе — личные переживания, а также страстное сопереживание с собственными героями их горестей. «Сочувственность и отзывчивость г. Васича», по мнению Слободана Йованович, делали его рассказы «почти русскими»³.

Поскольку «Прогресс» был запрещен, наш герой продолжил свою политико-публицистическую деятельность на страницах «Республики» — печатного органа Югославской республиканской партии, которая была таким же безжалостным критиком монархии, врагом политической несвободы, социального неравенства и несправедливости. Очень скоро Васич стал членом партии, оказавшись в обществе убежденных республиканцев, которые свою политическую принципиальность доказывали, помимо прочего, в форме протестов против запрета КПЮ. Многие из них были адвокатами, поэтому неудивительно, что они оказывали коммунистическим активистам правовую помощь в ходе ставших весьма частыми судебных процессов. В конце 1921 г. — начале 1922 г. и сам Драгиша Васич выступал на Видовданском процессе в роли второго адвоката Спасое Стеича, обвиненного в покушении на регента Александра Карагеоргиевича⁴.

Новые политико-профессиональные связи и вышеописанная жизненная ориентация надолго предопределили репутацию Васича как левака, «заигрывающего» с КПЮ. Подобные буржуазные интеллектуалы и, прежде всего республиканцы, несмотря на свою глубокую неудовлетворенность положением в стране, редко становились членами компартии. С коммунистами их сближали, помимо восхищения их готовностью жертвовать жизнью за свои убеждения, антимонархические взгляды и стремление к социальной справедливости. С другой стороны, будучи демократами, они не могли смириться ни с какой диктатурой, в том числе и с диктатурой пролетариата. Эти убеждения разделял и Драгиша Васич. Общаясь с коммунистами, защищая их в суде, он все больше интересовался событиями в Советской России — «земле обетованной» всех революционеров. Собственные рассуждения Васич, испытывавший разочарование от негативных явлений югославской действительности, вкладывал в уста своих героев.

Алексие Юришич — главный персонаж романа «Красный туман» (1922 г.) — тоже участник сербских войн за освобождение

дение, который по причине нервного расстройства оказался в больнице для умалишенных. Задумываясь над тем, в чем был смысл «человеческой бойни» на Салоникском фронте, он гадался, что «из всего, что творилось внизу в этой крысиной возне, хорошим было только то, что наша сестрица Россия сотворила». «Ей богу, — размышлял он, — только это хорошо, а все остальное гроша ломанного не стоит. Я не знаю, что именно она сделала, только чувствую, что произошло большое очищение. И там не хотели понравиться человечеству». После войны, бездомный и безработный, унижительно бедный, в лихорадочном состоянии, Алексие Юришич, не надеявшийся более пожить по-человечески, мог только возвращаться к тем вопросам, которые во время войны не давали покоя его мыслям и чувствам: «И опять не могу не ощущать, что только то и хорошо, что сестрица наша большая сделала. Только там нет этой старой гнилой мебели, а комната ее, мне кажется, каким-то чудом проветрена»⁵.

Однако война уходила в прошлое, и в 1924 г. Драгиша Васич женился на Наталии Александровне — русской эмигрантке из дворянской семьи генерала Чернышевского. Так наш герой породнился с самыми знатными и авторитетными представителями русской эмиграции, что только усилило его любовь к России⁶. Одновременно все более активное занятие адвокатурой потихоньку уменьшало в нем запал бунтовщика, что отражалось на его литературной деятельности и предопределило отход от «гражданской левицы». Однако другие тревожные мысли не давали ему покоя. Живо интересуясь русской историей и культурой, жаждал он побывать в этой далекой стране, чтобы лично посмотреть, ощутить и услышать, что там происходит. В конце концов, в 1927 г. решился, как и многие другие европейские интеллектуалы и любопытствующие политики, поприсутствовать на грандиозном праздновании десятилетия Октябрьской революции.

Россия в это время, как писал Бранислав Милькович, привлекала социологов, экономистов, художников и журналистов, то есть всех тех, кто хотел «познакомиться с новой организацией жизни, изучить или ощутить жизнь, в основе которой другие принципы и другие отношения, отличные от европейских». В Россию отправлялись друзья и недруги, ищущие «глубокомысленных ответов» или «охочие до сенсаций». Страна была

в эпицентре внимания, подогреваемого интеллектуальным бунтом против «выродившихся систем и устаревших форм», определявших жизнь в Европе. Оттуда на Россию глядели с «верой и сомнениями», страхом и ужасом. В отличие от интереса, проявляемого европейцами, в югославском королевстве о России ничего не было слышно, «как будто там не рождались новые жизненные принципы, которым суждено будет человечество направить другим путем»⁷. Устройство советского государства описывалось «в самых темных тонах, или вообще игнорировалось, как будто тот мир ничего не значит». Ведь враждебное отношение к КПЮ распространилось и на все Советскую Россию.

В результате, по словам Сретена Стояновича, сербский народ, «который был слишком тесно связан с народом русским», был от него отторгнут, лишен всякой связи с «его трудом и прогрессом». «Все свелось к русским в эмиграции», — сетовал он. «Забывают, что русский народ все еще в России, и никакие режимы не в состоянии превратить его в другой народ с иными чертами. Точно так же никакая система не уничтожит наше старинное родство с русскими»⁸. Многие югославские интеллектуалы соглашались, что нельзя равнодушно относиться к тому, «что мы можем навсегда остаться в роли непримиримого наблюдателя, не желающего понять проблемы и глубокие потрясения великого народа»⁹.

Побуждаемые сильными внутренними переживаниями и неодолимым любопытством из «свежего в интеллектуальном отношении» межвоенного Белграда¹⁰ в Россию вместе отправились молодой директор газеты «Политика» Владислав Рибникар (1900—1955), выдающийся скульптор и один из первых профессоров Академии изобразительных искусств Сретен Стоянович (1898—1960) и Драгиша Васич. Разделяла их разница в возрасте и социальное происхождение, но стремления у них были одни и те же¹¹. Каждый из них записывал свои впечатления от увиденного. Рибникар публиковал их в «Политике», Сретен Стоянович — в «Новостях», а Драгиша Васич — во «Времени». Два последних по возвращении составили из своих заметок по небольшой книге¹².

По-видимому, в наибольшем возбуждении пребывал Драгиша Васич¹³. Нетерпеливый, жаждущий открытий, полный надежд и опасений, что не увидит и не поймет «того нового»,

что уже произошло, и что должно произойти, он давал волю эмоциям. При этом Васич верил, что выражает ту любовь без задней мысли, которую сербы испытывали к русскому народу, хотя прежний опыт им подсказывал, что напрасно: «Обуяло ли меня возбуждение, и какое оно, когда известно мне, что молниеносно мчусь я туда, куда так жаждал попасть — в странные и недоступные мои туманы. Возбуждение, в котором я пребывал, было несомненным и сильным. И пока поезд мчался по Польше, я его осознавал и ощущал через счастье творчества, для которого у меня никогда не хватало выразительной силы. Размышлял, задавал себе вопросы и давал простые ответы. В детстве, в ранней нашей молодости, когда мы не знали, чего хотели, но чего-то неопределенного жаждали, в этой глубокой и темной глубине, еще до опьянения от русской литературы, наступившего во время взросления, разве были у нас тогда чувства сильнее и слаще, чем эта ностальгия? Разве был кто-то и где-то, кроме нас, кто также трепетал бы от русской земли, русской березы, у которой упал сраженный Пушкин, русской зимы, русской тройки или музыки самовара? Что есть в нас более хорошего, глубокого, трогательного и благородного, чем эта мягкая и нежная любовь, осененная творениями великих писателей, чем эта столь неодолимая тоска по широким и бескрайним просторам? И спрашивал себя и отвечал, — не из той ли души родилась душа нашего народа и природа нашего человека, которую мы так стараемся познать?»¹⁴.

Во время двухмесячного пребывания в России, захлебываясь от любви к собратьям своим, а иногда и разочаровываясь, — ведь сон о России всегда краше яви, — Драгиша Васич и его постоянный спутник Сретен Стоянович встретили много того, о чем мечтали — искреннего русского человека, музыку самовара, красоту русской зимы, невероятное богатство музеев, художественную силу театральных представлений, свидание с историей. В России были два месяца. «До изнеможения» наблюдали за всем, что могли увидеть, и до чего смогли добраться. «Никто ничего нам не смог бы навязать, — писал Драгиша Васич, — или обмануть нас. Все мы подвергали сомнению. В четыре глаза таращились мы на все, что было перед нами»¹⁵.

Напрашивается вопрос, в чем причина такого внимания, чувства ответственности за то, чтобы выслушать и понять русского собеседника, а затем полученные впечатления мак-

симально объективно представить нетерпеливой в своем любопытстве отечественной публике, лишенной информации о России. «Нужно было побывать в нашей шкуре!», — едва ли не восклицал Драгиша Васич. «Мы прибыли в страну, которую любим, в которой никогда не были. Мы о ней слышали и читали самые разные и противоречивые вещи. Однако одержимы мы долгом отправлять на родину самые честные и верные доклады и извещения¹⁶.

Руководствуясь именно этими соображениями, Драгиша Васич присутствовал на празднованиях годовщины на местах. Слушал речи, неизбежное пение интернационала, разговаривал о законодательстве, интересовался административной системой, положением женщин и молодежи, политикой в области просвещения и здравоохранения, культурным развитием трудящихся, отношением к побежденным классам. Посещал деревни и тюрьмы, музеи и театры, детские курорты, фабрики и рабочие дома. Наблюдал за людьми на улице, за их энтузиазмом или недовольством, слушал разговоры, расспрашивал. Где-то ему попадалась грязь и нищета, а где-то идеальные гигиенические условия, блеск и энтузиазм. Тоску на него нагонял воинствующий атеизм.

В беседах с выжившими членами старой генеральской семьи, которым Васич привез письма от белградских родственников, он узнал, что не все классовые враги отказались сотрудничать с новыми властями. Были и те, кто перешел на их сторону, то есть «приспособился». А многие, по словам бывшего царского офицера, и «перевоспитались». Эти сведения произвели на путешественника особенно сильное впечатление. Уверился он, что в России создается новое общество и новый человек. В этом его убеждало и то, что культурная работа с заводскими рабочими и прочими трудящимися велась активно, потому что была одним из главных приоритетов власти. Воодушевление победило утрюмость и горечь поражения. Словом, видно было, что новому русскому человеку духовное развитие — на первом месте. Однако этот человек по-прежнему был непрост и противоречив, он сохранил свою «русскую душу». Это Васич понял, став свидетелем неожиданных и необъяснимых моментов во время спектакля «Дни Турбиных» по Булгакову.

В одной из сцен облаченный в кадетскую форму молодой актер, приятной наружности и до того свежий, что светился

невинной чистотой, запел хрустальным голосом «Боже, Царя храни». Тут с публикой произошло неожиданное: «На всех лицах было одно и то же выражение — выражение до слез трогательной нежности. Волнение, охватившее затрепетавших, но по-прежнему абсолютно сдержанных зрителей, ясно свидетельствовало об одном — появление юноши в форме, похороненной и забытой десять лет назад, пробудило в них трогательные воспоминания о чем-то давно утраченном, чем-то старом, но по-прежнему любимом».

«Все произошло молниеносно и неожиданно, — продолжал Васич, — и увидел я их смущение, вызванное голосом этого ребенка, так любившего своего царя. Как будто стыдясь самих себя и опасаясь друг друга, они тайком оглядывались — не заметил ли кто их переживаний. Быстро успокоившись, чуть позже, во время следующей сцены они уже вдохновенно рукоплескали поражению белых»¹⁷.

Трудно достоверно сказать, было ли действительно так, или Васич, постоянно пребывавший в ажитации от нахлынувших впечатлений, увидел то, чего не было на самом деле. Если так, то это говорит о том, что, выполняя тяжкую миссию — пытаюсь уразуметь масштаб русской драмы, его впечатления от увиденного никогда не были черно-белыми. Наоборот, он всегда указывал на запутанный характер истории и текущего момента. Например, упоминая самые вопиющие показатели социальной несправедливости царизма, Васич подчеркивал, что ее не отрицают даже непримиримые противники нового порядка: «Потому что, когда человек знает, когда он узнает обо всех бесчисленных восстаниях аристократов, рабочих и солдат — о декабристов, до Ленина, — когда увидит, какие ценности пали жертвой этих непростительных и бесчисленных ошибок, тогда ему ужасный катаклизм революции покажется естественным и неизбежным. Одновременно человек понимает, что двух мнений быть не может о власти, которая настроила против себя Пушкина, плеяду крепостных, народников, народовольцев, Достоевского или Толстого. А каждый раз, выходя из того музея, я не мог не задуматься — только этот народ мог вынести все, что выпало на его долю... Это прошлое... вызвало хаос. Свершилась одна их самых страшных и кровавых Расплат в Истории... Перед нашими затуманившимися глазами шевелилась, боролась, до смерти билась разъяренная челове-

ческая масса, объятая небывалым пламенем страсти, всех желаний, стремлений и ориентаций. Когда осмысленная, когда бессмысленная и совсем непонятная развивалась, запутывалась и распутывалась эта единственная в своем роде борьба белых, красных и прочих цветных. И ум за разум заходил у нас от того, что, так только в Росси и может быть, все перемешалось в этой борьбе — классы, группы, интересы, верования, точки зрения и предрассудки. Тот хаос, ту мятежную эпоху, прежде всего, и должен представить себе каждый, кто хочет понять эту Россию, сегодняшнюю»¹⁸.

Впитывая на протяжении двух месяцев самые различные впечатления, вглядываясь в туман и сутолоку, всматриваясь в самого себя, в свои мысли, сны и сомнения, Васич с облегчением понял, что достиг цели, ради которой отправился в Россию, и которая вначале не просто казалась труднодостижимой, но даже и невообразимой. Постоянно находясь во власти сильных эмоций, восхищенно записал он: «... то, что я увидел, чему сейчас был свидетелем, это что-то еще более огромное и бескрайнее. *Это духовный бунт, переворот истории и человечества* (курсив в оригинале. — МР.). Это ключ, который я так жаждал отыскать и который, вот, нашел. И открою я теперь те тайные врата, которые, как мне казалось, еще долго будут оставаться для меня закрытыми»¹⁹.

Когда пришла пора возвращаться из Советской России, Драгиша Васич разделял даже и революционные методы достижения ускоренного прогресса, а про увиденную ломку общественного уклада говорил, что это невиданный в истории случай. «И теперь, если правда, что мы являемся слабаками нашего времени, у нас даже нервов не хватит, чтобы открытыми глазами смотреть на эти муки рождения! И, все-таки, покидая Россию, мы, как и остальные, увезли с собой уверенность в том, что никто не имеет права презирать беспрецедентные и позитивные усилия, которые там предпринимаются. Убежденные в этом мы пересекли ее границу и оказались на этой стороне, с которой знакомы несравненно лучше»²⁰.

Понимая под той «другой стороной» Западную Европу, Васич видел в ней бездуховность, жажду наживы и развлечений, фальшивый блеск и «кладбище духа»²¹.

В своем отечестве Васич, наблюдая тот же упадок морали и чувств, задавался вопросом, какими успехами и в какой обста-

новке югославское государство отметит десятилетие существования.

Любопытные читатели, жаждавшие познакомиться с обновленным российским государством, с готовностью приняли книгу, которую опубликовал Васич. Рецензенты отдавали должное автору за искренность, бесспорное желание как можно больше увидеть, а также за максимальную объективность в оценках. Эмоциональный текст выражал сильные чувства, испытываемые автором, — любовь к русскому человеку и русской литературе, беспокойство за будущее русского государства, переживания по поводу способности славян (сербов) понять русских²². Исследования, доступные нам, не показывают, какой отклик книга имела среди членов КПЮ и сочувствующих ей. Неизвестно, были ли коммунисты, отвергающие любую критику Советской России, недовольны теми немногочисленными критическими наблюдениями об отсталой деревне, грязи и мраке, количестве «беспризорников», голодных, длительном времени, необходимом новому обществу для преодоления собственных проблем. Предположить это побуждает холодная и откровенно насмешливая реакция на рассказ Васича о пролетарских писателях, создававших «подлинное искусство» — новую, социально ангажированную, иную по форме и содержанию литературу.

Вскоре по выходу книги впечатлений от пребывания в России Драгиша Васич выполнил ранее данное обещание написать о поэзии. Первенство он отдавал Максиму Горькому — предтече пролетарской литературы, творчество которого отличалось «здоровой, животной и мятежной силой, а также сочувствием к униженным и оскорбленным». В той же статье Васич продемонстрировал, что хорошо знаком с издательской политикой литературных журналов, творчеством других пролетарских писателей и крупнейших представителей отдельных направлений. Однако при этом он полагал, что «из массы многочисленных пролетарских поэтов до сих пор не родился подлинный и великий талант». По его словам, Россия все еще ждала «нового поэта из народа, рожденного в душевных муках, среди крови и слез»²³. О том, что советская литература не достигла уровня классической русской, Васич написал и несколько лет спустя — в 1934 г. — в журнале «Идеи», публикуемом Милошем Црнянским²⁴.

Уже в те годы всюду говорили, что Драгиша Васич успокоился и, несмотря на несомненную любовь к России, охладевает к тамошней власти, так как не готов согласиться с советским строем и диктатурой пролетариата. Более того, якобы к этому его подтолкнул именно опыт, полученный во время поездки в Россию. С другой стороны, он отдалился и от некоторых прежних своих друзей-политиков. Хотя в начале 1920-х гг. Васич слыл сторонником республиканства и принципиальной оппозиции, позднее он стал дрейфовать в сторону консерватизма и правых национально-политических групп. К этому его подталкивала радикальная позиция КПЮ по вопросу о судьбе югославского государства, которое, как следовало из полученных из Москвы указаний, необходимо было любой ценой разрушить как «версальское создание». Отвергал Васич и отношение коммунистов к сербской нации, отождествляемой с правящей сербской буржуазией²⁵. И, наряду с этим, Васич не отказывал в помощи коммунистам. По воспоминаниям Мирослава Крлежы, в 1931 г., благодаря просьбе Васича, адресованной премьеру генералу Петру Живковичу, удалось спасти от смерти авторитетного коммуниста Джоку Цвичча, а также других членов КПЮ²⁶.

Несмотря на подобные поступки, совершаемые, вероятно, по причине приятельских отношений с просителями или из ностальгии по прошлому, жизнь Васича в 1930-е гг. разительно отличалась от предыдущего десятилетия. Собственное адвокатское бюро в самом центре Белграда было одним из крупнейших в Сербии и насчитывало около десяти юристов. Наш герой стал членом ПЕН-клуба и масонской ложи, а в 1933 г. и членом-корреспондентом Королевской академии наук. Оставаясь по-прежнему сторонником идеи социальной справедливости и представителем левой сербской интеллигенции, он в политическом отношении приближался к национально ориентированным группам, из-за чего многие считали его консерватором. В этом, однако, Васич был не одинок. И другие писатели, некогда слывшие авангардистами, как, например, Станислав Винавер и Милош Црнянский, возвращались на рельсы политического традиционализма, углублялись в осмысление сербских национальных проблем. В 1937 г. Васич участвовал в создании Сербского культурного клуба (СКК) в качестве одного из заместителей председателя, а два года спус-

тя стал главным редактором его печатного органа — газеты «Српски глас», на страницах которой он самым решительным образом выступал за защиту сербских национальных интересов в Югославии²⁷.

В то же самое время, накануне вступления Королевства Югославия во Вторую мировую войну отмечались контакты Васича с советским представительством, ставшие поводом для распространения непроверенных слухов, будто он во время пребывания в Москве был завербован советской разведкой. Когда после оккупации и раздела Югославии была сформирована немецкая анкетная комиссия, расследовавшая, кто стоял за переворотом 27 марта, один из допрошенных Мико Косич заявил следующее: «Драгиша Васич поддерживал тесные отношения с советским посланником в Белграде Плотниковым. Я твердо убежден, что его враждебное отношение к князю инспирировано русскими. Сам Васич сказал мне однажды, что советское правительство считает князя своим весьма опасным противником и следит за каждым его шагом²⁸».

Возвращение к национализму, озабоченность судьбой сербства стали причиной, по которой республиканец и противник династии Карагеоргиевичей летом 1941 г. оказался в штабе Драголюбa Дражи Михайловича. Там он занял должность первого и надолго самого значимого политического советника и заместителя («Старик №2»), вошел в Центральный национальный комитет и совет Тройки, который в случае смерти лидера движения должен был взять на себя руководство. Несмотря на то, что с середины войны Васич отдалялся от главного командования четников и проявлял недовольство некоторыми явлениями, он и далее считался важнейшей политической фигурой. Согласно его собственному свидетельству, столкновение с другим важным членом четнического движения — Стеваном Молевичем, — произошло в силу разногласий по поводу внешнеполитической ориентации четников. В отличие от Молевича, настаивавшего на союзе с Великобританией, Васич искал выход в сотрудничестве с Советской Россией, считая, что ее помощь необходима сербам. О России и свято-савской традиции Васич говорил на открытии конгресса четников в селе Ба в конце января 1944 г.²⁹

Без утраченного подлинника его дневника нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть появившиеся вскоре после его

смерти в апреле 1945 г. утверждения, будто на протяжении войны Драгиша Васич был «русским человеком» в штабе Дражи Михайловича. В начале 90-х гг. XX в. вокруг этого вопроса развернулась научная и публицистическая полемика. Одним из первых публично высказался Мирослав Крлежа, заявивший Энесу Ченгичу, что «некоторые надежные люди» на основе «ряда аргументов» сообщили, что Драгиша Васич «все то время был русским человеком в командовании Дражи». Кроме того, перед самым концом войны о нем в Белграде лично наводил справки Александр Ранкович, возглавлявший разведслужбу новой власти. Крлежа он сказал, что встречался с васичевской женой, и что в силу разных причин было бы хорошо, если бы на Васича «смотрели сквозь пальцы». «Я онемел, — вспоминал Крлежа, осведомленный о роли Драгиши Васича в четническом движении, — слышал я разговоры, будто он русский агент при Драже. Знал и о его прошлом. Какое дело Александр Ранкович имел к жене Васича, я не понял. В любом случае торговался на предмет чего-то. Однако Васича тем временем убили, и все эти посулы утратили смысл»³⁰.

Вскоре после этого, в военных мемуарах, впервые опубликованных на сербском языке, Милован Джилас вспоминал, что в конце войны тайные службы «проявляли исключительный интерес к Васичу», и что они были осведомлены о различиях между ним и Дражей Михайловичем в связи с гражданской войной и сотрудничеством с оккупаторами³¹. Гораздо менее осторожный в своих суждениях Владимир Дедиер утверждал, что Иосиф Виссарионович Сталин, «имея ввиду прежние связи», отправил в штаб Михайловича писателя Драгишу Васича — «резидента советской разведки в Белграде», «о чем имеются убедительные документы». Более того, и сам Дража Михайлович признался в 1946 г., что имел постоянную связь с Москвой, и что поддерживал ее и в 1945 г., когда разорвал отношения с англичанами и американцами. А Тито еще до войны было известно о связях «сербских правых кругов с Москвой»³².

Со словами Владимира Дедиера согласился и один из руководителей югославской разведки Антон Духачек, пытавшийся доказать, что Драгиша Васич — шеф советского разведывательного центра в Сербии, прибывший в штаб Дражи Михайловича с русской радиостанцией³³. Дочь Васича Татьяна Васич-Яничевич решительно опровергала вышеприведенные

утверждения, называя их «небылицами», «несерьезными доводами», «очевидными выдумками», о которых «нельзя серьезно говорить»³⁴. В ответ Антун Духачек ссылаясь на Дедиера, которому, якобы, о Васиче говорил Тито, а также на Мирослава Крлежу и, особенно, на Милоша Минича, сопровождавшего Тито во время его первой встречи с Дражей Михайловичем, состоявшейся 19 сентября 1941 г. в Струганике. Согласно этому свидетельству, Драгиша Васич, бывший среди спутников Михайловича, поприветствовал Тито его подпольной кличкой «Вальтер», продемонстрировав, что осведомлен о поднаготной лидера КПЮ и всего партизанского движения. После войны Йосип Броз рассказывал Добрице Чосичу и другим собеседникам, что разговор с Васичем был «самым неприятным в жизни»³⁵.

Как и в случае с полемикой о характере отношений Васича с советскими службами, современники и историки спорят об обстоятельствах его гибели весной 1945 г. Хотя большинство полагает, что он вместе с группой четников Павла Джуришича был зверски убит усташами, в литературе встречается мнение, что его казнили партизаны, не знавшие, кто он на самом деле³⁶.

На протяжении всей жизни — от первых внутренних противоречий, высказанных в конце Первой мировой войны, поисков ответов на важные вопросы, касавшиеся отечества, патриотизма и нации, смысла жертвы, идеи социальной справедливости, стремления к гуманному и справедливому обществу, и вплоть до трагичного конца — Драгише Васичу было присуще внутреннее беспокойство, ломка, неясность мыслей и замутнения, — слова так часто встречавшиеся в его тексте. Во многом непроясненным осталось и его отношение к России. То, что в настоящий момент известно о сербской «гражданской левнице», позволяет предположить, что никто другой из сербских интеллектуалов и буржуазных политиков левой ориентации не пытался выработать более конкретную и устойчивую позицию. Одновременно в его личной судьбе отразилась противоречивость суждений и настроений целых поколений, не готовых идти за коммунистами, но, одновременно, принципиально не желавших выступать против Советской России.

История, как правило, не прощала им заблуждений и ошибок. Сам Драгиша Васич в марте 1945 г. был объявлен военным преступником. Реабилитирован в декабре 2009 г. Задолго до

этого судебного решения его литературное наследие стало доступным читателям и получило признание критиков.

Перевод с сербского АА. Силкина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ломпар М.* Профил Драгише Васића // *Васић Драгиша* Црвене магле. Београд, 2005. С. 6.

² *Јовановић С.* Драгиша Васић // *Д. Васић.* Црвене магле. Критичари о Драгиши Васићу. Београд, 1990. С. 127.

³ «Г. Васиц, — продолжал Слободан Йованович, — не из тех, кто ощутил писательское призвание после прочтения чужих произведений, и кто, прежде чем начать писать, имел в голове некий литературный образец для подражания. Рассказчиком г. Васица сделала сама жизнь. Слишком сильным потрясением стала для него война, воспоминания о которой так мучили его, что он взялся за перо, чтобы освободиться от их тирании... Он бросился на сочинение своих рассказов, вкладывая в них всего себя, все свои сомнения, всю боль и весь свой гнев». (Там же. С. 131—132). По мнению Станислава Винавера, — одного из лучших знатоков сербской и югославской литературы межвоенного времени, — один из рассказов Драгиши Васица («Ресимич барабанщик») стал вехой в литературе, а его автор встал в ряд наиболее значимых послевоенных писателей, в числе которых Слободан Йованович, Драгиша Васиц, Мирослав Крлежа, Милош Црњански, Тин Уевич (*Винавер С.* У одбрану наше књижевности // *Идеје.* 1/23, 20. април 1935. С. 5; *Он же.* Кривице нашег Универзитета // *Правда.* XXXII/11224, 25. јануар 1936. С. 7; См. также: Зли волшебници. Полемике и памфлети у српској књижевности 1917—1943. Књига трећа (1934—1943). Београд — Нови Сад, 1983. С. 174, 230—231.

⁴ См: *Николић К.* Драгиша Васић. Скица за портрет националног револуционара // *Историја 20. Века.* 1/1997. С. 98.

⁵ *Васић Д.* Црвене магле... С. 102—103, 117.

⁶ Вспоминая общение с Васицем, беседы, взаимные визиты, его друг Мирослав Крлежа в июле 1942 г. записал в дневнике: «Пиротские ковры, миндерлуки, икона с лампадкой, веночки, вешаемые над входом на Духов день — здесь в этом православном доме празднуется слава. Каждое воскресенье идут в церковь Ружицу на богослужение. Здесь подают патриархальный кофе с вареньем, старуха-мать Драгиши угощает гостей — сливки русской эмиграции — Врангель, Деникин, Голенищев-Кутузов. Очаровательная жена Драгиши Наташа — милая русская девушка, от ее красоты веет весенней свежестью. Я любил Драгишу...». (*Крлежа М.* Дневник 1933—1942. Сарајево, 1977. С. 105).

⁷ *Миљковић Б.* Две наше књиге о Русији // Српски књижевни гласник (СКГ). Књ. XXIV. Бр. 4, 16. јун 1928. С. 302.

⁸ *Стојановић С.* Утисци из Русије од Драгише Васића // Драгиша Васић. Црвене магле. Критичари о Драгиши Васићу... С. 364.

⁹ *Новаковић Б.* Утисци Драгише Васића о данашњој Русији. // Драгиша Васић. Црвене магле. Критичари о Драгиши Васићу... С. 368.

¹⁰ *Рибникар Ј.* Живот и прича. I—II. Београд, 1988. С. 21.

¹¹ По словам Яры Рибникар, ее будущий супруг, получивший образование во Франции, — акционер газеты Политика и богатый человек — отправился в Советский союз, «чтобы написать правду об этой стране... Его статьи стали сенсацией, так как тогда еще говорили, будто «коммунисты едят маленьких детей». Ему верили. Он был отпрыском почтенного буржуазного семейства.» (Там же. С. 40). Сретен Стојанович — сын православного священника из Боснии — был воспитан в доме, в которой Россию представляли себе «как что-то наше, но красивее, больше, православнее, ближе Богу и сильнее всего немецкого и турецкого». Будучи членом революционной национальной организации Млада Босна, после сараевского покушения 1914 г. он был осужден и оставался в тюрьме вплоть до 1917 г. Изучал искусство в Вене и Париже, а потом прибыл в Белград (*Стојановић С.* Сећања на младост 1904—1922. Београд, 1997).

¹² *Стојановић С.* Импресије из Русије. Београд, 1928; *Васић Д.* Утисци из Русије. Београд, 1928.

¹³ Непросто сказать, насколько на его решение повлиял Мирослав Крлежа — в то время известный писатель, посетивший Россию в 1925 г. и опубликовавший книгу собственных впечатлений (Излет у Русију, 1926). Драгиша Васич и он долго были близкими друзьями — с 1919 г. до 1933—1934 гг. (См: *Крлежа М.* Указ. соч. С. 105—106; *Ченгић Е.* С Крлежом из дана у дан. Књига 1. Загреб, 1985. С. 112, 133, 180—183, 240—241; књига 2. С. 48, 244, 254—255; књига 3. С. 252; књига 4. С. 160, 214).

¹⁴ *Васић Д.* Утисци из Русије... С. 5.

¹⁵ Там же. С. 86.

¹⁶ Там же. С. 50.

¹⁷ Там же. С. 62—63.

¹⁸ Там же. С. 48—50.

¹⁹ Там же. С. 75.

²⁰ Там же. 103—104.

²¹ Там же. С. 104—105.

²² См: *Миљковић Б.* Указ. соч. С. 302—305; *Стојановић С.* Утисци из Русије од Драгише Васића... С. 364—367; *Новаковић Б.* Указ. соч. С. 368—370.

²³ *Васић Д.* Пролетерски песници // СКГ. Књ. XXV. Бр. 1, 1. септембар 1928. С. 26—32.

²⁴ Цит. по: *Ломтар М.* Указ. соч. С. 23. Подвергая критике взгляды Васича, Радован Зогович с позиции представителя «новой литературы» уличал его в сотрудничестве с известным писателем Милошем Црњанским, которого почти все левые считали правым, проявлявшим фашистские убеждения на страницах собственного журнала Идеи. Зогович отрицал наличие у Васича литературного таланта, считал ошибочным мнение, будто он принадлежит группе крупнейших сербских писателей. Иронично называл его «пророком» и «ясновидцем». (*Зоговић Радован.* «Идеје» и продуценти «идеја» // Преглед. II/1—2, 22. мај 1935. С. 5; *Он же.* Варианте једне политике // Наша стварност. II/5—6, 1937; Зли волшебници...С. 182—185, 309—310).

²⁵ См: Историјски архив Комунистичке партије Југославије. том II. Конгреси и земаљске конференције КПЈ 1919—1937. Београд, 1949.

²⁶ *Ченгић Е.* Указ. соч. Књига 1. С. 181, 241; Књига 4. С. 160.

²⁷ См: *Димић Љ.* Српски културни клуб између културе и политике // Књижевност. Бр. 9—10/1993. С. 858—903; *Поповић Н.А.* Слободан Јовановић и југословенска држава. Београд, 2003. С. 211—232.

²⁸ Цит. по: *Николић К.* Историја равногорског покрета 1941—1945. Књига 3. Београд, 1999. С. 330.

²⁹ Там же. С. 337, 339.

³⁰ *Ченгић Е.* Указ. соч. Књига 1. С. 183; књига 2. С. 254—255.

³¹ Милован Джилас, вспоминая о том, как они обсуждали с писателем Добрицей Чосичем Драгишу Васича, пишет, что он только тогда узнал, что Васич был решительно против сотрудничества с оккупаторами: «Чосич, работая над романом «Разделы», открыл в архивах письма Васича, в которых тот предостерегал, что четническое движение обречет себя на провал, если примет из рук оккупантов хотя бы одно ружье для борьбы с партизанами. Находясь в Сербии, Васич писал Драже после поражения четников в Черногории, что Сербия для четников в политическом плане потеряна, так как в ней власть вершат сержанты, организовавшие безумный террор. Семь таких писем Чосич передал писателю Мирославу Крлеже...». (*Ђилас М.* Революционарни рат. Београд, 1990. С. 263—264).

³² *Дедијер В.* Велики бунтовник Милован Ђилас. Прилози за биографију. Београд, 1991. С. 323.

³³ Политика експрес. 26. јануар 1992. и 7. фебруар 1992.

³⁴ Цит. по: *Духачек А.* Исповест обавештајца. Успон и пад југословенске обавештајне службе. Београд, 1992, С. 232.

³⁵ Там же. С. 233; *Николић К.* Историја равногорског покрет... Књига 3. С. 334.

³⁶ См: Там же. С. 341—342.

Л.Я. ГИБИАНСКИЙ

Советский Союз и сербский военный переворот 27 марта 1941 года: историческая действительность, мифы, загадки

Тема, обозначенная в заголовке, состоит из двух тесно взаимосвязанных частей или подтем. Одна — это вопрос о том, была ли советская сторона причастна к перевороту, который в ответ на присоединение 25 марта 1941 г. Югославии к «оси» (к Тройственному пакту) был произведен в ночь с 26 на 27 марта в Белграде группой военных заговорщиков-сербов, а если причастна, то как именно. Другая часть или подтема — вопрос о том, какова была политика руководства СССР в отношении правительства Югославии во главе с генералом Д. Симовичем, которое в результате переворота встало у власти.

Обе части довольно давно являются объектом внимания в историографии. Но, в сравнении друг с другом, далеко не одинаково как по степени такого внимания, так и по результативности изучения: вторая из упомянутых частей или подтем явно превалирует над первой. В большой мере это связано с весьма различной — как по объему, так и по характеру — источниковой базой, доступной для исследования: историк, обращающийся к рассмотрению первой подтемы, изначально оказывается на значительно более скудном документальном «пайке», а соответственно в куда более трудном положении, чем его коллега, занимающийся второй из них. Вместе с тем, однако, при всей подобной разнице между ними обе подтемы относятся к разряду таких, чья разработка сильно осложняется неполнотой документального материала, которым может располагать историография. По первой из частей, о которых идет речь, характерно фактически почти полное отсутствие иных доступных источников, кроме очень небольшого круга весьма бег-

лых мемуарных упоминаний, а то и просто высказываний из некоей устной традиции, ничем другим не подтверждаемых. По второй части выявлен в последние два с половиной десятилетия довольно существенный круг главным образом советских, а в определенной мере и югославских архивных материалов о политике Кремля в отношении правительства Симовича до захвата Югославии в апреле 1941 г. «осью». Но в распоряжении исследователей нет документов тогдашнего советского руководства, из которых бы в полной мере были видны его замыслы и расчеты при проведении этой политики.

Такое положение порождало и продолжает порождать разного рода версии, не подтвержденные надежными источниками, а нередко — просто мифы. И столь же нередко ставит историка перед загадками, на которые пока нет ответа.

* * *

Версия о советской причастности к перевороту 27 марта 1941 г. появилась давно и имеет более чем противоречивую, пеструю историю.

Еще при гитлеровском нападении на Советский Союз эта версия была выдвинута руководством нацистской Германии в ряду других скомпонованных им аргументов, призванных оправдать, вопреки очевидному, предпринятую агрессию. Аргументация излагалась в обширной ноте, которую министр иностранных дел «третьего рейха» Й. Риббентроп вручил послу СССР в Берлине ранним утром 22 июня 1941 г. (нота была датирована предыдущим днем). В ней по поводу советской причастности к перевороту в Югославии, произошедшему 27 марта 1941 г., говорилось, что «организация белградского путча» была «кульминационным моментом» в «подпольной деятельности сербских заговорщиков и англо-русских агентов против рейха». Но никаких конкретных упоминаний о подобных агентах, связанных с СССР, и о каких-либо фактах их деятельности не приводилось. Дело ограничивалось лишь довольно туманным заявлением более чем общего характера: «Сегодня однозначно установлено, что путч, затеянный в Белграде после присоединения Югославии к Тройственному пакту, был устроен Англией с согласия Советской России». В чем практически выражалось это согласие, никак не разъяснялось.

Единственное, о чем упоминалось более конкретно, сводилось к констатации того, что «господин Симич», который в ноте фигурировал как «сербский организатор этого путча», а одновременно «руководитель “Черной руки”», «до сих пор находится в Москве и в тесном контакте с органами пропаганды Советской России и сейчас развертывает там активную деятельность против рейха»¹.

Ниже мы еще будем неоднократно возвращаться к вопросам о том, кем на самом деле являлся отставной полковник еще сербской армии, т.е. армии Королевства Сербия, существовавшего до 1918 г., Б. Симич² и каковы были его действительная роль в перевороте 27 марта и связь с советской стороной. Пока же отметим, что из упоминаний о причастности СССР к перевороту, содержащихся в ноте, можно сделать вывод: очевидные гитлеровцы располагали лишь бродившими слухами, общими соображениями о такой причастности, но никакими конкретными свидетельствами о ней не обладали, а потому и не могли о них упомянуть.

Между тем после этой ноты, широко опубликованной гитлеровскими средствами массовой информации, утверждение о советской причастности к перевороту стало муссироваться и в пропаганде коллаборационистских администраций, созданных под эгидой захватчиков на территории ими оккупированной и подвергшейся разделу Югославии. В том числе весьма активно — в пропагандистских публикациях режима М. Недича в Сербии, которому особенно было важно внедрить в сознание сербского населения представление о том, что переворот, направленный против присоединения Югославии к «оси», отражал интересы зловердных, враждебных сербам иностранных сил, манипулировавших безответственными или введенными в заблуждение сербскими участниками переворота. В качестве таких иностранных сил фигурировали вместе как «плутократические» Лондон и Вашингтон, так и «красная Москва». А всеми ими, согласно навязчивой антисемитской идее, столь любимой нацизмом и родственными ему идеологиями, командовала, как постулировалось подобной пропагандой, мировая еврейско-масонская закулиса.

Но если эта пропаганда, хотя бы частично, приводила некоторые имена британских и американских представителей, о которых говорилось, что они контактировали с военными заго-

ворщиками, совершившими переворот, или с политиками, поддержавшими его, то она по большей части затруднялась указать конкретно на кого-то, кто осуществлял бы аналогичные контакты с советской стороны. В основном, дело ограничивалось общими фразами, что перевороту способствовало влияние в Белграде пропаганды, перед тем распространявшейся — «через еврейско-масонскую журналистику» — дипломатическими представительствами не только Англии и США, но и СССР. Или просто, что переворот являлся «англо-большевистским заговором», а сербские политики, причислявшиеся к разряду соучастников с заговорщиками, были связаны «деньгами или другими средствами» либо с Лондоном, либо же с Москвой³.

Столь неконкретный характер подобных постулатов вряд ли может свидетельствовать о чем-то другом, нежели о том, что организаторы такой пропаганды и авторы, сочинявшие публичные материалы в данном духе, на самом деле, подобно германским властям, просто не располагали никакими реальными сведениями, которые бы могли указывать на советскую причастность к перевороту.

Парадоксально, но в еще большей мере об отсутствии у них этих сведений свидетельствовали те буквально единичные случаи, когда в пропагандистских опусах фигурировали, наоборот, «фактические примеры» советской причастности или назывались имена связанных, как утверждалось, между собой представителей СССР в Югославии и верхушки заговорщиков.

Так, на рубеже февраля — марта 1944 г. в недичевской пропаганде было заявлено, что генерал Симович, ко времени, когда он возглавил путчистов и осуществление переворота, являлся не только британским и американским, но и советским «агентом-provокатором». И, во-первых, «был в тесной связи с советским [военным] атташе (в Югославии. — ЛГ.) генерал-майором Самохиным». А во-вторых, действовал по «инструкциям и указаниям», которые ему давал ЦК КПЮ, как говорилось, заседавший для этого в Белграде 27 и 28 марта 1941 г. «под руководством Йосипа Броза-Тито и Моши Пьяде»⁴. Но эти утверждения опять-таки были чисто декларативными: в них не упоминалось ничего конкретного ни о том, в чем же выражалась «тесная связь» Симовича с Самохиным, ни о том, что именно содержалось в инструкциях и указаниях ЦК КПЮ, которыми будто бы руководствовался Симович. Факт, что конк-

ретных данных на сей счет недичевская пропаганда привести не могла, хотя они были бы ей крайне выгодны, должен свидетельствовать о том, что на самом деле их у нее и не было, а вышеназванные заявления тоже представляли собой вымысел.

Это, в частности, подтверждается манипуляциями, которыми версия об «инструкциях и указаниях» руководства КПЮ Симовичу сопровождалась в главном из таких заявлений — выступлении по Белградскому радио в конце февраля 1944 г. Драги Йовановича, министра внутренних дел в правительстве Недича⁵.

Одна из манипуляций состояла в том, что все, изображенное Йовановичем как двухдневное заседание ЦК КПЮ 27—28 марта 1941 г., на самом деле представляло собой два разных подпольных собрания коммунистических активистов: одно провел в Белграде крайком КПЮ Сербии, второе, на следующий день, хотя и организовывавшееся непосредственно тем же крайкомом, являлось более широким совещанием с участием некоторых членов руководства КПЮ и значительного круга функционеров партии не только из Белграда, но и из различных районов Сербии⁶. Манипуляция, выдававшая эти собрания за проведение заседания ЦК КПЮ, была, очевидно, призвана усилить эффект версии о коммунистических инструкциях Симовичу, которые должны были выглядеть исходившими с самого партийного верха.

По имеющимся данным, Тито был, по крайней мере, на втором из собраний. И, разумеется, действительно играл там центральную роль. Но присутствия Пьяде на этих собраниях не отмечено. А вместе с тем известно, что к моменту переворота он находился в тюрьме, и вслед за победой путчистов представители КПЮ, требуя от новоназначенного министра внутренних дел в правительстве Симовича выпустить политических заключенных, особо настаивали на освобождении Пьяде. И согласно воспоминаниям одного из коммунистических активистов, как раз тогда сидевшего в одной тюремной камере с Пьяде, того выпустили не раньше 1 апреля 1941 г., а возможно, в последующие дни⁷. Из этого следует, что утверждение о присутствии Пьяде на якобы заседании ЦК КПЮ, датированном более ранними, мартовскими числами, а тем более изображенное его в качестве руководителя ЦК чуть ли ни наравне с Тито, каковым Пьяде отнюдь не являлся⁸, представляло собой еще

одну манипуляцию Йовановича. Ее цель достаточно очевидна: в соответствии с тезисом о «еврейско-масонских» пружинах переворота, произведенного 27 марта 1941 г., подверстать к данному событию еврея Пьяде в качестве того, под чьим влиянием будто бы действовали и КПЮ, и Симович, исходивший, как рисовалось Йовановичем, из указаний коммунистического руководства.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что обозначенная Йовановичем датировка событий, о которых идет речь, тоже неверна. У него, напомним, якобы заседание ЦК КПЮ фигурирует как состоявшееся 27—28 марта 1941 г., а в действительности те два собрания, которые он выдал за такое заседание, были проведены 28—29 марта. В данном случае нет сведений, было ли такое смещение датировки тоже сознательной манипуляцией или, возможно, случайным. Но трудно не заметить, что оно как бы «подтягивало» фигурировавшее у Йовановича заседание ЦК КПЮ вплотную к перевороту. А тем самым придавало больше правдоподобия версии о действиях Симовича по инструкциям, полученным с этого заседания.

Наконец, манипулированием с использованием абсолютной выдумки было само утверждение недичевского министра о подобных инструкциях. Ибо ни на одном, ни на другом из упомянутых коммунистических собраний ни о каких инструкциях Симовичу речи не шло. А анализировалась ситуация, возникшая в результате уже совершенного и для коммунистов довольно неожиданного военного переворота, выяснялись задачи, встающие перед КПЮ в сложившихся условиях, оценивались ее возможности в осуществлении этих задач, намечались основные направления ее действий. В том числе определялась линия КПЮ в отношении уже сформированного правительства Симовича, меры по организации массового давления на него с целью добиться от правительства шагов, которые руководство партии считало необходимыми: политической либерализации режима, решительных мер с целью обороны против «оси», заключения союза с СССР⁹.

Йованович располагал материалами полиции, которой через некоторое время после мартовских событий 1941 г., уже в условиях гитлеровской оккупации Сербии, удалось узнать об этих собраниях и о том, что на них происходило. Напомним в данной связи о хорошо известном в историографии случае с

функционером КПЮ В. Бухой, который в октябре 1943 г., будучи арестован, дал в полиции показания, в частности о втором из собраний, состоявшемся 29 марта 1941 г., чьим участником он был. В том числе Буха пересказал выступление Тито, которое там имело место¹⁰. Так что Йованович имел представление о происходившем на упомянутых собраниях. И тому, что он изображал эти события столь неадекватно, трудно найти иное объяснение, кроме сознательного стремления создать искаженное представление о них.

Впрочем, вся версия о том, что в связи с мартовским переворотом 1941 г. действия Симовича направлялись советской стороной и руководством КПЮ, стала на рубеже февраля — марта 1944 г. распространяться недичевской пропагандой по причине, на которую указывалось в самом выступлении Йовановича и в других подобного рода пропагандистских публикациях. В них не скрывалось, что это просто ответная реакция на имевший место как раз перед тем, в феврале 1944 г., призыв находившегося в эмиграции Симовича к сербскому народу — присоединяться к партизанам, руководимым Тито¹¹. А в одной из упомянутых публикаций недичевской пропаганды и вообще говорилось без обиняков: если после переворота 27 марта 1941 г. можно было думать, что Симович — английский агент, либо даже верить, что и американский, то «теперь (т.е. ввиду его упомянутого призыва в феврале 1944 г. — ЛГ.) обнаружилось, что он должен был быть и агентом советским»¹². Тем самым признавалось, что утверждение, будто генерал еще в событиях марта 1941 г. действовал как «агент СССР и Тито», не было основано на выявлении подобных данных, а представляло собой в лучшем случае лишь чисто умозрительный, если не сказать произвольный, постулат.

Таким образом, подводя сказанному выше итог под углом зрения рассматриваемой нами проблематики, можно с достаточным основанием сделать вывод, что выдвинутая коллаборационистской пропагандой версия о советской причастности к перевороту, произошедшему 27 марта 1941 г., не опиралась на какие-либо реальные фактические сведения. И практически являлась тогда исключительно порождением вымысла на политическую потребу дня.

После Второй мировой войны эта версия долго не фигурировала как предмет исторического исследования или исто-

риографического обсуждения. Во-первых, потому, что фактические данные, которые бы свидетельствовали в ее пользу или хотя бы придавали какую-то актуальность ее рассмотрению, так и не появлялись. А во-вторых, — применительно в основном к советской и югославской историографии либо исторической публицистике, — также потому, что в обеих странах на протяжении длительного времени власти исходили из политико-идеологической недопустимости либо, по крайней мере, нежелательности публичного обращения к подобной проблематике. В СССР любое обращение к исследованию и даже просто к обсуждению темы, касавшейся реального или мнимого участия советских спецслужб в политических потрясениях за рубежом, было просто под запретом. В Югославии, где было установлено коммунистическое правление, на эту проблематику в период до советско-югославского конфликта, произошедшего в 1948 г., смотрели аналогично советской позиции. А когда конфликт разразился, югославскому коммунистическому руководству едва ли могло улыбаться, чтобы вновь публично будировалась тема, которая прежде уже фигурировала во враждебном КПЮ духе, выставлявшем партию в качестве инструмента политики Кремля.

Однако со временем советская и югославская историография оказались в этом смысле в неодинаковой ситуации. В СССР практически до самого конца его существования так и оставалось невозможным какое-либо упоминание о том, являлась ли реальной или мнимой советская причастность к перевороту 27 марта 1941 г. В Югославии же еще в годы коммунистического правления положение стало меняться ввиду постепенно происходившей довольно ощутимой общей идеологической либерализации.

В частности, заметным для довольно широкого круга читающей публики стало краткое упоминание о возможной причастности СССР к перевороту, содержавшееся в научно-популярном однотомнике «История Югославии», вышедшем в 1972 г. в Белграде. Упоминание принадлежало перу одного из четырех авторов книги — В. Дедиера, публициста, придворного биографа Тито, некоторое время руководящего функционера югославской пропаганды, ставшего затем выступать и в роли историка. Ни словом не касаясь вымыслов недичевской пропаганды о Симовиче как агенте СССР и исполнителе указа-

ний руководства КПЮ, Дедиер написал о совершенно другом: «Некоторые факты говорят о том, что советские разведчики (Мустафа Голубич) были в курсе подготовки заговора и даже оказывали поддержку заговорщикам (Божин Симич)»¹³.

Хотя для менее осведомленной части читателей это могло выглядеть вовсе ребусом, для другой, более сведущей части данная фраза содержала кое-что не столь уж непонятное. Из двух названных в ней персонажей, по крайней мере один, тот самый Симич, который фигурировал, напомним, в германской ноте, врученной послу СССР в момент гитлеровского нападения на Советский Союз, был достаточно известной фигурой. Хотя в самой упомянутой книге четырех авторов больше ничего по поводу него не говорилось, о нем в основном знали как о сподвижнике Д. Димитриеви́ча-Аписа, руководителя переворота в Сербии в мае 1903 г., а затем главы конспиративной национально-радикальной сербской организации «Объединение или смерть» («Черная рука»), которая действовала накануне и во время Первой мировой войны. Симича судили вместе с Аписом на получившем значительный резонанс процессе в 1917 г. в Салониках. Но, в отличие от приговоренного к смерти и тут же казненного Аписа, Симич, находившийся тогда в России¹⁴, был осужден заочно, и в итоге ему удалось избежать назначенного судом длительного тюремного заключения. А позже Симич вновь получил известность, когда вслед за переворотом, произошедшим 27 марта 1941 г., был послан Симовичем в Москву в качестве одного из трех членов делегации, подписавшей в ночь с 5 на 6 апреля договор с СССР о дружбе и ненападении.

Имя второго упомянутого Дедиером персонажа, М. Голубича, хотя и ставшее понемногу всплывать в некоторых воспоминаниях, было ко времени выхода названной книги четырех авторов, возможно, менее знакомо широкой публике. И Дедиер в той же книге все-таки чуть коснулся, в отличие от случая с Симичем, некоторых данных о Голубиче¹⁵. Тот являлся активным членом тайной национально-революционной организации «Молодая Босния», которая возникла еще до Первой мировой войны, сотрудничала с «Черной рукой», вплоть до фактического присоединения к последней, и в этом качестве осуществила сараевское покушение 1914 г. Позже Голубич стал коммунистом и затем сотрудником советских спецслужб.

В 1940—1941 гг. действовал в Югославии как нелегал (до ареста и гибели в уже оккупированном немцами Белграде), и тогда среди некоторых знавших его югославских коммунистов сложилось мнение, что он руководил там сетью советской разведки. Это мнение, очевидно, и оказалось одним из отправных пунктов тех утверждений, которые вмещала в себя приведенная выше формулировка Дедиера.

Как легко можно заметить, формулировка, будучи весьма короткой, являлась вместе с тем очень насыщенной по смыслу. Она содержала сразу три важных тезиса. Первый — что Голубич в период организации заговора, приведшего к перевороту 27 марта 1941 г., осуществлял в Югославии функции советского разведчика. Второй — что в его лице советская разведка «была в курсе подготовки заговора». Третий — что она даже оказывала «поддержку заговорщикам». Последнее прямо означало советскую причастность к перевороту.

Однако ни один из этих тезисов ничем не доказывался. Оставалось без объяснений, откуда они взялись, ибо, вспомним, в книге отсутствовали какие-либо ссылки на источники. Если в связи с первым из тезисов все-таки можно было, по крайней мере, более или менее догадываться, что он, скорее всего, берет начало из каких-то воспоминаний, то относительно двух других тезисов оставалось в этом смысле только теряться в догадках. Оперирование словесным оборотом, лишенным всякой конкретики («Некоторые факты говорят о том, что...»), представляло собой лишь напускание сплошного тумана. Применительно ко второму и третьему тезисам написанное Дедиером было полно абсолютного тумана и по поводу того, какое же реальное содержание в них вкладывалось. В каком смысле Голубич «был в курсе подготовки заговора»? Он через кого-то просто узнавал об этом? Или заговорщики готовили переворот с ним в контакте, и потому он «был в курсе»? В чем выражалась его «поддержка заговорщикам»? И в какой связи фигурировало здесь упоминание о Симиче? По всем этим пунктам, касавшимся сути вновь поднятого, таким образом, вопроса о советской причастности к перевороту 27 марта 1941 г., формулировка Дедиера все-таки представляла ребусом не только для менее осведомленных, но даже и для более сведущих читателей.

Подобного рода способ обращения к данному сюжету, использованный Дедиером, был, очевидно, во многом обуслов-

лен тем, что у автора этого ребуса почти не было достаточно внятных, а тем более надежных источников. В то же время, похоже, в такой ситуации особенно проявилась и характерная для ряда его работ манера делать вид, будто ему известны некие не излагаемые им данные, являющиеся основанием для того, что у него непосредственно написано. Эта манера нередко сочеталась в его публикациях со склонностью к произвольному сочинительству, а то и к фальсификациям¹⁶. Ввиду чего формулировка, пущенная им в оборот, должна была бы вызывать определенную настороженность. Однако в последующей югославской исторической литературе, когда поднимался вопрос о причастности СССР к перевороту, произошедшему 27 марта 1941 г., в той или иной мере повторялась версия, выдвинутая Дедиером. Так, даже в самом конце существования «второй», коммунистической Югославии, В. Терзич в своем вызвавшем тогда большой резонанс двухтомнике о катастрофе 1941 г., касаясь проблемы советской причастности к перевороту, просто процитировал формулировку Дедиера. Причем не сопроводил ее никакими сомнениями или вообще замечаниями¹⁷.

Тем не менее, со временем в югославской, а затем и в постюгославской сербской историографии были прямо или косвенно подвергнуты сомнению важные стороны версии Дедиера.

Уже в конце существования «второй» Югославии появилась косвенная критика со стороны такого известного историка, как Б. Петранович. Он, без какого-либо упоминания о версии Дедиера, фактически вступил в полемику по поводу широковещательных утверждений, содержащихся во втором и третьем из упомянутых выше тезисов этой версии: что Голубич как советский разведчик был «в курсе подготовки заговора» и даже оказывал «поддержку заговорщикам». Обращаясь к вопросу «о непосредственной роли СССР в событиях 27 марта», Петранович писал, что по данному поводу «историография сегодня знает очень мало. И то, что известно, не выходит за пределы указаний на связи офицера советской разведки Мустафы Голубича с некоторыми славянофильски ориентированными участниками путча (Божином Симичем и другими)»¹⁸. Тем самым был, по сути, выражен серьезный скепсис в отношении выше-названных тезисов Дедиера как голословных, ничем не подтвержденных.

Правда, позиция Петрановича была подвержена колебаниям. Так, в другой работе, написанной им в соавторстве с Н. Жутичем, категорично, без каких-либо доказательств утверждалось, что во второй половине 1940 — начале 1941 г. «Москва влияла на события» в Югославии, используя в том числе «военную разведывательную службу полковника Мустафы Голубича». Но куда более осторожно, скорее в виде предположения, допускалась вероятность того, что «через полковника Божица Симича Мустафа Голубич мог влиять и на Душана Симовича, и на других заговорщиков»¹⁹. Неоднократно фигурирующая в историографии версия о возможной связи Голубича с Симичем базируется во многом на весьма устойчивых представлениях об их давнем контакте со времени участия обоих в деятельности «Черной руки». Отметим, что сам Голубич в автобиографии, написанной им во время работы в аппарате Исполкома Коминтерна (ИККИ), указывал на связь с Симичем в начале 1920-х годов, когда они оба были в эмиграции во Франции²⁰.

В постюгославский период обращает на себя внимание критика версии Дедиера, содержащаяся, например, в известной обзорной работе В. Казимировича «Сербия и Югославия, 1914—1945», в которой во многом суммировалось и оценивалось сделанное в предшествовавшей историографии. Казимирович цитировал те же тезисы Дедиера, что и Терзич, но, в отличие от последнего, оправдано указывал, что они не подтверждаются какими-либо несомненными доказательствами²¹.

Впрочем, в книге Казимировича отмечался и факт имевшей место еще более радикальной версии по поводу роли Голубича в перевороте, произошедшем 27 марта 1941 г. И потому Казимирович считал, что Дедиер в своих постулатах был все-таки «немного осторожнее», чем выступавший в роли свидетеля рассматриваемых событий 1941 г. П. Попович-Црни. Тот, фигурировавший в качестве одного из участников нелегальной сети, которая действовала под руководством Голубича, вовсе, как отмечалось Казимировичем, утверждал, будто Голубич не только был прежде всего заинтересован в том, чтобы иметь контакт с путчистами, но и играл чрезвычайно важную роль в подготовке путча. Более того, по поводу организации заговора и произведенного 27 марта переворота Казимирович цитировал слова Поповича о том, что «все осуществлено

путем тесного сотрудничества Интеллидженс сервис (т.е. британской разведки. — ЛГ.) и НКВД, как представитель которого действовал Мустафа Голубич»²². Но в пользу этой версии также отсутствовали документальные доказательства. Забегая вперед, укажем, что их и по сей день нет в исследованной до сих пор британской документации, не говоря уж о советской и югославской. Да к тому же, как уже отмечали, к примеру, и сам Дедиер, и сославшийся на него Терзич, ко времени мартовских событий 1941 г. Голубич работал не в разведке НКВД, а в советской военной разведке²³ (позже это подтверждалось и сведениями из советских источников²⁴). Так что достоверность сообщавшегося Поповичем более чем сомнительна. И вполне правомерной была оценка Казимировича, считавшего то, что излагал Попович, лишенным очевидных подтверждений так же, как и версию Дедиера²⁵.

Вместе с тем, еще Терзич, позднее и Петранович, а впоследствии отчасти Казимирович ставили или хотя бы обозначали каким-то образом вопрос о вероятности также других контактов советской стороны с теми, благодаря кому произошел переворот 27 марта 1941 г.

Так, Терзич писал, что связь СССР с заговором существовала, возможно, через популярного сербского писателя и общественного деятеля Д. Васича. Тот, согласно едва ли поддающимся проверке мемуарным сведениям, преимущественно просто догадкам некоторых югославских участников событий кануна Второй мировой войны и затем самой войны, был связан с советскими спецслужбами, в том числе в период, о котором идет речь, с тем же Голубичем. Такая версия о Васиче, весьма широко кочевавшая по югославской историографии, была использована, в частности, Дедиером в упомянутой выше работе. И Терзич, повторяя ее, в сущности, следовал за Дедиером²⁶. Но к этому Терзич добавил и еще одну версию, основанную на подобном же рода свидетельствах, как упомянутые выше, или во многом близких по характеру. Согласно ей, Васич играл одну из ведущих ролей на раннем этапе образования заговорщических групп. И, по мнению Терзича, был «тем самым и одним из важных вдохновителей переворота»²⁷. Соединив обе версии, Терзич увенчал их выводом: «не трудно предположить», что когда дело двинулось к реализации идеи путча, «заработали старые знакомства и дружба, и русские были не только хорошо

осведомлены о подготовке переворота, но и могли до некоторой степени влиять на эту подготовку»²⁸.

Вся эта конструкция мало чем отличалась от версии Дедиера о Голубиче, в сущности, повторяла ее, но с другим персонажем в роли представителя советской разведки — Васичем. Более того, у Терзича под влиянием версии Дедиера фигурировало в качестве наиболее вероятного предположение, что Васич контактировал с Голубичем и мог служить связью между последним и путчистами²⁹. Оценивая позже обоснованность такого сценария, Казимирович справедливо заметил, что утверждение о связи Голубича с путчем и путчистами, основанное только на «факте, что он был в контакте с Драгишей Васичем, не доказывает, в сущности, ничего». Эту оценку Казимирович подкрепил ссылкой, по его словам, на более чем известное обстоятельство, что «и Драгиша Васич вообще не был в курсе подготовки военного переворота»³⁰.

В любом случае, совершенно очевидно, что вся версия Терзича о Васиче строилась исключительно на предположениях. А стало быть, она в такой же мере была лишена сколько-нибудь доказательных документальных подтверждений, как и версия Дедиера о Голубиче.

Другая версия, тоже связанная с именем Васича, но одновременно, что еще важнее, и с именем главы путчистов генералом Симовичем, была выдвинута в югославской эмигрантской литературе. В частности, Казимирович по этому поводу выделил публикацию Н. Томича «Пакт, путч и война», изданную в 1967 г. в Мельбурне. И касаясь ее содержания, отметил, что согласно Томичу, через Васича в период подготовки переворота был установлен контакт между Симовичем и полпредом (посланником) СССР в Белграде В.А. Плотниковым. Вместе с тем, как фиксировал Казимирович, у Томича говорилось, что Симович установил и еще одну связь с советской стороной — с Генеральным штабом Красной Армии. А сделано это было через военного атташе Югославии в Москве полковника Ж. Поповича³¹. Вопросы о том, в чем конкретно заключались эти связи и есть ли вообще такого рода конкретика в книге Томича, Казимирович не касался. И вовсе обошел молчанием вопрос, откуда Томичем были почерпнуты упомянутые данные о контактах Симовича. А ограничился лишь не подкрепленным никакими аргументами замечанием, что Томич был, «очевидно, хорошо

осведомлен об известных деталях вокруг подготовки путча 27 марта 1941 г.»³².

Однако откуда Томич мог быть осведомлен о контактах Симовича с советской стороной? Если это были официальные, по военно-дипломатической линии, служебные контакты генерала как командующего ВВС Югославии, то понятно, что они должны были фиксироваться в соответствующей югославской документации, часть которой могла быть вывезена при эмиграции, сопровождавшей поражение в апреле 1941 г., и оказаться впоследствии доступной эмигрантским исследователям. Но если, как излагал написанное Томичем Казимирович, речь шла о негласном, скрывавшемся от югославских властей содержании контактов, связанном с подготовкой переворота, то в каких материалах это могло фиксироваться? Понятно, что не в официальной югославской документации. Выходит, в секретной советской? Но ею Томич, как и едва ли кто другой, явно не мог обладать. Тогда что же за источниками он мог пользоваться? Все теми же циркулировавшими после переворота, а особенно в период оккупации Югославии и затем уже после войны различными слухами, предположениями и домыслами, в том числе теми, которые в огромной мере присутствовали в пропагандистских материалах, а затем в устных и опубликованных воспоминаниях в эмиграции и в самой стране?

Подобного рода данные получили довольно широкое использование в историографии. В частности, заметим, что по поводу роли Васича, например, Терзич ссылался на показания, которые были во время оккупации даны немцам югославским / сербским политиком М. Косичем, занимавшим при режиме Недича ответственный пост в Сербском народном банке. И цитировал утверждения Косича, заявлявшего, что основывается на некоторых своих разговорах с Васичем: «Драгиша Васич поддерживал прочные связи с советским посланником Плотниковым, и я твердо уверен, что враждебное поведение Васича по отношению к князю (принцу-регенту Павлу Карагеоргиевичу, фактическому правителю Югославии, отстраненному от власти переворотом 27 марта 1941 г. — ЛГ.) было инспирировано русскими». Или еще: «Убрать князя с важных политических постов имело для Советов чрезвычайное значение, и они непременно давали в этом смысле советы Васичу»³³.

Свидетельства примерно такого характера едва ли могут рассматриваться в качестве надежных и доказательных. Как, впрочем, и почти любые мемуарные утверждения, тем более — исходящие от третьих лиц. Уже самим своим происхождением подобные материалы, как правило, рождают дилемму: можно им доверять или нет? Эту отнюдь не простую, а подчас и очень сложную дилемму разные авторы, выступающие в роли историков, решают весьма различно.

Нередко происходит выборочное и произвольное использование такого рода данных в качестве якобы достоверных, без их необходимого подтверждения на основе иных, более надежных источников. Названный подход является во многих случаях результатом отсутствия должной подготовленности того или иного автора к научному исследованию исторических событий и процессов. Но в большой мере этот неоправданный подход выбирается рядом авторов и сознательно: в соответствии с заранее заданной тенденцией. Она бывает обусловлена либо примитивным желанием «открыть» публике нечто, вызывающее сенсацию, либо намерением изобразить/интерпретировать те или иные события в соответствии с некими политико-идеологическими, социальными, этническими, конфессиональными, просто кланово-групповыми интересами, а то и с личными пристрастиями автора. В противоположность всему этому, профессионально подготовленный историк, нацеленный на серьезное непредвзятое исследование, стремится, насколько возможно, выявить какой-то более доказательный документальный материал, который бы при сопоставительном анализе позволил оценить, отражают ли, и в какой мере, упомянутые спорные данные историческую реальность или же, наоборот, противоречат ей. Если же возникает ситуация, когда на основе доступных источников такое выяснение невозможно, остается лишь один адекватный научный вывод: считать спорные данные, о которых идет речь, всего лишь версией, пока не поддающейся проверке. И не более того.

Применительно к тем отмеченным выше сведениям, на которые указывал Казимирович как на содержащиеся у Томича, необходимо отметить, что в исследованной до сих пор российской, т.е. бывшей советской, архивной документации не удалось обнаружить никакого подтверждения таких сведений. Ни о роли Васича, в частности как связующего звена меж-

ду Симовичем и полпредством СССР в Белграде, ни вообще о контактах Симовича с советской стороной, которые бы касались подготовки переворота. Пока что невозможно судить о том, чем обусловлено подобное положение. Если отсутствием самих таких данных в бывших архивах внешнеполитического, военного ведомств, разведслужб СССР, то причиной может быть или почему-либо проведенное еще в советское время уничтожение документов с этого рода данными, или же просто отсутствие негласного взаимодействия Симовича — через Васича ли, по другим ли каналам — с советскими представителями по поводу готовившегося путча. Но вполне вероятно, что дело в ином: во все еще сохраняющейся недоступности очень многих документов в соответствующих российских архивах.

В сложившейся, таким образом, ситуации, естественно, вызывают особый интерес имеющиеся в различных вариантах и хранящиеся в архивах мемуарные свидетельства тех, кто, согласно Казимировичу, фигурировал у Томича в качестве югославских участников контактов с советской стороной относительно предстоявшего переворота: самого Симовича и тогдашнего военного атташе Югославии в Москве Поповича. Хотя отдельные из этих документов частично использовались в некоторых работах, в частности югославских авторов³⁴, однако, насколько можно судить на основе знакомства с историографией, упомянутые мемуарные свидетельства не анализировались специально на предмет выяснения вопроса о том, был ли Симович связан с советской стороной по поводу подготовки и проведения путча.

Что касается мемуаров Симовича, они существуют — и исследовались мною — в двух вариантах. Один, написанный еще во время Второй мировой войны, когда Симович был в эмиграции, находится в Архиве Гуверовского института в Стэнфорде, другой, законченный после войны и более обширный, чем первый, — в Военном архиве Института стратегических исследований в Белграде. В обоих вариантах генерал отметил, что действительно существовал негласный, скрытый контакт между ним и советской стороной в период, предшествовавший перевороту. В первом из них это обозначено следующим образом: «Через одного своего личного друга я был связан с представителем Советской России и работал над тем, чтобы обеспечить защиту и опору со стороны России»³⁵. А во втором

варианте мемуаров тот же сюжет выглядит так: «С военным атташе Советской России у меня была связь в той мере, что он, после официального посещения, дважды присылал мне его доверенное лицо, предлагая поставку известного материала для вооружения и оснащения авиации»³⁶.

Таким образом, в обоих вариантах — в первом, правда, не совсем определено, а во втором абсолютно прямо — Симович указал, что речь шла о его контактах с советским полпредством в Белграде. Но в первом варианте ничего не говорилось ни о том, с кем в полпредстве поддерживалась связь, ни о том, в чем конкретно она заключалась. А употребленная формулировка о «работе» Симовича, направленной на обеспечение «защиты и опоры» со стороны СССР, способна вызвать подозрение, что могла подразумеваться и некая советская поддержка путчистов в подготовке и осуществлении переворота. Во втором же варианте поставлены в этом смысле все точки над «и». Сказано, что связь осуществлялась с советским военным атташе А.Г. Самохиным (а не с полпредом Плотниковым, который, как отмечено Казимировичем, фигурировал у Томича). И что содержанием связи являлось лишь рассмотрение вопроса о возможной советской помощи в вооружении и оснащении югославских ВВС, которые должны были служить важнейшим средством обороны страны.

Однако сказанное о содержании контакта с Самохиным вызывает некоторые вопросы ввиду сведений, имеющих в мемуарах, написанных осенью 1942 г., во время эмиграции в Каире, братом генерала Симовича — врачом М. Симовичем, который был в определенной мере в курсе негласной активности своего брата в период, предшествовавший путчу. Эти мемуары хранятся в Архиве Гуверовского института. В них говорится, что Д. Симович и его заместитель в командовании югославских ВВС, а одновременно главный партнер по руководству переворотом генерал Б. Миркович «перед событиями 27 марта беседовали с представителем русской [дипломатической] миссии с целью обеспечить защиту со стороны России, если бы Гитлер попытался немедленно напасть на нас»³⁷. Такая формулировка гораздо ближе той, которая использована в первом варианте мемуаров Д. Симовича. И в случае, если обе они все-таки отражали то, что, помимо указанного во втором варианте, тоже являлось содержанием контакта с полпредством СССР,

встает вопрос, имелась ли при этом в виду возможность гитлеровского нападения на Югославию немедленно после намеченного путча. А соответственно, возникает и вопрос, было ли полпредству в ходе упомянутого контакта каким-то образом дано понять Д. Симовичем (или вместе Симовичем и Мирковичем), что речь идет о перспективе переворота. И чем объяснить, что в первом варианте мемуаров Д. Симовича употреблена формулировка, из которой складывается впечатление о его инициативе в том, «чтобы обеспечить защиту и опору со стороны России», а во втором — формулировка, указывающая на инициативу Самохина?

Остаются, наряду с перечисленными, и вопросы о том, через кого все-таки осуществлялась связь с полпредством. Были ли «личный друг» генерала Симовича из первого варианта его мемуаров и «доверенное лицо» Самохина, упомянутое во втором варианте, одним и тем же человеком? А если нет, то чем бы мог объясняться разницей? И имелся ли в виду — хотя бы в одном из вариантов — Васич?

Обо всем этом пока остается только гадать.

О каком-либо, официальном или негласном, контакте Д. Симовича с советским Генштабом нет никакого упоминания ни в одном из вариантов мемуаров генерала. Нет об этом упоминания и ни в одном из хранящихся в Архиве Гуверовского института тоже двух вариантов мемуаров военного атташе Югославии в СССР в 1940—1941 гг. Поповича³⁸. А ведь, напомним, если верить зафиксированному Казимировичем, в публикации Томича говорилось, что такой контакт был установлен именно через Поповича. Так что тут и вовсе можно лишь гадать, как было на самом деле.

Впрочем, достоверность даже того, о чем с определенностью говорилось, к примеру, в мемуарах генерала Симовича по поводу его контакта с полпредством СССР, едва ли можно считать стопроцентной, пока она не будет хоть как-то подтверждена более или менее надежными источниками советского происхождения. Конечно, если такие источники есть. Пока же остается констатировать, что о причастности советской стороны к перевороту 27 марта речь не идет ни в мемуарах Д. Симовича, ни в мемуарах Поповича.

В отличие от уже названных выше версий о предполагаемой связи СССР с путчистами, Петранович, чья позиция была

подвержена некоторым колебаниям, касаясь этой темы, отводил в ней главную роль Симичу. Он высказывал мнение, что эта фигура «представляет собой “ключ” для проникновения в проблему советской политики в Югославии с начала Второй мировой войны до мартовского переворота 1941 г.» и что именно с Симичем у советской стороны была связь в Югославии³⁹. Однако дальше столь общего соображения Петранович не шел, констатируя, что для этого пока нет необходимых фактических данных. Он лишь отметил, по его словам, известность того, что Симич «обладал влиянием» на события, связанные с переворотом, но при этом подчеркнул, что «невозможно установить и его реальную роль» в них⁴⁰.

О том, насколько действительно югославская историография даже к концу существования «второй» Югославии не располагала сведениями о роли Симича, и в частности о его отношениях с советской стороной накануне переворота, наглядно свидетельствовало содержавшееся у Терзича замечание о факте пребывания Симича в Москве в начале 1941 г., до путча. Терзич основывался только на данных, заимствованных из известной монографии о внешней политике Югославии, написанной итальянским историком А. Бречча. И, говоря о событиях зимы 1940/1941 г., смог лишь необычайно кратко упомянуть, что тогда в столицу СССР прибыла «в неофициальной форме югославская миссия во главе с полковником Божином Симичем», встречающаяся «с ведущими советскими личностями»⁴¹. Ничего более конкретного Терзич привести был не в состоянии: в книге отсутствовали какие-либо данные о том, от чьего имени и с какой целью Симич приехал и вел переговоры; из кого состояла миссия, которую он, как утверждалось, возглавлял; с кем именно он встречался с советской стороны; какие вопросы обсуждал; каковы были результаты переговоров. Не указывалось даже то, когда он прибыл в Москву и в течение какого времени здесь находился.

Кое-что более определенное стало всплывать лишь с рубежа 1980-х — 1990-х годов, в обстановке происходившего краха режимов, существовавших в СССР и Югославии. Тогда начали постепенно открываться прежде засекреченные документы советских центральных архивов, после распада СССР унаследованных Россией, и значительно расширились возможности

доступа и исследования в югославских федеральных архивах, после распада Югославии оказавшихся у Сербии.

Из введенных вследствие этого в научный оборот ряда новых документальных материалов выяснилось, что в течение значительной части марта 1941 г. Симич действительно находился в СССР, но отнюдь не во главе какой-то неофициальной миссии. Еще к концу 1940 г., в обстановке усиливавшегося давления Берлина и Рима на Белград с целью подчинить его курсу «оси», принц-регент Павел Карагеоргиевич, стремившийся проводить политику нейтралитета Югославии путем лавирования между великими державами, решил секретно отправить Симича «со специальным поручением» в Москву. Полпред Плотников телеграфировал об этом из Белграда в Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) СССР 17 декабря 1940 г., сославшись на «сведения, исходящие от секретариата дворцовой канцелярии»⁴². Из документа можно понять, что полпредство получило такие сведения негласным путем⁴³. Произошедший в конце первой декады декабря 1940 г. обмен телеграммами между министром иностранных дел Югославии А. Цинцар-Марковичем и посланником в Москве М. Гавриловичем свидетельствует, что уже тогда Белград для отправки Симича имел в виду включить его в состав сотрудников югославского дипломатического представительства в СССР⁴⁴. Но югославская сторона обратилась по этому поводу к советской значительно позже, и лишь в конце февраля 1941 г. была запрошена въездная виза для Симича. Вслед за тем он прибыл в Москву и занял отведенную ему официально с 1 марта должность атташе дипмиссии Югославии, возглавлявшейся Гавриловичем⁴⁵.

В историографии, однако, довольно долго еще продолжала иметь хождение версия о якобы какой-то специальной миссии, направленной во главе с Симичем в СССР. Так, Петранович и Жутич, даже получив уже возможность ознакомиться с некоторыми дипломатическими документами, касавшимися этого пребывания Симича в Москве, тем не менее в работе, опубликованной в 1990 г., почему-то повторили вслед за Терзичем ту же формулировку о посетившей СССР будто бы «неофициальной югославской военной миссии с полковником Божином Симичем»⁴⁶.

Еще дальше такая версия пошла и еще дольше держалась в трудах некоторых российских авторов, прежде всего военных историков. В книге Н.В. Васильевой и В.А. Гаврилова «Балканский тупик?..», вышедшей в 2000 г., говорилось о прибывшей в Москву «югославской военной делегации во главе с полковником генерального штаба югославской армии Б. Симичем для ведения переговоров о поставках в Югославию советского вооружения»⁴⁷. Откуда взялись прибавленные к прежней версии, без того неверной, еще и утверждения, будто речь шла о военной делегации для ведения переговоров о поставках советского вооружения и будто Симич, на самом деле давно уволенный из армии, являлся в начале 1941 г. действующим офицером генштаба, не известно. В тех изданиях и на тех страницах, на которые авторами названной книги были в данном случае сделаны ссылки, ничего подобного нет⁴⁸. Тем не менее, из упомянутой книги это было слово в слово повторено пять лет спустя в работе, написанной теми же двумя авторами вместе с В.А. Миркискиным⁴⁹. Причем на сей раз парадокс был тем большим, что они сослались на мою работу⁵⁰, в которой, наоборот, как раз говорилось, что в документах «нет и речи о какой-либо миссии, которую бы возглавлял Симич, всюду фигурирует только он сам». Так же как у меня не было ни слова ни о каких-либо переговорах Симича по поводу вооружения, ни о том, что он якобы являлся полковником югославского генштаба⁵¹ (в другом месте той же моей работы ясно указывалось, что Симич — «отставной полковник»⁵²).

МИД Югославии в переписке с дипмиссией в Москве по поводу назначения Симича именовал последнего «специальным атташе»⁵³. Очевидно, в этом отражалась возложенная на Симича функция выполнения «специального поручения», ради которого принц-регент Павел решил его послать. Из исследованных документов видно, что, во всяком случае, через полпредство СССР в Белграде советская сторона официально не уведомлялась югославской стороной ни о том, что Симич едет не в качестве обычного сотрудника дипмиссии в Москве, а ему дано некое особое поручение, ни тем более о том, в чем это поручение состоит. Пока не известны источники, на основе которых можно было бы судить, имело ли место такое уведомление по другим каналам. Но мы знаем, что уже 1 марта 1941 г., в день, когда Симич должен был приступить к работе в дип-

миссии, временный поверенный в делах СССР в Югославии В.З. Лебедев телеграфировал в НКВД: «Приехавший в Москву Симич имеет, по неофициальным сведениям, секретные полномочия для переговоров с Советским правительством»⁵⁴.

Однако историография пока так и не располагает документами, советскими либо югославскими, в которых содержались бы сведения о том, что за переговоры имелись в виду и в чем конкретно заключались полномочия Симича. Это порождало и продолжает порождать как вопросы и недоумения, так и некоторые суждения, в том числе весьма категоричные, но лишённые документальных подтверждений, а то и более чем произвольные.

Сначала — о вопросах и недоумениях.

В 1990 г., при первых шагах в рассекречивании прежде закрытых советских архивных документов, В.К. Волков в статье о советско-югославских отношениях 1939—1941 гг., указывая на только что опубликованную телеграмму Лебедева в НКВД от 1 марта 1941 г. с сообщением о том, что у Симича есть секретные полномочия для переговоров с правительством СССР⁵⁵, задавался даже вопросом, от кого полномочия. Ни Волкову, ни другим исследователям еще не были известны ни упомянутое выше сообщение Плотникова от 17 декабря 1940 г. о решении Павла Карагеоргиевича отправить Симича в Москву, ни переписка между МИД Югославии и югославской дипмиссией в СССР об организации этой отправки. Соответственно, Волков терялся в догадках. Он испытывал сомнения в том, что полномочия были от правительства Югославии во главе с премьер-министром Д. Цветковичем. Но в то же время считал вряд ли реальным, чтобы правительство СССР могло вступать в переговоры с Симичем как с тем, кого наделила полномочиями группа готовивших переворот 27 марта⁵⁶.

В отличие от Волкова, подходившего к этой проблеме с осторожностью более чем серьезного и опытного исследователя, через год с лишним И.В. Бухаркин, в течение ряда лет работавший в Историко-дипломатическом управлении МИД СССР, а затем в Историко-документальном департаменте МИД России и ставший выступать с газетно-журнальными публикациями по поводу переворота 27 марта 1941 г. и сопутствовавших событий, сделал свою первую заявку на куда более сенсационную версию: «Возникает ... вопрос: кто же направил в Мос-

кву полковника в отставке (речь шла о Симиче. — ЛГ.) и кого он там представлял? Не заговорщиков ли?», — писал он⁵⁷. Вопрос выглядел несколько странно, ибо в той же газетной публикации сам ее автор упоминал о документе, о котором Волков, когда писал названную выше статью, просто еще не знал. Речь шла о телеграмме Цинцар-Марковича Гавриловичу от 15 марта 1941 г., в которой министр иностранных дел Югославии поручал югославскому посланнику в Москве срочно прислать Симича в Белград для доклада⁵⁸. Из чего ясно следовало, что Симич находился в Москве по поручению югославских властей.

А теперь — о суждениях, лишенных документальных подтверждений, а то и произвольных

В.Я. Сиполс, тоже коснувшийся вопроса о том, кого представлял Симич в Москве, сделал это уже после опубликования названной выше статьи Бухаркина. И ссылаясь как раз на содержащиеся в ней сведения о телеграмме Цинцар-Марковича Гавриловичу 15 марта 1941 г., заключил, что Симич был направлен в СССР высокими югославскими кругами. Но все-таки, возможно не без влияния написанного Бухаркиным, обозначил при этом не государственное руководство Югославии, а прибегнул к довольно туманной формулировке, что Симич «был направлен какой-то группой высокопоставленных деятелей, скорее всего военных». И высказал предположение: «Повидимому, он (Симич. — ЛГ.) имел поручение неофициально выяснить возможность заключения с СССР союзного договора»⁵⁹. Никаких обоснований в пользу названной формулировки и своего предположения Сиполс не привел.

Между тем Бухаркин в другой статье, появившейся в 2006 г. и повторно опубликованной еще пять лет спустя, уже без обиняков, как якобы установленный факт, рисовал следующую картину. Упомянув, что 14 марта 1941 г. В.М. Молотов как глава НКВД СССР в шифровке, направленной в советское полпредство в Белграде, опровергал слухи о ведущихся в Москве переговорах с целью заключения военного союза между СССР и Югославией⁶⁰, автор писал: «Однако именно в это время высшие военные круги в Советском Союзе разрабатывали план отрыва Югославии от гитлеровской «оси». Для этого в Москву с секретной миссией прибыл особый переговорщик, представлявший антигермански настроенное югославское офицерство, — Божин Симич»⁶¹. Помимо того, что тезис Бухаркина

противоречил, как уже отмечено, телеграмме Цинцар-Марковича Гавриловичу от 15 марта 1941 г., с очевидностью свидетельствовавшей о прибытии Симича в Москву именно по поручению югославских властей, еще удивительнее другое. Ведь вторая статья Бухаркина появилась через восемь лет после того, как МИД России выпустил том документов, в котором опубликована упомянутая выше телеграмма Плотникова в НКВД СССР от 17 декабря 1940 г. с сообщением о решении Павла Карагеоргиевича отправить Симича в Москву «со специальным заданием». Было ли игнорирование этого документа автором статьи следствием просто его неосведомленности о затронутых им аспектах советско-югославских отношений или являлось намеренным, поскольку не вписывалось в рисовавшуюся им версию, но в любом случае сама эта версия, к которой мы еще вернемся, построена на весьма произвольном изображении и толковании событий, рассматривавшихся Бухаркиным.

Но какие же переговоры в Москве мог иметь в виду Павел, отправляя Симича? Пока в доступных для исследования документах не обнаружены сведения, позволяющие судить об этом. Похоже, однако, что отправка Симича в СССР была органической частью той же тактики, которой пользовалось тогда югославское руководство в своей политике лавирования по отношению к Германии и Италии. Зондажи и тайные переговоры с Берлином и Римом, периодически предпринимавшиеся Белградом с ноября 1940 г., после нападения Италии на Грецию, и продолжившиеся в начале 1941 г., в значительной степени осуществлялись через неофициальных эмиссаров из числа югославов, известных тесными связями с германскими либо, соответственно, итальянскими властями и в той или иной мере являвшихся в Югославии доверенными лицами, а то и фактическими агентами этих властей. Вместе с тем у названных лиц имелись достаточно тесные контакты с югославскими дворцовыми и правительственными кругами, доверительные поручения которых они охотно выполняли, тем более что нередко были заинтересованы в упрочении отношений Югославии с Германией или Италией. Через них югославское руководство старалось выяснить позиции Берлина и Рима по вопросам, важным для Белграда, прощупывало возможность достижения тех или иных соглашений, неофициально пере-

давало предложения, договаривалось о тайных встречах высокопоставленных официальных представителей⁶². Видимо, для неофициальных контактов с Москвой выбор по той же схеме остановился на Симиче. Ибо он был известен как русофил и считался человеком, как-то связанным с советской стороной.

Не только тогда, но и впоследствии, вплоть до наших дней, ходили и ходят разного рода догадки, что Симич контактировал с советскими разведслужбами, а то даже чуть ли ни являлся до какой-то степени их агентом⁶³. Вместе с тем, и тогда, и позже было довольно известно, что он не имел никакого отношения к коммунистам. Симич был вхож в сербские правящие круги довоенной Югославии. Реально он принадлежал к сербско-патриотическому слою политиков и военных, радикально настроенных против «оси». И был сам заинтересован в том, чтобы Югославия получила от СССР максимально возможную поддержку, которая позволила бы противостоять давлению Германии и Италии. Если исходить из того, как югославское руководство использовало подобного рода неофициальные контакты с Берлином и Римом, то наиболее вероятно, что с помощью Симича хотели прежде всего с большей достоверностью, чем по официальным дипломатическим каналам, прозондировать, на какую реально поддержку СССР можно было бы рассчитывать, в том числе на случай самой крайней опасности для Югославии со стороны Германии и Италии. Заодно, быть может, рассчитывали через Симича подтолкнуть Москву на какие-то практические шаги, особенно желательные Белграду.

Тем более что к тому времени, когда Симича отправили в Москву, какая-либо реальная поддержка Советским Союзом Югославии, по сути, вообще отсутствовала. Единственная конкретная помощь, об оказании которой удалось достигнуть договоренности, — продажа советской стороной вооружения и других материалов для югославской армии — так и не была начата⁶⁴. Главным образом из-за боязни Москвы, что о таких поставках узнает Берлин и это может нанести ущерб отношениям между СССР и Германией⁶⁵. Но, возможно, влияло и серьезное недоверие советской стороны к югославскому руководству в лице Павла и премьер-министра Цветковича.

Судить о том, что реально делал Симич по прибытии в советскую столицу, более чем затруднительно, хотя формально историки располагают некоторым документальным материа-

лом на сей счет. Ибо происхождение и характер этого материала таковы, что содержащиеся в нем сведения трудно считать достаточно надежными и точно отражавшими историческую действительность. Речь идет о телеграфной переписке 9—14 марта 1941 г. между, с одной стороны, Гавриловичем в Москве, с другой — Цветковичем и Цинцар-Марковичем в Белграде. Переписка частично опубликована, а что не опубликовано, то доступно для исследователей в фонде Гавриловича в Архиве Гуверовского института. В ней посланник сообщал, что имели место контакты Симича с какими-то советскими военными представителями. И те дали ему понять, что желательно заключение военного пакта между СССР и Югославией, но с такой инициативой должна выступить сама югославская сторона. Этих советских представителей Гаврилович не называл, однако настойчиво рекомендовал своему правительству откликнуться на их пожелание, а пока не соглашаться на требование Берлина о присоединении Югославии к Тройственному пакту. Посланник достаточно ясно, лишь с чисто тактическими оговорками, ставил вопрос о предоставлении ему, Гавриловичу, полномочий на то, чтобы он мог официально поднять перед правительством СССР тему о желательности переговоров относительно заключения советско-югославского военного союза⁶⁶.

Таинственность, которой Гаврилович обставил свои сообщения об этих контактах Симича, не называя беседовавших с ним советских военных, вызвала в историографии сомнения, не являлись ли эти сообщения предпринятой посланником с участием Симича (оба были против присоединения к Тройственному пакту) мистификацией с целью толкнуть Белград на предложение Москве о заключении военного союза. Высказывались также предположения, что, не исключено, в такой мистификации участвовала и английская дипломатия, поскольку Гаврилович для отправки упомянутых телеграмм частично пользовался каналами связи британского посольства в советской столице, с которым был в тесном контакте. Цель подобного шага могла быть связана с надеждой, что в случае согласия Москвы на заключение военного союза с Белградом произойдет укрепление позиций Югославии, которое позволит ей отвергнуть требование Гитлера. Версия о мистификации получила дополнительный аргумент, когда в ходе публикации вновь

рассекреченных советских архивных документов стала известной уже упоминавшаяся выше шифровка Молотова в советское полпредство в Белграде от 14 марта 1941 г., в которой опровергались распространившиеся в западной печати слухи о переговорах в Москве по поводу заключения военного союза между СССР и Югославией. Но не исключалось в историографии и то, что намеки Москвы на возможность советско-югославского военного пакта действительно имели место, а телеграмма Молотова была призвана замести следы ввиду боязни осложнения советско-германских отношений⁶⁷.

Фактически в русле второй из этих точек зрения была, в частности, сформулирована названная выше версия Бухаркина о прибытии Симича в СССР в качестве «особого переговорщика» в связи с тем, что как раз тогда «высшие военные круги Советского Союза разрабатывали план отрыва Югославии от гитлеровской “оси”». Однако особенность версии состояла в том, что она, таким образом, изображала Симича человеком, во-первых, ведущим переговоры ни более, ни менее, как с «высшими военными кругами» СССР, а во-вторых, как, напомним, писал Бухаркин, представлявшим на переговорах «антигермански настроенное югославское офицерство». Такие формулировки были куда хлеще, чем говорилось в сообщениях Гавриловича. Естественно, встает вопрос, откуда же Бухаркин все это взял. Но он не приводил никаких аргументов в пользу своих утверждений, не ссылаясь на какие-либо конкретные данные. Из его двух статей, упомянутых выше, вся вторая статья, где и содержались названные утверждения, основывалась лишь на его общем заявлении, что «в начале 2000-х автору этих строк удалось отыскать в архивах МИД СССР и Югославии неизвестные ранее документы, позволившие по-новому взглянуть на события 65-летней истории»⁶⁸. О каких — или хотя бы какого рода — документах идет речь, а тем более о том, каково их непосредственное содержание, Бухаркин совершенно умолчал.

Подобно тому, как таинственность названных выше сообщений Гавриловича вызвала в историографии сомнения в их достоверности, нарочитая туманность, которой Бухаркин сопровождал свою версию, ни на чем осязаемом для читателей не основанную, порождает волей-неволей вопрос, действительно ли он видел документы, свидетельствующие о том, о чем он на-

писал. Тем более что его статья об этом была выдержана в размашисто-публицистическом стиле с явной претензией на сенсационность. Если же он в самом деле видел некие материалы, дававшие основание для его утверждений, то возникает ряд конкретных, практических вопросов к нарисованной им картине-ребусу.

Что имелось в виду под «высшими военными кругами» СССР? Руководство Народного комиссариата обороны (НКО), Генерального штаба? Если, как говорилось в упомянутых сообщениях Гавриловича, с Симичем беседовали о возможном заключении советско-югославского военного союза, то участие ответственных лиц из НКО и Генштаба выглядело естественным. Но что значит формулировка Бухаркина, согласно которой эти «высшие военные круги» СССР были заняты тем, что, повторим, «разрабатывали план отрыва Югославии от гитлеровской «оси»? И почему речь идет об «отрыве» Югославии от «оси»? Ведь у Бухаркина в качестве времени разработки подобного плана и переговоров Симича о нем прямо обозначены первая половина и середина марта 1941 г., а Югославия присоединилась к Тройственному пакту, т.е. к «оси», позже — 25 марта. Значит, речь могла идти лишь о *воспрепятствовании присоединению* к Тройственному пакту. Тогда, если следовать написанному Бухаркиным, что же за план должно было разрабатывать советское военное руководство до 25 марта? Готовилась некая военная операция, чтобы не допустить присоединения Югославии к «оси»? Какая и против кого? Понятно, что не могло иметься в виду вооруженное столкновение СССР с Германией, ибо И.В. Сталин, наоборот, во что бы то ни стало стремился избежать такого. А те, кого Бухаркин именовал «высшими военными кругами Советского Союза», никакой самостоятельной политики, понятно, не вели и вести не могли, а выполняли установки кремлевского властелина. Но если об операции против «третьего рейха» речи идти не могло, то что же остается? Выходит, предусматривалась операция против югославского правящего режима, начавшего склоняться к тому, чтобы пойти на присоединение к Тройственному пакту? Однако более чем понятна и тогдашняя неосуществимость какого бы то ни было военного воздействия Москвы на Белград. Какой же план вообще мог при таком положении разрабатываться в высших советских военных инстанциях?

Если все же допустить, что Бухаркин действительно видел некие документы о военных планах в отношении Югославии, разработывавшихся на уровне НКО СССР или Генштаба и в какой-то форме обсуждавшихся с Симичем, то международная военно-политическая реальность того момента оставляла для таких планов лишь два возможных варианта. Один — на случай, коль скоро все-таки удастся политико-дипломатическим путем добиться от Павла и правительства Цветковича отказа от присоединения к Тройственному пакту и, наоборот, их согласия на заключение пакта с СССР. При таком обороте дела становилось бы для Москвы логичным и даже необходимым наконец-то приступить к военным поставкам в Югославию в целях серьезного усиления обороноспособности югославской армии против «оси», прежде всего против Германии. В случае же, когда от руководства Югославии этого не удастся добиться, оставалась возможность иного варианта: каким-то образом стимулировать смену этого югославского руководства другим, которое бы пошло по пути первого варианта, и оказать новому руководству ту же самую поддержку военными поставками.

Если исходить из того, что содержание телеграмм Гавриловича, о которых шла речь выше, не было мистификацией, а в них сообщалось о действительно имевших место предложениях, сделанных советскими военными в беседах с Симичем, то подобные предложения, видимо, представляли собой как раз попытку Кремля направить события по первому из двух возможных вариантов. И в таком случае с Симичем разговаривали как с представителем действовавшего югославского руководства. Но это вовсе не обязательно исключало возможность того, что вместе с тем Симич в ходе данных контактов выступал еще и в роли представителя заговорщиков, а соответственно с ним одновременно вели разговоры и о перспективе второго варианта, на случай неудачи первого. Подобная ситуация означала бы, что советская сторона входила в соприкосновение с замыслом переворота, становилась в какой-то мере причастной к нему.

При отсутствии необходимых документов, более надежных и внятных, чем сообщения Гавриловича 9—14 марта, невозможно ответить с определенностью, что и как было на самом деле. Однако обращают на себя внимание некоторые известные сведения.

Одно из них состоит в том, что сам же Бухаркин, в первой из двух упомянутых его статей задавшись еще только вопросом, не был ли Симич в Москве представителем заговорщиков, во второй статье назвал его осторожнее: человеком, «представлявшим антигермански настроенное югославское офицерство». Мы не знаем, являлось ли такое изменение формулировки случайным или на него воздействовали некие данные, которыми располагал Бухаркин. Но в любом случае фактом является то, что ни в двух упомянутых выше вариантах мемуаров генерала Симовича, хранящихся в архивах, ни в изданных воспоминаниях его партнера по руководству путчем, генерала Мирковича⁶⁹, где приводятся имена ряда заметных участников подготовки и проведения переворота, нет ни слова о Симиче. К тому же, если верить свидетельствам Симовича и Мирковича, заговорщики были сравнительно небольшой и без какой-то структурированной организации группой офицеров, преимущественно вовлеченных в подготовку переворота уже непосредственно перед самой акцией. Так что, возможно, Симич и вообще не представлял их в Москве.

Другое привлекающее внимание обстоятельство состоит в том, что в мемуарах уже упоминавшегося П.А. Судоплатова⁷⁰, заместителя начальника разведуправления НКВД, а затем НКГБ, утверждается, что он и начальник управления контрразведки НКГБ П.В. Федотов стали, по заданию руководства, «вести работу» с Гавриловичем, будучи представленными посланнику в качестве якобы советников аппарата НКВД. Согласно одной из мемуарных книг Судоплатова, они установили с Гавриловичем «доверительное сотрудничество», а согласно другим книгам, даже завербовали его⁷¹. Встречаясь с ним в неофициальной обстановке, они обсуждали разные проблемы и вели зондажи, руководствуясь несколькими целями. И, помимо прочего, задавали ему, в частности, вопрос, как говорилось в мемуарах Судоплатова, «о возможности будущего военного союза с Югославией»⁷².

Контакт Гавриловича, по крайней мере, с Федотовым подтверждает отложившаяся в Архиве Гугеровского института небольшая машинописная записочка Федотова, адресованная югославскому посланнику, с имеющимся на ней рукописным комментарием последнего. По своему содержанию записочка Федотова никакого особого интереса не представляет. В ней

говорилось: «Уважаемый г-н Министр (так обычно обозначались дипломаты в ранге посланника. — ЛГ.)! Посылаю Вам обещанную Малую Советскую Энциклопедию. Извините, что она несколько подержанная. Нового экземпляра, к сожалению, достать не удалось. «Поднятую целину» я Вам пришло в следующий раз. Рад, что смог Вам оказать небольшую услугу. Уважающий Вас Федотов». Фамилия «Федотов» была написана от руки, чернилами⁷³. А вот тоже написанный от руки комментарий Гавриловича на полях документа более чем любопытен: «Эмиссар г. Б. У меня были с ним две беседы. 1) За несколько дней до этого письма. 2) Вчера, 4-III—941; он меня спросил, хотел бы я встретиться с ним и в другом месте, вне миссии (имеется в виду дипломатическое представительство Югославии. — ЛГ.). Я ответил, что могу. — Это здесь ниже является его подписью, ибо вчера, когда я записывал номер его телефона и мне не удавалось правильно записать, он, по моей просьбе, написал сам, собственноручно, и я видел, что это абсолютно та же самая подпись. Абсолютно точно, что его посылает Б. (подчеркнуто в документе. — ЛГ.). Об этом знает только г. Маркович»⁷⁴.

Из комментария Гавриловича видно, что к тому времени контакты Гавриловича с Федотовым (а стало быть, вероятно, и с Судоплатовым) находились еще в начальной стадии: до этого они беседовали только дважды и, как можно понять, оба раза в помещении югославской дипмиссии. Их взаимные отношения пока еще были явно не близкими. И Федотов еще только накануне завел речь о более конфиденциальной встрече, в неформальной обстановке. Так что, скорее всего, никакой вербовки Гавриловича к тому времени еще не произошло (если она вообще имела место⁷⁵). Но посланник уже понял, что имеет дело, как он сформулировал, с «эмиссаром г. Б.». Нет сомнения, что под господином Б. имелся в виду Л.П. Берия, до февраля 1941 г. возглавлявший НКВД, а с разделением НКВД в феврале на два наркомата оставшийся наркомом внутренних дел, но фактически курировавший и НКГБ. И сообразив, что Федотов является на самом деле никаким не советником НКВД, а посланцем от руководства советских спецслужб, Гаврилович, как видно из его комментария, решил двинуться дальше по пути более близких отношений с Федотовым, лишь сообщив об этом по секрету своему фактическому заместителю в югославской дипмиссии советнику В. Марковичу.

А теперь вернемся к тому, что, согласно мемуарному свидетельству Судоплатова, он и Федотов в своих неформальных контактах с югославским посланником, в числе прочего, задавали ему вопрос о возможности будущего военного союза СССР с Югославией. Судя по комментарию Гавриловича к записке Федотова, к моменту, когда комментарий был написан, у его автора, по всей видимости, еще не было таких отношений с его новыми знакомцами из НКГБ, чтобы они обсуждали с ним подобный вопрос. Но была как раз намечена первая встреча в неформальной обстановке. Записка Федотова датирована 4 февраля 1941 г. (он сам проставил дату от руки), а в комментарии Гавриловича, написанном, судя по содержанию, на следующий день, когда он получил записку, говорится о 4 марта. Не исключено, такой разнобой вызван опiskeй Федотова, возможно, по инерции обозначившего в начале наступившего нового месяца все еще более привычный предыдущий, только что закончившийся. Подобного рода описки — довольно распространенное явление. Так что, скорее всего, записка и комментарий к ней относятся к 4—5 марта. Очевидно, доверительные беседы между Федотовым — возможно вместе с Судоплатовым — и Гавриловичем начались в ближайшие за этим дни. А 9 марта, напомним, посланник впервые телеграфировал в Белград о предложении неназванных советских военных Симичу по поводу желательности официального югославского обращения в Москву на предмет обсуждения вопроса о возможности заключения советско-югославского договора о военном союзе. Такое совпадение волей-неволей порождает вопрос, не была ли эта телеграмма Гавриловича вызвана на самом деле тем, что как раз в эти дни перед ним, возможно, подняли Федотов и, вероятно, Судоплатов тему заключения военного союза. А ссылку на Симича и неназванных советских военных посланник в таком случае сделал для отвода глаз.

Разумеется, это только предположение, хотя и основанное, как мы видим, на некоторых данных. И оно требует проверки на основе соответствующих документов, прежде всего — советских. Впрочем, если даже такая догадка верна, подобный оборот дела вовсе не исключает возможности того, что перед Симичем тоже ставился с советской стороны, в том числе какими-то лицами из числа уполномоченных на то военных, вопрос о заключении военного союза между СССР и Югославией.

В этой связи обращает на себя внимание содержащееся в упомянутых выше мемуарах югославского военного атташе Поповича свидетельство, согласно которому во время пребывания того в Москве Симич в разговорах с ним утверждал, что «имеет прочные связи в высших военных кругах Советской России». Попович считал, что речь идет об абсурдной выдумке, и характеризовал Симича, а также близкого с Симичем Гавриловича, с которыми у него были скверные личные отношения, как лжецов и интриганов⁷⁶. Однако из сведений, имеющихся в опубликованных в постсоветское время архивных материалах НКВД СССР, видно, что у Симича были серьезные связи с советской стороной. Так, когда уже после переворота, произошедшего 27 марта, началась подготовка переговоров о заключении договора между СССР и Югославией, Молотов в телеграмме Лебедеву 31 марта специально указал на желательность включения Симича, во второй половине марта уехавшего из Москвы в Белград, в состав югославской делегации⁷⁷.

И когда, таким образом, в начале апреля 1941 г. Симич вновь оказался в столице СССР, то, помимо переговоров о заключении договора, происходивших между делегацией, членом которой он являлся, и первым заместителем наркома иностранных дел А.Я. Вышинским, он отдельно встречался и обсуждал вопросы, касавшиеся договора, советско-югославских отношений и политики Югославии, с заместителем начальника советского Генштаба, начальником Разведывательного управления генерал-лейтенантом Ф.И. Голиковым⁷⁸. Возможно, версия, согласно которой Симич и прежде был связан с советской военной разведкой, имеет под собой основание. И возможно, с ним говорили о желательности смены власти в Белграде в случае, если Павел и правительство Цветковича все-таки окончательно решат пойти на присоединение к Тройственному пакту. Но, повторим, документальные подтверждения этого не известны.

В обоих вариантах мемуаров военного атташе Поповича утверждалось, что когда Симич после первого из упомянутых пребываний в Москве уезжал в Белград, Гаврилович настоятельно советовал, чтобы Симич немедленно связался с генералом Симовичем и рекомендовал ему произвести военный переворот⁷⁹. Попович фактически выдвинул версию, что на решение Симовича осуществить путч повлияло воздействие со стороны Симича, являвшегося одноклассником генерала по

военной академии, а через Симича — и со стороны Гавриловича. Насколько эта версия имеет право на существование, проверить тоже невозможно, ибо о роли Симича в акции 27 марта 1941 г. фактически ничего конкретного не известно. Сразу после переворота Симич действительно замечен в близком окружении Симовича, ставшего премьер-министром и отрядившего Симича для связи с советской стороной. Но этим все сведения и ограничиваются. К тому же доверять во всем мемуарам Поповича довольно сложно. Они нередко сопряжены с недостаточно точными сведениями и даже ошибками, с серьезными противоречиями между двумя имеющимися вариантами⁸⁰. Во всяком случае, Поповичу и в голову не пришло связать занятую, как он утверждал, Гавриловичем и Симичем позицию, предусматривавшую воздействия на Симовича в пользу совершения переворота, с какой-либо договоренностью по этому поводу посланника и Симича с советской стороной.

Впрочем, к примеру, Бухаркин, версия которого, наоборот, связывает Симича с советской стороной в стремлении осуществить путем переворота смену руководства Югославии, так и не продолжил эту линию до конца. Он не сказал ни слова о какой-либо роли Симича в проведении путча. И оставил читателей в полном неведении и даже недоумении, каким же был результат переговоров, которые, по его утверждению, происходили между советским военным руководством и Симичем. Если в мемуарах Поповича говорится, что именно Симич склонил Симовича к тому, чтобы после переворота предложить Москве срочное заключение советско-югославского договора о военном союзе⁸¹, то у Бухаркина нет в итоге и этого.

Как на важнейший фактор переворота и на проводника советского влияния в этой акции Бухаркин, кроме Симича, указывал и на уже неоднократно упоминавшегося Голубича. Однако на деле в его версии почти все свелось к не очень точному пересказу достаточно известных фактов из биографии Голубича. А непосредственно о роли Голубича в связи с переворотом Бухаркин ограничился лишь общей фразой: «Именно Голубич по заданию Центра вел всю “белградскую интригу” — с помощью своих сподвижников (по “Черной руке” в частности) он инициировал через генерала Симовича предложение советскому руководству заключить договор, прелюдией которому послужил мартовский переворот»⁸². Но никакой конкретики,

свидетельствующей, что это сделал именно Голубич, и хоть минимально указывающей на то, каким образом сделал, в статье Бухаркина опять-таки нет.

Если версия Бухаркина представляла собой сильный замах с расчетом на сенсацию, но выдохшийся на полпути, и была лишена каких-либо документальных подтверждений, то подлинной сенсацией оказалась версия, изложенная в мемуарах Судоплатова. Ибо ее венцом стало утверждение, что представители советских разведслужб, в соответствии с решением Сталина и Молотова, «активно поддержали заговор», «оказали помощь» в проведении переворота 27 марта. У Судоплатова говорилось, что операция была обусловлена расчетом Сталина на установление взаимодействия путчистского руководства Югославии с Грецией против Германии и Италии, которое задержало бы и продлило военные операции «оси» на Балканах. А тем самым на время отодвинуло бы нарастающую угрозу нападения на СССР. Согласно той же версии, для содействия проведению переворота были командированы в Белград «генерал-майор Мильштейн, заместитель начальника военной разведки», и то ли один, то ли два — в разных вариантах мемуаров неодинаково — представителя НКГБ (фигурировали видные деятели разведки М.А. Аллахвердов и В.М. Зарубин)⁸³.

Поскольку Судоплатов выступал в качестве закулисного наблюдателя и даже частично участника всего этого, его мемуары воспринимались как источник и тем самым вроде бы и не особенно требовали какого-то документального подтверждения. Тем более что по сей день советские документы такого рода, находящиеся в архивах России, остаются в огромной мере недоступными для ознакомления. А потому утверждения, содержащиеся в мемуарах Судоплатова, нередко используются в историографии, не говоря уж о публицистике, даже без попытки хоть какого-то, по возможности, критического их анализа, а уж тем паче сопоставления с другими источниками. Но если говорить об интересующем нас сюжете, его исследователь сталкивается с крайне сложной ситуацией, ибо в этих мемуарах, кроме названного выше и самым общим образом сформулированного постулата о поддержке советскими разведслужбами заговора и проведения переворота, нет ни слова, в чем же конкретно такая поддержка выражалась. Да и в чем реально она вообще могла выражаться?

Тем не менее, авторы ряда работ, в которых, так или иначе, затрагивалась тема переворота, в частности Ж.А. и Р.А. Медведевы, С.А. Романенко, упомянутые выше трое российских военных историков, частично А.Ю. Тимофеев, приняли на веру утверждение Судоплатова, включая и версию о посылке из Москвы в Белград названных выше видных работников разведки НКГБ и военной разведки⁸⁴.

Романенко даже написал, что «факт командирования в Белград» Мильштейна, которого он, следуя за Судоплатовым, именвал генерал-майором и заместителем начальника военной разведки, свидетельствует «о том, какую важность придавал Кремль смене власти в Югославии»⁸⁵. А Медведевы сочинили свой еще более детективный сюжет о Мильштейне. Тоже повторяя за Судоплатовым, что генерал-майор Мильштейн был послан в Белград, причем добавив, что его отправили во главе «оперативной группы», Медведевы, однако, вопреки тому же Судоплатову, писали о Мильштейне как о человеке, назначенном в феврале 1941 г. начальником секретно-политического управления НКГБ. И, продолжая эту совсем уж противоречиво-гибридную версию, утверждали без всяких ссылок на какой-либо источник: «Для соблюдения секретности миссии Мильштейна в Белграде, его отсутствие в НКГБ было замаскировано фиктивным переводом на пост заместителя наркома лесной промышленности. Дата этого “перевода”, 11 марта 1941 г., была, очевидно, и датой его прибытия в Белград»⁸⁶. Чему же верить? Какого Мильштейна, согласно Судоплатову и авторам, ссылавшимся на его мемуары, но противоречивших им или друг другу, посылали в Белград?

На самом деле Судоплатов и Медведевы вели речь о двух разных людях с одной и той же фамилией Мильштейн. Один, С.Р. Мильштейн, был в то время ответственным работником НКГБ, где, как и говорится в статье Медведевых, занимал с февраля 1941 г. должность начальника секретно-политического управления⁸⁷. Его 11 марта действительно назначили первым заместителем при и.о. наркома лесной промышленности М.И. Салтыкове. Накануне, 10 марта, об этом было принято решение Политбюро ЦК ВКП (б)⁸⁸. Между тем в Разведуправлении Красной Армии работал его однофамилец М.А. Мильштейн. В российских изданиях мемуаров Судоплатова отсутствуют инициалы Мильштейна, но в американском издании они приводились:

С.Р. (Соломон Р.) Мильштейн⁸⁹. Очевидно, в американском издании произошла путаница, ибо Судоплатов ясно указывал, что имеет в виду Мильштейна, работавшего в военной разведке (хотя и сильно преувеличил его тогдашние должность и воинское звание). К тому же в последующих публикациях двух сыновей Судоплатова, основанных на материалах отца, фигурировал с инициалами, именно М.А. Мильштейн⁹⁰. Хотя и Медведевы, и Романенко ссылались только на российские издания мемуаров Судоплатова, однако в своих работах указывали инициалы, приведенные в американском издании: С.Р. Мильштейн⁹¹. Почему так случилось, остается только гадать. Но вряд ли можно говорить о том, что упомянутые авторы серьезно подошли к рассмотрению версии Судоплатова о перевороте 27 марта 1941 г., коль скоро, ссылаясь на его мемуары, они, однако, обозначили не того Мильштейна, о котором писал мемуарист.

Однако, если у Романенко это, как можно понять, следствие поверхностного отношения, приведшего только к ошибке в инициалах, то в статье Медведевых без всяких оговорок и объяснений излагается история, которая по существу противоположна тому, о чем шла речь у Судоплатова. Откуда взялась версия, что в Белград посылали именно С.Р. Мильштейна из НКГБ и что его назначили в наркомат лесной промышленности для отвода глаз? У Медведевых были такие фактические данные или это плод их умозаключений, проще говоря, фантазии? Если они обладали данными, дававшими основание для их версии, то, выходит, в мемуарах Судоплатова названный сюжет изложен с немаловажной ошибкой. Но в таком случае, почему о том в статье Медведевых нет ни слова, а ссылка дана на мемуары Судоплатова?

Впрочем, имеются и другие версии по поводу Мильштейна, выдвинутые со ссылкой на Судоплатова, но противоречащие мемуарам последнего. Так, Г. Городецкий, тоже спутавший имя Мильштейна (но он пользовался как раз американским изданием мемуаров), писал: «Хотя генерал Соломон Мильштейн, заместитель начальника ГРУ⁹², в сопровождении нескольких “нелегалов” был специально послан в Белград, его заданием, если он имел таковое, являлось отслеживание “английских заговоров”». И в примечании указано, будто так заявил Судоплатов, хотя у того ни о каком отслеживании английских заговоров не было и речи⁹³.

По поводу всего, связанного с Мильштейном, возникает и еще один существенный и, пожалуй, даже намного более важный вопрос. Ибо утверждение Судоплатова, согласно которому в Белград командировали как раз Мильштейна из военной разведки, противоречит сведениям, содержащимся в мемуарах самого М.А. Мильштейна. В этих мемуарах, тоже опубликованных в постсоветское время, говорится, что их автор действительно ездил в Белград, но отнюдь не в начале 1941 г., а еще осенью 1940 г. И вне всякой связи с югославскими делами. Белград был лишь местом его нелегальной встречи с Ш. Радо, руководителем базировавшейся в Швейцарии советской разведывательной группы⁹⁴. Кому же и чему верить?

Совершенно очевидно, что хоть как-то решить все эти противоречия и загадки возможно только на основе более достоверных данных, содержащихся в соответствующей советской документации, которая должна храниться в российских архивах. Поэтому в конце 2011 г. дирекция Института славяноведения РАН, исходя из задач научного исследования проблемы, о которой идет речь, направила в Управление регистрации и архивов Федеральной службы безопасности (ФСБ) РФ запрос о получении возможной информации, которая бы базировалась на архивных документах и позволила оценить и уточнить имеющиеся хождение в мемуаристике и историографии утверждения о причастности советской разведки к перевороту 27 марта 1941 г. в Югославии. К запросу прилагался составленный мною вопросник из восьми пунктов, охватывавших узловые моменты подобных утверждений. В основном эти пункты касались версии Судоплатова, но частично и других версий, в частности Бухаркина. Каждый из пунктов содержал вопрос для ответа по принципу «да — нет»: соответствует ли исторической реальности то либо другое утверждение или нет, было ли такое-то событие или его не было, ездил ли такой-то туда-то или нет, был ли связан с советской разведкой или нет, и т.п. На запрос был получен ответ, что в Центральном архиве ФСБ России архивных документов, подтверждающих участие сотрудников НКВД — НКГБ СССР в подготовке и осуществлении переворота 27 марта 1941 г. в Югославии, не имеется⁹⁵.

Таким образом, приходится констатировать, что никакие более или менее надежные документальные данные о совет-

ской причастности к перевороту исследователям пока так и не известны. И значит, утверждения Судоплатова, так же как и все другие, существующие на сей счет в мемуаристике и историографии, все еще являются лишь версиями. А потому дальнейшее исследование этой проблематики остается актуальной научной задачей, хотя и крайне трудной для выполнения ввиду сохраняющейся невозможности проведения историками необходимых исследований в соответствующих российских архивных фондах.

Как уже говорилось в начале этой статьи, вторая часть рассматриваемой в ней темы, т.е. советская политика по отношению к правительству генерала Симовича в период от переворота до захвата Югославии государствами «оси», изучена несравненно лучше и подробнее. Здесь существует весьма обширная историография, опирающаяся на значительную документальную базу, в том числе, что особенно важно, на прежде закрытые архивные источники, ставшие в течение последних двух с половиной десятилетий доступными для исследователей, а частично даже начавшие публиковаться⁹⁶.

В этой связи поразительна появившаяся недавно статья С. Стояновича об истории заключения советско-югославского договора о дружбе и ненападении, подписанного десятком дней спустя после переворота⁹⁷. Ее автор не только проигнорировал всю существующую историографию, но и утверждал, что эта история — «малоизвестный эпизод» и что, как он формулирует, тогдашняя югославская попытка «предпринять значительный шаг в улучшении отношений с Советским Союзом» даже «осталась почти незамеченной, почти неизвестной и в историографии, и шире»⁹⁸. Можно лишь теряться в догадках, вызваны ли подобные утверждения просто полным незнанием предмета или же беззастенчивым стремлением выставить себя чуть ли ни первооткрывателем в освещении проблематики, о которой идет речь. В действительности статья Стояновича представляет собой лишь довольно немудреный обзор документов по данной теме, содержащихся только в одной публикации, изданной больше полутора десятков лет тому назад (речь о российско-сербской публикации, уже отмеченной нами выше⁹⁹). Между тем документы эти, причем в аналитическом сопоставлении с разнообразным другим материалом, уже многократно использовались в исследованиях по названной проблематике.

И Стоянович в лучшем случае всего лишь повторяет уже сделанное другими.

Поскольку на самом деле тема советской политики в отношении правительства, сформированного в результате переворота 27 марта 1941 г., давно рассматривается в историографии, в том числе и в моих исследованиях, позволю себе, отослав за большими подробностями к уже имеющимся работам, включая собственные¹⁰⁰, ограничиться здесь двумя вещами. Во-первых, насколько возможно, краткой характеристикой того главного, что уже удалось выяснить до этого времени. Во-вторых, суммированием основных спорных вопросов, неясностей и загадок, которые, тем не менее, пока еще остаются, не говоря уж об упорно продолжающихся или вновь возникающих мифах.

Начнем с констатации того, что из совокупности исследованных до сих пор документов ясно видно, сколь сильнейшую заинтересованность проявила Москва, как только со стороны нового правительства Югославии вслед за переворотом было выражено желание заключить союз с СССР. Если верить мемуарам Симовича, он сразу же после путча передал такое предложение через Лебедева, который в отсутствие уехавшего Плотникова выполнял в полпредстве обязанности временного поверенного¹⁰¹. Хотя документов, которые бы это фиксировали, в распоряжении исследователей нет, но на состоявшейся утром 30 марта встрече с руководством полпредства СССР новый министр армии и флота генерал Б. Илич официально изложил то же предложение. Причем из советской записи их беседы видно, что этому предшествовала предварительная договоренность о встрече и что советские участники знали, с какой целью она организована¹⁰².

Еще накануне, вечером 29 марта, в ответ на полученное генсеком ИККИ Г. Димитровым от Тито радиосообщение о настоятельном отношении руководства КПЮ к правительству Симовича и решении организовать «всенародный нажим» на это правительство с требованием аннулировать присоединение к Тройственному пакту и немедленно заключить пакт о взаимопомощи с СССР, Молотов, по указанию Сталина, поручил Димитрову «посоветовать югославским товарищам» прекратить организацию уличных демонстраций. И соответствующую директиву Димитров тут же послал лидеру КПЮ¹⁰³. Очевидно,

что причиной указания Сталина были как раз предложение Симовича и намеченная — несомненно, с санкции Кремля, извещенного об этом предложении, — встреча руководства полпредства с Иличем.

Впрочем, в мемуарах самого Илича говорится, что сразу после переворота 27 марта представители полпредства сами просили о свидании с Симовичем или Иличем, предлагая совет и любую помощь¹⁰⁴. Было ли так, судить трудно, хотя нельзя не принять во внимание то, что в этих мемуарах есть явные неточности по поводу некоторых шагов со стороны СССР¹⁰⁵.

Во всяком случае, советские документы свидетельствуют, что через несколько часов после упомянутой встречи с Иличем полпредство получило через Симича просьбу Симовича о быстрой организации переговоров о заключении договора. А на следующий день Молотов телеграфировал в Белград о согласии на немедленное прибытие югославской делегации в Москву¹⁰⁶.

Эти события и ставшие доступными документы о них окончательно поставили крест на фальсификаторской версии, будто правительство Симовича лишь под давлением народа было вынуждено чуть ли ни в последний момент пойти на заключение договора с СССР. При коммунистической власти такая версия долго господствовала в югославской историографии, только постепенно сходя на нет. А в советской историографии она держалась почти до самого конца.

Вместе с тем, в свете названных событий, документы о которых были опубликованы еще в середине — второй половине 1990-х годов, выглядят более чем странно продолжающиеся даже в работах, вышедших уже после публикации этих документов, утверждения некоторых авторов, например, К. Николыча, будто советская сторона вела себя сдержанно по отношению к путчу¹⁰⁷. Сдержанность была лишь чисто внешней, относящейся к публичной сфере. Но за кулисами все было как раз наоборот. И Москва, так же как Белград, торопилась использовать путч для заключения советско-югославского договора.

То, что обе стороны очень торопились, свидетельствует об обоюдном стремлении упредить возможное нападение стран «оси» на Югославию и поставить Берлин перед совершившимся фактом. По той же причине подготовка переговоров и сами

они, начавшиеся 3 апреля, шли в обстановке строжайшей секретности. В Москве информация об этом поступала лишь Сталину, Молотову и отряженному для переговоров Вышинскому. Остальной состав Политбюро ЦК ВКП (б) познакомили с уже выработанным текстом договора лишь 4 апреля, в тот же день, когда он должен был быть подписан и о нем было сообщено Молотовым послу Германии Ф.В. Шуленбургу¹⁰⁸.

В историографии была распространена версия, будто в ответе Молотова о согласии на прибытие югославской делегации в Москву говорилось о готовности к заключению военного союза, в то время как на самих переговорах советская сторона изменила позицию, предложив лишь договор о дружбе и ненападении. Версия возникла из-за того, что советское согласие на срочные переговоры в Москве было воспринято новой югославской властью, в частности Симовичем и министром иностранных дел М. Нинчичем, как принятие югославского предложения о военном союзе¹⁰⁹. Но в телеграмме Молотова вовсе не упоминалось о предмете переговоров¹¹⁰. Кремль оставлял себе руки свободными, а когда начались переговоры в Москве, отверг югославские проекты договора о дружбе и военного соглашения¹¹¹. Взамен Вышинский предложил заключение договора о дружбе и ненападении с одновременной негласной договоренностью о снабжении югославской армии вооружением.

Югославская делегация, возглавлявшаяся Гавриловичем, приняла это без возражений. И дала согласие даже тогда, когда советская сторона изменила собственный проект договора, понизив предусмотренные в нем обязательства вообще до уровня нейтралитета. И лишь чуть позже, спохватившись, делегаты Югославии не согласились с формулой о нейтралитете, ввиду чего подписание договора, намеченное Кремлем на вечер 4 апреля, пришлось отложить. И состоялось оно только под утро 6 апреля¹¹². Советское руководство в итоге пошло на то, чтобы договор был подписан в варианте, где отсутствовала формула о нейтралитете. В историографии получила хождение версия, что к этому Кремль вынудила неуступчивость Гавриловича, иначе отказывавшегося от подписания¹¹³. Но из советских документов следует, что, хотя посланник долго упорствовал, однако ночью с 5 на 6 апреля согласился на подписание даже варианта с формулой о нейтралитете. Этого,

однако, не пришлось делать, ибо вслед за тем Сталин и Молотов заявили об исключении упомянутой формулы¹¹⁴. Очевидно, что советское решение прибегнуть к ней было обусловлено опасением обострить отношения с Берлином до слишком опасного уровня. Причины последующего отказа от нее не совсем ясны. В телеграмме Вышинского полпредству в Белграде отказ объяснялся как намерением не создать впечатления, что если Югославия подвергнется нападению, то СССР умоет руки, так и учетом пожелания югославского правительства¹¹⁵.

Однако важнее вопрос о том, какие цели преследовало заключение договора с Югославией с точки зрения основных в тот момент внешнеполитических устремлений Сталина. Выше уже отмечалась версия Судоплатова, что в планы Сталина входило установление взаимодействия Югославии и Греции против Германии и Италии, которое задержало бы и продлило военные операции «оси» на Балканах, отсрочив надвигавшееся нападение на СССР. Никакие документы советского руководства на сей счет не известны.

В историографии высказывались разные предположения о замыслах Сталина. Например, по мнению С. Майнера или К. Николича, советский руководитель хотел этим ускорить нападение Германии с ее союзниками по «оси» на Югославию, чтобы с помощью создания нового театра военных действий на Балканах связать на время руки Гитлеру и таким образом отсрочить возможную нацистскую агрессию против СССР¹¹⁶. Согласно оценке Городецкого, советско-югославским договором Сталин надеялся, наоборот, вынудить фюрера, чтобы тот воздержался от атаки на Югославию и вступил в переговоры с Москвой о достижении нового компромиссного соглашения, подобного советско-германским договоренностям 1939 г. и способного устранить либо хотя бы существенно отодвинуть военную угрозу «третьего рейха» Советскому Союзу, а вместе с тем обеспечить интересы Кремля в ряде спорных с Германией районов, особенно на Балканах и в зоне черноморско-средиземноморских проливов¹¹⁷.

Те документальные данные, которые в значительной мере изложены выше, прежде всего спешка, с какой советская сторона старалась заключить договор, явно пытаясь этим упредить возможное нападение на Югославию, свидетельствуют скорее о стремлении сдержать в тот момент Берлин, заставить

его не рисковать открытым вызовом Кремлю и не прибегать к военной силе против югославы. Наряду с этим обращает на себя внимание, что 5 апреля в беседе с Симичем Вышинский с ведома советского руководства, вопреки всей прежней политике Москвы, направленной против английского вмешательства в балканские дела, посоветовал, чтобы Белград пошел на соглашение с Англией и получение британской военной помощи¹¹⁸. Такой совет едва ли мог означать иное, чем то, что Кремль теперь был заинтересован, чтобы получившая, наконец, непосредственную поддержку путем участия в ней англичан военная операция в Греции против итальянского вторжения, которое со дня на день должно было быть дополнено германским, в итоге распространилась и на Югославию. Все это дает больше оснований полагать, что, по расчетам Сталина, Югославия при отсрочке нападения на нее, получив тем самым какую-то передышку и подготовленная с британской и тайной советской помощью, затем, при последующей германской атаке, станет хотя бы на некоторое, относительно протяженное время, в связке с Грецией и английскими войсками, существенным звеном балканского фронта борьбы с агрессией «ОСИ».

Планировал ли Сталин, что это на время просто отодвинет германское нападение на СССР? Или хотел даже еще большего: путем осложнений для Германии на Балканах вынудить Гитлера к новым переговорам с Москвой и новому советско-германскому соглашению, в том числе и по поводу советской сферы в балкано-дунайском регионе?

Во всяком случае, вряд ли правомерно характеризовать советско-югославский договор как просто «платонический», по определению, в частности, Петрановича¹¹⁹, или как «театральный жест», по определению К. Николича¹²⁰. Ибо из документов известно, что на небольшом ночном банкете в узком кругу, сразу после подписания договора, Сталин предложил, чтобы наступающим утром югославские представители конкретно договорились в советском Генштабе о срочной переброске вооружения из СССР в Югославию. И через несколько часов такая договоренность была достигнута на переговорах в Генштабе с Симичем, а следом началось принятие и реальных мер для ее осуществления¹²¹. Таким образом, подписание советско-югославского договора тут же сопровождалось непосред-

твенными действиями. И, следовательно, оно было, обусловлено практическими расчетами сторон.

Дело, однако, заключалось в том, что, каковы бы ни были расчеты Сталина, они, как и расчеты Симовича на СССР в качестве фактора, который может предохранить Югославию от нападения «оси», оказались нереалистичными. Ибо Гитлер вовсе не был озабочен позицией Кремля в такой степени, как это казалось не только Симовичу, но все еще и Сталину. Поэтому намерения Москвы и Белграда потерпели крах, когда почти в те же ранние часы 6 апреля, когда в Кремле был подписан советско-югославский договор, началась стремительная нацистская агрессия против Югославии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. перевод этой ноты на русский язык: Нота министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года // Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 35, 38 (весь документ: С. 33—40). Тот же перевод опубликован в качестве приложения в: *Судоплатов А.П.* Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымыслы о моем отце. М., 1998. Кн. 1. С. 435—451; фрагменты, касающиеся переворота 27 марта 1941 г.: С. 440, 447—448.

² В переводе ноты на русский язык он был ошибочно обозначен как Зимич.

³ См., например: *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941.: tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1990. S. 633—634, 636—637, 644, 646, 666; *Hukoлић K., Димитријевић Б.* Данило Грегорић и 25. март 1941. Београд, 2007. С. 221.

⁴ *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 662, 664.

⁵ Это выступление, опубликованное затем также в прессе режима Недича, см.: *Ibid.* S. 662—664.

⁶ Об этих собраниях см., например: *Ibid.* S. 75, 497; *Milovanović N.* *Vojni puč* i 27. mart 1941. Beograd, 1981. S. 569—570.

⁷ *Milovanović N.* *Op. cit.* S. 566—568.

⁸ Будучи известным деятелем КПЮ, Пьяде, однако, тогда не входил ни в узкое руководство партии, которое состояло из секретарей ЦК во главе с Тито, являвшихся одновременно членами Политбюро, ни даже в несколько более широкий состав Политбюро, а был просто членом ЦК.

⁹ Как примеч. 6.

¹⁰ *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 497.

¹¹ *Ibid.* S. 662—667. Призыв содержался в выступлении Симовича по Би-би-си. См.: *Đuretić V.* *Vlada na bespuću: Internacionalizacija*

jugoslovenskih protivrječnosti na političkoj pozornici drugog svjetskog rata. Beograd, 1982. S. 274; *Idem*. Saveznici i jugoslovenska ratna drama. Beograd, 1985. Knj. II. S. 94.

¹² *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 664.

¹³ *Božić I., Ćirković S., Ekmečić M., Dedijer V.* Istorija Jugoslavije. Beograd, 1972. S. 459.

¹⁴ Он прибыл туда в составе группы сербских офицеров, посланных в качестве командных кадров для формирувавшегося в России Сербского добровольческого корпуса. См., например: *Поповић Н.* Срби у грађанском рату у Русији 1918—1921. Beograd, 2005. С. 44—45.

¹⁵ *Božić I., Ćirković S., Ekmečić M., Dedijer V.* Op. cit. S. 453, 473.

¹⁶ Мне уже приходилось критически разбирать многие случаи этой склонности. См., например: *Гибянский ЛЯ.* К истории советско-югославского конфликта 1948—1953 гг.: Секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года // Советское славяноведение (с 1992 г. — Славяноведение). 1991. № 3. С. 14; № 4. С. 35; 1992. № 3. С. 36—38, 48—49; *Gibianskii L.* The 1948 Soviet-Yugoslav Conflict and the Formation of the 'Socialist Camp' Model // The Soviet Union in Eastern Europe, 1945—89 / Ed. by O.A. Westad, S. Holtmark, I. Neumann. New York, 1994. P. 35—36; *Гибянский ЛЯ.* От «нерушимой дружбы» к беспощадной борьбе: модель «социалистического лагеря» и советско-югославский конфликт 1948 г. // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944—1949 гг. / Отв. ред. ЛЯ. Гибянский. М., 1995. С. 192; *Он же.* Насаждение идеомифов как средство общественной легитимизации власти и ее политики: опыт мифологизации конфликта Сталин — Тито // Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке) / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М., 2008. С. 251—256, 261 (примеч. 37), 262 (примеч. 52); *Gibianskii L.* Soviet-Yugoslav Relations, the Cominform and Balkan Communist Parties: Documentary Sources and Some Aspects of Its Research // The Balkans in the Cold War: Balkan Federations, Cominform, Yugoslav-Soviet Conflict / Ed. by V. G. Pavlović. Belgrade, 2011. P. 284—290, 292.

¹⁷ *Terzić V.* Slom Kraljevine Jugoslavije 1941: Uzroci i posledice poraza. Drugo izdanje. Ljubljana; Beograd; Titograd, 1984. Knj. 1. S. 461.

¹⁸ *Petranović B., Dautović S.* Jugoslovenska revolucija i SSSR (1941—1945). Beograd, 1988. S. 16. В другой одновременно вышедшей книге Петранович полностью повторил эту же формулировку, лишь уточнив, что имеет в виду те события 27 марта 1941 г., которые разыгрались «вне КПЮ», т.е. без ее участия (*Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918—1988. Beograd, 1988. Knj. 1. S. 382). А такими событиями было как раз проведение военного переворота.

¹⁹ Uvod // *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 22, 84.

²⁰ Голубич писал, что Симич тогда помогал ему материально. См.: *Vujošević U. Prilozi za biografiju Mustafe Golubića (Nepoznati dokumenti iz arhiva Kominterne) // Istorija 20. veka (Beograd). 1993. Br. 1—2. Dok. 1. S. 220* (автобиография, написанная по-французски); Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 277. Д. 1804. Л. 36 (автобиография, написанная по-русски). Эти данные фигурировали затем в справке о Голубиче, составленной в Отделе кадров ИККИ (Там же. Л. 46).

²¹ *Казимировић В. Србија и Југославија 1914—1945. Крагујевац, 1995. Књ. III. С. 686.*

²² Там же. У Казимировича при этом отсутствовала ссылка на источник.

²³ *Božić I, Ćirković S, Ekmečić M, Dedijer V. Op. cit. S. 473; Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 461.*

²⁴ См., например, фотокопию первой страницы из служебной автобиографии Голубича, опубликованную в: *Огонек (Москва). 2006. № 20. С. 49.*

²⁵ *Казимировић В. Указ. соч. Књ. III. С. 686.*

²⁶ *Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 460—461; Božić I, Ćirković S, Ekmečić M, Dedijer V. Op. cit. S. 473.*

²⁷ *Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 460.*

²⁸ *Ibid. S. 461.*

²⁹ *Ibidem.*

³⁰ *Казимировић В. Указ. соч. Књ. III. С. 687.*

³¹ Там же. С. 653. Мне не удалось ознакомиться с самой публикацией Томича.

³² *Казимировић В. Указ. соч. Књ. III. С. 650.*

³³ *Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 460—461.*

³⁴ Например, вариант мемуаров Симовича, хранящийся в архиве в Белграде, использовался в указанной выше работе В. Терзича, а также в монографии Ф. Чулиновича о перевороте 27 марта 1941 г.: *Čulinović F. Dvadeset sedmi mart. Zagreb, 1965.*

³⁵ Hoover Institution Archives (Stanford). Collection: Žarko Popović Papers (далее — НИА-Поп.). Box No. 2. Folder 9. P. 5.

³⁶ Војни архив Института за стратегијска истраживања (Београд). Фонд: Arhiva neprijateljskih jedinica (далее — Војни архив. Ф. АНЈ). К. 8. Br. Reg. 2/1. S. 169 (245).

³⁷ НИА-Поп. Box No. 2. Folder 21. P. 9.

³⁸ НИА-Поп. Box No. 1. Folder 58; Box No. 2. Folder 28.

³⁹ *Petranović B, Dautović S. Op. cit. S. 49, 95.*

⁴⁰ *Ibid. S. 43.*

⁴¹ *Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 382* (ссылка на: *Breccia A. Jugoslavia 1939—1941: Diplomazia della neutralita. Roma, 1978. P. 521—522.*)

⁴² Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. М., 1998. Док. 591. С. 200.

⁴³ Это рассматривалось мною подробнее в: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. / Отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М., 1999. С. 433.

⁴⁴ Архив Југославије (Београд) (далее — АЈ). Фонд 378. Фасц. 1 (не-сређено). Арх. јед. «Посланство КЈ у Кујбишеву 1940/1941. Персонална решења службеника». Персонална документација «Симић Божин». Cincar-Marković — Gavrilović, 8 XII 1940; Gavrilović — МИР, 9 XII 1940.

⁴⁵ АЈ. Ф. 378. Фасц. 1. Арх. јед. «Посланство КЈ у Кујбишеву 1940/1941. Персонална решења службеника». «Симић Божин». МИП — Посланству Краљевине Југославије (Москва), 20 II 1941; дипмиссија Југославије — НКВД СССР, 21 II 1941; Cincar-Marković — Poslanstvu Kraljevine Jugoslavije (Moskva), 22 II 1941. Очевидно, Симић прибул в Москву на рубже фебрала — марта. Утврђење, будто Симић појавиося в Москве в јанваре 1941 г., содржащееся в обоих вариантах упомянутых выше мемуаров военного атташе Поповича (НИА-Рор. Vox No. 1. Folder 58. P. 15; Vox No. 2. Folder 28. P. 5), не соответствует действительности. Столь же неверно указание, что Симић прибул в начале фебрала, которое без всякой ссылки на источник дано в: *Романенко С.А.* Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века — 1991 год). М., 2011. С. 310.

⁴⁶ Uvod // *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 217—218.

⁴⁷ *Васильева Н., Гаврилов В.* Балканский тупик?.. (Историческая судьба Југославије в XX веке). М., 2000. С. 144.

⁴⁸ Ссылки были сделаны, во-первых, на: Отношения России (СССР) с Југославијей 1941—1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998 (далее — ОРЮ). С. 9, где помещен документ, в котором упоминается о приезде Симића в СССР, но нет ни слова ни о якобы возглавляемой им военной делегации, ни о переговорах о вооружении, ни о его чине будто бы полковника генштаба югославской армии. А во-вторых, — на: *Petranović B., Dautović S.* Op. cit. S. 17, где о Симиће вообще не упоминается.

⁴⁹ [*Васильева Н.В.* (руководитель), *Гаврилов В.А., Миржискин В.А.*]. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М., 2005. С. 148.

⁵⁰ Там же. С. 148, 186 (примеч. 52).

⁵¹ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. С. 435—436.

⁵² Там же. С. 433.

⁵³ АЈ. Ф. 378. Фасц. 1. Арх. јед. «Посланство КЈ у Кујбишеву 1940/1941. Персонална решења службеника». «Симић Божин». Cincar-Marković —

Poslanstvu Kraljevine Jugoslavije (Москва), 22 II 1941; МИП — Посланству Краљевине Југославије (Москва), 20 II 1941.

⁵⁴ ОРЮ. Док. № 1. С. 9. Эта совместная публикация историков и архивистов России и Сербии издана также на сербском языке: Односи Југославије и Русије (СССР) 1941—1945: Документи и материјали. Београд, 1996 (далее — ОЈР).

⁵⁵ Документ был первоначально опубликован в: Можно ли было предотвратить апрельскую войну? (Новые документы о советско-югославском договоре о дружбе и ненападении 1941 г.) // Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1989 г. № 15 (49). С. 57

⁵⁶ Волков В.К. Советско-югославские отношения в начальный период второй мировой войны в контексте мировых событий (1939—1941 гг.) // Советское славноведение. 1990. № 6. С. 12.

⁵⁷ Бухаркин И. Но тут вмешалась Югославия... // Правда (Москва). 1 IV 1991.

⁵⁸ Там же. Сам документ см., например, в специальной коллекции фотокопий: Архив Министарства иностраних послова Србије (Београд). Збирка: Министарство иностраних послова Краљевине Југославије. Политичко одељење. Стр. Пов. Бр. 681. Цинцар-Марковић — Гавриловићу, 15. III. 41.

⁵⁹ Ситолс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939—1941. М., 1997. С. 289—290.

⁶⁰ Эту шифровку см.: ОРЮ. Док. № 4. С. 11.

⁶¹ Бухаркин И. «Черная рука» в Кремле // Огонек (Москва). 2006. № 20. С. 48—50. Под тем же заголовком статья целиком напечатана затем в: Мир дипломатии (Москва). 2011. № 4 (ежемесячная газета, выходящая при поддержке Совета ветеранов МИД РФ и ООО «Пресс атташе»). Кроме того, статья из «Огонька» опубликована в переводе на сербский язык 22 X 2009 г. в Интернет-издании «Српска.ру: все о Сербии на одном сайте» // www.srpska.ru (статья была помещена на: [pravsp.ru/article.php?nid=12728&sq=\\$sq](http://pravsp.ru/article.php?nid=12728&sq=$sq)).

⁶² О подобных тайных контактах в конце 1940 — начале 1941 г. с Берлином через директора белградской газеты «Време» Д. Грегорица и с Римом через юрисконсульта итальянской дипломатической миссии в Белграде В. Стакича см., например: Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 292, 295, 299, 301—302, 326—327, 331—337, 338—339 etc.

⁶³ См., например: Романенко С.А. Указ. соч. С. 886 (примеч. 540).

⁶⁴ На основе архивных документов — тогдашней переписки между югославским военным атташе в Москве Поповичем и его начальством в Белграде, а также неопубликованных мемуарных свидетельств Поповича — это подробнее рассматривалось мною в: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. С. 417—418, 420—421, 423, 438—441. По поводу переговоров о продаже вооружения, тянувшихся,

с перерывами, с сентября 1940 до февраля 1941 г., в мемуарах П.А. Судоплатова, до февраля 1941 г. занимавшего должность замначальника разведывательного управления НКВД, а с февраля — ту же должность в НКГБ (наркомат госбезопасности) СССР, утверждалось, что они «велись неофициально, однако нам (т.е. советской стороне. — Л.Г.) было абсолютно ясно, что они (т.е. югославская сторона. — Л.Г.) выполняют директивы своего правительства» (*Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 г. М., 2001. С. 133*). Но из упомянутых документов видно, что переговоры были официальными, хотя и тайными.

⁶⁵ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. С. 440—441.

⁶⁶ Hoover Institution Archives. Collection: Milan Gavrilović Papers (далее — НИА-Gav.). Box No. 32. Folder 2. Gavrilović, Moskva. 9 III 1941. Str. Pov. Br. 111; ОЖР Док. 2—3. С. 12—15 (не вполне точный перевод на русский язык в: ОЖЮ. Док. № 2—3. С. 9—11).

В известной работе Дж. Хоптнера «Югославия в кризисе 1934—1941 гг.», где содержалось одно из первых упоминаний об этой телеграфной переписке, в качестве того, кому, по сообщениям Гавриловича, делалось такое предложение советских военных, ошибочно фигурировал не Симич, а югославский военный атташе в Москве Попович (*Hoptner J. Yugoslavia in Crisis 1934—1941. New York; London, 1962. P. 208*). Со ссылкой на Хоптнера, эту ошибку повторил затем Терзич (*Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 369*).

⁶⁷ Подробнее историография этого вопроса рассматривалась мною в: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. С. 446—454.

⁶⁸ Бухаркин И. «Черная рука» в Кремле // Огонек. 2006. № 20. С. 49. Видимо, Бухаркин имел в виду, что речь шла о событиях 65-летней давности, но не смог найти адекватную формулировку. Несколько странно выглядит и указание на архив МИД СССР применительно к началу 2000-х годов (что касается упоминания об архиве МИД Югославии, то до февраля 2003 г. еще существовала «третья», осколочная Югославия).

⁶⁹ Мирковић Б. Истина о 27. марту 1941. године / Приредило П. Боснић. Београд, 1996.

⁷⁰ См. примеч. 64.

⁷¹ Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 г. С. 126—127, 128—132; Он же. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 137; Судоплатов П., Судоплатов А. with J. and L. Schechter. Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness — a Soviet Spymaster. Boston; New York; Toronto; London, 1994. P. 119.

⁷² Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 г. С. 132.

⁷³ НИА-Gav. Box No. 31. Folder 2. P. 92.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ То отмеченное выше обстоятельство, что в одних мемуарных книгах Судоплатова говорилось о вербовке, а в другой, как раз посвященной только 1941 г. и потому более подробной применительно к интересующим нас событиям, речь шла лишь о «доверительном сотрудничестве», заставляет задуматься. И задаться вопросом, насколько утверждение Судоплатова, будто Гаврилович был прямо-таки завербован, соответствует исторической действительности.

⁷⁶ НИА-Рор. Box No. 1. Folder 58. P. 15—17; Box No. 2. Folder 28. P. 6, 8.

⁷⁷ ОРЮ. Док. № 13. С. 20.

⁷⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). 2 марта 1941—22 июня 1941. М., 1998. Док. 751. С. 531, 532.

⁷⁹ НИА-Рор. Box No. 1. Folder 58. P. 16; Box No. 2. Folder 28. P. 7.

⁸⁰ Так, согласно одному из вариантов, Симич отбыл на родину в конце февраля 1941 г. (НИА-Рор. Box No. 2. Folder 28. P. 7), что, конечно, полный абсурд. Согласно же другому варианту, отъезд состоялся в конце марта, сразу после того, как стало известно, что 25 марта Югославия присоединилась к Тройственному пакту (НИА-Рор. Box No. 1. Folder 58. P. 16).

⁸¹ НИА-Рор. Box No. 1. Folder 58. P. 17.

⁸² Бухаркин И. «Черная рука» в Кремле // Огонек. 2006. № 20. С. 50.

⁸³ Sudoplatov P., Sudoplatov A. with J. and L. Schechter. Op. cit. P. 118—119; Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. С. 136—137.

⁸⁴ Медведев Ж.А., Медведев Р.А. План «Барбаросса» // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 16; Романенко С.А. Указ. соч. С. 311—312; Васильева Н., Гаврилов В. Указ. соч. С. 144, 145—146; [Васильева Н.В. (руководитель), Гаврилов В.А., Миржискин В.А.]. Указ. соч. С. 148—150; Тимофеев А. Посланицы Сталина у Краљевини Југославији // Зборник радова са међународног округлог стола Тито — Стаљин: Београд, 25. октобар 2006 / Гл. и одг. уред. М. Милошевић. Београд, 2007. С. 53.

⁸⁵ Романенко С.А. Указ. соч. С. 312.

⁸⁶ Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Указ. соч. С. 16.

⁸⁷ Лубянка. ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917—1960. Справочник / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. Научн. ред. Р.Г. Пихоя. М., 1997. С. 26.

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1035. Л. 74.

⁸⁹ Sudoplatov P., Sudoplatov A. with J. and L. Schechter. Op. cit. P. 119, 496.

⁹⁰ Судоплатов Анат. Советская политическая и военная разведка // Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995) / Под ред. Д. Проэктора и др. М., 1995. С. 270, 291; Судоплатов А.П. Указ. соч. Кн. 1. С. 295, 338; Кн. 2. С. 516—517.

⁹¹ *Медведев ЖА, Медведев РА.* Указ. соч. С. 16; *Романенко СА.* Указ. соч. С. 997.

⁹² Советская военная разведка.

⁹³ *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз / Пер. с англ. М., 1999. С. 172, 184 (примеч. 33).

⁹⁴ *Мильштейн МА.* Сквозь годы войн и нищеты: Воспоминания военного разведчика. М., 2000. С. 59.

⁹⁵ Из ответа также следовало, что если и имели место какие-то контакты советских спецслужб с дипломатическими сотрудниками югославской дипмиссии в Москве, то сведения такого рода могли храниться в архивных материалах в отношении М. Гавриловича. Но еще в 1960 г. эти материалы были уничтожены.

⁹⁶ Что касается историографии, то из тех работ, изданных до начала 1990-х годов, где этой проблематике уделялось более или менее существенное внимание, укажем прежде всего, например: *Hoptner J.* Op. cit.; *Breccia A.* Op. cit.; *Terzić V.* Op. cit. Кн. 1. А из работ, которые вышли после этого и основаны во многом на новых источниках, ставших исследоваться в последние два с половиной десятилетия, можно, помимо множества статей, упомянуть (независимо от их оценки) также, например: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг.; *Ситолс В.* Указ. соч.; *Городецкий Г.* Роковой самообман; *Цветковић С.* Југославија 1939—1941: совјетска присутност у југословенском политичком животу на почетку Другог светског рата. Београд, 1999.

А что касается публикаций документов, то, помимо, к примеру, выпущенного еще в прежнее время тома: *Aprilski rat 1941: Zbornik dokumenata.* Кн. 2 / Prired. A. Miletić. Odg. ured. F. Trgo. Beograd, 1987, укажем на ряд вышедших позже изданий, содержащих материалы из бывших советских и бывших югославских архивов: ОРЮ (соответственно, ОЈР); ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2); 1941 год: Документы / Научн. ред. В.П. Наумов. М., 1998. Кн. 1—2.

⁹⁷ *Стојановић С.* Уговор о пријатељству и ненападању између Краљевине Југославије и Совјетског Савеза (закључен 5. априла 1941. године) // Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века: Међународни научни скуп. 23—25. септембар 2010 / Уред. М. Војводић. Београд, 2011.

⁹⁸ Там же. С. 231.

⁹⁹ ОЈР (русский аналог — ОРЮ).

¹⁰⁰ Что касается моих работ, то, помимо написанного мною в уже не раз упоминавшейся коллективной монографии «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг.», отмечу еще некоторые, например: *Гиббианский ЛЯ.* Югославский кризис начала 1941 года и

Советский Союз // Война и политика, 1939—1941 / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1999; *Он же*. Югославия в советской политике на Балканах в начале Второй мировой войны // Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08.- 03.09.2004) / Отв. ред. В.К. Волков, А.Ю. Русаков. СПб., 2004; *Он же*. СССР и «первая Югославия» накануне и в момент ее гибели // Двести лет новой сербской государственности: К юбилею начала Первого сербского восстания 1804—1813 гг. / Отв. ред. В.К. Волков. СПб., 2005; *Он же*. Балканский кризис и Советский Союз // Международный кризис 1939—1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции, организованной Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Университетом Латвии, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением фонда им. Конрада Аденауэра. Москва, 3—4 февраля 2005 г. М., 2006; *Он же*. Военный переворот в Югославии 27 марта 1941 года: Общественные устремления и внешнеполитические условия // Славяноведение. 2010. № 5.

¹⁰¹ Војни архив. Ф. ANJ. К. 8. Br. Reg. 2/1. S. 191 (267).

¹⁰² ОРЮ. Док. № 10. С. 17—18.

¹⁰³ Коминтерн и вторая мировая война / Составит. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский. Отв. ред. К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян. Ч. I. М., 1994. Док. 164. С. 518; Док. 166. С. 519—520; *Vujošević U. Prepiska (radiogrami) SK KPJ — IK KI (Jun 1940 — decembar 1941) // Vojnoistorijski glasnik (Beograd). 1992. Br. 1—3. S. 300; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 599. Л. 8; Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 223.*

¹⁰⁴ *Илић Б.* Мемоари армијског генерала 1898/1942. Београд, 1995. С. 189.

¹⁰⁵ См.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. С. 471.

¹⁰⁶ ОРЮ. Док. № 10—11. С. 17—19; Док. № 13. С. 20. См. также: Војни архив. Ф. ANJ. К. 8. Br. Reg. 2/1. S. 191 (267).

¹⁰⁷ Например: *Nikolić K. Jedan pogled na martovske i aprilske događaje 1941. u Jugoslaviji // Istorija 20. veka. 2000. Br. 1. S. 70; Николит К, Димитријевић Б.* Указ. соч. С. 204.

¹⁰⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 740. С. 510, 511; Док. 742. С. 512; Док. 743. С. 514; Док. 744. С. 515; Док. 745. С. 516; Док. 746. С. 518; Док. 751. С. 531.

¹⁰⁹ Војни архив. Ф. ANJ. К. 8. Br. Reg. 2/1. S. 191 (267); AJ. Фонд: Zaostavština Kneza Pavla (Copies of Prince Paul Karageorgevich Papers. Columbia University Libraries, New York). Rolna 016. Scan 0079.

¹¹⁰ ОРЮ. Док. № 13. С. 20. Не исключено, что Лебедев, передавая югославскому руководству ответ Молотова, интерпретировал его как

согласие Москвы на переговоры именно о заключении предложенного Белградом военно-политического союза и тем самым способствовал возникновению такого представления.

¹¹¹ Проекты см.: Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 07. Оп. 2. П. 13. Д. 77. Л. 1—5.

¹¹² ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 743. С. 514—515; Док. 745. С. 516—518; Док. 751. С. 531—532; НИА-Gav. Vox No. 32. Folder 3. Gavrilović — МР, 4 IV 1941, Str. Pov. Br. 169, 170.

¹¹³ Во многом эта версия ведет начало из утверждений самого Гавриловича, которые затем получили распространение, в частности, благодаря Хоптнеру. См.: *Hoptner J.* Op. cit. P. 278—280.

¹¹⁴ ОРЮ. Док. № 30. С. 33—34.

¹¹⁵ Там же. Док. № 28. С. 32.

¹¹⁶ *Miner S.M.* Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance. Chapel Hill; London, 1988. P. 118—119; *Nikolić K.* Op. cit. S. 70; *Николић К., Димитријевић Б.* Указ. соч. С. 204—205.

¹¹⁷ *Гордецкий Г.* Миф «Ледокола»: Накануне войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 165, 177 (примеч. 43); *Он же.* Роковой самообман. С. 174—175, 180.

¹¹⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 751. С. 532.

¹¹⁹ *Nikolić K.* Op. cit. S. 70; *Николић К., Димитријевић Б.* Указ. соч. С. 204.

¹²⁰ *Petranović B., Dautović S.* Op. cit. S. 35—36.

¹²¹ ОЖР. Док. 29. С. 49—50 (не совсем точный перевод того же документа в: ОРЮ. Док. № 29. С. 33); НИА-Gav. Vox No. 31. Folder 2. Гавриловић — Симовићу. Москва, 28 VII 1941.

А.С. СТЫКАЛИН

Большие московские совещания компартий в ноябре 1957 г. и Союз коммунистов Югославии

Процесс советско-югославского сближения, начавшийся после смерти Сталина, достиг своей кульминации в июне 1956 г., когда делегация ФНРЮ и СКЮ во главе с Й. Брозом-Тито совершила более, чем 20-дневную поездку по СССР¹. Ее важнейшим итогом стало подписание межпартийной декларации². Однако при всей серьезности приготовлений сверхзадача переговоров так и не была решена, результатами июньского визита Тито в СССР в Кремле не были довольны. Осознавая выгоду более тесного экономического сотрудничества с СССР, Югославия в то же время нисколько не хотела поступаться своим суверенитетом и продолжала дистанцироваться от советского лагеря, не проявив, в частности, никакого желания к вступлению в ОВД и СЭВ. Подписанная межпартийная Декларация носила явно компромиссный характер со стороны КПСС, в ней ничего не говорилось ни о единстве двух партий, стоящих на общей идейной платформе, ни о принадлежности Югославии к социалистическому лагерю. Протоколы заседаний Президиума ЦК отражают разочарование советской стороны в итогах переговоров с югославами. При утверждении документа на Президиуме ЦК КПСС было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем»³.

При этом Москву весьма заботил вопрос о том, что лидеры братских партий стран народной демократии могут воспринять декларацию об отношениях между КПСС и СКЮ как свидетельство начавшегося принципиального пересмотра характера отношений между компартиями. Это заметил прони-

цательный и хорошо информированный посол ФНРЮ в СССР В. Мичунович, сделавший соответствующую запись в дневнике. Чтобы в корне пресечь любую попытку извлечения в странах Восточной Европы нежелательных выводов из опубликованного документа, представители КПСС, отметил он, на совещании руководителей стран советского блока (состоявшемся сразу после отъезда Тито из СССР) «ясно дали понять лидерам стран лагеря, что то, что они подписали с Тито, не имеет значения для политики СССР по отношению к государствам и коммунистическим партиям стран лагеря»⁴.

Только польский и венгерский вызовы октября 1956 г. (неповиновение Москве обновленного руководства ПОРП во главе с В. Гомулкой, а через считанные дни после этого венгерское восстание) заставили советских лидеров несколько по-иному взглянуть на методы сохранения единства социалистического лагеря, усомниться в эффективности восточноевропейской политики СССР, при всей видимой всеохватности контроля над советской сферой влияния, не способной, как особенно показали венгерские события, обеспечить стабильность в регионе. На заседании Президиума ЦК КПСС от 30 октября при обсуждении текста Декларации об отношениях между социалистическими странами речь шла о том, что ходом событий обнаружился кризис в отношениях СССР со странами народной демократии, ставился вопрос о необходимости определенной корректировки концепции внутриблоковых отношений с учетом требований равноправия⁵.

За четыре месяца до этого, сразу после отъезда Тито из СССР положение дел в этих государствах (волнения в польском г. Познани 28 июня, размах оппозиционных критических выступлений на дискуссиях Кружка Петёфи в Венгрии) усилило не только озабоченность советских лидеров происходящим, но и раздражение по поводу претензий югославы на поиски своего пути к социализму, поскольку на югославский опыт охотно ссылались активизировавшиеся оппоненты правящих режимов в странах Восточной Европы (отчасти также и сторонники далеко идущих реформ в СССР)⁶. Эта озабоченность нашла отражение в закрытом письме лидерам компартий стран социалистического лагеря, а также Франции и Италии, от 13 июля, принятом на заседании Президиума ЦК КПСС.

В письме было акцентировано внимание на разногласиях с СКЮ, чье руководство отказалось заявить об идеологическом единстве с КПСС на основе марксизма-ленинизма и принадлежности Югославии к социалистическому лагерю. Были подвергнуты критике претензии югославов на слишком большую независимость во взаимоотношениях с другими коммунистическими и рабочими партиями, расцененные руководством КПСС как стремление «обеспечить себе роль посредника, возможность, по сути, самостоятельно вести переговоры со всеми партиями, свободно лавировать и добиваться определенного лидерства»⁷. «Кажется, они уже раскаялись, что подписали эту декларацию», — записал посол Мичунович 3 июля под впечатлением от постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», воспринятого как шаг назад в сравнении с решениями XX съезда КПСС, и от своих непосредственных контактов с кремлевской элитой, с некоторой стыдливостью отзывавшейся о советско-югославской декларации⁸.

Председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин, который 5 июня, дав завтрак в Кремле в честь Тито, поднял тост «За друга, за ленинца, за нашего боевого товарища!»⁹, 29 июня был подвергнут за это критике на заседании Президиума ЦК КПСС («Преждевременно заявление т. Булганина. Назвал т. Тито ленинцем. Неосторожен — сказать об этом надо»¹⁰). Заявление Булганина было названо преждевременным и в вышеупомянутом письме зарубежным компартиям от 13 июля. 12 июля при обсуждении на Президиуме ЦК положения в Венгрии был сделан акцент на подрывной деятельности империалистов, которые «ослабить хотят интернациональные связи под флагом самостоятельности пути», «хотят разобщить и поодиночке разбить» социалистические страны¹¹. На первый план однозначно выходит лозунг единства социалистического лагеря, тогда как требования расширения самостоятельности признаются неактуальными.

Таким образом, уже в июле 1956 г. руководство КПСС видело опасность формирования в лице титовской Югославии альтернативного идеологического центра в мировом коммунистическом движении, создававшего реальную угрозу раскола в нем. Этому способствовала и сохранявшаяся независимая внешняя политика Югославии, последовательная в осуществ-

влении линии на неприсоединение. Встречаясь с деятелями стран «третьего мира», Тито неизменно выступал с критикой противостоящих друг другу военных блоков. В Кремле, однако, еще не потеряли терпения — слишком велико было стратегическое значение Югославии. Ради закрепления позиций СССР в Средиземноморье стоило поработать. Попытки мягко «образумить» Тито были предприняты Хрущевым в ходе их неформальных встреч на Адриатике и в Крыму в сентябре — начале октября 1956 г. ФНРЮ сравнили с солдатом, идущим «не в ногу» со всей ротой (т.е. содружеством стран, строящих социализм), просили воздержаться от проявления симпатий к оппозиционерам в странах Восточной Европы¹² и предпринять сближение с теми странами, в отношениях с которыми сохранялась напряженность (с Венгрией, Болгарией, Албанией)¹³. Под давлением Москвы Тито принял у себя в Белграде лидера Венгерской партии трудящихся Э. Гере, однако возвращение венгерской делегации в Будапешт 23 октября совпало с началом мощного восстания, для подавления которого были приведены в действие советские войска, что лишь усилило ожесточенность повстанческого сопротивления.

Руководство СКЮ после нескольких дней ожиданий солидаризировалось с курсом нового правительства И. Надя на расширение национального суверенитета, возложив главную вину за создавшееся положение на прежнее руководство, своей политикой подорвавшее веру многих трудящихся в перспективы социализма (что нанесло урон интересам сил социализма во всем мире). Поддержав И. Надя в его решимости опереться на возникшие в те дни рабочие советы, Тито в то же время довольно скептически отнесся к идее восстановления многопартийности в Венгрии, поскольку речь могла вскоре пойти об утрате коммунистами власти. Он выражал также озабоченность в связи с угрозой анархии и возможными выступлениями реакции, причем по мере развития событий его обеспокоенность усиливалась. К границе с Венгрией были подтянуты югославские войска.

В ночь со 2 на 3 ноября на о. Бриони в Адриатике Тито, приняв Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова, дал, как известно, согласие на советскую военную акцию в целях приведения к власти более надежного правительства (предложенная югославами кандидатура Я. Кадара как главы этого правительства не вы-

звала возражений советской стороны). Тито также выразил готовность, связавшись с Надем, склонить его подать в отставку, что облегчило бы реализацию советских планов, единственно способных, по его мнению, спасти «завоевания социализма» в Венгрии¹⁴.

Как известно, в результате венгерских октябрьских-ноябрьских событий произошло заметное ухудшение советско-югославских отношений. Во-первых, оно было вызвано особой позицией СКЮ относительно причин венгерского кризиса, изложенной в выступлениях Й. Броз-Тито на партактиве в Пуле 11 ноября¹⁵ и Э. Карделя в Союзной Скупщине ФНРЮ 7 декабря. Другим источником новых осложнений в двусторонних отношениях стали неудача с нейтрализацией И. Надя (успевшего до своего укрытия в югославском посольстве в Будапеште осудить по радио военное вмешательство СССР), а также последующее развитие событий, в частности, незаконный арест советскими спецслужбами И. Надя и его соратников при выходе их из югославского посольства и переправка их в Румынию 22 ноября — очевидно, вопреки договоренностям с руководством ФНРЮ. Блюдя престиж своей страны как независимой, Тито публично отмежевался от устроителей неблагоприятной акции¹⁶.

Возникшая между КПСС и СКЮ межпартийная полемика не ограничилась закрытой перепиской, перекинулась в прессу. В связи с венгерскими событиями Москва обвиняла Белград в нарушении брионских договоренностей, в умышленном создании затруднений правительству Кадара, в неспособности отмежеваться от попыток реакции использовать югославский пример и опыт в интересах борьбы против социализма. При этом в Москве ни в коей мере не хотели создавать видимость возвращения к ситуации 1948 г. В закрытой межпартийной переписке и беседах с советским послом Н.П. Фирюбиным югославские лидеры, рассчитывавшие на продолжение выгодного для них экономического сотрудничества и, конечно, не желавшие вновь оказаться в положении изгоев в мировом коммунистическом движении, получали заверения в том, что возврат к прошлому невозможен — с советской стороны будут приложены усилия для устранения возникших наслоений, только не за счет «принципиальных идеологических уступок». Та же установка была изложена руководителям «братских партий»: да-

вая отпор «неверным утверждениям» югославам, мы считаем, однако, необходимым держаться в полемике спокойного тона, не обостряя отношений по государственной линии и продолжая поддерживать контакт по партийной линии, отмечалось в начале декабря 1956 г. в письме руководства КПСС чехословацкому лидеру А. Новотному¹⁷. О готовности приложить усилия для преодоления разногласий постоянно заявлялось и с югославской стороны. В этих условиях и возникла идея проведения совещания компартий с участием СКЮ.

В апреле 1956 г. был распущен Коминформ как отжившая себя, не отвечающая требованиям времени форма взаимодействия и сотрудничества компартий. Одним из важнейших мотивов ускоренного решения вопроса¹⁸ было стремление сделать жест доброй воли в адрес СКЮ в канун запланированного приезда Тито в СССР¹⁹. В июне 1956 г. на встрече лидеров компартий социалистических стран в Москве было решено, что на смену Коминформу придут периодически созываемые по инициативе отдельных компартий межпартийные совещания²⁰. Первое из них было создано в срочном порядке 24 октября того же года, в условиях внутривосточного кризиса в Польше и на второй день после мощнейшего восстания в Венгрии, обрушившего всю систему коммунистической власти в этой стране. Естественно, оно было всецело посвящено поискам конкретных путей урегулирования острых кризисных явлений в странах советской сферы влияния²¹. Проблемы нормализации положения в Венгрии обсуждались и на будапештском совещании в начале января 1957 г.

Тогда же, в январе 1957 г., возникает идея проведения более широкого совещания компартий. Ее инициатором явилась компартия Китая, заметно активизировавшая к этому времени политику на восточноевропейском направлении — своей активной вовлеченностью осенью 1956 г. в разрешение польского и венгерского кризисов Китай впервые реально заявил о себе как вторая коммунистическая держава, без участия которой не может быть разрешен ни один «семейный спор» в содружестве стран, строящих социализм²². Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай во время своего длительного зарубежного турне посетил в январе 1957 г. не только Москву, но также Варшаву и Будапешт. В ходе встреч он ставил вопрос о проведении в феврале-марте совещания компартий с участием

представителей СКЮ. Зная о том, что вследствие венгерских событий отношения лидеров СССР и ФНРЮ осложнились, руководство КПК, в целом разделявшее советскую оценку сути венгерского кризиса, не только пыталось повлиять на лидеров СКЮ, склонив их к компромиссу, но в интересах повышения собственного веса в мировом коммунистическом движении стремилось выступить в роли посредника в двустороннем споре. Созыв совещания с участием югославов должен был, по замыслу китайских лидеров, способствовать сближению СКЮ с генеральной линией мирового коммунистического движения, а значит укреплению единства коммунистических сил в мире. В беседе с представителями КПК Тито, хотя и проявил определенную сдержанность в вопросе о целесообразности проведения совещания, в принципе не возражал против участия в нем представителей СКЮ при условии, что партии, участвующие в совещании, не будут связаны исполнением каких-либо обязательных для всех решений²³.

2 февраля Президиум ЦК КПСС рассматривал вопрос «О встрече представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран», обсуждая соответствующее китайское предложение²⁴. Как в Москве, так и в Пекине СКЮ воспринимался как потенциальный источник раскола в коммунистическом движении, советские и китайские коммунисты были едины в том, что без югославов совещание никак нельзя проводить: их отсутствие будет воспринято в мире как признак раскола коммунистических сил. Как явствует из краткой записи заседания, члены Президиума ЦК КПСС пришли к выводу о том, что не стоит «проявлять форсирование встречи» представителей всех компартий социалистических стран с участием югославов. Лучше вначале встретиться с представителями СКЮ «один на один», причем «большую заинтересованность не проявлять», ждать встречных шагов с югославской стороны²⁵. В силу этого руководство КПСС считало предпочтительным более поздний срок проведения совещания компартий: конец марта — начало апреля 1957 г.²⁶

Весной 1957 г. совещание компартий не состоялось, и не в последнюю очередь из-за выжидательной позиции югославов. Эта позиция отчасти объяснялась сохранявшейся нерешенностью проблемы, связанной с продолжением американских поставок вооружения²⁷ — в этих условиях Белград не хотел де-

монстрировать слишком далеко идущих шагов к сближению с советским блоком. Да и независимо от состояния отношений с Западом, ФНРЮ, дорожа своей репутацией нейтрального государства, предпочитала сближаться с СССР только при условии встречного движения со стороны Кремля, готовности Москвы к определенному компромиссу, как это произошло в июне 1956 г., когда по итогам советско-югославских переговоров была принята Декларация, в основе которой лежал югославский проект.

Кроме того, руководство СКЮ выжидало дальнейшего хода развития событий в Венгрии. Вплоть до поездки Я. Кадара в Москву (21—27 марта 1957 г.) не был окончательно решен вопрос о возвращении во власть людей команды бывшего партийного лидера М. Ракоши (совершенно неприемлемой для Белграда, поскольку инициированное именно Ракоши и его окружением в 1949 г. судебное дело Ласло Райка стало апогеем антиюгославской кампании конца 1940-х годов). С другой стороны, весной 1957 г. в Будапеште с каждым месяцем ужесточалась риторика в адрес Имре Надя, вызывавшая в Белграде большое неудовольствие: «дело Надя» (подобно тому, как в 1949 г. «дело Райка») могло дать повод для эскалации резкой критики в адрес СКЮ, обвинений в поддержке венгерских «ревизионистов»²⁸. В сложившихся условиях руководство СКЮ сочло во второй половине марта проведение совещания несвоевременным, о чем информировало китайскую сторону²⁹.

Через два месяца, однако, ситуация изменилась. Факты свидетельствовали о начавшейся подготовке в Венгрии судебного процесса по делу И. Надя. Это вызвало беспокойство югославов, все чаще проводивших параллели с пресловутым «делом Райка». «Представители югославского посольства в Будапеште при каждой беседе с венгерскими товарищами пытаются подчеркнуть ненужность организации процесса над Имре Надем», — доносил 21 июня в Москву дипломат В.А. Крючков, будущий председатель КГБ³⁰. Проявившаяся в этих условиях склонность Белграда к компромиссу не укрылась от Кадара, говорившего 6 июня советскому послу Е.И. Громову о том, что югославы в последнее время предпринимают очевидные попытки улучшить отношения с СССР и его союзниками. Посол, следуя сохранявшейся линии центра на укрепление единства мирового коммунистического движения, в ответ

заметил, что если эти попытки являются искренними, надо предпринять встречные шаги, не идя вместе с тем на идеологические уступки³¹.

Таким образом, к лету 1957 г. в Москве возобладала точка зрения о необходимости принятия дополнительных усилий в целях улучшения советско-югославских отношений. В повестку дня заседания Президиума ЦК КПСС от 31 мая был внесен пункт «О Югославии». Теперь уже не китайская, а советская сторона решила «проявить инициативу по вопросу созыва совещания руководителей партий социалистических стран» с участием Югославии³². Был утвержден текст памятной записки для ЦК СКЮ с предложением о проведении в летние месяцы совещания представителей компартий — в Болгарии, в Румынии либо в Советском Союзе (в Крыму)³³. С точки зрения КПСС, можно было бы не определять заранее повестку дня, чтобы участники совещания могли сами ставить на обсуждение интересующие их вопросы. 3 июня посол СССР Н.П. Фирюбин был принят Тито, который заверил его, что ЦК СКЮ будет со своей стороны укреплять и развивать советско-югославские отношения, заметив одновременно, что перед совещанием братских партий было бы целесообразно провести двустороннюю встречу делегаций КПСС и СКЮ для взаимного прояснения позиций³⁴.

Руководство КПК поддержало инициативу КПСС о созыве летом совещания компартий социалистических стран и со своей стороны предложило провести предварительные межпартийные консультации для прояснения позиций всех партий по наиболее принципиальным вопросам. В Пекине придавали решающее значение подготовке итоговой декларации, в которую следовало, по мнению лидеров КПК, включить только те положения, которые могли быть приняты единогласно³⁵.

Едва начавшаяся в Москве подготовительная работа по созыву совещания компартий была прервана во второй половине июня неудачной попыткой отстранить Н.С. Хрущева от власти, поддержанной большинством членов Президиума ЦК КПСС. Провал антихрущевского путча привел к удалению из партийного руководства В.М. Молотова (всегда скептически относившегося к перспективам советско-югославского сближения), что, вне всякого сомнения, благоприятно повлияло на готовность лидеров СКЮ активизировать контакты с КПСС. В

июле 1957 г. в СССР отдыхали наиболее влиятельные соратники Тито Э. Кардель и А. Ранкович. 18 июля они были приняты Хрущевым³⁶. Еще до этого Тито выразил согласие непосредственно встретиться с советскими лидерами³⁷.

Хотя Н.С. Хрущев сумел удержать власть, обсуждение на партактивах постановления об «антипартийной группе» показало, что среди членов КПСС существовало немало сомнений в правильности проводимого курса, в советском обществе широко было распространено мнение о том, что позиции КПСС и СССР на международной арене в последнее время заметно ослабли³⁸. Такой же точки зрения придерживались и многие зарубежные коммунисты: не только польский и венгерский кризисы осени 1956 г., но и обострение внутривосточной борьбы в КПСС в июне 1957 г. были восприняты за рубежом (и в том числе в коммунистических кругах как на Западе, так и в Восточной Европе) как симптомы общего ослабления позиций КПСС, падения ее международного авторитета. Успешное проведение широкого совещания компартий, принятие всеми его участниками платформы, предложенной КПСС, было призвано опровергнуть такое мнение.

Для консолидации своей власти Н.С. Хрущев особенно нуждался в поддержке Мао Цзэдуна и руководства КПК. Признание влиятельнейшим в мировом коммунистическом движении Мао правоты Хрущева в споре с оппонентами было немаловажным залогом прочности его положения во главе КПСС. Между тем, в отличие от Тито руководство КПК выразило поддержку действий Хрущева только после некоторых колебаний и выжиданий — этому предшествовала поездка в Пекин такого мэтра «партийной дипломатии», как А.И. Микоян³⁹. Достигнутое согласие с КПК по вопросу об отношении к «антипартийной группе» должно было подсказать Хрущеву необходимость скорейшего проведения совещания компартий. В интересах укрепления авторитета руководства КПСС и демонстрации единства мирового коммунистического движения на платформе, продиктованной КПСС, нужно было своевременно использовать благоприятную конъюнктуру в отношениях как со второй по своему влиянию в коммунистическом мире КПК, так и с главным носителем схизмы в коммунистическом движении — СКЮ. Что касается руководства КПК, то оно после июньских событий в Москве не изменило своей позиции о целесообраз-

ности проведения совещания и необходимости его тщательной подготовки.

Первая после венгерских событий встреча советской и югославской партийно-правительственных делегаций состоялась в Румынии 1—2 августа 1957 г.⁴⁰. Был обсужден широкий круг проблем, предприняты небезуспешные попытки сблизить позиции по спорным вопросам (суть событий в Венгрии, проблема рабочих советов и т.д.), была выражена решимость и дальше работать над устранением препятствий, затрудняющих развитие двусторонних отношений. Москва заверила Белград в отсутствии намерений использовать дело И. Надя для раздвигания антиюгославской кампании (а несколько позже настояла на том, чтобы венгерское руководство не проводило судебный процесс до предполагаемого совещания компартий с участием югославов⁴¹). Руководство СКЮ в принципе выразило готовность принять участие в совещании компартий социалистических стран — приглашение придавало им уверенности в том, что повторения ситуации 1948—1949 гг., т.е. разрыва с советским лагерем не будет.

Как можно судить из документов, еще в июле, т.е. до советско-югославской встречи, компартии социалистических стран были проинформированы о планах проведения совещания, в котором наряду с представителями партий соцстран приняли бы участие коммунисты Франции и Италии. Москва не хотела показывать свою иницилирующую роль в подготовке совещания, ссылаясь, в частности, в переписке с венгерским лидером Я. Кадаром на мнение других партий о желательности проведения совещания для обсуждения актуальных вопросов⁴². Место и время встречи напрашивались сами собой в связи с наступающим 40-летним юбилеем Октябрьской революции (прежняя идея провести совещание летом на Черном море отпала, будучи заслоненной необходимостью предварительных советско-югославских бесед)⁴³. В августе компартии социалистических стран, а также Франции и Италии были проинформированы о результатах советско-югославской встречи, о том, что СКЮ в целом позитивно отнесся к идее проведения совещания компартий.

Учитывая популярность югославского опыта и влияние в мире СКЮ как носителя модели реального социализма, в определенной мере альтернативной ее советской модели, бой-

кот со стороны Тито и его команды мог быть воспринят как шаг к расколу коммунистического движения, само проведение совещания в этих условиях показалось бы многим несвоевременным. Напротив, выраженная готовность югославов участвовать в совещании означала, что раскола не будет. Узнав о позиции югославов, все компартии высказались за проведение многосторонней встречи. Таким образом, именно после августовских бесед Хрущева и Тито вопрос о проведении в ноябре в Москве совещания был в принципе согласован и могла начаться подготовительная работа, в первую очередь, над проектом итоговой декларации⁴⁴.

Первоначальный проект декларации был подготовлен в Москве, в аппарате ЦК КПСС. Доступные на сегодняшний день в архивах документы не отражают непосредственного участия представителей иностранных компартий в работе над проектом на этом раннем этапе. Учитывая, что в августе на встрече с югославами проявились (как и ожидалось) разногласия по целому ряду вопросов, а вместе с тем участием СКЮ в совещании придавалось первостепенное значение, в Москве было решено за несколько недель до совещания ознакомить лидеров СКЮ с подготовленным проектом декларации, чтобы согласовать все спорные моменты. После того, как к середине октября работа над первоначальным проектом была завершена, в Белград для обсуждения текста документа с представителями СКЮ выехали эмиссары КПСС — заведующие отделами ЦК, отвечавшими за связи с иностранными компартиями, Ю.В. Андропов и Б.Н. Пономарев⁴⁵. 15 и 18 октября они имели беседы с представителями высшего югославского руководства Э. Карделем, А. Ранковичем и В. Влаховичем⁴⁶. Окончательное решение было принято Исполкомом ЦК СКЮ 17 октября. С югославской стороны было заявлено, что хотя документ этот по сути правильный, вместе с тем его подписание создало бы для СКЮ немалые, прежде всего внешнеполитические и внешнеэкономические трудности. Оно было бы воспринято на Западе как отказ ФНРЮ от политики нейтралитета, пересмотр всей внешнеполитической концепции, вхождение страны в «социалистический блок», и это могло бы возыметь для Белграда далеко идущие негативные последствия.

Как раз накануне первой беседы Андропова и Пономарева с Карделем, 14 октября, правительство ФНРЮ, выполняя обеща-

ние, данное советскому руководству в начале августа, признало ГДР. Это вызвало жесткую реакцию ФРГ. В соответствии с так называемой «доктриной Хальштейна» признание ГДР автоматически влекло за собой разрыв дипломатических отношений ФРГ с соответствующей страной (исключение было сделано лишь для СССР, о чем канцлер ФРГ К. Аденауэр договорился с советскими лидерами во время визита в Москву в сентябре 1955 г.). Следуя этой доктрине, правительство ФРГ 19 октября объявило о разрыве дипотношений с Югославией. Предвидя такой результат в свете первых же жестких заявлений Бонна, Кардель 18 октября откровенно заявил Андропову и Пономареву, что не хотел бы для своей страны новых осложнений с Западом, тем более в момент, когда Югославия особенно нуждалась в экономической помощи (в том числе в поставках зерна вследствие неурожая)⁴⁷.

Руководству СКЮ особенно не понравился в представленном Москвой проекте декларации тезис о борьбе с ревизионизмом. Небезосновательно спроецировав его на свою партию, Кардель заметил, что подписание СКЮ документа подобного содержания может создать впечатление, что югославские коммунисты, неоднократно обвинявшиеся в ревизионизме (не только при Сталине, но и позже, в том числе в связи с позицией, занятой в отношении венгерских событий), признают свои мнимые ошибки, выступают с самокритикой. В действительности же они отнюдь не считают звучавшую критику справедливой и не собираются сдавать своих позиций. Вообще публикация декларации, указывающей на существование социалистического лагеря, по мнению лидеров СКЮ, заставит многих подумать о возрождении Коминформа (теперь уже с участием югославов), что неизбежно обострит разногласия в рядах коммунистов разных стран и вызовет негативную реакцию в мире. С другой стороны, жесткость некоторых положений декларации (там, где дело касалось, в частности, критики американского империализма), по мнению югославских деятелей, может только сыграть на руку реакционным кругам на Западе, которые, ссылаясь на коммунистическую угрозу, развяжут массивную пропагандистскую кампанию против социалистических стран.

Не желая связывать себя подписанием жестких заявлений от имени социалистического блока, югославы вместе с тем

совсем не хотели снова оказаться в положении изгоев в коммунистическом движении⁴⁸. Они высказались за многообразие форм контактов между компартиями, проведение совещаний и дали принципиальное согласие приехать в Москву в дни празднования 40-летнего юбилея Октябрьской революции для участия не только в юбилейных торжествах, но и в запланированном совещании представителей компартий социалистических стран, равно как и во встречах с деятелями других компартий. По их мнению, оптимальной стала бы публикация в прессе по итогам совещания компартий соцстран не амбициозной политической декларации, а только краткой информации о проведении встречи без детализации обсуждавшихся вопросов.

Тито, насколько можно судить по имеющимся документам, не участвовал в беседах с советскими эмиссарами, но в знак своей доброй воли счел целесообразным публично высказаться перед советской аудиторией о всемирно-историческом значении Октябрьской революции в России, непосредственным свидетелем которой он был в 1917 г. Его интервью было опубликовано в журнале «Огонек»⁴⁹. Впрочем, в те же самые дни настроение югославского маршала было омрачено вестью, пришедшей из Москвы — маршал Г.К. Жуков, только что побывавший в Югославии и принятый со всеми почестями, был снят с поста министра обороны, а затем выведен из Президиума ЦК с обвинением в ущемлении роли партии в Вооруженных силах. Отстранение Жукова разом обесценило значение всех его бесед с югославскими лидерами, в ходе которых обсуждался широкий круг вопросов. Тито воспринял как личное унижение тот факт, что не был заранее проинформирован о готовящемся отстранении Жукова и соответственно принимал его в Белграде как одного из советских партийно-государственных лидеров. Ссылаясь на болезнь, он отказался от запланированного приезда в Москву на юбилейные торжества, передоверив Карделю руководство югославской делегацией⁵⁰.

Возможно, что наряду с «делом Жукова» сыграло роль и нежелание демонстрировать миру чрезмерную близость с советским блоком. Однако противопоставлять себя мировому коммунистическому движению Тито тем более не хотел, об отказе Югославии прислать своих представителей на юбилей-

ные торжества речи не было. И только в Москве, в канун совещания компартий социалистических стран, состоявшегося 14—16 ноября, югославы (вопреки своим обещаниям, данным Пономареву и Андропову) отказались от участия в этом узком совещании, согласившись вместе с тем участвовать в запланированном на последующие дни совещании представителей всех 68 коммунистических и рабочих партий, приглашенных в Москву. Их отказ вызвал негодование Хрущева. Он попытался безуспешно надавить на представителей СКЮ, заставив их все-таки участвовать и в узком совещании, а затем призвал другие партии подвергнуть делегацию СКЮ ostracismу⁵¹.

СКЮ, судя по известным документам, была первой коммунистической партией, ознакомленной с первоначальным проектом декларации. Итоги бесед Пономарева и Андропова с югославскими лидерами обсуждались на заседании Президиума ЦК КПСС 18 октября, где было решено разослать проект декларации компартиям социалистических стран, а также Франции и Италии, и информировать их о югославской позиции, которая, с точки зрения Москвы, ни в коей мере не давала оснований отказываться от планов проведения совещания⁵². Участие французской и итальянской компартий в узком совещании предполагалось вплоть до начала ноября. Идея эта была отброшена, очевидно, только после консультаций с П. Тольятти и М. Торезом уже в Москве. Можно предполагать, что лидеры КПСС, организуя совещание, в конце концов решили избежать каких-либо аналогий с Коминформом, в работе которого, как известно, участвовали ИКП и ФКП. Вместе с тем представители этих, а потом и некоторых других компартий капиталистических (а также развивающихся) стран, будучи ознакомленными с проектом декларации, изложили свои замечания, а затем приняли непосредственное участие в его обсуждении в Москве, в первой половине — середине ноября 1956 г.

Параллельно с подготовкой совещания компартий социалистических стран к началу ноября окончательно выкристаллизовалась идея проведения не просто серии встреч, а широкого, организованного совещания с участием делегаций всех коммунистических и левых партий, приглашенных в Москву на юбилейные торжества по случаю 40-летия Октябрьской революции. К участию в нем не были приглашены лишь партии,

не разделявшие основополагающих доктрин международного коммунистического движения, в частности, итальянские социалисты во главе с П. Ненни, тоже почтившие своим присутствием юбилейные празднества.

Таким образом, несмотря на позицию СКЮ, в Москве продолжалась работа по подготовке узкого совещания, необходимость проведения которого не вызвала сомнений, тем более что и югославские коммунисты первоначально в принципе выразили готовность принять в нем участие. В письмах ЦК КПСС братским партиям говорилось о том, что жесткая повестка дня заранее не будет определена, чтобы делегации компартий, приезжающих в Москву, могли поставить на обсуждение любые волнующие их вопросы и в результате возник свободный обмен мнениями⁵³. Вопрос же о содержании декларации, которую предстояло принять по итогам совещания, оставался некоторое время открытым — в Кремле, естественно, были заинтересованы в том, чтобы документ был подписан всеми участниками встречи, в противном случае всему миру будет продемонстрировано сохранение в мировом коммунистическом движении югославского инакомыслия, чреватого усилением раскольнических тенденций. Существовали некоторые (как показало совещание, вполне обоснованные) сомнения и в отношении позиции Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), выступавшей за ослабление контроля Москвы над коммунистическим движением и против любых попыток связать компартии социалистических стран какими-либо далеко идущими взаимными обязательствами⁵⁴.

Вплоть до конца октября не было полной ясности и с публикацией итогового документа, что нашло отражение в беседе Мао Цзэдуна с советским послом П.Ф. Юдиным вечером 29 октября — китайский лидер, ознакомившись с проектом декларации, за считанные дни до своего отъезда в Москву на юбилейные торжества излагал советскому дипломату свои замечания и соображения. По мнению Мао, в крайнем случае, при наличии существенных расхождений в позициях некоторых партий, можно было бы ограничиться публикацией более краткого коммюнике, в котором были бы сформулированы только приемлемые для всех положения⁵⁵.

Замечания Мао, изложенные послу, в одном принципиальном моменте могли привести к ужесточению положений де-

кларации. Так, отреагировав на тезис о возможности мирного перехода к социализму, китайский лидер призвал иметь в виду и отразить в документе также иную возможность — вооруженной борьбы, которую буржуазия может навязать пролетариату. Вместе с тем Мао Цзэдун не только в принципе поддержал тезис о единстве действий с социалистами по ряду политических вопросов, но предложил дать более общую формулировку, указывающую на готовность к сближению «с буржуазными демократическими, национально-буржуазными партиями и течениями, ведущими борьбу за мир, за национальную независимость и т.п.»⁵⁶. Эта позиция отражала обозначившееся в середине 1950-х годов стремление Китая (как и СССР) сделать национально-освободительное движение стран Азии, а потом и Африки своим политическим союзником.

Телеграмма Юдина из Пекина от 30 октября о беседе с Мао и телеграммы от партийных лидеров других стран по вопросам предстоящего совещания обсуждались на заседании Президиума ЦК КПСС 2 ноября⁵⁷. Было высказано мнение не довольствоваться кратким коммюнике, а «склонять на подписание декларации, если даже югославы не согласятся». Проект решено было доработать с учетом мнений других партий⁵⁸. Прозвучала также идея представить доработанный проект декларации от имени двух компартий — КПСС и КПК, что и было впоследствии реализовано.

Китайская делегация во главе с Мао Цзэдуном приехала в Москву 2 ноября. Перед этим, не только на партактиве в июле, но и на пленуме ЦК КПК в октябре, Мао, недовольный хрущевскими методами развенчания Сталина⁵⁹ и абсолютизацией мирного перехода к социализму, весьма критически отзывался о веяниях, идущих из Кремля начиная с XX съезда КПСС⁶⁰. Однако на его настроения в канун и во время его второго (первый был в дни 70-летия Сталина в декабре 1949 г.) и последнего визита в Москву сильно повлиял запуск советского спутника 4 октября 1957 г. Можно согласиться с тем, что «прорыв Советского Союза в космос произвел на Мао Цзэдуна глубочайшее впечатление, возродив его потускневшую веру в мощь СССР, а также новые надежды на неисчерпаемые возможности социализма»⁶¹. К теме спутника он то и дело обращался и в своих выступлениях на московских ноябрьских совещаниях братских партий, восхищаясь тем, как СССР, «за-

пустив вверх большую штуковину», вырвался вперед, а если он не остановится на достигнутом, то далеко опередит капиталистический мир и заставит человечество избавиться от страха⁶². Именно спутник стал для Мао наилучшим свидетельством не только приемлемости советского опыта для других партий (при всей проблематичности хрущевской борьбы с «культом личности» Сталина), но и перевеса сил социализма над силами капитализма («ветер с Востока довлест над ветром с Запада»). На фоне таких исторических перспектив «небольшие шероховатости» в отношениях между КПСС и КПК, по словам Мао, — «это незначительное», и оно никак не должно заслонять главного⁶³.

В первой половине ноября в Москве в течение нескольких дней представители КПСС М.А. Сулов, О.В. Куусинен, П.Н. Поспелов, Б.Н. Пономарев, Ю.В. Андропов, П.Ф. Юдин согласовывали с делегацией КПК текст Декларации предстоящего совещания компартий. Подготовке итогового документа было уделено большое внимание. Декларация была призвана стать ответом на широко распространившиеся на Западе утверждения о кризисе мирового коммунистического движения, она должна была дать понять всему миру, что это движение не только сохраняет свое единство, но с каждым годом растет и крепнет, а 40 лет, прошедших со времени Октябрьской революции в России, доказали большую жизнеспособность социализма и его превосходство над капитализмом.

Предметом главных споров вновь стал тезис о мирном пути к социализму. В предложенных китайцами поправках по сути отрицалась возможность перехода к социализму через завоевание большинства в буржуазном парламенте и это ставило под сомнение правомерность заявленной на XX съезде позиции КПСС об открывающихся в современную эпоху широких перспективах мирного продвижения отдельных стран и народов к новому обществу. На заседании Президиума ЦК КПСС от 10 ноября решено было «настаивать на своей позиции»⁶⁴. В конце концов, после долгих дебатов, был найден компромиссный вариант: при всей предпочтительности мирного способа осуществления социалистической революции, соответствующего интересам народа, существует и реальная возможность немирного пути, поскольку никто добровольно не уступает власть⁶⁵.

Проект декларации, подготовленный ЦК КПСС и доработанный совместно с делегацией ЦК КПК, был представлен от имени двух партий неофициальной редакционной комиссии (рабочей группе) из представителей разных партий, которая рассмотрела также замечания, поступившие от коммунистов других стран, не только социалистических; круг участников обсуждения постепенно расширялся⁶⁶. На широком совещании (с участием и представителей СКЮ), открывшемся во второй половине дня 16 ноября, сразу после закрытия узкого совещания, многие выступавшие получили возможность высказаться по поводу текста декларации, который еще продолжал дорабатываться. Таким образом, как на заседаниях редакционной комиссии, так и на самих совещаниях не прекращались споры вокруг содержания и отдельных формулировок декларации.

Поскольку делегация СКЮ обозначила свое несогласие с духом принимаемого документа своим полным устранением от его дальнейшего обсуждения, инициатором основных дискуссий выступила делегация ПОРП, на всех этапах подготовки и работы московских совещаний продемонстрировавшая особую позицию по целому ряду принципиальных вопросов. Во-первых, представителям ПОРП показалась неадекватной предложенная в проекте декларации оценка современного социально-экономического положения в капиталистических странах. Тезис о том, что в развитых капиталистических странах наблюдается тенденция к снижению жизненного уровня рабочих, способен вызвать, по их мнению, явное недоверие рядовых коммунистов, и не только на Западе. Ведь при всем разнообразии новых, более скрытых форм эксплуатации и при всей угрозе новых экономических кризисов речь в настоящее время никак не может идти не только об абсолютном, но и об относительном обнищании пролетариата на Западе. Представители ПОРП выступили также против недооценки способности экономики капиталистических стран к преодолению кризисов⁶⁷.

Во-вторых, польская делегация во главе с В. Гомулкой усомнилась в целесообразности слишком жесткой характеристики американского империализма как центра мировой реакции и сочла нужным несколько смягчить тезис о том, что «пока сохраняется империализм, будет сохраняться и почва для аг-

рессивных войн». Признавая, что определенные силы (в том числе особенно опасные для Польши западногерманские реваншисты) действительно готовят почву для новых войн, она в то же время предложила откорректировать утверждение о том, что агрессивные круги США намереваются силовым путем добиться реставрации капитализма в социалистических странах. По ее замечанию, мировой империализм, хотя и всячески использует в своих интересах внутренние трудности в социалистических странах, все же едва ли собирается на них нападать, зная, что не обладает достаточной мощностью для этого. Включать в итоговый документ совещания социалистических стран слишком резкие оценки представители ПОРП полагали излишним прежде всего по тактическим соображениям. Польская позиция была близка югославской: чрезмерно острая критика империализма в декларации может охладить готовность к сближению с СССР и социалистическими странами тех политиков на Западе, которые выступают за мирное сосуществование; кроме того, непродуманно жесткие формулировки оттолкнут потенциальных союзников в странах «третьего мира».

Особая позиция ПОРП, также перекликавшаяся с позицией СКЮ, проявилась и в вопросе о том, следует ли считать ревизионизм международным явлением, представляющим собой главную опасность для мирового коммунистического движения. Ее представители ссылались на то, что в каждой стране сложилась своя специфическая ситуация и ревизионизм не везде воспринимается как главная угроза. Хотя идеологическую борьбу следует вести «на два фронта», каждая партия на основе оценки конкретной ситуации в своей стране сама должна решить, что представляет для нее в данный момент наибольшую опасность — догматизм или ревизионизм, и сосредоточить главные усилия на этом направлении.

Представители ПОРП инициировали также дискуссию о том, надо ли включать в итоговую декларацию совещания положение о существовании социалистического лагеря во главе с Советским Союзом. Именно этот вопрос оказался наиболее спорным. Польская делегация, развивая аргументацию, близкую к аргументам идеологов СКЮ, считала включение названного тезиса тактически неверным, ибо оно могло быть воспринято как возвращение старых — сталинских и комин-

формовских — методов. Хотя речь шла о факте, в общем не вызывавшем сомнений, тактические соображения требовали, по мнению польской стороны, не акцентировать внимание на роли СССР как центра социалистического лагеря и мирового коммунистического движения. Ведь подобного рода формула могла быть использована против сил социализма, она дала бы западной пропаганде повод трубить о том, что СССР будет по-прежнему, как и во времена Сталина, выступать в качестве главной силы в лагере в ущерб национальному суверенитету других стран. Тем самым затруднится борьба с ревизионизмом⁶⁸.

Не получило одобрения ПОРП, выразившей мнение и ряда других партий, в первую очередь СКЮ, и предложение наделить КПСС полномочием периодически созывать совещания братских партий. Со своей стороны польские представители предлагали принять резолюцию о том, что созываемые в будущем совещания будут носить консультативный характер и их решения не будут для всех обязательными; при принятии решений следовало гарантировать права меньшинства, не навязывая волю большинства партиям, которые занимают другую позицию в том или ином конкретном вопросе.

Особая позиция ПОРП касалась, таким образом, не только сугубо тактических, но принципиальных вопросов. Не удивительно, что делегация ПОРП (как несколько ранее делегация СКЮ) подверглась мощному давлению других компартий, но нашла себе сильного союзника в лице П.Тольятти (хотя ИКП не участвовала в работе узкого совещания, ее лидер, насколько можно судить из документов, активно участвовал в процессе выработки окончательного текста Декларации). Тольятти поддержал польские предложения там, где дело касалось отношения к ревизионизму, а также ведущей роли СССР в социалистическом лагере, предложив более гибкие формулировки. Выступлениям лидеров ПОРП были созвучны и призывы Тольятти больше учитывать национально-специфические условия перехода к социализму. В то же время Тольятти побуждал поляков к поискам компромисса. Польская делегация, поначалу упорно отстаивавшая свою правоту, в конце концов в результате массивного давления других партий пошла на уступки по наиболее принципиальным вопросам во имя сохранения единства коммунистического движения. Вместе с тем по ряду

менее существенных вопросов полякам и тем, кто их поддерживал, были сделаны встречные уступки.

В вопросе об американском империализме возобладала та точка зрения, что нужно четко определять, откуда исходит угроза человечеству, без этого невозможно мобилизовать массы на борьбу за мир. Восторжествовала позиция КПК, настаивавшей на предельно жестких формулировках — они были в окончательном варианте еще более ужесточены в сравнении с проектом, представленным КПСС: добавлена, в частности, фраза об агрессивных кругах США, как «злейших врагах народных масс», которые «сами себе готовят гибель»⁶⁹. В то же время были скорректированы слишком голословные утверждения относительно деятельности американских империалистов против народно-демократических стран с целью реставрации в них капитализма.

В тексте декларации было сохранено неприемлемое для руководства СКЮ положение о том, что ревизионизм как международное течение представляет собой главную опасность для мирового рабочего движения. В то же время под влиянием позиции не только ПОРП, но и ИКП в итоговый документ был включен компромиссный тезис о том, что каждая партия сама должна решать, что для нее в настоящий момент является главной опасностью (сектантство или ревизионизм).

Споры о ревизионизме не прекращались на обоих совещаниях — узком и широком. В качестве наглядного примера ревизионизма фигурировала деятельность премьер-министра Венгрии Имре Надя и его окружения в ходе венгерских событий осени 1956 г. (публично предпринятые попытки делегации ПОРП занять в оценке И. Надя более сдержанные позиции вызвали отпор с разных сторон и прежде всего со стороны делегации ВСРП во главе с Я. Кадаром⁷⁰). Упоминалось и об антисоветской, антикоммунистической истерии, развязанной «ревизионистами» в западных странах в связи с венгерскими событиями. О венгерских событиях вспоминали многие выступавшие (не только в контексте критики агрессивной политики империализма, но и подавая их как пример выполнения Советским Союзом своего интернационального долга). Все без исключения участники обоих совещаний, включая поляков и югославы (представители СКЮ, как отмечалось, участвовали только в широком совещании), выразили так или ина-

че солидарность с правительством Кадара и удовлетворение ходом консолидации в Венгрии. При всем том, в программных документах совещаний не акцентировалось слишком большое внимание на остром кризисе осени 1956 г. в Венгрии. Следует заметить, что к ноябрю 1957 г. положение в Венгрии уже настолько не беспокоило Хрущева, что в ходе встречи с делегацией ВСРП 15 ноября он уделил больше внимания ближневосточным делам, нежели венгерским⁷¹. В Югославии осенью 1957 г. усиленно раскручивалось дело собственного «ревизиониста» — М. Джиласа, арестованного еще в конце 1956 г. за высказывания, сделанные в связи с венгерскими событиями. Публикация на Западе в 1957 г. книги Джиласа «Новый класс» подняла кампанию его преследования на новый виток, был увеличен срок тюремного заключения главного югославского диссидента. Но демонстрировать мировому коммунистическому сообществу приверженность руководства СКЮ тем же унаследованным от прежней, сталинской эпохи методам борьбы с ревизионизмом в собственных рядах у югославской делегации не было никакой необходимости. Дело Джиласа отклика на совещании не вызвало.

В своем выступлении на узком совещании Н.С. Хрущев говорил о том, что от коммунистических партий и социалистических стран требуется дальнейшая консолидация сил в борьбе против реакции, о необходимости укреплять единство рядов коммунистического движения, держать в чистоте идеологию, главная опасность виделась именно в попытках подорвать единство движения. Вместе с тем на состоявшихся совещаниях, когда речь заходила об СССР и его ведущей роли, советская сторона, как правило, не проявляла активности, напротив, неоднократно выступала с заверениями о том, что КПСС не претендует на руководящие позиции и ни на кого не собирается давить. Там, где дело касалось идеи проведения (наряду с совещанием компартий социалистических стран) более широкого совещания с участием делегаций всех компартий, приглашенных на юбилейные торжества, Москва последовательно не хотела подавать себя ее инициатором, пыталась создать впечатление спонтанного ее возникновения вследствие выраженного многими компартиями желания в ходе встреч обменяться мнениями по самому широкому кругу интересу-

ющих вопросов. Незадолго до совещания Советский Союз не только запустил спутник, ставший сенсацией года и принесший Н.С. Хрущеву лавры «человека года» (1957 г.) по версии американского журнала “Time”⁷², но еще до этого, в августе, провел успешное испытание межконтинентальных ракет, что означало серьезный вызов США в военной области⁷³. 7 ноября на большом военном параде на Красной площади гости из многих стран имели возможность видеть эти ракеты непосредственно, более того, парад транслировался по телевидению⁷⁴. В свете всего этого советская сторона менее всего нуждалась в том, чтобы нарочито напоминать о своей силе и роли, играемой на международной арене. Уверенность СССР, КПСС и мирового коммунистического движения в своих силах — таков был главный лейтмотив выступления представителя КПСС М.А. Суслова на широком совещании⁷⁵.

Руководящую роль КПСС отстаивали в своих выступлениях как на узком, так и на широком совещании лидеры компартий многих других стран и в том числе глава делегации КПК Мао Цзэдун. По его мнению, ни одно движение не может обойтись без своего лидера, и у врагов есть лидер — это американский империализм (как афористично выразился Мао, «змея без головы не может ползать»⁷⁶). КПСС, по мнению Мао, должна стать лидером международного коммунистического движения, поскольку обладает наибольшим опытом (большой революционный опыт КПК, заметил он, не может пока конкурировать с опытом КПСС в строительстве социализма). Выход из Суэцкого кризиса осени 1956 г. нагляднее всего доказал не только военную мощь, но и моральную силу СССР. Советский опыт, говорил Мао, полезен даже в той своей части, которую можно считать ошибочной — ошибки, допущенные при жизни Сталина, должны послужить предостережением. Говоря о значении советского опыта, китайский лидер пытался скорректировать оценку Сталина, данную в закрытом докладе Н.С. Хрущева о культе личности на XX съезде КПСС: «Сталин, осуществляя руководство партией Советского Союза, проделал великую работу. Его достижения — главное, а недостатки и ошибки — второстепенные»⁷⁷. Вместе с тем Мао готов был признать, что в сравнении со сталинскими временами стиль работы советских товарищей изменился в лучшую сторону —

теперь можно ощущать атмосферу равноправия в отношениях компартий, которая не чувствовалась в первый его приезд в Москву в 1949 г.

Большое внимание Мао уделил необходимости единства коммунистического движения («Если мы будем разрознены, то окажемся бессильными») и выразил удовлетворение тем, что совещание проходит в обстановке большой сплоченности. Несколько позже, в 1958 г., руководство КПК проявит большую активность в развязывании новой антиюгославской кампании, а затем займет в ней более жесткую позицию, чем руководство КПСС. Но в ноябре 1957 г. в окружении Мао, очевидно, доминировали представления о нецелесообразности отлучения СКЮ от коммунистического движения поскольку не исключалась возможность разыграть югославскую карту в интересах укрепления позиций КПК в соперничестве с КПСС.

При всей декларативной готовности Мао признать за КПСС право на лидерство, его активность на обоих совещаниях и явно выраженные, многими замеченные амбиции заявить о себе как о главном теоретике и толкователе марксизма-ленинизма отражали не только объективное усиление позиций КПК в мировом коммунистическом движении, но и претензии китайской политической элиты на еще большее повышение своей роли⁷⁸. Последовательно проводя в своих выступлениях мысль о том, что мировое коммунистическое движение не может обойтись без руководящей силы, Мао одновременно изложил программу преодоления Китая своей отсталости, превращения его в мощную индустриальную страну, способную конкурировать с ведущими западными державами. По сути дела он впервые на международном форуме публично выразил готовность побороться в перспективе с СССР за лидерство в международном коммунистическом движении.

Отношения КПСС и КПК не были безоблачными, но они были пока еще относительно стабильными, обеим партиям вопреки уже назревающим противоречиям и взаимному недовольству в 1957 г. пока удавалось создавать видимость единства⁷⁹. Вместе с тем в выступлениях Мао проявился и специфический китайский подход к ключевым проблемам международных отношений, содержащий в себе зародыши будущих острых споров с КПСС, в которых СКЮ однозначно заняла сторону КПСС, что способствовало стабилизации со-

ветско-югославских отношений в начале 1960-х годов. Достаточно напомнить его тезис, шокировавший многих, особенно западных коммунистов, о том, что в результате возникновения атомной войны «в крайнем случае погибнет половина людей, но останется еще другая половина, зато империализм будет стерт с лица земли и весь мир станет социалистическим»⁸⁰.

В ноябре 1957 г. в Москве Мао с удовлетворением говорил о том, что принятая на узком совещании декларация «не содержит элементов ревизионизма или оппортунизма»⁸¹. Явно пойдя на компромисс, он согласился с включением в ее текст тезиса о значении XX съезда КПСС, решения которого положили начало новому этапу в коммунистическом движении (в ходе бесед с коммунистами других стран он выступал против преувеличения значения съезда как внутреннего дела одной партии — КПСС⁸²). Однако впоследствии, в условиях резкого ухудшения отношений двух ведущих коммунистических партий, Мао Цзэдун пытался доказать, что советская сторона в ноябре 1957 г. настояла на внесении в текст итогового документа некоторых ревизионистских установок XX съезда⁸³.

При всей жесткости критики американского империализма, а также ревизионизма как «главной опасности» для мирового коммунистического движения, Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран (Москва, 14—16 ноября 1957 г.) и развивавшее ее основные положения выступление представителя КПСС М.А. Суслова на широком совещании компартий 16 ноября подтвердили принципиальные установки XX съезда о мирном сосуществовании и возможности предотвращения войны в современную эпоху, о многообразии форм перехода к социализму и предпочтительности мирного пути, о необходимости сотрудничества с социалистическими партиями в борьбе за мир и единства действий со всеми прогрессивными силами (в том числе патриотической буржуазией) в противоборстве с империализмом. Были оставлены в силе также важнейшие положения Декларации правительства СССР от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами — о том, что отношения между социалистическими странами строятся на принципах равноправия, уважения территориальной целостности, государственной не-

зависимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела.

Опыт венгерских событий не дал оснований ставить под сомнение справедливость этих положений (и шире — пересматривать стратегию XX съезда КПСС) и вместе с тем заставил составителей декларации сделать немаловажное добавление о том, что вышеназванные принципы не исчерпывают всей сущности отношений между социалистическими странами; неотъемлемой частью их взаимоотношений является братская взаимопомощь, в которой находит свое действенное проявление принцип пролетарского интернационализма. Западные комментаторы вместе с тем не могли пройти мимо более резких в сравнении с XX съездом КПСС формулировок в отношении сил, оппонирующих мировому коммунизму, что со стороны КПСС было прежде всего данью компромиссу с КПК в целях достижения единства мирового коммунистического движения.

Итоговый документ совещания компартий социалистических стран констатировал сплоченность братских партий, единство взглядов по принципиальным вопросам. В окончательном, опубликованном варианте Декларации в сравнении с проектом, утвержденным Президиумом ЦК КПСС 10 ноября, был приглушен тезис о ведущей роли КПСС и не включено положение о том, что за КПСС закрепляется функция по созыву будущих совещаний при консультации с другими партиями (хотя соответствующее постановление применительно к компартиям социалистических стран и было принято, его решили не делать публичным; само по себе это постановление явилось отступлением от заявлений, сделанных при роспуске Коминформа весной 1956 г. — тогда речь шла о праве каждой партии выступать в роли инициатора встреч). Хотя московское совещание 1957 г. прошло под знаком усиления китайского влияния, в данном случае мнение КПК (поддержанное многими другими партиями) не стало определяющим, советская сторона сочла тактически нецелесообразным акцентировать в итоговом публичном документе совещания вышеуказанные положения.

Какой-либо новый централизующий, координирующий механизм, заставляющий вспомнить о временах Коминтерна и Коминформа, в результате московских совещаний так и не

был создан, хотя высказывания в его защиту звучали. Сыграли свою роль жесткая оппозиция самой этой идее со стороны влиятельного П. Тольятти и настороженное отношение к ней многих коммунистических лидеров, приехавших в Москву⁸⁴. Вместе с тем оставался открытым вопрос о региональных объединениях компартий.

В выступлениях коммунистов многих стран говорилось о необходимости в интересах международного коммунистического движения продолжить по окончании конференции плодотворный обмен опытом и мнениями. В этом контексте затрагивались проблемы создания совместного журнала, информационного бюллетеня и информагентства, а также радиовещания. В конце концов было принято решение о создании только одного института для осуществления информационного обмена — международного журнала «Проблемы мира и социализма» (первый номер вышел в Праге в сентябре 1958 г.).

Важное место в работе широкого совещания занимали вопросы борьбы за мир. Был принят Манифест мира, подписанный всеми делегациями, включая югославскую⁸⁵. В основе манифеста лежал польский проект, доработанный совместно с КПСС⁸⁶. Представители некоторых компартий говорили об определенном зстое в деятельности по защите мира. Поднимался вопрос о том, что движение борцов за мир страдает чрезмерной централизацией, и это ведет к нивелировке национальной специфики. Тольятти говорил о необходимости предоставить движению мира несколько большую самостоятельность, оно должно проявлять больше инициативы в интересах более эффективного своего функционирования. Лидер датских коммунистов А. Ларсен прямо заявил, что инициативы в защиту мира будут менее эффективными, если их слишком тесно привязывать к коммунистическому движению.

В. Гомулка, выступавший в роли одного из инициаторов Манифеста мира, подчеркнул (вполне в духе доклада М.А. Суслова), что техническое превосходство СССР создает благоприятные условия для борьбы за мир. Он сделал также предложение о проведении во всех странах, где это возможно было организовать, плебисцита по вопросу о запрещении испытаний и применения атомного и водородного оружия, об изъятии его из арсеналов вооружения. Эта инициатива, однако, вызвала

возражения многих видных коммунистов из западных стран. По их мнению, сбор подписей не всегда является самой эффективной формой мобилизации общественного протеста против поджигателей войны, напротив, он может создать немалые трудности — власти соответствующих стран и политические противники коммунистов смогут удержать часть масс от участия в референдуме именно под тем предлогом, что референдум организован компартиями. В конце концов собравшиеся пришли к выводу о том, что следует оставить на усмотрение каждой партии выбор конкретных форм мобилизации масс в защиту мира в зависимости от специфических условий данной страны. Лидеры коммунистических и левых партий стран, недавно освободившихся от колониальной зависимости, активно поднимали на совещании конкретные проблемы «третьего мира», по мнению некоторых из них, в итоговом документе узкого совещания, в Декларации, не нашло должного отражения значение антиколониального, национально-освободительного движения. Более того, представителям компартий арабских стран Ближнего Востока Декларация показалась недостаточно наступательной, ее текст создал у них впечатление, что социалистический лагерь и коммунистическое движение переживают значительные трудности. Было указано и на то, что в проекте Манифеста мира ничего не говорилось о колониальных войнах, хотя они в настоящее время создают угрозу мировой войны.

Участие в московских встречах чехословацкой делегации было прервано пришедшей из Праги вестью о смерти президента страны А. Запотоцкого, а участие румынской делегации омрачено авиационной катастрофой во Внуковском аэропорту. В результате неудачного приземления самолета погиб министр иностранных дел Румынии Г. Преотьяса, а другие члены делегации получили ранения или серьезные ушибы. Лидер румынской компартии Г. Георгиу-Деж не поехал в Москву, ссылаясь на болезнь, румынскую делегацию возглавлял премьер-министр Киву Стойка. Напрашивается версия: Деж, знавший об отказе югославы подписать итоговую декларацию, предполагал, что на конференции будет звучать острая критика в адрес СКЮ, и хотел заранее от нее дистанцироваться. Он принимал во внимание неплохо складывавшиеся румыно-югославские отношения и не хотел ими жертвовать, сужая тем самым поле

внешнеполитических маневров для Румынии, чья коммунистическая элита, недовольная решениями XX съезда КПСС и смертельно напуганная венгерскими событиями, уже приступила к поискам специфической модели социализма⁸⁷.

Представитель СКЮ В. Влахович, выступая на широком совещании, старался не поднимать острых дискуссионных вопросов, опасаясь новых нападков на свою партию. Правда, в его выступлении был затронут расходившийся с официальной позицией КПСС тезис о преимуществах неблоковой политики (существующая до сих пор острота разделения мира на военно-политические блоки должна в перспективе отойти в прошлое в интересах всего человечества). Не только в борьбе за мир, но и в борьбе за социализм коммунисты, говорил Влахович, не должны изолироваться от других прогрессивных движений, превращающих мировое социалистическое движение в единый при всем своем многообразии процесс. Принципиальная позиция руководства СКЮ была, таким образом, доведена до участников совещания в форме, отражавшей желание максимально смягчить разногласия с другими партиями⁸⁸.

Вопрос об оптимальных формах дальнейшего сотрудничества компартий между собой и с другими силами считался актуальным, и конкретный опыт Коминформа в этой связи живо обсуждался на обоих совещаниях, а также и в кулуарах — причем в контексте советско-югославского конфликта. Большое внимание было уделено ему, в частности, в выступлении Тольятти на широком совещании. В сравнении с Коминтерном, говорил он, «опыт Информбюро был менее удачен и не только в силу разрыва в 1948 г. с югославскими товарищами, но и потому, что Информбюро прежде всего не выполняло как раз задач информации» — из публиковавшихся в издании Коминформа более или менее полезных пропагандистских статей коммунисты тех или иных стран могли мало узнать о происходящем в других партиях. «Когда мы встречались с товарищами из компартий других стран и спрашивали, как у них идут дела, как, например, развивается социалистическое строительство, они отвечали, что все идет хорошо. Затем неожиданно мы узнавали о судебных процессах над тем или иным партийным руководителем, а это означало, что не все шло так уж хорошо. Теперь же нам стало известно, что в некоторых странах имели место серьезные трудности и промахи»⁸⁹. По

мнению Тольятти, «в данный момент для того, чтобы наше движение развивалось как крупное массовое движение, требуется высокая степень самостоятельности отдельных партий в определении своих лозунгов и форм сотрудничества с другими политическими силами с учетом конкретных условий каждой страны»⁹⁰. Как резюмировал Тольятти, «не нужно спешить с созданием новых международных органов. Необходимо уметь сочетать самостоятельное развитие каждой партии с максимумом солидарности и единства нашего движения»⁹¹.

Представитель КПСС М.А. Суслов говорил как о необходимости поисков новых форм взаимоотношений между партиями, так и том, что самостоятельность каждой партии (будучи условием ее способности наилучшим образом выразить интересы рабочего класса и трудящихся своей страны) должна сочетаться с единством рядов мирового коммунистического движения. Акцент в его выступлении был сделан не на недостатках и ограниченности Коминформа (возникшего в определенных исторических условиях), а на необходимости преемственности: по мнению идеолога КПСС, наработанные принципы взаимоотношений компартий, и в частности компартий стран социалистического содружества, выдержали проверку временем⁹² — позиция резко расходившаяся с установками СКЮ.

В день закрытия широкого совещания, 19 ноября, в «Правде» было опубликовано интервью Н.С. Хрущева корреспонденту американского агентства ЮПИ. Советский лидер, подводя итоги работы совещаний, говорил о том, что Коминформ, как и Коминтерн, сыграл свою роль, теперь же партии окрепли и в новых условиях нет нужды в создании центра, который руководил бы коммунистическим движением. Главной формой сотрудничества станут совещания компартий социалистических стран, на которых будут обсуждаться стоящие перед ними экономические, политические вопросы. Но будут происходить и более широкие встречи, ведь у компартий есть такое же право на координацию своих усилий, как и у партий иных ориентаций. В интервью Хрущева была изложена также официальная советская позиция по целому ряду ключевых проблем международной жизни (разоружение, германский вопрос и т.д.).

21 декабря Н.С. Хрущев в своей речи на сессии Верховного Совета СССР подвел итоги ноябрьских совещаний. Он выра-

зил удовлетворение продемонстрированной сплоченностью компартий на идейной основе марксизма-ленинизма — был нанесен удар по планам реакции, стремившейся, по его словам, внести раскол в коммунистическое движение. Итоговая Декларация была названа им «примером творческого развития марксизма-ленинизма на основе обобщения коллективного опыта». В оценке Хрущевым перспектив советско-югославских отношений преобладал слишком оптимистический настрой, не совсем адекватно отражавший реальное положение дел. Участие представителей СКЮ в широком совещании и подписание ими Манифеста мира явились, по его мнению, «новым шагом вперед в деле дальнейшего сближения югославских коммунистов» как с КПСС, так и с другими партиями. Правда, отказ СКЮ участвовать в совещании компартий социалистических стран был назван отрицательным моментом, свидетельствующим о том, что между СКЮ и другими партиями «существуют еще расхождения по ряду идеологических и политических вопросов». Однако ясно, резюмировал лидер КПСС, «что теперь этих расхождений меньше, чем было раньше», ведь по многим важным вопросам югославские коммунисты выступают вместе с другими партиями. В заключение была выражена установка «и впредь проводить политику дружбы и сотрудничества с братскими народами ФНРЮ и стремиться укреплять отношения с СКЮ на основе незыблемых принципов марксизма-ленинизма, преодолевать имеющиеся еще расхождения по идеологическим и политическим вопросам»⁹³.

Таким образом, к середине 1950-х годов наследники Сталина по руководству КПСС пришли к выводу о том, что созданный в 1947 г. Коминформ не является эффективной формой многостороннего сотрудничества компартий и мало отвечает задачам проведения линии КПСС в международном коммунистическом движении. Его неэффективность особенно наглядно проявилась в ходе советско-югославского конфликта. Весной 1956 г. лидеры КПСС пошли на упразднение этой структуры, стоявшей на пути решения важных внешнеполитических задач — сближения с титовской Югославией, наведения мостов к европейской социал-демократии и движению неприсоединения⁹⁴. В ноябре 1957 г. была в целом успешно апробирована новая форма сотрудничества компартий, призванная заме-

нить упраздненный Коминформ. Периодически созываемые совещания мыслились как более гибкая модель, способная лучше обеспечить многостороннюю связь компартий как между собой, так и с неформальным московским центром коммунистического движения. Созывая в ноябре 1957 г. совещания, руководство КПСС в первую очередь ставило целью укрепление своего влияния, ослабевшего вследствие вынужденного разоблачения культа личности Сталина на XX съезде.

Прошедшие под знаком единства московские совещания компартий (широкое и узкое, т.е. совещание компартий ряда социалистических стран) свидетельствовали о том, что к 40-летию юбилею Октябрьской революции в России мировое коммунистическое движение преодолело временные трудности, связанные с необходимостью публичного отмежевания от сталинских методов. Выход «мирового коммунизма» из кризиса в немалой степени был связан со значительным ростом военно-политической мощи СССР, что проявилось в запуске в октябре 1957 г. спутника и испытании в августе того же года межконтинентальных баллистических ракет. Впрочем, уже в июне 1958 г. в деятельности западных компартий вновь обозначились кризисные явления, угрожающие единству мирового коммунистического движения — вынесение смертного приговора И. Надю вызвало крайне болезненную реакцию многих коммунистов и им сочувствующих в разных странах мира⁹⁵. Сказалось оно и на советско-югославских отношениях, что требует отдельного разговора, выходящего за рамки настоящей статьи.

В Москве ценой взаимных уступок удалось достичь временного компромисса между КПСС и КПК. Переведения споров в публичную плоскость смогли избежать, хотя различие позиций, проявившееся на совещании, предвещало последующее, причем довольно скорое расхождение компартий двух больших коммунистических держав по самым принципиальным вопросам. Не создавала серьезной угрозы единству и сплоченности коммунистического движения «диссидентская» позиция ПОРП по ряду вопросов, явившаяся запоздалым отголоском «польского Октября» 1956 г.⁹⁶ На совещании удалось избежать публичной демонстрации всему мировому коммунистическому движению (а тем более всему миру) разногласий СКЮ с КПСС и другими компартиями. Прежде всего в силу осторож-

ной позиции югославских коммунистов, не желавших начала новой критической кампании. Это, несомненно, способствовало решению главной задачи, поставленной перед совещаниями — укрепить и продемонстрировать миру единство всего движения, показать, что оно с честью вышло из кризиса, обозначившегося в 1956 г., после XX съезда КПСС и венгерских событий. При всем при этом существенные разногласия с СКЮ сохранялись, а подписи СКЮ под декларацией узкого совещания вопреки сильному давлению добиться так и не удалось.

Таким образом, закончилась явной неудачей очередная попытка хрущевского руководства теснее привязать к СССР и советскому блоку режим Тито в Югославии⁹⁷. Через несколько месяцев, с принятием весной 1958 г. новой программы СКЮ (признанной в Москве и Пекине ревизионистской), была развязана антиюгославская идеологическая кампания, явившаяся важнейшей составной частью более широкой кампании борьбы с ревизионизмом, охватившей все международное коммунистическое движение. Она, конечно, не достигла остроты периода конца 1940-х — начала 1950-х годов, поскольку существовали установки удерживать ее в определенных рамках, не ставя под сомнение сохранение нормальных советско-югославских межгосударственных отношений⁹⁸. С другой стороны, именно критика югославского ревизионизма стала во время следующего большого совещания компартий, проведенного в ноябре 1960 г., общей компромиссной платформой, способной на считанные месяцы отсрочить открытый конфликт КПСС и КПК⁹⁹.

В дальнейшем именно совещания компартий (как узкие — совещания представителей партий социалистических стран, так и более широкие) становятся важнейшей формой координации мирового коммунистического движения. Достигнутое на московских ноябрьских совещаниях 1957 г. единство коммунистического движения на общей платформе, приемлемой для КПСС, явилось несомненным тактическим успехом Москвы, но было совсем недолговечным. На следующем большом Совещании, состоявшемся в конце 1960 г., КПСС и КПК по сути дела уже только имитировали единство. С начала 1960-х годов, в условиях шириющегося советско-китайского конфликта, проблема созыва последующих совещаний компартий становится предметом острой борьбы между КПСС и КПК, стремившихся

в целях осуществления собственных геополитических и идеологических амбиций заручиться поддержкой тех или иных отрядов мирового коммунистического движения. В подготовке совещаний проявились механизмы давления, преследовавшие своей целью как открытую манипуляцию крупных партий малыми, так и выражение целей и интересов отдельных партий, способных в новых условиях лавировать между двумя центрами притяжения мирового коммунистического движения — Москвой и Пекином. Место СКЮ в этой системе межпартийных отношений — предмет отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о значении этой поездки в контексте советско-югославских отношений см.: *Едемский АБ*. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953—1956 годах. М., 2008.

² Совместное заявление Правительств СССР и ФНРЮ в связи с государственным посещением Советского Союза президентом ФНРЮ И. Броз Тито и Декларация об отношениях между СКЮ и КПСС были подписаны утром 20 июня. См.: *Правда*. 1956. 21. 06.

³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 14. Д. 35. Л. 2. Подробнее об обсуждении проблем советско-югославских отношений на заседаниях руководства КПСС см.: *Стыкалин А.С.* Записи заседаний Президиума ЦК КПСС 1950-х — первой половины 1960-х годов как источник по изучению советско-югославских отношений // *Россия и Сербия глазами историков двух стран*. Отв. ред. К.В. Никифоров. СПб., 2010. С. 244—271. Идея на компромисс с лидерами СКЮ, руководство КПСС, конечно, не могло не осознавать, что своим смелым сопротивлением сталинскому диктату югославские коммунисты завоевали немалый авторитет и уважение как в рамках мирового коммунистического движения, так и далеко за его пределами.

⁴ *Micunović V.* Moskovske godiné 1956/1958. Zagreb, 1977. S. 93.

⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Т. 1. М., 2003. С. 187—191.

⁶ Донесения советских посольств из ряда восточноевропейских столиц свидетельствовали о немалом влиянии югославского примера на те силы в странах „народной демократии“, которые были явно не удовлетворены избранным темпом и характером десталинизации в СССР (См., например, донесения из Венгрии: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. См. также донесение из Польши от 29 сентября, в котором говорилось о том, что редколлегия газеты „Попросту“ находится под большим влиянием югослав-

ского посольства в Варшаве: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Т. 2. М., 2006. С. 453). Реальный опыт строительства социализма в Югославии при этом часто идеализировался.

⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 37. Л. 23. В информации ЦК КПСС, разосланной низовым парторганизациям КПСС для ознакомления, также отмечалось, что «у югославских товарищей есть еще иное, чем у нашей марксистско-ленинской партии, понимание некоторых важных принципиальных вопросов».

⁸ *Micunović V.* Op. cit. S. 97. О письме ЦК КПСС компартиям от 13 июля 1956 г. “Об итогах советско-югославских переговоров в июне 1956 г.” в Белграде узнали из конфиденциальных источников. Как сам факт посылки закрытого письма, так и его содержание вызвали неудовольствие лидеров СКЮ. Уже позже, после венгерской революции, в ходе межпартийной переписки руководство СКЮ упрекало лидеров КПСС в двойной игре — речь идет о противоречии между публичными декларациями и закрытыми документами, в которых без ведома югославских коммунистов им даются оценки, противоречащие открытым заявлениям (Письмо от 7 февраля 1957 г. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 45. Док. 83, 84).

⁹ Правда. 1956. 6.06.

¹⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Т. 1. С. 145. Упреки, адресованные Булганину, фактически означали признание правоты В.М. Молотова, который в мае 1955 г. критиковался некоторыми соратниками среди прочего за нежелание признать в Тито „ленинца”. Ср.: «нельзя бросаться обвинениями — „антиленинец”» (А.И. Микоян. Запись заседания Президиума ЦК КПСС от 19 мая 1955 г. Там же. С. 141).

¹¹ Там же. С. 149.

¹² В Венгрии в канун революции в условиях обострившегося до предела кризиса сталинской системы югославская модель все сильнее продолжала притягивать к себе партийных реформаторов. Югославский фактор, выступая в разных ипостасях, оказывал заметное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Подробнее см.: *Стыкалин А.С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

¹³ См.: „Есть один путь к социализму, но могут быть разные методы, разные формы”. Записки Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС по итогам встреч с И. Броз Тито // Источник, М., 2003. № 6. См. также: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 403. Л. 2—18. О трудностях в нормализации венгеро-югославских отношений см.: *Стыкалин А.С.* Советско-югославское сближение (1954 — лето 1956 гг.) и внутривнутриполитическая ситуация в Венгрии // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. Отв. ред. Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. СПб., 2002. С. 323—345.

¹⁴ См. запись В. Мичуновичем брионской встречи: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 524—533. Постановление Президиума ЦК КПСС от 31 октября о проведении переговоров с Тито и соответствующую телеграмму в Белград см.: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Т. 2. С. 475—476. Из литературы по теме см.: *Либанский ЛЯ.* Н.С. Хрущев, И. Броз Тито и венгерский кризис 1956 года // Новая и новейшая история, 1999. № 1; *Едемский АБ.* Был ли тайный стовор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? (Советско-югославские консультации 2—3 ноября 1956 года) // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения В.К. Волкова. М., 2010. С. 349—370.

¹⁵ Тито к острому раздражению Москвы назвал венгерский кризис следствием советской политики (неравноправные отношения в лагере не могли не вызвать антисоветских настроений). Использование советских войск для подавления демонстрации 23 октября он счел грубой ошибкой. С другой стороны, он осудил И. Надя за уступки реакции и выразил готовность поддержать правительство Кадара — надо было каким-то образом оправдать свое согласие с интервенцией, учитывая, что факт тайной брионской встречи мог быть предан гласности советской стороной. Подробнее см.: *Stykalin A.* Soviet — Yugoslav Relations and the Case of Imre Nagy // Cold War History, Vol. 5, No. 1, London, February 2005, P. 3—22.

¹⁶ См.: *Стыкалин А.С.* Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь — декабрь 1956 г.) // Славяноведение. 2000. № 1. С. 70—81.

¹⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 102.

¹⁸ Всего за неполных четыре месяца до этого, на пресс-конференции в Дели, Н.С. Хрущев категорически отрицал планы роспуска Коминформа.

¹⁹ См.: *Stykalin A.* On Specific Historical Circumstances Leading to the Liquidation of the Cominform // The Balkans in the Cold War. Balkan Federations, Cominform, Yugoslav-Soviet Conflict. Ed. by Vojislav G. Pavlović (Institute for Balkan Studies of the Serbian Academy of Sciences and Arts. Special Editions 116). Belgrade, 2011. P. 243—264.

²⁰ См. подробнее: *Стыкалин А.С.* КПСС и мировое коммунистическое движение: поиски новых механизмов влияния (весна 1956 — осень 1957 гг.) // Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений. Сборник статей. Отв. редактор Н.И. Егорова. М., ИВИ РАН, Ун-т Дм. Пожарского, 2012. С. 390—438.

²¹ См. запись обсуждения: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 359—366. См. подробнее: *Стыкалин А.С.* Прерванная революция...

²² См. подробно: *Стыкалин А.С.* К вопросу о позиции коммунистического руководства Китая в связи с польскими событиями октября 1956 года // *Studia Slavica-Polonica* (К 90-летию И.И. Костюшко). М., 2009. С. 322—342.

²³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 131. Л. 2—3, 37—41.

²⁴ См. рабочую запись заседания, которую выполнил зав. общим отделом ЦК В.Н. Малин. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Т. 1. С. 224.

²⁵ Там же.

²⁶ Текст письма от 7 февраля, направленного в ЦК компартии Китая, см.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 99. Л. 26. В письме было также выражено согласие с тем, чтобы подготовкой совещания занялся ЦК КПК. В Москве, таким образом, уступили китайским амбициям, довольно спокойно отнеслись в это время к попыткам руководства КПК разыграть югославскую карту в интересах повышения собственного престижа в коммунистическом движении.

²⁷ См.: *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945 — 1957). М., 2002. 15 мая 1957 г. Госдеп США принял решение о возобновлении поставок военного снаряжения в Югославию.

²⁸ Подобные обвинения уже начали звучать публично и в Москве, в том числе в выступлении премьер-министра Н.А. Булганина на митинге советско-венгерской дружбы 27 марта. Советский премьер выражал неудовольствие тем, что некоторые югославские деятели «считали возможным, закрывая глаза на разгул фашистского террора, свирепствовавший в Венгрии», «рассуждать о “революционном характере” этих событий и поддерживать Надя». Правда, в том же выступлении была заявлена готовность приложить с советской стороны все необходимые усилия для преодоления имеющихся расхождений с ФНРЮ. (См.: Правда. 1957. 28 марта). Экономические, торговые отношения двух стран продолжали нормально развиваться, в феврале — апреле между СССР и ФНРЮ был подписан ряд соглашений (о товарообороте, взаимных поставках, о сотрудничестве в области использования атомной энергии и т.д.).

²⁹ Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1956—1959. Dokumentumok. Bp., 1997. 165. о.

³⁰ Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 036. Т. 2. Л. 193.

³¹ Там же. Д. 035. Л. 54.

³² Запись В.Н. Малина. Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Т. 1. С. 256. Прессе были даны указания «о более внимательном освещении югославско-советских отношений». Принимая 18 июня 1957 г. вен-

герского лидера Я. Кадара, Хрущев говорил, что, хотя югославы «замутили воду» и сыграли в венгерских событиях «черную роль» (поскольку югославский опыт использовался для расшатывания устоев партии как в Венгрии, так и в других странах), КПСС не против сближения с СКЮ, делает со своей стороны все для того, чтобы ликвидировать наслонения. Его высказывания о югославском пути к социализму были при этом довольно пренебрежительными (что это за путь, который «держится на американской пшенице и американских кредитах... это путь не революционный, не наш путь»).

³³ Текст памятной записки см.: Там же. Т. 2. С. 673. В адрес ЦК СКЮ было направлено также письмо с приглашением на отдых в СССР руководящих деятелей Югославии (Там же. С. 672).

³⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 131. Л. 2—3, 37—41.

³⁵ См.: *Zsibua Sben and Yafeng Xia*. Hidden Currents during the Honeymoon. Mao, Khrushchev, and the 1957 Moscow conference // *Journal of Cold War Studies*. Harvard University. Vo. 11, № 4. Fall 2009.

³⁶ Известия. 1957. 19 июля.

³⁷ Э. Кардель информировал об этом посла Н.П. Фирюбина 6 июля (Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Т. 1. С. 1009).

³⁸ См., например: «Я не верю этому». Отклики трудящихся на решения июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС // Исторический архив, 2000. № 1. С. 10—21.

³⁹ См. запись заседания Президиума ЦК КПСС с обсуждением итогов поездки Микояна в Китай: Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Т. 1. С. 259.

⁴⁰ С советской стороны в ней участвовали Н.С. Хрущев, А.И. Микоян, О.В. Куусинен, Б.Н. Пономарев, Н.П. Фирюбин, Ю.В. Андропов, с югославской стороны — И. Броз Тито, Э. Кардель, А. Ранкович, В. Влахович, посол ФНРЮ в СССР В. Мичунович. Информационное сообщение о встрече опубликовано в «Правде» 4 августа. О ходе встречи дают более подробное представление записи В. Мичуновича: *Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1956—1959*. 206—208.о.

⁴¹ Как отмечалось в записке заведующего новым, созданным в 1957 г. отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Ю.В. Андропова от 29 августа в Президиум ЦК КПСС, «проведение суда над Надем перед предстоящим совещанием представителей коммунистических и рабочих партий, включая СКЮ, может отрицательно повлиять на позицию югославских товарищей в смысле их участия в указанном совещании» (РГАНИ. Ф. 89. Пер. 45. Док. 75. Л. 1—2). Вообще было сочтено нецелесообразным будоражить перед совещанием мировое общественное мнение, учитывая также, что в руководствах ряда компартий (польской, отчасти итальянской) существовала особая позиция в вопросе о целесооб-

разности проведения суда над И. Надем. См. подробнее: *Стыкалин А.С.* За кулисами юбилейных торжеств (Московские совещания компартий в ноябре 1957 г. и участие в них польской делегации) // Российско-польский исторический альманах. Вып. III. Ставрополь-Волгоград-М., 2008. С. 62—99.

⁴² См. письмо Н.С. Хрущева Я. Кадару от 29 октября: Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1956—1959. 219—221. о.

⁴³ До тех пор вопрос о совещании компартий не был увязан с проблемами подготовки к празднованию 40-й годовщины октябрьской революции. Постановление ЦК КПСС «О подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» было принято в окончательном виде 15 марта, а 17 марта опубликовано в центральной прессе. Позже возникла идея приглашения на юбилейную сессию Верховного Совета СССР (она состоялась 6 ноября 1957 г.) иностранных гостей. Крупномасштабные юбилейные торжества были призваны продемонстрировать миру мощь первой страны социализма.

⁴⁴ Еще до августовской встречи с Тито, в процессе обсуждения с другими компартиями планов проведения совещания встал вопрос об итоговом документе. По мнению ЦК КПСС, было бы целесообразно еще до совещания «провести обмен мнениями путем переписки или другими путями и в результате составить проект документа, чтобы обеспечить наиболее плодотворный результат встречи» (Записка О.В. Куусинена, Б.Н. Пономарева и Ю.В. Андропова «К переговорам делегации ЦК КПСС с делегацией ЦК СКЮ», представлена к заседанию Президиума ЦК КПСС от 31 июля 1957 г. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 249. Л. 5—16). С китайской стороны тщательной подготовке итогового документа предстоящего совещания придавалось еще большее значение. См.: *Zsibua Shen and Yafeng Xia*. Op. cit. .

⁴⁵ Но еще до этого, 12 октября, югославская сторона получила текст проекта. Если верить воспоминаниям Карделя, получение из Москвы этого текста было для югославы полной неожиданностью. Ведь в ходе бесед, состоявшихся в начале августа в Румынии, и речи не было о том, что в результате предстоящего совещания компартий будет принята подобного рода декларация, говорилось лишь о документе более узкого содержания — воззвании к борцам за мир. См.: *Kardelj E. Visszaemlékezések. Újvidék, 1981. 166.о.* Иначе трактовал достигнутые в начале августа договоренности Хрущев, выступая на майском пленуме 1958 г.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 31—36.

⁴⁶ Экземпляр записей этих бесед, направленный для ознакомления лидерам ВСРП, опубликован в переводе на венгерский язык: Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1956—1959. 216—219. о.

⁴⁷ Еще 5 апреля между США и ФНРЮ было подписано соглашение о дальнейших поставках американской пшеницы и хлопка в Югославию на сумму 13,5 млн долларов. Осенью проходили переговоры о более масштабных поставках, Югославию посетил министр торговли США, а США — министр финансов ФНРЮ А. Хумо. Общая сумма американской финансовой помощи в 1957 г. превысила 119,3 млн долларов, был закуплен по льготным ценам 1 млн тонн пшеницы. В феврале 1958 г. было заключено новое соглашение о поставках из США и получении экономической помощи, что свидетельствовало о верности избранной руководством ФНРЮ тактики.

⁴⁸ Во избежание новых осложнений с СССР югославская сторона поначалу не исключала такого варианта, при котором декларация, ею подписанная, не будет предана гласности — Кардель говорил об этом советским эмиссарам 15 октября (Ibid., 216—217.о). В дальнейшем этот вариант был также отвергнут (См. запись беседы Б. Пономарева и Ю. Андропова с представителями СКЮ 18 октября: Ibid., 217—219.о). Лидеры СКЮ, очевидно, поняли, что, будучи подписанным, документ все равно рано или поздно станет достоянием гласности, разоблачив, таким образом, скрытое участие нейтральной Югославии в политических инициативах Москвы; для всего мира окажется очевидным противоречие между публичной и теневой политикой Белграда, уже проявившееся в ноябре 1956 г., в вопросе о нейтрализации правительства И. Надя. См.: *Stykalin A. Soviet — Yugoslav Relations and the Case of Imre Nagy*.

⁴⁹ По мнению Тито, «Октябрьская революция открыла новую эру в истории человечества». См.: *Боровик Г. Сердечные поздравления. Беседа с тов. Тито // Огонек. 1957. 3 ноября. Корреспонденция Боровика о беседе с Тито была датирована 28 октября, а за день до этого, 27 октября, «Правда» сообщила об освобождении Г.К. Жукова от обязанностей министра обороны СССР. В Белграде по инициативе Тито прошла выставка, посвященная 40-летию Октябрьской революции в России. Согласно документам, Институт рабочего движения при ЦК СКЮ обращался в ИМЛ с просьбой оказать содействие в проведении юбилейных мероприятий (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 189. Л. 99—102). 7 ноября в Белграде прошли публичные торжества по случаю 40-летия Октябрьской революции в России. Тито направил в Москву поздравление, опубликованное в центральной прессе 8 ноября (см. также выступление Тито: Правда. 1957. 9 ноября).*

⁵⁰ 6 ноября на юбилейной сессии Верховного совета СССР Кардель говорил о мировом значении Октябрьской революции в России, вызвавшей к жизни коренные общественные изменения в разных странах, об образе «великого Ленина, чьи слова находили отклик во всем

мире». Большевистская партия (руководящая идейная и движущая сила революционного процесса) явилась, по его мнению, примером и надеждой для всех, кто боролся против эксплуатации. Было сказано и о непосредственном влиянии октябрьской революции на рабочее движение в югославянских землях, об участии югославских интернационалистов в Красной Армии (Правда. 1957. 7 ноября).

⁵¹ См.: *Zsibua Shen and Yafeng Xia*. Op. cit. . Чтобы не «мозолить» в Москве глаза своим критикам, Э. Кардель и В. Влахович отправились в эти дни в Ясную Поляну почтить память Л.Н. Толстого. Сам Хрущев о своих встречах с членами югославской делегации в ноябре 1957 г. (одна из которых была довольно острой) говорил на майском пленуме ЦК КПСС 1958 г.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 31—36. Он выразил удовлетворение тем, что ни одна компартия не проявила тогда солидарности с позицией СКЮ.

⁵² См. запись обсуждения: Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 274. Судя по документам, проект декларации, с которым ранее ознакомились югославы, был послан другим партиям не сразу. Так, Я. Кадару он был направлен только 29 октября вместе с записью бесед югославских лидеров с Ю.В. Андроповым и Б.Н. Пономаревым 15—18 октября. См.: Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956—1959. 219—221.о. Такое запаздывание можно объяснить подготовкой отстранения маршала Г.К. Жукова, на протяжении более недели занимавшей все внимание партийного руководства и аппарата ЦК КПСС.

⁵³ См. письмо Хрущева Кадару от 29 октября: Ibid.

⁵⁴ Скептическое отношение польской делегации во главе с В. Гомулкой к принятию представленной декларации предвидел и Мао Цзэдун, говоривший об этом 29 октября с советским послом П.Ф. Юдиным (Источник, 1996. № 4. С.113). См. подробнее: *Стыкалин А.С. За кулисами...*

⁵⁵ Запись беседы опубликована: Источник, 1996. № 4. С. 110—114.

⁵⁶ Там же. С. 112.

⁵⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Т. 1. С. 279.

⁵⁸ До начала совещания в Москву поступили от разных партий многочисленные конкретные предложения относительно улучшения текста декларации. Так, ПОРП прислала свои замечания на 12 страницах.

⁵⁹ От Чжоу Эньлая, посетившего Москву в январе 1957 г., советские лидеры были вынуждены услышать неприятные для себя вещи — о том, «что односторонней постановкой вопроса о культе личности мы причинили известный ущерб делу» (См. в изложении Д.Т. Шепилова на июньском пленуме ЦК КПСС 1957 г.: Исторический архив, 1993. № 4. С. 17).

⁶⁰ *Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000. С. 207—208. Правда, на встречах с иностранными ком-

мунистами (например, в беседе с министром обороны Польши М. Спыхальским в конце сентября) китайский лидер последовательно высказывался за единство лагеря и признание ведущей роли СССР как мощной страны, «которую боятся американцы» (См.: *Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956—1959*. 226. о.)

⁶¹ Кулик Б.Т. Указ. соч. С. 213.

⁶² Тексты выступлений Мао на узком и широком совещаниях компартий 14, 16 и 18 ноября см.: Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Перевод с китайского. Вып. 2 (июль 1957 — декабрь 1958 г.). М., 1975. С. 78—81, 88—101. Следует заметить, что высказывание Мао не только не противоречило установкам Москвы, но перекликалось с идеологией Хрущева «догнать и перегнать Америку», выдвинутой весной 1957 г. (правда, в выступлениях Хрущева от 22 мая речь шла о вещах более мирных — способности СССР в ближайшей перспективе обогнать США в деле производства и потребления молока и мяса).

⁶³ Там же. С. 80. Впрочем, формула «ветер с Востока довлест над ветром с Запада», впервые прозвучавшая из уст Мао на московских совещаниях компартий в ноябре 1957 г., подвергалась впоследствии неоднозначному толкованию. В ней виделись также претензии Китая на доминирующую роль в мировом коммунистическом движении. Не скрывал своего настороженного отношения к ней и Н.С. Хрущев. «Мы не понимаем политики, что ветер с востока побеждает ветер с запада. Эти времена прошли. Это времена Чингисхана», — говорил он незадолго до отставки, в сентябре 1964 г., на обеде в честь президента Индонезии Сукарно. См.: Никита Хрущев, 1964. Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 151—153.

⁶⁴ См. запись: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Т. 1. С. 280.

⁶⁵ См. окончательный текст Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран: Правда. 1957. 22 ноября.

⁶⁶ При публикации Декларации в «Правде» и других изданиях компартий в соответствующее информационное сообщение была включена фраза о том, что при подготовке Декларации проводились консультации с представителями компартий несоциалистических стран, которые вместе с тем никак не связаны этим документом, а сами должны решать вопрос о своем отношении к содержащимся в нем положениям.

⁶⁷ С польскими коммунистами солидаризировались некоторые представители западных компартий.

⁶⁸ Кроме того, в самой Польше партия не может декларировать в своих документах тезис о ведущей роли КПСС и СССР, потому что в прошлом с ним было связано много ошибок, усиливших в стране ан-

тисоветские настроения. Более того, некоторые специфические исторические, национальные традиции также заставляют с осторожностью подходить ко всякого рода подчеркиванию руководящей роли СССР в отношении Польши. Выступая перед участниками совещания, Гомулка отмечал, что у себя дома польские коммунисты предпочитают говорить об СССР как о первом и наиболее мощном социалистическом государстве, но не как о главной силе социалистического лагеря; ту же формулу он считал оптимальной и для итоговой декларации. 6 ноября, выступая на юбилейной сессии Верховного Совета СССР по случаю 40-летия Октябрьской революции, Гомулка применил сходную формулировку, заявив, что СССР «занимает первое место в равноправной семье всех социалистических стран». См.: Правда. 1957. 7 ноября.

⁶⁹ Ср. отработанный проект декларации, утвержденный 10 ноября на заседании Президиума ЦК КПСС для дальнейшей работы по его согласованию с КПК (Президиум ЦК КПСС. Т. 2. С. 721—730), и окончательный текст, опубликованный в «Правде» 22 ноября.

⁷⁰ При всем вреде сектантства и догматизма команды Ракоши, не она, а именно ревизионисты встали, как отмечалось, «на путь предательства классовых интересов». Приободренный поддержкой лидеров братских партий, Кадар по возвращении домой активизировал подготовку судебного процесса по делу Имре Надя.

⁷¹ См.: Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956—1959. 230—231.о.

⁷² За год до этого, в 1956 г., «человеком года», по версии того же журнала, стал собирательный образ венгерского борца за свободу, что особенно наглядно свидетельствует о колебаниях в настроениях западного общественного мнения, произошедших в течение 1957 г.

⁷³ О реакции Вашингтонской администрации см.: Амброз С. Эйзенхауэр: солдат и президент. М., 1993.

⁷⁴ Из документов узнаем, что существовала идея участия подразделений из социалистических стран в военном параде в Москве, но она была отвергнута, не будучи поддержана представителями Польши и нейтральной Югославии. См. записи бесед Я. Кадара с представителями руководства КПСС в сентябре 1957 г.: Századok. 2006. № 5. 1291 о. (публикация М. Барат).

⁷⁵ С сокращениями было опубликовано через четверть века: *Слов МА*. Марксизм-ленинизм и современная эпоха. Избранные речи и статьи в 3-х томах. Том. 1. М., 1982. С. 267—295. В ответ на опасения тех, кто воспринимает ведущую роль КПСС как попытку навязать свой опыт, идеолог КПСС заявил, что «не может быть и речи о каком-либо навязывании советского опыта другим странам». С другой стороны, «этот опыт сам говорит за себя, и тот, кто хочет идти к социализму,

не пройдет мимо итогов социалистического строительства в нашей стране за истекшие 40 лет. В свою очередь наша партия с готовностью воспринимает ценный опыт братских партий» (Там же. С. 294).

⁷⁶ По мнению руководства КПК, глава социалистического лагеря необходим как с точки зрения внутренних дел лагеря (надо регулировать вопросы взаимоотношений, созывать совещания и т.д.), так и особенно с точки зрения его внешнего положения («перед нами находится довольно сильный империалистический лагерь» во главе с США).

⁷⁷ Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. С.101.

⁷⁸ Сама Москва признала к этому времени в Мао крупного теоретика-марксиста. Так, А.И. Микоян, возглавлявший делегацию КПСС на VIII съезде КПК в сентябре 1956 г., говорил о его большом вкладе в марксистско-ленинскую теорию (См.: Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2002. С. 74).

⁷⁹ Об отношениях Мао с советскими лидерами в этот период и его поведении во время пребывания в Москве см.: *Панцов А.В.* Мао Цзэдун (серия ЖЗЛ). М., 2007.

⁸⁰ Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. С. 94. Это положение дополнялось тезисом о том, что Китаю война в сущности не очень страшна, поскольку он находится на начальной стадии социалистического строительства (иными словами, почти нечего разрушать). А.В. Панцов в вышеуказанной биографии Мао приводит, ссылаясь на воспоминания переводчика, диалог между Мао и П. Тольятти. На вопрос итальянского коммуниста, останется ли после ядерной войны хоть один итальянец, Мао якобы ответил более чем циничным вопросом: «а почему вы считаете, что итальянцы столь важны для человечества?»

Впрочем, хотя вышеуказанное положение Мао в ходе межпартийной полемики начала 1960-х годов неоднократно критиковалось с советской стороны, оно по сути своей лишь развивало и заостряло прозвучавшее в отчетном докладе Хрущева на XX съезде КПСС высказывание о том, что «капитализм найдет себе могилу в новой мировой войне» (Правда. 1956. 15 февраля). О том, что «третья мировая война приведет к краху мировой капиталистической системы», говорил в своем выступлении на съезде и Г.М. Маленков (См.: XX съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1956. С. 432).

⁸¹ Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. С. 88.

⁸² О его позиции по ключевым вопросам коммунистического движения см. подробнее: *Zsibua Shen and Yafeng Xia.* Op. cit. .

⁸³ *Кюлик Б.Т.* Указ. соч. С. 212.

⁸⁴ В Москве, возможно, и были колебания на этот счет. Если верить воспоминаниям переводчика, Хрущев в январе 1957 г. в беседе с представителями КПК затронул якобы вопрос о целесообразности создания новой централизованной организации компартий. См.: *Zsibua Shen and Yafeng Xia*. Op. cit., p.81.

⁸⁵ Правда. 1957. 23 ноября.

⁸⁶ Несколько позже, на декабрьском пленуме ЦК КПСС 1957 г., проект, представленный ПОРП, был подвергнут критике за то, что в нем не проявлялось достаточно четко, откуда исходит угроза миру. См.: *Стыкалин А.С.* За кулисами... Как бы то ни было, 21 декабря Н.С. Хрущев на сессии Верховного совета СССР говорил об «огромном историческом значении» Манифеста мира (Правда. 1957. 22 декабря).

⁸⁷ См.: *Cătănuș D.* PMR și evoluțiile ideologice din lagărul comunist. De la Revoluția ungară din 1956 la Consfătuirea de la Moscova din noiembrie 1957 // *Politica externă comunistă și exil anticomunist*. Anuarul Institutului român de istorie recentă. Vol. II. București, 2003.

⁸⁸ Выступление Влаховича на совещании в ряде моментов перекликалось с речью Карделя 6 ноября на юбилейной сессии Верховного совета СССР (высказывания Карделя о том, что социализм превратился в огромную силу в мире, о том, что помыслы о войне в принципе чужды идее социализма, о том, что социалистические страны никому не навязывают свою систему, но требуют уважения воли своих народов, избравших путь строительства социализма). Карделем был затронут и вопрос о международном значении опыта СССР, его успехов в социалистическом строительстве (Правда. 1957. 7 ноября).

⁸⁹ *Тольятти П.* Указ. соч. С. 113.

⁹⁰ Там же. С. 114.

⁹¹ В то же время лидер итальянской компартии призвал к тому, чтобы «все партии содействовали другим партиям в ознакомлении со своими проблемами, чтобы все обменивались необходимыми информационными материалами, устанавливали возможно чаще непосредственные контакты, проводили дискуссии и обмен делегациями, не исключая встреч между несколькими партиями для обсуждения общих проблем» (Там же. С. 114—115).

⁹² См.: *Суслов М.А.* Указ. соч. С. 267—295.

⁹³ Правда. 1957. 22 декабря.

⁹⁴ См.: *Stykalin A.* On Specific Historical Circumstances...

⁹⁵ См., например: Компартия Великобритании и венгерский кризис 1956 года. Документы из фондов ЦХСД. Публикацию подготовили Е.Д. Орехова и В.Т. Середа // Исторический архив, 1995. № 1.

⁹⁶ См.: *Стыкалин А.С.* За кулисами...

⁹⁷ О том, что идеологические разногласия с СКЮ сохранялись, шла речь и на декабрьском пленуме ЦК КПСС, в частности, в докладе

де М.А. Сулова по итогам ноябрьских совещаний. Это объяснялось в немалой мере экономической зависимостью ФНРЮ от Запада (особенно от США) и желанием югославских лидеров лавировать между двумя блоками, играя свою собственную игру. В докладе нашло отражение установка на продолжение усилий по сближению Югославии с советским лагерем, преодолению напряженности, возникшей в межпартийных отношениях; при этом, как подчеркивалось, не следовало поступаться принципами. Отмечалось также, что отказ югославов подписать декларацию не повлияет на развитие межгосударственных отношений. См. стенограмму: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 282. Л. 161—182.

⁹⁸ См.: Стыкалин А.С. Записи заседаний Президиума ЦК КПСС...

⁹⁹ Только в 1960-е годы, в условиях глубокого раскола между СССР и КНР, в Москве смирились (зная о крайне негативном в то время отношении Пекина к белградским «ревизионистам») с особым статусом Югославии среди социалистических стран и прекратили все заведомо бесплодные попытки вовлечь нейтральное социалистическое государство, заинтересованное прежде всего в экономическом сотрудничестве с СССР, в советскую сферу влияния.

ЛЮБОДРАГ ДИМИЧ

Югославско-советские отношения в начале 60-х гг. XX в.

В 60-е гг. XX в. Югославия и Советский союз вступили обремененные тяжелым политическим наследием¹. Дипломатические отношения двух стран находились на минимальном уровне, а связи КПСС и Союза коммунистов Югославии (СКЮ) практически не поддерживались.

В ноябре 1957 г. провозвестником надвигавшегося застоя в двусторонних отношениях стал отказ представителя СКЮ подписать на совещании в Москве совместную Декларацию двенадцати коммунистических и рабочих партий. Для Югославии свежими оставались воспоминания о негативном опыте контактов со странами Информбюро, поэтому подписание документа, походившего на акт формирования нового объединения компартий, было неприемлемым для югославских делегатов. Их позиция развеяла надежды советского руководства и лично Н.С. Хрущева на то, что Югославия после нескольких лет «скитаний» вернется в соцлагерь, а ее лидеры подчинятся «организованному и скоординированному формам классовой борьбы мирового пролетариата». Разочарование и негодование советской стороны дополнительно усилилось после того, как Йосип Броз-Тито не прибыл в Москву на празднование 40-й годовщины Октябрьской революции. Закончился период хороших отношений и сотрудничества двух государств и компартий. На горизонте появились новые противоречия².

После московского совещания югославская внешняя политика подверглась идеологической критике, суть которой состояла в обвинении в подрывании единства коммунистического движения. Советское руководство опасалось, что пример

Югославии может подвигнуть прочие восточноевропейские страны на проведение самостоятельной внешней политики, что привело бы к ослаблению позиций Организации Варшавского договора по отношению к НАТО. В связи с этим в адрес Белграда раздавались упреки в «эгоизме», «эгоцентричности» и своеобразном «югославском национализме». Особенно тяжким было обвинение в том, что руководство СКЮ не понимает, что построение социализма в Югославии невозможно без существования монолитного блока соцстран и создания «системы равновесия» в международных отношениях.

Подобное представление о ситуации в Югославии основывалось на сформированной после Второй мировой войны идеологической позиции, согласно которой в Европе социалистические режимы, вследствие давления со стороны Запада, не смогли бы удержаться ни в одной стране без поддержки со стороны СССР. Подчеркивалось, что югославская политика «лабиринтов» между блоками служит проявлением не дипломатического искусства, а того факта, что, действительно, имеет место межблоковое противостояние, в условиях которого нейтралитет Югославии не что иное как «попытка избежать ответственности», «близорукая, аморальная и анахроничная политика». По мнению югославских дипломатов и политиков, вышеприведенная критика преследовала конкретные цели: принудить Белград отказаться от политики «нейтралитета», а также устранить дурное воздействие примера Югославии на страны соцлагеря, которому могло грозить ослабление и распад³.

Эскалация конфликта произошла несколько месяцев спустя — в апреле 1958 г.⁴ Советская сторона назвала Проект Программы СКЮ прямой атакой на советскую модель социализма. Информация о том, что документ, по своему содержанию абсолютно противоположный московской Декларации двенадцати компартий, переведен на несколько иностранных языков и активно распространяется среди компартий по всему миру, дала основание предположить, что он предназначен не только югославским коммунистам. Москва полагала, что «Проект» демонстрирует неприкрытые намерения Югославии, озвученные еще в 1948 г. и состоявшие в том, чтобы навязать другим государствам и партиям собственную партийную программу и, следовательно, свою политическую систему, а также добить-

ся гегемонии в международном рабочем движении и, наконец, разделаться с советской моделью социализма.

В переписке, которая имела место после озвученных обвинений, Йосип Броз-Тито тщетно пытался добиться изменения позиции советского руководства. Югославский лидер отверг все упреки, назвав их рецидивом сталинской политики, а также обратил внимание советской стороны на опасные последствия обострения конфликта. В то же время были признаны некоторые «ошибки» и «неточности» формулировок «Проекта», которые следовало исправить. Со своей стороны Н.С. Хрущев через югославского посла в Москве «предложил» Белграду отложить проведение конгресса до тех пор, пока Программа СКЮ не будет серьезным образом переработана.

Упорство, с которым обе стороны придерживались своих позиций, привело к тому, что полемика по идеологическим вопросам переросла в жестокую идеологическую кампанию. Советская пропаганда обрушилась на основные постулаты Проекта программы СКЮ — положения об отмирании государства при наступлении социализма, о существовании двух мировых политических систем, о возможности построения социализма различными путями, об уважении принципа равноправия во взаимоотношениях соцстран и компартий. В силу вышеописанных обстоятельств советская сторона бойкотировала VII конгресс СКЮ, а принятую на нем программу заклеила как «ревизионистскую», «антимарксистскую» и «антисоветскую». Остальные страны соцлагеря последовали примеру СССР. Такой был «ответ» Москвы на события ноября 1957 г. Ссылаясь на «дело Джиласа», все социал-демократические партии также бойкотировали конгресс СКЮ, обвинив белградский режим в «недемократичности и преследовании инакомыслящих»⁵.

Неуступчивость Белграда нашла свое выражение в выступлениях видных югославских коммунистов. Тито в докладе «О задачах СКЮ в связи с международной ситуацией» «главной причиной» и «подноготной» югославо-советского конфликта назвал стремление СССР любыми средствами принудить Югославию к вступлению в «социалистический лагерь». Утратив чувство меры, Тито заявил, что «жестокая политика Иосифа Виссарионовича Сталина» стала «причиной формирования Атлантического пакта», усиления Запада и уменьшения роли и авторитета СССР в мире. А давление на Югославию, по сло-

вам югославского лидера, привело к дезориентированности, царящей в международном рабочем движении. Излишне акцентированным выглядело высказанное одобрение решений XX съезда КПСС, на «платформе» которых следовало развивать отношения между социалистическими странами — без вмешательства во внутренние дела и с уважением особых черт каждой из них⁶.

Александр Ранкович в своем докладе «Организационно-политические задачи СКЮ» зашел еще дальше в критике действий советского руководства. Его речь вызвала настоящий скандал, так как была откровенно грубой. Подобная тональность выступления не была ни случайной, ни спонтанной. С трибуны конгресса, отвечая на советское обвинение по поводу того, что Югославия сидит «на двух стульях», Ранкович «напомнил» Москве о неприятном эпизоде сотрудничества с Германией в начале Второй мировой войны, а также «затронул» иные болезненные для Кремля вопросы. СССР был назван главным виновником состоявшегося в 1948 г. конфликта. Заявление, будто «методология», при помощи которой пытаются расправиться с Югославией, касается всего рабочего движения, стало наиболее откровенным обвинением в адрес Москвы, которой следовало бы отречься от вредного сталинского наследия⁷.

Озвученные идеологические противоречия напрямую сказывались на сфере межгосударственных отношений, в развитии которых наблюдалось несколько этапов. Первый из них, наступивший сразу по окончании Совещания в Москве и VII конгресса СКЮ, характеризовался резким взаимным охлаждением. Югославский посол Велько Мичунович посылал полные драматизма отчеты о том, как он семь раз тщетно пытался получить в советском МИДе информацию о ранее запланированном прилете в Белград К.Е. Ворошилова. Речь шла о достоверном свидетельстве того, что идеологическое противостояние СКЮ и КПСС перекинулось на межгосударственные отношения. О том, насколько кризис глубок, и как тяжелы его вероятные последствия, можно было судить на основании того, что визит перенесли за день до его начала (10 мая 1958 г.). Подобное решение Хрущев объяснял тем, что после всего сказанного на Конгрессе СКЮ в Любляне «наши народы не одобрили бы такую поездку». Кроме того глава СССР посоветовал югославской стороне сделать какое-нибудь заявление, чтобы «враги со-

циализма» не использовали отмену визита в своих интересах. Подобная рекомендация, свидетельствовавшая о незаинтересованности Москвы в дальнейшем развитии отношений с Белградом, не осталась без ответа югославского государственного и партийного руководства. В письме Хрущеву Тито назвал то, как был перенесен визит, «оскорблением для любого суверенного государства» и политическим шагом, «умаляющим авторитет социализма»⁸.

В июне 1958 г. состоялся односторонний разрыв кредитных и экономических соглашений, в которых Югославия была очень заинтересована (договор об инвестициях, несколько соглашений о кредитах общим объемом в 285 миллионов долларов и т.д.). Ранее предоставленные кредиты Москва назвала «жертвой», на которую пошли советские люди, и к которой в Югославии отнеслись без должного уважения. Разорвав в одностороннем порядке уже подписанные договоры о кредитах, советское руководство ссылалось на выступление Й. Броза-Тито на VII Конгрессе СКЮ, в котором он назвал «взаимную пользу» основой двусторонних отношений. Прерывание финансового сотрудничества приводило к «сужению» основы товарообмена между двумя странами. В результате взаимной пропагандистской компании было утрачено доверие, накопленное за прошедшие годы.

Заметно ухудшились и отношения Югославии со странами «социалистического лагеря». Белград обвинялся в том, что «продал» социалистические идеалы, идеологию, программные принципы СКЮ. Советская пропаганда «разоблачала» ту роль, которую Югославия играла в «подрывании единства мирового коммунистического движения». Подчеркивалось, что Югославия «за деньги» встала на сторону американского империализма, ведшего борьбу с СССР. Программа СКЮ названа враждебной в отношении Советского союза и вредной для мира во всем мире, а VII Конгресс СКЮ охарактеризован как сознательная попытка создать атмосферу антисоветской «истерии и враждебности». Внешняя политика СФРЮ, выступавшей за мир без военных блоков и проводимой ими силовой политики, была заклеена как проамериканская, а сама Югославия окрещена «Троянским конем империализма». Югославский тезис, будто все военные блоки одним миром мазаны, воспринимался как «клевета на социалистический лагерь», а отождест-

вление «миролюбивой политики соцстран» с агрессивностью империалистических государств расценивалось как главное доказательство предательства социализма. Все это сопровождалось утверждением, будто югославский социализм выращен на «американской пшенице», что ставило под сомнение плоды революции, имевшей аутентичные внутриюгославские корни и осуществленной параллельно с протекавшими в период Второй мировой войны глобальными стратегическими процессами. Аналогичным образом оценивались и результаты послевоенного восстановления страны.

Столь же страстно отвергались югославские характеристики сталинского времени, утверждения о советском гегемонизме, заявления югославских коммунистов, будто ЦК КПСС изменил свое отношение к Резолюции Информбюро от 1948 г. и совершенным КПЮ ошибкам. Именно эти ошибки, из которых югославское партийное руководство не извлекло уроков, и вызвали, как гласила инспирированная Москвой пропаганда, новые разногласия. Не случайно их непосредственной причиной, согласно пропаганде Москвы и прочих членов соцлагеря, провозглашались искаженные идеологические представления СКЮ о процессе дальнейшего строительства социализма во всем мире, отраженные в Программе СКЮ, которая, в свою очередь, противоречила «основным принципам марксизма-ленинизма» и «идейным основам всего мирового рабочего движения». На самом деле имела место неприкрытая реабилитация самого института Информбюро, направленная на позитивную идеологическую переоценку результатов его существования, что, в свою очередь, оправдывало и политику Кремля в отношении Югославии в 1948—55 гг. От СКЮ требовалось принять озвученную критику и «отступить от позиций», которые, по оценке Москвы, были ошибочными. Подобные требования, абсолютно неприемлемые для Белграда, «закрывали», как писал Тито Хрущеву, всякую возможность «выхода» из сложившейся ситуации.

В ходе кампании против Югославии упоминался и процесс над Имре Надем. Аналитиками не остался незамеченным тот факт, что выдвинутые против него обвинения почти полностью совпадали с содержанием антиюгославской пропаганды. Поэтому его казнь воспринималась и как приговор югославскому режиму, что в еще большей мере усугубило ситуацию⁹.

Момент начала обострения отношений с СССР был для Югославии отнюдь не благоприятным. Признание Германской Демократической Республики стало причиной разрыва дипломатических отношений с Федеративной Республикой Германия, с которой Белград связывали исключительно развитые экономические отношения. Сомнения Запада по поводу внешне и внутривластной ориентации Югославии подогревались несколькими факторами: упорным настаиванием на «сворачивании» американской военной помощи, участвовавшими требованиями завершения работы американской военной миссии в Белграде, выступлениями югославских дипломатов и политиков, обличающими колониализм, усиленной гуманитарной и военной помощью Фронту национального освобождения Алжира, началом политического процесса против Милована Джиласа.

Югославское руководство опасалось, что все вышеперечисленное приведет к полной изоляции страны как со стороны Востока, так и Запада. Усилия Москвы добиться моратория на испытания ядерного оружия и советско-американские переговоры по поводу встречи на высшем уровне только усиливали эти опасения¹⁰. Выходом из потенциально затруднительного положения стала активизация действий по двум направлениям. Проявлением политического сближения с Западом стало подписание ряда экономических и финансовых соглашений, которые должны были компенсировать разрыв сотрудничества с СССР и восточноевропейскими странами. Интенсификация отношений со странами третьего мира, ставшая результатом поездок Тито по Азии и Африке, несомненно, должна была предоставить Югославии альтернативу сотрудничеству с западным и восточным блоками.

Схожесть позиций Москвы и Белграда по ближневосточному кризису, разразившемуся летом 1958 г. (переворот в Багдаде, падение монархии, провозглашение республики и формирование революционного правительства во главе с генералом Касемом, а также военные интервенции США в Ливане и Великобритании в Иордании), на время уменьшила градус противостояния между Югославией и СССР¹¹. Летом 1958 г. Тито и югославское руководство получили несколько официальных и неофициальных приглашений посетить Москву с целью «смягчения и разрешения» существующих противоречий. Однако

официальный Белград сдержанно и с недоверием отнесся к поступавшим сигналам и жестам доброй воли¹².

Через несколько месяцев наступила очередная фаза конфликта. Если поначалу давление на Югославию было откровенным и грубым, то теперь его формы были скорректированы в сторону большей реалистичности. Новая позиция в отношении Белграда определялась положениями доклада Н.С. Хрущева на XXI съезде КПСС, состоявшемся в январе-феврале 1959 г. Ее суть определяли следующие тезисы: югославское руководство отказалось от принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, что поставило под угрозу завоевания социализма в Югославии; югославское руководство ведет подрывную деятельность по отношению к соцлагерю; югославская внеблоковая политика лжива; Югославия пытается сидеть на двух стульях, что на практике соответствует интересам США и иных империалистических держав; отношения с Югославией могут нормализоваться и улучшиться, только если югославское руководство изменит свою политику, то есть будущее двусторонних связей целиком зависит только от Белграда; сотрудничество с Югославией может развиваться только по линии контактов с определенными общественными организациями. Цель данной наступательно-политической тактики состоит в том, чтобы отделить народ от руководства¹³. Все вышперечисленное говорило о том, что целью Хрущева была не констатация и обвинения, а формулирование политической позиции, обуславливающей дальнейшее «замораживание отношений» двух партий и двух государств.

Тактика Кремля в отношениях с Югославией, основывавшаяся на тезисах XXI съезда КПСС, характеризовалась приверженностью «принципу взаимной пользы». Данный подход, по сообщению югославских дипломатов, сводился к следующему: ограничению и замораживанию политических контактов; периодическому информированию о некоторых внешнеполитических действиях (если есть потребность в помощи СФРЮ); полному игнорированию югославской внешней политики; игнорированию внутреннего развития страны; препятствованию распространению объективной информации о положении в ней; поддержанию товарообмена на актуальном уровне при постоянном ухудшении его структуры в ущерб Югославии; реализации международного научного и культурного со-

трудничества и т.д.¹⁴ Уже тогда, по мнению югославских аналитиков, проявился двоякий характер югославской политики Москвы. Его суть была в разграничении партийных и государственных отношений, а также в стремлении использовать партийную и идеологическую критику югославской действительности для изменения государственной политики СФРЮ и ослабления ее позиций на международной арене.

Те же аналитики отмечали, что во всех областях сотрудничества проявлялось стремление СССР использовать в своих интересах «принцип взаимной пользы». Цели при этом преследовались следующие: минимизация возможности того, чтобы экономическое сотрудничество могло способствовать ускорению экономического развития Югославии; усиление влияния на югославское общественное мнение с целью оказания давления на руководство страны; дезинформация общественности СССР и стран «соцлагеря» о Югославии и ее политике с целью ограничения ее влияния и ее дискредитации¹⁵.

На международной арене СССР игнорировал результаты внешнеполитических усилий Белграда в стремлении его изолировать и постепенно уменьшить югославское влияние на страны «соцлагеря» и международное рабочее движение¹⁶. Наряду с этим советская сторона, по мнению югославских дипломатов, прилагала усилия к тому, чтобы «сузить рамки и возможности» активности СФРЮ в странах Азии и Африки. Третий аспект политики Кремля, как она виделась югославской стороне, характеризовался стремлением использовать и поставить на службу себе и странам «соцлагеря» югославскую внешнюю политику.

На декабрь 1960 г. пришелся пик двоякой политики СССР, состоявшей в разделении межпартийных и государственных отношений, и характеризовавшейся использованием партийной и идеологической полемики для прикрытия собственного стремления изменить государственный курс Югославии. Министр иностранных дел Громыко на заседании Верховного совета объявил о скором улучшении советско-югославских отношений. Этому вопросу в МИДе было посвящено отдельное заседание, по итогам которого было решено в дальнейшем вести «активную политику в отношении Югославии», так как пассивная «будет все больше отвращать Югославию от СССР». В связи с этим планировался обмен визитами глав МИДов и

увеличение объемов поставок инвестиционного оборудования Югославии¹⁷. Почти одновременно с этим на состоявшемся в Москве совещании 81 коммунистической и рабочей партии Югославия была обвинена в ревизионизме. В одно и то же время, как отмечали наши дипломаты, предпринималась «компроматация Югославии» и озвучивались «благие пожелания» относительно политического сотрудничества, раздавались обещания по поводу возобновления переговоров по экономике, предпринимались шаги по поддержанию культурного сотрудничества¹⁸.

Такую двойственность югославские дипломаты объясняли стремлением Москвы нейтрализовать негативный эффект, произведенный в мире Декларацией 81 коммунистической и рабочей партии, а также желанием помешать Белграду «разоблачать реальные цели Декларации и политики СССР», воспрепятствовать укреплению сотрудничества Югославии со странами третьего мира и Западом. Также отмечалось, что политика в отношении Югославии использовалась Москвой в качестве одного из средств «маневрирования» внутри социалистического лагеря. Предполагалось, что давление на Югославию будет «постоянным компонентом советской политики», а средства его реализации будут зависеть «от сиюминутных возможностей и потребностей СССР». Был сделан вывод, что «русские не желают обмениваться с нами информацией на равной основе и в конструктивном ключе», в силу чего большая часть контактов с ними «в информационном плане весьма скудна»¹⁹.

В отчете за 1960 г. посол в Москве Лазар Мойсов представил впечатляющую картину межгосударственных отношений. Контакты с МИДом названы эпизодическими. И только по инициативе югославской стороны. «В течение всего года» отношение руководства МИДа «к нашему представительству было сдержанным». Общение с Советами оценено как «весьма затруднительное». Единственным его каналом оставался Европейский отдел МИДа. Докладывая об «обмене мнениями», осуществленном в течение 1960 г., Мойсов записал: «Сталкивались с жесткой и сдержанной позицией. Такое положение не может считаться нормальным». По вопросу партийных контактов посол подчеркнул, что они отсутствовали. Иллюстрацией сложившейся ситуации стала констатация, что сотрудники по-

сольства в Москве «редко имели возможность общаться с функционерами ЦК КПСС в неофициальной обстановке»²⁰.

В начале 1960-х гг., когда нормальные двусторонние государственные и партийные отношения не поддерживались, СССР и Югославия осуществляли «коммуникацию» опосредованно. Например, в освободившихся от колониальной власти странах третьего мира, в которых Москва и Белград боролись за влияние на революционные и прогрессивные движения. С самого начала советская сторона пыталась воспрепятствовать усилиям СФРЮ по объединению и совместной деятельности государств, не участвующих в военных блоках²¹. Подобные инициативы Советский союз воспринимал, по свидетельству югославских дипломатов, как угрозу собственным позициям в Африке и Азии, а именно как попытку создания «третьего блока», враждебного «соцлагерю»²². И все же по прошествии времени игнорировать «новую силу» в мировой политике стало невозможно. Результатом совместной деятельности неприсоединившихся стран стала новая встреча Хрущева и Тито и постепенное обновление сотрудничества.

В беспокойной международной обстановке пятеро представителей неприсоединившихся государств (Тито, Насер, Нкрума, Неру и Сукарно), убежденные в неспособности великих держав договориться по ключевым проблемам, приняли решение выступить во время 15-го заседания Генеральной ассамблеи ООН (сентябрь 1960 г.) с совместной инициативой по организации встречи Хрущева и Эйзенхауэра. В процессе этих посреднических усилий 28 сентября 1960 г. состоялась встреча Тито с Хрущевым.

Диалог начался со слов «давно мы не беседовали», а закончился решением обеих сторон разграничить области взаимного согласия и расхождения позиций. В ходе беседы обсуждались следующие вопросы: помощь отстающим странам, борьба с колониализмом, роль ООН в решении мировых проблем, разоружение, холодная война, потенциал СССР в случае военного конфликта, борьба за мир во всем мире, перспективы развития СССР. Темы двусторонних отношений не затрагивались. На конкретный вопрос о возможной встрече с президентом Эйзенхауэром Хрущев ответил отказом. Лидеры двух государств выразили схожее мнение по следующим проблемам: ситуации в Конго, осуждению американского давления

на Кубу, выборам нового генсека ООН, приему КНР в состав ООН, осуждению международного шпионажа и т.д. У югославо-славов, ставших свидетелями незапланированной встречи, сложилось впечатление, что Хрущев хотел «заручиться полной поддержкой» по вопросам, важным для СССР. А потом, если бы Югославия поступила по-другому, «можно было бы сослаться на то, что мы сначала согласились, а потом изменили своему слову»²³.

Это было проявлением недоверия по отношению к югославскому государственному руководству, которое Хрущев намеренно продемонстрировал. Что касается инициативы пятир-ых представителей неприсоединившихся стран, результатом которой и стала встреча Тито и Хрущева, то имела место попытка внеблоковых государств взять на себя роль посредников между враждующими державами и их лидерами. Несмотря на то, что «Резолюция» не получила необходимую поддержку, она несомненно стала провозвестником будущих изменений устройства ООН. Документ проторил путь последующим организованным действиям внеблоковых государств, а также способствовал налаживанию связей стран, имевших схожие внешнеполитические позиции. «Линия на умиротворение во всем мире» одержала в тот момент моральную победу над силовой политикой (за Резолюцию голосовало 41 государство, против — 37 стран во главе с США; 17 членов ООН, близких к СССР, воздержались). Неприсоединившиеся страны стали восприниматься как «позитивный и умиротворяющий фактор» мировой политики²⁴. Таким образом, по мнению Йосипа Тито, в ООН сформировалась «новая сила, не желающая оставаться немым наблюдателем и автоматом для голосования, стремящаяся стать активным фактором такой политики, которая бы обеспечила человечеству мир и конструктивное сотрудничество»²⁵.

После совместного выступления в Нью-Йорке стали более частыми контакты, консультации, новые поездки, встречи, переговоры и обмен посланиями глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Одной из обсуждаемых тем была организация конференции внеблоковых стран и институционализация их будущего сотрудничества. Медленно оформлялась идея проведения в Белграде соответствующего саммита²⁶. Этот вопрос стал своеобразным «барометром», по которому можно было оценивать оказываемое велики державами давле-

ние и следить за настроениями в их столицах. В том числе и в Москве.

Великим державам предстояло определить свою позицию по вопросу возможного объединения неприсоединившихся стран. Американские дипломаты пытались создать впечатление, будто США относится к происходящему «с симпатией». Но с условием, чтобы на конференции «не клеймили империализм». Советские дипломаты в свою очередь говорили, что созыв конференции «инициатива хорошая и полезная», но одновременно пытались навязать свою повестку дня встречи и придать ей «антизападную ориентацию». Для Москвы встреча и оформление движения неприсоединения было невыгодным, так как препятствовала «собираению прогрессивных сил вокруг СССР» и «уменьшала его возможности в отношении обретших независимость» стран. В Белграде полагали, что Москва стремится использовать страны неприсоединения в качестве «резерва собственного блока». От стран «соцлагеря» поступали предложения, согласно которым эффект от конференции был бы большим, если бы «существовала определенная координация и сотрудничество Югославии с соцлагерем по вопросу совместных действий со странами Азии и Африки²⁷».

Состоявшаяся в Каире в июне 1961 г. подготовительная встреча к конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран повлияла, хоть и опосредованно, на начало нового этапа отношений Югославии и СССР. По оценке Кочи Поповича, возглавлявшего югославскую делегацию, выступления представителей Кубы, Ганы, Мали и Гвинеи во многом отражали советскую позицию по ключевым вопросам международных отношений. Влияние СССР и стран соцлагеря, по мнению Поповича, проявлялось в том, как протекали дискуссии по поводу места проведения конференции, ее концепции, повестки дня заседаний, «критериев невовлеченности», на основании которых планировалось приглашать участников²⁸. В том, как отвергались предложения Белграда, какие звучали намеки и предпринимались жесты, смысл которых был в том, что «Югославия не располагает достаточной политической квалификацией», чтобы заниматься Африкой и Кубой, Коча Попович распознавал не только сектантство и примитивизм, но и реализацию директив Москвы, опасавшейся, что дейс-

твия неприсоединившихся государств «разобьют фронт мира, сплотившийся вокруг СССР и соцлагеря»²⁹.

Отслеживая то, как каирская встреча оценивалась в СМИ, югославские аналитики отмечали, что печать СССР и соцлагеря характеризуется «единообразием» и использованием одних и тех же источников информации. Аналитические службы в Югославии на основании изучения печати пришли к выводу, что «соцлагерь боится конференции» и поэтому по возможности стремится придать ей «максимально возможную антизападную направленность». Вместе с тем, не остались без внимания усилия советской прессы умалить значение конференции, дискредитировать Югославию как страну ее принимающую, «посеять семена недоверия к ней». Схожие позиции занимали СМИ стран «соцлагеря», особенно в Китае, главной целью которого было «подорвать доверие к Югославии» у ряда африканских стран. По мнению китайского руководства, коммунистические страны были лучшими защитниками интересов новых государств — бывших колоний. На остальные нельзя было положиться³⁰.

С течением времени великие державы и просто влиятельные государства стали воспринимать предстоящую конференцию как «данность и серьезный фактор, который не избежать и не устранить ни силой, ни хитростью». В оценках ситуации стал преобладать «холодный анализ возможных осложнений». Все более частыми стали попытки сделать собственные предложения и «включиться» в подготовку конференции. В таких условиях в Москве возобладало мнение, что ей состав участников и повестка дня конференции предоставляют больше возможностей, чем США. В отношении стран-участниц начала осуществляться «широкая и дифференцированная акция» — в течение нескольких месяцев Москву посетили Сукарно, Нкрума, Абуд, председатель правительства Сомали, Неру... Особое давление оказывалось на Насера, который подвергался критике из-за проводимой им политики. В советской печати откровенно игнорировались дипломатические действия Югославии, в то время как подчеркивался вклад Ганы, Гвинеи и других африканских государств. Визит Косыгина в Индию и предоставление ей советского кредита в 125 миллионов долларов в Белграде воспринимался как причина сдержанного отношения Неру к планируемой встрече. Югославские дипломаты

отмечали, что делегация советского Комитета солидарности с афроазиатскими странами во главе с Л.И. Брежневым неожиданно посетила почти все страны западной и северной Африки, в которых до этого побывал Й. Броз-Тито. И это не было случайностью.

Считалось, что намерение Москвы состояло в том, чтобы подтвердить собственный престиж в этой части света и сформировать у принимающей стороны впечатление, будто «СССР является главной гарантией сохранения независимости и обеспечения их экономического и политического развития». Так же трактовались активизация СССР в Южной Америке и информация о готовящемся визите Хрущева в Марокко, куда до этого приезжали Тито и Насер. Внимательно отслеживался интерес, проявляемый Добрыниным в отношении неприсоединившихся стран. Толкованию подверглась его позиция, которая заключалась в том, что «сейчас не время для нового Бандунга, так как имеют место различные интересы и препятствия». В Белграде также пытались постичь смысл слов А. Микояна, заявившего, что Москва «будет за, если конференция будет направлена против империализма и колониализма».

Вопреки подобным заявлениям советские дипломаты проявляли нежелание обсуждать будущую конференцию. Багаж плохих отношений с СССР позволял усмотреть желание нейтрализовать результаты усилий югославских дипломатов и ослабить позиции Югославии в этой части света. Несмотря на заявления, что само участие Югославии гарантирует, что конференция «не может быть антикоммунистической», основной вывод, основывавшийся на совокупности собранных сведений, гласил, что СССР «очень отрицательно относится к будущей конференции»³¹. Советский союз настаивал на том, чтобы ее участники выступили за разоружение и осудили вооружение ФРГ. Хрущев открыто заявлял, что по вопросу Западной Германии «нейтральным странам не удастся остаться невовлеченными». Послания подобного содержания были направлены Насеру, Неру, Квадросу. В Москве ожидали, что получат поддержку ее предложения по решению берлинского вопроса и заключению мира с Германией. Советские дипломаты недвусмысленно намекнули, что отношение СССР к конференции будет зависеть от «степени решимости неприсоединившихся стран осудить Запад за развязывание холодной войны». Явны-

ми также были усилия ослабить позиции Югославии. Особое давление оказывалось на африканских лидеров (Судан, Гана, Гвинея) и на Кубу, от которых требовали «следовать линии соцлагеря»³².

После подготовительной встречи в Каире, накануне белградской конференции югославская дипломатия особенно активизировалась. К этому страну-организатора побуждали и решения Комитета дипломатических представителей, заседавшего в Каире с 25 июня по 5 июля 1961 г. Проявлением данной активности стала и откладывавшаяся несколько месяцев встреча (8 июля 1961 г.) Хрущева и Кочи Поповича в Москве. То был надежный знак, что советская политика, ранее заключавшаяся в том, чтобы воспрепятствовать объединению неприсоединившихся и, одновременно, публично игнорировать данный процесс, теперь решала задачу оказания активного влияния на позиции участников конференции. Белградская конференция ни единым словом не упоминалась в ходе переговоров Поповича и Хрущева, который, однако, очень постарался навязать югославской дипломатии в лице собеседника советское видение решения «немецкого вопроса», проблемы разоружения и ликвидации колониализма³³.

В августе 1961 г. также имели место многочисленные встречи с советскими дипломатическими представителями. Советский посол в Белграде Епишев в ходе разговора с помощником государственного секретаря иностранных дел Иво Вейводой, состоявшегося всего за несколько дней до начала сооружения Берлинской стены, делал особый упор на проблеме Германии.

Налицо была тенденция, даже больше того, давление советской стороны на Югославию, которой следовало как можно быстрее подписать сепаратный мирный договор с Восточной Германией. Епишев с негодованием отвергал югославскую позицию по берлинскому вопросу, состоявшую в том, чтобы «сделать все необходимое и возможное, дабы провести переговоры и достичь компромиссного решения». По мнению советского посла, события в Берлине для отношений соцстран с Западом были самыми важными со времен Второй мировой войны. И поэтому «в стороне отсидеться было нельзя». Для Епишева была неприемлема югославская аргументация, согласно которой «настаивание на переговорах» является инструментом морального и политического давления на «тех, кто

не желает вести переговоры». Из его слов было ясно, что Москва обвиняет Югославию в том, что она объективно помогает Западу и в этот судьбоносный момент «не думает о своем интернационалистском долге перед социалистическими странами». То как Епишев разговаривал, показывало, насколько для СССР была важной югославская «позиция и будущее воздействие» на участников белградской конференции. Из разговора с послом СССР удалось выяснить, что Москва была уверена в «нежелании Запада воевать из-за Берлина»: «Международная ситуация достигнет точки серьезного охлаждения, но после некоторого времени снова начнет нормализоваться, а люди привыкнут к новому положению вещей»³⁴.

Предстоящая конференция неприсоединившихся стран и «берлинская проблема» были основными темами переговоров, состоявшихся 16 августа 1961 г. — через два дня после начала строительства Берлинской стены. Коча Попович и Епишев обсудили «разжигание» сомнений в политике Неру и уже известные тезисы советской политики по берлинской проблеме³⁵.

Суммируя действия Москвы, в Белграде пришли к выводу, что советское руководство верит, будто «его позиции более выгодные, чем у Запада, учитывая повестку дня конференции. Поэтому оно прибегает к давлению и другим средствам, чтобы обеспечить поддержку собственной политике, особенно по германской и берлинской проблематике». Особую озабоченность югославской стороны вызывали требования оказания поддержки и перехода на позиции соцлагеря в обмен на позитивную оценку и публичное одобрение конференции.

В этой ситуации югославская дипломатия придерживалась своих ранее сформулированных тезисов, касавшихся опасности немецкого милитаризма, существования двух Германий, границе на Одере и Нейсе, необходимости «нейтрализации» Германии. Белград не был готов отождествлять интересы советского блока с интересами социализма и поэтому осуждал любую политику, из-за которой «мир находится на грани войны». Подчеркивая, что подлинное сотрудничество может быть только «взаимным и равноправным», югославское руководство дало знать Советскому союзу и странам соцлагеря, что, если они что-то ожидают или хотят от конференции, они должны оказать конкретную помощь политике неприсоединившихся стран³⁶.

В свою очередь в Москве были убеждены, что по проблемам войны и мира — «немецкому вопросу», по «проблеме ликвидации колониализма», по «разоружению» — не может быть нейтральной политики и нейтральных стран. Нейтральность по основным проблемам борьбы за мир во всем мире для Хрущева была прямой помощью империализму. Для него в борьбе за мир во всем мире не было «двух сторон». Поэтому советский руководитель за несколько дней до начала белградской конференции заявил, что югославы ошибаются, если думают, что могут успешно провести конференцию, «не солидаризовавшись ни с той, ни с другой стороной». Хрущев был убежден, что такая политика не понравится и «другой стороне». Поэтому «надо определиться». В связи с этим Хрущев считал, что не нужно посылать специальные «приветствия» конференции. Те, кто борются за мир, знают, что Советский союз и без «приветствий» на их стороне. Непосредственно перед конференцией Хрущев познакомил со своими взглядами К. Нкруму и таким образом опосредованно направил послание всем собравшимся в Белграде³⁷.

В конце августа советский посол дважды встречался с Й. Броз-Тито. Встречу на аэродроме в Батайнице Епишев использовал, чтобы оповестить Тито о позиции СССР в связи с «ядерными испытаниями», а также для того, чтобы мимоходом сообщить, что Советы в развитии этого вида вооружений «ушли далеко вперед». Кроме того, советский дипломат сказал, что о возобновлении ядерных испытаний будут оповещены прочие главы государств и правительств, которые соберутся в Белграде. Послание аналогичного содержания Хрущев отправил Тито через Лазара Мойсова. Таким образом советское руководство намеревалось убедить неприсоединившиеся страны, что возобновление испытаний не представляет угрозы миру. В связи с этим от Тито требовали, чтобы он в своей вступительной речи сказал собравшимся что-нибудь успокоительное.

Тито в свою очередь не скрывал недоумения по поводу того, что подобные действия предпринимаются непосредственно накануне конференции в Белграде. По мнению югославского лидера, существовала «серьезная опасность» возникновения среди участников конференции антисоветских настроений. Тито особенно указывал на то, что Югославии «не все равно, пострадает авторитет СССР или нет». В связи с этим он пред-

ложил советской стороне упомянуть в соответствующем сообщении об ответственности Франции и ее союзников за возобновление испытаний. Хрущеву была адресована просьба не проводить испытаний во время работы конференции. Тито в разговоре с Епишевым не критиковал Кремль, хотя выглядел озабоченным и вел себя холодно. Казалось, что Тито не только не осуждает, но и с пониманием относится к решению Кремля³⁸. В Москве подобное поведение расценили как признак «понимания» советской позиции.

В тот же день — 30 августа 1961 г. — во время второй встречи с Тито Епишев передал ему «глубокую признательность» Н. Хрущева и правительства СССР «за понимание». При этом было сказано, что «другой реакции они и не ожидали». Хрущев просил Тито «во время переговоров с другими главами государств употребить свое влияние для убедительного разъяснения решения советского руководства». Самых высоких оценок Епишева удостоилась и речь, которую Тито собирался произнести на открытии конференции. Дипломат сообщил Тито, что первое испытание уже состоялось, но «в соответствии с его просьбой», общественности о нем сообщено не будет³⁹.

Несомненно, сведения, полученные от Епишева, прямым образом сказались на окончательной версии доклада Тито и на его позиции по вопросу возобновления ядерных испытаний. О содержании разговоров он не сообщил даже самым близким соратникам. В результате была упущена возможность формирования продуманной позиции Югославии по поводу советских ядерных испытаний. В результате Тито некоторым образом стал соучастником советской политики. Была окончательно утрачена возможность объективного осмысления отдельных проблем современного мира. Действия Тито серьезно подорвали нейтралитет Югославии.

Й. Броз-Тито произнес речь на третий день конференции, в ходе девятого пленарного заседания. Доклад представлял собой сублимацию позиции Югославии по ключевым вопросам международных отношений, которые и стали поводом встречи глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Одновременно, проявляя уважение к представителям иных держав, находившимся в Белграде, Тито постарался в ходе выступления придерживаться своеобразной «средней линии», которая «объединяла» все озвученные точки зрения. Тито

назвал ошибочными и иллюзорными ожидания того, что «великие державы сами смогут найти путь» мирного решения существующих международных проблем. Столь же ошибочным он охарактеризовал и мнение, будто «малые государства» и, особенно, неприсоединившиеся не располагают достаточной компетенцией для внесения более весомого вклада в решение международных проблем». В связи с этим Тито перечислил «пять наиболее важных вопросов», стоявших перед человечеством и представлявших угрозу миру во всем мире: всеобщее разоружение; Берлинский кризис; колониализм, экономические проблемы и помощь неразвитым странам; мирное сосуществование⁴⁰. Каждый из перечисленных вопросов опосредованно касался и отношения Югославии к советской политике.

Участники Белградской конференции приняли два документа: «Декларацию глав государств и правительств неприсоединившихся стран» и «Заявление об угрозе войны и призыв к миру». По сравнению с Декларацией, представлявшей собой документ стратегического значения, Заявление касалось актуальной на тот момент политической обстановки, а именно угрозы развязывания мировой войны и ядерной катастрофы. От СССР и США потребовали «немедленно прекратить военные приготовления» и возобновить переговоры «с целью мирного урегулирования существующих разногласия» с соблюдением принципов ООН. Главы государств и правительств неприсоединившихся стран считали выдвинутое ими требование обоснованным, ибо все народы заинтересованы в том, чтобы «человечество продвигалось по пути мира и благосостояния, а не навстречу полному уничтожению»⁴¹. Участники конференции направили письма аналогичного содержания президенту США Д. Кеннеди и председателю Совета министров СССР Н. Хрущеву. В посланиях выражалась озабоченность в связи с ухудшением международной обстановки, грозившим войной и «уничтожением всего человечества». От Кеннеди и Хрущева как представителей государств, «в руках которых находится ключ мира и войны», потребовали приложить усилия к возобновлению прямых переговоров о спорных вопросах международных отношений⁴².

Согласно первым донесениям из Москвы, советская ответственность «очень позитивно» восприняла тезисы Белградской конференции. Это, однако, не означало, что советское

государственное и партийное руководство изменило свое отношение к процессу объединения неприсоединившихся стран. Часть советской номенклатуры придерживалась едва ли не еретического мнения, что «в интересах социализма пребывание Югославии вне соцлагеря». Среди членов партии наблюдалось замешательство, так как еще сильны были отголоски прежних антиюгославских компаний. Некоторые даже полагали, что позитивные материалы в СМИ, появившиеся в последнее время, свидетельствовали о вступлении Югославии в соцлагерь. Имелись сведения, будто узкий круг советских руководителей ознакомлен с негативной оценкой «конференции в целом и роли Югославии», но остальной партактив остается в неведении. От югославских дипломатов в Москве также поступала информация, что «успех конференции и роль Югославии в ней» могут послужить поводом для новых нападков на «югославский ревизионизм»⁴³.

С целью наблюдения за работой Белградской конференции в Югославию прибыл член ЦК КПСС Гафуров. В письме на имя Хрущева он сообщал, что, «несмотря на путаницу в головах югославских руководителей», в Югославии «нет условий для реставрации капитализма, особенно в промышленности и сельском хозяйстве». В обществе «развиваются социалистические отношения». Встретившись во время работы конференции со многими руководителями государства, Гафуров пришел к выводу, что большая их часть поддерживает СССР, а не Запад. Кроме того, он отметил, что на конференции Тито держался намного лучше, чем Неру, Насер и другие. Гафуров резюмировал, что имелись все необходимые условия фундаментального улучшения советско-югославских отношений по государственной и партийной линии⁴⁴.

В Белграде получило распространение мнение, будто Москва свою «позицию» относительно встречи глав государств и правительств неприсоединившихся стран, помимо прочего, выразила и тем, что именно в день начала конференции обнародовала решение о возобновлении ядерных испытаний. По мнению аналитиков, имела место запланированная акция, направленная на то, чтобы спровоцировать ухудшение отношений неприсоединившихся стран и Запада. Что по этому поводу думал Тито, документы умалчивают. В любом случае, обвинения Запада в адрес Тито, якобы пощадившего в своей

речи Кремль, и явное охлаждение по линии Вашингтон-Белград заставили югославского лидера уравновесить собственную политику. С этой целью 16 сентября 1961 г. Хрущеву было отправлено послание, в котором содержался призыв прекратить ядерные испытания и приступить к переговорам об их запрете. Послание прибыло накануне XXII съезда КПСС. Время было выбрано не случайно. Призыв Тито к остальным главам государств и правительств неприсоединившихся стран, чтобы и они надавили на Хрущева, стал первой после Белградской конференции организованной акцией, показывавшей, что на международной арене неприсоединившиеся страны выступают организованно⁴⁵.

В тот же день — 16 сентября 1961 г. — в Москве состоялось подписание «ответа» Хрущева на письмо участников Белградской конференции, которое советскому руководителю вручили Д. Неру и К. Нкрума⁴⁶. В первых строках Хрущев выражал удовлетворение тем, что «представления советского правительства и участников конференции о ситуации в мире во многом совпадают». Председатель совмина СССР был доволен и содержанием Декларации, принятой на конференции. Важно было, что население «нейтральных государств», то есть треть всего человечества «подало голос в защиту мира, решительно осудив политику военных приготовлений». Тем более, что «устранение угрозы войны и укрепление мира» представляло собой, согласно Хрущеву, «основное содержание всей внешнеполитической деятельности социалистических стран, в которых проживала другая треть человечества». Приоритетной задачей «широкого» круга государств, выступавших за мир во всем мире, Хрущев считал борьбу за разоружение. Соглашался он и с формулировками конференции, касавшимися мирового колониализма, который, по его словам, будет вскоре «стерт с лица земли». Осуждение колониализма подразумевало и идеологическое осуждение «старых империалистических порядков». Хрущев, соглашаясь с тезисом о надвигающейся угрозе войны, подчеркивал, что на курс НАТО все большее влияние оказывают те, кто «хотят войны и затягивают в войну», кто стремится помешать неизбежным переменам, происходящим в мире. Что касалось возобновления ядерных испытаний, то оно объяснялось соображениями безопасности, необходимостью защиты интересов СССР и

дела мира. Хрущев информировал глав неприсоединившихся государств, что СССР не встал бы на путь «военного соперничества с западными странами», если бы он не был принужден к этому. В связи с этим советский лидер выражал готовность к переговорам «в любое время, в любом месте и на любом уровне». Главная мысль его послания руководителям неприсоединившихся стран была следующей: «Советское правительство готово принять участие в переговорах, действительно направленных на скорейшее решение неотложных международных проблем. Речь, прежде всего, идет о конференции по вопросу мирного договора с Германией и нормализации ситуации в Западном Берлине». Руководствуясь вышеописанными соображениями, Хрущев призвал неприсоединившиеся страны признать оба германских государства и поспособствовать их принятию в ООН⁴⁷.

Вскоре поступил и хрущевский ответ на письмо, в котором содержалось требование прекратить ядерные испытания. Глава СССР назвал послание Тито разочаровывающим. По его словам, советское правительство после «глубоких и продолжительных раздумий» возобновило ядерные испытания, дабы заставить Запад прекратить военные приготовления и концентрацию войск в Западной Германии. Хрущев предупреждал Тито, что «непростительно легкомысленно» верить, что «скапывание мира к пропасти термоядерной войны» можно предотвратить, «апеллируя к здравому смыслу» западных политиков. Хрущев был убежден, что укрепление обороноспособности СССР и социалистических стран способствует укреплению мира во всем мире. В этой связи ядерные испытания играли роль предостережения, адресованного потенциальному агрессору. Хрущев декларативно выражал готовность приступить к переговорам о полном и всеобщем разоружении. Поведение Запада по отношению к неприсоединившимся странам было названо «политикой грубого шантажа и диктата», для которой характерно употребление средств экономического давления в качестве «своеобразной дубины». Подлинный смысл хрущевского ответа крылся за словами о том, что Белградская конференция «затронула больной нерв империалистов». Адресованное Тито послание гласило, что естественными союзниками в борьбе за мир являются народы неприсоединившихся стран, «составляющие треть населения земного шара», и «вторая

треть человечества, объединенная в социалистическом содружестве»⁴⁸.

Тито письмо Хрущева охарактеризовал как «пропагандистский ответ». «Общие места», его переполняющие, не вызывают возражений, но не являются ответом на его собственное послание. Даже с учетом того, что Советы на прошедшей конференции «объективно получили поддержку», Тито не считал отношения с СССР хорошими. Что касается «поддержки», то она была результатом не советского давления, а того обстоятельства, что «наши позиции по проблемам разоружения, колониализма и берлинской проблеме совпадают»⁴⁹.

Позиции, отстаиваемые Югославией на вышеописанной конференции, напрямую предопределили оживление надолго «замороженных» отношений с Советским союзом. «Качественные изменения» произошли уже в конце 1961 г. Интерес к Югославии заметно вырос, уменьшилось давление на международной арене. Все это служило отражением процесса «десталинизации», протекавшего, по словам югославских дипломатов, в СССР и соответствовавшего интересам югославского государственного и партийного руководства. В то же время в советской политике и далее присутствовала антиюгославская направленность — последствие прежних кампаний «партийного просвещения». Устойчивыми оказались и многочисленные стереотипы о югославской политической системе, разрушительном воздействии югославского ревизионизма, югославской внешней политике. Впрочем, вопреки инерции прошлого Москва больше не отрицала «социалистический характер Югославии»⁵⁰, что было немаловажно.

Ежеквартальное дипломатическое донесение из Москвы, датированное апрелем 1962 г., отмечало «прогресс» в дипломатических отношениях, результатом которого стала договоренность об обмене визитами министров иностранных дел и партийных делегаций. Позитивной была реакция на предложения расширения экономического и культурного сотрудничества. Улучшение отношений сказалось на процессе взаимного информирования. Однако, все вышеперечисленное не означало, что отношения двух государств были идиллическими.

Белграду мешала политика «двойной колеи», в которой его обвиняли советские функционеры. Антиюгославский настрой по-прежнему присутствовал в советской публицистике и тео-

ретической мысли⁵¹. Неприкрытым и акцентированным было игнорирование югославской внешней политики и внутреннего развития. Бросалось в глаза стремление СССР во взаимоотношениях с Югославией выступать с позиции «великой державы». В советской теории и практике и дальше доминировал постулат о существовании единственно возможного пути построения социализма⁵². На этом фоне состоялись два визита советских руководителей в Белград: Громыко в апреле 1962 г. и Брежнев в сентябре-октябре 1962 г.

По информации, которой располагал югославский посол в Москве Лазар Мойсов, на весну 1962 г. пришелся очередной пересмотр советской политики в отношении Югославии. Принимая во внимание внутренние проблемы, с которыми Югославия сталкивалась в тот момент⁵³, советская сторона пыталась определить, «до каких пределов Белград готов идти в процессе сотрудничества с СССР». Причиной удручающего положения, в котором находилась страна, в Москве считали саму югославскую политическую систему (самоуправление). «Кризис» воспринимался как существенный фактор колебаний отношения югославских правящих кругов к Советскому союзу. Немалое значение имел и конфликт СССР с Китаем и Албанией, побуждавший больше внимания уделять Югославии. Кроме того, потенциальное сотрудничество предоставляло возможность еще раз испытать «способность» коммунистического движения к решению проблем и удостовериться в обоюдной заинтересованности в построении социализма.

Визит Громыко и переговоры с Тито и Э. Карделем самым непосредственным образом повлияли на долгосрочное формулирование, «кристаллизацию» югославской политики в отношении СССР. Белград не был готов менять общие принципы своего внешнеполитического курса. Позицию югославского правительства описывали следующие слова: «Наша позиция известна, и нет причин ее менять». Применительно к внешней политике это означало, что имеет место совпадение подходов с СССР по вопросам разоружения, моратория на ядерные испытания, статуса Берлина и Германии в целом, осуждения колониализма. Некогда неоднозначно воспринимаемая политика неприсоединения, проявлением которой стала Белградская конференция, вписывалась в разделяемую странами «соцлагеря» концепцию расширения мировой социалистической

системы. Противостояние с Западом опосредованно сказалось на отказе от догматического тезиса об отсутствии социализма вне социалистического лагеря.

На внутривнутриполитической арене югославская партийная верхушка не была готова отказаться от собственного пути построения социализма. В области идеологии вопреки мнению Громыко, считавшего, что следует устранить разногласия и руководствоваться в сотрудничестве принципами марксизма-ленинизма, Тито и Кардель придерживались точки зрения, что различия естественны и существуют объективно. Подчеркивая, что не сомневаются в марксистско-ленинском характере советской политики, югославские руководители требовали признать, что и их политика основывается на тех же принципах. При этом подчеркивалось, что нельзя допустить, чтобы «определенные идеологические различия помешали нормальному сотрудничеству в тех областях, где имеется очевидная общность интересов». Таким образом, в апреле 1962 г. югославские правящие круги полагали, что Советам следует «давать отпор» там, где речь идет о «сути нашей политики», то есть там, где попустительством каким-либо запросам Кремля означало ущерб собственным интересам, особенно в странах третьего мира. Тактический подход к воплощению вышеописанной позиции состоял в том, чтобы любую проблему решать в зависимости от «собственной конкретной ее оценки»⁵⁴.

Встреча Й. Броз-Тито и Л.И. Брежнева (24.9—4.10.1962 г.) знаменовала новый этап отношений Югославии и Советского Союза. Переговоры, временами грозившие перерасти в скандал, носили открытый, искренний характер. Слова, произнесенные Брежневым, служат иллюстрацией отношений двух государственных деятелей: «Если не скажем друг другу, что мы думаем, ничего не сможем достичь». Результатом переговоров стало обоюдное представление, что отношения следует углублять на реальной основе, постепенно и без иллюзий. В разговоре с Брежневым Тито особо подчеркнул, что неприсоединившиеся страны «играют важную роль. И это не во вред, а на пользу Советскому Союзу». Тито укорял Брежнева, что в Москве, безотносительно того, что Югославия не состоит ни в одном блоке, должны бы знать, «на чьей стороне наши симпатии». Подчеркивая, что за прошедшие годы Югославия приобрела «авторитет и позиции, которых у других нет», Тито

открыто намекал, что Москва может извлечь из этого пользу. Югославский лидер указывал, что политику неприсоединения надо воспринимать как политику «в интересах общей цели» — социализма и мира во всем мире. Югославия, «так, как она есть, более полезна, чем если бы мы были с вами», ибо в таком случае «все бы остались в проигрыше». Смысл вышеприведенных слов был очевиден: «Вы должны с нами считаться и видеть в нас своих друзей»⁵⁵.

Приезд Брежнева в Югославию стал предвестником скорого визита Тито в Москву и новой встречи с Н.С. Хрущевым.

Перевод с сербского АА. Силкина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Еще были свежи воспоминания о конфликте Югославии со странами Информбюро (1948—1955). Процесс примирения протекал медленно и был отягощен взаимным недоверием. Венгерский кризис 1956 г. и сопутствовавшие события углубили существовавшие и породили новые противоречия.

² Архив Југославије (далее — АЈ). Ф. ЦК СКЈ, 507/IX. 119/1—146. Общий обзор двусторонних отношений СКЮ и КПСС; *Мићуновић В.* Московске године. 1956—1958. Београд, 1984. С. 365—377; *Богетић Д.* Други југословенско-совјетски сукоб 1958 и концепт активне мирољубиве коезистенције. // *Историја 20. Века.* № 2. 2004. С. 123—124.

³ АЈ. Ф. ЦК СКЈ, 507/IX. 119/1—146. Общий обзор двусторонних отношений СКЮ и КПСС; *Богетић Д.* Указ. соч. С. 124—126; *Вестад А.* Глобални хладни рат. Београд, 2008; *Мићуновић В.* Указ.соч. С. 378- 420.

⁴ Некоторая «пауза» в противостоянии с Югославией (ноябрь 1957 г. — апрель 1958 г.) была вызвана внутривосточными причинами — укреплением власти Н.С. Хрущева, концентрацией в его руках государственных и партийных полномочий (в результате победы над группой «Молотов-Маленков-Каганович» из политической жизни устранено большинство влиятельных фигур послесталинского времени. В октябре 1957 г. смещен маршал Жуков, с поста председателя совмина снят Булганин. В марте 1958 г. главой правительства стал Хрущев)

⁵ Дипломатски архив Министарства иностраних послова Републике Србије (ДА МСП РС). 1958. Стр. пов. ф—2, 130. Депеша министра иностранных дел Кочи Поповича всем послам и посланникам. 18.4.1958; АЈ. Ф. ЦК СКЈ, 507/IX. 119/1—146. Общий обзор двусторонних отношений СКЮ и КПСС; АЈ. Ф. ЦК СКЈ, 507/IX, 119/1—118. Письмо Генерального секретаря ЦК СКЮ Йосипа Броза Тито пер-

вому секретарю ЦК КПСС Никите Сергеевичу Хрущеву от 12.4.1958; *Mићуновић В.* Указ. соч. С. 430—431; АЈ. Ф. ЦК СКЈ, 507/IX, 119/1—121. Статъя Федосеева, Помелова и Чеперкова «О проекте программы СКЮ»; *Тито Ј.Б.* Сабрана дела. Т. XIII. Београд, 1980. С. 149—176; *Mићуновић В.* Указ. соч. С. 425—433; *Богетић Д.* Указ. соч. С. 128—132.

⁶ *Тито Ј.Б.* Сабрана дела. Т. XIII. Београд, 1980. С. 149—176; *Богетић Д.* Указ. соч. С. 123—154.

⁷ Доклад Александра Ранковича на 7-м конгрессе СКЮ // „Борба“. 24.4.1958; *Богетић Д.* Указ. соч. С. 128—132.

⁸ ДА МСП РС. Политичка архива (ПА). Ф. 118. 411129, 410979, 410936; АЈ. Ф. ЦК СКЈ, 507/IX, 119/1—122, Письмо Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева Генеральному секретарю ЦК СКЮ Й.Б. Тито от 9.5.1958; АЈ. Ф. ЦК СКЈ, 507/IX, 119/1—128, Письмо Генерального секретаря ЦК СКЮ Йосипа Броза Тито первому секретарю ЦК КПСС Никите Сергеевичу Хрущеву от 14.6.1958; *Mићуновић В.* Указ. соч. С. 435—448.

⁹ ДА МСП РС. Стр. Пов. Ф—3, 239. Некоторые характерные черты антиюгославской кампании в странах соцлагеря; ДА МСП РС, ПА, 1960, ф—56, 435330, Международные проблемы, соцлагерь; АЈ. Ф. ЦК СКЈ, 507/IX, 119/1—127, Говор Н.С. Хрущова на Конгрессу БКП, 3.6.1958; *Тито Ј.Б.* Сабрана дела. Т. XIII, Београд, 1980. С. 253—261.; ДА МСП РС, 1958, Стр. пов, ф—3, 292, Характерные черты последней фазы антиюгославской кампании в странах соцлагеря; АЈ. Ф. ЦК СКЈ, 507/IX, 75/1—65, Записка о положении в МСРП и кампания против СКЮ после смерти И. Надя; ДА МСП РС, 1959, Стр. пов, ф—2, 1, Ноты ДСИП в связи с возобновлением дела И. Надя, отправленные правительствами ФНРЮ и Венгрии; *Mићуновић В.* Указ. соч. С. 449—476; *Богетић Д.* Указ. соч. С. 135—141.

¹⁰ См. подробнее: *Mићуновић В.* Указ. соч. С. 424—425; *Лаковић И.* Војни односи Југославије и САД 1948—1961 г.(рукопись докторской диссертации); *Богетић Д.* Други југословенско-советски сукоб 1958. // Историја 20. Века. № 2. 2004. С. 123—154; *Димић Љ.* Југославија и Алжир 1961—1965 (рукопись работы).

¹¹ АЈ. Ф. ЦК СКЈ, 507/ IX 119/4- 113, Доклад государственного секретаря иностранных дел ФНРЮ: Отношения ФНРЮ — Восточноевропейские страны.

¹² АЈ. Ф. ЦК СКЈ, 119/ IX 119/4- 113, Доклад государственного секретаря иностранных дел ФНРЮ: Отношения ФНРЮ — Восточноевропейские страны; ДА МСП РС, 1958, Стр. пов, ф—2, 204, Телеграмма-циркуляр Кочи Поповича всем югославским дипломатическим представительствам; *Mићуновић В.* Указ. соч. С. 477—488; *Тито Ј.Б.* Сабрана дела. Т. XIII, Београд, 1980. С. 357—365, 408—416; *Богетић Д.* Указ. соч. С. 146—152.

¹³ ДА МСП РС, 1959, Стр. пов, ф—2, 114, XXI конгрес КПСС; ДА МИП РС, ПА, 1959, СССР, ф—120, 433744; ДА МСП РС, 1959, СССР, ф—118, 32408, 442709, 429355; ДА МИП РС, ПА, 1961, СССР, Ф—118, дос., бр.40419,

¹⁴ ДА МСП РС; ПА/СССР, 1961, Ф-, дос., бр.40419, Обзор состояния и перспективы развития двусторонних отношений Югославии и СССР.

¹⁵ Кадры в СССР и странах соцлагеря регулярно информировались о ревизионистских взглядах югославского руководства и ревизионизме, охватившем все области общественной жизни страны. Об этом писала печать, учебники и научные работы, авторами которых были ученые, философы, пропагандисты, экономисты, юристы, журналисты.

¹⁶ Неосведомленность советской общественности о внутренней и внешней политике Югославии была «тотальной». О Югославии не говорится и не пишется ничего, за исключением ситуаций, когда этого нельзя избежать, или когда это соответствует сиюминутным интересам СССР.

¹⁷ Доклад товарища Мойсова от февраля 1961 г.

¹⁸ ДА МСП РС, ПА/СССР, ф—131, дос. 2, бр. 47176

¹⁹ ДА МСП РС, ПА/СССР, ф—131, дос. 2, бр. 47176

²⁰ ДА МСП РС, ПО/СССР, 1961, ф—132, дос. 2, бр. 42055. (Доклад посольства за 1960 г., датированный 19.1.1961 г.)

²¹ Впервые идея организации конференции неприсоединившихся стран была озвучена во время переговоров Тито с А. Сукарно и дипломатическими представителями Индонезии в 1958 г.

См. подробнее: АЖ. КПР (837), I—3-а/39—8 (Записка о переговорах Й.Б. Тито и А. Сукарно, 17. 1. 1958); АЖ. КПР (837) I—3-а/39—9, (Записка о переговорах Й.Б. Тито и индонезийского посла Сударсона, состоявшихся 22. 7. 1958); АЖ. КПР (837), I—2/11—2 (Записка переговорах, состоявшихся во время визита Тито в Индонезию, 23. 12. 1958—1. 1. 1959); АЖ. КПР (837), I—3-а/39—15, (Часть стенограммы переговоров Тито и Сукарно, состоявшихся 14. 4. 1960); *Masalušić B.* Рукопись магистерской диссертации; АЖ. КПР (837), I—3-а/39—15, (Записка о фрагменте переговоров Тито и Сукарно, состоявшихся 14. 6. 1960).

²² *Čavoški J.* Jugoslavija i kinesko-indijski konflikt 1959—1961 г. Beograd, 2009. S. 115—155.

²³ АЖ. КПР (837), I—2/12. (Записки о переговорах Й.Б. Тито с Хрущевым, состоявшихся 28 сентября 1960 г. во время XV заседания Генеральной ассамблеи ООН).

²⁴ АЖ. КПР (837), I—2/12. (Записка о переговорах Тито с Эйзенхауэром, Насером, Неру, Хрущевым, Сиануком, состоявшихся в сентябре 1960 г. во время XV заседания Генеральной ассамблеи ООН); АЖ. КПР

(837), I—4-а/к—202, (Речь Тито на митинге в Белграде после возвращения с заседания Генеральной ассамблеи ООН, 12. 10. 1960).

²⁵ АЈ. КПР (837), I—4-а, ф—202, (Речь Тито на XV заседании Генеральной ассамблеи ООН, 22. сентября 1961); Из говора друга Председника на митингу у Београду по повратку са Генералне скупштине Уједињених нација у Њујорку, 12. октобра 1960; Из експозеа друга Председника одржаног у Савезној народној скупштини 26. 12. 1960; *Богетић Д., Димић Љ.* Белградска конференција несврстаних земаља. 1—6. септембар 1961 г. Прилог историји Трећег света. Београд, 2013. С. 235—242.

²⁶ *Матес Ј.* Несврстаност. Теорија и савремена пракс. Београд, 1970. С. 391—393

²⁷ ДА, МСП РС (Кабинет Коче Поповића, строго поверљиво К—41, Записка од 25. 2. 1961 г.)

²⁸ *Богетић Д., Димић Љ.* Указ. соч. С. 294- 310.

²⁹ Там же. С. 315.

³⁰ АЈ. КПР (837), I—4-а (Обзор мировой печати... Бюллетень... №.1, 30. 6. 1961 г.)

³¹ ДА МСП РС, ПА/СССР, 1961, Ф—132, дос. 17, 47157, 47340, 48258; ДА МСП РС, ПА/СССР, 1961, Ф—132, дос. 18, 410327, 414104, 415178;; ДА МСП РС, ПА/СССР, 1961, Ф—132, дос. 19, 417037, 417537, 418368, 418620; ДА МСП РС, ПА/СССР, 1961, Ф—132, дос. 20, 419334, 423431; ДА МСП РС, ПА/СССР, 1961, Ф—132, дос. 23, 39292 ; ДА МСП РС, ПА/СССР, 1961, Ф—132, дос. 13, 419556, 419776.

³² АЈ. КПР (837), I—4-а, Билтен..., бр.5, август 1961, (Некоторые значимые политические элементы подготовки конференции неприсоединившихся стран); АЈ. КПР (837), I—4-а, Билтен..., бр.6, 22. август 1961, (Политические аспекты подготовки конференции).

³³ Венский вальс Холодной войны (вокруг встречи Н.С. Хрущева и Дж.Ф. Кеннеди в 1961 году в Вене). М., 2011. С. 356—364.

³⁴ АЈ. КПР (837), I—5-б/СССР (Записка о переговорах помощника государственного секретаря иностранных дел Иво Вейводы с послом СССР Епишевым, 11. августа 1961 г.)

³⁵ АЈ. КПР (837), I—5-б/СССР, (Записка о переговорах государственного секретаря иностранных дел Кочи Поповича с послом СССР Епишевым, 16 августа 1961 г.)

³⁶ ДА, МСП РС, ПА, 1961, ф—118, дос. 1, бр. 426 269, (Телеграмма И. Вейводы всем представительств на Востоке и странам А.А. от 28. 8. 1961 г.)

³⁷ Венский вальс... С. 509—521.

³⁸ АЈ. КПР (837), I—3-а/СССР (Записка о переговорах Председателя с советским послом Епишевым на аэродроме в Батайнице 30 ав-

густа 1961); *Bogetuh D.* Југословенско-амерички односи 1961—1967. Београд, 2012. С. 29—30

³⁹ АЈ. КПР (837), I—3-а/СССР (Записка о переговорах Председателя с советским послом Епишевым. Присутствуют товарищи Коча Попович и Боган Црнобрња. В здании Союзного народного вече, 30 августа 1961 г.)

⁴⁰ АЈ. КПР (837), I—4-а/к—202 (Речь товарища Председателя Тито на генеральном обсуждении, 3. 9. 1961, Белградская конференция).

⁴¹ АЈ. КПР (837), I—4-а/ (Белградская конференция, Заявление об угрозе войны и призыв к миру).

⁴² АЈ. КПР (837), I—4-а/ (Белградская конференция, Письма Хрущеву и Кеннеди).

⁴³ ДА, МСП РС, ПА, 1961, ф—118, дос. 9, бр. 427 862, (Телеграмма Тabora из Москвы от 16сентября 1961 г.; *Bogetuh D.* Југословенско-амерички односи... С. 34- 41

⁴⁴ *Čavoški J.* Between Third World Neutrals and Great Powers: Yugoslavia and the Belgrade Conference of the Nonaligned Movement 1961 (рукопись) (письмо члена ЦК КПСС Гафурова Хрущеву находится: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 370. Л. 71—72)

⁴⁵ АЈ. КПР (837), I—1/991, (Послание Тито Хрущеву в связи с публикацией решения советского правительства о возобновлении ядерных испытаний, 16. 9. 1961 г.); АЈ. КПР (837), I—1/1294, (Письмо Тито участникам Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, 18. 9. 1961 г.)

⁴⁶ Послание Хрущева Тито вручил советский посол в Югославии Епишев 20. 9. 1961 г.

⁴⁷ АЈ. КПР (837), I—1/999, (Послание Хрущева Тито, 16. 9. 1961 г. Обобщая впечатления о том, как Хрущев реагировал на письмо, которое ему направили участники Белградской конференции, Неру особенно отмечал „упертость“ советского лидера. Неру был уверен, что СССР „хочет мира“ и не желает подрывать интересы Запада в Западном Берлине. Однако Кремль беспокоила новая милитаризация этой части Германии, а также „рост влияния нацистов в ней“.)

ДА, МСП РС, ПА, 1961, Ф—118, дос. 10, бр. 428 157, Телеграмма Андрияшевича из Дели от 18. 9. 1961 г.

⁴⁸ АЈ. КПР (837), I—1/991, (Ответ Хрущева на письмо Тито, 27. 9. 1961 г.)

⁴⁹ АЈ. Ф. ЦК СКЈ, III/86, (Стенограмма заседания Исполкома ЦК СКЮ, 13. 10. 1961 г.)

⁵⁰ ДА МСП РС, ПА/СССР, 1961, ф—131, дос. 3, бр. 437837; ДА МСП РС, ПА/СССР, 1961, ф—131, дос. 8, бр. 42053; ДА МСП РС, ПА/СССР, 1961, ф—131, дос. 11, бр. 431126. (Белград особенно интересовался тем, каковы конкретные проявления процесса десталинизации, насколько

ко глубоко она охватила отдельные стороны жизни общества, кто ее инициаторы, кто ее противники, и какими силами они располагают).

⁵¹ По информации дипломатов, в 1961 г. и до апреля 1962 г. было опубликовано более 100 книг и брошюр антиюгославского содержания.

⁵² По этому вопросу дипломаты особенно обращали внимание на доклад Суслова на XXII съезде КПСС.

⁵³ Свидетельством глубины внутреннего кризиса является вопрос, заданный Тито на партийном пленуме в апреле 1962 г.: «Способна ли Югославия выжить и не распасться?». Внутренний кризис был одновременно и государственный, и партийный, и идейный, и организационный, и политический, и экономический, и общественный, и моральный. По словам самого Тито, он продолжался больше десяти лет. Кризис потряс основы партии, охватил государство, разрушал общественные институты и само общество. Проблемы, которые требовалось решить, были многочисленными и противоречивыми. Кризис усугублялся развитием институтов самоуправления, процессом оформления республик как самостоятельных общественных, политических и экономических сообществ, экономическими затруднениями. Сам СКЮ, отождествляемый с государством и властью, не располагал способностью инициировать демократические перемены в обществе, а также развивать политическую систему (самоуправление) и экономику.

Димитр Љ. Историја српске државности. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001. С. 367—370.

⁵⁴ АЈ. КПР, 1—3-а/101—33 (Записка о переговорах Тито с министром иностранных дел СССР А. Громыко, состоявшихся 17 апреля 1962 г.); АЈ. КПР, 1—3-а/ 101—33, (Записка о переговорах зампреда СИБ Э. Карделя с министром иностранных дел СССР А. Громыко, состоявшихся 19 апреля 1962 г).

⁵⁵ О встрече см. подробнее: АЈ. КПР, 1—3-а/101—40 (Записки о переговорах югославской и советской делегаций, 24.9 — 4.10. 1962 г.)

Е.Ю. ГУСЬКОВА

Переговорный процесс в Косове и Метохии 2006—2007 гг. и Россия

Конфликт между Белградом и Приштиной, стремившейся к независимости, вызвались урегулировать международные организации. Новый этап в развитии кризиса был связан с переговорным процессом под руководством международного посредника Марти Ахтисаари. Попытка урегулировать албанско-сербские отношения отодвинули на несколько лет провозглашение независимости края.

Всесторонне рассмотреть вопрос позволяют имеющиеся документы: доклады Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о Миссии ООН по делам временной администрации в Косове, ежемесячные доклады Генерального секретаря Организации североатлантического договора об операциях Сил для Косова, обращения Генерального секретаря ООН на имя Председателя Совета Безопасности, отчеты о заседаниях Совета Безопасности ООН, платформа государственной переговорной группы по будущему статусу Косова и Метохии, доклады Международной Кризисной группы по выработке окончательного статуса Косова и Метохии, документы по переговорному процессу между албанской и сербской делегациями, выступления руководителей Республики Сербии и Косова в Совете Безопасности ООН, в Народной скупщине, на переговорах о статусе Косова, документы Ассамблеи Косова.

Значительное количество документов показывают активную позицию России по вопросу косовского урегулирования — выступления министра иностранных дел России С.В. Лаврова, специального представителя Министра иностранных дел России по Балканам А.А. Боцан-Харченко, заявле-

ния МИД России по косовскому урегулированию, выступления постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И. Чуркина на заседаниях Совета Безопасности ООН.

Отдельный блок документов связан с провозглашением независимости Косова в феврале 2008 г. — Декларация независимости Косова, выступление президента Косова Фатмира Сейдиу в Ассамблее Косова в день принятия Декларации независимости, резолюция Народной скупщины Республики Сербии о подтверждении постановления правительства Республики Сербии об аннулировании противоправных актов временных органов самоуправления в Косове и Метохии, провозгласивших в одностороннем порядке независимость, Конституция Косова, документы МИД РФ по вопросу одностороннего провозглашения независимости Косова.

В 2005 г. Генеральный секретарь ООН принял решение оценить положение в Косове и начать вопрос обсуждения статуса этой территории. Он назначил Кая Эйде (Норвегия) специальным посланником по проведению всеобъемлющего обзора положения в Косове. Перед посланником была поставлена задача проанализировать ситуацию в Косове и Метохии, чтобы выяснить, имеются ли там условия для перехода к политическому процессу, призванному определить его будущий статус в соответствии с резолюцией 1244 (1999) Совета Безопасности. Результатом деятельности посланника стал специально подготовленный доклад, который был представлен СБ в июне 2005 г.¹.

В сопроводительном письме Генерального секретаря на имя Председателя Совета Безопасности от 7 октября 2005 г. Кофи А. Аннан писал: «Как указывается в докладе, г-н Эйде пришел к выводу, что ... пришло время переходить к следующему этапу политического процесса. С учетом оценки, представленной в докладе, и проведенных мною дальнейших консультаций, в частности с моим Специальным представителем г-ном Сёренем Ессен-Петерсенем, я согласился с выводом, который сделал г-н Эйде. В связи с этим я намерен начать подготовку к возможному назначению, с учетом результатов предстоящих обсуждений в Совете, специального посланника для руководства процессом определения будущего статуса Косова. При выполнении этих деликатных функций специальный посланник будет учитывать интересы и опасения данного субрегиона.

Я хотел бы подчеркнуть, что осуществление стандартов должно продолжаться, но с большей приверженностью этому делу и с большей результативностью. Прогресс в этой области является непрелюдным условием успеха и устойчивости любого процесса, связанного с определением будущего статуса»².

Эти события положили начало процессу, в рамках которого нужно было бы определить будущий статус Косова и Метохии. Когда Контактная группа (в которую входят представители России, США, Великобритании, Франции, Германии и Италии) озвучила основные принципы для переговоров между Белградом и Приштиной, а Генеральный секретарь ООН высказал свои рекомендации по ведению переговоров, встал вопрос о руководителе переговорного процесса. 31 октября Генеральный секретарь Кофи А. Аннан доложил Совету Безопасности что намерен назначить бывшего президента Финляндии Марти Ахтисаари своим специальным посланником, который будет руководить процессом определения будущего статуса Косова³.

Стороны стали готовиться к переговорам. Народная скупщина Сербии приняла резолюцию о мандате политических переговоров, после чего была сформирована специальная переговорная группа. На основании резолюции скупщины переговорная группа приняла общую платформу и сформировала делегацию для первого этапа переговоров, которые были посвящены децентрализации. Переговоры о статусе со стороны Приштины проводились так называемой «Группой единства», которую возглавлял президент Сейдиу.

Переговоры начались в Вене 20 и 21 февраля и продолжались в марте. Сербия в письмах М. Ахтисаари изложила свое видение переговорного процесса и представила конкретные предложения. Белград верил в целесообразность переговоров и в то, что они будут серьезными, открытыми, хорошо подготовленными и беспристрастными, приведут к всеобъемлющему и долгосрочному решению этого трудного вопроса.

Марти Ахтисаари видел своей задачей договориться об окончательном статусе Косова, у которого были бы наибольшие шансы на долгосрочную стабильность и развитие, подготовить и, по возможности, навязать сторонам пакет соглашений о независимости Косова.

Сёрен Эссен-Петерсен, специальный представитель Генерального секретаря и главы Миссии Организации Объединенных

Наций по делам временной администрации в Косове, отмечал, выступая на заседании Совета Безопасности, что статус-кво в Косово не является устойчивым. Из этого следует, что процесс определения статуса не должен стать продолжением статус-кво⁴.

При этом тогда, в 2006 г. перед началом переговоров, все были уверены, что определение статуса будет во многом зависеть от достижения демократических стандартов, которые были ранее предложены руководству албанцев в крае. В Белграде полагали, что если стандарты не будут осуществлены, то гарантии индивидуальных прав и свобод, экономическое восстановление и европейская перспектива для населения Косова и Метохии будут невозможны. Однако опубликованный доклад Генерального секретаря в январе того года давал ясно понять, что произошло заметное замедление темпов осуществления стандартов для Косова. А если быть объективными, то процесс предоставления прав сербам и другим неалбанцам вообще и не начинался. Поэтому постепенно международные организации переходили от политики «стандарты до статуса» к политике «стандарты и статус», а затем к политике «статус без выполнения и минимальных стандартов». Вероятно, М. Ахтисаари понимал, что албанское сообщество не в состоянии улучшить стандарты проживания неалбанского населения в Косове и Метохии, но стремление края к независимости поддержать надо.

Европейский союз поддержал усилия ООН, предлагая сторонам европейскую перспективу без границ. Европейская комиссия 27 января приняла коммюнике «Западные Балканы на пути в ЕС: закрепление стабильности и рост процветания». Совет министров ЕС посчитал это коммюнике хорошей основой для встречи министров иностранных дел ЕС и западнобалканских стран, которая должна была состояться в марте 2006 г. в Зальцбурге. Европейский союз видел в этом помощь западнобалканским странам практическими мерами, направленными на то, чтобы сделать их планы европейской интеграции более реальными.

20 и 21 февраля, 17 марта, 3 апреля, 4 и 5 мая в Вене состоялись четыре раунда прямых переговоров между Белградом и Приштиной, посвященных децентрализации функций управления в Косове. 23 мая между сторонами состоялись переговоры по вопросу культурного наследия и культовых объектов, а 31 мая — встреча по экономическим вопросам. Дальней-

шие раунды прямых переговоров между представителями Белграда и Приштины о децентрализации, культурном и религиозном наследии, правах общин под руководством Марти Ахтисаари прошли 7 и 8 сентября.

Сербия разработала платформу переговорного процесса и предложения албанской стороне. В частности, Сербия предлагала рассмотреть вопрос предоставления Косову и Метохии существенной автономии, которая бы гарантировалась Общим договором и Конституцией Сербии. Край самостоятельно выполнял бы действия и задачи, необходимые для его внутреннего экономического, социального и культурного развития таким образом, чтобы Косово смогло взять на себя большую часть ответственности за свое экономическое развитие и благосостояние граждан. В рамках самостоятельных прав край располагал бы финансовой автономией, что подразумевает налоговую политику, политику общественных доходов, расходов и вложений. Сербии, в соответствии с этой концепцией разделения полномочий, будут принадлежать функции внешней политики и контроля границ. Сербия сохранила бы определенный набор защитных функций: в области основных прав, защиты своего религиозного и культурного наследия в крае, а также в области отдельных таможенно-инспекционных функций⁵.

Рабочие группы, созданные для ведения между Приштиной и Белградом прямого диалога по техническим вопросам, не смогли достичь существенного прогресса. Правительство Республики Сербии в конце 2006 г. выступило с инициативой о продолжении переговоров по вопросу степени и формы будущей автономии для Косова и Метохии в составе Республики Сербии.

Международные организации были обеспокоены «малой вероятностью достижения согласованного решения по вопросу о статусе ввиду позиций обеих договаривающихся сторон: нет никаких признаков того, что, с одной стороны, Сербия готова отказаться от требования сохранения Косова в составе Сербии на условиях автономии, а с другой, — что косовские албанцы готовы уступить, сняв требование о предоставлении Косово полной независимости»⁶.

Ноябрьский доклад 2006 г. Генерального секретаря внешне выглядел очень оптимистично, хотя переговоры не привели к каким-либо результатам. Поэтому, чтобы хоть

как-то продвинуть вопрос о достижении демократических стандартов, пришлось разработать «Тринадцать приоритетных задач по осуществлению стандартов». Именно они убедительно показывали, что от выполнения стандартов албанцы совсем отказались⁷.

За неудачей переговорного процесса последовало предложение европейских посредников в этом помочь, т. е. предложить Марти Ахтисаари разработать так называемый европейский план по Косову. Марти Ахтисаари считал, что «неопределенность в отношении будущего статуса Косова превратилась в одно из серьезных препятствий, мешающих обеспечению демократического развития Косова, подотчетности, восстановления экономики и межэтнического примирения»⁸. Поэтому, по его мнению, единственным жизнеспособным вариантом для Косова является независимость под надзором международного сообщества.

В конце января 2007 г. в Париже специальный представитель ООН Марти Ахтисаари представил свой план о будущем статусе края Косова генсеку ООН Пан Ги Муну, а затем в Вене — членам Контактной группы. Представляя план, М. Ахтисаари подчеркивал: «Назначение Всеобъемлющего предложения об урегулировании статуса Косова состоит в определении положений, необходимых для обеспечения жизнеспособного, устойчивого и стабильного будущего Косова. Оно включает подробное описание мер по обеспечению поощрения и защиты прав общин и их членов, эффективной децентрализации управления и сохранения и защиты культурного и религиозного наследия в Косове. Кроме того, настоящий план урегулирования предусматривает меры в конституционной и экономической областях и в сфере безопасности, которые в совокупности нацелены на содействие развитию многоэтнического, демократического и процветающего Косова. Одним из важных элементов плана урегулирования является мандат, обеспечивающий будущее международное гражданское и военное присутствие в Косове для надзора за осуществлением плана урегулирования и оказания компетентным властям Косово содействия в обеспечении мира и стабильности на всей территории Косово. Положения плана урегулирования будут иметь в Косово преимущественную силу перед всеми другими правовыми нормами»⁹.

В документе не упоминается слово «независимость», однако фактический смысл предложений заключался именно в этом. Так, Приштине разрешили иметь флаг, гимн и вступать в международные организации, даже в ООН; предусматривались собственные вооруженные силы. Оговаривались и условия для такого статуса края. Специально назначенный «представитель международного сообщества» получит право вмешиваться в случае, если Косово попытается пойти дальше предложенного плана: край не может быть поделен на сербскую и албанскую зоны, не может присоединиться к какому-либо государству (таким образом, исключена возможность создания «Великой Албании»). Особо подчеркивается защита прав косовских сербов, в том числе, православной церкви и сербского языка; сербам также гарантировано представительство в органах власти и силовых структурах.

Многие понимали, что речь идет о предоставлении Косову независимости, хотя и под надзором международных сил. Это понимали и албанцы. Они поспешили поддержать план М. Ахтисаари. Президент Косова Фатмир Сейдиу на заседании международной Контактной группы в Вене 10 марта 2007 г. так отреагировал на предложенный план: «Находящийся на столе документ по Косову полон мучительных компромиссов, на которые мы пошли, сохраняя в неприкосновенности нашу решимость достичь независимости Косова... Мы приветствуем этот план и берем на себя обязательство реализовать его как основополагающий и дополняющий пакет независимого Косовского государства, в котором албанское большинство и меньшинства принимают на себя всю ответственность по управлению страной и преисполнены уважения к существующим нуждам и культурным и этническим чувствам друг друга»¹⁰.

2 февраля 2007 г. Марти Ахтисаари приехал в Белград, чтобы представить свой план сербам. Но те без воодушевления встретили это предложение. Оно обсуждалось в правительстве, парламенте, в политических партиях. Выступая в скупщине, которая должна была принять резолюцию по предложенному плану, премьер-министр В. Коштуница сказал: «...Нам представлен план разделения Сербии. Представлен план изъятия у Сербии 15-ти процентов территории. Вопреки воле Сербии представляется план изменения ее международно признанных границ. Представлен план, которым на примере

Сербии попираются Устав ООН, нормы международного права, пренебрегается воля народа Сербии, высказанная на референдуме, и игнорируется Конституция Сербии»¹¹. Народная Скупщина Сербии проголосовала за резолюцию, отвергающую план Марти Ахтисаари.

В марте 2007 г. Сербия на завершающей сессии венских переговоров отвергла план Ахтисаари как односторонний и неприемлемый. По мнению Белграда, «предложение Марти Ахтисаари открыло двери независимости южному сербскому краю, а сербам из Косова предоставило значительно меньше того, что они имеют сейчас, что недостаточно для защиты их жизненных интересов, их существования и возвращения в собственные дома. Я напомню, что более 200 000 сербов покинуло Косово в 1999 году. По официальным данным УНХЦР на сегодняшний день из них вернулось только 7100»¹².

В конце марта 2007 г. план М. Ахтисаари был внесен на рассмотрение в СБ ООН. Заседание СБ состоялось при закрытых дверях 3 апреля 2007 г. Члены Совета заслушали сообщение г-на Ахтисаари. С заявлением выступил председатель правительства Республики Сербия Воислав Коштуница. А от имени Фатмира Сейдиу говорил специальный представитель Генерального секретаря и глава Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косове г-н Рюккер.

Для американцев независимость Косова казалась делом решенным. По расчетам Вашингтона, это должно было произойти еще в конце 2006 г. «Задержка» случилась по вине России. Неожиданно для многих Москва высказала иную точку зрения, в результате чего стало невозможным одобрить отделение Косова от Сербии при единодушии остальных постоянных членов СБ ООН. В результате занятой Россией позиции в Совете Безопасности появились две резолюции. Одна основывалась на докладе Марти Ахтисаари. В ней предлагалось установить в крае независимость под международным наблюдением, говорилось о прогрессе в осуществлении стандартов, хотя и высказывалась необходимость продолжить усилия в этом направлении. Россия же в другой резолюции настаивала на том, что форсировать события не следует, поскольку стандарты не выполнены, как, впрочем, и ряд положений резолюции 1244, и надо продолжить переговоры, чтобы достичь компромисса и одобрения решений двумя сторонами.

Соратники по Совету Безопасности несколько раз подправляли текст резолюции, однако согласия Москвы на независимость сербского Косова под властью албанцев так и не получили. Первой реакцией Запада было удивление: все привыкли, что Москва давно уже не имела своего мнения по балканским проблемам. Затем все решили, что это — случайная и потому непрочная позиция. К Москве были применены методы убеждения, давления, прессинга. Джордж Буш торопился: в июне 2007 г. албанцы уже хотели отпраздновать независимость. Кроме того, в крае началась деятельность организаций, которые давно готовили независимость: группы по подготовке к созданию международного гражданского присутствия, группы ЕС по планированию для Косова и др.

В итоге упорной позиции Москвы Совет Безопасности не поддержал план Марти Ахтисаари.

По мнению министра иностранных дел России С.В. Лаврова, если будут продолжаться попытки одностороннего провозглашения независимости края, то ситуация на Балканах и в Сербии пойдет по пути дестабилизации. Выступая в Совете Безопасности против плана Ахтисаари, Россия выступила с инициативой направления миссии Совета Безопасности в Белград и Косово, чтобы члены Совета воочию убедились, как обстоят дела в этом сербском крае. Кроме того, Россия предложила провести всеобъемлющий обзор выполнения резолюции 1244 в СБ ООН. «Это вполне логичная последовательность действий: сначала — миссия, которая убедится, как обстоят дела в Косове, потом обсуждение в СБ ООН в каких аспектах резолюция 1244 выполнена, а в каких — нет»¹³. Министр обещал, что Россия будет «твердо добиваться того, чтобы эта миссия увидела не «потемкинскую деревню» в виде очередных брифингов в закрытых помещениях, а реальную картину, как живут меньшинства в сербском крае Косово»¹⁴.

Члены Совета Безопасности приняли предложение России направить миссию по косовскому вопросу, которая будет работать в период с 24 по 29 апреля 2007 г. Миссию возглавил постоянный представитель Бельгии Йохан Вербеке. Перед миссией ставились следующие задачи: а) получить из первых рук информацию о прогрессе, достигнутом в Косове с момента принятия резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности, включая информацию об осуществлении согласованных

стандартов; б) получить непосредственно от руководства Сербии и временных институтов самоуправления Косова, и от представителей общин этнических меньшинств Косова информацию о текущей политической, социальной и экономической ситуации в Косове, а также о ситуации в регионе; в) получить непосредственно от представителей международного сообщества, в Брюсселе и на местах, информацию о текущей политической, социальной и экономической ситуации в Косове, а также о ситуации в регионе.

4 мая миссия докладывала Совету Безопасности о своих встречах и наблюдениях. Фактически миссия представила подробный дневник своих разговоров с сербами и албанцами. Однако выводы оказались весьма беззубыми: общая обстановка с точки зрения безопасности в Косове виделась спокойной, но напряженной. Крики сербов о помощи и их рассказы о преступлениях против них члены миссии восприняли лишь как «воспоминания о конфликте 1998—1999 годов и о нападениях в марте 2004 г., которые были направлены против сербов и международного сообщества». Хотя было подмечено, что косовские албанцы с уверенностью смотрят в будущее, а сербы выражают озабоченность по поводу своих будущих перспектив, что общины косовских албанцев и косовских сербов по-прежнему разделены и в основном проживают раздельно, что многое еще предстоит сделать для осуществления стандартов, что количество окончательно вернувшихся весьма невелико, что позиции сторон относительно предложения об урегулировании в Косове по-прежнему значительно расходятся, вывод следовал противоположный: «проявленная политическими лидерами Косово приверженность и готовность создать в Косове условия, пригодные для жизни всех ее общин, внушают надежду». Заключительный вывод звучал расплывчато: «Члены миссии отметили подчеркнутую многими участниками важность содействия европейской перспективе для региона, в том числе для Косова. Эта европейская перспектива может обеспечить направление для будущего политического и экономического развития и способствовать укреплению стабильности в Косове и, тем самым, в регионе в целом»¹⁵.

Белград пытался вносить свои изменения в план Ахтисаари, но они не были даже рассмотрены. Тогда правительство Республики Сербии выдвинуло инициативу о начале нового этапа

переговоров между представителями Республики Сербии и временными институтами самоуправления в Косове и Метохии. По мнению Белграда, основной целью новых переговоров является достижение компромиссного решения о статусе Косова и Метохии между заинтересованными сторонами. Для достижения этой цели необходимо создать хорошую атмосферу на переговорах, предложить соответствующую процедуру и дать на это столько времени, сколько нужно, без искусственно навязанных сроков.

Формат переговорного процесса был изменен. Вместо М. Ахтисаари он проходил под руководством так называемой «тройки», куда входили представитель Европейского союза Вольфганг Ишингер, Соединенных Штатов Френк Визнер и Российской Федерации А.А. Боцан-Харченко. Не очень интенсивные переговоры делегации Приштины и Белграда вели в течение четырех месяцев, начиная с августа 2007 г.

В ноябре 2007 г. специальный представитель министра иностранных дел России по Балканам и один из членов «тройки» А.А. Боцан-Харченко отмечал, что стороны встречались примерно раз в полторы недели. И если первая прямая встреча сербов и албанцев в Нью-Йорке в рамках Генассамблеи была очень короткой, то сейчас переговоры длятся по несколько часов. «Работать в «тройке» очень тяжело, — подчеркивал А.А. Боцан-Харченко, — особенно учитывая, что национальные позиции внутри самого ЕС сильно расходятся. К сожалению, то и дело из различных столиц раздаются высказывания о том, что независимость Косова предрешена. Это, мягко говоря, не стимулирует сербско-албанский диалог. После этого смягчать позиции косоварам нет никаких причин. Приходится признать: переговорному процессу мешают шаги, которые не преследуют цель прийти к компромиссу. В том числе и заявления Приштины, которые идут вразрез с обещаниями, данными самой «тройке»»¹⁶.

Программа переговоров включала в себя организацию 10 сессий, шесть из которых были проведены в режиме прямого диалога, включая заключительную интенсивную трехдневную конференцию в Бадене (Австрия), а также две поездки в регион. В ходе этого процесса Белград представляли президент Борис Тадич, премьер-министр Воислав Коштуница, министр иностранных дел Вук Еремич и министр

по делам Косова Слободан Самарджич. Приштину представляла «команда единства», в которую входили президент Фатмир Сейдиу, премьер-министр Агим Чеку, Председатель Ассамблеи Коли Бериша, Хашим Тачи и Ветон Суррои. Таким образом, обе делегации были представлены на самом высоком уровне. Помимо совместных сессий были организованы отдельные встречи со сторонами для проведения с ними индивидуальных консультаций. Эти сессии были продолжительными и зачастую носили трудный характер, поскольку «тройка» столкнулась с наследием взаимного недоверия и исторической обиды по поводу конфликтов 90-х годов XX века¹⁷.

Переговорный процесс между Белградом и Приштиной в 2007 г. выявил позиции сторон, но опять не закончился принятием конкретного решения. Албанцы были неконструктивны, лишь присутствовали на переговорах, но их единственным предложением было скорейшее предоставление краю независимости. Белград же в отстаивании единства своей территории предлагал разные варианты автономии: проанализировал статус Гонконга, взаимоотношения Аландских островов и Финляндии, полагая, что албанцы должны согласиться на самую широкую автономию, какая только существует в мире. Руководящая «тройка» изначально не хотела предлагать и тем более навязывать сторонам какое-либо решение, но не удержалась, сформулировала план из 14 пунктов, предлагала подумать о нейтральном статусе и нормализации отношений.

Переговоры проводились в рамках резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности и руководящих принципов Контактной группы. В ходе работы стороны обсудили широкий круг вариантов, таких как: полная независимость, независимость под надзором, территориальный раздел, существенная автономия, конфедеративное устройство и даже молчаливое «согласие на несогласие» в отношении статуса. Тем не менее, стороны не смогли достичь соглашения относительно окончательного статуса Косова. Ни одна из сторон не захотела отступить от своей позиции по основополагающему вопросу, касающемуся суверенитета края.

Премьер-министр Сербии В. Коштуница так оценивал переговорный процесс: «Сегодня важно вспомнить пройденный путь и констатировать, что наиважнейшим из всех был вопрос

об осуществлении стандартов в крае. Когда стало ясно, что с осуществлением элементарных стандартов существуют проблемы, была сделана серьезная ошибочная попытка решить этот вопрос так, чтобы он перешел в новую фазу, названную «и стандарты, и статус». Поскольку этот ошибочный подход было нереально развить, вместо исправления исходной ошибки, следуя той же ошибочной логике, была сделана новая ошибка. Последовал переход к решению вопроса статуса, а стандарты были отодвинуты и забыты. И в итоге в ходе переговоров, которыми руководила «Тройка», мы пришли к действительно абсурдной ситуации — к предложению забыть и о статусе, и о стандартах и обратиться к постстатусным вопросам, то есть к добрососедским и партнерским отношениям Сербии и Косова, как будто речь идет о двух государствах»¹⁸.

Москва была обеспокоена тем давлением, которое оказывалось на стороны во время переговоров. В заявлении МИД РФ подчеркивалось, что Приштине постоянно «посылались деструктивные сигналы из некоторых столиц о поддержке идеи косовской независимости. Запущенный процесс, по нашему твердому убеждению, дает шанс выхода в перспективе на развязку. Однако складывается впечатление, что именно поэтому кому-то хотелось бы как можно быстрее развалить диалог, чтобы выполнить свои обещания косовским сепаратистам»¹⁹. МИД беспокоили и планы сил для Косово, предусматривающие репрессивные меры в крае в отношении тех, кто не захочет смириться с косовской независимостью. Вместо сдерживания сепаратистов готовятся усмирять их оппонентов. «Это — прямое нарушение мандата СДК, исключающего действия в пользу одной стороны, путь к прямой конфронтации сил с неалбанским населением края»²⁰. Россия призывала постоянных членов СБ ООН, партнеров по Контактной группе, страны Евросоюза еще раз взвесить все последствия односторонней суверенизации Косова, удержать процесс урегулирования в международно-правовом поле и воздержаться от поспешных решений, чреватых разрушительным прецедентом для всей системы международных отношений.

Позицию России по Косову постоянный представитель Российской Федерации при ООН В.И. Чуркин отстаивал в Совете Безопасности. Он предостерегал от поспешных и неправильных решений, подчеркивал, что «именно поспешные

политические решения, принятые в начале 90-х годов XX в. в некоторых столицах, в значительной степени стимулировали насильственный, а не переговорный распад бывшей Югославии». Понимая, что Косово не подходит для независимости, апологеты односторонних решений успокаивают международное сообщество тем, что она, мол, еще долгое время будет контролируемой. «Так не лучше ли использовать предстоящий период, — спрашивал российский посол, — для нахождения правового решения на основе договоренности сторон, как гарантии благополучия Косова, долгосрочной стабилизации всего балканского региона?»²¹. Россия выступила за продолжение переговорного процесса и предложила рассмотреть «дорожную карту», которая позволила бы учесть обоснованные интересы сторон и приоритеты ведущих международных факторов косовского урегулирования. «Предложения российской стороны с элементами проекта официального заявления председателя СБ в поддержку именно такого правового пути остаются в силе. Распространяем сегодня обновленный вариант этих элементов, отражающий концепцию «дорожной карты». Надеемся поработать совместно с коллегами по Совету над этим документом. Призываем Совет Безопасности придать импульс продолжению активного переговорного процесса между сторонами с целью выхода на взаимоприемлемые развязки. Наша обязанность дать переговорам еще шанс и время для их логического завершения»²².

В докладе Генерального секретаря ООН от 3 января 2008 г. отмечалось, что «неопределенность и утрата поступательной динамики в развитии процесса определения будущего статуса может породить угрозу нестабильности не только в Косове, но и в более широком регионе; а также создать потенциальную угрозу безопасности персонала Организации Объединенных Наций». Поэтому ООН, опираясь на поддержку соответствующих международных организаций, привержена оказанию содействия Косову в продвижении по пути к обеспечению устойчивой стабильности²³.

Российская Федерация поддержала требование Республики Сербии о созыве срочного заседания Совета Безопасности перед лицом получивших широкую огласку планов албанского руководства сербского края Косова и его внешней «группы поддержки» о скором одностороннем провозглашении неза-

висимости этой территории. На заседании СБ было высказано убеждение, что проблема статуса Косова может и должна быть урегулирована надежным и долгосрочным образом путем выработки при ведущей роли Совета Безопасности ООН решения, которое в полной мере соответствовало бы нормам международного права и основывалось на договоренностях между Белградом и Приштиной.

Россия нашла в себе силы понять, что решение косовской проблемы, предложенное международными организациями и НАТО, следует шаблону 1990-х годов, когда выдвигались ультиматумы, отвергалась возможность доработать текст соглашения, имитировалась «отчаянная» нехватка времени, ставились жесткие сроки принятия решений (как при введении санкций, при переговорах в Дейтоне, Рамбуйе). Если уступить в Косове, такая практика вскоре станет нормой повсюду. Поэтому Россия заняла более жесткую позицию, выступила против навязывания решения, за продолжение переговорного процесса.

По мере развития переговорного процесса и нарастания недовольства Западом позицией России план Москвы уточнялся и сводился к следующему:

1. Не ограничивать переговорный процесс каким-либо сроком. Косовскую проблему необходимо продолжать решать путем переговоров.
2. Не применять практику навязывания решения (как в случае с планом М. Ахтисаари).
3. Принятое решение должно удовлетворять и Белград, и Приштину.
4. Соблюдение резолюции СБ ООН 1244.
5. Не применять политику двойных стандартов в отношении переговаривающихся сторон.
6. Принимать решение исключительно на основе международного права.
7. Исключить одностороннее провозглашение и противоправное признание независимости Косова.
8. Случай Косова должен стать не исключением, а прецедентом и универсальным случаем международного права.

Несмотря на отсутствие договоренностей и решений Совета Безопасности, 17 февраля 2008 г. Косово провозгласило свою независимость. В Декларации о независимости Косова отмечается, что она «отражает волю нашего народа и нахо-

дится в полном соответствии с рекомендациями специального посланника ООН Марти Ахтисаари и его всеобъемлющего предложения по решению вопроса статуса Косова»²⁴.

Сербия не признала независимость своего автономного края, правительство приняло постановление об аннулировании противоправных актов временных органов самоуправления в Косове и Метохии о провозглашении односторонней независимости. Провозглашение независимости Косова разделило мировое сообщество на сторонников и противников этой акции. Россия была среди противников, США — среди сторонников. Ситуация осложнялась тем, что Генеральный секретарь ООН занял пассивную позицию.

Позиция России обозначилась четко. Документы 2009 г. показывают, что Министерство иностранных дел РФ и министр С.В. Лавров поддержали Сербию в ее решении бороться против отделения края. По мнению С.В. Лаврова, «одностороннее провозглашение независимости этого сербского края создаст все новые проблемы как в самом Косове, так и вокруг него. Сегодня мы наблюдаем, как искусственно нагнетается отчужденность между косовскими албанцами и сербами, которые категорически не приемлют насильственной интеграции в это квазинезависимое государство. В результате установление доверия между сторонами становится все более и более сложной задачей. И Россия, и Сербия озабочены попытками разрушить форматы международного присутствия в Косово, поскольку якобы эти форматы не отвечают современным реалиям. Мы видим за этими попытками стремление легализовать структуру, которая занялась бы выполнением так называемого плана Ахтисаари, а по сути дела содействовала бы суверенизации незаконно провозглашенного образования»²⁵.

18 февраля Генеральный секретарь ООН получил письмо от Хавьера Соланы (Высокого представителя по общей внешней политике и политике безопасности Европейского союза), в котором тот информировал о решении ЕС разместить миссию по обеспечению законности в рамках резолюции 1244 (1999) и назначить специального представителя по Косову. Создание такой миссии проистекало из плана Марти Ахтисаари, который не был одобрен Советом Безопасности, но это не смущало тех, кто планировал подготовку Косова к независимости. Без санкции Совета Безопасности 9 декабря 2008 г. миссия по

установлению законности и порядка в Косове (EULEX) начала развертывание своих структур на всей территории Косова и Метохии. К EULEX перешла большая часть функций миссии ООН в Косове (МООНК), которая управляла этой южной сербской провинцией с 1999 г. Сотрудники EULEX — 1900 международных чиновников и 1100 местных специалистов — должны были установить контроль над косовской полицией, судами и таможенной службой. Задача миссии — готовить край к независимости, научить албанцев европейским нормам функционирования юридической, экономической и политической систем, помочь создавать министерства, ведомства и административные службы. Белград активно возражал против этого шага, исходя из того, что одобрение планов развертывания EULEX «означало бы согласие с независимостью Косова». Знаком протеста Белграда стал сбор подписей под петицией против развертывания в Косове европейской миссии.

Генеральный секретарь ООН поддержал развертывание миссии ЕС, даже нашел этому серьезные оправдания. Выступая в Совете Безопасности в июне 2008 г., Пан Ги Мун подчеркивал, что после принятия Приштинской конституции в июне этого года, ситуация в Косове кардинально изменилась. По его мнению, изменение функций МООНК вполне оправдано. Новые власти стремятся взять на себя полномочия, возложенные на специального представителя Генерального секретаря. И потому МООНК «больше не может так эффективно, как в прошлом, выполнять подавляющее большинство своих задач в качестве временной администрации». И далее он предлагал использовать ЕС в качестве новой силы с новыми возможностями. «Европейский союз выразил готовность играть более активную оперативную роль в Косове в сфере обеспечения правопорядка и принял меры по ее выполнению. Я считаю, что такое расширение этой роли будет отвечать интересам Организации Объединенных Наций и международного сообщества в целом»²⁶.

Россия такую позицию не поддержала. В.И. Чуркин обратил внимание членов СБ на то, что, резолюция 1244 (1999), «сохраняет свою силу в полном объеме. В соответствии с ней Специальный представитель Генерального секретаря и возглавляемая им миссия Организации Объединенных Наций в Косове должны продолжать осуществлять возложенные на них фун-

кции и обязанности по временному управлению Косовом, включая содействие обеспечению прав и безопасности национальных меньшинств и достижение в крае установленных международным сообществом демократических стандартов»²⁷. А развертывание миссии Евросоюза в области верховенства закона и учреждение Международной руководящей группы Москва посчитала противоправными, поскольку они начаты без требуемой санкции со стороны Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Это идет вразрез с резолюцией 1244 (1999) и согласованными принципами косовского урегулирования. Вызывало недоумение и «поведение г-на П. Фейта, который заявил, что с 15 июня управление Косовом будет осуществляться на основе косовской конституции, а роль главного международного представителя в крае будет принадлежать ему, П. Фейту. Это неуклюжая попытка присвоить себе функции главного международного представителя в Косове грубо противоречит пункту 6 резолюции 1244 (1999), согласно которому указанные полномочия возложены на специального представителя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций в Косове»²⁸. Поэтому позиция России заключалась в том, что «международный гражданский представитель» в Косове не имеет никаких прав и легитимного статуса, и посему не должен осуществлять действия по передаче функций или собственности МООНК миссии Евросоюза.

В.И. Чуркин критиковал деятельность международных чиновников. «Попытки бывшего руководства МООНК провести реконфигурацию миссии в обход Совета Безопасности нанесли ущерб авторитету Организации Объединенных Наций. Действия бывшего специального представителя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций в Косово И. Рюккера и его заместителя Л. Россина находились в полном противоречии с теми требованиями, которые предъявляются в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций к международным чиновникам. Любые попытки провести реорганизацию международного гражданского присутствия в Косове, сознательно утаивая информацию от членов Совета Безопасности, недопустимы. Мы настаиваем на том, чтобы Секретариат регулярно представлял членам Совета подробные отчеты о всех аспектах деятельности МООНК», — отстаивал позицию Москвы В.И. Чуркин²⁹.

Такая ситуация никак не смутила западных партнеров. По принципу «не моем, так катаньем» план Ахтисаари они продолжали выполнять. Уже 28 февраля 2008 г., т.е. через 10 дней после провозглашения независимости края «по просьбе косовских лидеров» группа государств, признавших Косово (США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Австрия, Бельгия, Словения, Хорватия, Чехия, Дания, Эстония, Латвия, Литва, Финляндия, Венгрия, Ирландия, Люксембург, Голландия, Норвегия, Польша, Швеция, Швейцария, Турция), создала Международную руководящую группу и Международную гражданскую канцелярию (International Civilian Office). Ее возглавил тот самый Питер Фейт.

Несмотря на твердую позицию Москвы, на уступки пошел Белград, одобрив в середине октября размещение миссии EULEX в крае. Россия, поддерживая решения Белграда, не стала возражать против нового европейского плана.

Но позицию по непризнанию независимости Косова Сербия продолжает отстаивать достаточно упорно. Идя правовым путем, надеясь на справедливость международных организаций, Сербия обратилась в Генеральную Ассамблею ООН с просьбой оценить правомерность действий албанцев Косова. Президент страны Б. Тадич так объяснял решение Сербии: «Первый раз в истории нашего региона такой сложный и значимый вопрос, который серьезно касается и самосознания, и границ, и прав содружеств, и взаимно противоположных трактовок исторических событий, не завершился вооруженным столкновением. Стратегическое решение моей страны на одностороннее провозглашение независимости Косова ответить обращением в Международный суд правды, которое было одобрено в сентябре прошлого года Генеральной ассамблеей ООН, представляет собой типичный пример поворота к миру на Западных Балканах»³⁰. 8 октября 2008 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, представленную Сербией и содержащую просьбу о вынесении Международным судом консультативного заключения по следующему вопросу: «Соответствует ли одностороннее провозглашение независимости временными институтами самоуправления Косова нормам международного права?»³¹. Косовские власти выразили сожаление по поводу принятия этой резолюции, подчеркнув, что независимость Косова является необратимой и что

рассмотрение Международным судом законности провозглашения независимости не мешает другим странам положительно оценить постоянный прогресс в Косове или признать Косово в качестве независимого государства.

Международному суду понадобилось два года для вынесения своего консультативного решения. 22 июля 2010 г. Международный суд признал, что «принятие декларации о провозглашении независимости 17 февраля 2008 г. не нарушает общее международное право, Резолюцию Совета Безопасности ООН 1244 (1999) или «Конституционные Рамки». Поэтому принятие декларации не нарушило какую-либо применимую норму международного права»³². Такое решение Международного суда, который позволил себе перефразировать вопрос, а потому и дать неполноценный ответ, еще больше усложнило решение непростого косовского вопроса. Албанцы надеются, что такое решение позволит им в ближайшем времени стать полноправным европейским государством, а Сербия утверждает, что никогда не согласится с отделением Косова от Сербии и продолжит борьбу за начало нового переговорного процесса.

Из официальных источников видно, что Сербия твердо отстаивала позицию по непризнанию Косова. Однако опубликованные на сайте Викиликс тайные депеши американских дипломатов показывают, что американские службы серьезно изучали позиции сербских лидеров³³. Депеши дипломатов из Белграда показывают, что в 2006 г. и премьер-министр Воислав Коштуница (Демократическая партия Сербии, ДПС), и президент Борис Тадич (Демократическая партия, ДП) выражали общее мнение по вопросу Косова: независимость края неприемлема для Сербии. Однако антиамериканская риторика премьер-министра В. Коштуницы показала дипломатам, что дальнейшие разговоры с ним с глазу на глаз бессмысленны. Они поняли, что В. Коштуница готов бороться за Косово до конца и что надо больше внимания уделить президенту Б. Тадичу.

При этом из депеш видно, что план независимости Косова уже давно был начертан в Вашингтоне, и во всех частных разговорах американцы говорили, что Косово все равно будет независимым, а «от сербов ожидают, чтобы они это как можно легче проглотили, не мешали и были бы конструктивны»³⁴. Коштунице и Тадичу даже предлагали вариант, как казалось американцам, удачной отговорки: мол, Косово потерял Ми-

лошевич, а не нынешнее руководство. Им предлагалось найти способ и форму, как обвинить Милошевича, сняв вину с себя. Когда этот вариант был отвергнут, словами министра иностранных дел Словакии Яна Кубиша сербам послали предупреждение: поезд уже отъехал от станции, а в конце пути — независимость Косова. В Белграде были удивлены таким намеком, но мнение не переменили.

Американцы продолжали работать с Б. Тадичем, считая его более гибким и склонным к компромиссам. Депешки показывают, как Б. Тадич постепенно от «нет» независимости Косову перешел к готовности признать сей факт. На этом пути были и его отчеты американскому посольству о совещаниях, и присоединение к программе НАТО «Партнерство во имя мира», и принятие миссии ЕУЛЕКС в Косове, и согласие с планом Пан Ги Муна по Косову из 6 пунктов, а также согласие на новый переговорный процесс. Из депеш видно, что сербского президента крайне волновала собственная политическая карьера, ведь в случае признания Косова избиратель мог повернуться к нему спиной. Более того, он боялся судьбы убитого премьер-министра Сербии З. Джинджича.

Первые изменения в позиции сербского президента американцы подметили, когда Б. Тадич сказал, что его приоритетом является защита сербов в Косове (а не борьба против независимости). Потом в июле 2007 г. Тадич заявил, что не позволит, чтобы Косово помешало усилиям Сербии интегрироваться в ЕС и НАТО. А затем более откровенно «Тадич... уверял, что справился с собой и принял неизбежность независимости...». Помощник американского госсекретаря Даниел Фрид писал в Вашингтон из Рима в октябре 2006 г., что Тадич «сообщил, что не будет преградой усилиям международного сообщества принести региону стабильность, даже если это предполагает некую форму независимости Косова». В июле-сентябре 2007 г. во многих сообщениях американских дипломатов отмечается желание Тадича «отвернуться», пока Европа будет решать вопрос Косова, а также подчеркиваются его сомнения, как объяснить народу потерю края, когда это произойдет³⁵.

Видя, что сербы с трудом продвигаются в направлении полного отказа от Косова, американцы разработали план под скучным названием «Стратегия К—1». О нем ничего не было известно, пока депешки американских дипломатов не стали

достоянием общественности. Цель плана — заставить Белград признать Косово и сделать это мирно без потрясений и серьезных последствий. Стратегия включала в себя четыре фазы.

На первой США должны были помочь прийти к власти в Сербии «демократическому» руководству (на выборах в январе 2007 г.), которое признает независимость края. Вашингтон рекомендовал в предвыборной кампании делать упор на *реалистическую политику* в отношении Косова, Ставка делалась также на молодежь: для них проводились концерты, дискуссии, семинары, интернет презентации. Их звали голосовать за будущее, за демократию. Деньги на поддержку демократической партии шли из неправительственных организаций, гуманитарных фондов, западных посольств и т.д.

На втором этапе задачей становилось «управление последствиями» отторжения Косова, что означало убедить общество в неизбежности потери. Для этого рекомендовалось активное использование СМИ, которые должны заполниться позитивными статьями о светлом будущем, о решении насущных жизненных вопросов. Поскольку США и их политика не очень популярны в Сербии, «Стратегия» предполагала, что убеждать сербов должны не иностранцы, а «прогрессивные» Сербы, что и было сделано. О том, что Косово потеряно говорили писательница Биляна Срблянович, политики Вук Драшкович, Чедомир Йованович и другие.

На третьем этапе предполагалось задобрить Сербию рядом денежных дотаций и широко обсудить в обществе, как улучшить жизнь с их помощью. В общей сложности планировалось Сербии предоставить около 60 млн. долларов (из них более 20 млн. — для Санджака и южных областей Сербии, 1 млн. — для Дома молодежи).

Четвертый этап должен ориентировать Сербию на будущее (евроатлантические интеграции), а не на прошлое (Косово). Как пишет автор книги, «и отдали мы прошлое за будущее», причем бесперспективное и ложное. Судя по депешам, еще в начале 2006 г. и американцы, и европейцы знали, что ЕС не может в обозримом будущем предложить Сербии вступить в Евросоюз. Ангела Меркель открыто сказала Б. Тадичу еще в ноябре 2006 г., что Сербии придется ждать решения не меньше 10 лет. А Михаел Флугер из немецкого МИДа извещал США, что Германия «не желает видеть» Сербию в ЕС³⁶.

Хотя Б. Тадич в 2007 г. упорно повторял, что для Сербии нет альтернативы ЕС и это никак не связано с признанием Косова, европейские политики (дипломаты Великобритании, Франции, Германии, США), как видно из депеш, не уставали повторять руководству Сербии, что это две взаимозависимые вещи. По прошествии двух лет после самопровозглашения независимости Косова этот вопрос западным дипломатам пришлось изложить уже в письменном виде (январь 2010 г.) на совещании политических директоров министерств иностранных дел США, Германии, Франции, Италии и Великобритании. По предложению Франции, решение о сербской кандидатуре в ЕС должна зависеть от взаимного признания Сербии и Косова. И во многих последующих дипломатических депешах эти два вопроса больше не разделяются³⁷.

Единственной страной, которая искренне была готова помочь Сербии, была Россия. Даже американские послания показывают, что позиция Москвы по вопросу Косова была последовательной и бескомпромиссной. При этом из документов видно, что сербская дипломатия была крайне скептична в отношении позиции России. Так, посол Сербии в России Елица Курьяк говорила американцам, что «не является оптимистом по вопросу шансов Сербии задержать Косово», а также «не верит, что Москва подорвет свои отношения с США и Европой из-за блокады консенсуса по вопросу окончательного статуса Косова». По ее мнению, Сербия станет жертвой русской прагматичной внешней политики. 2 марта 2007 г. американские дипломаты советуют Даниелю Фриду перед его поездкой в Белград: «Вы могли бы попытаться ему [Тадичу] всадить в голову, что русское вето в Нью-Йорке было бы плохим результатом для Сербии и для самого Тадича, который бы тогда столкнулся с иными дипломатическими шагами и более нестабильной и опасной косовской действительностью»³⁸.

Тем не менее 23 мая 2007 г. Россия в Совете Безопасности воспротивилась плану Ахтисаари о надзорной автономии в Косове. Официально Белград благодарил Москву за принципиальную позицию, но в депеше от 12 июля 2007 г. упомянутый американский дипломат Фрид пишет, что ему «Тадич сказал, что Сербия очень много потеряет от русского вето в Совете Безопасности, описывая сценарий, который закончится односторонним провозглашением независимости Косова,

сопровождаемой американским и европейским признанием и увеличением дистанции между США и Сербией»³⁹.

Напомним позицию Москвы. Она полагала, что «форсировать решение о суверенизации Косово контрпродуктивно, ... что план спецпосланника Генсекретаря ООН М. Ахтисаари не может служить платформой для выработки окончательного решения СБ ООН по Косово, так как в его основе лежит противоречащее международному праву, в том числе Уставу ООН, ущемление суверенных прав одного из государств-членов, а это не только создает очевидный прецедент для мировой практики, но и чревато предсказуемыми негативными последствиями для региональной и международной стабильности»⁴⁰. США пытались повлиять на Россию, и даже предлагали министру иностранных дел Сербии «Вуку Еремичу тихо попросить правительство России поддержать резолюцию» в Совете Безопасности⁴¹, но сербский министр отказался сделать это.

Принципиальная позиция России не оставила США другого пути, кроме как инициировать одностороннее провозглашение независимости Косова. Даниель Фрид писал: «Независимость Косова неизбежна и огромную цену будет платить любая нация, которая встанет на этом пути»⁴². Несмотря на столь жесткие заявления, у США с этого момента все пошло наперекосяк. И самое важное из этого — ряд стран отказались признавать Косово без резолюции СБ.

США предполагали признать Косово в декабре 2007 г. сразу после окончания переговорного процесса между Белградом и Приштиной, но не позже января 2008 г. Однако в эти планы вмешались события в Сербии, а именно планировавшиеся на 3 февраля 2008 г. президентские выборы. Понимая, что шансы Б. Тадича победить на выборах крайне снизятся, если Косово провозгласит свою независимость, соратники президента и он сам по разным каналам стали просить американцев и европейцев отложить признание Косова до окончания выборной кампании. Их убеждали, что Тадич является «самым прозападным лидером в регионе, поэтому его победа будет означать, что Сербия останется на пути евроатлантических интеграций»⁴³. США не возражали, но предложили Тадичу список того, что он не должен делать, в случае провозглашения независимости края⁴⁴ (так называемая «красная линия»). Тадичу пришлось согласиться⁴⁵. Вашингтон был уверен, что после провозглашения

независимости Косова Тадич будет соизмерять все свои действия с позицией США.

Во время предвыборной кампании президент убеждал избирателей, что он и за Косово, и за Европу, что будет до конца выступать против независимости края, подчеркивая, правда, что только путь в Европу решит проблему. Чтобы поднять рейтинг президента, министр иностранных дел Сербии Вук Еремич умолял представителя США в СБ Джеки Воллкот сделать заседание СБ 16 января 2008 г. открытым, чтобы на нем мог выступить Б. Тадич. Американцы согласились с этим планом. Все выглядело корректно, президент говорил о том, что «Сербия никогда не признает независимость Косова и будет защищать свою территориальную целостность и суверенитет посредством использования всех доступных демократических средств, юридических аргументов и методов дипломатии»⁴⁶. Появление Тадича с пламенной речью в СБ очень помогло ему в президентской гонке.

Складывается впечатление, что президент тогда вел двойную игру: американцам обещал уступки в отношении Косова, а в стране и на международных трибунах отстаивал территориальную целостность своей страны. Более того, в Белграде был разработан даже тайный план действий сербского правительства в случае провозглашения Косовом независимости. Однако американская дипломатия работала в Сербии и с другими чиновниками. Будущий шеф переговорной группы по Косову, политический директор Министерства иностранных дел Борко Стефанович, как сообщает депеша от 10 декабря 2007 г., передал американцам детали того плана, о котором знал лишь узкий круг лиц.

Таким образом, позиция Москвы по Косову оставалась твердой и последовательной, а решение этого сложного вопроса полностью зависит от Белграда. Смена руководства страны весной 2012 г. давала надежду на более твердый курс Сербии, однако Европа продолжает требовать от Белграда серьезных уступок в отношении Косова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. сборник документов «Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии». Т. 3.

- ² Документ ООН. S/2005/635
- ³ Документ ООН. S/2005/708
- ⁴ Документ ООН. S/PV.5373
- ⁵ *Коштуница В.* Не може се на територији једне демократске државе стварати нова држава // *Коштуница В.* Одбрана Косова. — Београд: Филип Вишњић, 2008. С. 60—68.
- ⁶ Документ ПАСЕ. 1533 (2007).
- ⁷ Документ ООН. S/2006/906
- ⁸ Документ ООН. S/2007/168
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Fjala e Presidentit te Kosoves Fatmir Sejdiu ne takimin e Vjenes. Режим доступа: <http://www.president-ksgov.net/?id=5,0,0,67,a,116>
- ¹¹ *Коштуница В.* Предлог Ахтисарија о распарчавању Србије // *Коштуница В.* Одбрана Косова.. — Београд: Филип Вишњић, 2008. С. 94—99.
- ¹² Выступление Президента Республики Сербии Бориса Тадича в Народной Скупщине (24 июля 2007 г.) // Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. — М.: Индрик. Т. 4. 2011. — С. 205—206.
- ¹³ Документ ООН. S/2007/220
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Документ ООН. S/2007/256.
- ¹⁶ Информация Министерства иностранных дел Российской Федерации. — Режим доступа: www.mid.ru
- ¹⁷ Документ ООН. S/2007/723
- ¹⁸ *Коштуница В.* Завршетак преговора под вођством тројке // *Коштуница В.* Одбрана Косова. — Београд: Филип Вишњић, 2008. С. 175—183.
- ¹⁹ Заявление МИД России по косовскому урегулированию (17 декабря 2007 г.).
Информация Министерства иностранных дел Российской Федерации. — Режим доступа: www.mid.ru
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И. Чуркина на заседании Совета Безопасности ООН (19 декабря 2007 г.). Документ ООН. Режим доступа: http://www.un.int/russia/new/MainRootrus/Statements/ga/ga_docs/Statement191207.ru.htm
- ²² Там же.
- ²³ Документ ООН. S/2007/768
- ²⁴ Deklarata e Pavaresise se Kosoves. Режим доступа: http://www.assembly-kosova.org/common/docs/Dek_Pav_sh.pdf

²⁵ Из стенограммы выступления и ответов на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова на совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Сербии Вуком Еремичем (17 июля 2008 г.). Информация Министерства иностранных дел Российской Федерации. // Режим доступа: www.mid.ru

²⁶ Документ ООН. S/PV.5917

²⁷ Там же

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ *Tadić B.* Уз помоћ суда до решења за Косово // Српска политичка мисао. Београд. 2009. 19. фебруар. Объявлено: The Washington Times. 17.02.2009. Режим доступа: <http://217.26.213.177/kosovo-i-metohija/uz-romoc-suda-do-resenja-za-kosovo.html>

³¹ Документ ООН. A/63/L.2

³² Accordance with International Law of the unilateral Declaration of independence in respect of Kosovo // International Court of Justice. Year 2010. General List No. 141 22 July 2010. Режим доступа: <http://www.icj-cij.org/docket/files/141/15987.pdf>

³³ *Врзић Н.* Викиликс: Тајне београдских депеша. Београд: Наш печат: Фонд Слободан Јовановић, 2011. — 138 с.

³⁴ Там же. С. 19.

³⁵ Там же. С. 25, 27.

³⁶ Там же. С. 40—41.

³⁷ Там же. С. 42, 44.

³⁸ Там же. С. 47, 49.

³⁹ Там же. С. 50.

⁴⁰ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Сообщение для СМИ 677—29-04—2007 // www.mid.ru

⁴¹ *Врзић Н.* Викиликс. С. 50.

⁴² Там же. С. 51.

⁴³ Там же. С. 54.

⁴⁴ Документ не опубликован.

⁴⁵ *Врзић Н.* Викиликс. С. 54—55.

⁴⁶ Документ ООН. S/PV.5821.

А.И. ФИЛИМОНОВА

Косово и Метохия в 2012—2013 гг.: усилия международного сообщества и Приштины по интеграции севера

Международная группа управления по Косову (Контактная группа¹, Совет Европы, Европейская комиссия и НАТО) 24 января 2012 г. приняла решение о завершении в течение 2012 года так называемой подконтрольной независимости «Республики Косова». 31 января 2012 г. «парламент Республики Косова» 83-мя голосами против 13-ти принял резолюцию из восьми пунктов, поддерживающую решение Международной группы управления. Резолюция включала такие положения как стремление к «скорейшему и всеохватывающему» осуществлению национальной цели; принятие конституционных поправок и законодательных актов, необходимых для окончания поднадзорной независимости; взаимодействие правительства Косова с руководителями парламентских политических партий, членами Международной группы управления и Международным гражданским представителем для принятия законов, обеспечивающих реализацию Всестороннего предложения по статусу Косова международного посредника Марти Ахтисаари².

План бывшего президента Финляндии и спецпредставителя ООН по Косову Марти Ахтисаари в марте 2007 г. был представлен Генеральному секретарю ООН. Затем — Совету Безопасности ООН с целью принятия на его основе новой резолюции, сменяющей резолюцию 1244 (1999), которая определяет управление Косовом и Метохией (Космет, КиМ) как составной частью Республики Сербии. Однако план, предлагавший механизмы защиты прав национальных меньшинств в рамках независимой «Республики Косова», не получил одобрения СБ ООН

из-за несогласия Сербии и России (пригрозившей применить право вето). Тем не менее план Ахтисаари, охарактеризованный Агимом Чеку как наибольшая уступка, с которой может согласиться албанская сторона, несмотря на противоречие обязательной к исполнению резолюции СБ ООН 1244 реализуется поступательно и неуклонно, в том числе и на протяжении 2012—2013 гг.

14—15 февраля 2012 г. сербы севера Косова и Метохии (общины Лепосавич, Звечан, Зубин Поток, северная часть Косовской Митровицы) самостоятельно организовали референдум, на котором был поставлен вопрос «Признаете ли вы институты так называемой Республики Косова?». Председатель Сербского национального вече Косова и Метохии Милан Иванович перед закрытием избирательных участков отметил: «Референдум, проведение которого пришлось на Сретение — это не только подведение исторической черты в отношении Приштины и косовских институтов, но и вынесение оценки власти Белграда, политике Бориса Тадича, диалога и соглашений Борко Стефановича. Референдум — не проявление партийных интересов... референдум — это народ, который знает, в чем состоят его интересы, и ничто не может его поколебать». М. Иванович подчеркнул, что «многие в Белграде находятся на одной волне не только с Вашингтоном и Брюсселем, но и с Приштиной. Например, Тадич говорит, что референдум «антиконституционный», и так называемый президент Косова Яхьяга утверждает, что наш референдум «антиконституционный»... Однако референдум показал, что Белград, Приштина и Брюссель не могут ни поколебать, ни запугать наш народ»³. В преддверии референдума председатель общины Косовска Митровица, Крстимир Пантич, указал на тот факт, что со стороны органов государственной власти в адрес Конституционного суда не поступала инициатива оценки конституционности и законности референдума, соответственно, ничто не указывает на угрозу для сербских национальных и государственных интересов в случае его проведения⁴.

По итоговым результатам референдума, обнародованным 20 февраля 2012 г., на референдуме голосовали 75 % от 35 тыс. чел., обладающих правом голоса. Из числа проголосовавших жителей четырех общин северного Косова 99,74 % высказались против органов власти «Республики Косова»⁵. 16 февраля

российский министр иностранных дел С. Лавров рекомендовал международному сообществу и всем участникам урегулирования косовского вопроса учитывать мнение сербов севера Косова и Метохии⁶.

Несмотря на ясно выраженную волю сербов севера края, отказавшихся признавать органы управления самопровозглашенной «Республики Косова» и тем самым выполнять не утвержденный СБ ООН план Марти Ахтисаари, международное сообщество продолжило оказывать давление на Белград. На повестку дня был поставлен вопрос о представительстве Косова на региональных форумах. Правящая сербская коалиция, уступая давлению, согласилась на представление края по формуле «Косово*», при которой сноска поясняет, что название не определяет юридический статус Косова и соответствует резолюции СБ ООН 1244 и решению Международного суда ООН о косовской декларации независимости (июль 2010 г.).

Однако, помимо того, что резолюция СБ ООН является обязательной для исполнения, в то время, как заключение МС ООН носит консультативный характер, в данной формуле содержатся взаимоисключающие положения. Резолюция 1244 утверждает существенную автономию КиМ и передает край во временное управление международной администрации до определения статуса края в результате переговоров. Вопрос к Международному суду содержал следующую формулировку: «Соответствует ли одностороннее провозглашение независимости временными властями самоуправления Косово нормам международного права?». Проделав ряд манипуляций, Международный Суд сделал вывод о том, что «в международном праве нет норм, запрещающих одностороннее провозглашение независимости».

Несмотря на стремление сербской правящей коалиции представить дело как успех сербской дипломатии на nive защиты сербских национальных интересов, можно констатировать, что в обход резолюции 1244 Косово получило право участвовать в работе 36-ти региональных международных форумов, подписывать договоры и говорить от своего собственного имени (ранее от имени Приштины выступала администрация ООН). Во внутривнутриполитическом плане это означало окончание фазы предоставления Белградом в той или иной степени поддержки сербам Космета, преемственность кото-

рой не пресекалась даже во время прозападного премьера Зорана Джинджича, с переходом к курсу фактического отказа от политики соблюдения национально-государственных интересов Сербии и сербского народа в этом сербском автономном крае.

С 18 по 23 февраля 2012 г. Белград осуществил беспрецедентную меру. Совместно с силами американских военнослужащих КФОР/НАТО (контрдиверсионная группа) были ликвидированы сербские баррикады, возведенные около административного КПП Яринье на границе центральной Сербии и Космета. Силы НАТО/КФОР значительно превосходили по числу сербских гражданских лиц, защищавших баррикады, и были оснащены бронированной техникой, бульдозерами и спецсредствами для разгона демонстраций. Сербские спецподразделения и жандармерия заняли так называемое «междузвонье» в направлении отстоящих друг от друга примерно на 100 км КПП Яринье и Брняк со стороны Сербии, ликвидировали баррикады со стороны Сербии и заблокировали альтернативные пути, которыми пользовались сербы при переходе из центральной Сербии в Косово. Тем самым сербское население края было вынуждено пользоваться только КПП Яринье и Брняк, занятые подразделениями КФОР/НАТО, косовской таможней и полицией. Сербов, охраняющих баррикады, сербская жандармерия вынудила разойтись, не позволяя восстанавливать баррикады, одновременно силами сербской жандармерии было развернуто патрулирование «междузвонья». В результате совместной операции сербских и натовских подразделений европейская полицейско-гражданская миссия ЕУЛЕКС после многомесячного запрета получила свободу передвижения на севере Косова. Первой мерой после снятия ограничений на передвижение стало введение миссией ЕУЛЕКС в КПП Яринье и Брняк режима только автомобильного сообщения и прохождения грузов некоммерческого характера — в соответствии, как указывалось в информационном бюллетене ЕУЛЕКС, «с косовскими законами о таможне». Товары, подлежащие акцизированию, могли проходить исключительно через «приштинский» КПП Мердаре, затем отправляться в таможенный терминал в южной части Косовской Митровицы с целью получения разрешения на ввоз и выплат таможенных пошлин.

Так на административных КПП между Косово и Метохией и центральной Сербией усилиями международных миссий, поддержанными официальным Белградом, насильственно были установлены таможенные барьеры с выплатами соответствующих пошлин косовской таможенной службе. При этом у сербов, пересекающих административные КПП Яринье и Брняк, косовская таможня требовала предъявления паспортов. Одновременно в Косовском Поморавье Косовская полиция провела собственную силовую акцию: прошли обыски и аресты тех, кто подозревался в принадлежности к МВД Сербии. В ходе акции были зафиксированы грубые нарушения прав человека: так, сербы подвергались избиениям, включая стариков, а шестилетнему ребенку были надеты наручники — в больнице Грачаницы ему затем была оказана медицинская помощь. В целом отмечалось резкое усиление насилия албанской стороны против сербского и другого неалбанского населения. Так, только за три первые месяца 2012 г. количество инцидентов против нацменьшинств в КиМ возросло на 24 %. Было зафиксировано 13 случаев вандализма в отношении сербских православных церквей и кладбищ, 13 случаев забрасывания камнями автобусов с сербами, 63 случая нанесения материального ущерба косовским сербам, 47 случаев кражи их имущества. Однако миссия ЕУЛЕКС, призванная «установить верховенство закона, действовала исключительно в албанских интересах: расследование 1 000 убийств сербов закончилось в суде только в 1 случае — когда преступник сам сдался в руки правосудия⁷.

В конце 2011 — начале 2012 гг. начался процесс передвижения демаркационной линии к границе, разделяющую центральную Сербию и ее южный автономный край. Вывод сербского лидера севера Косова, члена Президиума Демократической партии Сербии В. Коштуницы, депутата парламента Сербии Марко Якшича однозначен: «нас предал Белград — Борис Тадич вместе с главой полиции и главой МВД Ивицей Дачичем. Мы не можем бороться одновременно и с международным сообществом, в руках которого Приштина — лишь его инструмент, и с собственной властью. Мы не можем бороться с ножом в спине, забитым сербам Косова Белградом. Вся надежда, — в беседе с автором статьи подчеркнул М. Якшич — на грядущие выборы, смену режима и формирование национального правительства, которое будет способно провести стратегию

возвращения Косова Сербии. Только новое правительство сможет аннулировать подавляющее соглашения с международным фактором, означающие независимость Косова».

В апреле-мае 2012 г. в Республике Сербии были проведены парламентские, президентские и местные выборы. При этом в условиях резкого обострения ситуации в Косово и Метохии с лета 2011 г. проведение локальных выборов в Косово и Метохии было неприемлемо ни для Запада, ни для Приштины, в кильватере которых последовал и Белград. Так, если в марте 2012 г. сербская власть заверила представителей трех сербских общин КиМ (за исключением северной Косовской Митровицы, где мандат местной власти истекает в 2014 г.) в том, что в крае будут проведены и парламентские, и, главное, локальные выборы⁸, то вскоре Белграду пришлось резко поменять позицию. Причиной послужил острый протест «правительства Косова», которое известило о намерениях сербского правительства международные факторы, указав на «недопустимость подобного поведения». По мнению Приштины, «ЕС должен ясно показать Сербии, что проведение локальных выборов в Косово противоречит не только Конституции Косова, но и европейским принципам и ценностям»⁹. В итоге международное сообщество отказало Сербии в возможности проведения локальных выборов под предлогом невозможности обеспечения безопасности выборного процесса, «разрешив» парламентские и президентские выборы — те, что не несут серьезных политических последствий, поскольку проходят по обычной процедуре голосования диаспоры.

В преддверии выборов, 30 апреля, «премьер Косова» Хашим Тачи присутствовал на совещании с генеральным секретарем НАТО Андерсом Фог Расмуссенем. Последний выступил за территориальную целостность Косова, включая интеграцию севера края в систему власти Приштины. Тачи уверил главу альянса в готовности «косовского правительства выстроить атмосферу доверия с гражданами на севере Косова». Дополнительно Расмуссен провел переговоры с министром обороны Сербии Драганом Шутановацем¹⁰.

В тот же день, 30 апреля, международное сообщество и Приштина, усиливая режим прохождения приграничных ККП, развернула дипнаступление против России. Байрам Реджепи, «министр внутренних дел Косова», 30 апреля заявил о подго-

товке протестного письма в адрес руководства НАТО, в котором требуется «защита от России». Суть вопроса заключалась в том, что КФОР/НАТО через альтернативные пути пропустил на север края грузовик с лекарствами из России (стоимостью 200 тыс. евро) для больницы в Косовска-Митровице. По утверждению Реджепи, согласно договору от сентября 2011 г., КФОР «обязан держать закрытыми все альтернативные пути между Косово и Сербией в северной части косовской территории», «а в грузовике, — по его мнению — могло находиться и оружие»¹¹. Как отмечал российский посол в Сербии Александр Конузин, ни Приштина, ни международные организации, особенно ЕУЛЕКС и КФОР, не располагают мандатом на проведение односторонних акций, а любое долгосрочное решение как для Косова в целом, так и для севера края возможно исключительно на основе договора заинтересованных сторон, который достигается в рамках равноправного диалога, а не путем насилия. Россия, выразил убеждение российский дипломат, и в будущем будет оказывать Сербии всестороннюю помощь в защите ее легитимных прав в связи с Косовом¹².

Кроме того, на политическом и дипломатическом уровнях, указывал посол, Россия продолжит оказывать Сербии всестороннюю поддержку. Так, например, 17 июля 2012 г. на заседании Совбеза РФ настаивала на рассмотрении незапланированных вопросов, таких, как нанесение увечий в ходе противостояния усилиям КФОР по разблокированию сербских баррикад 1 июня; убийство двух сербов в Косово 6 июля; данных о том, что ливийские и сирийские «повстанцы» прошли спецподготовку в Косово; акты вандализма в отношении сербских православных храмов, участвовавшие летом 2012; расследование того факта, что 28 июня более 50 человек пострадали после столкновения между Косовской полицией и сербами, прибывшими в Косово на годовщину Косовской битвы (1389). Любые попытки применить насилие в отношении сербов севера края, подчеркивала российская дипломатия, приведет к дестабилизации всего региона¹³.

Отличительной чертой прошедших в Сербии парламентских и президентских выборов стало то, что косовская тема приобрела характер некоей «зоны отчуждения и молчания», своего рода «неудобного вопроса», на котором многим политическим партиям, участвующим в предвыборной гонке, было

трудно заработать голоса избирателей. Правящая Демократическая партия (ДП) Б. Тадича настаивала на тезисе «и Европа и Косово» — несмотря на то, что курс на вступление в ЕС и неотделимая от европейской атлантическая интеграция не позволяли сербской власти проводить независимую политику в отношении Косова.

Отметим при этом, что в правящей коалиции в предвыборный период проявилось некоторое (по крайней мере, декларативное) расхождение во взглядах. Так, лидер коалиционного партнера ДП, Социалистической партии Сербии, министр внутренних дел И. Дачич настаивал на разделении севера и юга КиМ, одновременно предупреждая Хашима Тачи, что атака на север края будет приравнена к нападению на Белград. Однако заявления И. Дачича, учитывая действия сербской жандармерии по оперативно-военному сопровождению силовых акций КФОР/НАТО, скорее, носили сугубо популистский характер.

Сербская прогрессивная партия (СПП), лидером которой на тот момент являлся Томислав Николич (после избрания на пост президента его сменил находящийся в тени Александр Вучич) вышла с формулой «и ЕС, и Косово, и Россия». Отметим, что партия Николича была создана в 2008 г. в результате выхода из Сербской радикальной партии группы Т. Николича — А. Вучича и образования ими собственной партии. СПП, в отличие от других сербских парламентских партий, не финансировалась государством, располагая собственными спонсорами, главным политическим советником партии с момента появления стал бывший посол США в Сербии У. Монтгомери. В идеологическом аспекте отличительной характеристикой СПП являлось фактическое отсутствие программы, формальное издание которой носило ярко выраженный популистский характер.

Предвыборные заявления лидеров СПП носили противоречивый и подчас взаимоисключающий характер. Так, с одной стороны, СПП позиционировала себя как оппозиционная партия, непримиримо борющаяся с режимом Б. Тадича, создавшим «самое коррумпированное государство»¹⁴. На митинге в Косовска-Митровице 11 апреля 2012 г. Т. Николич выступил в защиту сербских национально-государственных интересов в Косово и Метохии. В частности, по поводу договорен-

ностей Б. Тадича с Приштиной Николич заявил: «...насколько далеко он бы не зашел, что бы он ни подписал, наносящего вред Сербии, для меня это не является обязательным»¹⁵. А. Вучич неоднократно указывал, что Конституция Сербии является тем барьером, который партия не может переступить в решении косовского вопроса. Упрекам подвергался Борис Тадич за свой «План четырех пунктов», который является «не более чем копией Плана Ахтисаари». Тогда А. Вучич предлагал Б. Тадичу открыто сказать гражданам, в рамках какого государства тот предлагает предоставление специального статуса северу края — в рамках Сербии или Косова?¹⁶ Однако с другой стороны, на предвыборном митинге в Субботице в марте 2012 г. главным тезисом Т. Николича стало то, что «прогрессисты хотят Сербию в Европейском союзе, и не предпримут ни одного неверного шага, не примут ни одного плохого закона, который удалил бы Сербию от Европейского союза»¹⁷.

В ходе визита в Германию в конце марта 2012 г. Т. Николич и А. Вучич заявили: «Сербская прогрессивная партия считает, что Германия, как мощнейшая страна ЕС, является стратегическим союзником Сербии»¹⁸. Напомним вместе с тем, что 23 августа 2011 г. германский канцлер Ангела Меркель положила конец иллюзиям тогдашней сербской власти о том, что международное сообщество примет статус-кво как постоянное решение. Тогда Меркель потребовала ликвидировать «параллельные институты» на севере края с целью «институционального встраивания этой территории в социально-политическую систему Косова»¹⁹. После этого вектор развития косовского вопроса принял самое неблагоприятное для сербского народа направление.

Еще раньше, в марте 2008 г., в бытность свою помощницей зам. госсекретаря США по политике на Балканах Розмари Дикарло в интервью российскому агентству Интерфакс недвусмысленно заявила, что «наша цель на Балканах — добиться того, чтобы регион стал частью Европы, и, если жители региона сделают такой выбор, — частью НАТО. И нам совершенно ясно, что эти проблемы не удастся решить до тех пор, пока мы не решим основополагающую проблему — определения статуса Косово», «когда мы говорим, что хотим включить весь регион в единую Европу и евроатлантические структуры, мы прежде всего имеем ввиду Сербию», а если сербы не хотят этого

делать — «есть ряд вещей, через которые Сербия должна переступить». США, по ее словам, безусловно, поддержит решение Косово вступить в ООН. Таким образом, уже тогда была четко оформлена позиция по северу Косова: «Для нас очень важно интегрировать сербскую общину Косово в жизнь нового государства»²⁰.

* * *

Благодаря сделанным в интересах сербов Космета заявлениям накануне выборов симпатии тамошних избирателей в большинстве склонились к Демократической партии Сербии В. Коштуницы, Сербской прогрессивной партии (при этом даже международные наблюдатели отмечали, что в частных разговорах Т. Николич высказывал взгляды, близкие к действующей власти²¹) и Сербской радикальной партии. Оппозиционные партии прозападного толка (Либерально-демократическая партия Ч. Йовановича и др.) фактически молчаливо признавали независимость Приштины.

Результатом парламентских выборов стало подавляющее преимущество СПП, создавшей в июле 2012 г. коалиционное правительство вместе с Социалистической партией Сербии, лидер которой — Ивица Дачич — занял премьерское кресло, продолжая совмещать его с постом министра внутренних дел. Первым вице-премьером, несмотря на отсутствие в сербской Конституции подобной должности, стал А. Вучич, совместивший этот пост с руководством министерством обороны и «курированием всех спецслужб». На выборах произошло резкое ослабление позиций Демократической партии Сербии В. Коштуницы, у которой осталось всего 20 депутатских мест в парламенте, и Сербской радикальной партии, не преодолевшей избирательный ценз. Не попало в парламент новое молодежное патриотическое движение «Двери», в отношении которого Т. Николич вел самую непримиримую борьбу. Политическое поле Сербии оказалось расчищенным от сил, способных быть альтернативой евроатлантической интеграции. По итогам президентских выборов президентом страны стал Т. Николич, на посту главы СПП его сменил А. Вучич.

Подавляющее большинство (более 70 %) сербов севера края на парламентских и президентских выборах также отда-

ли свои голоса СПП и Т. Николичу. В обход запрета Белграда, Приштины и международного сообщества локальные выборы были самостоятельно организованы в сербских общинах Звечан и Зубин-Поток. Решающую роль в победе партии сыграла поддержка, предоставленная ей буквально в последний момент В. Коштуницей, который посчитал, что Т. Николич выполнит свое публичное обещание аннулировать соглашения, заключенные с Приштиной Б. Стефановичем. Впоследствии, в июне 2013 г., Коштуница выразил сожаление в связи с поддержкой Т. Николича, расценив свой шаг как «ошибку», поскольку «мы хотели изменить власть, чтобы изменилась государственная политика Сербии, поэтому во втором круге президентских выборов мы поддержали Николича. Сейчас выяснилось, что изменилась только власть... политика государства по уничтожению страны под влиянием внешних сил осталась та же»²².

3 июля представитель Госдепа США Ф. Рикер приехал в Белград как раз в самый разгар процесса формирования правительства. Он провел совещание с И. Дачичем и А. Вучичем. После окончания визита Рикера новая власть заговорила о признании договоренностей Стефанович-Тахири²³. Председатель Краевого комитета СПП Боян Яковлевич по этому поводу заявил, что «применение данных соглашений само по себе достаточно, больше косовским албанцам ничего и не надо. Этого довольно, чтобы они захватили север Косова»²⁴. Через несколько дней Белград посетил и сам помощник госсекретаря США Филипп Гордон (8—9 июля), который во время переговоров в Рамбуйе являлся пресс-секретарем Кристофера Хилла, тогдашнего спецпредставителя США по Косову. Гордон прибыл для закрепления «удельного веса» США в политике нового кабинета.

Одновременно А. Вучич в качестве спецпредставителя Т. Николича провел в Германии переговоры, по его определению, с самыми значимыми немецкими официальными лицами. А. Вучич отмечал, что он приложил все усилия для получения страной наиболее благоприятных условий — речь шла о германских условиях, выдвигаемых к Сербии как к претенденту на получение даты начала переговорного процесса о вступлении в ЕС. Однако о содержании переговоров А. Вучича сербская общественность, пребывающая в поствыборной эйфории, не была оповещена. Новая фаза международного

положения Сербии характеризовалась А. Вучичем как то, что «мы можем улучшить положение Сербии в данных рамках, но наши возможности ограничены... Ситуация работой в поставленных рамках может быть поправлена, но это не будет ни идеально, ни хорошо для граждан Сербии... Мы должна сказать людям, с какими муками и проблемами мы встретимся... Мнение Германии не следует недооценивать, тот, кто это делает, неискренен в отношении своего народа... Почему мы должны слушать канцлера Ангелу Меркель? Потому, что вся Европа зависит от Германии, а правящая коалиция Христианско-демократический союз, Христианско-социальный союз — самая сильная партия в Европе»²⁵.

Далее в сентябре 2012 г. последовал одиозный германский «ультиматум семи пунктов», представленный депутатской группой Бундестага ХДС/ХСС. 26 октября ряд дипломатических источников довел до сведения еще более детальный план Германии относительно севера Косова, разъясняющий и конкретизирующий положения «ультиматума семи пунктов». Новая германская формула по северу края заключалась в децентрализации севера Космета: сербские общины будут самостоятельно собирать налоги и таксовые сборы и сами будут распоряжаться этими средствами. В обмен на это представители сербских общин севера края должны будут принимать участие в работе правительства и парламента «Республики Косова». План предоставления северу края финансовой автономии исходил из положения, что север будет являться составной частью независимого Косова.

Берлин внес ясность в попытки новой сербской власти скрыть свою информированность о требованиях Германии: «Якобы удивление сербской власти по поводу того, что она ничего не знала о позиции ХДС/ХСС не является подлинным»²⁶. Как сообщают источники из Берлина, Александр Вучич германским официальным лицам обещал, что Сербия сделает все для продолжения пути к ЕС, при этом берлинские власти стремятся получить гарантии в том, что государственное руководство в Белграде действительно сделает шаги по нормализации отношений с Приштиной, особенно когда речь идет о севере края²⁷. Так, из кабинета министра иностранных дел Германии последовало предупреждение, что Сербия не только не получит дату начала переговоров о вступлении в ЕС в декабре

2012 г., но если сербские власти и далее будут откладывать «решение проблемы» и проведение реформы — ни в марте, ни в июне 2013 г.²⁸ Подчеркнем: речь идет лишь о получении даты начала переговоров о вступлении в ЕС, которые сами по себе могут длиться многие годы.

Специальный представитель Генсекретаря ООН и глава Миссии ООН по делам временной администрации в Косово Фарид Зариф откровенно играл на руку интересам США и Приштины. Он поддерживал контакты с сербскими лидерами в северных районах Косова и Метохии, настоятельно призывая их к «налаживанию более тесных контактов» с Силами для Косово/НАТО и европейской миссией ЕУЛЕКС с тем, чтобы последним была предоставлена свобода передвижения и найден «взаимосогласованный» (устраивающий международное сообщество и Приштину. — *А.Ф.*) подход к решению вопроса, касающегося «демократического представительства» (Приштины. — *А. Ф.*) в северной части края.

«Власти Косова» с помощью международного фактора активно приступили к своей части «завершения периода поднадзорной независимости». Для этого 31 августа 2012 г. был принят пакет из 21 законодательного акта. По решению косовских властей, водительские удостоверения, выданные жителям Косова в Сербии, были объявлены недействительными с 1 сентября, и косовская полиция, соответственно, приступила к изъятию таких удостоверений. Более 50 тыс. косовских сербов были предоставлены удостоверения личности и паспорта Республики Косово, включая многочисленных сербских религиозных лидеров и руководителей общин. Так сложился своего рода порочный круг: «граждане Косова» должны иметь автомобильные номера «Республики Косова». Чтобы их получить, нужно получить водительские удостоверения, которые могут быть выданы только на основе паспорта Республики Косова». А паспорта выдаются на основании документа ЗАГС, который не будет выдан в случае отсутствия гражданства «Республики Косова». Поэтому косовские сербы призывали Белград твердо и решительно отказаться от всех предыдущих договоренностей, «достигнутых» командой Б. Стефановича.

1—2 сентября с визитом в Приштине находился Президент Албании Буяр Нишани, в ходе которого он по собственной инициативе провел совещание с высшими политическими

представителями албанцев юга центральной Сербии (общины Прешево, Буяновац, Медвежья с преимущественно албанским населением). Нишани встретился с семьей членами делегации, в которую в основном входили представители локального самоуправления и лидеры политических партий Р. Халими (Партия демократического действия), Р. Мустафа (Демократическая партия албанцев), Н. Ариффи (Демократическая партия), Ю. Муслию (Движение за демократический прогресс), Р. Зульфию (Демократическая уния албанцев), С. Дестани (Демократическая уния долины) и председатель Национального совета албанцев Г. Бечири. В совещании приняли участие также «заместитель премьера Косова» С. Петрович и сербские «министры косовского правительства» Н. Рашич и Р. Томич. На переговорах речь шла об экономическом сотрудничестве Албании и кампаний юга центральной Сербии; включении представителей «Прешевской долины» (так албанцы называют юг центральной Сербии) в переговорный процесс Белград-Приштина в Брюсселе; усилении поддержки официальной Албании и Косова «Прешевской долины». В целом албанские лидеры продемонстрировали огромное нетерпение, отчетливо прозвучала угроза «без реализации особых прав этнических албанцев в Прешево, Буяновце и Медвежье мира и добрососедских отношений в регионе не будет»²⁹.

В начале осени 2012 г. новый импульс получила идея объединения «албанских территорий», т. е. территорий, большинство в которых составляют этнические албанцы (Сербии, Косова, Черногории, Македонии, Греции и Албании) в «Природную Албанию» (что является не более чем лингвистически смягченный вариант «Великой Албании»), выдвигая на первый план доктрину о трех южных сербских общинах как «самых оккупированных албанских территориях Балканского региона». Албанцы утверждают, что идею объединения всех «албанских территорий» в «Природную Албанию» поддерживают США и ЕС³⁰, а три общины на юге Сербии рассматриваются как «Восточное Косово».

3 сентября 2012 г. первый вице-премьер и министр обороны Сербии А. Вучич совместно с послом США в Сербии М. Ворлик открыли в г. Кралево физкультурный зал школы «Светозар Маркович». (США оказали помощь в рамках реконструкции города после землетрясения, с этой целью Европейское ко-

мандование Армии США выделило 300 тыс. долларов). В ходе мероприятия был затронут косовский вопрос. Ворлик, во-первых, выразила поддержку США решению сербского правительства не отказываться от участия в работе международных региональных организаций, на которых присутствует и «Республика Косова». Этот шаг Белграда был расценен американским послом как большой прогресс в начале диалога Белграда с Приштиной. Во-вторых, американский посол продолжала настаивать на как можно скорейшем начале переговоров Белграда и Приштины. А. Вучич, со своей стороны, гарантировал реализацию всех подписанных предыдущим правительством соглашений с Приштиной³¹.

9 сентября 2012 г. состоялось внешне особенно не примечательное событие. США подарили Сербии 17 военных автомобилей «Хаммер» По этому поводу А. Вучич заявил, что это представляет большую ценность для Армии Сербии и для Сербии, которая находится в экономическом кризисе, а США в военном, оборонительном аспекте являются одним из важнейших партнеров Сербии. Вряд ли передача 17-ти внедорожников может соответствовать уровню решения государственных задач, стоящих перед Сербией. Тем более что часть их, по словам Вучича, страна и не увидит: «автомобили будут переданы на базу «Юг», где будет использоваться, прежде всего, в миротворческих миссиях по всему миру под эгидой ООН». Тем не менее США планируют подарить еще четыре «Хаммера», чтобы Сербия — по словам Ворлик — «могла усилить свой потенциал и способность увеличить участие в миротворческих операциях под эгидой ООН и ЕС... мы намерены усилить военное сотрудничество наших стран»³². Для сравнения: Конференция стран-доноров (июль 2011 г.) вложила в строительство косовских «государственных институтов» 1,2 млрд. евро³³, ММФ в апреле 2012 г. только на экономическую программу «косовского правительства выделил 106,6 млн. евро (причем население КиМ составляет около 1,8 млн. человек).

10 сентября силы КФОР заблокировали альтернативные пути в Зубин-Потоке и Лепосавиче, ведущие к Сербии в обход «приштинской таможни» на административных КПП Яринье и Брняк. Край вновь был поставлен под угрозу гуманитарной катастрофы. В тот момент Ф. Рикер находился с визитом в Приштине, где провел совещание с «косовским премьером»

Хашимом Тачи. Рикер от имени Б. Обамы и Х. Клинтон приветствовал окончание так называемой «подконтрольной независимости Косова» и вновь подтвердил, что США предоставят поддержку Косову в период обретения полной независимости. Тачи заверил в горячем стремлении «Республики Косова» войти в состав ЕС и НАТО³⁴. Генсек НАТО Андерс Фог Расмуссен попутно заметил, что НАТО не планирует уменьшать число своих военнослужащих в Косово. «Наша стратегия неизменна... КФОР и ЕУЛЕКС и далее останутся в Косово», — заявил он³⁵.

С начала осени 2012 г. международное сообщество прямо поставило перед Сербией вопрос о продолжении «технических переговоров» с Приштиной. При этом сербская сторона оказалась не готова к форсированному проведению переговорного процесса. У нового сербского руководства, которое 20 лет вело борьбу за обретение власти, не оказалось ни стратегии, ни предложений, ни плана действий Сербии. Оно заняло заведомо проигрышную пассивную позицию следования развитию ситуации.

В частности, на международном уровне логичным представлялось настаивание на переговорном процессе под эгидой ООН, на прямом участии Совета Безопасности ООН. Государственную стратегию и тактику в отношении Косова и Метохии необходимо было кардинально и качественно изменить для того, чтобы начать решительную конституционно-правовую борьбу за сохранение части территории в составе страны.

Суть момента точно передал бывший посол Сербии в Германии Огнен Прибичевич. По его словам, существует пространство для дипломатических маневров, но не для раздела Косова, который не примут ни США, ни Россия; максимально, что можно извлечь из этих переговоров — специальный статус для севера края, но все будет зависеть от того, насколько сильно США и Германия нажмут на Сербию³⁶. Вашингтонский аналитик Обрад Кесич обращал внимание Белграда на недопустимость положения, при котором для власти Сербии большей святыней является подпись или парафирование Борко Стефановича, нежели Конституция Сербии, нормы международного права и резолюция 1244. Кесич охарактеризовал текущую ситуацию как отсутствие минимального консенсуса в политике Сербии, включая правящую коалицию, когда «каждый политик

выражает свое собственное мнение и проводит собственную политику». Вывод Кесича прост: если власть говорит о том, что предыдущая не достигла результатов в интересах Сербии, то и идти следует другим путем³⁷.

Формулу внешней политики США выразил американский посол в Белграде Майкл Кирби: «не изменится ни внешняя политика, ни отношение США к Сербии и к региону, независимо от хозяина Белого дома». По поводу процесса евроинтеграции Кирби отмечал, что даже в случае, если переговоры Сербии с ЕС начнутся завтра, они не окончатся ранее 8—10 лет³⁸.

5 ноября 2012 г. Хашим Тачи сформулировал собственную платформу переговорного процесса. Приштина по традиции продемонстрировала поведение по формуле «мы готовы к компромиссу, если только он не касается нашего желания получить все». «Моя платформа разговора с Сербией, — говорил «премьер», — это декларация о независимости Косова, Конституция, законы и резолюция Парламента Косова (о нормализации отношений с Сербией)». Приштина выделила свои фазы переговоров: «продолжение обсуждения всех ранее достигнутых договоренностей в Брюсселе»; «полная ликвидация параллельных структур безопасности и юстиции, которые финансируются и поддерживаются Белградом»; на международном уровне процесс должен завершиться «интеграцией Косова в ЕС и НАТО», на региональном — «политические переговоры с Сербией о нормализации отношений должны закончиться признанием Косова со стороны Сербии»³⁹. По сути, это является развитием четырех пунктов Бориса Тадича: специальный статус сербских православных монастырей, гарантии для сербов юга Косова, урегулирование имущественных споров и особое решение по северу Косова. Предвыборные обещания Сербской прогрессивной партии аннулировать соглашения с Приштиной Б. Тадича (команды Б. Стефановича) базировались на антиконституционном характере данных соглашений, которые под давлением международного сообщества начали проводиться в жизнь. Сербскому народу ни в центральной Сербии, ни на севере края так до сих пор никто и не объяснил — на каких правовых основаниях реализуются соглашения Б. Тадича?

Посол ЕС в Сербии Венсан Дежар 11 октября 2012 г. передал премьеру И. Дачичу доклад Еврокомиссии о прогрессе Сербии

и Стратегию расширения, в которой содержалось условие установления так называемых добрососедских отношений Белграда и Приштины: «соблюдение Сербией территориальной целостности Косова». Требование ЕС выбило почву у тех, кто утверждал, что ЕС формально не требует признания независимости Косова.

Как отмечает аналитик Дж. Вукадинович, «об этом достаточно комично говорить, поскольку данное требование уже выдвинуто формулировкой о соблюдении территориальной целостности Косова». Д. Вукадинович называет все успокаивающие заявления еврочиновников о том, что ЕС не требует признания независимости Косова не более чем «мягким седативным препаратом, назначаемым время от времени, в малых дозах, сербской власти»⁴⁰. Аналитик Мирослав Лазански отмечает, что «в Брюсселе очевидно считают, что хорошо знают сербскую политическую элиту и «могут ей продать байки о необходимости «сохранения территориальной целостности Косова»... вы видели выражение лиц Штефана Филе и Весана Дежера, когда они уверяли Белград, что мы неправильно поняли, что они нам поручили? Они же смеются прямо нам в лицо»⁴¹. При этом Штефан Филе в ходе своего визита в Приштину цинично заявил, что продолжение переговорного процесса вообще не является для Приштины условием для открытия диалога о присоединении к ЕС. Косово, по его словам, может приступить к переговорам о подписании Соглашения о стабилизации и присоединении уже в первой половине 2013 г.⁴²

А. Вучич указывает, что «Сербии остается только двигаться в тех рамках, в которых она может получить большее из возможного и потерять меньшее»⁴³. О каком же неизвестном, но практически всеобъемлющем условии для Сербии, которой разрешено действовать только в пределах неких границ дозволенного, идет речь? А. Вучич в ходе выборного процесса был инициатором ряда совещаний и переговоров в США и Германии. Их содержание так и осталось закрытым. После прихода новой коалиции к власти явным проявлением стало неожиданное и стремительное выдвижение «германского фактора» на первый план в сербской внешней политике. Учитывая стремление Германии обеспечить себе как можно более широкий доступ к сербским энергетическим ресурсам, можно констатировать, что Германия берет курс на утяжеление своего

веса и внутри страны. Тот факт, что продвижение Германии в сербском направлении сопровождается неприемлемыми для любого суверенного государства «кондициями», директивами, недопустимым для международных отношений тоном и в целом вмешательством во внутренние дела страны, указывает на существование неких приватно-доверительных соглашений и гарантий их реализации.

3 декабря Комитет Европарламента по внешней политике рассмотрел проект резолюции по Косово, в котором повторялось требование ликвидации «параллельных институтов на севере Косово, поддерживаемых сербским государством, и, прежде всего, отзыв служб безопасности и органов правосудия», исходя из факта «окончания поднадзорной независимости Косова» и «осуществления по существу решения о статусе Косова»; «осуществления финансирования школ и больниц на севере Косова в соответствии с положениями плана Ахтисаари»; и несмотря ни на что — «применения всех заключенных договоренностей, а особенно — об управлении КПП» исходя из невозможности раздела Косова и на основе территориальной целостности Косова. Для Приштины следовала рекомендация «усилить сотрудничество с сербами севера Косова»⁴⁴.

Вице-премьер Сербии по европейским интеграциям С. Грубешич 10 декабря сделала принципиальное заявление: «больше невозможно вести политику на двух рельсах — и ЕС и Косово, сейчас две рельсы соединились в одну. Это значит, что прогресс Сербии в процессе евроинтеграции самым прямым образом и исключительно зависит от решения косовского вопроса»⁴⁵. Однако, согласно международным нормам, подобным образом трактуемый термин «нормализация» как раз является самой наглядной иллюстрацией термина «молчаливое (подразумеваемое) признание».

Применение так называемых «Борковых соглашений» (пакета договоренностей переговорного процесса Белграда и Приштины 2011 г., включая соглашение об «интегрированном управлении границей», когда сербскую переговорную группу возглавлял Б. Стефанович) войдет в историю под огромным знаком вопроса. Эти соглашения *не были подписаны* даже самим Б. Стефановичем (он их только парафировал), не были ратифицированы Скупщиной, не дождалась решения Конституционного суда на предмет их соответствия Конституции

Сербии. Тем не менее, они реализуются полным ходом. От имени нового правительства следующий глава переговорной группы Деян Павичевич подписал письмо о совместном контроле административных КПП, которое он передал Европейской комиссии. Несмотря на использование сербской стороной термина «административные КПП» международное сообщество и Приштина однозначно имеют в виду *государственную* границу. Выполнение того, что в базовом, главном пункте вызывает разночтение, входит в противоречие с элементарным здравым смыслом, а, значит, речь идет о сугубо внутреннем употреблении термина «административный».

Принятие в начале января 2013 г. сербской Скупщиной Резолюции по Косово и Метохии на основе усеченной по сравнению с первоначальным вариантом платформы, предложенной президентом Т. Николичем, не носило обязывающего ни международного, ни правового характера. Резолюция являлась политическим актом (за ее неисполнение могут последовать только внутривластные санкции; но в ситуации, когда все заключенные соглашения Белград-Приштина по своей сути противоречат действующей сербской Конституции, вряд ли кто всерьез будет следить за ее дальнейшей судьбой). Бурные дебаты, включая Скупщину, прошли, позиции сторон были высказаны с предельной ясностью. Главные характеристики момента остались неизменными: Белград подтвердил все прежние соглашения с Приштиной и свою готовность на основе оставшейся неизменной позиции в политическом и техническом плане довести переговорный процесс до конца.

Резолюция, с одной стороны, не являлась принципиально новым шагом, поскольку концептуально не противоречила ни плану М. Ахтисаари, ни так называемому Плану четырех пунктов Б. Тадича. Но с другой стороны, она имеет судьбоносное историческое значение, поскольку ставит «все точки над i» в общественно-политических дебатах. Власть в режиме авторитарного управления продиктовала свою волю: «действовать не на основе мифов и сказок», «не жертвовать ради сербов севера миллионами других жизней», «спасти то, что еще можно спасти» и руководствоваться только суровыми политическими реалиями. Резолюция содержит формулировку о «готовности Сербии пойти на дополнительные уступки» с примечанием, «если эти уступки не будут противоречить ее государственным и на-

циональным интересам» (вероятно, все предыдущие события в КиМ и заключенные с Приштиной договоренности еще им не противоречат). Все это — во имя достижения «устойчивого мира и обеспечения полной безопасности для всех людей»⁴⁶.

4 марта завершился шестой раунд переговоров Дачич-Тачи. Сербский премьер по окончании заявил о достижении принципиального согласия сторон о формировании объединения сербских общин в Косово, однако не достигнута договоренность об их компетенции. Теперь политика в отношении косовского вопроса обретала новый дискурс: по словам премьера, Сербия решала все вопросы не ради получения даты начала переговоров о приеме в ЕС, но ради ликвидации параллелизма институтов в Косово как такового. Премьер оценил перспективы переговоров как обнадеживающие, поскольку в ближайшие недели он полагал возможным прийти к компромиссу⁴⁷.

В ходе визита Ивицы Дачича в Москву (9—11 апреля) с одной стороны, был достигнут и подписан ряд важнейших соглашений, открывающих путь к планомерному многостороннему сотрудничеству между Россией и Сербией. Так, было подписано семь документов: о статусе российских воинских мемориалов на территории Республики Сербия и сербских воинских мемориалов на территории Российской Федерации; о предоставлении Сербии государственного финансового кредита; о сотрудничестве в области железнодорожного транспорта; о торгово-экономическом сотрудничестве с Калужской областью; об обмене статистическими данными о взаимной торговле; о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и об ученых степенях; План совместных мероприятий по обеспечению деятельности и развитию Российско-сербского гуманитарного центра в городе Нише на период 2013—2015 годов.

В ходе встречи премьеров двух стран Д. А. Медведев отметил ряд основополагающих моментов. В частности, что для России Сербия была и остается одним из ключевых партнеров. В связи с этим «мы должны сделать все для того, чтобы вывести торговое сотрудничество на докризисный уровень»; помимо торговых отношений крайне важно развивать инвестиционные связи и расширять круг инвестиционных проектов, среди которых «ключевое значение (во всяком случае в сегодняшней жизни) имеют энергетические проекты и такой флагманс-

кий, как «Южный поток», поскольку «в период экономических потрясений всегда нужны новые инвестиционные проекты»; перспективы сотрудничества в области промышленной кооперации, по гуманитарному направлению и в других сферах. В итоге «можно сделать вывод, что у нас есть очень хороший потенциал для развития связей по всем направлениям. Сейчас главное — заниматься практическими вещами, потому что для тех, кто занимается практической политикой, самым главным является реализация тех договоренностей, которые возникают во время таких больших межправительственных или межгосударственных встреч».

И. Дачич отметил, что российская сторона выступила с очень корректным предложением: ту часть финансовых средств, которую Сербия должна инвестировать в строительство своего участка «Южного потока», взяла на себя Россия, а Сербия погасила бы свою долю впоследствии из тарифов за транзит газа по ее территории. Что позволяет Сербии безболезненно для своей экономики «обеспечить беспрепятственное развитие и окончание этого проекта». А в последующем, по его словам, «кроме развития политических и исторических связей, мы можем добиться и очень серьезного экономического сотрудничества, причем не только в энергетике, но и в таких областях, как сельское хозяйство, инфраструктуры, телекоммуникации, финансово-банковский сектор», сербское правительство «особенно поощряет участие банков на нашем рынке, прежде всего Сбербанка, и создание эвентуальных инвестиционных фондов с банком ВТБ». По вопросу развития военного и военно-технического сотрудничества, особенно в определенных проектах в области военной промышленности, сербский премьер указал на необходимость модернизации сербской армии и закупки современных видов вооружений. Он выразил уверенность, что «отношения между Россией и Сербией должны быть открытые и дружественные»⁴⁸.

Был затронут ключевой косовский вопрос. Для сербского руководства, как отметил премьер, в области внешней политики приоритетным направлением является вступление в ЕС, также географическое положение страны, по его словам, не позволяет Сербии присоединиться к российским интеграционным процессам и организациям⁴⁹. Однако на пути к обретению членства в ЕС главным препятствием является требова-

ние Брюсселя об установлении добрососедских отношений Сербии с так называемой Республикой Косова. Причем ЕС настаивает на получении видимых результатов переговорного процесса в предельно сжатые сроки. В результате сербское руководство оказалось в жестких тисках, став заложником собственного выбора вектора движения — евроинтеграции. Путь в ЕС коренным образом расходится с национально-государственными интересами Сербии в аспекте сохранения территориальной целостности, суверенитета и конституционного порядка страны. «С одной стороны, мы никогда не согласимся с провозглашением независимости Косово в одностороннем порядке», с другой стороны — необходимо продолжать диалог с Приштиной, «конечно, не соглашаться со всем, что нам предлагают, — то, что было сейчас на столе, мы с этим не могли согласиться. Но мы готовы продолжать переговоры».

Ивица Дачич признает: «Если мы хотим, чтобы Россия более активно участвовала в этом процессе, мы должны консультироваться относительно каждого нашего шага, которые мы делаем по этому вопросу, и не делать каких-то односторонних движений, которые потом очень трудно исправить, как, например, сделанное без консультаций предложение Генеральной Ассамблеи ООН о переносе переговоров в Европейский Союз. И они сейчас находятся на уровне Европейского Союза. А сейчас Сербия просит Россию, чтобы ей помогли вернуть эти переговоры в рамки ООН»⁵⁰. Россия, по его словам, весьма недовольна, хотя открыто этого и не показывает, тем, что о некоторых событиях во внешней политике Сербии она узнавала только когда они уже происходили, как это было с ситуацией по передаче решения косовской проблемы в ЕС⁵¹.

Однако в эксклюзивном интервью «Голосу России» от 11 апреля 2013 г. И. Дачич не стал настаивать на необходимости передачи переговорного процесса под эгиду ООН (несмотря на принципиальные договоренности Николича и Путина по этому вопросу): «сейчас, когда у нас имеются проблемы с Евросоюзом, ожидать, что Россия как-то исправит это решение, было бы некорректно и нереально. К тому же, очень сложно предсказать последствия такого шага. В любом случае, мы рассмотрим все возможности»⁵². 14 апреля вице-премьер А. Вучич указал на стремление достигнуть соглашения с международным сообществом и Приштиной, если оно будет удовлетворять «на-

шим элементарным государственным и национальным интересам»⁵³. В тот же день И. Дачич выразил готовность вести переговоры с Приштиной напрямую, без посредников⁵⁴, однако эту идею отверг «косовский премьер» Хашим Тачи.

В данной ситуации Россия призвала не «рубить сплеча», а подходить к проблеме взвешенно. Со своей стороны В.В. Путин лично пообещал оказать содействие — провести беседы с ведущими западными политиками, включая США. Решение косовского вопроса, как многократно указывали российские представители, должно стать универсальным для всех подобных случаев — а таких «замороженных конфликтов» в Европе довольно много.

Однако правительство Сербии 22 апреля 2013 г. утвердило, а «правительство» и «парламент Косова» ратифицировали «Первое соглашение о главных принципах нормализации», достигнутое (парафированное) 19 апреля переговорными командами Белграда и Приштины. Соглашение не указывает, к какому государственному образованию оно применимо, однако по сути регулирует вопрос положения сербского национального меньшинства «в Косово». Набор прав сербского народа урезан по сравнению с предлагаемым ранее, но отвергнутым как Сербией, так и Россией в СБ ООН так называемым планом Марти Ахтисаари.

В документе нет упоминания о Резолюции СБ ООН 1244, о Косово как составной части Сербии — автономии или любого иного образования в границах Сербии, равно как о государственных структурах/учреждениях Республики Сербии. Напротив, в документе указывается Конституционный закон и законодательство Косова, центральная власть Косова, единая полицейско-правосудная система Косова. Полицейские и судебные органы, а также другие государственные органы Республики Сербии, продолжающие функционировать на севере края, должны стать составной частью соответствующих структур Косова. Термин «нормализация» поясняет американский дипломат Даниэль Сервер: «под нормализацией подразумевается не только реинтеграция северного Косова, но и завершение кампании Сербии против международного признания и членства Косова в ООН»⁵⁵.

Отметим, что по настоящий момент «Первое соглашение о нормализации отношений» между Сербией и Косова, после па-

рафирования 19 апреля утвержденное косовским и сербским правительствами и парламентами, так и не было представлено в Белграде официально. В СМИ курсируют различные неофициальные версии текстов на английском, албанском и сербском языках. Последние две версии предназначены для внутреннего албанского и сербского употребления, по выражению депутата в «парламенте Косова» от Единого сербского списка Р. Трайкович, для смягчения общественного мнения, в то время как применение соглашения планируется согласно английской версии⁵⁶. Сербский дипломат Ж. Йованович отмечает: несмотря на отсутствие в документе признания независимого Косова, *de iure* ликвидируется законодательный и конституционный порядок Сербии, признаются законы и конституция Косова, включая север края, населенный сербским большинством. Государственные институты Сербии (объединение общин, судопроизводство и полиция) интегрируются в правовую систему Косова, сербы приобретают статус граждан Косова и позицию нацменьшинства. Кроме того, в английском тексте (п. 4) использован термин «overview», т. е. надзор в областях экономического развития, образования, здравоохранения, городского и сельского планирования — этот термин неэквивалентен исполнительным функциям, автономии или самостоятельности⁵⁷. Заместитель «премьера Косова», С. Петрович также обращает внимание, что «договор между Косовом и Сербией не содержит элементов автономии для сербов в общинах, в которых они составляют большинство... Объединение общин по сути не располагает законодательными и исполнительными полномочиями»⁵⁸.

Таким образом, в результате 10-ти раундов переговорного процесса вместо Резолюции 1244 и Конституции Сербии сербская сторона во главе с премьером И. Дачичем подписала согласие на ликвидацию правового и конституционного порядка, государственных институтов Республики Сербии и установление иностранного (косовского) конституционного порядка и государственных институтов. Таким образом, на данном этапе *de iure* осуществлено не признание, но отказ от Косова, включая север этого края.

Принятие документа стало водоразделом, разделившим сербское общества на два лагеря. На одной стороне оказалась правящая коалиция, на другой — оппозиционные партии

Сербии, сербы Косова и Метохии и Сербская православная церковь.

Сербский патриарх Ириней по поводу Брюссельского соглашения обратился к Сербии и сербскому народу. В начале обращения патриарх подчеркнул, что соглашение «о нормализации отношений» подписано сербским премьером с «председателем правительства Косова» — лицом, находящемся в уголовном розыске Сербии. Далее по сути документа глава Сербской Православной Церкви указал: «Неотвратимо впечатление, что речь идет о полной ликвидации институционального присутствия Сербии на территории ее южного края, об установлении ограниченной автономии сербского сообщества на пространстве к северу от моста на Ибре в Косовска-Митровице в рамках истаблишмента Тачи и тем самым, явно или тайно, но фактически признается существование государственной власти в Косово и Метохии, независимой от существующего государственного устройства Сербии. Ситуация усугубляется согласием государственного руководства Сербии на беспрепятственный процесс „евроинтеграции“ тачивского Косова (без упоминания Метохии, которое звучит слишком по-православному и по-сербски, и без какого бы то ни было упоминания Сербии в этом контексте), что... ценой возможного вхождения в Европейский союз будет и формальное признание „независимого Косова“ Сербией и не препятствование получению „Косовом“ членства в ООН». Патриарх констатировал: «это — чистое предательство наряду с той или иной формой продажи нашей собственной вековой, в духовном и историческом смысле, важнейшей территории».

Глава СПЦ по поводу визита сербской делегации в Москву фактически накануне подписания соглашения с Приштиной ставит вопрос: «что наша высокая делегация искала в Москве несколькими днями ранее, если уже тогда была готова принять «максимум возможного», что все же менее «минимума желаемого» с точки зрения элементарных государственных и национальных интересов Сербии?» В преддверии ратификации более чем спорного документа, ставящего страну на грань острого политического кризиса, патриарх призвал депутатов Народной скупщины Сербии и президента Сербии «перед Богом, историей сербского рода и собственной совестью измерить и соразмерить свою моральную и историческую от-

ветственность в связи с решением о предоставлении/непредоставлении согласия Сербии как государства на подобное соглашение». Одновременно его воззвание обращено ко всему сербскому народу и к сербам КиМ: «сербский народ, который выжил и остался на вековых косовско-метохийских очагах и весь сербский род, где бы он не проживал, каковым бы ни стало решение государственного верха Сербии, не признавать диктат силы и несправедливости, но всегда и навек считать Косово и Метохию своей землей, не оспаривая, что это и земля тех албанцев, которые веками жили вместе с сербами». В заключении патриарх говорит: «Церковь в любом случае останется со своим народом и своими святынями в Косово и Метохии»⁵⁹. Таким образом, Синод Сербской Православной церкви и Патриарх Сербский призвали к мирному гражданскому неповиновению навязыванию («силовому диктату») реализации неприемлемого для Сербии соглашения.

На Всесербском соборе, состоявшемся в северной части Косовской Митровицы 22 апреля представители сербов всего КиМ и оппозиционных партий Сербии единогласно отвергли все пункты соглашения, парафированного в Брюсселе. В ходе протеста все предприятия и учреждения в городе были закрыты. Сербы подтвердили свою приверженность линии, выраженной на прошлогоднем референдуме в КиМ — непризнание независимого Косова, отказ от интеграции в косовскую систему, выразили острое осуждение попыткам «позорной сдачи сербского народа и территории в руки Хашима Тачи», назвав соглашение поражением и капитуляцией Белграда и навязыванием албанизации сербам Косово и Метохии.

Представители севера видели главную угрозу соглашения в интеграции четырех сербских общин севера края в «независимое Косово». Раденко Неделькович, глава косовско-метохийского округа подчеркивал: «договор носит классический характер самоотвода и демонтажа государства Сербии... это значительно ускорит распад государства Сербии... договором выполнено то, что не смогли сделать международное сообщество и Приштина, зато может сделать белградская власть — осуществить ассимиляцию сербов севера, но сербы этого не примут, понимая, что в независимом Косово жизни нам нет».

Представители юга, где сербов проживает в два раза больше, чем на севере края, считают, что по сравнению с существующей

щим положением сербы КиМ данным соглашением ничего не приобретают, а ликвидация государственных структур Республики, которые позволяли сохраниться и выжить сербскому народу в Косово и Метохии, означает «тихое и постепенное исчезновение сербов»⁶⁰.

Также на собрании было выдвинуто требование проведения общегосударственного референдума по поводу заключенного соглашения и принята «Декларация Собора сербского народа», в которой, среди прочего, указывается, что Брюссельское соглашение, подтвержденное сербским правительством, является нелегитимным и юридически ничтожным, а «народ, проживающий в Косово и Метохии, не позволит его реализацию, поскольку тем самым подпадает под власть квазигосударства Косово»⁶¹.

Для реализации Соглашения от 19 апреля «правительство Косова» приняло план, состоящий из 16 пунктов. В первую очередь предусматривалось создание Рабочей группы для формирования ассоциации (текст на албанском языке содержит термин «ассоциация», на сербском — «объединение», различные термины каждая сторона трактует в свою пользу) сербских общин. Должны были расформировываться «нелегальные структуры безопасности», включая МВД, разведслужбы и Гражданская защита, их объекты закрыты. Правительство Сербии должно было обнародовать решение о прекращении финансирования своих бывших органов и учреждений, а «правительство Косова» — провести конкурс приема на работу в Косовскую полицию и назначить регионального командира полиции по северу Косова. План предусматривал прекращение функционирования «параллельных прокуратур и судов», в соответствии с законами и процедурами Косова. В косовских реалиях это означало, что на бутафорскую должность «регионального полицейского командира» и в личный состав Косовской полиции на севере Косова будут назначены если и сербы, то исключительно лояльные Хашиму Тачи.

При этом Запад не допускал возможности, чтобы Соглашение осталось «мертвым словом на бумаге» и делал ставку на его применение. По этому поводу вице-премьер и министр обороны Сербии А. Вучич отмечал, что за прошедшие восемь месяцев правящая коалиция сделала больше, чем предыдущая власть за последние восемь лет⁶², что следует безотлагательно

перейти к реализации соглашения по формуле «еще не определено, что именно мы должны сделать до июня, но начать применение Брюссельского соглашения мы должны в любом случае»⁶³. Хашим Тачи горячо приветствовал решимость сербского вице-премьера, расценив его участие как «укрепление убежденности сербов севера в том, что данное соглашение — единственное решение для их будущего»⁶⁴. Вучича также поддержал И. Дачич: «Правительству Сербии не с кем переговариваться, мы решили принять это соглашение, и оно будет применено»⁶⁵. Британский дипломат Роберт Купер, периодически выступавший посредником на переговорах, подчеркивал, что «значительные перемены наступили именно с приходом новой власти в Белграде», «самым большим вызовом станет убеждение людей на севере Косова, что соглашение в их интересах»⁶⁶. Генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмусен, выступая 6 мая перед Европейским парламентом, заявил о необходимости скорейшего применения Брюссельского соглашения Белграда и Приштины, пообещав предоставление всесторонней помощи НАТО⁶⁷.

Согласно Плану применения Брюссельского соглашения Сербия приступила к закрытию всех учреждений полиции и системы безопасности. 14 июня была закрыта Канцелярия МВД Сербии в Лепосавиче. Глава Косовско-митровацкого округа Раденко Неделькович констатировал, что «будет продолжена работа, связанная с управлением делами и выдачей личных документов, остальные бывшие служащие МВД, которые здесь не только работали, но и дружили, должны разойтись по домам». Схожая судьба — выход на пенсию, включение в косовские структуры или отъезд в Сербию — ожидала бывших сербских полицейских в общинах Звечан, Косовска-Митровица и Зубин-Поток.

Помощник посла США в Косово Келли Дагман по поводу пятилетнего «юбилея» существования «Республики Косова» наметила следующий «ключевой шаг», необходимый для «нормализации отношений» Белграда и Приштины — «рекрутирование как можно большего числа сербов» в состав Косовских сил безопасности. Средством реализации этой задачи будут служить канцелярии общин (в системе ассоциаций нацменьшинств «Республики Косова»). Общинным канцеляриям вменяется в обязанность контактировать с гражданами, выявлять целе-

вую аудиторию — молодых людей (обоего пола) до 25 лет и «знакомить их с Косовскими силами безопасности». Министр КСБ, которым вскоре предстоит трансформация в полноценную боеспособную албанскую армию, Агим Чеку, призвал молодежь формируемой согласно Брюссельскому соглашению сербской ассоциации принять участие в процессе рекрутирования. Так, Приштинская община Грачаница выразила полную поддержку планам «Министерства обороны Косова» в побуждении сербской молодежи присоединиться к КСБ и таким образом «обеспечить свое надежное место работы, улучшить безопасность своей ассоциации, получить возможность улучшения образования»⁶⁸.

Слом потенциального сербского сопротивления Приштинской власти оформляется на институционально-государственном уровне, вытесняя международные организации, включая европейскую миссию с сомнительной легитимностью ЕУЛЕКС, мандат которой истекает в июне 2014 г. Так, в «парламенте Республики Косова» прорабатывается проект создания трибунала по военным преступлениям, совершенным в Косово. Трибунал будет рассматривать дела «всех подозреваемых в тяжелейших уголовных преступлениях», разумеется, прежде всего, *сербов против албанцев*.

Одной из главных характеристик этапа, помимо прочего, является тотальное уничтожение сербского культурно-исторического наследия. Приштинская администрация переименовывает практически все сербские города и села. В образовательных учреждениях изучается «новая косовская история», образца Тираны, но при полной поддержке «международной общественности». Так Епархия Рашско-Призренская становится «Православной церковью Косова»; знаменитая церковь в Призрене Богородица Левишка — «старейшей албанской церковью»; монастырь Високи Дечани «основывается албанским племенем Гаши»; сербская династия Неманичей переименовывается в албанскую династию Немани. Продолжается изменение этнической структуры — ведется ускоренное строительство и заселение албанцами сербских территорий не только к югу от р. Ибар, но и к северу, в тех районах, где албанцы никогда не проживали (например, в Брджанах — районе Косовска-Митровицы), что приводит к нагнетанию атмосферы страха и выселению неалбанских жителей.

Осуществляется ускоренная исламизация Косова и Метохии. Сейчас на территории КиМ насчитывается около 700 мечетей. При этом из их числа по состоянию на конец 2010 г. было восстановлено 113 мечетей, поврежденных в ходе конфликта и выстроено 155 новых. Число новых мечетей примерно равно количеству уничтоженных православных храмов. Примечательно, что из построенных вновь практически ни одна мечеть не имеет соответствующего разрешения⁶⁹. В Приштине, население которой составляет около 200 тыс. чел., функционирует 22 мечети. Существует проект муфтия Косово Н. Тернавы о строительстве «мега-мечети Приштины» (предполагается, что на ее территории будет располагаться 80 магазинов и 900 парковочных мест), отражающий влияние Саудовской Аравии⁷⁰.

Далее открывается новая фаза, на которой региону предстоит пройти несколько разноуровневых процессов. Первый — завершение военно-стратегической унификации, и создание НАТО-пространства. При этом вовлечение Сербии в альянс без преувеличения станет ключами от Балканского региона — опорного пункта НАТО на пути в Евразию.

Второй — военно-оперативное усиление албанского фактора с последующей политической и этнической корректировкой карты региона, предполагающая удовлетворение интересов национальных (албанского и мусульманского) меньшинств и, одновременно, обострение этнических конфликтов. По второму направлению следует отметить событие решающего значения — заключение 3 июля 2013 г. соглашения о военном сотрудничестве «Косова» и Албании (члена НАТО), о пребывании ВС сил одной стороны на территории другой. Договор определяет процедуру переброски и дислокации, а также статус ВС Республики Албании и так называемых Косовских сил безопасности (КСБ). Основопологающим является положение о праве албанских армейских подразделений размещаться на территории «Косова». В случае объединения албанско-косовских усилий может быть создана армия численностью до 20 тыс. чел. Таким образом, Приштина получит не только прямую помощь Албании в области обучения «военнослужащих КСБ», но и, по сути, выход на море. Это укрепит ось «Тирана-Приштина» в геостратегическом отношении и позволит вести речь о реализации радикальных планов в отношении региона, учитывая, что сухопутная граница меж-

ду Албанией и Косовом практически отсутствует, равно как и между Косовом и Македонией⁷¹. Главной мишенью «албанского фактора» становится Сербия, которой предложена роль, по определению М. Лазанского, «молчаливого наблюдателя и соучастника создания Великой Албании»⁷².

Сразу же после заключения Приштинской военной договоренности с Албанией, 9 июля последовало провозглашение Генеральным секретарем НАТО Андерсом Фог Расмуссеном создания боеготовой армии «Республики Косова»: достижение Косовскими силами безопасности «полной операционной мощи» и «способности выполнения ими поставленных задач в соответствии с их мандатом и стандартами НАТО»⁷³. После заключения Белградом Брюссельского соглашения с Приштиной, позволяющего интегрировать север Косова в состав нелегитимного квазигосударства, созданием армии нанесен один из последних штрихов, оформляющих «государственность РК».

Сербское население севера края, со своей стороны, согласно Конституции и законам Республики Сербии, 4 июля 2013 г. сформировало Скупщину Автономного края Косова и Метохии. В состав Скупщины вошли председатель, заместитель председателя, секретарь и 119 депутатов от локальных парламентов общин Косовска-Митровица, Звечан, Лепосавич и Зубин-Поток. Примечательно, что сразу же вслед за провозглашением Временного парламента Автономного края Косова и Метохии 4 июля 2013 г. последовало заявление председателя общины Буяновац Йонуза Муслию, который от имени албанцев трех общин юга центральной Сербии потребовал сформировать албанский парламент Прешевской долины и призвал политических лидеров и общественные силы консолидировать усилия для достижения этой цели.

Главным показателем реализации Сербией Брюссельского соглашения после ликвидации полицейской и судебной системы Республики Сербии на части своей территории должно стать участие сербов севера Косова в локальных выборах «Республики Косова», на выборах 3 ноября 2013 г. Однако сербы севера Косова приняли решение бойкотировать косовские выборы. Славко Стеванович (Социалистическая партия Сербии), председатель Скупщины Автономного края Косова и Метохии официально объявил о бойкоте приштинских выборов, «поскольку участие в них сербов будет означать точку невоз-

врата — признание самопровозглашенного фантомного государства Косова». Стеванович подчеркнул, что на референдуме, на Сербском соборе в Косовска-Митровице и в резолюции заседания делегатов Скупщины АК КиМ ясно выражена позиция сербов о непринятии косовских институтов, что является волеизъявлением народа, которую следует соблюдать. Бойкот, по словам Стевановича, является средством доказательства для Приштины, Белграда и международного сообщества существования для сербов Косова лишь одного государства — Республики Сербии⁷⁴.

Одновременно в ходе продолжения «технического диалога» Белграда и Приштины Сербия согласилась с предоставлением «Косову» с января 2015 г. собственного международного телефонного кода — 383. Согласно договоренности, заявку на международный код «Косову» Международному союзу телекоммуникаций подаст одна из стран ЕС — Австрия, Италия или Швеция.

Задачу действительного или виртуального вовлечения сербов севера в процесс голосования на локальных выборах и постановку тем самым севера под контроль Приштины Белград решал при помощи двух способов: прямого запугивания сербского населения (угрозами лишения работы, включая членов семей, в случае невыхода на выборы), а также масштабными фальсификациями со списками избирателей. Так, например, секретариат «Центральной избирательной комиссии Косова» 30 сентября 2013 г. сообщил, что из 40-тысячного списка сербских избирателей, переданного Сербией в Приштинский ЦИК, последний счел возможным оставить лишь 6 593 человека. Оставшийся список, превышающий 32 тыс. чел., содержал неистинные сведения (имена, фамилии, год рождения не соответствовал действительности)⁷⁵.

«ЦИК Косова» 3 ноября с удовлетворением сообщил о выходе к 19. 00. 45,79 % (814. 780) избирателей; выборе 10-х градоначальников и проведении второго круга голосования в 24-х общинах (все это относится к общинам к югу от Ибра, т. е. за исключением 4 сербских общин севера края). Что такое «косовские» выборы и что именно они сулят сербскому населению, самым красноречивым образом демонстрирует факт избрания на пост градоначальников в общинах Србица и Глоговац (печально известный район Дреницы, где и по сей день

действует Дреницкая ОПГ) Сами Люштаку⁷⁶ и Неджата Демаку — находящихся под следствием по обвинениям в военных преступлениях бывших боевиков Армии освобождения Косова. Также стоит упомянуть, что на посла Косова в Тиране и бывшего командира АОК Сулеймана Селими, равно как и депутата партии Тачи Фадила Демаку, а также на еще ряд лиц, европейской миссией ЕУЛЕКС выписаны ордера на арест по обвинениям в военных преступлениях.

Никакие манипуляции не смогли скрыть тот факт, что на севере края явка населения на выборы была минимальной⁷⁷. На пресс-конференции Антивыборного штаба Марко Якшич отмечал, что выход, на выборы, согласно данным ЦИК, не превышал 2%⁷⁸.

В результате смысл признанных вопреки массовым нарушениям, давлению и запугиванию избирателей выборов в систему местного самоуправления заключается в закреплении ликвидации сербских государственных органов и учреждений по всей территории Косова и Метохии, включая север края. На севере Космета в настоящему моменту прекратили функционирование полиция, судебная система, службы безопасности Республики Сербии. Все полномочия сербских органов власти перешли в ведение соответствующих органов власти «Республики Косова» — косовской полиции, косовского суда, косовских разведслужб. Сербы в «Республике Косова» превратились в нацменьшинство. Однако на севере края все еще сохраняется статус-кво. Скупщина АК КиМ взяла курс на проведение собственных, по законам Республики Сербии, выборов в местное самоуправление. Сербское население полно решимости защищать в полном смысле этого слова, свою жизнь, свободу, государственность и конституционный порядок своей страны.

Брюссельское соглашение является крупной, но далеко не последней уступкой Белграда Евросоюзу на пути европейской интеграции. Заключительной мерой предполагается принятие «Республики Косова» в ООН. Однако, как отмечает сербский дипломат Ж. Йованович, решение косовской проблемы лежит исключительно в открытии нового переговорного процесса под патронатом СБ ООН на основе Резолюции 1244 и исключительно на принципах и нормах международного права. Решение не может обходить волеизъявление сербского населения в Косово и Метохии, и особенно, на севере края.

В противном случае речь идет о беспрецедентной в истории добровольной передаче в мирное время, ради обретения даты присоединения к некоему международному сообществу, одним государством части своей территории в руки сепаратистского, девиантно-криминального квазигосударственного формирования. Таковы главные аспекты, связанные с реализацией переговорного процесса, ставящего своей конечной целью интеграцию севера края в систему Приштинской власти, что, вне сомнения, открывает новый этап в истории юга Балканского полуострова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Контактная группа (КГ) состоит из 6 государств: США, Великобритания, Франция, Германия, Италия и Россия. КГ была создана в 1994 г. для координации деятельности государств, заинтересованных в разрешении балканского кризиса. Группа сыграла решающую роль в ходе принятия Дейтонского соглашения по Боснии и Герцеговине, а также в переговорном процессе в Рамбуйе. КГ, после нескольких лет перерыва, возобновила свою деятельность в 2003 г.

² Šiptari usvojili rezolucija o okončanju nadziranje nezavisnosti // <http://kimenovine.wordpress.com/2012/01/>

³ Митровица: преко 60 одсто! Звечан и ЗП: безмало 60 одсто! Лепосавић: преко 50 одсто! // <http://fakti.org/srpski-duh/mitrovica-preko-60-odsto-zvecan-i-zp-bezmalo-60-odsto-leposavic-preko-50-odsto>

⁴ Pantić: Referendum će biti održan // <http://kimenovine.wordpress.com/2012/01/>

⁵ Beta // <http://www.naslovi.net/2012-02-20/beta/referendum-kostao-100-000-dinara/3202787> 20. 02. 2012

⁶ Beta // <http://www.naslovi.net/2012-02-16/beta/ne-ignorisati-rezultate-referenduma/3192462> 16. 02. 2012

⁷ <http://www.vesti-online.com/Vesti/Tema-dana-209890/Boks-mec-Beograda-i-Pristine-2-Kosovo-ni-na-nebu-ni-na-zemlji>

⁸ Srbi sa severa Kosova: Izbori i u pokrajini // Vesti on-line. 06. 03. 2012. <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/208302/Srbi-sa-severa-Kosova-Izbori-i-u-pokrajini>

⁹ Priština: Nelegalni srpski izbori na Kosovu // Vesti on-line. 14. 03. 2012. <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/210141/Pristina-Nelegalni-srpski-izbori-na-Kosovu>

¹⁰ Obamina savetnica: Srbiji otvorena vrata NATO // Mondo. 01. maj 2012. http://www.mondo.rs/s242989/Info/Srbija/Obamina_savetnica_Srbiji_otvorena_vrata_NATO.html

¹¹ Бајрам Реџеџи: Упутићемо протестну ноту због руске помоћи северу Косова // <http://srb.fondsk.ru/news/2012/05/01/bairam-redepi-uputihemo-protestnu-notu-zbog-ruske-pomohi-severu-kosova.html>

¹² Амбасадор Александар Конузин: Односи Русије и Србије у успону // http://www.geopolitika.rs/index.php?option=com_content&view=article&id=320:ambasador-aleksandar-konuzin-odnosi-srbije-i-rusije&catid=32:2010-04-09-10-15-49&Itemid=123

¹³ Kosovo : August 2012 Monthly Forecast : Security Council Report // <http://www.securitycouncilreport.org/monthly-forecast/2012-08/kosovo.php?print=true>

¹⁴ http://www2.pressonline.rs/sr/glasaj2012/Najnovije_vesti/story/219841/Vu%C4%8Di%C4%87%3A+O%C4%8Dekujem+pobedu+Nikoli%C4%87a+u+drugom+krugu+.html

¹⁵ http://www.b92.net/info/izbori2012/vesti.php?yyyy=2012&mm=04&dd=11&nav_id=599622

¹⁶ <http://www.dnevnik.rs/politika/vucic-tadic-nema-plan-mi-imamo>

¹⁷ http://www.media1.rs/politika/766715/948072/Toma_nista_protiv_eu

¹⁸ <http://www.rts.rs/page/stories/ci/story/>

¹⁹ <http://kfos.org/wp-content/uploads/2012/04/Kosovo-Calling-ENG.pdf>

²⁰ <http://www.interfax.ru/txt.asp?id=4603&sec=1483>

²¹ Kosovo and Serbia: a little goodwill could go a long way // Europe Report N°215 — 2 February 2012. <http://www.crisisgroup.org/~media/Files/europe/balkans/kosovo/215%20Kosovo%20and%20Serbia%20-%20A%20Little%20Goodwill%20Could%20Go%20a%20Long%20Way.pdf> С. 9.

²² Војислав Коштуница: Испоставило се да сам погрешио када сам подржао Томислава Николића // нова српска политичка мисао, 03. јун 2013. <http://www.nspm.rs/hronika/vojislav-kostunica-ispostavilo-se-da-sam-pogresio-kada-sam-podrzao-tomislava-nikolica.html>

²³ http://www.b92.net/info/vesti/index.php?yyyy=2012&mm=07&dd=03&nav_category=11&nav_id=623341

²⁴ <http://www.standard.rs/sta-misle-kosovski-srbi-ako-nova-vlada-prihvati-borkove-sporazume.html>

²⁵ http://www.mondo.rs/s261388/Info/Srbija/Vol_Strit-_Razgovori_se_nastavljaju.html

²⁶ <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/264714/Nemacka-ponuda-Finansijska-autonomija-za-sever-KiM>

²⁷ <http://www.nspm.rs/hronika/danas-nemacka-bila-protiv-zalaganja-za-qteritorijalni-integritetq-kosova.html>

²⁸ <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/264714/Nemacka-ponuda-Finansijska-autonomija-za-sever-KiM>

²⁹ <http://www.blic.rs/Vesti/Politika/340597/Predsednik-Albanije-u-Pristini-sa-Albancima-sa-juga-Srbije>

³⁰ <http://www.politika.rs/rubrike/Hronika/Tuzilastvo-proverava-izjave-celnika-Preseva-i-Bujanovca.lt.html>

³¹ <http://www.radiokim.net/vesti/vucic-i-vorlik-za-nastavak-dijaloga.html>

³² <http://www.pressonline.rs/kategorija/read/sad-poklonile-vojsci-srbije-17-hamera>

³³ <http://www.cablegatesearch.net/cable.php?id=08PRISTINA354>

³⁴ <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/253217/Riker-SAD-ponosni-partner-Kosova>

³⁵ <http://www.nspm.rs/hronika/anders-fog-rasmusen-nato-nece-povlaciti-trupe-sa-kosova.html>

³⁶ <http://srb.fondsk.ru/news/2012/10/08/nehe-biti-podele-kosova-i-maksimalno-shto-se-mozhe-izvuhi-ie-speciialni-status-za-sever.html>

³⁷ <http://srb.fondsk.ru/news/2012/10/06/za-vlast-u-srbii-veha-svetina-potpis-ili-parafirane-borka-strefanoviha-od-ustava-srbiie-zakona-i-medzhunarodnog-prava-i-rezolucii-1244.html>

³⁸ <http://srb.fondsk.ru/news/2012/10/06/maikl-kirbi-bihe-potrebno-osam-do-deset-godina-da-se-okonchaiu-pregovori-srbiie-o-chlanstvu-u-eu.html>

³⁹ <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/267244/Taci-Pristinska-platforma--deklaracija-nezavisnosti>

⁴⁰ <http://srb.fondsk.ru/news/2012/10/11/dzhordzhe-vukadinovich-priznane-integriteta-kosova-ie-na-linii-nemachkog-zahteva-umiruiuhe-izjave-samo-blagi-sedativ.html>

⁴¹ <http://srb.fondsk.ru/news/2012/10/14/miroslav-lazanski-eu-igra-koia-nie-uspela.html>

⁴² <http://srb.fondsk.ru/news/2012/10/12/file-od-kosova-zavisi-ssp.html>

⁴³ <http://srb.fondsk.ru/news/2012/10/12/aleksandar-vuchih-formulaciia-o-teritoriaalnom-integritetu-kosova-pogreshno-protumachena.html>

⁴⁴ <http://srb.fondsk.ru/news/2012/12/02/evropski-parlament-srbiia-da-ukine-paralelne-institucii-na-kosovu.html>

⁴⁵ <http://www.nspm.rs/hronika/suzana-grubjesic-vise-nije-moguca-politika-qi-eu-i-kosovoq.html>

⁴⁶ <http://fakti.org/srpski-duh/pergament/svesto-se-dogovori-sa-pristinom-bice-ustavnim-zakonom-preneto-organima-ap-kim>

⁴⁷ <http://www.nspm.rs/hronika/ivica-dacic-qnacelna-saglasnostq-o-zajednici-srpskih-opstina-ne-i-o-nadleznostima.html>

⁴⁸ Российско-сербские межправительственные переговоры 10 апреля 2013 // <http://government.ru/special/docs/23846/>

⁴⁹ <http://www.ruserbia.com/politics/1143-ivitsa-dachich-rossiya-nas-zlitsya>

⁵⁰ Российско-сербские межправительственные переговоры 10 апреля 2013 // <http://government.ru/special/docs/23846/>

⁵¹ <http://www.ruserbia.com/politics/1143-ivitsa-dachich-rossiya-nas-zlitsya>

⁵² http://rus.ruvr.ru/2013_04_11/Ivica-Dachich-Mi-hotim-maksimalnogo-sblizhenija-s-Rossiej/

⁵³ <http://srb.fondsk.ru/news/2013/04/14/srbiia-zheli-da-postigne-sporazum-sa-medzhunarodnom-zaiednicom-i-prishtinom-ali-da-to-bude-uskladzheno-sa-nashim-elementarnim-drzhavnim-i-nacionalnim-interesima.html>

⁵⁴ <http://fakti.org/serbian-point/dacic-rusija-je-kljucni-faktor-razvoja-i-buduce-snage-srbije>

⁵⁵ <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/305456/Posle-severa-Pristini-i-stolica-u-UN->

⁵⁶ http://www.mondo.rs/s287936/Info/Srbija/Trajkovic-_Tri_verzije_sporazuma_iz_Brisela.html

⁵⁷ <http://www.standard.rs/zivadin-jovanovic-cega-nema-u-sporazumu-iz-brisela.html>

⁵⁸ <http://akter.co.rs/25-politika/38643-sporazum-nema-elemente-autonomije.html>

⁵⁹ <http://www.nspm.rs/hronika/sinod-spc-u-odnosu-na-ovakav-sporazum-i-podela-teritorije-bila-bolje-pravednije-i-odrzivije-resenje.html>

⁶⁰ <http://www.vaseljenska.com/vesti-dana/srbi-sa-okupiranih-teritorija-ako-prihvatimo-nestacemo/>

⁶¹ http://www.mondo.rs/s287295/Info/Srbija/Srbi_sa_severa_Kosova_ne_prihvataju_sporazum.html

⁶² <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/309135/Vucic-zamolio-EU-da-nagradi-Srbiju->

⁶³ <http://www.nspm.rs/hronika/aleksandar-vucic-vlada-ce-pasti-ako-ustavni-sud-obori-sporazum-s-pristinom.html>

⁶⁴ <http://www.nspm.rs/hronika/hasim-taci-pozdravljam-najavljeni-vucicev-dolazak-na-kosovo-jer-ce-uticati-na-srbe-da-prihvate-sporazum.html>

⁶⁵ <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/310174/Nema-vise-pregovora-sa-Srbima-sa-severa>

⁶⁶ <http://www.nspm.rs/hronika/robert-kuper-ubediti-srbe-sa-severa-kim-da-je-briselski-sporazum-u-njihovom-interesu-bice-najveci-izazov.html>

⁶⁷ <http://www.rts.rs/page/stories/ci/story/1/%D0%9F%D0%BE%D0%B%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/1318322/%D0%A0%D0%B>

0%D1%81%D0%BC%D1%83%D1%81%D0%B5%D0%BD+%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BA%D1%83%D1%98%D0%B5+%D0%B1%D0%BE%D1%99%D1%83+%D1%81%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%98%D1%83+%D0%BD%D0%B0+%D0%9A%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%83. html

⁶⁸ <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/302861/Kosovske-bezbednosne-snage-regrutuju-Srbe>

⁶⁹ <http://www.seecult.org/vest/kosovo-skrece-pogled-sa-nelegalnih-dzamiya>

⁷⁰ http://www.weeklystandard.com/blogs/kosovo-still-balkan-front-line-against-radical-islam_693589.html?page=2

⁷¹ <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/325498/Kosovo-i-Albanija-potpisali-vojni-sporazum>

⁷² <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/325844/Beograd-cenemo-posmatrati-stvaranje-Velike-Albanije>

⁷³ <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/327575/NATO-pohvalio-Bezbednosne-snage-Kosova>

⁷⁴ <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/329115/Srbi-nece-podjaram-Pristine->

⁷⁵ <http://www.nspm.rs/hronika/pristina-cik-prihvatio-6593-prijave-iz-srbije-od-40000-podnetih.html>

⁷⁶ Сами Люштаку (р. 1961) — совместно с Адемом и Хамзом Яшари, Фадилом и Нуредином Луштаку, Сулейманом Селими и др. являлся одним из основателей Армии освобождения Косова в районе Дреницы. Прошел военное обучение в Албании в 1997 г., участвовал в массовых убийствах сербских гражданских лиц (лагерь Ликовац), участник терактов — нападения на полицейский участок в с. Рудник и на полицейский конвой в с. Лудович в 1998 г. Тогда же назначен на должность замкомандира Главного штаба АОК в оперативной зоне Дреница, затем Х. Тачи назначил его командиром 2-ой оперативной зоны в регионе Призрена. Одновременно Люштаку являлся заместителем спецслужбы Косова, в которой, помимо прочего, отвечал за формирование добровольческих подразделений, отправлявшихся на боевые действия на территорию юга центральной Сербии — общин Прешево, Буяновац, Медвежья. Когда АОК была формально трансформирована в Косовский защитный корпус, американская администрация в связи с ярко выраженной террористической ориентированностью Люштаку вынуждена была вмешаться и сместить его с поста командира КЗК с запрещением ношения огнестрельного оружия. Далее все последующее время Люштаку скрывался в Албании. Его семья — одна из наиболее влиятельных в Дренице, близко «сотрудничает» с Хашимом Тачи, Селейманом Селими и Джавитом Халити — ключевые фи-

гтуры системы организованного криминала в «Республике Косова» (см. <http://www.nikadgranica.org/ko-je-sami-miljazim-ljustaku-sadasnji-gradonaclenik-srbice/>)

⁷⁷ «ЦИК» 8 ноября объявил, что в Лепосавиче проголосовали 12,52 % (из них 6,7 % сербов), в Зубином Поточе 13,38 % (3,4 % сербов), в северной Митровице 7,9 % (2,1 % сербов), в Звечане 7,39 % (3,2 % сербов). В целом на севере КиМ сербы вышли на выборы в количестве 3,8 % от числа избирателей. <http://srbinaokup.info/?p=19946>;

Конференция для прессы около Технической школы Марко Якшич, 3 ноября 2013, полдень <http://www.youtube.com/watch?v=mMdn4CAwu1M>, и о том же см. интервью Марко Якшича каналу Аль-Джазира <http://www.youtube.com/watch?v=IEZbAoLu7Wc> (с 6-ой мин).

⁷⁸ <http://www.srbijadanas.net/rezimski-batinasi-paralelno-sa-demoliranjem-birackih-mesta-demolirali-kancelariju-dr-marka-jaksica/>

РАЗДЕЛ III

ПУБЛИКАЦИИ

«Неосмотрительное поведение
низших чинов» полиции
Королевства Югославия
за год и восемь месяцев до убийства
короля Александра Карагеоргиевича
(февраль 1933 г.)

9 октября 2014 г. исполняется 80 лет со дня убийства короля Александра Карагеоргиевича. Потребовалось немалое время, чтобы международный заговор, результатом которого стало совершенное в Марселе покушение, перестал быть исторической загадкой. Сегодня участие в подготовке «атентата» македонских и хорватских террористов, а также стоявших за ними Рима и Берлина, подробно изучено отечественной и зарубежной наукой¹. Что касается французских властей, позволивших застрелить и югославского монарха, и собственного министра иностранных дел Луи Барту, то степень их ответственности была очевидной, наверное, уже той толпе зевак, что собралась поглазеть на прибытие венценосного гостя.

К косвенным виновникам произошедшего современники причисляли и окружение убиенного монарха, о чем свидетельствуют воспоминания некоторых представителей югославского политического класса и генералитета. Последние, не сговариваясь, указывали на командующего гвардией Петра Живковича — главного конфидента Александра, пользовавшегося его безграничным доверием, особенно после расправы над членами организации «Черная рука»². По словам генерала Панты Драшкича, «король совершал много ошибок по вине этой никчемной личности — Петра Живковича³. Не было бы Салоникского процесса⁴ и Петра Живковича — не было бы и марсельской трагедии»⁵.

С Драшкичем солидарен Боголюб Илич: «С 1917 г. и до самой смерти короля Александра генерал Пера Живкович был всемогущ... и в армии, и во внутриполитической жизни»⁶. Од-

нако, «накануне атентата, — продолжает Илич, — звезда генерала Перы начала закатываться... Король собирался сместить его сразу по возвращении из Франции. Это было хорошо известно самому Живковичу, и поэтому в нашей стране никто так не обрадовался смерти короля Александра, как генерал Пера Живкович и его клика. Эту радость я сам лично прочитал на его лице, когда пришло известие об успешном покушении... От возбуждения они не владели собой...».

Наряду с Живковичем Илич обвиняет и руководство югославского кабинета министров: «Все правительство знало, что во Францию отправилась тройка злоумышленников, чтобы совершить покушение. Однако, или намеренно, или по недомыслию ни председатель правительства⁷, ни министр иностранных дел⁸ не предприняли масштабных мер для обеспечения безопасности...»⁹.

Аналогичные претензии «жалкому белградскому правительству» предъявлял оппозиционно настроенный хорватский скульптор и общественный деятель Иван Мештрович, утверждавший, что «король Александр погиб, потому что хотел установить равноправие между Сербией и Хорватией... и положить конец военной и царшijsкой¹⁰ клике в Белграде»¹¹.

Министра внутренних дел Живоина Лазича за халатность корил другой мемуарист — один из руководителей сербской оппозиционной Радикальной партии и позднее премьер-министр Милан Стоядинович: «Лазичу предложили отправить в Париж нескольких агентов полиции. На это министр ответил, что потребовалось бы 200.000 динар (4.000 долларов по курсу того времени), а это «большой расход», непосильный для бюджета его министерства.

— Впрочем — добавил Лазич лаконично — парижская полиция лучше белградской.

Так не были предприняты первоочередные мера безопасности»¹².

Стойадиновичу вторит и высокопоставленный сотрудник югославского МИДа Коста Ст. Павлович, дипломатично заметивший, что «про лазичевскую полицию нельзя сказать, что она самая строгая и энергичная из тех, что когда-либо была у нас. Хотя ей нельзя отказать в определенном усердии»¹³.

Вышеприведенные упреки в адрес членов правительства и фаворитов Его Величества во многом продиктованы сообра-

жениями, далекими от беспристрастности и объективности. В то же время они небезынтересны, так как, по крайней мере, отражают актуальное для своего времени представление общества об ответственности нерадивой/злонамеренной «свиты» за смерть короля. Представление же это вполне соответствует объективной логике взаимоотношений авторитарного правителя и силовых структур. Для описания оной К.Ст. Павлович прибегнул к цитате из Слободана Йовановича: «Это был личный режим. Правитель властвовал сам, без народа... опираясь на полицию. С ее помощью можно было взять в узду печать, обеспечить большинство на выборах в скупщину, но не обезопасить правителя от заговора и покушения»¹⁴.

Невозможность последнего во многом объясняется тем, что заинтересованность правоохранительных органов в выполнении своих прямых обязанностей — поддержании правопорядка и безопасности — уменьшается по мере того, как растет их значение для обеспечения стабильности власти теряющего популярность сюзерена. История богата эпизодами того, как авторитар становится «заложником» собственного репрессивного аппарата, высшие и низшие чины которого начинают использовать свои полномочия для оказания влияния на престол и банального личного обогащения. Иллюстрацией зависимости Александра Карагеоргиевича от своего окружения едва ли может служить хрестоматийная участь императоров из династии Юлиев-Клавдиев. Петр Живкович, несмотря на аллюзии, содержащиеся в процитированных мемуарах Мештровича и, отчасти, Илича с Драшкичем, не годился на роль преторианца. Более уместна аналогия с правящим классом Российской империи, которого от индивидуального террора и «конечной участи» не уберег департамент полиции с его охранными отделениями и числившимися в них корыстолюбивыми агентами.

Предлагаемый вниманию читателя документ¹⁵ описывает предпринятую в феврале 1933 г. попытку главы МВД Ж. Лазича призвать к порядку распоясавшихся доморощенных «филеров», «сексотов» и «провокаторов», в буквальном и переносном смысле дорого обходившихся югославскому государству. Не этими ли соображениями было продиктовано роковое решение сэкономить 200.000 динар?

А.А. Силкин

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Королевства Югославия
Отделение общественной безопасности II
Строго секретно II. №3.
20 февраля 1933 г.
Белград.

Тема: неосмотрительное поведение
низших чинов полицейских органов
в отношении представителей
иностранных государств.

ЛИЧНО В РУКИ

Бану Савской бановины

Загреб

Господин министр иностранных дел своим письмом от 20 января с.г. уведомил меня о следующем:

«В последнее время находящиеся здесь иностранные представители очень часто жалуются мне на работу наших низших полицейских и военных чинов, а также стоящих над ними ведомств. Они обращают мое внимание на то, что за ними самими и их подчиненными, особенно военными атташе, следят полицейские и военные агенты, которые совершенно не скрываются и ведут себя оскорбительным для достоинства иностранных представителей образом.

Так, мне сообщили, что на лестнице перед входом в квартиру итальянского военно-воздушного атташе постоянно стоит детектив. С другой стороны, им постоянно навязываются агенты-провокаторы, предлагающие свои шпионские услуги в военной и политической сфере. 10 января с.г. агент Эдордо Облак явился в итальянское консульство в Сараево, представившись как Антонио Петрич. 14 января с.г. в итальянском консульстве в Загребе с аналогичным предложением отметился Арбе Вилко. В конце прошлого года с теми же намерениями в итальянское посольство в Белграде заходили некий Пивец и еще одно неустановленное лицо.

Кроме того, иностранные представители неоднократно мне жаловались, что их официальная и приватная корреспонденция перлюстрируется нашими органами. Местный аргентинский посол направил мне официальное письмо, в котором потребовал приказать соответствующим ведомствам уважать тайну дипломатической корреспонденции. А бельгийское посольство несколько раз обращало мое внимание на то, что вскрываются даже письма, адресованные членам семей бельгийских представителей.

Такая работа наших органов часто ставит меня в неудобное и неприятное положение. Приходится защищать, оправдывать или пытаться представить в лучшем свете безмозглое усердие, очевидную бестактность и грубость наших нижестоящих служащих и их начальников в отношении иностранных представителей.

Поэтому имею честь просить Вас, господин министр, сообразовывать издавать необходимые указания органам вверенного Вам министерства, дабы в будущем в указанном отношении они осуществляли свои обязанности с большим умом и тактом и, прежде всего, не вскрывали и не просматривали частную и официальную корреспонденцию. Следует помнить, что иностранные представители, наряду с тем, что в международном плане пользуются известными правами, еще и наши гости, по отношению к которым мы должны проявить свое гостеприимство и максимальную предупредительность».

Доводя до Вашего сведения вышеизложенное, рекомендую сообразовывать установить ответственность за подобные непристойности, которые наносят урон нашим государственным интересам и престижу государства, а также приказать, чтобы в будущем что-то подобное не смело повторяться.

Министр внутренних дел
Жив. А. Лазич

Публикация и примечания АА. Силкина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Eylan C.* La Vie et la mort D'Alexandre I Roi de Yougoslavie. Paris, 1935; *Волков В. К.* Операция «Тевтонский меч». М., 1966; *Он же.* Убис-

тво Краља Александра, Хитлерова завера. Београд, 1983; *Colombani R, Laplayne J-R*. La Mort d'un Roi, La Verite sur l'assassinant D'Alexandre de Yougoslavie. Paris, 1971; *Vunaver B*. Југославија — Француска између два рата (Да ли је Југославија била француски „сателит“). Београд, 1985; *Krizman B*. Ante Pavelić i ustaše. Zagreb, 1978.

² Тайная офицерская организация, основанная в Сербии в 1910 г. и называвшаяся официально «Объединение или смерть». 29 мая 1903 г. заговорщики совершили государственный переворот, убив короля Александра Обреновича и его супругу Драгу. «Черная рука» участвовала в подготовке покушения на эрцгерцога Франца-Фердинанда, совершенного Гаврилой Принципом в Сараево 28 июня 1914 г.

³ Петр Живкович, будучи молодым офицером, принял участие в Майском перевороте 1903 г. В дальнейшем он разошелся с другими заговорщиками, сформировавшими «Черную руку». Живкович стал неформальным лидером так называемой Белой руки — группы офицеров, сплотившихся вокруг престолонаследника, и противостоявших «чернорукцам». В 1929 г. Петр Живкович возглавил правительство после государственного переворота, который осуществил Александр Карагеоргиевич, упразднивший парламент и установивший режим личной власти.

⁴ Осенью 1916 г. на Салоникском фронте во время одной из инспекционных поездок на позиции автомобиль престолонаследника был обстрелян неизвестными, что стало поводом для обвинения руководителей «Черной руки» в совершении покушения на него. 17 декабря был арестован лидер организации Драгутин Димитриевич-Апис, а 23 мая 1917 г. военный суд приговорил его и еще восьмерых заговорщиков к смертной казни. Позднее приговор шестерым осужденным был смягчен. В ночь с 25 на 26 июня 1917 г. трое членов разгромленной тайной организации, включая Д. Димитриевича, были расстреляны на окраине Салоник.

⁵ Архив Српске академија наука и уметности. 14.211. II. Панга Драшкић. Мемоари. С. 221.

⁶ *Илић Б.С.* Мемоари армијског генерала 1898—1942. (приредио М.С. Бјелајац) Београд, 1995. С. 153.

⁷ Никола Узунович возглавлял правительство с января по конец декабря 1934 г.

⁸ Боголюб Евтич возглавлял МИД с июля 1932 г. по июнь 1935 г. С декабря 1934 г. он совмещал эту должность с постом премьер-министра. Евтич сопровождал Александра во время его рокового визита во Францию. По словам министра, король прошептал ему перед смертью: «Храните мою Югославию».

⁹ *Илић Б.С.* Указ. соч. С. 154.

¹⁰ От серб. «чаршија» — базар; торговцы; мещане; *перен.* молва; мнение улицы.

¹¹ Цит по: *Boban Lj.* Maček i politika Hrvatske Seljačke Stranke 1928—1941. I. Zagreb, 1974. S. 154.

¹² *Stojadinović M.* Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka, 1970. S. 279.

¹³ *Pavlović K.St.* Vojislav Marinković i njegovo doba (1876—1935). Knjiga peta. London, 1960. S. 38.

¹⁴ Цит. по: *Pavlović K.St.* Op. cit. S. 38. (Слободан Йованович описывал режим князя Михаила Обреновича, убитого в 1868 г. в Белграде).

¹⁵ Hrvatski državni arhiv. F. 145. (Savska banovina. Odsjek upravnog odjeljenja za državnu zaštitu). F. 8.

Н.С. Хрущев о советско-югославских отношениях и роли прессы и журналистского сообщества в их налаживании (май 1957 г.)

Предлагаемый вниманию читателя архивный документ впервые вводится в научный оборот. Он относится к периоду, когда начавшийся после смерти Сталина процесс нормализации советско-югославских отношений, преодоления последствий острого конфликта 1948 г.¹ застопорился вследствие венгерских событий 1956 г. В июне 1956 г. Тито был принят с большой помпой в СССР, и мало что предвещало новое резкое ухудшение двусторонних отношений, многотысячный митинг советско-югославской дружбы 19 июня на стадионе «Динамо» символизировал полное преодоление взаимного недоверия. Но не прошло и пяти месяцев, как на рассвете 4 ноября началась решающая советская военная акция по смене венгерского правительства. Действующий премьер-министр Имре Надь, осудив перед всем миром эту акцию в своем выступлении по радио, укрылся затем в югославском посольстве.

В Москве это восприняли как явное нарушение договоренности, достигнутой буквально накануне на о. Бриони (на Адриатике), где Н.С. Хрущев и Г.М. Маленков всю ночь напролет обсуждали с Й. Броз-Тито, Э. Карделем и А. Ранковичем пути решения венгерского вопроса². Ведь на Бриони речь шла о возможном содействии Белграда в нейтрализации неугодного руководству СССР правительства. Лидеры Югославии, имевшие влияние на венгерских коммунистов-реформаторов из команды И. Надя, фактически, по согласованию с Москвой, взялись за то, чтобы уговорить их добровольно самоустра-

ниться, уступив место у руля другому правительству, способному железной рукой пресечь анархию и навести порядок. Об открытии же в югославском посольстве политиков, перед этим выступивших с антисоветскими заявлениями, отнюдь не договаривались.

Прошла неделя, и 11 ноября Тито на партактиве в Пуле решил сыграть на опережение, информировав публику о секретной брионской встрече, не дожидаясь, когда весь мир узнает о советско-югославской договоренности по свержению венгерского правительства из уст лидеров КПСС (это нанесло бы слишком сильный удар по репутации Югославии как нейтрального, внеблокового государства). Между тем, несогласованная утечка информации была воспринята в Москве как грубое нарушение устоявшейся в мировом коммунистическом движении этики межпартийных взаимоотношений. Но мало того, выступая в Пуле, Тито, к острому раздражению Москвы, назвал венгерский кризис в определенной мере результатом советской политики, ставившей в неравноправные отношения партнеров по социалистическому лагерю. Ввод советских войск в Будапешт для подавления демонстрации 23 октября он назвал неоправданным. Обозначившиеся резкие расхождения лидеров КПСС и СКЮ в оценке венгерских событий не затушеввал и тот факт, что Тито осудил И. Надя за уступки реакции и выразил готовность поддержать новое правительство Я. Кадара, сформированное в СССР, — ведь надо было не только отмежеваться от СССР в целях сохранения лица в глазах международного общественного мнения, но и каким-то образом обосновать свое согласие с интервенцией.

Прошло еще три недели, и 7 ноября второе лицо в СКЮ и его главный идеолог Э. Кардель, выступая в Союзной скупщине ФНРЮ, раскритиковал бюрократический социализм советского образца, противопоставив ему венгерские рабочие советы³. Тогдашний посол Югославии в СССР В. Мичунович позже вспоминал, что никогда не видел Хрущева столь же взбешенным, как в ходе встречи, состоявшейся в тот декабрьский день 1956 г., когда ему принесли информацию о программной речи Карделя, к тому же распространенной югославской делегацией в ООН⁴. Через считанные дни, на декабрьском пленуме ЦК КПСС, советский лидер дал волю эмоциям: «Тито

болтает всякие глупости о новых путях какого-то югославского строительства социализма, а этот путь мы знаем что такое: получать подачки за то, что прислуживаться перед американскими империалистами. Конечно, тут большого ума не требуется для строительства такого югославского социализма, а нам, рабочему классу Советского Союза под руководством Ленина, пришлось самим первым пробивать дорогу и строить свое государство, накапливать средства, строить свои заводы, свою индустрию, и это действительно достойно подражания для других стран рабочего класса, что Советский Союз, более отсталая по сравнению с другими, западными государствами страна, первый завоевал власть рабочего класса и первый создал самую могущественную индустриальную страну из отсталой и настолько поднял промышленность, культуру своего народа, что разбил самого мощного врага во вторую мировую войну, и в результате нашей победы живет сейчас и учит югославскому социализму сам Тито, потому что если бы не было нашей победы, то его бы [войск] не хватило позавтракать гитлеровской армии»⁵.

Между КПСС и СКЮ развернулась острая полемика в закрытой переписке⁶, дискуссия перекинулась и в прессу⁷. Правда, при всей жесткости некоторых, главным образом рассчитанных на внутрипартийную аудиторию заявлений, в Москве ни в коей мере не хотели создавать впечатления о возможном возвращении к конфликтной ситуации сталинских времен. Как из писем, так и в ходе бесед с послом Н.П. Фирюбиным югославские лидеры, вовсе не желавшие отказываться от выгодного для них экономического сотрудничества с СССР, получали заверения в том, что с советской стороны, хотя и не собираются сдавать принципиальных идеологических позиций, предпримут тем не менее все усилия для улучшения двусторонних отношений. О необходимости держаться в полемике с «неверными утверждениями» югославов спокойного тона, не обостряя межгосударственных отношений с ФНРЮ, говорилось и в письмах лидерам компартий социалистических стран⁸.

С югославской стороны, однако, существовали реальные опасения возвращения к ситуации 1948 г. Пригласив 27 января 1957 г. советского посла Н.П. Фирюбина на охоту, Тито много говорил о том, что он «очень обеспокоен нашими те-

перешними отношениями» и много думает над тем, «каким образом поправить и развивать дальше добрые отношения между обеими партиями и нашими государствами»⁹. Обеспокоенность возросла после того, как в конце марта советский премьер Н.А. Булганин на митинге советско-венгерской дружбы публично заговорил о причастности югославов к идейной подготовке венгерской «контрреволюции»¹⁰. В Венгрии в это время уже начали готовить судебный процесс по делу И. Надя, который позже, в июне 1958 г., был обвинен в пособничестве контрреволюции, причастности к антигосударственному заговору и казнен. В Белграде очень боялись, что суд над И. Надем сыграет такую же роль, какую сыграл в 1949 г. судебный процесс по делу другого венгерского коммунистического политика, Ласло Райка, — антиюгославская кампания, инициированная Сталиным в 1948 г., взошла после сфабрикованного дела Райка на новый виток: югославов стали называть уже не просто ревизионистами и националистами, но шпионами и убийцами.

«Представители югославского посольства в Будапеште при каждой беседе с венгерскими товарищами пытаются подчеркнуть ненужность организации процесса над Имре Надем», — доносил 21 июня в Москву из Будапешта дипломат В.А. Крючков, будущий председатель КГБ¹¹. Обозначившаяся в этих условиях склонность Белграда к далеко идущим уступкам не укрылась от венгерского лидера Я. Кадара, говорившего 6 июня послу СССР Е.И. Громову о том, что югославы в последнее время предпринимают очевидные попытки улучшить отношения с СССР и его союзниками. Посол, следуя сохранявшейся линии центра на укрепление единства мирового коммунистического движения (а в это время уже была начата работа по подготовке широкого совещания компартий, первого после XX съезда КПСС), в ответ заметил, что если эти попытки являются искренними, надо предпринять встречные шаги, не идя вместе с тем на идеологические компромиссы¹². Зная о большом международном авторитете маршала Тито (в том числе и в формирующемся движении неприсоединения) и о популярности югославской модели социализма среди коммунистов-реформаторов всего мира, отлучать СКЮ от мирового коммунистического движения в Москве сочли нецелесообраз-

ным, ибо югославская схизма угрожала более широким расколом в лагере борцов за коммунизм.

Таков был внешний фон той встречи Хрущева с югославскими журналистами, которая состоялась 17 мая 1957 г. — ее полная запись, выполненная советской стороной, как раз и предлагается вниманию читателя. Встреча прошла в относительно дружеской атмосфере, чему нисколько не противоречили склонность советского лидера к фанфаронству, его стремление пустить югославам пыль в глаза демонстрацией успехов СССР, показав им на многих примерах (зачастую демагогических) преимущества советской модели над альтернативной югославской. В это время в Москве уже склонялись к принятию новых шагов в интересах улучшения советско-югославских отношений¹³. В ЦК СКЮ было направлено письмо соответствующего содержания¹⁴. 3 июня Тито принял посла Н.П. Фирюбина, заверив его, что руководство Югославии готово со своей стороны укреплять и развивать двусторонние отношения¹⁵.

В июле 1957 г. в СССР по приглашению Хрущева отдыхали наиболее влиятельные соратники Тито — Э. Кардель и А. Ранкович. В начале августа Хрущев и Тито впервые после брионских переговоров начала ноября 1956 г. встретились (в Румынии), обменявшись мнениями по широкому кругу проблем. Москва дала понять, что не намерена использовать дело И. Надя против югославского руководства, но попросила Тито принять участие в ноябрьском совещании компартий, призванном показать всему миру единство коммунистического движения. Приехав в Москву для участия в торжествах по случаю 70-летия октябрьской революции в России и встречах с лидерами братских партий, югославская делегация, однако, вопреки сильному давлению Хрущева, так и не подписала довольно жесткой по своим формулировкам, принятой под давлением китайской компартии Декларации совещания компартий социалистических стран. По сути дела она тем самым отвергла попытку вовлечь ФНРЮ в советский блок. Правда, она подписала другой программный документ мирового коммунистического движения — Манифест мира, опубликованный от имени представителей всех 68 приехавших в Москву компартий.

Хотя попытка Москвы заставить Белград играть по своим правилам снова закончилась полным фиаско, руководство КПСС и на этот раз воздержалось от того, чтобы встать на путь конфронтации с СКЮ. В условиях назревающих советско-китайских разногласий особенно важно было блюсти хотя бы видимость единства коммунистического движения. Публичная критика ревизионизма СКЮ развернулась лишь через несколько месяцев после московского совещания, после принятия весной 1958 г. новой Программы СКЮ, признанной в Москве как ревизионистская. Однако и в это время сохранилась установка «и в дальнейшем поддерживать нормальные отношения с Югославией, прежде всего по государственной линии, а не вести дело на разрыв с ней». Критика, отмечалось в том же установочном документе, «не должна вылиться в крикливую перепалку; не следует размениваться на мелочи, задевать национальные чувства югославов. Критика должна быть принципиальной, аргументированной и вестись в спокойном тоне, не впадая в крайности 1949—1953 гг.»¹⁶.

При том, что в 1959—1960 г. критика Москвой югославского «ревизионизма» пошла на спад, в ноябре 1960 г. КПСС согласилась на включение довольно резкого выпада в адрес СКЮ в итоговый документ следующего большого совещания компартий¹⁷. Такую цену решено было заплатить ради сохранения хоть на короткое время дававшего трещину союзу КПСС с китайской компартией. Однако принесение югославов «в жертву» единству с КПК оказалось совсем не эффективным, достигнутая на совещании 1960 г. компромиссная платформа между двумя великими коммунистическими державами смогла лишь на считанные месяцы отсрочить открытый конфликт между КПСС и КПК. С другой стороны, публично заявленная Тито в мае 1962 г. готовность (при всех разногласиях с КПСС) однозначно поддержать ее в идеологических спорах с китайской компартией дала довольно мощный толчок новому подъему в советско-югославских отношениях.

В условиях глубокого раскола между СССР и КНР в Москве со временем смирились наконец (зная о крайне негативном в то время отношении Пекина к белградским «ревизионистам») с особым статусом Югославии среди социалистических стран и прекратили все заведомо бесплодные попытки вовлечь нейтральное социалистическое государство, заинтересованное

прежде всего в экономическом сотрудничестве с СССР, в советскую сферу влияния. В дальнейшем советско-югославские отношения в целом отличались стабильностью и устойчивостью при сохранении некоторой дистанции ФНРЮ (позже СФРЮ) от социалистического лагеря и признании со стороны КПСС права Югославии на свой путь к социализму как порождение конкретных и неповторимых специфических условий. Кризис в двусторонних отношениях, связанный с различием позиций в период чехословацких событий 1968 г., был довольно быстро преодолен общими усилиями.

А.С. Стыкалин

Запись беседы Н.С. Хрущева с делегацией югославских журналистов¹⁸

17 мая 1957 г.

ХРУЩЕВ. Очень рад встретиться с вами, приветствовать вас. Я думаю, что вы хорошо использовали пребывание в Советском Союзе, так что это пребывание будет служить на пользу улучшения наших отношений, а в улучшении отношений между нашими странами и партиями мы нуждаемся. Нельзя сказать, что они хорошие.

ВУЙОВИЧ. Мы посетили Ленинград, Азербайджан, Южный Кавказ. Советский Союз — большая страна и все невозможно было посетить.

ХРУЩЕВ. Я сам уже сколько времени живу на белом свете и в Советском Союзе, а в Азербайджане был всего 1 раз и это было в 1921 году. Не так давно. (Смех).

ВУЙОВИЧ. Мы были во многих городах. Не были совсем в Армении, в Туркмении не были. Мы очень многое видели, разговаривали с людьми. Были в колхозах и в совхозах. Были в Сумгаите, в Баку.

ХРУЩЕВ. Там, где строится¹⁹ завод.

ВУЙОВИЧ. Завод уже готов, но заканчивается строительство цехатруб. Были на этом заводе.

ХРУЩЕВ. В Тбилиси вы были, в Грузии?

ВУЙОВИЧ. Нет.

ХРУЩЕВ. Вы не хотели поехать туда, хитрые. (Смех).

ВУЙОВИЧ. У нас в плане не было этого.

ХРУЩЕВ. Если бы вы сказали, вам бы предложили. В Грузии очень красиво, так что вы потеряли много. Югославия — горная страна, а в Грузии очень красиво.

Вы все боитесь товарища Сталина и поэтому в Грузию не поехали, чтобы не встретиться с его земляками.

ВУЙОВИЧ. Вовсе не потому, что мы боялись. Просто, когда договаривались, не было договорено, чтобы ехать туда.

ХРУЩЕВ. Я понимаю, это моя неосторожность. Я плохой дипломат. Об этом мне надо было подумать, но не говорить, а я подумал и сказал, и поставил в неловкое положение вас, вы должны были признаться, что вы не боитесь его, что не поехали туда, потому что не хотели. Если бы хотели поехать, могли бы поставить вопрос об этом.

ВУЙОВИЧ. 2 года тому назад, товарищ Хрущев, наша парламентская делегация была там.

ХРУЩЕВ. Была. Я сам в Грузии был последний раз в 1934 году. В Сухуми я был, но это уже другое побережье, а в самой Грузии, в Тбилиси и Батуми был в 1934 году. В 1921 году я был там с Красной Армией в качестве оккупанта. Большевики разбили и Красная Армия там была²⁰. Я Сталину говорил, что грузинская интеллигенция, офицеры плохо относились к Красной Армии, он говорил — что же вы наделали, вы же как оккупанты. Но так относились не все грузины. Сталин сам грузин.

ВУЙОВИЧ. Да, мы действительно товарища Сталина несколько не любим, но в Грузии хотели бы побывать.

Были в Ленинграде, в Смольном, были на заводе им. Ленина, который изготавливает машины для электростанций. Разговаривали там со многими людьми. Посетили редакцию. Осмотрели Ленинград. Вообще, то, что можно было сделать за 21 день, сделали.

ХРУЩЕВ. Ленинград, конечно, большой город, там большая промышленность.

ВУЙОВИЧ. Ленинградцы не сердились на нас за то, что Ленинград очень популярный город в Югославии. Это город-герой, как во время революции, так и во время войны. Ленинград во время Великой Отечественной войны был героическим примером не только для Советского Союза, но и вне Советского Союза, для партизан Югославии.

Но Советский Союз — это очень большая мозаика и необходимо очень много времени для того, чтобы везде побывать.

Нас очень тепло везде встречали. Нам показывали все, что мы хотели, разговаривали с нами. То, что мы успели увидеть, произвело на нас сильное впечатление. Особенно в отношении роста промышленности.

ХРУЩЕВ. В Киеве не были?

ВУЙОВИЧ. Только проездом. Побываем, если будет время.

ХРУЩЕВ. Вы поездом едете?

ВУЙОВИЧ. Да.

ХРУЩЕВ. Через Киев в Бухарест?

ВУЙОВИЧ. Через Будапешт.

ХРУЩЕВ. Это хороший маршрут, через горы Карпаты.

Ну, что еще вы нам скажете. Что вас главное интересовало, что видели хорошего, что видели плохого. Ваша печать больше пишет о плохом в нашей стране. Здесь вы все-таки скажите и о хорошем, что у нас есть. Мы готовы слушать и плохое. Бывают друзья, которые говорят и хорошее, и плохое. Это нас не обижает.

ВУЙОВИЧ. Я хотел бы возразить против того, что мы пишем только плохие вещи.

ХРУЩЕВ. Я слово «только» не сказал, я сказал «больше». (Смех).

ВУЙОВИЧ. Но и против этого мы будем возражать. (Смех).

Возьмем тезисы товарища Хрущева²¹. Мы печатали в сокращенном изложении тезисы на 5 колонках в газете. Напечатали об этом комментарии, статью, в которых подробно рассказали об этих тезисах. Затем дали еще одну статью. Затем изложили в нашей печати содержание дискуссии. Дали высказывания директора одного из заводов.

ХРУЩЕВ. А выступало их сколько?

ВУЙОВИЧ. Затем изложили содержание доклада на сессии Верховного Совета, который вы сделали. Это было напечатано на 3-х колонках²². 6 статей всего было о заседаниях Верховного Совета по одной только газете «Борба».

Это в качестве иллюстрации. Можно было бы привести еще много примеров. Вообще в югославской печати дается информация о Советском Союзе по ходу развития событий непрерывно о внутренней политике и внешней политике Советского Союза.

Было не совсем понятно слушать такое замечание, что информация дается в югославской печати и имеются комментарии к ней. Но в целом печать дает картину и будет писать и дальше. Для этого мы и приехали сюда. В советской же печати относительно меньше пишется о Югославии.

В течение 3 недель нам пришлось быть здесь, и до этого мы внимательно следили за вашей печатью. Там очень мало или даже нет ничего. Все крупные события, которые происходят в Югославии, о них замалчивается. Ну, скажем, заседание Народной Скупщины о положении в сельском хозяйстве. Это в настоящее время центральный вопрос внутреннего развития Югославии.

Только в журнале «Коммунист» была опубликована статья об этом²³. Не пишется по первоисточникам о тех вещах, которые происходят в Югославии и публикуются в печати, а только даются комментарии, из которых не видно существа вопроса.

Из резолюции Народной Скупщины можно было бы, например, видеть, каковы перспективы намечаются в Югославии по сельскому хозяйству. Этого ничего у вас в печати нет.

В югославской печати, например, очень много пишется о советском предложении по разоружению²⁴. Югославия поддерживает эту инициативу. Интервью было. А «Правда» и «Известия» пишут на своих страницах о комментариях по этому вопросу во всех странах мира, только о Югославии ничего не дают²⁵.

ХРУЩЕВ. Я считаю, что в последнее время Югославия меньше, я бы сказал, стала помещать антисоветских статей. Но совершенно для нас не понятно, почему нужно было Дидиера, этого дружка Джиласа²⁶, пустить в турне по Скандинавии с антисоветскими враждебными выпадами, непонятно²⁷. Потому что нельзя объяснить, что Дидиер поехал по своей инициативе и что это он говорил свое мнение, а не отражал мнение руководства Югославии. И это в то время, когда югославы могут всегда сказать, когда с чем не согласны. В данном случае никакого голоса не раздалось. Здесь просто трудно пользоваться резким выражением и трудно подобрать слово, которое достойно осуждения этого Дидиера.

ВУЙОВИЧ. Это он делал по своей инициативе.

ХРУЩЕВ. Оттого, что враги позорят, мы не пострадаем.

ВУЙОВИЧ. Он даже не член партии²⁸.

ХРУЩЕВ. Но с паспортом югославским.

Конечно, мы не похудеем от этого, потому что врагов у нас больше и более сильных, чем Дидиер, и то ничего не могут сделать. Дидиер — это букашка. Но неприятно, когда эту букашку выпускает югославское государство против нас.

Но давайте о более лучших вещах говорить, чем о неприятных. Поговорите об этом вопросе у себя.

ГОЛОС. Многие югославские граждане ездят за границу как частные лица. Они никакого не имеют отношения ни к партии Югославии, ни к государству.

ХРУЩЕВ. Я не слышал о таких поездках других лиц. Дидиер — это не случайное явление, потому что когда посылали Дидиера, знали, что он едет читать лекции. Но разве вы не знаете политического настроения этого Дидиера? Знаете. Знаете, что это злопыхатель и его выступление — это кому-то импонирует.

ВУЙОВИЧ. Он в Югославии не представляет политического лица. Он и в Югославии говорил против Югославии, и за это был даже арестован и посажен в тюрьму.

ХРУЩЕВ. Но теперь он, видимо, зарабатывает, чтобы его в тюрьму больше не сажали. Нас же это огорчает. Я лично считаю, что мы, может быть, в печати как-то дадим это.

ВУЙОВИЧ. Он боролся в Югославии против Югославии, против партии, против Броз Тито и руководства.

ХРУЩЕВ. А вот вы взяли бы в «Борбе» и написали, что клеветническая лекция, которая направлена против нашего дружеского государства — Советского Союза, и сказали, что мы отмежевываемся от таких заявлений. Но этого же нет?

ВУЙОВИЧ. Нам неизвестно, о чем говорил Дидиер.

ХРУЩЕВ. Это дело мы знаем, а вы, к сожалению, не знаете. А ведь у вас служба информации неплохо поставлена. Это вы не знаете, но в Югославии знают.

ВУЙОВИЧ. Нам не сказали об этом случае.

ГОЛОС. Если кто-нибудь говорил против Советского Союза, то это совершенно ясно, что никакого отношения к официальной политике партии не имеет. «Борба» всегда опровергает такие вещи.

ХРУЩЕВ. Правильно. Но это дает нам возможность сказать, что, видимо, он в какой-то степени выполняет какую-то миссию.

ВУЙОВИЧ. Хорошо, что журналисты здесь узнали вашу точку зрения и хорошо, что вы сказали нам, как Советский Союз смотрит на это дело. Это очень хорошо, что вы сказали об этом.

ХРУЩЕВ. Если бы наш гражданин сделал это, мы обязательно или солидаризировались бы с ним, или сказали, что ничего общего с ним не имеем, не согласны и осуждаем.

ВУЙОВИЧ. В очень неудобное положение мы поставлены, когда нам неизвестно это.

ХРУЩЕВ. Это не в упрек вам. Вы не знаете. А я говорю, что это не способствует улучшению взаимопонимания между нашими государствами. Дело не в том, что мы знаем об этой статье или не знаем. Она есть. Мы знаем, и руководители югославские тоже знают это, а реагирования нет. Значит, это поощряется. Мы имеем право так думать.

ВУЙОВИЧ. В этом деле непонятна одна вещь. Почему так о Дидиере много говорится, который к Югославии не имеет никакого отношения и не играет роли. Непонятно, почему так о нем много говорится. Его презирают все югославские граждане и я. Он вел борьбу против партии, внутри Югославии.

ХРУЩЕВ. Знаю и поэтому говорю именно так. Прохвост выступил за границей для того, чтобы клеветать. Вы можете сказать, что он против нас выступал. Но сейчас он выступает не против вас, а против нас.

Я прошу извинить, что Дидиер стал вроде главного вопроса. На черта нам надо знать, потому что, я повторяю, его влияние на нашу критику и политику, как на вола, но нам меньше требуется усилий, чем волу. Но надо душу сорвать, когда он хвастает, грозит нам²⁹.

Вот это иллюстрация, которая показывает, что у нас ненормальные отношения. Это мутит воду.

Теперь относительно того, что мы мало печатаем, это верно. Печатаем о Югославии мало. У нас до октябрьских событий в Венгрии развивались нормальные отношения. Мы печатали больше о Югославии. Были и статьи. Мы были довольны. Но после октябрьских событий в Венгрии, когда наши позиции стали совершенно противоположны³⁰, а вы и сейчас считаете, что это была революция, это в наше понятие не укладывается. Мы свою точку зрения имеем и не можем печатать то, что совершенно противоречит нашей политике. А другую полемику вести — мы вели полемику, но сдержанно, и сейчас ее сдерживаем³¹.

Теперь, если взять вопрос вашей политики в сельском хозяйстве. Я читал выступления лидеров ваших, но я лично не понимаю вашей сельскохозяйственной политики — за что вы и куда вы идете, как вы идете, потому что у вас разное — один

раз вы говорите за колхозы, другой — против колхозов. За что вы сейчас — не знаю.

Полемизировать мы не хотим по этому вопросу, но популяризировать не можем, потому что наш взгляд другой. Мы стоим твердо за социалистический путь развития сельского хозяйства, за кооперацию, то есть за колхозы. Может быть, вы тоже за это, но нечетко излагаете. Я признаюсь, сам не понимаю.

Я, например, читал с большим удовольствием выступление тов. Гомулки. Оно ясно изложено, и мы его доклад опубликуем в «Правде», потому что нет расхождений³². По рабочим советам — тоже нет расхождений с Гомулкой. У вас вашу точку зрения о рабочих советах я тоже не понимаю и не понимаю потому, что вы из этих рабочих советов делаете какое-то открытие собственного югославского пути. Мы придерживаемся другого мнения по этому вопросу и поэтому полемизировать с вами не хотим. Но и популяризировать это тоже нет оснований, потому что мы считаем, что это не наш путь, это югославский путь.

Мы признаем особенности каждой страны на особую организационную форму, и, видимо, они есть и они будут. Но вы же с других позиций подходите, вы отрицаете весь наш опыт, вы его очерняете и выставляете свой опыт, свой путь. Это, конечно, не способствует сплочению организационных сил, не способствует сплочению социалистических стран. Я не хочу вас обидеть. Вы поймите меня правильно — не случайно вам американцы восстановили даже поставки реактивных самолетов, вооружения и пр.³³ Я это не к тому говорю, что не надо получать это сейчас Тито. Но знайте, если Америка дает вооружение, то, следовательно, это не приверженность Даллеса³⁴ к социалистическому югославскому пути, а, видимо, они по своему оценивают это. И у нас в какой-то степени оценка правильная. Потому что если наш враг вас хвалит и вас материально поощряет, значит, вы стоите на таком пути, который надо было бы пересмотреть.

Я говорил и тов. Тито, и югославским товарищам. Мне очень нравятся слова Бебеля, который говорил, что «если враг тебя хвалит, видимо, старый Бебель что-то сделал, за что он тебя хвалит. Если враг тебя ругает, значит, ты стоишь на правильных позициях, потому что классовый враг не может хвалить своего классового врага»³⁵.

Одним словом, никто у нас не уклоняется от улучшения наших отношений. Мы очень жалеем об этом. Но мы бессильны, потому что, видимо, у вас такие силы развились, которые мешают.

Я не знаю, какое впечатление сложилось у вас от нашей страны. Я оцениваю, что у нас сейчас огромный подъем во всех отраслях нашей хозяйственной жизни и во всех слоях нашей общественной жизни.

У нас большой подъем в сельском хозяйстве. Не знаю, интересовались вы этим или нет. Какое ваше впечатление?

Я об этом говорил и полякам³⁶, и другим товарищам, с которыми встречался, что мы в этом году имеем очень большое увеличение продуктов животноводства. Мы сейчас по сравнению с прошлым годом по мясу по заготовкам и закупкам идем процентов на 45—50 выше, чем за это же время в прошлом году. Мы сейчас полностью обеспечиваем потребности страны в молочных продуктах. У нас сейчас полностью обеспечены запросы в сливочном масле, и мы даже создаем резервы. Мы сейчас по молоку ставим вопрос и разрабатываем его с тем, чтобы обеспечить колхозы сепараторами, потому что свежего молока в таких количествах мы не можем потреблять. Очень бурно развивается эта отрасль.

Я думаю, что в этом году мы, видимо, произведем сливочного масла столько же, сколько в прошлом году производили США.

Сейчас мы ставим крупную задачу по продуктам животноводства. Мы скоро выступим в печати о том, что ставим задачу очень серьезно. Я сейчас скажу, и вы сами можете представить себе это. Мы прошлый год имели в Советском Союзе производство мяса на душу населения — 32,3 кг, Соединенные Штаты Америки имели 102 кг. Я опросил своих планировщиков, чтобы они для меня сделали расчет, в каком году мы сможем догнать США по производству мяса на душу населения? Они подсчитали и дали мне бумажку. Это секрет, но я скажу вам, что это можно будет сделать в 1975 году. Я хочу и уверен, что мы сможем посмеяться над своими учеными, что они знают арифметику, но не понимают политики и не могут политику связать с советской экономикой. Я не буду говорить, но мне думается, что возможно мы эту задачу решим в этой пятилетке по производству сливочного масла, и я думаю, что

мы, наверное, решим эту задачу в будущем году и самое позднее в 1959 году³⁷.

Сейчас США производят 3,8 кг на душу населения масла. Мы произвели в прошлом году 2,8 кг на душу населения. Я думаю, что в будущем году, правда, трудно сказать, но думаю, что, возможно, в будущем году мы будем иметь это. Если не в будущем, то в 1959 году гарантирую, что мы будем иметь столько же, а может быть и больше.

Мяса мы должны, я думаю, иметь это в 1960 году, а может быть и раньше. Вот вам колхозы, вот вам социалистический сектор.

После смерти Сталина я делал доклад. Вы знаете, что я не скупился на то, чтобы вскрыть недостатки и упадок, который был в сельском хозяйстве³⁸. Тогда враги наши кричали, что это дискредитация колхозного строя, что он не состоятельный. Мы им покажем, что это за дискредитация. Это не дискредитация, а это смелость нашей партии и правильное понимание возможностей — вскрыть недостатки, мобилизовать людей, призвать их и опрокинуть недостатки с тем, чтобы выйти на ту дорогу, которую мы имеем. Это путь индустриализации, путь коллективизации. Он себя показывает.

Следовательно, хлеб мы сейчас имеем, овощи мы сейчас имеем для удовлетворения полных потребностей спроса. Картофеля имеем полное покрытие спроса; молока мы имеем полное покрытие спроса. По мясу мы сейчас удовлетворяем потребности, но мы хотим сейчас увеличить производство мяса с тем, чтобы снизить цены на мясо, увеличить его потребление и обеспечить полный спрос.

Сейчас у нас бурно идет насаждение садов. Крым увеличил посадки виноградников за 2 этих последних года на столько, сколько было создано за все время по Крыму. Также проводится насаждение у других плодовых деревьев — яблонь, груш и персиков. И мы это дело поощряем, потому что мы чувствуем, что у нас будут избытки всех сельскохозяйственных продуктов, но виноград и особенно фрукты требуют большего времени. Для того чтобы яблоню вырастить, надо 15 лет.

Вот такое положение.

Теперь я хочу несколько неприятное вам преподнести, но вы не обижайтесь на меня. Я читал выступление Карделя и его доклад на Скупщине в прошлом году, где он так выражался³⁹.

Он говорил — некоторые политические деятели увлекаются кукурузой и др. Надо, чтобы политический деятель занимался политической деятельностью, занимался вопросами теории, а это — пусть агрономы занимаются, зоотехники занимаются — каждый своим делом. Мы посмеемся над этой теорией тов. Карделя. Он пусть лекции читает, а мы занимаемся и политической деятельностью, занимаемся кукурузой, занимаемся картофелем, занимаемся всеми другими продуктами, потому что когда мы стали руководящей партией своего народа и встали на путь социалистического строительства, сейчас одной теорией не прокормишь народ, а надо к теории дать хороший хлеб, дать масло, дать мясо, дать молоко, одежду, обувь и жилье. Вот тогда рабочий класс скажет — вот это моя партия, вот это моя теория, она не только говорит, но и делает. Я за эту партию, я за марксизм-ленинизм.

А если мы будем говорить о марксизме-ленинизме, но скажем: потерпите — и в загробной жизни обещаем рай, — я сам из рабочих, и знаю, что рабочий, конечно, нас не похвалит.

Вы можете себе представить, я, может быть, увлекаюсь, но ведь самая богатая страна сейчас Америка. Верно? Больше всего она производит на душу населения сельскохозяйственной продукции и промышленной. Если мы сейчас дадим сельскохозяйственных продуктов на душу населения столько, сколько дает Америка, это сильнейший, товарищи, удар по капитализму, это сильнейшее средство укрепления наших марксистско-ленинских положений и нашего влияния на рабочие массы не только внутри наших стран, но это влияние будет сильнейшим примером для капиталистических стран Запада и для колониальных стран. Вот это наша ленинская система, вот это наша государственная социалистическая система, вот что она дает.

ВУЙОВИЧ. Это будет ударом по капитализму и это можно только приветствовать.

ХРУЩЕВ. Я это к чему говорю? Потому что я чувствую подъем и силу народа. Но если даже у нас сейчас сказать, что мы эту задачу в 3—4 года решим, я думаю, что многие у нас тоже скажут — немножко фантазируете. Но это мы сделаем. Это я вам при всем честном народе заявляю. И вы будете иметь право сказать: хвастал Хрущев, а сделать не сделал. Я сам фиксирую ваше внимание на этом, что мы это сделаем.

Это в сельском хозяйстве.

Теперь, что такое наша страна? Я вам скажу. У нас сейчас в сельском хозяйстве выявятся излишки рабочей силы. До мероприятий, которые мы проводили, у нас не хватало рабочей силы. Теперь за год-два в сельском хозяйстве мы проводим мероприятия по механизации одного только процесса — навесные орудия на трактора — это даст возможность высвободить 1 млн. человек из сельского хозяйства. Миллион — это только одна единица, но эта единица называется миллионом. Это одна треть Финляндии. Так что тут у нас очень хорошие перспективы.

В промышленности. У нас промышленность работала лучше, чем было в сельском хозяйстве. А теперь эта реорганизация, я боюсь сказать, надо учесть, еще трудно карандашом подсчитать, но здесь будут подняты колоссальные возможности, и мы на тех же производственных площадях, с тем же оборудованием сможем удвоить выпуск продукции.

Мы эту работу закончим к 15 июня. Мы взяли 1 июля, но сессия РСФСР назначена на 28, а самая большая реорганизация будет произведена в РСФСР и на Украине. Я не знаю, украинцы еще не объявили о созыве сессии, вероятно, в ближайшие дни это сделают. И вот когда сессии примут Закон, то организационная работа к этому времени будет завершена. Сейчас уже кадры подобраны. Закон принят, и работа будет проводиться по-новому.

Я по секрету могу сказать, что есть сомневающиеся в этой реформе⁴⁰. Так вот им я говорю: смотрите, когда начали разговоры о реорганизации, мы деморализовали работников министерств, и они сейчас плохо работают — телеграмм не пишут, не звонят, сами не ездят, и вот как это хорошо и благоприятно сказало на работе заводов. Заводы наши планы выполняют (смех). Это подтверждает, что такая реформа даст колоссальные прибыли.

Теперь, если вам сказать о настроениях народа, я думаю, что вы сами видели.

ГОЛОС. Да.

ХРУЩЕВ. Дай бог, чтобы у нас и завтра так же было. Поезжайте по городам, а вы были во многих городах и будете еще, заезжайте и посмотрите, у нас в магазинах товаров и продовольствия столько, сколько нужно.

Теперь я вам скажу: у нас все время был недостаток товаров и к 1 мая и к октябрьским дням. Мы всегда накапливали резервы с тем, чтобы побольше дать в магазины для праздников продуктов. И крестьянин, он тоже бережет все к празднику, он любит тогда хорошо одеться и покушать лучше, чем обычно. В этом году мы решения такого не принимали. Не было нужды в этом. Ни одного звонка, ни одной телеграммы не было ни из одного города, чтобы они просили помочь им поставить мясо, молоко, обувь, одежду. Не было этого, потому что в плановом порядке все города это имели. Это очень хорошо. В партии у нас единство и сплоченность.

Сейчас проходит пленум Союза писателей. Там тоже идет очень интересный процесс, потому что были у нас среди отдельных писателей некоторые настроения по поводу понимания демократии в своем направлении. Сейчас там чувствуется большая сплоченность у этих рядов, идет очень здоровая дискуссия⁴¹.

Так что внутреннее наше положение, партийное и вообще хозяйственное мы оцениваем очень высоко.

Заем. Это для вас показательно. Подписку, которую мы объявили по займу⁴², провели к двум часам дня. К этому времени подписка была закончена по всей стране. Мы запретили принимать подписку больше, чем на 2-недельную заработную плату. Был большой скандал, некоторые хотели на месяц, а у них не принимали. Мы запретили принимать подписку у рабочих с небольшим заработком — до 500 рублей. Тоже были скандалы. Люди требовали, чтобы их подписали. Таким образом, это тоже выражает подъемный характер настроений.

Мы сделаем объявление, наверное, через дня 3—4. Не хотим сейчас объявлять о закрытии подписки на заем, потому что страна большая и провинция может еще подписаться. Мы не прочь, пусть подпишутся. Потом объявим. Наверное, набегит, я не знаю, сколько точно, могу спросить министра, думаю, что миллиард с лишним. Вот данные. Мы уже имеем при плане 12 миллиардов на 16-е — 13 миллиардов 807 миллионов 421 тысячу, около двух миллиардов лишних. Я думаю, что если 2—3 дня придержим, наверняка один миллиард набегит еще.

Эти буржуазные писаки, лакеи капитала, они не могут понять душу нашего человека. Вы смотрите, что мы сделали.

260 миллиардов нам народ отдал своих денег за 20 лет, а мы в ЦК имеем много писем, когда к нам присылают облигации. Когда присылают адрес, мы эти облигации отправляем обратно. Так теперь они узнали это и пишут анонимно — я посылаю вам облигации — не указывая, кто послал откуда. Но мы ничего не можем сделать. Так что это говорит о настроении.

И это вполне понятно. Вы поймите. Мы очень подняли пенсии по старости, мы увеличили пенсии. Это создает определенные настроения. Когда я был в Воронеже и в других городах, буквально на улицах встречал людей, которые благодарили ЦК партии и Правительство за то, что мы это сделали и увеличили пенсии.

Мы подняли зарплату низкооплачиваемым рабочим. Мы освободили студентов и учащихся от оплаты за учение. Мы сократили молодым людям рабочий день на 2 часа — вместо 8 часов, — 6-часовой рабочий день. Мы женщинам по родам увеличили отпуска в предродовой и послеродовой периоды. Мы создали школы-интернаты, немного пока, но положили начало этому. Это очень хорошо в народе приняли. Мы перевели уже часть рабочих на 7-часовой рабочий день, а часть подземных рабочих перевели на 6-часовой рабочий день. Здесь мы только начало положили. Мы сейчас разработали мероприятия и скоро объявим о переходе в течение этой пятилетки всех рабочих и служащих на 7-часовой рабочий день.

Мы сейчас расширили капиталовложения на жилищное строительство. Это самый тяжелый участок остался. Сейчас мы готовим решение по жилищному строительству и, видимо, еще его расширим, потому что нам народ дал 260 миллиардов займа, мы обещали на жилье, школы, больницы их повернуть. Мы это слово сдержим. Правда, мы вынуждены были немножко сократить капиталовложения на эту пятилетку против того, что было принято на съезде партии. Так что по отдельным отраслям народного хозяйства, видимо, пятилетка будет выполнена не в пять, а в шесть лет. Это предварительно. Пока мы еще не рассматривали этот переработанный план.

В связи с этим пришлось поставить вопрос перед югославскими товарищами о перенесении сроков строительства заводов минеральных удобрений, электростанции и алюминиевого завода⁴³.

Вот такое положение мы расцениваем, как очень хорошее.

По сельскому хозяйству на этот год видовой урожай по Украине будет, видимо, лучше, чем в прошлом году. В Центральных областях — тоже такие же виды. В Казахстане и Сибири сейчас хорошие виды, потому что много влаги там. Но пока еще надо быть сдержанными, потому что рано говорить еще, там определится позже. Но сибиряки и казахи сами хвастают, что у них будет урожай в этом году, как был в прошлом. Но я немножко сдержанно отношусь, считаю, по-мужицки, что хлеб тогда, когда его уберешь.

Теперь наше международное положение. Я считаю, что оно хорошее, сейчас оно лучше, чем было. Единственное у нас ухудшение в сравнении с прошлым годом, это с Югославией. Это единственное темное пятно в наших отношениях, потому что в Венгрии процесс сейчас идет, по-моему, очень хороший. Там уже сейчас 300 тысяч членов партии. Восстанавливается промышленность хорошо, особенно угольная промышленность, самая тяжелая в Венгрии. Руководство сплоченное, хорошее. Кадар очень хороший руководитель, по-моему. Я его даже не знал. Я его узнал, когда приехал из Югославии. Первый раз я встретил Кадара 3 ноября⁴⁴.

Я считаю более сложным положение в Польше. Но Польша тоже набирает сил, и я убежден, что она выйдет более окрепшей. Я вижу, что Гомулка очень хороший коммунист, правильно понимает политику и хорошую волю имеет и умно борется. Я убежден, что под его руководством партия окрепнет и за ней пойдет народ в углублении социалистического строительства.

С другими партиями и странами социалистическими у нас очень хорошие отношения: с Китаем, Румынией, Болгарией, Албанией, Чехословакией, Венгрией, Кореей, Вьетнамом, ГДР — видите, сколько стало социалистических стран. Единственной страной, с которой у нас ухудшились отношения по сравнению с прошлым годом, это с Югославией. Но мы со своей стороны все хотим сделать, чтобы восстановить дружеские отношения. Не знаю, удастся ли нам это или нет. Здесь не похвастаешь, потому что это зависит не только от нас, а зависит и от югославов.

Если говорить об отношениях с капиталистическими государствами, я считаю, что сейчас после событий прошлого года⁴⁵ они значительно лучше стали и идет процесс улучшения. Тут могут быть колебания и это неизбежно, потому что

отношения социалистических стран с капиталистическими, — они регулируются соотношением сил. Но если мы будем дружны между социалистическими странами, отношения наши будут развиваться, внутреннее положение будет крепкое, то и наши отношения с буржуазными капиталистическими странами будут улучшаться, потому что они вынуждены будут считаться с этим фактом.

Что вам еще сказать? Я вам такое сказал, что вы у меня и не спрашивали.

ВУЙОВИЧ. Это именно те вопросы, которые нас интересовали и в области политики, и в области сельского хозяйства, механизации. Я хотел бы задать еще вопрос.

Когда мы были у тов. Бенедиктова, он нам привел очень интересный пример об увеличении числа совхозов, как высшей формы организации социалистического хозяйства, тех совхозов, которые основываются на новых землях, а также и тех, которые создаются за счет колхозов, то есть колхоз переходит в форму совхозов. Учитывая, что совхозы имеют более высокое производство, лучше организованное производство, такой процесс открывает перспективы для сельского хозяйства. Будут ли обязательные поставки, учитывая, что совхозы могут обеспечить страну продукцией сельского хозяйства? Продукция сельского хозяйства будет более обильная и дешевле. Как обстоит с этим вопросом.

ХРУЩЕВ. Сейчас у нас в совхозах хлеб дешевле раза в два, чем в колхозах. Нам дешевле это стоит. Хлопок совхозный процентов на 30 дешевле, чем колхозный. Масло подсолнечное раза в два, два с половиной, а может быть и в три дешевле совхозное, чем колхозное. Так и по другим продуктам.

Мясо пока колхозное нам дешевле стоит, чем совхозное. Поэтому в этом году мы приняли решение. Я сейчас не могу сказать, потому что не в курсе, но мы очень много создали совхозов на месте колхозов, с согласия колхозников.

ВОПРОС. Это уже сделано или делается?

ХРУЩЕВ. Да, сделано. Сейчас удельный вес совхозов очень большой. Это дает нам большие возможности по сокращению рабочей силы и обслуживающего персонала. Пример такой. Вот существует районный центр колхозный. Если колхозы переходят на совхозную систему, сразу ломается районная организация. Партийные, советские организации все сокраща-

ются. Там, где было, может быть, 20 человек, будет 2 человека. Техника — тракторы, машины — все есть. Все есть и даже при более квалифицированном обслуживании меньше потребуются этой техники. Мы осторожно к этому подходим. Вам Бенедиктов хвастает. Мы же осторожно формулируем, какая система имеет преимущества. Мы не хотим принижать колхозного строя, потому что он является у нас главным сегодня. Поэтому сказать, что наиболее высокой формой считается колхоз или другая система, мы не можем и говорим немножко спокойнее. Не надо противопоставлять. Это вредно. Надо чтобы чувствовали себя уверенно колхозники и коммунисты, работающие в колхозах, чтобы они не чувствовали себя вторым сортом. Есть колхозы, которые более рентабельно ведут хозяйство, чем совхозы. Так что это, главным образом, зависит от кадров, а сама система колхозная она дает те же возможности, которые имеют и совхозы. Поэтому вам сказал это один министр, а если бы поговорили с другим министром, с тов. Мацкевичем, он бы вам сказал другое. Надо и то, и другое⁴⁶.

Сейчас за три или четыре года, я сейчас не помню, узбеки должны освоить 300 тысяч га поливных земель так называемой Голодной степи. Это хлопок. Вот 300 тысяч гектаров по 20 центнеров хлопка с гектара, вот и считайте, сколько мы получили в прошлом году. Там мы организовали совхозы на новых землях. В общем, совхозы это хорошая система.

Если у вас есть еще вопросы, задавайте, я все скажу, что знаю. Чего не знаю, выдумывать не буду.

ВУЙОВИЧ. Еще один вопрос. Об этом вопросе также уже говорили у тов. Бенедиктова и еще желательно поговорить. Речь идет о том, были ли такие хорошие колхозы, которые хотели иметь свои сельскохозяйственные машины, такие, как в МТС, которые не согласны были использовать МТС, а хотели иметь свои машины. Тов. Бенедиктов сказал, что это интересный вопрос, но дискуссионный. Каково же Ваше мнение по этому вопросу? Я об этом и еще слышал.

ХРУЩЕВ. У нас этого, видимо, вы не могли слышать. Была критика линии, которая обнаружилась у нас одним экономистом. Он недавно был в Болгарии и читал лекцию. Мы его отозвали за это, потому что мы считаем, что это он проявил недисциплинированность. Я знал его лично, встречался с ним. Он работал, кажется, в ЦК. Это Саша Венжер. Я его знал, когда он

был молодым. Теперь я его не видел. И вот на одном диспуте в ЦК, это было при жизни Сталина, когда обсуждался вопрос политэкономии, он там выступал с такой теорией, что надо оборудовать, тракторы МТС продать колхозам. А так как оборудование МТС — это государственная собственность, эта точка зрения была осуждена у нас, но, видимо, он и сейчас находится на этих позициях. Этот вопрос мы не подвергали после этой дискуссии критике. Поэтому мы сейчас придерживаемся старой системы — машинно-тракторных станций, и я считаю, что она, эта система, себя оправдывает.

Как дальше у нас пойдет развитие, я сейчас не могу сказать, потому что не могу сказать, что это вечная система. Ничего подобного. Мы как раз не догматики. Если нужно пересмотреть, мы пересмотрим, и если нужно сломать старое, мы это сделаем⁴⁷.

Потом вопрос обеспечения страны сельскохозяйственными продуктами. Видите ли, на разном этапе социалистического строительства он по-разному ставится. Если на первом этапе коллективизации, когда мы зависели от поставок колхозной продукции хлеба, мяса, молока, тогда другое было положение. Сейчас же у нас поставки существуют. Но если в среднем считать, что стоит нам пшеница, полученная от колхозов, то от совхозов мы получаем ее дешевле. Значит, вопрос уже стоит не о поставках, а перерос в другой, в отношения между колхозами и государством.

У нас существует такое положение. Зерно мы по поставкам получаем в виде налога. Я не помню, сколько мы платим, рубля 22 за центнер. Кроме того, у нас есть еще форма закупок. За сданный центнер мы платим 80 рублей, а в 1955 году мы платили 120 рублей за центнер. Но это кожедерство. Если бы мы не купили этот хлеб, то крестьянин просил бы 40 рублей и ему бы не дали столько, потому что был собран большой урожай. Я колхозникам говорил — вы нас грабите, и мы не дадим вам столько, и вместо 120 рублей дали 80. Но я считаю, что и 80 много. Одним словом, сейчас мы скупаем весь хлеб. Если прекратим покупать этот хлеб, то на рынке сразу упадут цены. Мы сами поддерживаем конъюнктуру цен государства.

Поэтому если мы совхозы расширим, если совхозы нам будут давать 2 миллиарда пудов хлеба каждый год, то мы можем отказаться от поставок и перейти на закупки. И этот хлеб будет нам дешевле стоить, чем сегодня по поставкам.

Наши потребности 2 миллиарда, а мы прошлый год заготовили 3,5 миллиарда. Я думаю, что в этом году мы тоже будем заготавливать 3,5 миллиарда или 3 миллиарда, потому что мы хотим создать большой резерв у себя. После этого мы закупать хлеба будем меньше. И это создаст условия для снижения цен на рынке.

Правда, это недалекое будущее, но для этого нужен год-два.

Таким образом, вас интересовали машинно-тракторные станции. На вопрос, который был поставлен вами, я вам, по моему, ответил, как мы рассматриваем это сегодня. А о перспективе я ничего не могу сказать. Мы не подвергали обсуждению это. Но этих венжеров призывали к порядку, потому что он, в частности, член партии и если ЦК не решил — не болтай, не будь умнее, чем ЦК.

Как будет в будущем? Будем смотреть. Вы видите, что мы очень бурно пересматриваем вопросы. Никто не думал, что мы изменим управление хозяйством. Это произошло как гром в ясную погоду. А мы вот сделали это. Если будет выгоднее — сделаем по-другому, но я свою точку зрения пока не пересматриваю в отношении старой системы, которая сложилась. Она нас пока удовлетворяет. Но это не является каким-то принципом. Это все организационные формы. Они могут быть решены и так и так. Это вопрос конкретных условий и возможностей. Но машинно-тракторные станции, они сослужили большую службу.

У вас этот вопрос немножко дискутируется, по-моему.

ВУЙОВИЧ. Мало. Везде, где я был, во всех городах, везде очень большой интерес видел к вопросам реорганизации промышленности и строительства. В Ленинграде интерес проявлялся, везде. И в газетах, и на собраниях, повсеместно. Это было действительно всенародное обсуждение. Люди очень многого ожидают от этой реорганизации. Ввиду того, что нам не пришлось слышать Ваш доклад⁴⁸, мы в это время были в поездке по стране, нельзя ли кратко рассказать о перспективах политических, экономических проведения этой реорганизации, потому что к этому вопросу проявляется очень большой интерес в Югославии.

ХРУЩЕВ. Я бы сказал, что самое главное здесь в том, что мы передаем управление предприятиями на места, создавая для этого Советы народного хозяйства в экономических районах.

Следовательно, руководство будет приближено к предприятиям. Это уже демократизирует руководство промышленностью. Это одно. Но мы в отличие от югославов, которые тоже децентрализовали управление промышленностью, мы сохраняем строгую централизацию в планировании хозяйством. Но эта централизация будет выражаться в создании сводных планов производства, а разработка планового развития отраслей будет в Советах народного хозяйства на местах. Госплан будет пользоваться этими разработками и составлять общесоюзный план на основе разработанных Советами народного хозяйства республик планов развития. Но за Госпланом Союза ССР остается право координации, то есть если план республики представленный не соответствует в целом единому хозяйству Союза, то Госплан имеет право уменьшить одной республике производство каких-то видов товаров или машин и увеличить другой. Но это предприятие представляет свои предложения и это становится законом, когда будет утвержден этот план Верховным Советом Союза ССР. Госплан только подготавливает, но законом это может стать только после утверждения этого плана Верховным Советом Союза ССР.

Например, в своем докладе я говорил о том, что у нас большие перспективы в развитии промышленности Казахстана. Это огромная кладовая. Там и медь, там у нас и железо, там уголь, там у нас титан, там у нас много и других полезных ископаемых. И, конечно, Казахская республика не может эти богатства освоить сама. Поэтому мы будем субсидировать ее за счет других республик, за счет союзного бюджета. Это и есть плановая централизация руководства. Это мы называем демократическим централизмом. Местное управление, союзное планирование, увязка всех этих планов в интересах народного хозяйства всех республик в целом, всего Советского Союза. Этим мы достигаем цели лучшего воздействия рабочих и партийных организаций на руководство, которое будет в Совнархозах.

Мы приняли эти законы, но мы еще разработаем положение о профсоюзах. Профсоюзы приобретут больше прав. Будут проведены и другие мероприятия. Здесь возрастает и роль партии. Но все-таки главное экономическая сторона, а политическая — здесь уже как бы становится производной; выгода заключается в том, что если взять, например, промышленность

Москвы, то Москва имеет объем промышленности, по-моему, что-то 74 млрд. или 84 млрд. рублей, в таких пределах, я могу немного и ошибиться. Эта промышленность делится в Москве между 84 министерствами. Таким образом, мы имеем очень много перегородок ведомственных, министерских. А сейчас уровень техники нам дает возможность больше проводить специализацию в производстве, автоматизацию производства. А это требует кооперирования производства. Министерства же, которые существовали, и их границы, они мешали этому кооперированию. Министерства хотели и делали кооперирование в пределах своего министерства. А это значит кооперирование не по территориальному принципу, а по вертикальному, а это привело к обнажению этих недостатков, этих вертикалей. К примеру, министерство может иметь один завод в Одессе, другой — во Владивостоке. И вот оно будет устраивать кооперирование. Один завод делает продукцию в Одессе, везет ее во Владивосток, а другой делает во Владивостоке и везет в Одессу. Это нерационально. Теперь мы это ликвидировали.

Теперь кооперация будет развиваться главным образом внутри экономического района, и она может развиваться, эта кооперация, с соседними экономическими районами, т.е. внутри республики. И кооперация может выходить за пределы республики, т.е. между республиками. Это уже кооперация союзного значения. Здесь преград искусственных административных никаких нет. Поэтому здесь будет разумная технически и экономически обоснованная кооперация и специализация.

Например, литейное производство. Сейчас тысячи литейных заводов имеются в Москве, больше даже. Я думаю, со временем будет одна литейная где-то около Москвы, но все процессы будут механизированы. Вы знаете, какую мы получим экономию? Колоссальную.

Или вот еще. Я в своем докладе привожу этот пример. Когда я работал в Москве⁴⁹, я поднимал вопрос о ликвидации всех ведомственных строительных организаций в Москве. Это очень большое сопротивление вызвало всех министерств. Но в 1954 году мы эту централизацию провели, и если до этого всегда строительные организации приносили убыток, то уже после проведения этого, мы стали получать прибыль. Никогда ни одна строительная организация у нас прибыли не давала. И

если мы планировали снижение стоимости строительства, они не только не выполняли, но повышали эту стоимость. А после централизации Москва получила 115 млн. рублей прибыли.

Мы в Москве ликвидировали частные гаражи и создали централизованную перевозку главных грузов.

ВОПРОС. Частных?

ХРУЩЕВ. Отдельных министерств, а это хуже, чем частник. Вы это правильно говорите, потому что с частником легче бороться, чем с бюрократом. Так вот, проведение этого мероприятия в 1956 году дало прибыль 500 млн. Вот видите, какие возможности, это как грибы, идешь и собираешь.

Так что это нам даст, я не знаю, сколько миллиардов, и если скажу 10—20, это будет неверно. Больше. Это подсчитать сейчас даже невозможно. Но этот процесс сразу не сделаешь, потому что надо организовать связи экономические, надо организовать производство автоматики. Это требует 2—3 года. Но каждый год будет давать прибыль, и эта прибыль будет нарастать с каждым годом.

Кроме того, децентрализация, она будет равномерно распределять культурные средства, культурные силы в стране. Учебные заведения, научно-исследовательские институты, экспериментальные и всякие другие лаборатории каждый экономический район будет у себя создавать, изобретательская и рационализаторская мысль получит очень сильное развитие, потому что сейчас, чтобы пробить новое, нужно из Владивостока или из Сахалина в Москву ехать, а тогда не надо будет этого делать. Так что это очень сильно развяжет силы наших инженеров, техников, экономические силы, партийные, и мы здесь будем иметь очень большие выгоды.

Я об этом не говорил в своем докладе, но мои противники в буржуазной прессе об этом говорят, что здесь мы преследовали и стратегическую цель. Я этого не отрицаю, потому что эта реорганизация даст возможность каждому экономическому району получить автономизацию, и при поражении водородной бомбой не уничтожишь всю страну, чтобы парализовать ее деятельность, она будет действовать, один район выпал, другой будет работать. Этого я не говорил, но противники мне навязывают это как докладчику эту идею. Я не отказываюсь.

Вот, собственно, такое мы придаем значение этому делу. Кроме того, это повышает суверенность республик. Ведь мы

управление всей промышленностью передали республикам. Это тоже имеет колоссальное политическое значение, это удовлетворяет национальные запросы наших народов, это содействует еще большему сплочению между республиками, между нациями и национальностями, которых у нас много в Советском Союзе, это имеет экономическое и политическое значение колоссальное как внутреннее, так и международное. Согласны?

ВУЙОВИЧ. Да. Я очень сожалею, но хочу возвратиться к такому вопросу, почему в вашей печати ничего не сообщается о событиях в Югославии. Сейчас в Румынии находится югославская парламентская делегация, и в советской печати ничего об этом не говорится. Чехословацкая парламентская делегация приезжает в Югославию. Югославское правительство оказало помощь правительству Кадара, об этом уже говорилось, льготы, облегчения были сделаны со стороны Югославского правительства, и об этом тоже ничего не говорится⁵⁰.

ХРУЩЕВ. Что делать с печатью, посоветуйте, что делать.

ВУЙОВИЧ. Когда мы разговаривали с вашими журналистами об этом, они согласились с нами и сказали, что сделают все от них зависящее⁵¹.

ХРУЩЕВ. У нас некоторая настороженность к Югославии, потому что мы после 1955 года, когда ездили туда, мы очень откровенно повели себя по отношению к Югославии, и мы считаем, этой откровенностью нам югославы не ответили. Это отравило добрые чувства наши и в руководстве, и в нашем народе. Ведь знаете, как Тито встречали⁵². Наш народ умеет и любить, и ненавидеть. И поэтому когда мы сказали, что мы ликвидировали конфликт и назвали другом Тито, народ нам верит, и в этом деле он нам поверил. Но после, когда мы вынуждены были открыть полемику с Югославией⁵³, то до меня доходило, что некоторые люди у нас говорили в партии и вне партии, что может быть Хрущев увлекается и поверил югославам больше, чем следовало?⁵⁴ Но оправдались такие настроения. Мы, конечно, боремся с ними, потому что мы считаем, что даже при неприятно сложившихся отношениях по линии партии, по государственной линии это полезно для нас. Но, видите ли, когда с буржуазными странами мы довольствовались только улучшением государственных отношений, то с вашей партией, а мы являемся коммунистами, естественно, когда у нас расхождения

по коммунистическим взглядам, то здесь страдания и ущерб наносится государству. Ну что, например, я могу требовать от Ирана. Мы выпили с иранским шахом, побеседовали с ним, но он шах⁵⁵. Но когда это с Тито — это другое дело, и это не только государственное дело, но если мы коммунисты, мы хотим, чтобы наши взгляды совпадали на цели, которые поставлены нашими партиями перед своим народом и наши взгляды на коммунистическое движение. А этого у нас не получилось. И это, конечно, наносит ущерб. Поэтому у нас и в печати, и в наших речах проявляется сдержанность. Есть у нас поговорка в народе, наверное, и в Югославии есть такая, когда человек обжегся на молоке горячем, он дует на воду холодную (СМЕХ). Есть у вас такая поговорка?

ВУЙОВИЧ. Да.

ХРУЩЕВ. Когда я был в Индии⁵⁶, мы говорили, что наша поговорка вот такая. Они говорят — у нас тоже такие поговорки. Видимо, эти поговорки международные.

Надо сказать, что у нас очень болезненно это пережили и переживаем сейчас, а поэтому и сдержанность в печати. Если бы опять начнем, а мы не можем это сделать, потому что у нас остались и сейчас различные оценки, я тогда перестану быть коммунистом, если признаю, что 23 октября в Венгрии была революция. У нас понятие особое о революции. Какая же это революция, когда коммунистов стреляют, коммунистов вешают⁵⁷. Это на костре вы нас сжигаете за то, что земля вертится. Революция есть одно понятие. Поэтому у нас так и идет сейчас. У нас ненормальные, я считаю, отношения между нашими партиями. Мы остались каждый при своих позициях.

Сообщения наша печать дает, но скупо.

ГОЛОС. Очень скупо.

ХРУЩЕВ. Но зато мы антиюгославских книг не продаем, а вы антисоветские книги у себя в магазинах продаете.

Говорят, что Дедиер написал книгу против Сталина, а это значит против Советской власти. Она гуляет в магазинах. Появилась и другая антисоветчина⁵⁸.

ВУЙОВИЧ. Вы сказали, что некоторые товарищи у вас в стране поставили вам в упрек отношения с Югославией. В Югославии также были люди, которые говорили, что русские один раз нас обманули в 1948 году, не слишком ли мы идем быстро на сближение? Но мы, журналисты, призваны преодо-

левать такие настроения и работать над примирением. Когда я говорю о журналистах, я хочу сказать, что роль журналистов в этом деле очень большая. Мы в Югославии систематически пишем о Советском Союзе, Вы можете попросить, и вам представят сведения, из которых можно было бы увидеть, как много пишут в Югославии о Советском Союзе. В республиканских газетах — в словенской, македонской, в каждой из этих республик пишут о Советском Союзе.

ХРУЩЕВ. Мы не всегда довольны, когда слишком о нас много пишут, потому что много пишут антисоветского. Лучше было бы совсем не писать, чем писать против нашего строя, против нашей партии.

ВУЙОВИЧ. Мы не хотели бы сейчас дискутировать по этому вопросу, о характере публикации в Югославии, но хотели бы ознакомить с фактическим положением дел. Фактическое положение дел таково по характеру публикации, объему публикации, что вы измените свое мнение. Я точно сказал товарищам журналистам о публикации материалов в Югославии, указывал подробно, сколько публикуется сообщений о Советском Союзе. Например, в словенской печати ежедневно публикуется минимум 3 сообщения о Советском Союзе. В других республиках то же самое.

ХРУЩЕВ. Я вам расскажу такой пример. Я говорил и Мичуновичу об этом. Это было два месяца или полтора тому назад. Мне дали статью, которая была опубликована в «Политике». О чем эта статья писала? Как мы захватили испанское золото и не возвращаем его Испании. А это кто поднял? Это поднял Франко, подняли реакционные силы. Разве это актуальная тема так писать о Советском Союзе, о том, чтобы Советский отдал какое-то золото Испании? Эти цели не дружеские в меньшей степени. Газета опубликовала большую статью.

ВУЙОВИЧ. Мы не знаем об этом.

ХРУЩЕВ. Хотите я вам дам? А у нас действительно золота нет. Мы опубликовали статью по этому поводу, но не стали входить в переписку с Франко. Мы не признаем его, и Югославия его не признает. Почему нужно было в «Политике» писать об этом, не понимаю. Мы могли бы бухгалтерски отчитаться за это дело, потому что все это золото израсходовано правительством Испании, когда оно было там. «Политика» же, она не имеет бухгалтерского отчета о расходовании этого золота.

И если она выступает, это просто желание лягнуть Советский Союз. Как же это может делать коммунист. Что же это?

ВУЙОВИЧ. Все присутствующие здесь товарищи могут только осудить это, если она действительно появилась.

ХРУЩЕВ. Мы не можем выдумать. Я и Мичуновичу говорил. Он мне тоже говорил, что вы не читали. Я сказал, возможно⁵⁹. Но вот в «Правде» сидит редактор газеты здесь⁶⁰, он все читает, я физически не могу этого делать, но вот как раз это мне дают (Оживление), и я это прочитал.

ГОЛОС. Я больше, чем два года, проработал в Москве корреспондентом газеты «Политика», я не видел.

ХРУЩЕВ. Но эта статья была.

ГОЛОС. Я не знаю, какую цель ставил редактор, но, во всяком случае, неумно это.

ХРУЩЕВ. Неумно фашистское государство поддерживать против нас. Ведь ваши люди воевали против Франко вместе с нами, а теперь «Политика» поддерживает против нас Франко.

ВУЙОВИЧ. Эта статья совершенно, безусловно, достойна, чтобы ее осудили. Это совершенно ясно. Но мы просим, чтобы вы не смотрели на югославскую печать через призму такого рода сообщений.

ХРУЩЕВ. К сожалению, когда отравлено сознание, когда пять слов хороших сказано и одним плохим словом пускаются на ветер, тогда это несчастье. У нас сейчас много честных коммунистов говорят — коммунисты это или не коммунисты? Потому что я не могу согласиться и не могу понять, чтобы коммунист мог так действовать против нас, коммунистов. Я вам скажу. Темпо-Вукманович приехал на Средний Восток. Вы знаете, что он там говорил? Не знаете, потому что в вашей печати не было опубликовано. Но если бы дали отчет, что он там говорил, так разве можно такие вещи говорить относительно нашего социалистического государства? А Темпо-Вукманович это говорил⁶¹. Я знаю Темпо-Вукмановича немножко, знаю его бурный характер⁶². Но характер все-таки надо сдерживать. А он говорил Насеру в Дамаске, где встречался, там и говорил о Польше. Мы же знаем об этом. Наше несчастье, может быть, потому что мы очень много знаем. У вас есть дипломаты, представители дипломатов, никакие секретные дипломатические шаги, какие бы они ни были секретными, они никогда не являются секретом, они всегда выходят, с опозданием, но обяза-

тельно выдут. Один посол хочет поделиться мнением с другим послом доверительно, у этого другого посла есть свой посол, с которым он хочет поговорить доверительно. Потом начинают писать. Есть шифровальная машина, есть служба разведки, контрразведки. Все это приносят, и мы все читаем.

Ваш Попович, когда приехал в Китай, мы можем ему беседы вернуть, которые он проводил по пути в Китай⁶³. А у нас налаживались хорошие отношения. Я это говорил Тито. Он беседовал гнуснейшим образом в отношении Советского Союза. Это мы знаем. Это все отравляет. Когда мы говорим за столом — одно, а за спиной — другое.

Тито нас упрекал, что мы письмо написали⁶⁴. Я ничего не вижу плохого. Мы считали, что у нас есть некоторые вопросы, по которым мы не имеем общего мнения и общей точки зрения. Об этом мы говорили, когда был Тито. И мне Тито сказал не сразу все. Я понимаю, что сразу все не сделаешь. Булганин имел неосторожность и назвал Тито ленинцем⁶⁵. Вы судите о нас как хотите, но мы называем ленинцами тех людей, с которыми не имеем расхождений идеологического порядка, когда мы по вопросам политики имеем точку зрения, которая, мы считаем, основывается на ленинских позициях. Мы считали по целому ряду вопросов, по которым имели различные точки зрения, что Югославия еще не встала на ленинские позиции, но мы считали, что вполне возможно развивать дружеские отношения. Потом уже сблизиться и потом найти полное единство взглядов. Это нормально. Булганина же мы покритиковали⁶⁶. А вы знаете, как мы критикуем, если критикуем Тито и других, то Булганину попало больше, потому что он член Президиума. Мы ему сказали — почему ты так сказал? Мы смотрим так — у нас есть расхождения, пойдут ли у нас события так, что будут изживаться эти расхождения, а они могут и увеличиваться, а члены партии читают международную прессу, это понятно, коммунисты других стран также читают. И вот когда мы говорим ленинец, а Ленин — это значит у нас полное единство взглядов, а вдруг не будет этого? Тогда что же, в дураках окажемся? Чтобы не получилось так, мы осудили Булганина, а когда мы давали информацию, мы написали. Английская контрразведка ознакомилась, или получила этот документ в Венгрии. Мы знаем откуда. Когда в прошлом году я приехал к Тито, мы договорились, что я поеду, потом он поедет, и мы договорились здесь, чтобы⁶⁷ мой приезд.

Когда я ехал, югославов проинформировали. Англичане сказали американцам, американцы вас проинформировали. Мы думали, что тов. Тито и другие поймут правильно. По-моему, они поняли. Я не отрицал и не подтверждал. Ладно, забудем. Но потом, когда венгерские события развернулись, когда выступил Тито в Пуле⁶⁸ и вы реагировали бурно на это дело⁶⁹, мы тогда считали, что мы правы, что сделали такое предупреждение и Булганина осудили, что он назвал преждевременно ленинцем Тито. Мы даже считали, что это была наша политическая прозорливость. Сейчас у нас есть расхождения. Мы считали и считаем сейчас, что правильно сделали, потому что, если бы мы этого не сделали, нам бы коммунисты сказали, что же, вы встретились, вам пару слов сказал Тито хороших и вы считаете его ленинцем, а единство взглядов? Ничего подобного, нет у нас общих точек зрения по многим вопросам. Когда мы это решение приняли, мы смотрим спокойно в глаза нашим коммунистам, потому что мы не исключали этого. Мы хотели бы, чтобы этого не было, но это случилось.

ВУЙОВИЧ. Я читал материалы XX съезда, понимаю обстановку XX съезда и решения съезда не оправдывают того положения вещей, которое сейчас сложилось. Разные точки зрения и разные пути развития, это предполагают решения XX съезда.

ХРУЩЕВ. Мы и сейчас исходим из этих решений в своей практической деятельности. Но когда контрреволюция берет верх или участвует в расколе и назвать нас, что мы интервенцию совершаем, а это была революция, тут, знаете ли, XX съезд не причем, или когда осуждают нашу систему. А эта система видите, что дает рабочему классу и вам в том числе? Если бы не было этой советской ленинской системы, я не знаю, была ли бы социалистическая Югославия, это еще вопрос.

ВУЙОВИЧ. Если бы не было Советского Союза, то⁷⁰...

ХРУЩЕВ. Я согласен с этим. Но что говорят в Югославии. А ваш покойник, о покойниках плохо не говорят, но я ничего не могу сделать, Моше Пьяде, когда приехала парламентская делегация Чехословакии и начала говорить о роли Советского Союза и Советской Армии, он сказал, вы, говорит, в Югославии этого не говорите, у нас нельзя это говорить. И это коммунист говорил. Чехи, конечно, нам об этом сообщили⁷¹.

ГОЛОС. У вас появилась книга в Москве «Что такое народная демократия». В этой книге ни слова нет о борьбе югославского

народа, о борьбе партизан. Говорится о борьбе поляков, чехословаков, а югославов нет⁷².

КУРТОВИЧ. Поскольку сейчас сложилось так, возможно случай с приездом в Югославию чехословацкой парламентской делегации имел место, было недоразумение, неправильное толкование того, что было сказано Моше Пьяде. Возможно, неправильные были речи. Мы считаем, что без Советского Союза невозможно было построить в Югославии после второй мировой войны социалистическую Югославию. Но в нашей стране несколько иным образом шел путь развития во время войны и после. При освобождении Югославии активное участие принимала Советская Армия, но Югославия активнее, чем другие, боролась с Гитлером.

ХРУЩЕВ. Одним словом, Югославия разбила немцев с помощью Советского Союза. Я могу сказать, когда у нас были споры с Троцким, а он был наркомом обороны, и вот, когда была полемика, партия не стала выпячивать его роли в разгроме контрреволюции и белогвардейцев. Радек — он в это время был журналистом, — очень хлесткий был человек. И вот в день Красной Армии, который мы празднуем, Радек послал телеграмму Мурадову, тоже троцкисту, такого рода: «Поздравляю с праздником дня Красной Армии и да здравствует товарищ Гусев!» Гусев — это был ленинец. Он был тогда в Революционном военном совете вместе с Троцким. Так вот, они не выпячивали Троцкого, а поднимали Гусева⁷³.

Радек был остроумнейшим человеком. И вот он говорит: «Да здравствует Советская Армия, да здравствует Гусев!» Если так иронизировать, то в разгроме гитлеровских войск Югославия сыграла главную роль, а мы помогали.

ГОЛОС. Никто не говорит так.

ХРУЩЕВ. Это я говорю. Но это будет смешно. А вот как раз это смешно и как раз подтверждает высказывания покойного Моше Пьяде. Я прошу извинить меня, что перебил.

ГОЛОС. Сами югославы, а такие есть, так думают.

ХРУЩЕВ. Тогда можно сказать, что последний солдат, который завершает, он все. Но сколько мы прошли от Сталинграда, сколько мы перебили дивизий, сколько разрушили всего, сколько крови пролили. Ведь если вспомнить, когда французов выгнали из России, а у нас есть такая картина, где бабы везут французов в плен, ведь это не значит, что бабы всех этих

французов разбили. Ведь это ловили остатки наполеоновской армии. Если бы не было Советского Союза, разве могли бы югославы, которых я уважаю, которые героически проводили борьбу, но разве вы могли бы разбить немцев, если бы Советский Союз не принял бы на себя все это. Вот о чем идет речь. (Оживление).

ВУЙОВИЧ. Это сказано нашему съезду партии⁷⁴.

КУРТОВИЧ. Югославия в отличие от других стран принимала более активное участие в освобождении своей собственной страны,

ХРУЩЕВ. Это верно.

КУРТОВИЧ. И даже Сталин в 1942 году отдал должное героической борьбе и похвалил действия югославских партизан, как единственного ядра в Европе, которое оказало сопротивление гитлеровцам⁷⁵. Возможно, слова Моше Пьяде были неправильно истолкованы чехословацкими товарищами, которым хотелось оттенить эту особенность в Югославии.

Я 1921 года рождения, могу быть вам сыном.

ХРУЩЕВ. Даже есть постарше у меня.

КУРТОВИЧ. Я был воспитан своей партией до войны, после войны в любви к советскому строю, к строительству социализма в Советском Союзе. Все эти убеждения мои и других югославских коммунистов являются плодом воспитания Коммунистической партии Югославии. Здесь можно сослаться на пословицу, а они есть и в Югославии, что если человека укусит змея, то он после этого боится даже ящерицы.

Мы не можем не считаться с тем, что в 1948 году произошло между нашими странами. И в Югославии имеются такие люди, которые сдержанно относились к сближению с Советским Союзом в 1955 году.

Здесь можно привести [пример] с книгами. Книги в Советском Союзе не продаются антиюгославские, но, например, книга, которая называется «Что такое народная демократия», изданная в 1956 году, в ней ни слова не говорится о Югославии. Говорится о действиях партизанских отрядов в Болгарии, Польше, Чехословакии, в Румынии, но ни слова не говорится о югославских партизанах.

ХРУЩЕВ. Чья эта книга?

КУРТОВИЧ. Не знаю, кто писал.

ХАРЛАМОВ. Это, вероятно, брошюра Соболева.

КУРТОВИЧ. Это книга. Что касается продажи книг, то у нас различная система продажи книг. Если отношения между нашими странами будут нормализоваться, то никто в Югославии не будет читать книг, в которых говорится отрицательно о Советском Союзе. Возможно, у нас существуют различные системы продажи и попадания в продажу книг.

В советской печати совершенно ничего не упоминается о той поддержке, которую оказывает югославское правительство советской инициативе по международному положению. В советской печати замалчивается эта поддержка. Сегодня, например, в печати появилось сообщение относительно вооружения⁷⁶.

ХРУЩЕВ. Я читал.

КУРТОВИЧ. Такое сообщение играет отрицательную роль в наших отношениях. Такое сообщение может плохо подействовать на наши отношения.

ХРУЩЕВ. И на наших людей это плохо действовало.

КУРТОВИЧ. Поставки этого оружия были сделаны в соответствии с тем соглашением, которое было заключено ранее, в те годы, когда между нашими странами были испорченные отношения. Но на одном таком факте, когда эти поставки оружия делаются в соответствии с соглашением, которое было заключено ранее, о котором вам известно было, нельзя строить все.

Я могу заверить, что никогда ни одно из видов оружия, которое мы получаем, не будет употреблено против Советского Союза и не может быть употреблено.

Между нашими странами имеется много вопросов, которые содействуют и не содействуют сближению, задача журналистов акцентировать внимание на положительных моментах. И мы когда разговаривали с советскими журналистами, говорили о необходимости давать больше информацию положительного характера.

Я редактор небольшой газеты. Я был на Балхаше и в других районах. Я должен сказать, что еще до того, как я там побывал, мы уже давали сообщение в нашей газете о Балхаше, и до пребывания в Советском Союзе.

ВУЙОВИЧ. В свое время югославское правительство обратилось к советскому правительству с просьбой о поставках реактивных самолетов, но не получило разрешения на поставки.

ХРУЩЕВ. Югославское правительство к нам с такой просьбой не обращалось. Я скажу, о чем идет речь. Был вопрос о том, чтобы мы дали лицензии на производство самолета МИГ—19. Это было. Но самолетов у нас не просила Югославия. Я не могу не знать этого по долгу службы.

Когда Тито был в прошлом году, были переговоры. А потом Мичунович говорил Микояну. Но мы не ответили. И не ответили, я скажу почему, потому что испортились наши отношения, а это секретное оружие. Если говорить прямо, я вам могу сказать. Когда я ездил в Белград, а потом Тито и Ранкович приехали, мы тогда им показали секретное оружие, показали ракеты и действие этих ракет. Это после письма было⁷⁷. Мы хотели дружбы. Когда я Тито говорил — у вас горы, а этими ракетами можно простреливать все Средиземное море. Он сам это видел и говорил: «боже мой». Я тогда говорил, что мы болгарам это даем. Он сказал, а почему болгарам, а не Югославии, ведь границы Югославии — это границы вашего Советского Союза, потому что у нас, может быть, только общий враг. Тито мне тогда сказал так. Мы радовались этому, и мы хотели все дать⁷⁸. Потом начались события в Венгрии и все перевернулось.

ГОЛОС. В связи с самолетом. Я придаю чрезвычайно большое значение этой публикации. Это не дело политики в Югославии, и вы не придаете этому самолету значение вопроса политики. Однако в вашей печати появилось сообщение.

ХРУЩЕВ. Это вопрос именно политики. С точки зрения военной я никакого значения не придаю, а с точки зрения политической это имеет большое значение.

ГОЛОС. Какое же представление может получить советский человек о Югославии в свете такой публикации — что они там делают, югославы? Если иметь в виду, что такая заметка появляется только одна и ничего другого не сообщается. Превратное представление может быть.

ХРУЩЕВ. Это не превратно. Это ваша точка зрения. Мы по-другому относимся.

ВУЙОВИЧ. Например, о пленуме, который состоялся на Брионах, в советской печати не было ничего сказано⁷⁹.

САТЮКОВ. В «Правде» была опубликована краткая информация о том, что состоялся пленум ЦК СКЮ.

ВУЙОВИЧ. О содержании работы пленума совершенно ничего не было сказано. А там как раз говорилось о Венгрии,

там объяснялось, почему они были вынуждены поступить так. Если говорить о слове «революция», то смысл всей речи Тито сводится к тому, чтобы как можно скорее были преодолены те трудности, которые возникли с венгерскими событиями. Когда деятели контрреволюции подняли головы, стали активизироваться, то тов. Тито в своих выступлениях эти действия контрреволюции осудил и оправдывал вступление Советских войск в Венгрию для подавления этих действий.

Я могу сказать, что никогда мы не хотели бы иметь фашистскую Венгрию на своих границах, потому что уже имели фашистскую Венгрию в 1921 году.

ХРУЩЕВ. Я согласен с вами. Вы знаете, что я был второго ноября на Брионах с Маленковым? Эта поездка была инкогнито. Мы беседовали с Тито, Ранковичем. Был Кардель, Мичунович. Вечером мы туда прилетели, ночь просидели. У нас не было никаких разногласий⁸⁰. Я приехал обратно и сказал, что мы выступим, потребуется три дня. Я просчитался, не в три дня, а в один день было покончено в Будапеште⁸¹. Потом мы были поражены, когда в Югославское посольство попали главари и другой сброд⁸². Когда же одиннадцатого выступил Тито — были возмущены⁸³. Когда я уезжал из Югославии, мы с Тито расцеловались. Он нас с Маленковым привез на своей машине, сам за рулем сидел. Это было рано, на рассвете, никто об этом не знал, никто не видел. Когда мы ехали туда, погода была такая, что мы еле-еле добрались до Брион⁸⁴. Ночь просидели, как самые близкие друзья. А потом все изменилось. Расцеловались с Тито, когда на пароход садились, а потом вот чем кончилось.

Мы сами очень жалеем, мы не хотели этого. Мы и сейчас хотим дружбы. И я думаю, что если разумно подойти к этому вопросу, то все может быть по-другому. С нашей стороны нет ничего, но у югославских людей может быть такое мнение, что мы за ваш счет хотим пожить, потому что это стало ходовым выражением некоторых врагов коммунистических партий, что, мол, Советский Союз хочет эксплуатировать дружбу с социалистическими странами. Если так говорить, то эта дружба нам материально стоит.

Я думаю, что все-таки мы сможем добиться, если будет с обеих сторон желание, а мы имеем его, нормализации отношений и создать дружеские отношения между нашими странами.

ВУЙОВИЧ. Могу только приветствовать такую политику.

Вуйович выражает большую благодарность за информацию, которую они получили, и за ту искреннюю беседу, которая имела место.

ХРУЩЕВ. Я думаю, что мы не погрешим, если сообщим в печати, что имели откровенную, но дружескую беседу.

ВУЙОВИЧ. Хорошо.

На этом беседа заканчивается⁸⁵.

РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 618. Л. 11—55. Подлинник.

Публикация А.С. Стыкалина при участии Л.А. Величанской.

Примечания А.С. Стыкалина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробно об этом: *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953—1956 годах. М., 2008.

² См.: *Едемский А.Б.* По следам конкретных консультаций на Брионах 2—3 ноября 1956 г. // *Славянский альманах.* 2010. М., 2011. С. 462—488.

³ «Революционную борьбу» в Венгрии он назвал «первым крупным примером насильственного сведения счетов с теми преградами для дальнейшего развития социализма, которые являются продуктом окрепшей бюрократической политической системы», вызывающей в обществе «бессознательное стихийное возмущение». Альтернативой этой системе Кардель считал противостоявшие кадаровской власти (находившейся под полным советским контролем) рабочие советы — выросшую на венгерской почве «единственную реальную социалистическую силу, которая, вероятно, очень скоро избавилась бы от чуждых антисоциалистических влияний, если бы взяла на себя главную ответственность за власть на предприятиях». Силовые действия СССР по свержению правительства И. Надя, на его взгляд, могли бы быть оправданы лишь в том случае, если бы привели к изменению политической системы, тормозящей социалистическое развитие, в противном же случае история осудит акт военного вмешательства. Дальнейшее же присутствие советских войск в Венгрии югославские лидеры в любом случае считали фактором, не благоприятствующим урегулированию конфликта. Как бы то ни было, и Тито на партактиве в Пуле 11 ноября, и Кардель в Скупщине в декабре, критикуя советскую политику в Венгрии, вместе с тем заявили о признании Югославией приве-

денного к власти в Венгрии по инициативе Москвы правительства Я. Кадара и о своей готовности сотрудничать с ним.

В отличие от привычной пропагандистской практики, в соответствии с которой позиции оппонентов КПСС в лучшем случае излагались в пересказе, текст выступления Карделя был опубликован в журнале «Коммунист» (1956. № 18. С. 35—51) в сопровождении статьи главного редактора журнала будущего академика А.М. Румянцова: *Румянцов А.* Социалистическая действительность и «теории» тов. Карделя // *Коммунист*, 1956. № 18. С. 11—34.

⁴ О частых встречах Мичуновича с Хрущевым в этот период дает представление его более поздняя книга, в основе которой лежат записи 1950-х годов: *Mičunović V.* *Moskovske godine 1956/1958.* Beograd, 1984. Запись их беседы от 11 декабря см.: *Ibid.*, S. 204—208.

⁵ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 103—104.

⁶ Письмо ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС от 3 декабря 1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Редакторы-составители Е.Д. Орехова, В.Т. Серeda, А.С. Стыкалин. М., 1998. С. 730—737. Последующую переписку см.: РГАНИ. Ф. 89. Перечень 45. Док. 83, 84.

⁷ См. редакционную статью «Правды» от 23 ноября 1956 г.: За дальнейшее сплочение сил социализма на основе марксистско-ленинских принципов.

⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14.

⁹ Там же. Оп. 12. Д. 173. Л. 35—36; Оп. 14. Д. 96. Л. 25—28.

¹⁰ Правда. 1957. 28 марта.

¹¹ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 036. Т. 2. Л. 193.

¹² Там же. Д. 035. Л. 54.

¹³ См. запись заседания Президиума ЦК КПСС от 31 мая 1957 г.: Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Гл. редактор академик А.А. Фурсенко. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 256.

¹⁴ Там же. Т. 2. Постановления. 1954 — 1958. М., 2006. С. 673.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 131. Л. 2—3, 37—41.

¹⁶ Закрытое письмо ЦК КПСС партийным организациям о советско-югославских отношениях (май 1958 г.). Там же. Д. 207. Л. 75.

¹⁷ Правда. 1960. 6 декабря.

¹⁸ В состав делегации югославских журналистов входили: Радомир Вуйович — редактор газеты «Борба», глава делегации; Иово Угрчич — главный редактор загребского радио, Даница Куртович — директор сараевского радио, Густав Гузей — редактор словенской газеты «Людска правда», Живота Калперелич — главный редактор сербской га-

зеты «Радник», Борис Петковитский — редактор радио Скопле, Давор Чулич — постоянный корреспондент агентства ТАНЮГ в Москве, Орбен Миличевич — постоянный корреспондент газеты «Борба» в Москве, Степан Дужевиц — постоянный корреспондент радиовещания ФНРЮ, пресс-атташе Божич. С советской стороны присутствовали: М.А. Харламов (Отдел печати МИД), П.А. Сатюков (главный редактор газеты «Правда») и др. Переводчик А.А. Ханов.

¹⁹ Здесь и далее отточие в документе. Очевидно, пропуск в стенограмме.

²⁰ Речь идет о ликвидации весной 1921 г. силовым путем грузинского меньшевистского правительства (Грузинской Демократической республики) и установлении в Грузии советской власти.

²¹ Февральский пленум ЦК КПСС 1957 г., обсудив вопрос «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», поручил Президиуму ЦК КПСС и Совмину СССР выработать конкретные предложения по перестройке руководства промышленностью и строительством, и внести вопрос на рассмотрение Верховного Совета СССР. Докладчиком был утвержден Н.С. Хрущев. Было решено опубликовать и вынести на всенародное обсуждение тезисы доклада. Опубликовано: Правда. 1957. 30 марта. Вследствие запланированной реформы центр тяжести в управлении промышленностью и строительством переносился со всесоюзных министерств на советы народного хозяйства, создававшиеся по региональному принципу.

²² На VII сессии Верховного совета СССР, состоявшейся 7 — 10 мая 1957 г., Н.С. Хрущев выступил с докладом «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» (Правда, 1957. 8 мая). Принятый на сессии Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством см.: Правда. 1957. 11 мая.

²³ См.: *Чепраков В.* Об экономическом развитии Югославии // Коммунист. 1957. № 3. С. 70 — 87.

²⁴ См.: Новые советские предложения о частичных мероприятиях по разоружению // Правда. 1957. 1 мая. См. также представленную на рассмотрение Подкомитета Комиссии ООН по разоружению памятную записку «Предложения Советского правительства по вопросу о проведении частичных мероприятий в области разоружения». Главная цель этих предложений заключалась в том, чтобы воспрепятствовать размещению в Европе (и в том числе на территории ФРГ) новых американских ракет и других видов вооружения. 10 мая 1957 г. СССР обратился к США и Великобритании с предложением прекратить ядерные испытания. См. также записи заседаний Президиума ЦК КПСС от 13 и 23 апреля 1957 г., на которых обсуждались проблемы

разоружения: Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Т. 1. С. 249—253. См. тексты указаний представителю СССР в Подкомитете Комиссии ООН по разоружению, памятной записки по вопросу о проведении частичных мероприятий в области разоружения, Декларации по укреплению всеобщего мира и безопасности народов и др. документы: Там же. Т. 2. С. 601—610, 630—643.

²⁵ На следующий день, 18 мая, «Правда» под рубрикой «Во всем мире растет движение за запрещение ядерного оружия» опубликовала заявление Тито агентству ТАИЮГ о негативных последствиях испытаний ядерного и водородного оружия.

²⁶ Видный деятель югославского коммунистического движения Милован Джилас (1911 — 1995) в конце 1953 — начале 1954 гг. в серии статей, опубликованных в «Борбе», резко выступил против антидемократических методов руководства СКЮ. В январе 1954 г. был смещен со всех постов, на внеочередном пленуме ЦК СКЮ был выведен из ЦК СКЮ, в марте исключен из партии. В ноябре 1956 г. за свои выступления в поддержку венгерского восстания и с критикой непоследовательной позиции руководства ФНРЮ в венгерском вопросе был арестован и в момент беседы Н.С. Хрущева с югославскими журналистами находился в заключении.

²⁷ Известный югославский публицист ветеран коммунистического движения Владимир Дедиер (1914 — 1990), выступая в мае 1957 г. в Швеции, говорил об империалистических тенденциях в политике СССР, о растрате советскими лидерами громадного морального капитала русской революции. Все разговоры о многообразии путей к социализму явились, по его мнению, лишь тактическим маневром, курс на десталинизацию был основан на холодном расчете в целях удержания власти, однако Хрущев и его окружение просчитались и, столкнувшись после открытия шлюзов с более сильной общественной реакцией, чем ожидалось, были вынуждены возвратиться к привычному, более жесткому курсу. См. документ о выступлениях Дедиера, подготовленный в аппарате ЦК КПСС (вероятно, с его содержанием был ознакомлен и Н.С. Хрущев): РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.224. Л.201—204. Более всего Хрущева лично могли задеть уничижительные высказывания об архитекторах десталинизации, которые сами несли большую долю ответственности за сталинские преступления («помогать Сталину в течение двух десятилетий совершать одно из наиболее отвратительных преступлений в истории человечества означает полное отсутствие человеческих чувств»).

²⁸ В. Дедиер, будучи видным работником югославского агитпропа и автором биографических очерков о Тито, выходявших большими тиражами, в 1952 г. был избран на VI съезде в ЦК СКЮ. В 1954 г., выступив в поддержку Джиласа, был выведен из ЦК, а затем исключен из

партии. Позже перестал преследоваться, продолжал заниматься исторической наукой и публицистикой.

²⁹ «Правда» 19 мая 1957 г. дала информацию о состоявшейся в Белграде в госсекретариате по иностранным делам ФНРЮ пресс-конференции. Представитель госсекретариата Б. Драшкович комментировал выступления Дедиера в Копенгагене, Стокгольме и т.д. Было подчеркнуто, что Дедиер выехал за границу как частное лицо для выступления с лекциями по вопросам международного права, «его различные заявления по внешнеполитическим и внутренним вопросам нельзя квалифицировать иначе, как безответственные и вредные для интересов страны. Они, разумеется, не имеют ничего общего с точкой зрения югославского правительства». Драшковичу был задан вопрос, предпримет ли югославское правительство меры против Дедиера. Представитель госсекретариата уклончиво ответил, что это «дело соответствующих органов».

³⁰ Зная о том, что в дни крупномасштабного восстания в Венгрии осенью 1956 г. лидеры СКЮ проявили серьезную озабоченность в связи с возможной утратой коммунистами власти в этой стране, Хрущев, однако, не мог простить Тито публичной критики советской политики в Венгрии, звучавшей, в частности, в его выступлении на партактиве в Пуле 11 ноября.

³¹ Речь идет в первую очередь об отклике «Правды» на выступление Тито в Пуле (Правда. 1956. 23 ноября).

³² Доклад первого секретаря ЦК ПОРП В. Гомулки на IX пленуме ЦК ПОРП «Узловые проблемы политики партии» от 15 мая 1957 г. был опубликован в «Правде» 19 мая 1957 г. и в журнале «Коммунист» (1957. № 7. С. 41 — 87).

³³ Сближение Югославии с Советским Союзом привело к серьезным дискуссиям в Конгрессе США (и — шире — в американской общественно-политической жизни) по вопросу о целесообразности дальнейшего оказания Югославии экономической и особенно военной помощи. Были введены ограничения на поставки ФНРЮ новых вооружений в соответствии с ранее заключенными соглашениями. Однако 14 мая 1957 г. представитель госдепартамента США заявил, что США возобновляют поставки военного снаряжения, в том числе реактивных самолетов в Югославию. Информация ТАСС об этом под заголовком «Американские военные поставки Югославии» была опубликована в «Правде» как раз 17 мая, в день, когда Хрущев принимал делегацию югославских журналистов. В заявлении госдепа отмечалось, что за период примерно 6 месяцев продолжалось тщательное изучение всех аспектов отношений между США и Югославией и на этой основе сделаны определенные выводы. В частности, произошедшие за этот период события показали правительству США, что «Югославия

остается и твердо намерена оставаться независимой и что в интересах Соединенных Штатов поддерживать эту решимость Югославии быть свободной от иностранного контроля». Подробно о военном сотрудничестве США и Югославии в 1950-е годы см.: Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945 — 1957). М., 2002.

³⁴ Джон Фостер Даллес — госсекретарь США в администрации Д. Эйзенхауэра (1953— 1959).

³⁵ Август Бебель (1840 — 1913) — один из основателей и руководителей германской социал-демократической партии и II Интернационала.

³⁶ Н.С. Хрущев мог поднимать этот вопрос на встречах с председателем Совмина ПНР Ю. Циранкевичем 19 и 23 апреля 1957 г. при обсуждении проблем экономического сотрудничества двух стран.

³⁷ Через несколько дней, 22 мая 1957 г., те же идеи Н.С. Хрущев изложил в своем программном выступлении на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР в Ленинграде. См.: В ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения. Правда. 1957. 24 мая.

³⁸ Речь идет о докладе Н.С. Хрущева на пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 3 — 7 сентября 1953 г.

³⁹ Имеется в виду вышеупомянутая программная речь Э. Карделя 7 декабря 1956 г. в Союзной народной скупщине (парламенте) ФНРЮ с изложением как внешнеполитической концепции ФНРЮ, так и представлений лидеров СКЮ о социализме (в свете опыта недавних венгерских событий).

⁴⁰ См. записку В.М. Молотова от 24 марта 1957 г. и ответную записку Н.С. Хрущева от 26 марта: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Т. 2. С. 613—619. См. также краткие записи обсуждения планов реорганизации управления промышленностью и строительством, происходившего на заседаниях Президиума ЦК КПСС зимой — весной 1957 г.: Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Т. 1. С. 221—223, 224—227, 236—239, 240—241, 243—246. Среди документов, раскрывающих принципиальную позицию Н.С. Хрущева, см. его записку от 27 января 1957 г. «Некоторые соображения об улучшении организации руководства промышленностью и строительством» (Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Т. 2. С. 522—539).

⁴¹ «Правда» 20 мая 1957 г. информировала о состоявшейся в Подмосковье встрече руководителей КПСС и Советского правительства с деятелями культуры. См. также: «А вы сидите, как сурок, и о демократии говорите». Выступление Н.С. Хрущева на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 г. // Источник, 2003. № 6. С. 77—90. На одной из

своих встреч с творческой интеллигенцией, произошедшей как раз в это время, Хрущев заметил, что борьба с культом личности теперь „является для нас уже пройденным этапом”. Там же, вспоминая годы юности, оратор поведал об опасности детской игры со спичками — игры, в результате которой возникали пожары, и между прочим предупредил слушателей, что у властей имеются надлежащие способы борьбы как с пожарами, так и с опасными играми в спички. В среде творческой интеллигенции, до тех пор питавшей некоторые иллюзии в отношении позиции Хрущева, откликнулись незамедлительно. „Пахло арестами, тем более, что Хрущев в своей речи сказал, что мятежа в Венгрии не было бы, если бы своевременно посадили двух-трех горлопанов”, — вспоминал писатель В.Каверин (Оттепель 1957—1959. Страницы русской советской литературы. М., 1989. С. 375).

⁴² См. постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 19 апреля 1957 г. «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза» (Правда. 1957. 20 апреля).

⁴³ См., в частности, постановление Президиума ЦК КПСС от 28 декабря 1956 г. «О перенесении сроков строительства в Югославии с помощью СССР и ГДР предприятий алюминиевой промышленности» и соответствующее письмо ЦК КПСС в ЦК СКЮ от 29 декабря: Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Т. 2. С. 512 — 514. Показательно, что пересмотр ранее достигнутого соглашения об экономической помощи совпал с острой закрытой дискуссией между КПСС и СКЮ по вопросам двусторонних отношений и в связи с расхождениями в трактовке сути венгерских событий. Речь идет, таким образом, о форме экономического давления на Югославию. См.: *Тыкалин А.С.* Советско-югославские отношения и внутривнутриполитическая ситуация в Венгрии в условиях кризиса 1956 г. // *Spoljna politika jugoslavije. 1950—1961. Zbornik radova.* Beograd, 2008. S. 139—167.

⁴⁴ В Москве в дни формирования полностью контролируемого СССР нового венгерского правительства во главе с Яношем Кадаром.

⁴⁵ Речь идет в первую очередь о силовом вмешательстве СССР в Венгрии осенью 1956 г.

⁴⁶ «Правда» 31 мая 1957 г. сообщила о том, что министерство сельского хозяйства и министерство совхозов СССР были объединены в единое министерство сельского хозяйства во главе с В.В. Мацкевичем. И.А. Бенедиктов, ранее занимавший пост министра совхозов СССР, был назначен министром сельского хозяйства РСФСР. 19 марта 1957 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об организации совхозов на базе отстающих колхозов», которым одобрялось предложение Н.С. Хрущева о порядке передач совхозам, организуемым на базе отстающих колхозов, движимого и недвижимого имущества этих колхозов. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Т. 1. С. 997.

⁴⁷ Машинно-тракторные станции были упразднены в 1958—1959 гг., их техника передана колхозам и совхозам.

⁴⁸ Речь идет о вышеупомянутом докладе Н.С. Хрущева «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», сделанном на сессии Верховного Совета СССР (Правда, 1957. 8 мая).

⁴⁹ Имеется в виду период с 1949 по март 1953 г., когда Н.С. Хрущев возглавлял московскую парторганизацию.

⁵⁰ В январе 1957 г. правительство ФНРЮ предоставило Венгрии кредит в 2 млн. долларов США.

⁵¹ Во второй половине мая 1957 г. в «Правде» было опубликовано довольно много информации о Югославии, советско-югославских культурных связях, внешнеполитических заявлениях Тито.

⁵² Речь идет о поездке советской партийно-правительственной делегации во главе с Н.С. Хрущевым в мае — июне 1955 г. в ФНРЮ и пребывании югославской делегации во главе с Й. Брозом-Тито в СССР в июне 1956 г.

⁵³ В ноябре 1956 г., в результате проявившихся советско-югославских расхождений в оценке венгерского кризиса (Правда. 1956. 19, 23 ноября).

⁵⁴ Те, кто в СССР ностальгировал по сталинскому режиму, хотя и всецело поддержали жесткую реакцию Кремля на венгерские события, вместе с тем видели истоки этих событий в ревизии Хрущевым сталинской внешней политики, сближении с режимом Тито в Югославии и особенно в решениях XX съезда КПСС. В аппарат ЦК КПСС попало адресованное в журнал „Коммунист” письмо рабочего горьковского автозавода. Речь в нем шла о том, что Хрущев, унаследовав от Сталина Восточную Европу, тут же „пробанкетил” Венгрию в компании со „шпионом Тито” (См.: Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. Отв. редактор К. Аймермахер, отв. составитель В.Ю. Афиани. М., 2002. С. 593). Венгерские события, таким образом, расценивались частью общества как результат капитулянтской политики советского руководства после смерти Сталина, и в том числе «капитуляции» перед режимом Тито. См. также: Аксютин Ю.В. Хрущевская „оттепель” и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М., 2004 (2-е, исправл. и дополненное издание — 2010).

⁵⁵ Шах Ирана Мохамед-Реза Пехлеви находился с визитом в СССР 25 июня — 13 июля 1956 г.

⁵⁶ Н.С. Хрущев и Н.А. Булганин посетили Индию в декабре 1955 г.

⁵⁷ Хрущеву, очевидно, вспомнился кровавый инцидент на площади Республики в Будапеште 30 октября 1956 г., в дни драматических венгерских событий. Вследствие попытки экстремистски настроенных повстанцев штурмовать здание будапештского горкома Венгерской

партии трудящихся (в подвалах которого, по слухам, оказавшимся ложными, находилась тюрьма) было убито более 30, главным образом, безоружных людей, включая второго секретаря столичного горкома партии Имре Мезё.

⁵⁸ Относящиеся к этому времени публицистические выступления В. Дедиера о Сталине позже в преобразованном виде вошли в одну из его неоднократно переиздававшихся книг: «Проигранное сражение И.В. Сталина».

⁵⁹ Разговор Мичуновича с Хрущевым на эту тему не нашел отражения в его книге «Московские годы. 1956 — 1958», созданной на основе его записей, сделанных в период работы в Москве в качестве посла ФНРЮ в СССР. См.: *Mičunović V. Moskovske godine 1956/ 1958. Zagreb, 1977* (более позднее издание — Београд, 1984). Запись В. Мичуновича о его встрече с Н.С. Хрущевым, состоявшейся в конце марта, датируется в книге 1 апреля 1957 г. (*Ibid.*, S. 260).

⁶⁰ П.А. Сатюков.

⁶¹ В марте — апреле 1957 г. экономическая делегация ФНРЮ во главе с членом Исполкома ЦК СКЮ, заместителем председателя Союзного исполнительного вече Югославии С. Вукмановичем-Темпо посетила Египет, Сирию, Ливан и Грецию, встретила с президентом Египта Г.-А. Насером и другими политиками.

⁶² Хрущеву навсегда запомнилось острое выступление Вукмановича с критикой советской политики при Сталине на советско-югославских переговорах в Белграде в мае — июне 1955 г. См.: *Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Восп. в 4-х книгах. Т. 3. М., 1999. С. 151 — 152.*

⁶³ Речь идет о В. Поповиче, после ФНРЮ в КНР.

⁶⁴ 13 июля 1956 г. руководителям коммунистических и рабочих партий стран советского блока (а также Франции и Италии) было разослано информационное письмо об итогах советско-югославских переговоров в ходе поездки делегации ФНРЮ во главе с Тито в СССР в июне 1956 г. В нем содержалась критика позиции лидеров СКЮ, их стремления дистанцироваться от советского лагеря, а также претензий на особую роль в мировом коммунистическом движении. Будучи закрытым, письмо тем не менее стало достоянием руководителей ФНРЮ (получивших его по венгерским каналам) и вызвало обиду на руководство КПСС, давшее повод для упреков в неискренности, ведь налицо было противоречие между публичными декларациями и закрытыми документами, в которых без ведома югославских коммунистов им давались иные оценки, нежели в открытых заявлениях. Вопрос о письме поднимался в ходе неформальных советско-югославских встреч на высшем уровне на Адриатике и в Крыму в сентябре — октябре 1956 г., а также в межпартийной переписке уже после венгерских событий. См.: «Есть один путь к социализму, но могут быть разные

методы, разные формы». Записки Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС (1956) // Источник, 2003. № 6. С. 38 — 58.

⁶⁵ 5 июня 1956 г. председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин дал завтрак в Большом Кремлевском дворце в честь Й. Броза-Тито и поднял тост «За друга, за ленинца, за нашего боевого товарища!» (Правда. 1956. 6 июня). В вышеупомянутом информационном письме от 13 июля 1956 г. это заявление было названо преждевременным.

⁶⁶ См. запись заседания Президиума ЦК КПСС от 29 июня 1956 г. (к этому времени руководство КПСС получило информацию о познанных волнениях в Польше и острых дискуссиях на Круге Петёфи в Венгрии, участники которых отдавали предпочтение югославскому опыту строительства социализма перед советским). См.: Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1984. Т. 1. С. 145.

⁶⁷ Пропуск в документе.

⁶⁸ Речь идет об уже упомянутом выступлении Тито на партактиве в Пуле 11 ноября с критикой советской политики в Венгрии.

⁶⁹ Еще ждет своей полной публикации переписка руководителей КПСС и СКЮ за конец 1956 — начало 1957 гг. с изложением каждой из сторон своих позиций не только в венгерском вопросе, но и по другим принципиальным вопросам мирового коммунистического движения. См.: РГАНИ. Ф.89. Пер. 45. См. из опубликованного: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Отв. редакторы Е.Д. Орехова, В.Т. Серeda, А.С. Стыкалин. М., 1998. С. 730—735; КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х — первой половине 1960-х гг. Сб. документов. Салоники, 2003. С. 108—119. См. также постановление Президиума ЦК КПСС от 8 декабря 1956 г. «О письме ЦК СКЮ от 3 декабря 1956 г.»: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Т.2. С.510.

⁷⁰ Отточие в документе. Очевидно, пропуск в стенограмме.

⁷¹ Парламентская делегация ЧССР посетила ФНРЮ в мае 1956 г., ее принял председатель Союзной народной скупщины ФНРЮ Моше Пьяде (1890—1957).

⁷² *Соболев А.И.* Что такое народная демократия. М., Госполитиздат, 1956.

⁷³ Речь идет о видном деятеле международного коммунистического движения публицисте К.Б. Радеке (1885—1939), о начальнике управления РККА С.И. Гусеве (1874—1933).

⁷⁴ Скорее всего имеется в виду V съезд компартии Югославии (июль 1948 г.).

⁷⁵ Единственное известное упоминание Сталиным югославских партизан в 1942 г. содержится в его приказе от 1 мая 1942 г. в качестве народного комиссара обороны СССР. Это формулировалось в приказе следующим образом: «Вся Югославия и занятые немцами советские

районы охвачены пожаром партизанской войны» (Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. I: 22 июня 1941 г. — 31 декабря 1943 г. М.: Госполитиздат, 1946, С. 64). В этом документе не давалось оценок югославского партизанского движения (*Примечание ЛЯ. Гибрианского*).

⁷⁶ См. прим. 28 и 36.

⁷⁷ Речь идет о неформальных встречах советских и югославских лидеров на Адриатике и в Крыму в сентябре — октябре 1956 г.

⁷⁸ Эти беседы нашли отражение в записке Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС о встречах с Тито. См.: «Есть один путь к социализму, но могут быть разные методы, разные формы». С. 40.

⁷⁹ Пленум ЦК СКЮ, о котором идет речь, состоялся в феврале 1957 г.

⁸⁰ См. запись послом ФНРЮ в СССР В. Мичуновичем брионской встречи: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С.524—533.

⁸¹ На самом деле вооруженное сопротивление повстанцев продолжалось с 4-го примерно до 10 ноября, ему на смену пришли другие формы сопротивления.

⁸² С началом ранним утром 4 ноября решающей советской военной акции по приведению к власти в Венгрии нового правительства глава действующего правительства Имре Надь и целый ряд деятелей из его реформ-коммунистического окружения (а также членов их семей) нашли убежище в посольстве ФНРЮ в Будапеште, где находились более двух недель. Выманенные оттуда обманным путем, они были депортированы в Румынию. Подробнее см.: *Стыкалин А.С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

⁸³ Имеется в виду уже упомянутое выступление Тито на партактиве в Пуле.

⁸⁴ Хрущев описывает это в мемуарах: *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Т. 3. С. 257—260.

⁸⁵ «Правда» 18 мая дала информацию о состоявшейся накануне встрече Н.С. Хрущева с югославскими журналистами. «В дружественной и откровенной беседе, продолжавшейся свыше трех часов, югославские журналисты получили ответы на интересующие их вопросы и поделились своими впечатлениями о поездке по Советскому Союзу».

«Сейчас все зависит от крепости
и единства социалистических стран».
Запись беседы Н.С. Хрущева
и Й. Броз-Тито. 26 августа 1963 г.

В начале 1960-х гг. в мировой политике произошел ряд событий, значительно повлиявших на дальнейшее развитие международных отношений.

Берлинский (1961 г.) и Карибский (1962 г.) кризисы и последовавшие за ними изменения в советско-американских отношениях означали постепенный переход сторон от политики конфронтации и взаимных угроз к более конструктивной позиции. В ситуации, когда своей главной задачей в Вашингтоне и Москве считали стабилизацию обстановки и смягчение противоречий, поставивших человечество на грань атомной катастрофы, борьба за влияние в Азии, Африке и Латинской Америке не ослабла, но, напротив, разгорелась с новой силой и по новым правилам. Теперь сверхдержавы, опасаясь негативной реакции друг друга, в меньшей степени были нацелены на давление или другие силовые варианты расширения сферы своего влияния в странах «третьего мира» и в большей — на диалог и компромиссы. Провозглашенная Дж. Кеннеди политика «новых рубежей», также как и политика мирного сосуществования Н.С. Хрущева, предполагали борьбу за расширение сфер влияния при опоре преимущественно на финансовые и экономические механизмы — кредиты и торговое сотрудничество.

Страны «третьего мира» оказались в весьма благоприятном положении и стремились использовать возникшую ситуацию с максимальной выгодой для себя, причем не только экономической, но и политической. Сложившаяся обстановка

многократно увеличивала в их глазах значение политики неприсоединения, которую они рассматривали как инструмент лавирования между Москвой и Вашингтоном и как способ добиться большего влияния на ход международных событий.

25 мая 1963 г. в Аддис-Абебе была основана Организация африканского единства. Одним из ее базовых принципов стало неприсоединение, обязательное условие для членства в ОАЕ. Лига арабских государств также провозгласила его среди своих уставных принципов¹. Таким образом, в Африке и на Ближнем Востоке не только увеличивалось число внеблоковых стран, но и углублялись связи между ними, а также появлялись новые организации, в рамках которых была возможна их совместная деятельность.

Усилия президента Югославии Й. Броза-Тито, фактически продавливавшего идею продолжения многостороннего сотрудничества на базе политики неприсоединения еще с конца 1961 г.², наконец дали свои плоды. В октябре 1963 г. в ходе встречи в Каире между Гамалем Абдель Насером и Сиримаво Бандаранаике³ египетский руководитель предложил премьер-министру Цейлона выступить с совместной инициативой о проведении новой международной конференции неприсоединившихся стран⁴. Бандаранаике ответила согласием. Началась подготовка Второго саммита внеблоковых государств, который состоялся в Каире 5—11 октября 1964 г.

Новым, самостоятельным фактором в международных отношениях стал Китай. Конфликт между недавними союзниками — Пекином и Москвой — порожденный коренными различиями в оценках закрытого доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 г.⁵, разгорелся в конце июня 1960 г., когда на III съезде компартии Румынии⁶, во время своей шестичасовой речи советский лидер подверг жесткой критике политику КНР. К этому времени в Китае неудачей закончилась экономическая кампания, известная как «большой скачок», и руководство страны попыталось переключить внимание населения на другие задачи, активизировав внешнюю политику в странах Азии и Африки. Концепция ослабления международной напряженности отрицалась, Китай провозглашался «центром мировой революции», а ревизионизм и империализм объявлялись «двумя сторонами одной медали»⁷. КНР не только демонстрировала неподчинение Москве, но и не без успеха пыталась перетя-

нуть на свою сторону другие социалистические государства: Албанию, Северную Корею, Северный Вьетнам, а также стремилась расширить свое влияние в «третьем мире» за счет неприсоединившихся стран.

Китайская пропаганда видела все меньше различий между «советским великодержавным шовинизмом» и «югославским ревизионизмом». Ухудшение советско-китайских и улучшение советско-югославских отношений шли параллельным курсом, что свидетельствовало об их обратно-пропорциональной зависимости.

Югославия, по сути, тоже была сферой влияния, за которую боролись Москва и Вашингтон. С этой точки зрения улучшение югославо-американских отношений, результатом которого стало восстановление режима наибольшего благоприятствования⁸ (1963 г.) и развитие советско-югославского сотрудничества можно рассматривать как определенную закономерность, продиктованную развитием международной конъюнктуры.

В отношениях между Югославией и СССР в 1961—1962 гг. начался очередной цикл их возвратно-поступательного развития: после второго советско-югославского конфликта снова последовало сближение двух социалистических государств.

7—13 июля 1961 г. состоялся официальный визит в СССР государственного секретаря иностранных дел Югославии Кочи Поповича. Он был принят Н.С. Хрущевым и А.И. Микояном, провел ответственную беседу с А.А. Громыко⁹. Неожиданно резкое выступление Й. Броза-Тито на Белградской конференции неприсоединения (1—6 сентября 1961 г.) с острой критикой в адрес империалистической и колониальной политики западных стран¹⁰ стало еще одним шагом в направлении нормализации отношений. Важную роль сыграл и XXII съезд КПСС (ноябрь 1961 г.). Его результаты были высоко оценены в Югославии. Во-первых, на съезде прозвучали критика сталинизма и культа личности, в чем югославы увидели добрый знак. А, во-вторых, в выступлениях делегатов было значительно меньше выпадов против югославского ревизионизма¹¹.

Демонстрируя желание начать диалог, каждая из сторон руководствовалась своими задачами. Югославия — в первую очередь, экономическими интересами. Используя емкий рынок СССР и других стран социалистического лагеря, югославы

рассчитывали расширить сбыт своих сельскохозяйственных и промышленных товаров, обеспечить экономику недостающим сырьем на льготных условиях, укрепить свои позиции в отношении Запада; преодолеть дискриминационную политику государств, входящих в закрытые экономические организации¹²; добиться положительного баланса во внешней торговле. Советское руководство стремилось добиться поддержки со стороны ФНРЮ по важнейшим внешнеполитическим вопросам (Берлинский кризис, советско-китайский конфликт, борьба за расширение сферы своего влияния в Азии и Африке, укрепление советских позиций в международных отношениях и в ООН).

Еще весной 1962 г. стороны обменялись несколькими посланиями¹³, в которых констатировались «совпадение или близость позиций Советского Союза и Югославии по важнейшим международным вопросам»¹⁴. Летом того же года Белград посетили несколько высших советских функционеров: министр иностранных дел А.А. Громыко (16—21 апреля), член Президиума ЦК КПСС и первый заместитель председателя Совета Министров СССР А.И. Микоян (3—6 июля) и председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев (24 сентября — 4 октября).

С 3 по 20 декабря 1962 г. состоялась неофициальная поездка Й. Броза-Тито в СССР. Это событие подытожило весь ход нормализации 1961—1962 гг. Несколько раз повторенный советскими руководителями (в том числе в докладе Н.С. Хрущева о современном международном положении и внешней политике СССР 12 декабря на сессии Верховного Совета СССР) тезис о том, что Югославия является социалистическим государством, означал снятие прежних обвинений в ревизионизме¹⁵. Причем вопросы изменения политического курса или возвращения ФНРЮ в советский лагерь не поднимались¹⁶.

Поездка в СССР стала для Тито внешнеполитическим триумфом. Нормализация отношений продолжалась на условиях, выгодных для Югославии. Отныне главным противником Советского Союза в борьбе за единство социалистического лагеря провозглашался не «югославский ревизионизм», а «догматизм и раскольническая деятельность» албанских коммунистов. Разумеется, обвиняя Тирану в этих грехах, Хрущев критиковал, прежде всего, ее покровителя — Китай.

В конце 1962 — начале 1963 г. процесс нормализации советско-югославских отношений в целом завершился. Стороны перешли к этапу развития двухстороннего сотрудничества. По оценке югославских дипломатов, в отношениях между Москвой и Белградом возникла «качественно новая атмосфера»¹⁷.

В советской и югославской печати продолжилась публикация материалов о достижениях и укреплении дружбы двух стран. Критические статьи практически полностью исчезли со страниц журналов и газет.

В 1963 г. было подписано несколько двухсторонних экономических соглашений. Стороны договорились о сотрудничестве в области энергетики (в том числе и атомной: в январе 1963 г. был заключен «Договор о сотрудничестве в использовании атома в мирных целях») и геологии, а также о координации научно-технических исследований. 26 июня 1963 г. представители СССР и Югославии подписали «Протокол о сотрудничестве в промышленности», согласно которому в 1965—1970 г. объем торговли станками и оборудованием между двумя странами должен был составить 1 млрд. 500 млн. долларов¹⁸.

Развивалось и межпартийное сотрудничество. Еще во время поездки Тито в Советский Союз был подписан договор об обмене делегациями представителей компартий, научных и общественных организаций, а также об обмене публикациями, посвященными проблемам научного коммунизма¹⁹.

Вместе с тем по ряду проблем стороны не могли достигнуть взаимоприемлемого компромисса.

В первую очередь это касалось «Программы СКЮ». Несмотря на серьезное давление с советской стороны²⁰, югославы отказывались ее пересматривать. Для них это был вопрос сохранения национального суверенитета и защиты собственного пути строительства социализма, а также манифест равноудаленной позиции Югославии в отношении сверхдержав. Пересмотр «Программы» означал бы решающий шаг в сторону советского лагеря, что неизбежно поставило бы под вопрос продолжение сотрудничества с Западом и уникальное, исключительно выгодное политическое положение СФРЮ²¹.

Из всего этого вытекала еще одна, не менее значимая проблема советско-югославских отношений — развитие межпартийного сотрудничества. В Югославии и в Советском Союзе

по-разному понимали суть этого вопроса. В Москве логичным итогом нормализации видели переход СКЮ на позиции, идентичные позициям КПСС, что должно было обеспечить укрепление единства международного коммунистического движения и в дальнейшем стать ключевой предпосылкой возвращения Югославии в социалистический лагерь. В Белграде опирались на Московскую декларацию (1956 г.), признававшую «различие путей социалистического развития в разных странах» и «богатство форм развития социализма», полностью добровольное и равноправное сотрудничество коммунистических партий, а также важность дружеской критики и товарищеского обмена мнениями по спорным вопросам²². Таким образом, югославское руководство было согласно на развитие партийного сотрудничества только на принципах взаимного уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела.

Поэтому руководство СССР постепенно перешло к тактике, названной в Югославии «политикой двойных стандартов». Она предполагала развитие межгосударственного сотрудничества при отсутствии такового по партийной линии, критику югославской концепции самоуправляющегося социализма, а также постоянную демонстрацию сомнений относительно внутривластного развития страны. Таким образом, Советский Союз признавал Югославию социалистическим государством в сфере международных отношений, где позиции сторон в значительной степени совпадали. В сфере же внутренней политики и межпартийных отношений, то есть там, где существовал ряд спорных вопросов, и никто не хотел идти на компромиссы, ситуация была не столь однозначной.

Сближение между Советским Союзом и Югославией означало необходимость более частых консультаций по важнейшим проблемам международных отношений и двустороннего сотрудничества. Участие ФНРЮ в различных форумах стран социалистического лагеря было невозможно, так как ставило под вопрос независимость и внеблоковую политику Белграда. В то же время именно с руководством независимой Югославии, социалистического государства вне советского блока, согласования и консультации требовались постоянно. Выход был найден в регулярных советско-югославских встречах на высшем уровне. В период с 1962 по 1968 гг. первые лица двух государств встречались ежегодно, иногда даже по несколько

раз в год. Ни до, ни после советские и югославские руководители не виделись так часто.

Относительно формы визитов, стороны согласились между собой, что они «как манифестация отношений больше не нужны»²³. Рабочие поездки или встречи во время отпуска лидера одной из стран в другой, в отличие от официальных визитов, были более эффективным способом консультаций, к тому же позволяющим избежать дипломатических формальностей.

Так, визит в Югославию Н.С. Хрущева (20 августа — 3 сентября 1963 г.) по приглашению Й. Броза-Тито, которое он сделал еще во время их предыдущей встречи в Москве в декабре 1962 г., подавался в печати именно как пребывание советского лидера на отдыхе в дружественном государстве. Хрущев предпочитал отдыхать активно: он посещал заводы и фабрики, образцово-показательные колхозы и стройки, выступал на митингах советско-югославской дружбы, встречался с трудящимися и вел переговоры с руководством СФРЮ. Отдельным пунктом программы стало посещение 22 августа 1963 г. македонской столицы Скопье, пострадавшего от разрушительного землетрясения.

26 и 27 августа 1963 г. состоялись консультации между советской делегацией и руководителями Югославии. В данном издании публикуется стенографическая запись переговоров от 26 августа 1963 г., раскрывающая позиции сторон по широкому кругу проблем внутренней и внешней политики.

Б.С. Новосельцев

Запись беседы Н.С. Хрущева с Иосипом Броз Тито²⁴

26 августа 1963 г.

Тито. Прежде всего, я хотел бы приветствовать Вас и всех Ваших товарищей, прибывших из Советского Союза²⁵. Мы очень рады, что Вы нашли возможность приехать в Югославию. Что Вы думаете о порядке наших бесед? По моему мнению, можно было бы обсудить вопросы двухсторонних отношений между нашими странами, а также основные международные проблемы, актуальные задачи, стоящие перед ООН и т.п. Нас также интересовала бы Ваша информация по вопросам, которые Вы сочтете возможным затронуть.

Н.С. Хрущев. Мы согласны с этим. Имеется ли в виду информация по внутренним вопросам или и по другим вопросам?

Тито. Я имею в виду информацию по всем вопросам — по внешним и внутренним вопросам, о ваших взаимоотношениях с китайцами и т.д. Я думаю, что сегодня мы могли бы сделать общий обзор этих вопросов, а позднее у нас будет возможность конкретно остановиться на каждой интересующей нас проблеме.

Н.С. Хрущев. Хотел бы выразить благодарность от себя и от имени всех товарищей за хороший прием и радушие, которое проявляется к нам с Вашей стороны и со стороны всего народа. Нам просто приятно, что и в народе чувствуется правильное понимание полезности хороших, дружественных отношений между Советским Союзом и Югославией.

Внутриполитическое положение Советского Союза является, мало сказать, хорошим, — оно блестящее. В этом смысле расчеты китайцев отделить руководство СССР от народа показывают, что они совершенно оторвались от действительности.

ти, не представляют себе реального положения и замкнулись в своем мире. Мы охотно публикуем в нашей печати их документы, направленные против нас²⁶. Нам это выгодно, поскольку они нам помогают. В свое время мы сказали нашему народу много хорошего о Китае. Я как-то читал такую историю. Один крестьянин спросил: «Кто такой мудрец?» Ему ответили, что мудрец — это тот, кто может сделать то, чего больше никто не может. Однако когда крестьянин поинтересовался, а может ли мудрец сделать ложку, то оказалось, что не может. Крестьянин на это сказал: какой же это мудрец, у нас каждый крестьянин может сделать ложку. Так получается и с Китаем. Ведь просто смешно: они хотят учить и поучать нас, а сами не могут сделать простых вещей.

Как я уже сказал, положение у нас очень хорошее. Мы прошли большой путь экономического развития и добились большого прогресса. Коренным образом изменился облик наших городов и деревень. Во времена Сталина, бывало, едешь по деревне и нигде не увидишь, чтобы кто-либо строил дом или хотя бы ремонтировал его. Сейчас строят очень много. Я как-то проезжал под Москвой и увидел строительство новых больших зданий. Я думал, что это промышленное строительство, хотел поругать за расточительство — ведь мы сейчас запретили строить под Москвой и в Москве новые промышленные предприятия. А мне говорят, что это совхоз строит новые здания. Я помню, я сам выступал за строительство в деревне многоэтажных зданий. Сейчас мы переходим на строительство в сельской местности трех-четырех и даже пятиэтажных зданий. Образно говоря, мы заносим ногу в седло коммунистического завтра.

Значительно улучшилась нарядность нашего населения. Вы были у нас зимой, когда яркость и разнообразие одежды несколько теряются²⁷. Я должен сказать, что, побывав во многих странах, сделал вывод — наш народ одет богаче, чем американцы, французы и другие. Сейчас москвича, ленинградца или киевлянина не удивишь никаким заграничным нарядом. Намного больше стало квартир²⁸, улучшилось питание населения. Китайцы скажут, что опять мы обращаем основное внимание на материальную сторону дела, а не на духовную. Но ведь это барометр дня. Помню, в гражданскую войну говорили, что настроение бойцов во многом зависит от повара, и это очень верно.

Что касается нашей промышленности, то она развивается хорошо. Показатели ее развития известны из печати, из отчетов, которые мы публикуем. Развитие нашей экономики идет с перевыполнением планов. Правда, мы недовыполнили задания по химии и по сельскому хозяйству, но в этом виноваты мы — руководители. На XXI съезде КПСС²⁹ мы приняли решение направлять все накопления, полученные за счет перевыполнения заданий семилетки, на развитие химии и сельского хозяйства. Однако, как следует мы не взялись за это, и Госплан подвел нас и повел дело по старой колее, направляя средства на развитие металлургии. А это не совсем правильно.

На сельское хозяйство мы ассигновали по семилетнему плану меньше средств, чем нужно. Теперь мы это поправили. РСФСР, дающая 70% промышленной продукции в нашей стране, произведет продукции на 30 млрд. рублей больше, чем было запланировано. Другие республики дадут сверх плана приблизительно 10 млрд. рублей. По старому масштабу цен это 400 млрд. рублей. Таковы наши сверхплановые фонды.

В области сельского хозяйства нынешний год очень тяжелый: озимые вымерзли на больших площадях, а яровые культуры в Сибири постигла засуха. Пожалуй, это самый неблагоприятный год по сравнению с прошлым. Резервы зерновых мы не удержали, здесь нам «помогли» доедать их другие социалистические страны, испытывавшие большую нужду в хлебе. Возникло оригинальное положение — мы всегда выходили из положения за счет обширности нашей территории, а в этом году была и суровая зима, и засуха. Однако независимо от урожая мы получим приблизительно столько зерна, сколько в прошлом году. Украина дает в этом году 800 млн. пудов зерна (в 1962 году было 750 млн. пудов), однако пшеницы будет мало. Нам придется пойти на суррогат, на добавление в хлеб кукурузы, ячменя и других примесей. Правда, по питательности этот хлеб будет не хуже, но он будет грубее³⁰.

В настоящее время мы готовим Пленум по химии, которому мы придаем особое значение³¹. Он окажет огромное воздействие на развитие нашего сельского хозяйства. В качестве докладчика на этом Пленуме я предвкушаю воздействие его решений на умы и те последствия, которые они принесут. Видите, я, как боевой конь, заранее бью копытом и рвусь вперед. Правда, каких-либо цифр мы еще не определили. Главным на-

правлением в развитии химической промышленности будет производство минеральных удобрений. Это приведет к тому, что в 1970 году мы, видимо, выйдем на полугодовой, может быть, и годовой резерв зерна. Как это сделать, — не составляет секрета, надо вырабатывать 100 млн. тонн минеральных удобрений в год, а к 1980 году довести производство удобрений до 170 млн. тонн. Сейчас у нас вырабатывается 20 млн. тонн удобрений. По нашим подсчетам, валовой сбор зерна к 1970 году составит 14 млрд. пудов в год, а к 1980 году — 18—19 млрд. пудов (в 1962 году мы получили 9 млрд. пудов, в этом году будет несколько меньше).

Мы учитываем при этом рост населения нашей страны. Сейчас оно равно 225 млн., а к 1980 году составит 280 млн. человек³². Когда мы будем получать такое огромное количество зерна, то это позволит нам проводить снижение цен. Правда, на пленуме мы этот вопрос конкретно решать не будем (о снижении цен объявить никогда не поздно), а определим лишь направление, перспективу. Излишних иллюзий мы создавать не будем, должен сказать, что главное, что мы собираемся провести, это не столько снижение цен, сколько увеличение элементов коммунистических ростков — мы планируем взять полностью на содержание государства всех детей, обеспечить их интернатами. Это, конечно, дорого и будет делаться постепенно. Очень большое значение будет иметь полное обеспечение населения яслями, детскими садами. Мы введем в этой семилетке двухразовое бесплатное питание детей в школах. Это очень большое дело, в котором мы видим не только улучшение материального положения, но и проявление элементов коммунистического строительства, поскольку все дети, независимо от того, кем являются их родители, будут получать питание в равной степени и на одинаковой основе.

Сталин в последние годы своей жизни провел два снижения цен, и народ запомнил это. Я помню, как в период борьбы с антипартийной группой³³ я получал письма, в которых мне писали, что при Сталине цены снижались, а теперь этого нет. Должен сказать, что мы сознательно не проводили общего снижения цен. Сталин установил очень большой разрыв между высшими и низшими категориями заработной платы (после его смерти наши академики сами предложили снизить им заработную плату и по своей инициативе отказались от до-

вольно солидной суммы). Сталин строил дачи для генералов. За ними тянулись и другие работники. Это было неправильное, расточительное, некоммунистическое направление. Каждому ведь дачу не построишь. Сейчас мы исправили это положение.

Если мы разовьем химию, производство синтетических материалов, то это даст возможность обеспечить детей бесплатной одеждой и обувью. Этим будет подготовлен полный охват детей школьного возраста интернатами. А ведь это мечта социалистического общества, поскольку надо создавать и психику людей, которые будут жить при коммунизме. Это пока из области фантазирования, но это реальная фантазия.

Расчеты показывают, что для создания необходимой химической промышленности нам надо 5 млрд. 800 млн. рублей. За семилетку нам это сделать вполне под силу. Ведь только строительно-монтажные работы в этом году составляют по стоимости 19 млрд. рублей, а на будущий год будут равны 21 млрд. Мы «прижали» Малиновского и высвободили около 2 млрд. рублей³⁴. Часть средств мы отберем у нашего «атомника» Славского, который, пользуясь секретностью своего производства, буквально грабит нас, поскольку Министерство финансов не имеет возможности проконтролировать его³⁵. Только за счет экономии мы получим дополнительно 6 млрд. рублей. Так что, думаем, трудностей с развитием химической промышленности не будет.

Развитие металлургии мы несколько придержим. В этом году мы получим стали приблизительно 80,8 млн. тонн. Семилеткой запланирован уровень производства в 91—96 млн. тонн. Госплан хотел бы получить 96 млн. тонн, а раньше у них был курс даже на 102 млн. тонн. Однако мы лучше продвинем вперед химию. Нужды обороны вполне покрываются нашими возможностями. Сейчас мы завершаем создание ракетной обороны, а расходы на ее дальнейшее усовершенствование будут значительно дешевле.

Капиталовложения на развитие химической промышленности окупятся, видимо, к 1971—1972 гг. С развитием химии сельское хозяйство будет настоящей денежной кузницей, поскольку затрата средств на обеспечение минеральными удобрениями одного гектара земельной площади полностью окупается за два года.

Развитие химии поможет нам обеспечить население одеждой и обувью. Здесь у нас пока слабое место по сравнению с Западом, хотя общий уровень и является довольно высоким. У нас значительно дешевле квартиры, хлеб, мясо и другие продукты, а одежда и обувь почти в два раза дороже, чем на Западе. Чтобы получить больше синтетических материалов и хлопка, нам надо вложить 10 млрд. рублей. Эта отрасль имеет самую высокую окупаемость, развитие синтетики окупится за два года. К 1970 году эта отрасль экономики также будет денежным печатным станком. Мы снизим цены в два раза и все равно будем получать немалый доход.

Если раньше мы развивали тяжелую промышленность за счет легкой, то теперь у нас нет потребности экономить на производстве товаров широкого потребления, легкая промышленность дает самые большие накопления. У нас нет нужды тратить средства на оборону за счет собственных соков. Легкая промышленность и сельское хозяйство будут питать тяжелую индустрию, которая будет развиваться за счет легкой промышленности в буквальном смысле этого слова. Что касается идеологических вопросов, то положение у нас также очень хорошее. На Пленуме ЦК КПСС мы заняли позицию относительно борьбы против проникновения буржуазного влияния и будем решительно отстаивать ее³⁶. Мы против сосуществования в области идеологии³⁷. Конечно, вопросы музыки, живописи — это не главное, здесь проникновение буржуазной идеологии — это сорняки. Видимо, мы несколько расходимся с вами в этом вопросе, так как говорят, что Югославия — это пример терпимости к различным направлениям в искусстве и литературе. Такую же позицию занимают итальянские коммунисты³⁸. Но это ваше внутреннее дело. Откровенно говоря, я предпочитаю ваши сербские, черногорские и другие народные мелодии той какофонии, которую иногда приходится слышать. А вот в Америке мне подарили такие картины, что я не знаю, что мне с ними делать: выбросить неудобно — подарок, а в музей их никто не берет.

Мы решительно будем бороться за чистоту нашей литературы и искусства. Определенное бурление, которое наблюдалось у нас после XX съезда, пошло на убыль. В этом вопросе сказался некоторый надлом у детей репрессированных людей. Некоторые из этих детей обладают определенными способностями

и талантами. У поэта Аксенова пострадал отец³⁹, Евтушенко говорит, что у него были репрессированы оба деда, но, по-моему, он врет. Вообще он большой кривляка. Например, он везде говорит, что костюм ему шил тот же портной, что и Маяковскому. И этот портной, видите ли, говорит, что Евтушенко только на два сантиметра ниже Маяковского. Или вот другой поэт — Окуджава. Его отец был старым коммунистом, был расстрелян по обвинению в национализме, в выступлениях против Сталина⁴⁰. Окуджава бывает у Микояна, он, конечно, не антисоветчик, но некоторый налет в его творчестве есть. Некоторые неизбежные трудности в этом вопросе есть, но они, конечно, не определяют главного.

Вот, собственно, и все о нашем внутреннем положении, которое, как я уже сказал, является очень хорошим.

Международное положение мы также оцениваем как очень хорошее. Помню, в 1954 году я был в Китае и много беседовал с Мао Цзэ-дуном⁴¹. Он спросил меня: как Вы думаете, проживем ли мы без войны еще 5 лет? Я ответил тогда, что расписку, конечно, не дашь, но мы уверены, что проживем без войны и больше. Сейчас наши силы стали еще крепче. Я имею в виду наш экономический и военный потенциал, силу общественного мнения. Карибский кризис был большим и серьезным делом. Однако по секрету я вам скажу, что мы тогда опубликовали много приказов о боевой готовности, но все это было для печати, игра по радио. На самом деле мы не приводили войск в состояние боевой готовности, поскольку не верили, что этот кризис выльется в войну⁴².

Так же было и в Берлине в 1960 году. Мы предложили тогда установить стену, отделяющую ГДР от Западного Берлина, поскольку, как известно, ГДР испытывала тогда большие трудности. Руководители ФРГ пытаются доказать, что развитие экономики в капиталистической ФРГ идет значительно успешнее, чем в социалистической ГДР. Однако они умышленно забывают, что эти две части Германии находились в неравных условиях. ГДР — это сельскохозяйственная часть Германии, а в ФРГ находится Рур. ГДР понесла большие издержки после войны, выплачивала репарации, а ФРГ даже получала средства от западных держав. Эти различия надо учитывать, их нельзя относить за счет социализма.

Когда стена была установлена⁴³, то Кеннеди, придя к власти⁴⁴, объявил мобилизацию, направил в Берлин дополнительно 11 тысяч человек и т.д. Здесь снова началась игра. Американцы готовились силой сломать стену и подвезли к ней танки, бульдозеры и пехоту. Мы знали, когда американцы намеревались осуществить свой план, и, поскольку они назначили командующим генерала Клея, имя которого связано с победой союзников во второй мировой войне, то мы назначили туда Конева (я говорил, что это ход конем), хотя Конев там и не был нужен. Американцы хотели сначала пустить в Восточный Берлин пехоту на джипах, а затем разломать стену бульдозерами и танками. По существующим соглашениям американцы имели право въехать на территорию Восточного Берлина, однако, как только автомашины перешли границу, мы развернули свои танки, и американские джипы тотчас вернулись в Западный Берлин. Советские и американские танки оказались друг против друга. Они простояли так всю ночь. Когда маршал Конев доложил о положении в Берлине (а он даже не выезжал туда), я сказал ему, что американцам неудобно, конечно, разворачиваться под дулами орудий наших танков и что если мы сделаем первый шаг, то они сразу же отведут свои танки. И действительно, как только мы увели свои танки в переулок, американцы через двадцать минут развернулись и ушли. На этом кризис и закончился⁴⁵.

Конечно, они пробуют прощупать нас, но знают нашу силу. Теперь они очень часто пишут одно, а нам говорят совсем другое (например, говорят, что пусть, мол, стена в Берлине останется).

Я беру только кризисные моменты. На примере Карибского кризиса наглядно проявилось правильность выводов XX съезда КПСС о том, что империализм не является всесильным и не может не считаться с нами⁴⁶. Мы расцениваем международное положение с точки зрения социалистических стран как очень хорошее. Вспышки, конечно, бывают, но это ведь неизбежно. Видимо, кризисы будут повторяться, поскольку существуют две различные общественные системы. Но навязать империализму мирное сосуществование можно. Конечно, это дорого обойдется, но исторически это оправдано.

Сейчас довольно остро будет стоять вопрос о борьбе за направление развития афро-азиатских стран. Вчера мне говори-

ли, что Кеннеди потерпел в конгрессе поражение. Ему срезали 1 млрд. 25 млн. долларов из средств, которые он просил на оказание помощи этим странам.

КНР своими средствами, видимо, хочет дезорганизовать линию на поддержку этих стран. Надо проявлять больше терпения. Сами афро-азиатские лидеры являются довольно пестрыми. Среди них есть много ставленников империалистов и предателей. Нужно время, пока народ сметет их. Но это не пожарное дело, это не динамит.

Некоторые критиковали нас за пассивность в Алжире⁴⁷. Но мы намеренно не хотели давать повода к тому, чтобы нас обвиняли в желании вползти в любую щель. У нас сейчас критическое положение в отношениях с Секу Туре⁴⁸. У вас, кажется, более хорошие отношения с ним. Торез давал ему очень хорошую характеристику. Но я дважды встречался с Секу Туре и, откровенно говоря, я его не понимаю. Нам стало известно, что два года тому назад он имел очень гнусную беседу с Кеннеди. Кеннеди, видимо, сознательно потерял запись этой беседы, а мы нашли ее.

Тито. Может быть, эта запись сфабрикована?

Н.С. Хрущев. Нет, мы достоверно знаем, что так оно и было.

Тито. Когда у Гвинеи были хорошие отношения с вами, то с нами они были плохими, а теперь наоборот.

Н.С. Хрущев. Я не знаю, что хочет от нас Секу Туре. До недавнего времени мы Гвинею не знали и жили. Можем жить и дальше. Когда американцы начали организовывать блокаду Кубы, то у нас была только одна возможность осуществления связи с Кубой — через Гвинею, где мы построили аэродром. Однако Кеннеди обратился к Секу Туре и под его давлением Секу Туре отказал нам. Мы предвидели это, дали распоряжение переделать самолеты Ту—104 и приспособить их к прямым полетам на Кубу из Мурманска. Правда, потом Секу Туре разрешил посадку наших самолетов, но затем нам снова отказали. Словом, ведет себя Секу Туре перед американцами подхалимски, а ведь он считался наиболее левым из африканских лидеров, ходившим около коммунистов. В свое время мы оказывали ему помощь, не считаясь ни с чем. Видимо, нам придется пережить этап очищения от остатков колонизаторов в этих странах. Должен произойти процесс создания промышленности и зарождения рабочего класса.

На нас хорошее впечатление производит Модибо Кейта. По-видимому, это честный и порядочный человек⁴⁹. Самый положительный отзыв можно дать о Бен Белле⁵⁰.

У нас разный подход с китайцами к отношениям с афроазиатскими странами. Они хотят усилить свое влияние в странах Азии, Африки и Латинской Америки и вовлечь их в свою орбиту. Но это у них не выйдет. Для нашего времени попытка делить страны по цвету кожи, по расовому признаку — это пройденный этап⁵¹. Сейчас мы имеем дело с периодом острой классовой борьбы.

Нашу позицию вы знаете. Мы проявили большое терпение и будем оказывать посильную помощь развивающимся странам. Правда, китайцы, извращая нашу точку зрения, кричат о том, что мы проповедем мирное сосуществование между классами. В некоторых странах к власти пришли реакционные правительства. Они пользуются сейчас «медовым месяцем» независимости, пока народы еще не поняли, что хозяева ушли, а лакеи остались.

У нас хорошие отношения с коммунистическими партиями, кроме компартий Индонезии, КНДР, ДРВ и Албании⁵². Впрочем, албанцы ваши соседи и вы, вероятно, лучше нас знаете их.

Тито. С албанцами у нас контакт осуществляется только тогда, когда мы ловим их шпионов и судим их⁵³.

Н.С. Хрущев. Да, это прямой контакт. *(Смех)*.

Коммунистическая партия Индонезии насчитывает 3,5 млн. членов.

Тито. Это большое число, но в состав партии входят в основном крестьяне.

Н.С. Хрущев. С этой точки зрения партия слабая. Помните, Чапаев не знал, к какому Интернационалу он принадлежал. Здесь, видимо, тоже есть такие.

В. Влахович. Возможно, Айдит⁵⁴ тоже не знает, к какому Интернационалу он принадлежит.

Н.С. Хрущев. Делегация компартии Индонезии посетила Советский Союз, да и сейчас находится в СССР. Мы имели с Айдитом продолжительную беседу, а затем вместе обедали в неофициальной обстановке. Я довольно откровенно изложил нашу позицию, не щадя при этом индонезийцев, критиковал их. Я думал, что это в определенной степени насторожит их. Однако Айдит ничего не сказал, а после обеда неожиданно стал

обниматься и целоваться. Видимо, он сам не пропащий человек, но в партии очень сильно прокитайское влияние. Там даже много и просто китайцев, проживающих в Индонезии. Такое же положение и в Бирме. Эти китайцы финансируются через богатых китайцев, проживающих в Индонезии и Бирме. Сам Айдит не является признанным вождем своей партии, занимает позицию арбитра. Как известно, китайцы хотят сбить людей с толку, заявляя, что СССР не помогает национально-освободительной борьбе. Уж кто-кто, а Айдит мог бы опровергнуть это. Он знает, что для борьбы с голландцами мы помогли Индонезии оружием, продав его подешевке. Сукарно попросил дать наших людей для обслуживания предоставленных нами подводных лодок, мы сразу же сделали это. Наши люди были на этих подводных лодках вместе с индонезийскими экипажами. На проданных нами Индонезии бомбардировщиках-ракетоносцах ТУ—16 также находились наши экипажи. Словом, наш офицерский состав был представлен там довольно солидно. Конечно, мы довольны, что освобождение индонезийских территорий произошло без войны, но ведь и наш вклад в это дело есть⁵⁵, Айдит должен понимать, что все это разоблачает тезис китайцев о том, что мы не помогаем странам, отстаивающим свою независимость.

Когда министр иностранных дел Индонезии Субандрио⁵⁶ был в Америке, то он довольно объективно рассказал американцам о моей с ним беседе. Правда, он создавал у них впечатление, что мы якобы были заинтересованы в получении опыта борьбы с американскими авианосцами.

Тито. Я знаю Субандрио, он не разболтает только в том случае, если воды в рот наберет.

Н.С. Хрущев. Да, но сейчас он не говорит китайцам, что они не правы.

Вот теперь КНДР и ДРВ вслед за китайцами заявили, что они будут строить социализм, опираясь на свои собственные силы. Они выдают это за новое, но ведь мы все годы Советской власти опираемся только на свои собственные силы. В принципе это правильная позиция. Но ведь они болтают одно, а делают другое и по-прежнему обращаются к нам с просьбами. Вот недавно мы сбросили Северному Вьетнаму 50% задолженности. Когда наш посол сообщил об этом Хо Ши Мину, то он сказал: «50 процентов — это хорошо, а 100 про-

центов — лучше». Может, им вредна наша помощь? Получается, как в той шутке о черногорцах, которую рассказал товарищ Влахович⁵⁷. (Смех).

В. Влахович. Это шутка, а тут дело более серьезное.

Н.С. Хрущев. Вчера я получил донесение из Москвы о том, что румынский посол в КНДР (брат Боднараша⁵⁸) встретился с нашим послом и информировал его о своей беседе с Ким Ир Сенем. Ким Ир Сен якобы заявил, что он не совсем согласен с китайцами, которые неправильно ведут себя, но не во всем он согласен и с СССР. Они обижены на Советский Союз. В 1956 году А.И. Микоян приезжал в Китай на VIII съезд КПК⁵⁹. В то время у Ким Ир Сена было плохое положение в партии, в КНДР находились китайские войска, и китайцы хотели заменить Ким Ир Сена, устранить его от руководства. Ким Ир Сен стал тогда преследовать и расстреливать их сторонников⁶⁰. Китайцы попросили нас оказать воздействие на Ким Ир Сена. А.И. Микоян не совсем разобрался в обстановке, и мы согласились, чтобы он выехал в КНДР вместе с Пын Дэ-хуаем⁶¹. Там они оказали определенное давление. Это обидело Ким Ир Сена. Он признает, что даже расстрелял тогда часть корейцев, приехавших в КНДР из Советского Союза⁶².

Сообщение румынского посла говорит о каком-то проблеске. Однако трудно сказать, чем это кончится. Надо разобраться, подумать.

Когда я беседовал с Мао Цзэ-дуном, то он называл тогда Ким Ир Сена фашистом и гитлеровцем. Он заявил тогда, что если бы он сделал такие ошибки, какие совершил Ким Ир Сен, то он давно бы уже подал в отставку⁶³. В практической деятельности Ким Ир Сен не следует за китайцами. Когда Ким Ир Сен в 1960 году посетил Китай и беседовал с Мао Цзэ-дуном, то тот говорил ему, что в КНДР лучшее положение, поскольку корейцы не допустили тех ошибок, которые совершили китайцы. Он, правда, не назвал, о каких ошибках идет речь, но всем ясно, что это коммуны, скачки и т.п.⁶⁴

Надо войти в положение Ким Ир Сена и Хо Ши Мина — в их партиях много китайцев, сильно прокитайское влияние. Ведь даже норвежская и шведская компартии проявляют сейчас колебания.

Э. Кардель. Эти колебания характерны для маленьких сектантских партий.

Н.С. Хрущев. Они создают такое впечатление, что они рвутся в бой, а я их удерживаю в их стремлении захватить власть вооруженным путем. Но тогда я уже не знаю, кто я такой. Ведь даже если им огонь под зад подложить, и то их не поднимешь на революцию. В свое время у нас очень едко высмеивали украинских социал-демократов. В фельетоне одного писателя говорилось; мы, украинские социал-демократы, тоже боролись в подполье. Бывало, соберемся и поем: «Ще не вмерла Украина». Выйдем на площадь к памятнику Богдану Хмельницкому и кланяемся ему. А если полицейское правление придерется, то скажем, что кланяемся Софийскому собору, который стоит прямо за памятником. (*Смех*).

В общем, мы считаем, что в Китае происходят явления уморазуму непонятные. Они, видите ли, за революцию. А кто же против нее? Они говорят о мирном или немирном пути развития, но кто может определить этот вопрос для каждой коммунистической партии, кроме нее самой. Ведь нужно, чтобы сложилась определенная ситуация для мирного или немирного пути. В 1917 г. В.И. Ленин сначала выдвигал лозунг мирного захвата власти, а когда обстановка изменилась, призвал к вооруженному восстанию. Поэтому спор на эту тему в такой форме — это праздный спор. Китайцы берут на вооружение Сталина, но ведь это Сталин внес в программу английской компартии тезис о мирном завоевании власти, несмотря на возражения Поллита⁶⁵. Правда, и в этом сказалась оторванность Сталина от жизни. Он думал, что стоит английской компартии записать этот тезис в свою программу, как большинство в парламенте будет завоевано.

Сейчас китайцы осуждают нас за «экономизм», за то, что мы якобы отбрасываем политическую сторону дела. Они напоминают, что еще Ленин критиковал это. Это действительно правильно, что Ленин критиковал «экономистов». Но в каких условиях это было? Тогда, когда рабочий класс и его партия не стояли у власти. Тогда это снижало революционность, вело к реформизму. Но ведь теперь другие условия. Когда рабочий класс берет власть в свои руки, то его главная задача — это экономическое строительство.

Почему китайцы занимают сейчас такую позицию? В 1958 г. они считали, что обгонят нас в экономическом развитии. Тогда Мао Цзэ-дун говорил об этом как о деле ясном, издеватель-

ски поучал нас⁶⁶. Но теперь у них провал в экономике. Они сняли лозунг индустриализации и заменяют его призывом к подъему сельского хозяйства. Но это ведь глупо. Этой задачи решить без индустриализации нельзя, индустриализация — это опора подъема сельского хозяйства.

Китайские лозунги происходят от упадка, от неверия. Они не видят перспективы. Прирост населения в Китае обгоняет рост производства материальных благ.

Три дня назад я читал в одной китайской статье, что счастье, мол, не в материальных благах. Главное — не улучшение материальной стороны, а духовная сторона. Это они готовят население к тому, что ничего ему не дадут. Не ждите, мол, что штаны получите, а идите делать революцию. Войну что ли они объявлять собираются? Так ведь они этого не хотят. Их поведение говорит о неверии в силы рабочего класса, в силы социалистической системы. Занимаются игрой, произносят революционные фразы, а перспективу не видят.

Чего хочет китайский народ? Он хочет риса. А Мао Цзэдун, когда я был в Китае в 1958 г., заявил мне, что они не знают, куда им рис девать. Это в стране, которая веками голодала. Я не стал тогда спорить и оказал полущутя: «Думаю, что вы не будете просить у нас советников, чтобы они подсказали вам, куда девать рис»⁶⁷. А через полгода оказалось, что в стране есть нечего. Всю вину китайское руководство взвалило тогда на низовой актив, на партийных и советских работников. Но ведь это методы Сталина. Помните его статью «Головокружение от успехов»⁶⁸? После пребывания в КНР в 1958 г. я доложил на Президиуме ЦК КПСС, что китайские руководители будут делать то же, что в свое время делал Сталин⁶⁹.

Лю Шао-ци даже выдвинул на съезде КПК⁷⁰ странное теоретическое положение о том, что социалистическая экономика развивается не по восходящей, а по седлообразной линии.

Трудно сейчас сказать, что будет с Китаем. Для нас это большие хлопоты. Китай — большая страна. У нас с ним большая граница, а Китай уже провоцирует пограничные инциденты, были случаи нарушения границы. Правда, пока мы молчим об этом.

Тито. Да, шуметь об этом, пожалуй, не надо. Очень опасна раскольническая деятельность китайцев в других коммунисти-

ческих партиях. Они наносят вред и оказывают отрицательное воздействие, особенно на молодые, неопытные партии.

Н.С. Хрущев. Откровенно говоря, это не очень беспокоит нас. Что они могут сделать?

Тито. Однако их присутствие чувствуется везде. Причем китайцы не жалеют денег для достижения своих целей. Часто они играют очень отрицательную роль. Например, все мы возмущались репрессиями в Ираке⁷¹, а китайцы воздержались от осуждения этих действий.

Н.С. Хрущев. Недавно китайцы направили Насеру⁷² поздравительную телеграмму. Так они там написали, что они «молят бога» ниспослать ему успехи. Насер — умный человек, но актер в политике. Он ни в бога, ни в черта не верит. А китайцы пишут ему: «Молим бога». Это попытка сыграть на религиозных чувствах арабов.

Тито. Это, конечно, смешно. Нам хотелось бы подробнее поговорить по вопросам политики Китая в афро-азиатских странах.

Н.С. Хрущев. Позиция Китая — это потрясение в международном рабочем движении, но сейчас это не является решающим. Ныне другое время, происходят другие процессы.

Э. Кардель. Действия китайского руководства наносят большой ущерб.

Н.С. Хрущев. Сейчас все зависит от крепости и единства дружеских социалистических стран. Давно уже нет никакой «руки Москвы», о чем любят говорить наши противники.

После Великой Октябрьской революции, в условиях существования одной социалистической страны, была своеобразная обстановка. Существовал Коминтерн. Сталин стремился полностью руководить его деятельностью, уничтожал оппозицию. Сейчас существует 14 социалистических стран. Сталинские методы не годятся. На переговорах в Москве мы прямо заявили Дэн Сяо-пину⁷³, что времена гегемонии одной коммунистической партии над другими братскими партиями давно уже прошли⁷⁴. Для нас такие методы не подходят.

Вот теперь китайцы, а вслед за ними корейцы и вьетнамцы говорят, что они будут строить социализм, опираясь на свои собственные силы. Я уже говорил, что это не ново. Советский Союз все время опирается только на свои силы. А если они теперь так отзываются о нашей помощи, то можно ответить сло-

вами крестьянской поговорки: «Баба с воза — кобыле легче». Вот китайцы свернули теперь торговлю с нами. Но ведь, если мы построим у себя те заводы, которые предназначались для них, то мы только выиграем.

Ныне становится все более ясным, что притягательная сила социализма заключается не в словах, не в революционных фразах, а в конкретном примере социалистического строительства.

А что получается у китайцев? Вот недавно услышал я такой анекдот. Спрашивают китайца: «Как вы живете?» И слышат в ответ: «К оружию!» Странный ответ. Переспросили — опять то же самое. Наконец, разобрались. Оказывается он говорил: «Кору жую».

Вряд ли это революционный призыв. Когда рабочий идет на революционный бой, то он знает, что может погибнуть. Но он идет умирать во имя того, чтобы жить лучше.

Мы верим, что мы выполним и семилетку и пятилетку, что наши экономические успехи придадут социализму и большую политическую притягательную силу.

Тито. То, что Вы сказали относительно безуспешности попыток китайцев оказать воздействие на социалистические страны или на такие крупные партии, как компартии Франции и Италии, совершенно верно. Но они все-таки вредно влияют на другие компартии капиталистических стран, где и без того много неустойчивых элементов. Поэтому такие действия китайских руководителей надо постоянно разоблачать. В частности, мы приняли решение впредь не только отвечать на китайские нападки, но и выступать с разоблачительными статьями.

Н.С. Хрущев. Мы согласны с этим. В свое время мы не хотели раздувать полемику. Поэтому, например, мы полностью опубликовали Ваш доклад на пленуме ЦК СКЮ, товарищ Тито, за исключением тех мест, которые касались китайцев. Но китайцы не унимаются. Сейчас мы выступаем с развернутыми аргументированными статьями по отдельным проблемам.

Ю.В. Андропов. «Правда» почти каждый день помещает такие материалы по отдельным вопросам.

Н.С. Хрущев. Конечно, при этом не надо браниться, ругаться, как это делают албанцы. Надо выступать солидно. Мы готовим объемный документ с аргументированным разъяснением ряда

конкретных вопросов⁷⁵. Надо сказать, что наш народ и наша партия высоко оценили наш ответ китайцам, изложенный в известном Открытом письме ЦК КПСС⁷⁶.

Вот что мы хотели рассказать вам. Прошу извинить, что занял много времени.

Тито. Все эти вопросы нас очень интересуют. Видимо, сейчас остается уже мало времени и, если Вы согласны, я сделаю свое сообщение завтра.

Н.С. Хрущев. Что касается отношений между СССР и Югославией, то мы довольны ими. Они развиваются хорошо.

Тито. Да, наши отношения хорошие.

Н.С. Хрущев. Хорошо развиваются наши экономические отношения. Важное значение имеет работа группы экономистов и договоренность по кооперации и специализации. Это взаимовыгодное дело. Мы готовы сотрудничать и по другим вопросам, интересующим обе стороны.

Я не занимался специально этим вопросом, но по линии партий у нас, пожалуй, можно найти сейчас очень мало вопросов, по которым имеются коренные различия.

Тито. Нам надо посмотреть, какие вопросы еще остались, взять их на заметку.

Н.С. Хрущев. Чтобы потом крестики или галочки ставить? *(Смех)*.

Тито. Некоторые вопросы мы должны вам пояснить. На практике мы за последнее время многое исправили у себя, подвергли критике. Нам кажется, что вам не совсем понятна роль партии в нашей стране. В Югославии проведена широкая децентрализация, но партия у нас централизована и действует централизованно.

Н.С. Хрущев. У вас какая-то жульническая децентрализация. *(Смех)*.

Я шучу, конечно. Мы с пониманием относимся к тому, что в деле социалистического строительства шаблона быть не может. Мы ведь и сами меняем у себя методы социалистического строительства, ищем, экспериментируем. Почему же другие не могут делать этого?

Я иногда сам себя критикую. Вот, например, берлинская стена. Почему мы ее раньше не сделали? Ведь нам сейчас германский мирный договор нового ничего не даст, он даже ухудшит наше положение. Я говорил недавно Раску⁷⁷, что они теперь

больше нас заинтересованы в мирном договоре. В самом деле, сейчас мы, когда захотим, можем наступить Кеннеди каблуком на мозоль, да еще и повернуться на ней, а потом сказать: «Ах, извините». (*Смех*). Ведь норм-то, которые регулировали бы положение, нет⁷⁸. Возьмем, например, и будем ремонтировать все мосты столько времени, сколько захотим. А американцы пусть летают в Западный Берлин по воздуху. А это дорогое удовольствие.

Или возьмем вопросы развития нашей экономики. Нам очень помогла перестройка нашей организационной структуры по производственному принципу. Создание обкомов по промышленности и по сельскому хозяйству позволило нам сосредоточить внимание части членов партии на вопросах развития промышленности, а другой части — на вопросах сельского хозяйства. Уже сейчас мы видим, что получили большую силу⁷⁹.

Мы иногда оказываемся бюрократами в силу существующих организационных условий. Вот, например, Совет Министров решал у нас все вопросы развития и хозяйственной жизни страны. Товарищ Косыгин возглавлял комиссию по текущим вопросам, через которую проходило в день минимум 100 вопросов. Когда же тут заниматься другими делами. Я предложил создать Совнархоз СССР и возложить решение текущих вопросов на его председателя т. Дымшица, а комиссию по текущим вопросам ликвидировать. Прошел вот уже год, и все идет хорошо⁸⁰.

Раньше, при Ленине, у нас существовал ВСНХ⁸¹. Потом его ликвидировали, а почему? Сейчас мы вновь создали этот орган, конечно, с учетом изменений, происшедших за истекшие годы. В ВСНХ представлено все наше народное хозяйство. Мы чувствуем, что стали сильнее.

Но разве все теперь должны повторять и копировать наш опыт? Нет, конечно.

Вот взять, например, ваши рабочие советы. Мы еще не во всем с ними разбираемся, но здоровое зерно в них есть. В чем оно заключается? Оно состоит в демократических формах управления.

Мы не признаем децентрализованную экономику⁸², но в сочетании с централизмом рабочие советы могут сыграть неплохую роль, обеспечивая большую демократичность. Ведь в свое

время мы критиковали Сталина за то, что он все переложил на Госплан.

Словом, нам с вами надо посадить наших людей в отдельную комнату, запереть их, дать им хлеб, воду и соль и не выпускать, пока они спокойно не разберут вопрос за вопросом. (*Смех*).

Когда я в 1955 г. вернулся из Югославии и рассказал Молотову о своих впечатлениях, то он так подпрыгнул и начал ругать югославов: они такие, они сякие⁸³. Я предложил ему тогда давайте поручим ученым-экономистам проанализировать, какая же это страна. Для Молотова был тогда авторитетом Шепилов. Шепилов разобрался и говорит: Югославия — социалистическая страна⁸⁴. Однако Молотов все равно был недоволен. Но ведь нельзя же так: сегодня поругался — говорю, что это не социалистическая страна, помирился — утверждаю, что социалистическая. Надо опираться на объективные факты.

Тито. Надо не сразу, а постепенно, спокойно разобраться во всех вопросах.

Н.С. Хрущев. Мы считаем, что, если между социалистическими странами есть какие-либо вопросы, то давайте не торопиться сразу ликвидировать их и немедленно добиться общей позиции между социалистическими странами. Пусть эти вопросы созреют.

Э. Кардель. Ведь если руководители той или иной социалистической страны — коммунисты, стоящие на базе марксизма-ленинизма и честно относящиеся к делу, то они со временем обязательно исправят ошибочные положения.

Н.С.Хрущев. Мы, например, не ругали китайцев за их «скачок», хотя и считали его абсурдом. Ведь как бывает в жизни? Мать учит ребенка познавать мир, позволяя ему и обжечься, схватившись за горячий утюг, и почувствовать, что такое холод. В следующий раз он уже понимает, что к чему.

Так и с китайским «скачком». Захотели попробовать, пусть пробуют. А «скакнули» в клозет, пусть сами и отдуваются. (*Смех*).

То, что мы увидели в Югославии за это время, производит хорошее впечатление, многое сделано в области промышленности. Народ лучше одевается, живет богаче. За 6 лет, прошедших после моего предыдущего посещения, произошли большие изменения⁸⁵.

Тито. Нам во многом еще помешала засуха. Только 1959 г. и нынешний год оказались урожайными.

Н.С. Хрущев. Так, может быть, вы нам поможете и дадите миллионов пять тонн пшеницы? (*Смех*).

Тито. У нас всего будет около 4—5 млн. т., а вместе с кукурузой около 10 млн. т. зерна. А кукурузу вы не хотите взять? (*Смех*).

Н.С. Хрущев. Почему же. Я ведь кукурузник, люблю и сам поест ее.

Тито. У нас тоже умеют вкусно приготавливать кукурузу в разных видах.

Н.С. Хрущев. Я стою за кукурузу. Думаю, что засуха даже может ее продвижению. Ведь это самый верный путь решения зерновой проблемы.

Тито. Это и важная промышленная культура.

В. Влахович. Она имеет большое значение для животноводства.

Н.С. Хрущев. Много кукурузы потребляется в США. Лишите Америку кукурузы, и она погибнет от голода.

Э. Кардель. Там всюду используется кукурузное масло.

Б. Црнобрня. В США выпускается 300 видов продовольственных товаров из кукурузы.

Н.С. Хрущев. Перед войной в СССР возвратился из США один журналист (Сталин расстрелял его). Это был настоящий певец кукурузы и сои⁸⁶. Соя ведь дает много масла.

Тито. Это выгодная культура, но у нас ее пока сажают мало.

Э. Кардель. В Югославии есть даже организация пропагандистов сои.

Н.С. Хрущев. Сейчас у нас очень хорошо пошел горох. Мы думаем довести его посевы до 30% всей площади зерновых. В нем много белка. Он дает продовольствие и корм для скота, а также удобрения. При урожае гороха в 30 ц. с гектара в почве остается 90 кг азота. Хорошо занимать горохом землю перед озимыми и получать по 1,5 урожая.

Передовые хозяйства получают урожай гороха в 30—33—50 ц. с гектара. На Украине мы платим за 1 ц. пшеницы 2 рубля, а за горох — 20 рублей, а затраты на выращивание этих культур одинаковые. Пока мы не осмелились уменьшить закупочные цены, и хозяйства зарабатывают на этом.

Тито. Как у вас дела с животноводством? У нас плохо, наблюдается определенный застой.

Н.С. Хрущев. У нас дела обстоят хорошо, но мы критикуем животноводство за его примитивный уровень.

Тито. Мы сами виноваты, слишком низкими были цены. В июле мы подняли цены на молоко, мясо.

Н.С. Хрущев. Мы также, как известно, подняли цены на 30%. Излишков у нас нет, но по всей стране идет сейчас свободная торговля мясом, молоком. А раньше этими продуктами снабжались только крупные города.

Тито. Методы ведения животноводства у нас уже разработаны хорошие, но цены были низкими. Много скота мы должны были вывезти на внешний рынок, чтобы выполнить свои обязательства, а поголовье скота уменьшилось. Засуха привела к тому, что стало меньше кормов, и многие владельцы стали резать скот. Сейчас мы стремимся развернуть строительство фабрик по производству комбикормов, но пока это дорогое производство,

Н.С. Хрущев. У нас текущий год будет тяжелым. Это дань отсталости нашего сельского хозяйства, которое мы, как и вы, получили полуфеодальным, общинным. Сейчас мы начинаем лучше понимать стоящие перед нами проблемы. Думаю, лет через 5 мы добьемся полного изобилия сельскохозяйственной продукции и создадим резервы в размере примерно годовой потребности. В наших условиях это необходимо.

Затем мы начнем сокращать посевные площади, будем сдавать в аренду. Как, товарищ Влахович, возможно это с теоретической точки зрения?

В. Влахович. Да, возможно, если дадите машины и удобрения.

Тито. Вам надо больше заниматься туризмом. Это очень выгодное дело. Оно приносит доход, не надо вывозить многие товары, а можно продать их в стране.

Н.С. Хрущев. Это верно. Если вы согласитесь, мы пришлем к вам людей для изучения вашего опыта.

Тито. Пожалуйста, мы охотно примем их.

Н.С. Хрущев. У нас большие возможности для туризма, и мы будем конкурировать с вами. *(Смех)*.

Когда мы построим Киевскую ГЭС на Днепре, недалеко от Киева образуется море длиной в 150 км и шириной до 15 км⁸⁷.

Оно расположится в очень живописной местности, у леса. Мы планируем построить здесь пансионаты гостиничного типа и электрифицировать железнодорожную линию, ведущую сюда из Москвы. Дорога займет у москвичей 5—6 часов. Это будет отличное место для отдыха. И такие возможности у нас имеются всюду.

Мы, возможно, перейдем с 7-часового рабочего дня на 8 часов, но сделаем 2 выходных дня — субботу и воскресенье.

Тито. Лично я за 7-часовой рабочий день, но с тем, чтобы в субботу работать только до обеда.

Н.С. Хрущев. Это вы богато живете. Вам, как Мао Цзэ-дуну, рис девать некуда. *(Смех)*. А мы не такие богатые.

Тито. А говорите, что медь больше покупать у нас не будете.

Н.С. Хрущев. Я этого не говорил. Если кожу драть не будете, будем покупать. *(Смех)*. У нас сейчас открыто очень богатое месторождение⁸⁸. Госплан утверждает, что через 5 лет мы полностью обеспечим свои нужды. Но ведь это все относительно.

Тито. Надо так поставить дело, чтобы был обмен товарами между странами. Ведь если ты хочешь что-то продать, то надо и купить.

Н.С. Хрущев. Правильно. Я говорил Раску, что надо отменить ограничения в торговле⁸⁹. Раск спрашивает: «А что вы хотите покупать?». Я ему ответил, что, конечно, не ракеты. Пусть разрешат своим капиталистам разговаривать с нами. И мы договоримся. Причем оборудование согласился покупать только на кредиты. Да еще посмотрим, какие будут цены, и уж тогда решим, купим это оборудование или нет.

Тито. Если Вы согласны, то мы продолжим наши переговоры завтра.

Н.С. Хрущев. Хорошо.

В беседе с советской стороны участвовали: секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов, член ЦК КПСС, первый секретарь Московского горкома КПСС Н.Г. Егорычев, член ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского промышленного обкома КПСС В.С. Толстиков, член ЦК КПСС, посол СССР в Югославии А.М. Пузанов, заведующий V Европейским отделом МИД СССР С.Т. Аставин.

С югославской стороны на беседе присутствовали: секретарь ЦК СКЮ, председатель Союзной скупщины СФРЮ Э. Кардель, секретарь ЦК СКЮ, вице-президент СФРЮ А. Ранкович,

член Исполкома ЦК СКЮ В. Влахович, государственный секретарь по иностранным делам СФРЮ К. Попович, заместитель председателя Союзного исполнительного веча СФРЮ Б. Крайгер, председатель Комиссии по международным связям Союзного комитета ССТНЮ⁹⁰ Д. Видич, посол СФРЮ в СССР Ц. Миятович, генеральный секретарь Президента СФРЮ Б. Црнобрия.

Беседу записал (Ю. Островидов)

РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 544. Л. 5-36. Подлинник.

*Публикация и примечания А.С. Стыкалина
и Б.С. Новосельцева при участии Л.А. Величанской*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тузмухамедов Р.А. Развивающиеся страны в мировой политике (международные правительственные организации развивающихся стран). М., 1977. С. 92, 177.

² 18—19 ноября 1961 г. на тройственной встрече глав Индии, ОАР и Югославии в Каире Тито с большим трудом удалось убедить Г. Насера и Д. Неру в целесообразности проведения в 1962 г. экономической конференции стран «третьего мира». Она состоялась также в Каире 9—18 июля 1962 г. Он не имел ярко выраженного внеблокового характера: в нем приняли участие и государства, ориентировавшиеся на одну из сверхдержав.

³ Сиримава Ратватте Диас Бандаранаике (1916—2000). Цейлонский политический деятель. Премьер-министр Цейлона/Шри-Ланки (1960—1965, 1970—1977 и 1994—2000 гг.). Первая в мире женщина премьер-министр.

⁴ Arhiv Jugoslavije. Kabinet Predsednika Republike (AJ. KPR). I—1/1298. Odgovor Predsednika UARA Gamal Abdel Nasera, Predsedniku Republike Josipu Brozu Titu. 3.12.1963.

⁵ В Китае закрытый доклад был воспринят как прямая критика всей идеологической и политической деятельности Мао Цзэдуна. Осуждая советский подход к децентрализации и видя в этом причину ослабления единства социалгера, китайская сторона одновременно претендовала и на увеличение собственной роли в международном коммунистическом движении.

⁶ См. Congresul al III-lea al Partidului Muncitoresc Român, 20—25 iunie 1960. București, 1960.

⁷ Подробнее см. *Čavoški J.* Jugoslavija i kinesko-indijski konflikt 1959—1962. Beograd, 2009.

⁸ Это положение предусматривало представление Югославии таможенных льгот, а также преимуществ в отношении внутренних налогов и сборов, которыми облагается производство, обработка и обращение импортируемых товаров. Об отмене и восстановлении режима наибольшего благоприятствования подробнее см. *Bogetić D.* Uvođenje američkih ekonomskih restrikcija Jugoslaviji tokom 1962 — ukidanje statusa «najpovlačnije nacije» // *Istorija XX veka.* 2009. №1. S. 88.; *Новосельцев Б.С.* Югославско-американские отношения в начале 1960-х гг. // *Славянский альманах 2012. М., 2013.*

⁹ См. *Dimlomatski arhiv saveznog ministarstva spoljnih poslova (DASMP).* Politička arhiva (PA). 1965. SSSR. f-158. 420547. Beleška o zvaničnim razgovorima Koča Popović-Gromiko. 10.7.1961.)

¹⁰ См. *Skupovi nesvrstanih zemalja.* Beograd, 1974. S. 39—58.

¹¹ См. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17 — 31 октября 1961 г. Стенографический отчет. Т. 1—3. М., Госполитиздат. 1962.

¹² Западноевропейские страны объединяли организация Европейского экономического сообщества (1957—1993 гг.) и так называемый Общий рынок. Экономическое сотрудничество стран социалистического лагеря происходило в рамках Совета экономической взаимопомощи (1949—1991 гг.).

¹³ См. *AJ.* KPR. I—1/992.

¹⁴ *Ibid.* I—1/992. *Odgovor Predsednika Ministarskog Saveta SSSR-a Nikite Hruščova.* 28.4.1962.

¹⁵ Обвинения были связаны с принятой в 1958 г. новой «Программой Союза коммунистов Югославии». По мнению советской стороны, «Программа СКЮ» «усматривает коренную причину международной напряженности не в агрессивной политике империалистической реакции, а в существовании двух военно-политических блоков и борьбе между ними за сферы влияния»; при этом «не проводится принципиальных различий между политикой социалистических и империалистических стран»; «проводится мысль, что стремление к гегемонизму и эксплуатации малых стран, присущее великим державам в эпоху капитализма, продолжает будто бы существовать и внутри социалистической системы» (*AJ.* F. 507/IX (Komisija za međunarodne odnose i veze CK SKJ). Далее — *CK SKJ.* 507/IX *CK SKJ.* 507/IX. 119/1—117. *Pismo sekretara CK KPSS N.S. Hruščova, J.B. Tito i CK SKJ.* 5.4.1958). По словам авторов «Программы», «метод разделения на сферы интересов и другие подобные политические формы нашли свое выражение еще на конференции глав союзных стран в Тегеране, Ялте и Потсдаме, а продолжались и в послевоенный период». Они утверждали, что «разделе-

ние мира на блоки препятствует осуществлению идеи сосуществования, противоречит полной независимости и суверенности народов и государств». (Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 3. Оп. 12. Д. 360. Л. 100. Постановление Президиума ЦК КПСС «О рассылке членам и кандидатам в члены ЦК КПСС, членам Центральной Ревизионной Комиссии, первым секретарям ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии материалов в связи с VII съездом Союза коммунистов Югославии»). Таким образом, заключали в Москве, «проект программы выступает против самого существования социалистического лагеря, всячески опорочивает установившиеся между социалистическими странами отношения». (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 207. Л. 113).

Кроме того, советская сторона критиковала тезис, согласно которому наряду с революционным, существует также эволюционный путь строительства социализма и обвиняли югославских коммунистов во враждебном отношении «вообще ко всякому государству». Подчеркивалось, что и буржуазное, и социалистическое государство рассматривается югославскими партийными теоретиками как сила, стоящая над народом, которая по мере совершенствования общественно-политической системы должна отмереть. Это «привело на практике к ослаблению роли государства в экономике, что нарушило ее стабильное развитие и привело к образованию диспропорций в народном хозяйстве». Отмечалось, что «под флагом сращивания государства и партийного аппарата югославами по существу отрицается руководящая роль политической партии рабочего класса в социалистическом государстве». Ей отводилась лишь роль «идеологического фактора», «фактора развития социалистического сознания» (Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 144. Оп. 26. П. 62. Д. 30. Л. 36—41. О программе СКЮ и некоторых изменениях в теоретических взглядах и практической деятельности СКЮ за последние годы. 18.6.1965).

¹⁶ AJ. KPR. I—2/16—1. Put J.B. Tita u SSSR 3—20.12.1962 // Poseta Generalnog Sekretara Saveza Komunista Jugoslavije, Predsednika FNRJ Josipa Broz Tita Sovjetskom Savezu.

¹⁷ Ibid. I—3-a/101—52. Poseta Predsednika Soveta Ministra SSSR-a Nikite Sergejevića Hruščova 20.8—3.9.1963 // Materijal za političke razgovore.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ В качестве примера можно привести чуть более позднюю по времени встречу югославского посла в СССР Цветина Миятовича с советскими государственными и партийными руководителями (26 февраля 1965 г.). В ходе переговоров А.И. Микоян и А.Н. Косыгин

подняли вопрос об изменении Программы СКЮ, особенно тех ее частей, где была сформулирована позиция по отношению к СССР и другим социалистическим странам. Микоян довольно грубо заявил: «Вы не имели храбрости открыто говорить о неправильных позициях в Программе» (См. DАSMIP. PA. 1965. SSSR. f—158. 446045. Beleška o razgovoru ambasadora Cvijetina Mijatovića sa sovjetskim rukovodiocima. 26.2.1965).

²¹ Согласно новой Конституции Югославии, принятой в апреле 1963 г., государство получило название Социалистическая Федеративная Республика Югославия, что подчеркивало его социалистический характер.

²² АЈ. СК СКЈ. 507/IX. 119/1—69. Декларация об отношениях между Союзом коммунистов Югославии и Коммунистической партией Советского Союза.

²³ Ibid. KPR. I—3-a/101—52. Poseta Predsednika Soveta Ministra SSSR-a Nikite Sergejevića Hruščova 20.8—3.9.1963 // Materijal za političke razgovore.

²⁴ Заголовок документа.

²⁵ Вместе с Н.С. Хрущевым на отдых в Югославию приехали секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов, члены ЦК КПСС первые секретари Московского горкома и Ленинградского обкома КПСС Н.Г. Егорычев и В.С. Толстиков.

²⁶ 14 марта 1963 г. в «Правде» было опубликовано письмо ЦК КПСС в адрес ЦК КПК от 21 февраля и ответное письмо ЦК КПК от 9 марта. Новое письмо ЦК КПСС, датированное 30 марта, было опубликовано 3 апреля, оно повторяло основные положения итогового документа большого московского совещания компартий 1960 г. Ответное письмо ЦК КПК от 14 июня было опубликовано 14 июля 1963 г.

²⁷ Й. Броз-Тито в последний раз перед этим посетил СССР в декабре 1962 г.

²⁸ Бурное строительство в СССР началось в последние годы И.В. Сталина и еще больше интенсифицировалось после его смерти. Была поставлена цель за десятилетие решить проблему нехватки квартир. Государство поддерживало создание строительных кооперативов, которые позволяли покупать квартиры по очень выгодным условиям (15—30% участия) и долгосрочную выплату кредитов (15 лет) с маленькими процентными ставками (0,5%). Процесс строительства стал более индустриальным. Благодаря этому квартирный фонд в СССР увеличился в два раза за десятилетие (с 1955 по 1964 гг.) Принцип дешевого строительства, при котором внешние стены конструкции достаточно широкие, а перегородки между комнатами тонкие, Хрущев предлагал и македонским политическим функционерам во время посещения разрушенного землетрясением Скопье. Дома, по-

строенные по этому принципу (так называемые «хрущевки»), рассматривались как временные. Считалось, что со временем, с наступлением «зрелого социалистического общества» создадутся условия для радикального улучшения качества жизни рабочего класса.

Вместе с тем, жилищная проблема не была окончательно решена и в конце 1970-х гг. Не решена она и до сих пор, а «хрущевки» продолжают активно эксплуатироваться по сей день, составляя в некоторых городах значительный процент жилого фонда.

²⁹ 27 января — 5 февраля 1959 г.

³⁰ Засуха 1963 г. заставила руководство СССР закупать зерно у других стран.

³¹ Декабрьский пленум ЦК КПСС 1963 г. См. доклад Н.С. Хрущева «Ускоренное развитие химической промышленности — важнейшее условие подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа» (Правда. Московский вечерний выпуск. 1963. 9 декабря. Постановление по докладу датируется 13 декабря (См.: Правда. 1963. 16 декабря).

³² Прогнозы не оправдались. Население СССР к этому времени немногим превышало 250 млн. человек.

³³ Речь идет о попытке смещения Хрущева его соратниками по Президиуму ЦК КПСС с должности первого секретаря ЦК КПСС в июне 1957 г. См.: Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.

³⁴ Имеется в виду сокращение расходов на оборону. Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский (1898—1967 гг.) был министром обороны СССР в 1957—1967 гг.

³⁵ Ефим Павлович Славский (1898—1991 гг.) в 1957—1986 гг. занимал пост министра среднего машиностроения СССР, органа, осуществлявшего управление советской атомной промышленностью.

³⁶ Пленум ЦК КПСС по идеологии состоялся 18 — 21 июня 1963 г.

³⁷ Здесь Н.С. Хрущев имеет в виду политику мирного сосуществования, ставшую после XX съезда КПСС (1956 г.), принятия III Программы КПСС (1961 г.) и Карибского кризиса (1962 г.) основой его внешней политики.

³⁸ 9 июля 1962 г. П. Тольятти в беседе с послом СССР в Италии С.П. Козыревым просил избрать в Академию художеств СССР известного итальянского художника члена компартии Ренато Гуттузо, хотя его творческая манера довольно сильно отличалась от канонов социалистического реализма, утвердившихся в СССР (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 145. Л. 127). В том же году Гуттузо был избран почетным членом Академии художеств.

³⁹ Известный писатель В.П. Аксенов родился в семье партработника, председателя исполкома горсовета г. Казани. Родители были

репрессированы и заключены в лагеря. Некоторое время находился в детдоме для детей «врагов народа», откуда его, пятилетнего, забрала сестра отца. С 16 лет жил в Магадане, где была на поселении его мать Евгения Гинзбург, впоследствии автор известной книги о сталинских репрессиях «Крутой маршрут».

⁴⁰ Отец поэта, Ш.С. Окуджава находился на партработе в Грузии, учился в Коммунистической академии в Москве, где и родился в 1924 г. Булат. В 1930-е годы работал на Урале. В 1934 г. был делегатом XVII съезда КПСС. В момент ареста в 1937 г. возглавлял горком индустриального города Нижнего Тагила (Свердловская область).

⁴¹ Н.С. Хрущев во главе советской партийно-правительственной делегации находился в Китае 28 сентября — 12 октября 1954 г., присутствовал на торжествах по случаю 5-летия КНР.

⁴² Подробнее см.: *Фурсенко АА, Нафтали Т.* Безумный риск. Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. М., 2006.

⁴³ В августе 1961 г.

⁴⁴ Находился у власти с января 1961 г.

⁴⁵ Речь идет о т.н. «инциденте у КПП Чарли» (26—28 октября 1961 г.)

⁴⁶ Впоследствии, при снятии Хрущева, его соратники резко критиковали его за авантюризм во внешней политике, едва не поставивший мир на грань новой мировой войны. Показателен отзыв А.Н. Шелепина: «кубинский кризис — авантюра. Жонглирование судьбами народа» (Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Т. 1. С. 865). Ср. с высказываниями А.И. Микояна: «подводный флот послать — сама идея на грани авантюры» (Там же. С. 869).

⁴⁷ Пассивность объяснялась нежеланием нарушить благоприятную тенденцию в развитии советско-французских отношений. Подробнее см.: *Обичкина Е.О.* Советское руководство и война в Алжире 1954—1962 гг. По материалам архива МИД РФ // Новая и новейшая история. 2000. № 1.

⁴⁸ Ахмед Секу Туре (1922—1984). Гвинейский политический и общественный деятель, писатель. Президент Гвинеи (1958—1984 гг.).

⁴⁹ Модибо Кейта (1915—1977). Лидер освободительного движения Мали. В 1950-е годы был сторонником диалога с Францией, депутатом французского Национального собрания, занимал должности во французской администрации в Африке. В 1960—1968 гг. президент Мали.

⁵⁰ Ахмед бен Белла (1918—2012). Алжирский государственный деятель. Премьер-министр Алжира (1962—1965 гг.). Президент Алжира (1963—1965 гг.).

⁵¹ Основу китайских внешнеполитических концепций составляло убеждение в том, что «сутью радикального классового конфликта является не соперничество советской и американской политики

силы, а борьба «богатых и нищих», «цветных и белых», «эксплуататоров и эксплуатируемых». Китайские лидеры считали, что «линия bipolarной конфронтации проходит через территории «Мирового Юга». Принимая во внимание лозунги борьбы против ревизионизма и других «отклонений» в международном коммунистическом движении, получалось, что «Югославия и СССР, по мнению китайцев, находились по другую сторону баррикад, как сторонники определенных идей «богатого Севера» (*Čavoški J. Jugoslavija i Daleki Istok — Treći Svet između Jugoslavije i Kine // Jugoslavija u hladnom ratu. Prilozi istraživanjima. Beograd, 2010. S. 66*).

⁵² Т.е. кроме партий, попавших под влияние Коммунистической партии Китая.

⁵³ Подробнее о развитии югославско-албанских отношений см. *Životić A. Jugoslavija, Albanija i velike sile (1945—1961). Beograd, 2011.*

⁵⁴ Д.Н. Айдит (1923—1965). Лидер индонезийской компартии, при Сукарно был членом Высшего консультативного совета, министром без портфеля. Стал жертвой антикоммунистического террора, развязанного военной хунтой после государственного переворота в сентябре 1965 г.

⁵⁵ В 1942 г. Нидерландская Ост-Индия была оккупирована Японией. После капитуляции Японии в августе 1945 г. была провозглашена независимость Индонезии, не признанная Голландией — бывшая метрополия пыталась с помощью вооруженных сил удержать за собой этот край, боевые действия продолжались до конца 1940-х годов.

⁵⁶ Субандрио (1914—2004). Индонезийский политический и государственный деятель. Министр иностранных дел Индонезии (1957—1966 гг.).

⁵⁷ Неизвестно, о какой шутке идет речь.

⁵⁸ Эмил Боднэраш (1904—1976). На протяжении многих лет член Политбюро Румынской рабочей партии (Румынской коммунистической партии), министр обороны Румынии.

⁵⁹ 15—28 сентября 1956 г.

⁶⁰ Попытка смещения Ким Ир Сена с высшего поста в партийном руководстве была предпринята на пленуме ЦК Трудовой партии Кореи 31 августа 1956 г. Группа высокопоставленных коммунистов (в основном выходцы из Китая и ставленники Пекина) выступила с резкой критикой культа личности в расчете на поддержку большинства участников пленума. Однако Ким Ир Сен, заранее предупредивший своей агентурой о готовящейся акции, сумел предотвратить выступления в собственную защиту и путч не удался. Часть заговорщиков в те же дни сумела бежать в Китай, другие в начале сентября были лишены постов и исключены из партии, где готовилась крупномасштабная кампания чистки.

⁶¹ Маршал Пэн Дэхуай, член Политбюро ЦК КПК и министр обороны КНР, в период корейской войны 1950 — 1953 гг. командовал китайским добровольческим корпусом. Со времени корейской войны он находился в сложных отношениях с Ким Ир Сенем.

⁶² Пэн Дэхуай и А.И. Микоян приняли 23 сентября участие в работе внеочередного пленума ЦК Трудовой партии Кореи. Микоян, в середине июля 1956 г. успешно осуществивший миссию по смещению венгерского лидера М. Ракоши, поначалу пытался играть по схожему сценарию, однако вскоре из-за недостатка осведомленности в корейских делах решил уступить инициативу китайскому коллеге, который осознал, что расклад сил в руководстве ТПК делает маловероятным смещение Ким Ир Сена. Советский и китайский эмиссары ограничились тем, что взяли с корейского лидера обещание восстановить в партии участников августовского путча и их сторонников, не предпринимать крупномасштабных репрессий против своих оппонентов (особенно из прокитайской и просоветской фракций в партии; к последней по преимуществу относились советские корейцы, направленные начиная с 1945 г. в КНДР для оказания помощи в строительстве социализма). Это обещание было нарушено им в конце 1957—1958 гг. Побывав в ноябре 1957 г. в Москве на совещании компартий, Ким Ир Сен мог убедиться в том, что как в руководстве КПСС, так и в руководстве КПК уже не выступают за изменение статус-кво в Северной Корее. Это дало ему решимость по возвращении домой нанести мощный удар по всем своим политическим противникам. При этом на пленуме ЦК ТПК в декабре 1957 г. даже звучала критика советского и китайского руководств за проявления великодержавно-шовинистической политики в отношении КНДР. События 1956—1957 гг., приведшие в итоге к резкому возвеличению Ким Ир Сена над своими соперниками, сыграли решающую роль в формировании северо-корейского коммунистического режима во всей его специфике. См. подробно: *Ланьков А.Н.* Август, 1956 год. Кризис в Северной Корее. М., 2009.

⁶³ Соответствующие высказывания не нашли отражения в известных записях бесед. Хрущев встречался с Мао в Пекине в 1954, 1958, 1959 гг., в Москве в ноябре 1957 г.

⁶⁴ Имеется в виду не оправдавшая себя политика большого скачка, создания народных коммун и т.д.

⁶⁵ Речь идет о корректировке программы британской компартии в 1945—1946 гг. Гарри Поллит (1890—1960) был в 1941—1956 гг. ее генеральным секретарем, а затем председателем исполкома партии.

⁶⁶ Записи бесед Н.С. Хрущева с Мао Цзэдуном 31 июля — 3 августа 1958 г. опубликованы: *Новая и новейшая история*, 2001, № 1.

⁶⁷ Не нашло отражения в известной записи встречи.

⁶⁸ Статья Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения» была опубликована в «Правде» 2 марта 1930 г. В ней предлагалось устранить «перегибы на местах», которые объявлялись плодом самостоятельности излишне ретивых исполнителей, якобы неправильно трактовавших «генеральную линию партии» на сплошную коллективизацию сельского хозяйства в СССР.

⁶⁹ См. краткую запись заседания от 4 августа 1958 г.: Президиум ЦК КПСС. 1954 — 1964. Т. 1. С. 326—327.

⁷⁰ Речь идет о так называемой второй сессии VIII съезда КПК (май 1958 г.).

⁷¹ Имеются в виду репрессии, предпринятые после государственного переворота и свержения режима А.К. Касема в феврале 1963 г.

⁷² Гамаль Абдель Насер (1918—1970). Египетский военный и политический деятель. Премьер-министр Египта (1954—1962 гг.) Президент Египта/Объединенной Арабской Республики (1956—1970 гг.).

⁷³ Дэн Сяопин (1904—1997). Китайский политический деятель, один из руководителей Коммунистической партии Китая. Фактический руководитель КНР в конце 1970-х — начале 1990-х гг.

⁷⁴ Речь идет о переговорах делегаций КПСС и КПК 5 — 20 июля 1963 г. в Москве, призванных способствовать разрешению спорных вопросов, но не имевших успеха.

⁷⁵ Имеется в виду письмо ЦК КПСС в адрес ЦК КПК от 29 ноября 1963 г. с изложением широкой программы нормализации двусторонних отношений.

⁷⁶ Правда. 14 июля 1963 г.

⁷⁷ Госсекретарь США Д. Раск находился в Москве 3—10 августа 1963 г. в связи с подписанием 5 августа представителями СССР, США и Великобритании договора о запрещении ядерного оружия в трех средах. 9 августа был принят Хрущевым в Гаграх (См.: Правда. 1963. 10 августа).

⁷⁸ Международно-правовое урегулирование ситуации вокруг Западного Берлина произошло с подписанием четырехстороннего соглашения 3 сентября 1971 г.

⁷⁹ От практики создания промышленных и сельскохозяйственных обкомов отказались вскоре после отставки Хрущева, на ноябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г.

⁸⁰ Совет народного хозяйства СССР был образован в октябре 1962 г., в марте 1963 г. в качестве высшего органа территориального управления промышленностью и строительством был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) СССР, существовавший до октября 1965 г.

⁸¹ Высший совет народного хозяйства при Совнаркоме СССР был создан в начале декабря 1917 г. «в качестве органа осуществления эконо-

номической диктатуры и центра организации народного хозяйства», обладал широкими полномочиями. В дальнейшем подвергался реорганизациям. Существовал до 1932 г.

⁸² О развитии югославской экономики подробнее см. *Шахин Ю.В.* Югославия на пути модернизации: 1947—1961 гг. М., 2008.

⁸³ Н.С. Хрущев, вероятно, вспоминает заседание Президиума ЦК КПСС от 8 июня 1955 г. См. запись: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Т. 1. С. 51—54.

⁸⁴ Н.С. Хрущев скорее всего имеет в виду записку «К характеристике общественного и государственного строя современной Югославии», созданную по поручению Президиума ЦК КПСС при участии Д.Т. Шепилова. Однако она датируется 12 мая 1955 г., т.е. была подготовлена еще до поездки советской партийно-правительственной делегации в Белград. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Т. 2. С. 60—65. В записке отмечалось: «По экономической структуре, а также по классовой природе государственной власти Югославию нельзя отнести к государству буржуазного типа. Основные средства производства и государственная власть не находятся в руках эксплуататорских классов» (Там же. С. 64).

⁸⁵ Предыдущее посещение Н.С. Хрущевым Югославии состоялось в сентябре 1956 г.

⁸⁶ О ком идет речь, установить не удалось.

⁸⁷ Первый гидроагрегат Киевской ГЭС был введен в эксплуатацию в 1964 г., завершено строительство в 1968 г.

⁸⁸ Имеется в виду Удоканское месторождение меди в Забайкалье, одно из крупнейших в мире.

⁸⁹ Речь идет об эмбарго, наложенных США на поставку своими союзниками и другими государствами стратегических товаров в страны советского блока.

⁹⁰ Союз социалистического трудового народа Югославии.

СПИСОК АВТОРОВ

Белов Михаил Валерьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Исторического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Вишняков Ярослав Валерианович — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России

Войводич Михайло — член-корреспондент Сербской академии наук и искусств

Гибянский Леонид Янович — старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Гришина Ритта Петровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Гуськова Елена Юрьевна — доктор исторических наук, руководитель центра Института славяноведения РАН

Димич Любодраг — член-корреспондент Сербской академии наук и искусств, профессор Философского факультета Белградского университета

Игнатьев Роман Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Кович Милош — доктор наук, доцент Философского факультета Белградского университета

Никифоров Константин Владимирович — доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН

Новосельцев Борис Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

Радоевич Мира — доктор наук, профессор Философского факультета Белградского университета

Растович Александр — доктор наук, профессор Философского факультета Нишского университета

Силкин Александр Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Терзич Славенко — доктор наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Сербии в Российской Федерации

Филимонова Анна Игоревна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

Чуркина Искра Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Шемякин Андрей Леонидович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие..... 3

Раздел I

В путях традиционного общества

Р.Н. Игнатьев. «Последние времена» и традиционное общество в Сербии и России (1812—1912—2012) 8

Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX — начале XX вв. Приоритеты развития 22

К.В. Никифоров. От поли- к моноэтничности на Балканах (1912—2012 гг.) 65

Раздел II

Зигзаги взаимоотношений

М.В. Белов. Статья VIII Бухарестского мира и проект «адриатической экспедиции» 1812 г. (историографические заметки о постсоветской историографии) 80

И.В. Чуркина. Русские славянофилы и афера Матии Бана 92

Милош Кович. От Сан-Стефано к Берлину: сербский вопрос в переговорах между Россией, Австро-Венгрией и Великобританией 106

Славенко Терзич. Русский консул И.С. Ястребов о Старой Сербии 125

Я.В. Вишняков. Внутриполитическое положение Сербии после переворота 1903 года глазами российских представителей 135

Михайло Войводич. Миссия Николы Пашича в Петербурге в 1908 г. 165

Александар Растович. Сербский вопрос в политике Великобритании и России. 1912—1913 гг. 177

<i>Мира Радоевич</i> . Сербские левые и Советская Россия. «Туманы» Драгиши Васича.....	191
<i>Л.Я. Гибзианский</i> . Советский Союз и сербский военный переворот 27 марта 1941 года: историческая действительность, мифы, загадки.....	210
<i>А.С. Стыкалин</i> . Большие московские совещания компартий в ноябре 1957 г. и Союз коммунистов Югославии.....	265
<i>Любодраг Димич</i> . Югославско-советские отношения в начале 60-х гг. XX в.	312
<i>Е.Ю. Гуськова</i> . Переговорный процесс в Косове и Метохии 2006—2007 гг. и Россия.....	344
<i>А.И. Филимонова</i> . Косово и Метохия в 2012—2013 гг.: усилия международного сообщества и Приштины по интеграции севера	371

Раздел III

Публикации

«Неосмотрительное поведение низших чинов» полиции Королевства Югославия за год и восемь месяцев до убийства короля Александра Карагеоргиевича (февраль 1933 г.).....	412
Бану Савской бановины.....	415
Н.С. Хрущев о советско-югославских отношениях и роли прессы и журналистского сообщества в их налаживании (май 1957 г.).....	419
Запись беседы Н.С. Хрущева с делегацией югославских журналистов	426
«Сейчас все зависит от крепости и единства социалистических стран». Запись беседы Н.С. Хрущева и Й. Броз-Тито. 26 августа 1963 г.....	469
Запись беседы Н.С. Хрущева с Иосипом Броз Тито	476
<i>Список авторов</i>	508

Научное издание

Коллектив авторов

ИЗ ИСТОРИИ СЕРБИИ И
РУССКО-СЕРБСКИХ СВЯЗЕЙ
1812—1912—2012

Статьи печатаются в авторской редакции

Подписано в печать 25.06.2014 г.

Формат 60х90/16

Печать офсетная. Усл. печ. л. 32. Тираж 500 экз.

Издательский центр Института славяноведения РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Тел.: +7 (495) 938-17—80; факс +7 (495) 938-00—96

ISBN 978-5-7576-0313-1

9 785757 603131